

В. Е. ФОМИН

**АГРЕССИЯ
ФАШИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ
В ЕВРОПЕ**



СОЦЭКГИЗ

В. Т. Фомин

АГРЕССИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЕВРОПЕ

1933 — 1939 гг.

*Книжка Карильева
в дар
Зина Губкина
убога
Губкина
19.11.63.
С. Виноградова*

Издательство
социально-экономической
литературы
Москва · 1963

9(И)7

Ф 76

Фомин, Василий Тимофеевич

АГРЕССИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ЕВРОПЕ
1933—1939 гг. М., Соцэкгиз, 1963.
640 с.

9(и7)

Редактор *Н. Калашникова*

Младший редактор *В. Виноградов*

Оформление художника *Е. Адамова*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *Л. Уланова*

Корректоры *О. Воеводина, Г. Замани, С. Новицкая, Л. Чигина*

Сдано в набор 19 января 1963 г. Подписано в печать 5 апреля 1963 г.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумажных листов 10. Печатных листов
32,8. Учетно-изд. л. 32,6. Тираж 6000 экз. А01042. Зак. № 591

Цена 1 р. 50к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Мосгорсовнархоза,
Москва, Трехпрудный пер., 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящей работе рассматривается агрессивная политика фашистской Германии в Европе в годы, предшествовавшие второй мировой войне, главным зачинщиком которой являлся германский империализм. Исследование данной проблемы весьма актуально. «Мы вновь и вновь обращаемся к событиям второй мировой войны потому,— говорил Н. С. Хрущев на собрании представителей общественности Москвы 21 июня 1961 г.,— что как сама война, так и период, предшествовавший этой войне, позволяют народам извлечь весьма поучительные уроки»¹.

Прошло семнадцать лет после окончания войны. Еще не забыты огромные страдания и жертвы, вызванные ею, а те же силы, которые подготовили и развязали войну, снова находятся у власти в Западной Германии и пытаются ввергнуть человечество в новую катастрофу. Международная реакция, вдохновляемая империалистами США, как и четверть века назад, снова делает ставку на неоднократно битый германский милитаризм. Возрождение милитаризма, форсированное восстановление под командованием гитлеровских генералов регулярной массовой армии, которую американские империалисты вооружают ракетно-ядерным оружием и другими новейшими средствами массового уничтожения, привели к тому, что в Западной Германии складывается обстановка, чреватая опасностью новой войны. Действия западногерманских реванши-

¹ «Правда», 22 июня 1961 г.

тов с каждым днем приобретают все более наглый характер. Они открыто заявляют о своем намерении пересмотреть границы, установленные международными соглашениями, и выражают притязания на территории стран социалистического лагеря.

Взяв курс на развязывание тотальной термоядерной войны, германские империалисты стремятся вовлечь в нее на своей стороне главных участников Североатлантического блока. Новым шагом на этом пути является франко-западногерманский договор, подписанный 22 января 1963 г., оформляющий милитаристскую ось Бонн—Париж. Заключение этого военного договора еще более усиливает угрозу делу мира в Европе со стороны западногерманских милитаристов, пытающихся идти по стопам гитлеровцев.

Готовясь к новой агрессии, милитаристы стремятся вытравить из сознания народов ужасные преступления, совершенные против человечества германским империализмом, руки которого обогреты кровью десятков миллионов людей. С этой целью возрождение милитаризма в Западной Германии сопровождается усиленным идеологическим наступлением империалистической реакции, которая снова стремится оболванить немецкий народ, отравить его сознание ядом шовинизма и реваншизма. Большую роль в выполнении этой задачи империалисты отводят реакционным буржуазным историкам, псевдонаучные труды которых призваны реабилитировать германских монополистов, гитлеровских генералов, дипломатов и чиновников «третьей империи» — участников кровавых злодеяний и преступлений фашистского режима и идеологически обосновать новые агрессивные планы германских реваншистов.

При всем многообразии приемов и методов, с помощью которых реакционные буржуазные историки и публицисты извращают события, в их работах есть общие черты: стремление поставить историческую науку на службу реакционной политике своих империалистических правительств; отрицание исторических закономерностей в развитии общества, роли народных масс и классовой борьбы в истории и вместо этого выпячи-

вание второстепенных, случайных факторов (дипломатических и прочих конфликтов), роли отдельных личностей, ошибки которых будто бы и породили вторую мировую войну; ненависть к коммунизму, к мировому революционному движению, к Советскому Союзу; стремление извратить миролюбивую политику СССР и переложить на него ответственность за возникновение войны. Разоблачение планов и методов подготовки немецко-фашистской агрессии против народов Европы, критика многочисленных измышлений буржуазных историков—апологетов германского милитаризма и составляет основную задачу данной монографии.

Работа написана на основе изучения материалов архива Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками, публикаций документов правительства, верховного командования вооруженных сил, банков, монополий, акционерных обществ и других учреждений фашистской Германии, документов довоенных правительств других государств, мемуарной литературы и прессы.

На основе изучения многочисленных материалов и документов в монографии выделены три основных этапа агрессии фашистской Германии в Европе и ее подготовки к войне в 1933—1939 гг.

Первый этап — 1933—1937 гг. В эти годы немецко-фашистские империалисты особое внимание уделяли воссозданию военно-экономического потенциала страны и вооруженных сил; были изданы основные распоряжения о подготовке Германии к войне и созданы соответствующие учреждения (тайный военный кабинет и др.), которые осуществляли руководство скрытой подготовкой германской агрессии, ликвидированы ограничения, наложенные на Германию Версальским мирным договором, разработаны планы агрессии.

С конца 1937 г. начинается новый этап немецко-фашистской агрессии. Захват гитлеровской Германией Австрии, мюнхенский империалистический стовор и оккупация Судетской области Чехословакии — таковы важнейшие события этого периода, сыгравшие исключительную роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

С марта 1939 г. начинается третий этап немецко-фашистской агрессии, который перерастает во вторую мировую войну. Если в первые годы фашистской диктатуры гитлеровцы создавали видимость, что они послушно следуют советам правящих кругов Англии, Франции и США, проводят военные приготовления, а также совершают территориальные захваты в Европе в целях подготовки войны против Советского Союза, то теперь выросший и окрепший с помощью монополий США и других западных держав германский империализм открыто заявил свои притязания на колонии, рынки сбыта и источники сырья. Немецко-фашистские империалисты претендовали не только на территории ряда так называемых малых европейских стран, но и на владения своих соперников — Англии, Франции и США. Обострившиеся до предела империалистические противоречия не могли быть разрешены посредством новых компромиссов и частичных уступок. Развитие капиталистического хозяйства в конце 30-х годов полностью подтвердило правильность известного положения В. И. Ленина, что «при капитализме *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы *общеэкономической, финансовой, военной* и т. д. А сила изменяется *неодинаково* у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»¹.

Прямым следствием обострения империалистических противоречий и явилась вторая мировая война.

Разоблачение немецко-фашистского империализма и его агрессивной политики, раскрытие форм и методов подготовки войны являются важнейшей задачей марксистской исторической науки. Исследование данной проблемы оказывает большую помощь прогрессивным силам в их борьбе против возрождения западно-германского милитаризма, против новой военной угрозы, за сохранение мира.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 417.

ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В ГЕРМАНИИ — ОРУДИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПОДГОТОВКЕ СТРАНЫ К АГРЕССИВНОЙ ВОЙНЕ

1. Фашистский режим — террористическая диктатура наиболее империалистических элементов финансового капитала

Фашистский террористический режим, установленный в Германии 30 января 1933 г., являлся открытой диктатурой наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. В результате общего кризиса мировой капиталистической системы, начало которому положили первая мировая война и Великая Октябрьская социалистическая революция в России, до крайних пределов обострились все противоречия, присущие империализму. В Германии, как одном из слабейших звеньев мировой капиталистической системы, эти противоречия особенно ярко проявились в начале 30-х годов в обстановке глубочайшего экономического кризиса.

В связи с крайним обострением классовой борьбы существование парламентарного строя и других остатков буржуазно-демократических свобод стало помехой для сохранения господства германской буржуазии, а также препятствием к подготовке новой войны за передел мира. Поэтому германские монополисты все настойчивее искали спасения в установлении фашистской диктатуры.

Буржуазные и социал-демократические теоретики немало потрудились над тем, чтобы запутать вопрос

о классовой природе фашизма. Отто Бауэр характеризовал германский фашизм как «надклассовую власть» или «диктатуру люмпен-пролетариата», якобы подчинившую себе и пролетариат и буржуазию «как бесправных подданных». Для обоснования своих фальшивых теорий правые социал-демократы сознательно смешивали состав фашистской партии, который был чрезвычайно разношерстным, с ее классовым характером.

В настоящее время западногерманские реакционные историки и публицисты в целях реабилитации германских монополистов, приведших фашистскую партию к власти, подготовивших и развязавших вторую мировую войну, а ныне вновь играющих руководящую роль в Западной Германии, также скрывают связи гитлеровцев с монополистическим капиталом. Установление фашистской диктатуры они объясняют случайными причинами. Так, К. Д. Брачер¹ в работе «Крах Веймарской республики» не приводит даже широко известных фактов о сотрудничестве гитлеровцев с монополиями. Другой реакционный историк, Г. Хальгартен², хотя и упоминает о некоторых связях фашистской партии с монополиями, однако считает эти связи случайными. Подобно другим фальсификаторам истории Г. Хальгартен основную причину, обусловившую установление фашистской диктатуры в Германии, пытается найти в личности Гитлера, который будто бы обладал какой-то сверхъестественной, демонической силой.

Установление кровавой фашистской диктатуры не было единовременным актом, внезапно обрушившимся на немецкий народ, как это пытаются утверждать буржуазные фальсификаторы истории. Краху Веймарской республики предшествовал длительный период, когда империалистическая реакция шаг за шагом ликвидировала остатки буржуазно-демократических свобод и возрождала повиннистические, реваншистские силы.

¹ *K. D. Bracher, Die Auflösung der Weimarer Republik. Eine Studie zum Problem des Machtverfalls in der Demokratie, Stuttgart—Düsseldorf, 1959, S. 686.*

² *G. W. Hallgarten, Hitler, Reichswehr und Industrie. Zur Geschichte der Jahre 1918—1933, Frankfurt a/M., 1955, S. 90—91.*

Именно германские монополисты, и в первую очередь Стиннес, Крупп, Тиссен, Клёкнер, Маннесман, Шредер и другие представители финансовой олигархии, оказывали финансовую и политическую поддержку фашистской партии с момента ее возникновения и привели ее к власти.

Но ставка монополистов на фашистскую партию особенно усилилась с 1929 г., после начала величайшего в истории капитализма мирового экономического кризиса, развернувшегося на базе общего кризиса мировой капиталистической системы. Кризис охватил все отрасли народного хозяйства Германии. В особенности он поразил тяжелую промышленность: металлургическую, машиностроение и судостроение. Уровень промышленного производства в Германии в 1932 г. составлял в сравнении с 1929 г. только 59,4%¹.

Одновременно летом 1931 г. в Германии начался кредитный кризис. Произошел крах крупнейших немецких банков. В 1933 г. золотой запас центральных банков и правительства сократился в 10 раз по сравнению с 1929 г. (в 1929 г. он составлял 512 млн. золотых долларов, а в 1933 г. — 58 млн. золотых долларов)².

Экономический кризис нанес тяжелый удар по рабочему классу Германии, и без того изнывавшему под двойным гнетом своей и иностранной буржуазии. Сокращение производства привело к тому, что безработица достигла грандиозных размеров. В 1932 г. в Германии насчитывалось 6,041 тыс. официально зарегистрированных безработных, а действительное число безработных достигало 8 млн. человек. В 1933 г. число полностью безработных составляло 44,7% от общего числа промышленных рабочих.

Промышленный кризис переплелся с аграрным, что еще больше ухудшило положение трудящихся. Больше

¹ См. *О. Винцер*, 12 лет борьбы против фашизма и войны. Очерки по истории Коммунистической партии Германии в период с 1933 по 1945 год (далее — *О. Винцер*, 12 лет борьбы против фашизма и войны), М., 1956, стр. 13.

² См. «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I, М., 1937, стр. 43—95.

всего от кризиса пострадали мелкие и средние крестьяне. Огромных размеров достигли банкротства крестьянских хозяйств и их продажи с молотка, усилился процесс дифференциации в деревне. Под влиянием кризиса разорялись городские средние слои: ремесленники, кустари, мелкие торговцы, лавочники, которые пополняли многомиллионную армию обездоленных.

Перед отчаявшимися и возмущенными трудящимися массами Германии все более раскрывалась полная несостоятельность буржуазного общественного порядка. В стране нарастал революционный кризис.

В связи с тем что с началом экономического кризиса и обострением классовой борьбы СДПГ утратила свою роль главной опоры буржуазии, последняя все настойчивее требовала передачи власти фашистам. В августе 1932 г. в конфиденциальном бюллетене «Дейче фюрербрифе», издававшемся «Имперским союзом германской промышленности», появилась статья «Социальная консолидация капитализма». В ней содержалось признание, что после первой мировой войны буржуазия уже не в состоянии собственными силами удерживать власть. Поэтому буржуазия нуждается в постоянной поддержке партии, имеющей массовую базу. Такой партией многие годы была социал-демократическая партия, которая, как говорилось в статье, «спаяла пролетариат с буржуазным государством и парализовала революционную энергию рабочих». Однако экономический кризис разрушил эти достижения правых социал-демократов.

В этих условиях наиболее реваншистские круги финансового капитала все откровеннее делали ставку на фашистскую партию, программа которой соответствовала их планам в области внутренней и внешней политики. В связи с этим в 1929—1930 гг. еще больше усиливаются связи германских монополистов с гитлеровцами. В 1929 г. Тиссен пригласил Гитлера в Дюссельдорф, в главную квартиру «Стального треста», и представил его собранию трехсот крупнейших промышленников Рура. Здесь монополисты договорились усилить финансовую поддержку фашистской партии.

Тогда же Рурский угольный синдикат принял решение, чтобы предприниматели отчисляли с каждой проданной тонны угля 5 пфеннигов для финансирования фашистского движения. Отчисления только Рурского синдиката составляли 6 150 тыс. марок в год¹. Владельцы рурских угольных рудников, как члены руководимого Кирддорфом Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, вносили ежегодно в фонд фашистской партии 525 тыс. марок. Между монополистами развернулось соревнование за оказание помощи гитлеровской партии, за установление ее диктатуры. Как признает бывший гитлеровский генерал Мантейфель, «Гитлер сумел захватить власть потому, что угроза Германии со стороны большевизма в связи с усилением влияния коммунизма внутри страны стала настолько непосредственной, что за спасение от этого влияния... началось настоящее соревнование»².

После того как на выборах 1930 г. фашистская партия одержала крупный успех и еще более обнаружилось падение влияния других буржуазных партий и неспособность социал-демократов сдерживать растущее возмущение рабочих, магнаты финансового капитала стали оказывать еще большую поддержку гитлеровцам³.

9 июля 1931 г. Стайнес в письме к Гитлеру выражал свое согласие с программой фашистской партии. Он особенно восхищался гитлеровским проектом «расширения немецкого жизненного пространства на Востоке». Стайнес рекомендовал Гитлеру при первой же благоприятной возможности начать агрессивную войну. В качестве первой цели агрессии он назвал «Припятские болота и устье Дуная», т. е. нападение на СССР и страны Юго-Восточной Европы.

¹ W. Ulbricht, *Der faschistische deutsche Imperialismus* (1933—1945), Berlin, 1952, S. 14.

² «Итоги второй мировой войны». Сборник статей, М., 1957, стр. 32.

³ F. Klein, *Zur Vorbereitung der faschistischen Diktatur durch die deutsche Großbourgeoisie* (1929—1932) (далее — F. Klein, *Zur Vorbereitung der faschistischen Diktatur ...*). «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» N 6, 1953, S. 894.

Официальный союз монополистов, генералитета рейхсвера и прусского юнкерства с гитлеровцами был заключен 11 октября 1931 г. во время собрания германской империалистической реакции в Гарцбурге. В совещании участвовали бывший директор рейхсбанка Шахт, монополист Гугенберг, Гитлер, руководители милитаристского союза «Стальной шлем» Зельдте и Дюстерберг, представители «Пангерманского союза», кайзеровские генералы Сект, фон дер Гольц, принцы и др. В ходе совещания было достигнуто соглашение о создании так называемой национальной оппозиции, т. е. реакционного блока, первоочередной задачей которого являлось установление открытой террористической диктатуры финансового капитала посредством передачи власти фашистской партии¹.

Крупной вехой на пути подготовки монополистами фашистской диктатуры в Германии являлось совещание промышленников с Гитлером, состоявшееся 27 января 1932 г. в промышленном клубе в Дюссельдорфе. Среди трехсот присутствовавших были монополист Кирдорф, генеральный директор концерна Маннесмана Цанген, Крупп, президент калийного синдиката Август Дин, владелец «Среднегерманского стального треста» Флик, руководители концерна «ИГ Фарбениндустри» Дуисберг и Шмиц, крупнейший банкир фон Штраус, Феглер и др. Председательствовал владелец «Стального треста» Фриц Тиссен. Особый восторг собравшихся вызвало заявление Гитлера о намерении фашистов «искоренить марксизм в Германии», о переходе «от торговой политики в прошлом к земельной политике в будущем»² и о необходимости завоевания «жизненного пространства». В речи Гитлера нашли отражение агрессивные стремления немецкого монополистического капитала, добивавшегося

¹ Яльмар Шахт, стремясь умалить значение этого собрания реакционеров, в своих мемуарах пытается отрицать создание Гарцбургского блока и изображает это совещание как обычную «встречу» на курорте. *H. Schacht, 76 Jahre meines Lebens, Bad-Worishofen, 1953, S. 367.*

² *W. Ulbricht, Der faschistische deutsche Imperialismus (1933—1945), S. 18.*

реализации своей экспансионистской программы еще в годы первой мировой войны.

На следующий день на секретном совещании в замке Тиссена в Ландсберге хозяева «Стального треста» — Тиссен, Пенсен, Феглер — обсуждали с главарями фашистской партии конкретный план создания фашистского правительства, увеличения финансовой помощи нацистам и снабжения штурмовых отрядов оружием. Во время президентских выборов в марте 1932 г. Тиссен и другие монополисты открыто поддерживали кандидатуру Гитлера.

В то же время военно-промышленные концерны усиленно финансировали фашистскую партию и готовили ее к захвату власти.

Значительную роль в подготовке фашистской диктатуры сыграл международный империализм. Крупнейшие монополии США, Англии и Франции, связанные картельными соглашениями с немецкими концернами, были заинтересованы в милитаризации германской экономики, так как надеялись получить огромные прибыли на свои капиталовложения в Германии. Развитие экономического кризиса в Германии вызывало серьезные опасения за судьбу этих капиталов. В 1930 г. с немецкими монополиями было связано 1500 американских фирм. Американские вложения в германскую экономику составляли 5% национального дохода США. Значительные капиталовложения в Германии имели также монополисты Англии, Франции и других стран.

Еще задолго до установления фашистской диктатуры реакционные круги США и Англии установили контакт с гитлеровской партией. С 1923 г. автомобильный магнат США Генри Форд оказывал финансовую поддержку национал-социалистскому движению. Посредником между заправилami лондонского Сити и германскими монополиями был банкир Курт Шредер, связанный со «Стальным трестом» и являвшийся его агентом за границей. Шредер был опорой Гитлера среди финансовой олигархии. Видное место среди английских кредиторов Гитлера принадлежало главе нефтяного треста «Роял Датч Шелл» Г. Детердингу.

Часть английской и американской прессы открыто рекламировала Гитлера. Американские и английские газетные магнаты Херст, лорд Ротермир и Бивербрук вели тогда прогитлеровскую кампанию и доказывали необходимость установления фашистской диктатуры в Германии.

После выборов в рейхстаг в 1930 г. бывший президент рейхсбанка Яльмар Шахт направился в США, где он сделал около 50 докладов финансистам США, пропагандируя германский фашизм¹. Пропагандистская деятельность Шахта имела особое значение, так как Шахт пользовался большим авторитетом среди финансовой олигархии Соединенных Штатов.

Американская и англо-французская реакция рассматривала нацистов как силу, наиболее подходящую для подавления революционного движения в Германии и для организации антисоветских авантур. Иностранные монополии питали надежду, что после установления фашистского режима гитлеровцы направят свою экспансию на Восток — против Советского Союза, что являлось целью всей международной империалистической реакции. Таким образом, международная империалистическая реакция, руководствуясь своими узкоклассовыми интересами, также внесла свою лепту в подготовку и установление фашистской диктатуры в Германии.

Усиленно поддерживаемые германскими и международными монополиями, правительства Германии, возглавляемые ставленниками монополий, юнкерства и генералитета, осуществили в начале 30-х годов ряд реакционных мероприятий, подготовивших установление фашистской диктатуры. В первую очередь эти правительства начали бешеную атаку на трудящихся, на их демократические завоевания, на классовые организации. Снижались ставки заработной платы, удлинялся рабо-

¹ *H. Schacht, Abrechnung mit Hitler, Hamburg—Stuttgart, 1948, S. 5.*

Ныне Шахт пытается утверждать, что основной идеей, которую он проводил в своих лекциях, было стремление убедить правящие круги США в необходимости отмены репараций с Германии.

чий день, упразднялось социальное страхование, повышалась стоимость жизни. В то же время крупным капиталистам и аграриям предоставлялись новые миллионные субсидии. Правительство Папена провело ряд чрезвычайных мер против революционного движения. Оно пошло на такую крайнюю меру, как введение смертной казни за политические выступления против правительства.

Однако, несмотря на жестокие репрессии и преследования, несмотря на отказ социал-демократических лидеров от единства действий рабочего класса против фашистской угрозы, коммунисты вели героическую борьбу против чрезвычайных декретов, за сохранение буржуазно-демократических свобод, против фашизации страны. Эта борьба привела к значительному росту влияния коммунистической партии, что подтвердили выборы в рейхстаг, состоявшиеся 6 ноября 1932 г. На этих выборах за коммунистов было подано 5 980 тыс. голосов, т. е. на 697 тыс. голосов больше, чем на выборах, состоявшихся в июле этого года. В то же время результаты голосования свидетельствовали о начавшемся ослаблении влияния фашистской партии. Она потеряла свыше 2 млн. голосов. Рост влияния КПП и падение престижа фашистов серьезно встревожили заправил германских монополий. Они видели, что стоявшие у власти буржуазные партии были не способны предотвратить надвигающийся революционный кризис и обуздать рабочий класс. В связи с этим они и предприняли ряд мер в целях устранения разногласий в правящих кругах по вопросу о том, какой из буржуазных партий, претендовавших на руководящую роль в борьбе против революционного и демократического движения, должна быть вручена государственная власть. Попытки привлечь представителей фашистской партии в коалиционное правительство, в котором руководящая роль принадлежала бы лидерам старой традиционной реакционной партии монополистического капитала и юнкерства — немецкой национальной народной партии, натолкнулись на резкий отказ гитлеровцев, претендовавших на руководящую роль в установлении террористической диктатуры финан-

сового капитала. Кроме того, установление террористической диктатуры во главе с партией Гугенберга затруднялось тем обстоятельством, что эта партия не располагала значительной массовой базой. 2 декабря 1932 г. было образовано правительство генерала Шлейхера, которое должно было сгладить противоречия среди германских империалистов и подготовить установление фашистской диктатуры.

4 января 1933 г. в доме банкира Шредера состоялось одно из важнейших совещаний Гитлера с монополистами, а 7 января новое совещание, о котором Кирдорф писал: «В последний раз перед захватом власти встретились тогда еще раз в моем доме вожди хозяйства с А. Гитлером, Р. Гессом, Г. Герингом и другими руководящими лицами».

27 января 1933 г. в Берлине во время совещания Гитлера и Геринга с представителями крупных аграриев был решен вопрос о том, что в состав правительства Гитлера должны входить лидер немецкой национальной народной партии Гугенберг, а также граф Шверин-Крозиг, являвшиеся представителями финансовой олигархии и крупных аграриев-монархистов.

30 января фашистская партия захватила власть в Германии. В одном из крупнейших европейских государств была установлена открытая террористическая диктатура наиболее шовинистических, наиболее агрессивных кругов финансового капитала.

2. Всевластие монополий

С приходом фашистов к власти в Германии ускорился процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический, т. е. процесс слияния фашистского государства с всемогущими монополиями. Непосредственное вмешательство гитлеровского государства в капиталистическое производство в интересах финансовой олигархии вело к усилению гнета монополий, к безудержной милитаризации экономической и политической жизни страны в целях подготовки агрессивной войны.

«Гнет финансового капитала,— говорится в Программе КПСС, — непрерывно усиливается. Исполнительские монополии, сосредоточив в своих руках подавляющую часть общественного производства, господствуют над жизнью нации. Кучка миллиардеров и миллионеров бесконтрольно распоряжается всем богатством капиталистического мира, превращает жизнь целых наций в разменную монету во имя своих корыстных сделок. Финансовая олигархия баснословно обогащается. Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Резко усиливается бюрократизация всей хозяйственной жизни. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»¹.

Это определение государственно-монополистического капитализма, содержащееся в важнейшем марксистском документе нашей эпохи — Программе КПСС, полностью применимо для характеристики положения, сложившегося в фашистской Германии в 30-е годы.

Гитлеровская партия, фашистский государственный аппарат были целиком поставлены на службу монополистическому капиталу. Д. Мартин, возглавлявший отдел декартелизации американской военной администрации в Западной Германии, следующим образом характеризовал роль монополий в фашистской Германии. «Довоенные фильмы, — пишет он, — изображали маршировавших прусским шагом нацистов полновластными хозяевами Германии. Стоит, мол, Гитлеру скомандовать, и самые могущественные властители Германии донацистского периода бросаются выполнять его приказания, опасаясь возможных репрессий. Но после того как мы ознакомились с архивами на вилле Хюгель и порасспросили Альфреда Круппа и директоров его заводов, от этого впечатления не оста-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 338.

лось и следа. Гитлеру и его партии никогда не давали забывать, что своим приходом к власти они обязаны промышленникам и что они смогут добиться успеха только с помощью промышленников. В первые годы существования «третьей империи» Гитлер не принимал ни одного важного решения, не заручившись заранее поддержкой Круппов и других промышленников Рура и Рейнской области»¹. Не случайно Густав Крупп, концерну которого поручено ныне изготовление атомного оружия для бундесвера, в проекте своей речи, подготовленной для выступления в Берлинском университете 9 января 1944 г., писал, что германские промышленники «рассматривали великие намерения фюрера как свои собственные... и стали его верными последователями»².

Неограниченные права в Германии приобрели предпринимательские союзы, которые также внесли свою лепту в установление фашистской диктатуры, и в первую очередь «Имперский союз германской промышленности», возглавляемый Круппом. Уже вскоре после захвата власти фашистами Крупп писал: «... я поставил себе целью использовать данные мне полномочия, для того чтобы экономическую структуру промышленных союзов согласовать с политической необходимостью, затем новую организацию привести в полное соответствие с политическими целями имперского правительства...»³ Это согласование политики монополий с программой гитлеровцев, как мы видели, было достигнуто задолго до прихода фашистов к власти. Сейчас монополисты пожинали плоды своей победы.

В июне 1933 г. произошло слияние «Имперского союза германской промышленности» с «Объединением союза работодателей». Созданное на их основе «Имперское сословие германской промышленности» возглавил

¹ Д. Мартин, Братство бизнеса («Почтенные все люди...»), М., 1951, стр. 115.

² «Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками». Сборник материалов (далее—«Нюрнбергский процесс»), т. 2, М., 1952, стр. 265.

³ Ю. Кучинский, Очерки истории германского империализма, т. I, М., 1952, стр. 298—299.

Густав Крупп. Германские монополисты и аграрии ^{еще} в начале 30-х годов предпринимали попытки создать такой орган, которому бы подчинялось правительство и который бы определял экономическую и политическую жизнь государства. 5 октября 1931 г. на совещании крупнейших монополистов Германии бывший рейхсканцлер Куно, директор и председатель правления ряда фирм, сформулировал проект экономической программы правительства Брюнинга, которая была передана президенту Гинденбургу через его сына полковника Оскара, тесно связанного с германскими милитаристами. Проект предусматривал предоставление чрезвычайных полномочий правительству в целях пересмотра тарифных договоров на предмет сокращения зарплаты и ликвидации пособий по безработице и создание «Генерального совета хозяйства», который, как говорилось в документе, должен был являться учреждением, «стоящим над правительством»¹. Вскоре после установления фашистской диктатуры эта экономическая программа была осуществлена. 15 июля 1933 г. был создан «Генеральный совет хозяйства», в который вошли те же представители финансовой олигархии, которых еще в 1931 г. рекомендовал Куно: Фриц Тиссен — глава «Стального треста», Густав Крупп — пушечный король, Альберт Фёглер — от Бохумского объединения сталелитейной промышленности, Карл Сименс — король электрической промышленности, Курт Шредер — крупнейший банкир, Фридрих Рейнхарт — представитель наблюдательного совета «Коммерческого банка», Август Дин — генеральный директор калийного синдиката, Христиан Фишер — президент Центральной германской банковской ассоциации и банковских предприятий и др. Из 18 членов этого совета 12 являлись представителями финансово-промышленных кругов и крупнейших аграриев и 6 — представителями высшей государственной бюрократии и фашистской партии. Этот орган являлся концентрированным воплощением решающей роли моно-

¹ F. Klein, Zur Vorbereitung der faschistischen Diktatur... «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» N 6, 1953, S. 898, 900—901.

полистического капитала в гитлеровском рейхе. Вильгельм Пик еще в декабре 1933 г. называл этот совет подлинным правительством Германии¹.

Новый шаг в усилении господства монополий был сделан 27 февраля 1934 г. изданием закона о «подготовке органического построения германской экономики»², который сыграл важную роль в переводе всей экономики страны на рельсы подготовки к агрессивной войне. В соответствии с законом союзы предпринимателей наделялись большими правами, в их распоряжение передавался аппарат фашистского рейха и они превращались в своеобразные надгосударственные учреждения. Таким образом, этот закон создавал юридическую основу для установления всевластия финансового капитала.

Согласно закону создавалось шесть имперских хозяйственных групп (промышленности, ремесла, торговли, банков, страхования и энергетики)³. Им подчинялись 44 хозяйственные отраслевые группы, 350 специальных групп и 640 подгрупп. Эти различные специальные хозяйственные группы и хозяйственные союзы признавались «единственными представителями в своих отраслях»⁴. Такое запутанное на первый взгляд построение германской экономики устанавливало безраздельное господство в стране финансовой олигархии.

Закон об органическом построении германской экономики был пронизан принципом «фюрерства» («вождизма»). Во главе каждой хозяйственной группы были поставлены руководители, «вожди», крупные монополисты, которые пользовались неограниченной властью. Руководители каждой группы должны были составить ее устав и руководить своей группой в соответствии с принципами национал-социалистического государства.

Как только власть монополистического капитала окрепла, начался его поход против более мелких пред-

¹ См. В. Пик, Избранные произведения, М., 1956, стр. 119.

² «Reichsgesetzblatt», 1934, S. 185.

³ См. Ю. Кучинский, Очерки истории германского империализма, т. I, стр. 299.

⁴ «Reichsgesetzblatt», 1934, S. 185.

принимателей с целью подчинения их крупным монополиям. Наряду с господством гигантских монополий для Германии было характерно наличие относительно большого числа мелких и мельчайших предприятий. Идя к власти, национал-социалисты стремились заручиться поддержкой многочисленной массы средней и мелкой буржуазии Германии, страдающей от гнета монополий. В своей демагогической программе фашисты обещали ей «огосударствление» трестов, т. е. ликвидацию монополий и крупных банков. Однако, придя к власти, гитлеровцы по требованию своих хозяев-монополистов перешли в решительное наступление на мелкие и ремесленные предприятия. Это было вызвано также интересами военной мобилизации экономики, так как облегчалось регулирование потребления сырья, высвобождалась значительная часть квалифицированной рабочей силы, которая могла быть использована на военных предприятиях. В связи с этим 15 июля 1933 г. был издан закон «о принудительном картелировании»¹. На основании этого закона значительное число самостоятельных предприятий в принудительном порядке присоединялось к крупным монопольным объединениям.

Законом от 29 ноября 1933 г. было провозглашено принудительное объединение всех ремесленников и подмастерьев в так называемые цеховые организации, подчиненные «фюрерам», назначаемым правительством, и через их посредство монополиям.

Ни в одной другой стране власть монополистического капитала столь непосредственно не переплеталась с деятельностью органов государственной власти, а вся административная, политическая и судебная машина не была в такой неограниченной и прямой форме поставлена на службу монополистическому капиталу, как в фашистской Германии. Те самые монополисты, которые привели фашистов к власти, теперь с их помощью стали полными хозяевами Германии. Генеральный директор концерна Маннесмана Вильгельм Цанген был назначен Гитлером председателем «Импер-

¹ «Reichsgesetzblatt», 1933, Т. I, S. 488.

ского совета по вооружению» и «фюрером» имперской группы «Промышленность».

Огромная власть была предоставлена главе «Стального треста» Тиссену. Вскоре «Стальной трест» стал получать правительственные заказы на вооружение, что привело к его быстрому подъему. Монополист Густав Крупп, как уже отмечалось, поставил весь «Союз германских промышленников» на службу агрессивной политике.

30 мая 1933 г. в письме Шахту Крупп предложил в целях оказания финансовой поддержки нацистам из капиталов промышленников и банкиров создать «фонд Гитлера». Он согласился стать председателем этого фонда и выделил основной капитал — 4 738 446 марок — в фонд фашистской партии¹. В течение 1933—1939 гг. Крупп внес в кассу этой партии 12 млн. марок².

Гитлеровцы в свою очередь оказывали большое внимание заводам Круппа, этой германской фабрике оружия. Густав Крупп получил от Гитлера титул хозяйственного вождя (виртшафтсфюрера). Сын Круппа, Альфред, наследник владельца фирмы, вступил в фашистскую партию и получил чин группенфюрера СС³. К началу 1945 г. семье Круппа принадлежало 110 крупных предприятий в Германии и 41 за границей⁴. В 1943 г. капитал фирмы Круппа составлял свыше 2 млрд. марок. В фашистской Германии день 125-летнего юбилея фирмы Круппа, отмечавшийся в 1936 г., был объявлен национальным праздником.

Зловещую роль в подготовке гитлеровской агрессии сыграл крупнейший химический концерн «ИГ Фарбениндустри», который производил в годы войны вместе с дочерними предприятиями до 70% пороха, 100% каучука. После установления фашистской диктатуры руководители «ИГ Фарбениндустри» заняли крупные

¹ ЦГАОР, ф. 7445 (Материалы и документы Международного военного трибунала над главными немецкими военными преступниками), д. 4, л. 3.

² См. *К. Микульский*, Концерн Круппа, М., 1959, стр. 36.

³ См. там же, стр. 37.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1946, л. 4.

государственные посты. Директору концерна Шмицу в 1938 г. было присвоено звание руководителя «военного хозяйства». Генеральный директор «ИГ Фарбениндустри» Краух стал генеральным уполномоченным по специальным вопросам химического производства и руководителем имперского ведомства по развитию экономики. В сентябре 1935 г. в составе берлинского отдела концерна «ИГ Фарбениндустри» был создан орган по связи с военным командованием, а также отдел контрразведки, сотрудничавший с государственной контрразведкой «Абвер». Еще в 1934 г. концерн разработал подробные мобилизационные планы на случай войны, план ПВО. Эти планы были приняты в качестве основы для всей промышленности Германии.

Широкие международные картельные связи «ИГ Фарбениндустри» и других монополий использовались гитлеровцами в интересах развития внешней торговли, политической пропаганды, военно-экономической разведки, а также для получения военной и технической информации¹. Председатель правления концерна «ИГ Фарбениндустри» К. Бош в 1933 г. писал, что с приходом Гитлера к власти «новая волна доверия и уверенности прокатилась по германской промышленности...

Доверие, которое германские экономические интересы чувствуют к рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру, показало себя как могущественный фактор в оживлении германского предпринимательского духа...»².

Так с установлением фашистской диктатуры германские военно-промышленные концерны, сосредоточившие в своих руках подавляющую часть общественного производства и политическую власть, стремились подчинить всю жизнь немецкого народа целям собственного обогащения, чудовищного усиления милитаризма, подготовки и развязывания агрессивной империалистической войны.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1946, л. 4.

² Э. Генри, Гитлер против СССР. Грядущая схватка между фашистскими и социалистическими армиями, М., 1937, стр. 53—54.

3. Создание военно-полицейского государства

Сразу после установления фашистской диктатуры полностью раскрылось классовое лицо гитлеровцев как ставленников наиболее реваншистских, наиболее реакционных кругов монополистического капитала. Выполняя волю своих хозяев, фашистское правительство начало создавать государственно-политическую основу для превращения Германии в военно-полицейское государство.

Главную угрозу своему господству и политике милитаризации и подготовки войны гитлеровцы видели в сопротивлении трудящихся масс, руководимых коммунистической партией. Поэтому основной удар фашистской террористической диктатуры и был направлен против компартии. «Фашизм, — говорится в Программе КПСС, — направляет свой удар прежде всего против коммунистических партий, как наиболее последовательных, стойких и неподкупных защитников интересов рабочего класса и всех трудящихся»¹. После провокационного поджога рейхстага, 28 февраля 1933 г., КПГ была объявлена вне закона, а спустя некоторое время была запрещена СДПГ и разгромлены профсоюзы.

Наряду с применением методов кровавого террора, убийств и погромов гитлеровцы первоначально широко использовали Веймарскую конституцию и государственный аппарат для легального захвата власти. Однако вскоре после установления гитлеровской диктатуры был издан ряд законов, предоставлявших правительству Гитлера неограниченную власть.

28 февраля 1933 г. президентом Гинденбургом был подписан чрезвычайный декрет «В защиту народа и государства»², который по существу отменял Веймарскую конституцию. Предусматривалось дальнейшее ограничение личной свободы граждан; полиция получила неограниченные права для обысков и конфиска-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 359.

² «Das Dritte Reich in Dokumenten», hrsg. von W. Anger, Frankfurt a/M., 1957, S. 20.

ций. Производились так называемые шюцхафтен, т. е. аресты и заключение в тюрьмы без решения суда. Вводились драконовские наказания за нарушение этого декрета, среди которых особенно часто фигурировала смертная казнь. Чрезвычайный декрет давал фашистам формальное основание для террора, насилий, пыток и убийств противников гитлеровского режима.

После того как депутаты-коммунисты, являвшиеся наиболее последовательными борцами против фашизма и войны, были лишены парламентской неприкосновенности, арестованы или отправлены в концентрационные лагеря, 23 марта 1933 г. рейхстаг принял закон «О полномочиях»¹, предоставивший правительству Гитлера чрезвычайные полномочия. Согласно этому закону правительству передавались законодательные права, принадлежавшие прежде рейхстагу. Таким образом, рейхстаг по существу упразднился. Ст. 2 чрезвычайно расширяла компетенцию правительства, разрешая ему по собственному усмотрению изменять конституцию. Правительство получило право даже утверждать договоры с иностранными государствами. Принятием этого закона правительство фашистской Германии было облечено диктаторскими полномочиями как в области внутренней, так и внешней политики.

Осуществляя политику «унификации», гитлеровцы объявили о роспуске или слиянии с фашистской партией всех других буржуазных партий. На основании закона от 14 июля 1933 г. только национал-социалистская партия имела право на легальное существование². Таким образом, этот закон превращал фашистскую партию в правящую партию в стране.

Закон «О суверенном правителе Германской империи»³, изданный 1 июля 1934 г., гласил, что пост имперского президента объединяется в одном лице с рейхсканцлером, который стал именоваться фюрером. Рейхстаг был низведен до положения органа, регистри-

¹ «Das Dritte Reich in Dokumenten», hrsg. von W. Anger, S. 22.

² Там же, стр. 22.

³ «Reichsgesetzblatt», 1933, Т. I, S. 1016; W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, Berlin, 1957, S. 70.

рующего законы, принятые правительством. В 1934 г. он заседал 3 раза, в 1935 г. — 2, в 1936 г. — 1, в 1937 г. — 1, в 1938 г. — 1, в 1939 г. — 2 раза. 14 февраля 1934 г. был издан закон о ликвидации второй палаты рейхстага — рейхсрата. Представительства земель при имперском правительстве упразднились¹.

Проводя политику «унификации» государства, т. е. централизации, необходимой для подготовки страны к войне, гитлеровцы осуществили ряд мероприятий, которые ликвидировали автономию провинций и земель. Однако предметом особых забот гитлеровцев была Пруссия, реакционные, милитаристские традиции которой являлись их духовной школой. Прусские юнкеры в течение столетий поставляли кадры генералов, министров, высших чиновников, дипломатов, разрабатывали агрессивную шовинистическую идеологию и программу пресловутого «Дранг нах Остен». Гитлер рассматривал Пруссию как центр реакции, как базу агрессии на Востоке. В ней и в условиях фашизма сохранилось старое административное деление, а господство юнкерства еще более усилилось.

Гитлеровцы продолжали политику опруссачивания Германии. Ряд постов министров империи — внутренних дел, народного образования, продовольствия и сельского хозяйства, экономики, путей сообщения, а также вероисповедания — был объединен с соответствующими постами министров Пруссии.

Все ответственные должности в правительственных учреждениях, в муниципалитетах, а также должности судей в Германии были заняты нацистами. Во всех государственных учреждениях были созданы организации фашистской партии, которые строго следили за поведением чиновников². Происходило сращивание партийного и государственного аппарата. Сам Гитлер совмещал должности канцлера, фюрера партии и президента рейха. Риббентроп после назначения министром иностранных дел одновременно был генералом СС, рейхслейтером. Штрейхер являлся гаулейте-

¹ *W. Hofer*, *Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945*, S. 63—64.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 2496, л. 236.

ром Франконии, Заукель — Тюрингии¹. Наряду со значительным расширением государственных учреждений как орудия террористической диктатуры, увеличением государственного аппарата, слиянием его с аппаратом фашистской партии и назначением новых чиновников из состава фашистской партии гитлеровцы стремились привлечь на свою сторону старых чиновников, выходцев из аристократической среды. И это им легко удавалось.

Главарь нацистской партии и государства, генералы и крупные чиновники, так же как и монополисты, обогащались за счет грабежа немецкого и других народов. С этой целью была широко использована так называемая система дотаций, которая существовала при прусских королях и вновь была восстановлена гитлеровцами. Это была официальная «система» подкупа государственной администрации. Она заключалась в том, что генералам и другим чиновникам преподносились крупные подарки в виде денежных сумм или поместий в знак признания их «особых заслуг».

В 1939 г. министр хозяйства Функ получил от Гитлера в качестве подарка по случаю своего дня рождения 520 тыс. марок². Функ сделал «подарок» министру внутренних дел Фрику в сумме 250 тыс. марок³. Риббентроп получил 1 млн. марок. Кейтель в знак особого расположения Гитлера получил в качестве «дотации» крупную сумму денег и стал миллионером. Руководитель фашистской бюрократии Ламмерс в день своего 65-летия получил от Гитлера «подарок» в сумме 600 тыс. марок.

Нижестоящие чиновники в системе правительственной и партийной иерархии в фашистской Германии также систематически получали «подарки» от правительства и были взаимно связаны круговой порукой, системой подкупа, грабежа и других преступлений.

¹ Декретом правительства от 1 сентября 1939 г. эти 16 гаулейтеров были возведены в ранг министров, руководителей обороны. Позже каждая «гау» (область) стала областью обороны империи, а гаулейтер — комиссаром области.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 46, л. 420—423.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 40, л. 226.

Гитлеровская партия использовала государственный аппарат как послушное орудие своей диктатуры. Каждый чиновник являлся «фюрером» в своем ведомстве и обладал всей полнотой законодательной и исполнительной власти.

Захватив власть в стране, гитлеровцы чрезвычайно расширили государственный аппарат как путем создания ряда новых учреждений, так и за счет слияния аппарата монополий с государственным аппаратом. Число чиновников и служащих в фашистской Германии в государственных и коммунальных учреждениях с 1933 по 1939 г. выросло более чем в 2 раза и составило в 1939 г. 18,4% всего самодеятельного населения¹.

Установление фашистской диктатуры означало гигантское усиление аппарата террора и насилия. Террор наряду с фашистской демагогией являлся одним из главных орудий гитлеровцев, которое они широко использовали при подготовке войны. Объясняя причину применения политики кровавого террора, Геринг в 1934 г. писал: «Мы должны были безжалостно расправиться с этими врагами государства (т. е. антифашистами. — *В. Ф.*). Не следует забывать, что в тот момент, когда мы захватили власть, свыше 6 млн. человек официально голосовали за коммунизм и около 8 млн. за марксизм во время выборов в рейхстаг в марте 1933 г.»²

Сразу же после прихода гитлеровцев к власти была создана государственная тайная полиция (гестапо) сначала в Пруссии, а затем она распространила свою деятельность на всю Германию. Гестапо являлось одним из важнейших орудий террористической фашистской диктатуры. Оно контролировало всю общественную и частную жизнь немцев. В первую очередь агенты гестапо назначались на заводы и возглавляли заводскую охрану (так называемый веркшутц). Гестапо жестоко подавляло малейшее проявление протеста против фашистской диктатуры, применяя самые изуверские способы истязания своих жертв. Кроме того, геста-

¹ См. *И. М. Файнгар*, Очерк развития германского монополистического капитала, М., 1958, стр. 121.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 10, л. 347.

повцы следили за выполнением военных заказов, вели борьбу с саботажем на военных предприятиях и другими формами сопротивления фашизму.

Орудием террористической диктатуры являлись также многочисленные штурмовые (СА), охранные (СС) отряды национал-социалистской партии и так называемая служба безопасности (СД). Генрих Гиммлер — имперский руководитель СС, назначенный 17 июня 1936 г. главой германской полиции, — объединил органы полиции и отряды СС¹ в единую полицейскую службу, осуществлявшую кровавую политику расправы и подавления всех прогрессивных сил Германии.

Штурмовые отряды (СА)² являлись многочисленными организациями фашистских головорезов; с помощью резиновых дубинок и пистолетов они разгоняли политические собрания и демонстрации антифашистов. Финансируемые и поддерживаемые монополиями, СА обеспечили гитлеровцам захват власти, а затем вместе с другими подобными организациями стали важнейшим орудием террористической фашистской диктатуры.

Германские монополисты и банкиры непосредственно финансировали террористическую деятельность СА и гестапо. С этой целью еще в первые годы фашистской диктатуры был создан «кружок Кеплера — Гиммлера». Организатором кружка, включавшего около 30 монополистов, банкиров и высших офицеров СС, явился экономический советник Гитлера (в 1932—1938 гг.) Кеплер, который одновременно занимал посты председателя, заместителя председателя и члена наблюдательных советов многих промышленных фирм, в том числе «Континенталь — Ойль А. Г.» в Берлине,

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 692. До установления фашистской диктатуры в Германии не было единой полицейской службы, а отдельные провинции и земли имели собственную полицию.

² Штурмовые отряды (СА) были созданы гитлеровцами еще в 1921 г., а охранные отряды (СС) были образованы Гитлером в 1925 г. как избранная часть СА для охраны руководителей фашистской партии. В 1934 г. они выделились в самостоятельную организацию под руководством рейхсфюрера СС Гиммлера. См. «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 157—158.

«Германского опекунского общества по делам переселенцев» и др. В этот кружок помимо Кеплера входили Гиммлер, его адъютант К. Вольф, начальник главного экономического и административного управления СС О. Поль, крупный чиновник СС Олендорф, а также банкир Шредер, известный своими связями с английскими и американскими банками. Однако ведущая роль в этом кружке принадлежала председателю правления Дрезденского банка Карлу Реше, являвшемуся одновременно членом правления ряда других акционерных обществ. Если банк Шредера финансировал фашистскую партию, то Дрезденский банк был известен как эсэсовский банк. Он финансировал СС, их филиалы, главное управление имперской безопасности (РСХА), полицию безопасности (СД).

Члены кружка — Шредер, Реше и другие монополисты — ежегодно вносили в фонд гестапо 1 млн. марок. Реше сам внес значительную сумму. По его предложению правление Дрезденского банка ежегодно перечисляло в фонд гестапо 50 тыс. марок¹.

¹ В годы второй мировой войны в оккупированном англо-американскими войсками Кельне в папках банкира Шредера был обнаружен весьма ценный документ, разоблачающий тесную связь германских монополистов и банкиров с Гиммлером и гестапо. Это — письмо банкира Курта Шредера Гиммлеру от 27 августа 1943 г. в связи с назначением Гиммлера министром внутренних дел Германии. Хотя данный документ относится к более позднему периоду, однако он вскрывает цели кружка. «С большой радостью я узнал, — говорилось в письме, — о Вашем назначении на пост имперского министра внутренних дел и беру на себя смелость сердечно поздравить Вас с этим новым назначением. Сильная рука абсолютно необходима для управления этим министерством, и поэтому все без исключения, и в особенности Ваши друзья, с радостью приветствуют тот факт, что именно Вы назначены фюрером. Можете быть уверены, что мы сделаем все, что будет в наших силах, чтобы помочь Вам всеми возможными способами». Далее Шредер сообщал: «... я рад этому случаю, чтобы поставить Вас в известность относительно того, что наш «кружок друзей» снова предоставил в Ваше распоряжение в этом году для специальных целей сумму, которая намного превосходит миллион имперских марок». В письме сообщалось, что список лиц, которые внесли деньги, будет послан в ближайшее время.

Спустя месяц, 21 сентября 1943 г., во втором письме Курт Шредер привел список монополистов и банкиров, внесших этот кровавый миллион. Далее говорилось: «Мы очень рады оказать

Ведущая роль в системе фашистской диктатуры принадлежала национал-социалистской партии, которая являлась ядром фашистской тирании. Преступный корпус так называемых политических руководителей фашистской партии: рейхслейтеров (имперских руководителей), гаулейтеров (областных руководителей), крейслейтеров (окружных руководителей), целленлейтеров (районных руководителей), ортсgruppenлейтеров (местных руководителей), блоклейтеров (руководителей нацистской партии городского квартала) — насчитывал до 600 тыс. человек и являлся неотъемлемой частью гитлеровской террористической диктатуры. Так, например, в справочнике фашистской партии о функциях блоклейтера говорится: «Его долг — обнаруживать людей, сеющих враждебные слухи, и доставлять их в ортсгруппы (местные группы фашистской партии.— *В. Ф.*), с тем чтобы они могли быть переданы соответствующим государственным властям». На основании донесений блоклейтеров, которые вели специальную картотеку жителей своего квартала, людей без суда и следствия бросали в концентрационные лагеря.

Полицейская, террористическая деятельность гитлеровцев получила одобрение и поддержку всей международной империалистической реакции. Как показал на Нюрнбергском процессе начальник отдела государственной безопасности гитлеровского министерства внутренних дел Вернер Пест, фашистская тайная полиция тесно сотрудничала с полицией других империалистических стран. В этих целях использовалась так называемая международная полицейская комиссия, находившаяся в Вене. В 1939 г. начальник гестапо Гейдрих стал ее председателем. На конференции «политической полиции», созванной гестапо в 1939 г. в Берлине, присутствовали представители полицейских учреждений 50 государств¹.

Вам некоторую помощь в выполнении Ваших специальных задач и облегчить для Вас деятельность в Ваших все расширяющихся сферах». «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, Washington, 1946, p. 1052.; ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 132.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 32, л. 96.

Многие офицеры полиции иностранных государств слушали в Германии специальный курс лекций и проходили практику в гестаповской школе, где изучали опыт борьбы фашизма с демократическим и революционным движением. Гитлеровская Германия являлась для международной реакции школой контрреволюционного террора.

Таким образом, словно щупальцами гигантского спрута немецкий народ был опутан всевозможными террористическими организациями фашизма, контролировавшими всю общественную и частную жизнь населения. За каждым фашистским законом или декретом стояла угроза сурового наказания смертной казнью, заключения в концентрационный лагерь или каторжную тюрьму. Методами жестокого полицейского террора и насилий гитлеровцы стремились сломить у немецкого народа дух сопротивления варварской политике фашизма и превратить его в послушное орудие для осуществления своих агрессивных планов.

4. Тайный военный кабинет

Помимо официальных государственных и партийных учреждений, занимавшихся подготовкой страны к войне, в фашистской Германии был создан тайный государственный аппарат, облеченный чрезвычайными полномочиями. Его основной задачей было руководство мобилизационными мероприятиями в целях подготовки войны. На Нюрнбергском процессе немецкие военные преступники пытались отрицать наличие в фашистской Германии тайных правительственных учреждений, специально занимавшихся подготовкой страны к агрессивной войне. Но когда под тяжестью улик эти преступники вынуждены были признать существование таких организаций, они пытались доказать, что законы о создании подобных учреждений будто бы имели только формальный характер и эти учреждения в действительности не функционировали, а если что и делали, то только в целях подготовки Германии к «обороне» от угрозы со стороны какого-то мифического противника.

Мейснер, Папен, Шахт, Шверин-Крозиг и другие, принимавшие непосредственное участие в создании и деятельности тайных правительственных учреждений, придерживаются подобной же тактики. Реакционные западногерманские историки Мау, Краусник, Макс Браубах, Хофер, Ангер и другие в своих исторических «исследованиях» вовсе не упоминают о существовании этих учреждений.

Лишь Герхард Мейнк в статье «Имперский совет обороны»¹ и бывший начальник организационного отдела вермахта (ныне генерал бундесвера) Мюллер-Гиллебранд² приводят ряд фактов, характеризующих деятельность этих тайных правительственных учреждений фашистской Германии. Однако и они стремятся умалять роль этих организаций в подготовке войны, не показывают их связей с монополиями.

В первые годы своей диктатуры гитлеровцы вынуждены были особенно тщательно скрывать мероприятия, проводившиеся ими в целях подготовки войны. Это вызывалось двумя обстоятельствами. Во-первых, Гитлер и его клика вынуждены были еще считаться с формальными ограничениями, наложенными на Германию Версальским договором. Хотя уже в 1927 г. Германия добилась упразднения военной контрольной комиссии союзников, однако, чтобы не возбуждать мировое общественное мнение, гитлеровцы вынуждены были маскировать свою военную подготовку.

Во-вторых, это было вызвано антивоенными настроениями широких народных масс самой Германии, еще не забывших печальных уроков первой мировой войны. Только после ряда лет политики кровавого террора, после длительного идеологического растления немецкого народа гитлеровцы смогли открыто провозгласить восстановление агрессивного вермахта и приступить к осуществлению планов агрессии.

¹ G. Meinck, Der Reichsverteidigungsrat. «Wehrwissenschaftliche Rundschau» N 6, 1956, S. 412—422.

² См. Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, М., 1956, стр. 126. Следует отметить, что данный вопрос и в марксистской литературе исследован недостаточно.

Для непосредственного руководства и координации военных приготовлений гитлеровцы сразу же после захвата власти создали наряду с существующими официальными государственными и партийными учреждениями параллельно действующие тайные учреждения, которые фактически были не чем иным, как исполнительными органами монополий. Законы и распоряжения о создании этих учреждений не получили отражения в официальных правительственных изданиях Германии, а также в периодической печати. Сведения о деятельности тайного государственного аппарата тщательно скрывались.

Создание особых правительственных учреждений для руководства военными приготовлениями было выражением политики государственно-монополистического капитализма, который получил в Германии свое развитие еще в годы первой мировой войны. Немецкие монополии использовали этот аппарат для «регулирования» экономики, т. е. для перестройки ее в целях подготовки захватнической войны, а также усиления эксплуатации трудящихся масс.

Как указывал на Нюрнбергском процессе генерал Томас, бывший начальник штаба военной экономики военного министерства, основы централизованного управления страной для подготовки к войне были заложены до прихода гитлеровцев к власти¹. Зимой 1929/30 г. начальник организационного отдела управления рейхсвера в военном министерстве Кейтель воссоздал так называемый Комитет референтов по вопросам обороны империи, состоящий из представителей различных имперских министерств. В его задачу входила координация военных мероприятий, проводимых различными ведомствами. Г. Мейнк пишет, что о существовании этого комитета было известно рейхсканцлерам Мюллеру, Брюнингу и имперскому министру внутренних дел Зеверингу².

Через два месяца после установления фашистской диктатуры, 4 апреля 1933 г., был издан секретный

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, p. 350.

² G. Meinck, Der Reichsverteidigungsrat. «Wehrwissenschaftliche Rundschau» N 6, 1956, S. 412.

закон о создании «Имперского совета обороны»¹ — важнейшего правительственного органа по руководству подготовкой страны к войне. Председателем «Имперского совета обороны» являлся Гитлер, заместителем председателя — военный министр Бломберг, членами совета были назначены имперский министр хозяйства Шмидт, министр финансов Шверин-Крозиг, министр иностранных дел Нейрат, министр внутренних дел Фрик, министр пропаганды Геббельс и др. Кроме десяти постоянных членов совета на его заседания могли приглашаться другие министры, а также монополисты (так называемые вожди хозяйства). Как признает бывший начальник организационного отдела генштаба гитлеровской армии генерал Мюллер-Гиллебранд, этот орган «являлся своего рода узким военным кабинетом министров и должен был координировать чисто военные мероприятия по подготовке к войне с политическими, экономическими мероприятиями и мероприятиями в области пропаганды»². Решающая роль в этом кабинете принадлежала военному министру Бломбергу, который нес ответственность за осуществление его решений и имел право в вопросах подготовки к войне давать руководящие указания другим министерствам и ведомствам.

Создание военного кабинета имело большое значение для активизации военных приготовлений во всех государственных учреждениях фашистской Германии. Вся практическая деятельность «Имперского совета обороны» осуществлялась через его исполнительный орган — постоянно действующий рабочий комитет. Этот комитет был создан на основе «Комитета референтов», существовавшего при военном министерстве в период Веймарской республики³. Он состоял из представи-

¹ См. Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 126. Названием «Совет обороны» гитлеровцы стремились замаскировать действительный характер этого тайного военного кабинета.

² Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 126.

³ G. Meinck, Der Reichsverteidigungsrat. «Wehrwissenschaftliche Rundschau» N 6, 1956, S. 416.

телей министерств — членов военного кабинета, именовавшихся референтами по государственной обороне, которые утверждались правительством. Возглавлял деятельность рабочего комитета и председательствовал на его заседаниях начальник войскового управления военного министерства: вначале — генерал Рейхенау, а с 1935 г. — полковник Кейтель.

Военный министр Бломберг в качестве заместителя председателя «Имперского совета обороны» использовал рабочий комитет для активизации и координации военно-мобилизационных мероприятий всех ведомств¹. «Теперь, — пишет Мюллер-Гиллебранд, — стало возможным практическое осуществление обсуждавшихся в течение длительного времени руководством рейхсвера проблем, связанных с превращением рейхсвера в современную армию»².

На заседании рабочего комитета обсуждались вопросы, связанные с работой отдельных ведомств по подготовке к войне: строительство вооруженных сил, их материально-техническое обеспечение, финансирование военных мероприятий, составление мобилизационных планов и т. д. Заседания рабочего комитета проводились в строжайшей тайне, гитлеровцы хранили под большим секретом все материалы о его деятельности. Сохранились лишь отдельные протоколы заседаний рабочего комитета. 23 мая 1933 г. комитет принял решение не вести никаких записей, чтобы не разглашать весьма секретных материалов, обсуждавшихся на его заседаниях. Подчеркивая особую важность этого заседания, Кейтель говорил: «Ни один документ не должен быть утерян, так как в противном случае вражеская пропаганда воспользуется этим. То, что сообщается устно, не может быть доказано, и мы сможем отрицать это в Женеве (т. е. на конференции по разоружению. — В. Ф.)»³.

¹ В войсковом управлении военного министерства, где находился и секретариат рабочего комитета, практически сосредоточивалась вся его деятельность.

² *Б. Мюллер-Гиллебранд*, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 127.

³ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, p. 96.

Анализ немногих сохранившихся данных о деятельности «Имперского совета обороны» позволяет раскрыть ту преступную роль, которую играла эта тайная государственная организация в подготовке войны. В течение четырех лет, с апреля 1933 по апрель 1937 г., состоялось 14 заседаний рабочего комитета, из них 5 заседаний в течение 9 месяцев с момента основания комитета.

22 мая 1933 г. на втором заседании рабочего комитета Кейтель заявил, что «Имперский совет обороны» срочно приступает к подготовке мероприятий на случай войны и что ответственность за финансирование подготовки войны возлагается на президента рейхсбанка Шахта¹. Эта задача стала центральной в последующей деятельности комитета. В 6-м заседании рабочего комитета, состоявшемся 13—24 января 1934 г., принимали участие начальник тайного генерального штаба генерал Бек, генерал Рейхенау, подполковник Иодль, майор Шпейдель и др.² Заседание открыл генерал Бек, который во вступительном слове охарактеризовал внешнеполитическое положение Германии. Представитель министерства финансов сообщил о состоянии финансирования мероприятий по подготовке к войне³; представитель министерства экономики — о выявлении важных в военном отношении предприятий и подготовке к составлению мобилизационного календаря.

На 10-м заседании рабочего комитета 26 июня 1935 г. обсуждался план оккупации демилитаризованной Рейнской зоны. Здесь была достигнута договоренность, что подготовка оккупации Рейнской зоны должна проводиться в большой тайне и что необходимо «всячески избегать внешнеполитических осложнений»⁴.

Весьма важным как по составу, так и по содержанию рассматриваемых проблем было 11-е заседание комитета, состоявшееся 6 декабря 1935 г. В нем приняли участие полковник Кейтель, занявший пост председателя комитета (вместо Рейхенау), подполковник Иодль,

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. II, p. 96.

² Там же, стр. 443—446.

³ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VIII, p. 447.

⁴ Там же, стр. 455—461.

полковник Томас, главнокомандующие трех видов вооруженных сил, представители нацистской партии, министерств и ведомств: юстиции, иностранных дел, экономики, сельского хозяйства, имперского и прусского министерств внутренних дел, рейхбанка и др.

На этом заседании, состоявшемся непосредственно перед оккупацией Рейнской зоны, обсуждались мероприятия, которые необходимо провести в области продовольственного снабжения, судостроения, импорта сырья из заморских стран, усиления и унификации полицейской службы в случае возможного возникновения конфликта в связи с оккупацией Рейнской зоны. Кейтель говорил о необходимости быстрее увеличения вооруженных сил на основе закона о введении всеобщей воинской повинности. Он также сообщил, что с 1 апреля 1936 г. будет введена мобилизационная книга для всей гражданской администрации¹.

12-е заседание рабочего комитета 15 мая 1936 г. открыл военный министр и главнокомандующий вермахтом Бломберг. Этот факт еще раз подчеркивает то обстоятельство, что «Имперский совет обороны» осуществлял всю свою деятельность через рабочий комитет и что последний являлся его важнейшей частью. Бломберг призвал присутствовавших направить все усилия представляемых ими ведомств на выполнение четырехлетнего плана подготовки к войне². На заседании обсуждались также вопросы о состоянии и задачах фашистской пропаганды как внутри страны, так и за границей, т. е. вопросы так называемой психологической подготовки войны³.

«Имперский совет обороны» представлял собой весьма солидный форум германских милитаристов: В его заседаниях обычно принимали участие около 60—70 монополистов, высших чиновников фашистского рейха, генералов. Здесь под руководством начальника

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VII, p. 459.

² Там же.

³ 14-е заседание происходило 13 апреля 1937 г. Протокол данного заседания не сохранился, но о нем имеется упоминание в дневнике Йодля. *G. Meinck, Der Reichsverteidigungsrat. «Wehrwissenschaftliche Rundschau»* N 6, 1956, S. 417.

тайного генерального штаба или другого руководителя вооруженных сил координировались мобилизационные планы различных ведомств и учреждений фашистской Германии, а также разрабатывались важнейшие меры по подготовке страны к войне.

В течение двух первых лет фашистской диктатуры (1933—1934 гг.) были осуществлены значительные мероприятия в области создания военной экономики, а также строительства вооруженных сил. Однако исключительно важное значение в подготовке фашистской Германии к войне имел 1935 год. 16 марта 1935 г. была введена всеобщая воинская повинность. Это положило начало новому этапу в воссоздании вермахта, а также и в военно-экономической подготовке страны к войне. В этот же период были изданы основные законодательные акты и созданы важнейшие учреждения, ведавшие непосредственной военной подготовкой.

Одним из важнейших законов являлся закон «Об обороне империи»¹, принятый 21 мая 1935 г. Генерал Томас характеризовал этот закон как краеугольный камень всей подготовки фашистской Германии к войне². В своем отчете «Основные факты из истории германской военной экономики» (1923—1944 гг.), выдержки из которого приводились на Нюрнбергском процессе, он указывал, что, хотя этот закон не был опубликован до начала войны, он был введен в действие немедленно. Закон определял обязанности вооруженных сил и других имперских властей при подготовке войны и в период войны, предоставлял «фюреру» право объявлять мобилизацию, провозглашать состояние войны³. До сих пор согласно закону о создании «Имперского совета обороны» все руководство подготовкой к войне фактически концентрировалось в руках военного министра, который являлся заместителем председателя военного кабинета, а один из его ближайших помощников возглавлял рабочий комитет. После вве-

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VII, p. 405—406.

² «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, p. 350.

³ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд*, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 30, 102—103.

дения всеобщей воинской повинности, когда была поставлена задача в кратчайший срок создать мощный фашистский вермахт и темпы военных приготовлений в области экономики значительно ускорились, указанные организационные формы руководства подготовкой к войне уже были недостаточны. В связи с этим было решено сосредоточить руководство подготовкой экономики к войне в специально созданном для этой цели учреждении, оставив за военным министерством вопросы руководства вооруженными силами. Законом «Об обороне империи» в целях координации усилий монополистов, а также различных государственных учреждений по переводу экономики страны на военные рельсы учреждалась специальная должность генерального уполномоченного по военной экономике. На этот пост 21 мая 1935 г. был назначен член «Имперского совета обороны» министр экономики и президент рейхсбанка Яльмар Шахт.

В вопросах мобилизации военно-экономических ресурсов и финансирования военных мероприятий ему были подчинены министерства продовольствия и сельского хозяйства, труда, экономики, финансов, имперское лесничество, рейхсбанк. Генеральный уполномоченный по военной экономике имел право издавать в своей области распоряжения, имеющие силу закона. Он получал руководящие указания от Гитлера, как председателя «Имперского совета обороны», и должен был координировать свою деятельность с военным министром. Таким образом, теперь в связи с усложнением задач военной подготовки «Имперский совет обороны» должен был направлять деятельность двух центральных ведомств — военного министерства, ведавшего созданием и подготовкой вооруженных сил, и экономического, которое подчинялось генеральному уполномоченному по военной экономике.

При генеральном уполномоченном по военной экономике в качестве его рабочего аппарата был создан так называемый Руководящий штаб. 16 июля 1935 г. крупный чиновник, доверенное лицо германских монополий Вольтат был назначен начальником этого штаба. «Руководящий штаб» строился по принципу рабочего

комитета «Имперского совета обороны». Он состоял из «референтов связи», т. е. чиновников, представлявших различные министерства и ведомства, подчиненные генеральному уполномоченному по военной экономике. 15 декабря 1936 г. Шахт составил специальное положение о структуре и задачах «Руководящего штаба». В этом документе говорилось: «Задача «Руководящего штаба» состоит в координации, планировании экономической мобилизации и финансировании военной подготовки ведомств и учреждений, непосредственно подчиненных генеральному уполномоченному по военной экономике»¹. В положении отмечалось далее, что «Руководящий штаб» изучает все военно-экономические проблемы, возникающие в подчиненных ему ведомствах, и сообщает их военному министру и другим министерствам, не подчиненным генеральному уполномоченному. С другой стороны, он представляет требования этих учреждений генеральному уполномоченному по военной экономике.

Таким образом, в лице «Руководящего штаба» генеральный уполномоченный имел специальный орган, с помощью которого он координировал военно-экономические мероприятия как в ведомствах, непосредственно подчиненных ему, так и не подчиненных. Насколько серьезное значение придавали гитлеровцы этому органу, свидетельствует тот факт, что уже в декабре 1935 г. председатель «Руководящего штаба» был введен в состав рабочего комитета «Имперского совета обороны». «Руководящему штабу» в свою очередь непосредственно подчинялся ряд специальных учреждений, в том числе «Бюро по исследованию военной экономики» (ВЕФО), которое было создано в 1934 г. при прямом участии «ИГ Фарбениндустри», и так называемое Статистическое бюро, задачей которого являлось выявление важных в военном отношении предприятий и учет их производственных возможностей на случай войны. «Руководящий штаб» действовал в тесном контакте с военно-экономическим штабом военного министерства, возглавляемым генералом Томасом, который руко-

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, p. 357.

водил военными предприятиями, непосредственно подчиненными военному министру, а также координировал и представлял заказы всех родов вооруженных сил «Руководящему штабу» генерального уполномоченного по военной экономике.

О деятельности «Руководящего штаба» свидетельствует сохранившийся протокол заседания, состоявшегося в феврале 1937 г., на котором обсуждались вопросы подготовки различных отраслей экономики к войне. В своем докладе на этом заседании председатель «Руководящего штаба» Вольтат подчеркнул, что «вопросы экономической подготовки стоят теперь на первом плане». Далее он сообщил о создании военно-экономических отделов и инспекций в военно-экономических округах, на предприятиях, в ведомствах и т. д. Вольтат говорил о необходимости создания мобилизационных запасов, об учете контингента квалифицированной рабочей силы, которая могла бы быть освобождена от воинской повинности на случай войны. Здесь же Вольтат признал, что имперское и прусское министерства хозяйства уже в 1934 г. приступили к перестройке экономики для военных целей.

В дальнейшем по мере приближения срока начала агрессии гитлеровцами была проведена реорганизация как тайного военного кабинета, так и других правительственных учреждений. В то же время в политической жизни Германии, в подготовке страны к войне значительно возросла роль генерального штаба и всей многочисленной военщины.

5. Человеконенавистническая фашистская идеология — важнейшее орудие подготовки агрессивной войны

«Монополистический капитал, — говорится в Программе КПСС, — порождает идеологию фашизма — идеологию крайнего шовинизма и расизма... Фашизм везде и всегда начинается с оголтелого антикоммунизма, чтобы, изолировав и разгромив партии рабочего класса, раздробить силы пролетариата и бить их по частям, а затем покончить со всеми другими демократическими

партиями и организациями, сделать народ слепым орудием политики капиталистических монополий»¹.

Призвав к власти фашистскую партию, германские монополисты возложили на нее задачу идеологического обоснования своей агрессивной программы, задачу психологической подготовки войны². Гитлер на совещании своих главнокомандующих 12 ноября 1939 г. признавал, что «создание... вооруженных сил было бы невозможно без идеологического воспитания германского народа партией»³. Фашистская идеология должна была скрыть классовую, империалистическую сущность гитлеровской диктатуры, замаскировать ее агрессивную внешнеполитическую программу. Она призвана была вытравить из сознания немецкого народа свободолюбивые демократические традиции, заразить его ядом звериного шовинизма, милитаризма, стремлением к завоеванию и порабощению других народов и государств, морально растлить, оболванить миллионы немцев и подготовить их к свершению чудовищных преступлений. Ее задачей было подорвать влияние идей научного коммунизма, получивших широкое распространение в Германии, а также скрыть действительные причины бедствий и лишений трудящихся масс (гнет монополий, милитаризация и т. д.).

Нацистская идеология являлась идеологией реакционной буржуазии периода общего кризиса капитализма, готовой, как говорил В. И. Ленин, «на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство»⁴.

Теоретическую основу гитлеровской идеологии составляли труды крайне реакционных историков, философов и прочих идеологов милитаризма и махровой реакции XIX и XX вв. (Онкена, Мейнеке, Ницше, Г. Чемберлена, Ратцеля, Шпенглера и др.). В реак-

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 359.

² Вопросы идеологической подготовки немецко-фашистской агрессии рассматриваются в I и IV главах монографии, а также в главах о подготовке агрессии против Австрии, Чехословакии, Польши.

³ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 601—602.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 166.

ционной идеалистической философии с ее проповедью ненависти к демократическим движениям масс, к революционной борьбе трудящихся, к марксизму немецкие фашисты находили «аргументы» для обоснования своих человеконенавистнических планов.

Гитлеровцы использовали также субъективно-идеалистическое направление в немецкой философии — экзистенциализм и его представителей Ясперса и Хейдеггера¹. Их философия отчаяния, страха, крайнего индивидуализма, боязнь исторического прогресса, ненависть к трудящимся массам были также взяты на вооружение фашистами и приспособлены для обоснования агрессивных планов германского империализма.

Для того чтобы облегчить вдалбливание этих реакционных концепций в сознание широких слоев немецкого народа, гитлеровцы до предела упростили их и свели к ряду примитивных доктрин и «теорий», которые настойчиво и повседневно пропагандировались по радио и в печати. Этой цели служили антикоммунизм, псевдонаучная расовая теория, теория антисемитизма, теории «жизненного пространства», национал-социализма и др. Спекулируя на национальных чувствах немецкого народа, на его страданиях и лишениях, вызванных войной и тяжелыми условиями Версальского мира, главные тяготы которого легли на плечи трудящихся, гитлеровцы рядились в тогу националистов, «собираателей» в единое государство земель, утраченных Германией после первой мировой войны.

Крайним выражением гитлеровского национализма являлась лженаучная расовая теория. Используя антинаучное, реакционное учение — социальный дарвинизм (неомальтузианство), фашистские мракобесы пытались применить к общественным явлениям принципы борьбы за существование, действующие в животном мире, и таким путем скрыть классовые противоречия в Германии. Они утверждали, что движущей силой истории является не борьба классов, а борьба «крови с кровью», «расы с расой», «народа с народом». Посред-

¹ См. *Г. Менде*, Очерки о философии экзистенциализма, М., 1958, стр. 55—56.

ством псевдобиологической аргументации фашистские теоретики «обосновывали» «исключительную одаренность» «нордической расы», т. е. немцев, «право» на господство немцев над другими народами, в первую очередь над славянскими. Все, что не является арийским (немецким), утверждали гитлеровцы, должно быть уничтожено, стерто с лица земли или порабощено немцами.

«...Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы... нам придется развить технику истребления населения...» — говорил Гитлер одному из своих приближенных — Раушнингу. Расовая теория была включена в программы всех учебных заведений Германии и преподавалась в качестве важнейшего предмета. Хищнические устремления германских империалистов фашизм отождествлял с интересами всего немецкого народа.

Одним из первых мероприятий по реализации каннибальской расовой «теории» явилась антисемитская политика гитлеровцев. Антисемитизм был использован ими для разжигания у немецкого народа еще в условиях мирного времени низменных страстей, его морального растрепания и подготовки к порабощению и истреблению других народов. После захвата власти фашистами антисемитизм был объявлен официальной государственной политикой. В 1935 г. были изданы антисемитские, так называемые нюрнбергские законы, согласно которым еврейское население Германии лишилось всех гражданских прав и выдавалось на полный произвол полиции. Гитлеровцы инспирировали черносотенные еврейские погромы, сопровождавшиеся грабежами и убийствами еврейского населения. Издававшаяся Штрейхером, гаулейтером Франконии (в Нюрнберге), этой цитадели фашизма, бульварная антисемитская газетенка «Дер Штюкмер» (тиражом 600 тыс. экз.), основанная еще в 1920 г., в течение четверти века отравляла сознание немецкого народа ядом звериного повинизма, ненависти к другим народам, подстрекала его к организации еврейских погромов. В беседе с Раушнингом Гитлер признавал, что антисемитизм — «это самое сильное оружие в моем пропа-

гандистском арсенале». Теория и практика антисемитизма, проводившаяся фашистами в Германии, являлась для них своеобразной лабораторией по воспитанию у населения чувства жестокости, садизма, ненависти к другим народам, стремления к разрушению и убийствам.

Среди каннибальских «теорий», - с помощью которых гитлеровцы осуществляли идеологическую подготовку агрессии, важное место принадлежало геополитике — одной из самых реакционных теорий империалистической буржуазии. В основе геополитики, тесно связанной с расовой теорией, также лежит «социальный дарвинизм». После захвата власти фашистами эта лженаучная теория была ими еще более конкретизирована и пропагандировалась как теория «жизненного пространства». Фашистские теоретики Грабовский, Гаусгофер приспособили ее для обоснования захватнических планов гитлеровцев в отношении Австрии, Чехословакии, Польши, Прибалтийских государств, Советского Союза и других стран. Ссылаясь на перенаселенность Германии, характеризуя немецкий народ как «народ без пространства», фашистские теоретики и пропагандисты с помощью этой теории обосновывали необходимость завоевания, подчинения и истребления других, в первую очередь славянских, народов и немецкой колонизации занимаемых ими территорий. Фашистская геополитика, теория «жизненного пространства» были возведены в Германии в ранг государственной «науки», преподавались во всех университетах и широко пропагандировались через специальный журнал «Цайтшрифт фюр Геополитик», издававшийся институтом геополитики, возглавляемым Гаусгофером, и через другие многочисленные фашистские издания¹.

Демагогия гитлеровцев о необходимости для немцев нового «жизненного пространства» преследовала и другую цель: она служила также средством, с помощью которого гитлеровцы стремились отвлечь трудящиеся массы Германии от борьбы за улучшение сво-

¹ Бывший адъютант Гаусгофера и один из его учеников Рудольф Гесс позже был назначен заместителем Гитлера.

его материального положения. В действительности на территории Германии имелись все необходимые условия (богатейшие природные ресурсы, плодородные почвы, леса, развитая промышленность), создающие немецкому народу благоприятные возможности для существования и мирного развития.

В целях обмана масс фашисты рязались в тогу «национал-социалистов». В период борьбы за власть, а также в первый период своей диктатуры они широко использовали социальную, антикапиталистическую демагогию. Даже захват власти в 1933 г. гитлеровцы стремились выдать за социальную революцию. Они обещали разоряющимся мелкобуржуазным и другим слоям населения ликвидировать конкуренцию, анархию производства, кризисы, безработицу, устранить засилье монополий в области производства и торговли, организовать производство на основе плана и обеспечить процветание и благополучие немцев. Этой демагогией была пронизана программа фашистской партии (так называемые 25 пунктов), принятая в 1920 г. в Мюнхене, и вся гитлеровская пропаганда¹.

Социальная демагогия гитлеровцев также тесно переплеталась с пропагандой звериного национализма, расизма, ненависти к другим народам. Улучшить положение широких народных масс Германии фашисты обещали за счет завоевания и порабощения других народов, в первую очередь народов Советского Союза. Таким образом, и социальная демагогия немецко-фашистских империалистов служила целям подготовки империалистической войны.

Большую роль в идеологической подготовке агрессии сыграло прославление гитлеровцами войны как «благородной», «необходимой» деятельности немцев, как их «врожденной особенности». С этой целью они широко пропагандировали труды реакционных историков Онкена, Мейнеке и других, возвеличивавших милитаризм и завоевательную политику германского империализма. Фашистские «теоретики» Розенберг,

¹ W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 28—31.

Штрейхер, Геббельс повседневно и настойчиво оболванивали немецкий народ, прославляли войну, обосновывали разумность применения силы, доказывали, что сильный всегда имел право осуществлять свою волю. Наиболее полно и в откровенно циничной форме агрессивная программа немецко-фашистских империалистов была изложена в книге Гитлера «Моя борьба»¹, заслуженно названной народами «библией людоедов». Геополитика наряду с «расовой теорией», антисемитизмом, социальной демагогией, проповедью звериного национализма составляла идейную основу этой книги. «Майн Кампф» была издана в Германии огромным тиражом в 6 250 тыс. экземпляров. Гитлеровскими пропагандистами проводилось упорное вдалбливание «идей» этой книги во всех школах, университетах, в армии, во всех организациях фашистской партии. Она являлась официальным подарком для всех молодоженов Германии.

Расистские человеконенавистнические бредни фашизма были изложены также в «трудах» Альфреда Розенберга — главного теоретика фашистской партии, заместителя Гитлера по вопросам духовного воспитания нации, редактора фашистского официоза «Фелькишер беобахтер». В своей книге «Миф XX века», изданной в 1930 г., он утверждал, что история человечества есть история борьбы «расы с расой». «Сегодня, — писал этот идеолог каннибализма, — мир пробуждается к новой вере — к мифу крови, к вере в то, что божественное существование человека должно защищаться кровью»². По мнению Розенберга, все государства создаются только для объединения людей в целях войны. Фальсифицируя историю, он утверждал далее, что все страны Европы, все их культурные и материальные ценности будто бы были созданы людьми «нордической расы», т. е. немцами. Он повторял бредни норманистов о происхождении русского государства и стремился

¹ A. Hitler, Mein Kampf. Zwei Bände in einem Band, Ungekürzte Ausgabe, München, 1942.

² A. Rosenberg, Der Mithus des 20. Jahrhunderts, München, 1935, S. 114.

доказать, что немцы являются создателями русского государства и русской культуры. Книга Розенберга пронизана проповедью национализма, превосходства «нордической расы», ненавистью к другим народам, особенно славянским, обоснованием необходимости создания «нордической Европы» под главенством немецких фашистов.

Однако, по откровенному признанию Розенберга, не все немцы могли пользоваться «благами» за счет порабощения других народов после установления «тысячелетнего царства рейха» и его фашистского «нового порядка». Это благо будет принадлежать только избранной части общества — «элите», которую должны составлять в первую очередь члены фашистской партии. Розенберг еще не решался открыто сказать, что членами этой «элиты» и были германские монополисты, ради интересов которых гитлеровцы стремились вовлечь мир в пучину мировой войны. Но если это не решался выразить Розенберг, то Гитлер более откровенно высказал эту мысль. «Мы хотим, — говорил он, — произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой»¹. Эта книга Розенберга, получившая широкое распространение в Германии, идеологически обосновывала агрессивные планы германского империализма.

Крайне реакционная идеалистическая философия Ницше с ее теориями «культы силы», «сверхчеловека», «борьбы за власть» как движущей силы всех процессов развития общества также была использована гитлеровцами для обоснования других каннибальских доктрин фашистов, например, «принципа фюрерства», «тоталитаризма», которым следовала фашистская партия и все ее организации. Как заявлял один из гитлеровских главарей, Ганс Франк, эти принципы были направлены на то, чтобы «всегда заменять решение большинства решением части или даже одной только

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 464—465.

личности»¹. Принципы «фюрерства» и «тоталитаризма» служили для оправдания террористических мер против организаций трудящихся, для ликвидации буржуазно-демократического строя в Германии, для идеологического «обоснования» тоталитарной фашистской диктатуры и ее кровавых методов управления.

Целям психологической подготовки войны была подчинена вся система официальной пропаганды, просвещения и деятельность культурно-просветительных учреждений. Помимо пропагандистского аппарата фашистской партии в Германии был создан и расширен до громадных размеров государственный пропагандистский аппарат. Рейхслейтер Геббельс, возглавлявший вновь созданное в гитлеровском рейхе министерство пропаганды, 13 марта 1933 г. был одновременно назначен министром просвещения². Он направлял деятельность этих учреждений, а также «Имперской палаты культуры»³. Через радио, печать, литературу, искусство, школы, высшие учебные заведения гитлеровцы стремились отравить сознание немецкого народа идеологией милитаризма, воспитать его в духе бредовых фашистских чело­веконенавистнических идей. «Мы снова хотим оружия, — говорил Гитлер, — поэтому все: начиная с букваря ребенка и до последней газеты, каждый театр и каждое кино, каждый столб для плакатов и каждая свободная доска для объявлений — должно быть поставлено на службу этой единственной большой миссии»⁴.

Социальная демагогия, ложь, безудержная клевета на своих политических противников являлись основным методом фашистской пропаганды. «Чем проще вздор, чем больше он рассчитан на примитивные чувства, тем успешнее результаты», — писал Гитлер в «Майн Кампф». «Меньше научного балласта в пропаганде, больше обращаться к чувствам толпы», — призывал он.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 570.

² *W. Hofer, Der Nazionalsozialismus. Dokumente 1933—1945*, S. 47.

³ «Das Dritte Reich in Dokumenten», hrsg. von W. Anger; S. 25.

⁴ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 465.

Большая роль в насаждении милитаристской фашистской идеологии принадлежала фашистской молодежной организации «Гитлерюгенд». Система преподавания в школах и высших учебных заведениях была военизирована. «...Студент должен приходить в высшую школу,— говорилось в фашистском журнале «Политише виссеншафт»,— с требованием, чтобы наука была такой же солдатской, как его собственная выправка, а профессор обладал качествами вождя и солдатской выправкой»¹. Так, преподавание географии служило целям пропаганды «права» немцев на господство над другими народами, проповеди расовой «теории». Специальная программа подготовки молодежи предусматривала воспитание ее в духе фашистских расовых доктрин и антисемитизма вплоть до участия в актах физического насилия над евреями².

С помощью этой реакционной, человеконенавистнической, агрессивной идеологии гитлеровцам удалось отравить сознание значительной части немецкого народа ядом шовинизма и националистической демагогии. Успеху гитлеровской пропаганды способствовало то обстоятельство, что компартия Германии, находясь в глубоком подполье, не имела возможности организовать широкую контрпропаганду и разоблачить человеконенавистнические бредни фашистов.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 465.

² См. там же, стр. 587.

ПЕРЕВОД ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ НА ВОЕННЫЕ РЕЛЬСЫ (1933—1937 гг.)

1. Восстановление и расширение военной промышленности

Создание военной экономики являлось одной из главных задач, которую монополисты поставили перед фашистским правительством после того, как они привели его к власти¹. Создание военно-экономического потенциала гитлеровцы начинали не на пустом месте. После первой мировой войны Германия продолжала обладать мощным военно-промышленным потенциалом. В. И. Ленин в связи с этим писал: «Германия побеждена, подавлена Версальским договором, но она обладает гигантскими экономическими возможностями»².

С первых дней после капитуляции в мировой войне 1914—1918 гг. германские монополисты с помощью западных держав начали тайно, а затем открыто возрождать военно-экономический потенциал. Пушечный король Крупп, характеризуя роль монополистического капитала Германии в подготовке новой войны в годы Веймарской республики, писал: «Только благодаря тайной деятельности германских предприятий и опыту, полученному в тот же период путем производства това-

¹ Политика гитлеровцев по предвоенной мобилизации германской экономики в 1938—1939 гг. освещается также в последующих главах монографии.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 420.

ров мирного времени, стало возможным после 1933 г. идти в ногу с новыми задачами, возникшими в ходе восстановления германской военной мощи»¹.

Установление фашистской диктатуры в стране создало широкие возможности для развития военной промышленности, для перевода экономики страны на военные рельсы. Ставка на всеобъемлющую милитаризацию экономики непосредственно отвечала интересам германской тяжелой индустрии, которая переживала серьезные трудности в годы мирового экономического кризиса.

Особая роль в подготовке экономики к войне принадлежала министерству хозяйства, возглавляемому Шахтом. В 1933 г. «Статистическое бюро», подчиненное этому министерству, произвело точный учет наиболее важных в военном отношении предприятий. Было обследовано 180 тыс. промышленных предприятий с целью установления их пригодности для военных целей. На крупных предприятиях создавались статистические отделы по учету и выявлению их военных возможностей. Были разработаны экономические планы производства 200 важнейших видов военных материалов, пересмотрена система военных заказов, установлен порядок распределения угля, горючего для моторов и электроэнергии. Только на строительство складских помещений было выделено 243 млн. марок².

При «Статистическом бюро» был создан специальный отдел, в задачу которого входил учет важных в военном отношении предприятий, запасов предметов потребления, сырья и полуфабрикатов. Он должен был учитывать не только производство, но также и резервы, составлять специальные учетные карточки по предприятиям, районам, округам. «Статистические бюро» были созданы в 1934 г. при правительстве Пруссии и при правительствах других земель³.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. VII, М., 1961, стр. 324.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 235.

³ «Die Organisation der Kriegswirtschaft (1933—1938)», Berlin, 1939, S. 5.

Как уже упоминалось, в 1934 г. министерство хозяйства с помощью концерна «ИГ Фарбениндустри» создало «Бюро по исследованию военной экономики», которое должно было руководить изысканиями залежей нефти, сырья для производства взрывчатки, редких металлов и других важных в военном отношении материалов.

В положении о структуре и задачах этого бюро, составленном 4 ноября 1936 г. генеральным уполномоченным по военной экономике Шахтом, говорилось, что его задача состоит в «выработке научных основ создания военной экономики».

Для подготовки к войне сельского хозяйства так называемому Бюро по исследованию продовольственного снабжения было поручено составить «военно-продовольственный план»¹. На местах создавались учреждения по мобилизации продовольственных ресурсов. Министерство продовольствия назначило особых референтов при руководителях сельскохозяйственных отделов в землях и провинциях. Разрабатывались мероприятия, предусматривавшие немедленное введение в случае начала войны регулирования снабжения населения продовольствием, обувью, текстильными товарами, углем, мылом и т. п. Было напечатано и разослано на места 80 млн. продовольственных карточек военного времени.

Экономическая подготовка Германии к войне осуществлялась посредством такой реорганизации германской промышленности, чтобы всемерно поощрять развитие тяжелой индустрии — основы военного производства, создавать мощную военную промышленность, запасы стратегического сырья и продовольствия и переключать отрасли мирного производства на военные рельсы.

Только в течение 1933—1936 гг. в Германии было построено свыше 300 новых военных заводов, в том числе 55—60 авиационных, 45 автомобильных и бронетанко-

¹ См. Г. Рике, Продовольственная проблема и сельское хозяйство во время войны. «Итоги второй мировой войны». Сборник статей, стр. 443—468.

вых, 70 военно-химических, 80 артиллерийских, 15 военно-судостроительных¹.

Особое внимание гитлеровцы уделяли производству танков и самолетов. Уже в 1926 г. заводы Круппа начали осваивать производство танков². Как сообщает генерал Гудериан, в 1926 г. за границей работала опытная немецкая танковая станция³. Ускоренными темпами строились авиационные заводы. Если в 1931 г. в Германии было выпущено всего 13 самолетов, в 1933 г. — 368 самолетов, то в 1935 г. — уже 3188, а в 1936 — 5112⁴. При этом гражданские самолеты строились с таким расчетом, чтобы их в любое время можно было переоборудовать на военные.

Столь же интенсивно строились автомобильные и мотоциклетные заводы. Для создания запасов горючего и освобождения Германии от импорта бензина поощрялось строительство дизельных и газогенераторных автомобилей.

Большое значение в развитии военной экономики фашистской Германии принадлежало Руру, главной базе германского милитаризма, который в 1936 г. давал почти $\frac{2}{5}$ всей продукции машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности Германии⁵. Здесь же была сосредоточена значительная часть производства брони, танков, артиллерии и боеприпасов.

Правительство фашистской Германии уже в первый период своей диктатуры в связи с подготовкой к войне всячески поощряло перемещение военных предприятий из пограничных районов в глубь Германии⁶. Даже рейхсбанк в 1936 г. получил секретный приказ перевести золотой запас и ценные бумаги из окраинных областей

¹ См. П. А. Белов, Вопросы экономики в современной войне, М., 1951, стр. 123.

² См. К. Миккульский, Концерн Круппа, стр. 30.

³ Н. Guderian, Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg, 1950, S. 20.

⁴ См. Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, М., 1949, стр. 328.

⁵ См. «Экономика Рура», М., 1948, стр. 12.

⁶ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», М., 1956, стр. 27.

в центр страны¹. С 1934 г. началось форсированное строительство автострад, дорог, подземной соединительной линии в Берлине «Север — Юг», что значительно увеличивало пропускную способность берлинского узла, и т. д. Все мероприятия по подготовке к войне заносились в специальные «мобилизационные книги»; для каждого ведомства и предприятия был составлен свой «мобилизационный календарь».

В целях проверки готовности германской экономики к войне осенью 1936 г. под руководством Генерального уполномоченного по военной экономике в течение 7 недель проводились военные игры (маневры). Темой игр являлся так называемый Ост-фалль, т. е. война на Востоке, в которой в качестве «врагов» Германии выступали СССР, Литва, Чехословакия. Фашистская Германия «воевала» против этих стран в союзе с Италией, Австрией, Венгрией, франкистской Испанией. Остальные страны рассматривались как нейтральные. В маневрах участвовали не только высшие имперские власти, но и средние и подчиненные им инстанции: обер-президент и административные учреждения Бранденбурга.

Быстрые темпы милитаризации страны, строительство военных заводов, выпуск вооружения, создание стратегических запасов были связаны с огромными расходами. Гитлеровцы совместно с финансовой олигархией Германии использовали любые средства в целях создания экономической базы агрессии.

2. Военно-каторжный режим для трудящихся

Первоочередной задачей, которую поставили перед гитлеровцами германские монополисты в связи с подготовкой войны, был разгром рабочих организаций, создание военно-каторжного режима для трудящихся, перенесение на их плечи основных тягот финансирования вооружения.

¹ *F. Lenz, Zauber um Dr. Schacht, Heidelberg, 1954, S. 25.*

Еще в годы первой мировой войны В. И. Ленин писал, что государственно-монополистический капитализм — это «военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»¹. Антирабочая политика германских фашистов, являвшихся ставленниками монополистов, служит ярчайшим подтверждением этого ленинского положения. Идя к власти, в целях обмана трудящихся гитлеровцы сулили им «немецкий социализм», который должен был принести повышение заработной платы, устранить безработицу, снизить квартирную плату и цены на продовольствие и поднять пролетариат на уровень равноправного с предпринимателями «рабочего сословия». Однако после захвата власти гитлеровцы сразу же отказались от этих лживых демагогических обещаний.

Придя к власти, фашисты нанесли свой главный удар по классовым организациям пролетариата, в первую очередь по Коммунистической партии Германии. В течение каких-нибудь 100 первых дней фашистской диктатуры были грабительски отняты и уничтожены основные права и свободы, завоеванные немецкими рабочими в течение десятилетий упорных классовых боев.

После разгрома пролетарских организаций трудящиеся были отданы на полный произвол предпринимателей. Вместо распущенных профсоюзов гитлеровцы создали 5 мая 1933 г. организацию «Немецкий трудовой фронт».

«Немецкий трудовой фронт», включавший всех рабочих и служащих, должен был стать не только оружием классового угнетения трудящихся и воспитания своих членов в национал-социалистском духе, но также своеобразной школой по подготовке квалифицированных кадров для важнейших отраслей военной промышленности². С этой целью «Трудовой фронт» располагал 22 тыс. инструкторов по переквалифика-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.

² «Трудовой фронт», как признавал фашистский официоз «Фелькишер беобахтер», являлся филиалом национал-социалистской (фашистской) партии.

ции¹. Он готовил также кадры руководителей лагерей трудовой повинности и т. д. Организации «Трудового фронта» на предприятиях являлись вспомогательным орудием гестапо по организации слежки за рабочими.

Значительная роль в военной подготовке членов «Трудового фронта» (которых насчитывалось около 20 млн. человек) принадлежала его спортивной организации «Сила через радость». Каждая отдельная ячейка этой организации служила целям планомерной подготовки к войне². Например, туристская секция занималась сбором разведывательной информации в других странах, лыжная секция готовила из молодежи кадры для будущих горных дивизий, которые в годы второй мировой войны участвовали в боях в Норвегии, Финляндии и на Кавказе.

«Трудовой фронт» собирал ежегодно до 300 млн. марок членских взносов. Большая часть этих средств помещалась в так называемый Рабочий банк, который финансировал военные заводы или прямо перечислял эти средства на цели вооружения. Контроль за расходованием средств «Трудового фронта» осуществлял финансовый отдел фашистской партии. Под видом строительства судов для плавучих домов отдыха на средства рабочих строились военно-транспортные, госпитальные суда и крейсера. Значительные суммы были собраны у рабочих якобы для строительства жилищ, приобретения автомобилей и т. д. Но и эти средства были затем использованы в военных целях.

В интересах монополий гитлеровцы приняли ряд антирабочих законов. Укреплению власти предпринимателей над рабочими служил специальный закон об «Упорядочении национального труда», вступивший в силу 30 января 1934 г. Закон устанавливал, что предприниматель является «вождем» («фюрером») предприятия, а служащие и рабочие его — «свитой». Только предприниматель мог решать все производственные

¹ См. *И. М. Файнгар*, Очерк развития германского монополистического капитала, стр. 349.

² *W. Ulbricht*, *Der faschistische deutsche Imperialismus* (1933—1945), S. 52.

вопросы¹. Новый закон ликвидировал на предприятиях фабзавкомы, вместо них создавались так называемые советы доверенных. Кандидатов в эти советы выдвигал предприниматель вместе с представителем фашистской партии. Рабочие могли только голосовать за предложенный список кандидатов. На основании этого закона отменялись тарифные договоры, а также прежние законы о продолжительности рабочего дня, об охране труда, о правилах внутреннего распорядка на предприятиях.

Таким образом, закон об «Упорядочении национального труда» фактически ликвидировал рабочее законодательство и права, завоеванные рабочими в упорной долголетней борьбе. Он являлся важнейшей мерой фашистского правительства, завершившей разгром организаций рабочего класса.

Одновременно монополии перешли в наступление на безработных. С момента основания фашистской партии лозунг о ликвидации многомиллионной армии безработных был рекламным боевиком нацистов, который дал им возможность ввести в заблуждение значительную часть рабочих. В настоящее время военный преступник Я. Шахт продолжает утверждать, что в 1934 г. Гитлер предложил ему возглавить рейхсбанк будто бы исключительно в целях ликвидации безработицы, чего не смог сделать прежний президент рейхсбанка Лютер. «Эта задача, — пишет он, — проникла в мое сердце и заняла в нем первое место»². Шахт заявляет, что задачу предоставления работы 6,5 млн. безработных не могло решить никакое другое правительство, кроме правительства Гитлера. Поэтому он якобы и поддержал гитлеровскую программу вооружения Германии, строительства автострад и т. д.

В действительности методы, с помощью которых гитлеровцы «пытались» ликвидировать безработицу, были также подчинены целям подготовки страны к войне. Так, значительная часть безработных была направлена на принудительные работы, имевшие военно-стратегиче-

¹ «Reichsgesetzblatt», 1934, S. 45.

² *H. Schacht*, *Abrechnung mit Hitler*, S. 3.

ческое значение: строительство автострад, складских помещений, военных укреплений и т. д., а также в специальные трудовые лагеря. Вознаграждение, получаемое безработными, посланными на принудительные работы, почти не превышало мизерных пособий по безработице. Один из английских экономистов подсчитал, что только в 1937 г. гитлеровцы получили по сравнению с 1933 г. экономию в своем бюджете за счет использования труда безработных на сумму 3,6 млрд. марок¹. На съезде промышленников Центральной Германии Я. Шахт говорил: «Поразительно вот что: мы обнаружили, что не такая уже страшная разница, даем ли мы безработному работу или же он получает пособие по безработице. Для финансов разница не так уже велика!»² Кроме того, лагеря трудовой повинности служили школой военной муштры, где молодежь, расквартированная в казарменных условиях, проходила предварительную военную подготовку.

Имперское министерство хозяйства совместно с генеральным уполномоченным по труду Леем тщательно изучало потребности немецкой экономики в рабочей силе и составило план использования рабочей силы в период подготовки к войне и в период войны. Закон «Об обороне империи» от 21 мая 1935 г. предусматривал в случае необходимости мобилизацию для работы в военной промышленности лиц в возрасте до 65 лет, удлинение рабочего дня без увеличения заработной платы, ограничение действия законодательства] по охране труда.

Важный шаг в деле мобилизации рабочей силы для целей войны был сделан 26 февраля 1935 г. изданием закона о введении трудовых книжек. Этот закон не только закреплял рабочих за предприятиями и отдавал их в полное подчинение капиталистам, но также создавал условия для мобилизации рабочей силы в случае войны.

Ведомством по труду была составлена на случай войны специальная картотека на 20 млн. квалифициро-

¹ См. *Н. Н. Любимов*, *Финансы фашистских государств*, М., 1938, стр. 31.

² Там же.

ванных рабочих с указанием профессий¹. Рабочие-специалисты, имеющие важное значение для военного производства, освобождались от военной службы. 16 марта 1935 г. в Германии была введена всеобщая воинская повинность, а спустя три месяца, 26 июня, был издан закон о трудовой повинности², согласно которому юноши и девушки в возрасте 18—25 лет должны были отрабатывать определенный срок в трудовых лагерях.

Огромные суммы мобилизовывало фашистское государство на военные нужды из средств социального страхования. Если раньше взносы предпринимателей составляли от 30 до 50% всех фондов по обеспечению в старости, то после установления фашистской диктатуры, страховой фонд по инвалидности и старости состоял исключительно из взносов трудящихся. В законе о социальном страховании говорилось, что пособием мог пользоваться только тот, кто не является противником фашистского режима.

«То, чего они (т. е. предприниматели) пытались добиться в течение 44 лет — ни одного пфеннига на обеспечение трудящихся в старости, — пишет В. Ульбрихт, — было услужливо положено в основу «крупнейшего социального законодательства всех времен» Гитлера и Лея. К осени 1937 г. страховой фонд, составленный из взносов рабочих, возрос до 8 млрд. марок»³. Значительная часть этих средств, собранная у рабочих, была передана на вооружение. Только из взносов рабочих по страхованию от безработицы (которые взимались даже тогда, когда в фашистской Германии безработица была сведена до минимума) германское правительство ежегодно изымало 600—700 млн. марок на военные цели. Но даже, по официальным данным, пособия, выдаваемые по инвалидности и старости, непрерывно уменьшались⁴.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 235.

² «Reichsgesetzblatt», 1935, Т. I, S. 769.

³ *W. Ulbricht*, *Der faschistische deutsche Imperialismus* (1933—1945), S. 60.

⁴ Там же.

Финансирование вооружения также происходило за счет увеличения как прямых, так и косвенных налогов с населения. Если налоговые поступления составляли в 1929 г. 13,2 млрд. марок, то в 1937 г. — уже 18,4 млрд. марок, а в 1938 г. — 23,0 млрд. марок¹.

Больших размеров достигли косвенные налоги (налоги на предметы широкого потребления, на общественный транспорт и т. д.), которые платили главным образом трудящиеся. Средства на вооружение выколачивались также из рабочих посредством всевозможных «добровольных взносов», пожертвований, так называемой зимней помощи² и т. д.

Милитаризация страны, рост вооружений вели к тому, что военные расходы поглощали все большую часть государственного бюджета. Доля национального дохода, ассигнуемого на военные приготовления, повысилась с 6% в 1933 г. до 34% в 1938 г. Эти факты свидетельствуют о том, что основным источником финансирования вооружения являлась эксплуатация и ограбление трудящихся Германии.

Целям подготовки агрессивной войны служила и аграрная политика германского фашизма. Посредством насаждения кулацких хозяйств, так называемых наследственных дворов, и создания «продовольственного сословия» гитлеровцы создавали себе классовую опору в деревне. Их аграрная политика также являлась частью «политики автаркии», т. е. служила целям создания продовольственных запасов для предстоящей войны.

Поддержка гитлеровцами кулацко-юнкерских хозяйств вела к массовому разорению и обнищанию основной массы немецкого крестьянства. Об этом свидетельствует непрерывный рост числа мелких хозяйств при фашизме. Так, например, в 1939 г. $\frac{2}{3}$ крестьянских владений Германии были карликовыми хозяйствами

¹ См. Р. Жуковская, Финансы фашистской Германии. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 5, 1939, стр. 37.

² Так называемая зимняя помощь состояла из обязательных отчислений с зарплаты рабочих и служащих для оказания помощи неимущим слоям населения. В действительности большая часть этих сборов расходовалась на военные нужды.

с участками земли от 0,05 до 2 га. Кроме того, имелось 2,9 млн. хозяйств с наделами менее 0,05 га земли. Владельцами этих хозяйств являлись разорившиеся крестьяне, ремесленники, рабочие, служащие, интеллигенция.

В 1939 г. крестьянские хозяйства с наделами земли до 10 га составляли 87,1% всех крестьянских хозяйств. Им принадлежало лишь 19,7% всей земли¹. Основной земельный фонд, а также сельскохозяйственные машины принадлежали юнкерским и кулацким хозяйствам.

Разоряемые поборами монополий, ростовщиков и политикой так называемой регламентации, проводимой фашистским министром продовольствия и сельского хозяйства Дарре, тысячи мелких крестьян бросали свое имущество и уходили в города или превращались в бесправных батраков в поместьях кулаков и юнкеров. Даже по данным фашистской печати, с 1933 по 1939 г. из деревни бежало 1,5 млн. человек².

Рост избыточного населения в деревне гитлеровцы использовали в целях подготовки агрессивной войны, т. е. для формирования штурмовых отрядов СА, частей СС и для пополнения агрессивного вермахта. Своей демагогической пропагандой гитлеровцам удалось развратить и заразить ядом шовинизма также и эту весьма многочисленную часть населения. Фашисты убеждали ее в отсутствии «жизненного пространства» в Германии, которое (т. е. землю) якобы можно получить только путем завоевания и колонизации территорий на востоке Европы и т. д. Таким образом, создание военно-каторжного режима для рабочего класса, аграрная политика фашизма, разорение хозяйств крестьян, ремесленников, кустарей, многочисленных мелкобуржуазных слоев городского населения являлись важнейшими мероприятиями гитлеровцев по мобилизации средств для финансирования вооружения и для вовлечения значительной части немецкого народа в русло агрессивной политики германского империализма.

¹ См. А. Петрушов, Аграрные отношения в Германии, М., 1956, стр. 135.

² См. И. М. Файнгар, Очерк развития германского монополистического капитала, стр. 341.

3. Участие американско-английских монополий в создании военно-экономического потенциала Германии

Осуществить грандиозную программу перевооружения, воссоздать в короткий срок мощный военно-экономический потенциал германские милитаристы могли только при непосредственной активной поддержке международного монополистического капитала.

Германия приступила к перевооружению, имея колоссальную задолженность иностранному, в первую очередь американскому и английскому, империализму. Международная финансовая олигархия, оказывавшая широкую экономическую поддержку германскому империализму сразу же после окончания первой мировой войны, преследовала две основные цели: во-первых, получить выгодные барыши путем ограбления трудящихся масс Германии; во-вторых, перевооружить германский империализм, использовать его в качестве основной ударной антисоветской силы международной реакции.

Прилив иностранных капиталов в Германию, в первую очередь американских, особенно усилился после принятия в 1924 г. «плана Дауэса», разработанного американскими банкирами. В целях финансирования германской, по преимуществу тяжелой, промышленности в США были созданы специальные банковские консорциумы и инвестиционные тресты.

Характерно, что еще до прихода Гитлера к власти основные американские и английские займы получали те немецкие концерны, которые играли решающую роль в расширении военно-экономического потенциала Германии — «Стальной трест» Тиссена, пушечный концерн Круппа, концерн Маннесмана и другие. Американские займы были предоставлены 21 немецкому банку и 103 крупнейшим промышленным объединениям Германии¹.

С 1924 по 1932 г. Германия получила в виде займов от банков США, Англии и других стран 31 819 млн.

¹ См. М. С. Восленский, Из истории политики США в германском вопросе (1918—1919 гг.), М., 1954, стр. 198—199.

марок. За эти займы Германия платила дорогой ценой — свыше 6,3% годовых. Эти грабительские проценты германские монополисты выплачивали за счет усиления эксплуатации трудящихся масс. В течение тех же лет Германия уплатила 11 464 млн. марок платежей по займам. Огромная сумма в 12 525 млн. марок невозвращенных поступлений была вложена в экономику Германии и израсходована на воссоздание военного потенциала.

Приступая в конце 20-х — начале 30-х годов к усиленному перевооружению страны, германские милитаристы с помощью международной финансовой олигархии добились аннулирования репарационной системы платежей еще до установления фашистской диктатуры.

После захвата власти гитлеровцы уделяют первоочередное внимание ликвидации задолженности Германии по иностранным займам, с тем чтобы все средства направить на подготовку агрессивной войны. По официальным немецким данным, сумма иностранной задолженности Германии составляла на 28 февраля 1933 г. 18 967 млн. марок, а вместе с иностранным капиталом, вложенным в германскую промышленность, — 23,3 млрд. марок. Проценты и платежи Германии по иностранным займам составляли 1 млрд. марок в год.

Задачу прекращения уплаты этого колоссального долга и ведение переговоров о получении новых иностранных займов гитлеровцы возложили на Шахта, являвшегося членом Банка международных расчетов и через него поддерживавшего тесную связь с директорами Английского банка Монтегю Норманом, Нью-Йоркского банка Леоном Фрэйзером и другими представителями финансового капитала.

Гитлеровцы стремились установить тесное сотрудничество с английской финансовой олигархией, а также с Уолл-стритом. Еще 1 февраля 1933 г. Шахт убеждал поверенного в делах США в Берлине, что фашистский режим не представляет опасности для американских капиталовложений в Германии¹. Вскоре после своего назначения на пост президента рейхсбанка, что было

¹ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1933», vol. II, Washington, 1949, p. 186.

воспринято международными монополиями весьма положительно, Шахт в мае 1933 г. выехал в США для закрепления и расширения контактов правительства Германии с правящими кругами Соединенных Штатов Америки. В качестве эмиссара Гитлера и немецкого финансового капитала Шахт имел встречу с президентом Рузвельтом, членами американского правительства и заправилами Уолл-стрита. Шахт заверял своих собеседников, что «нет более демократического правительства в мире, чем правительство Гитлера», что фашистский режим «является лучшей формой демократии»¹, и добивался предоставления Германии новых американских займов.

В июне 1933 г., будучи членом германской делегации на Международной экономической конференции в Лондоне, Шахт вместе с идеологом фашистской партии Розенбергом принял участие в разработке так называемого меморандума Гугенберга², при помощи которого гитлеровцы пытались запугать западные державы «опасностью большевизма» и выторговать для себя кредиты³. Здесь же в Лондоне Шахт встретился с директором Английского банка Монтегю Норманом, и между ними была достигнута договоренность о предоставлении Английским банком займа Германии⁴. Этот заем в сумме 750 тыс. ф. ст. и был получен Германией в ноябре 1934 г.

После ряда маневров гитлеровцы шаг за шагом сокращали уплату платежей по займам, а в 1935 г. они полностью приостановили выплату долгов. Так, с помощью американской и английской финансовой олигархии, заинтересованной в укреплении и расширении военно-экономического потенциала фашистской Германии, гитлеровцы получили еще десятки миллиардов марок, которые они направили на цели вооружения.

В годы фашистской диктатуры банковские группы Моргана, Рокфеллера, Меллона, «Кун, Леб и К^о»,

¹ «New York Evening Post», 5.V.1933.

² О «меморандуме Гугенберга» см. главу IV.

³ «The Evening Standard», 6.VII.1933.

⁴ См. Л. Поздеева, Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936 гг., М., 1956, стр. 67.

Гарримана, а также английские финансовые магнаты (банк «Братья Лазар», концерн Генри Детердинга и др.) финансировали вооружение гитлеровской Германии.

Однако с приходом Гитлера к власти несколько изменились формы и методы экономической поддержки Германии иностранными монополиями. Если до 1933 г. основной формой финансирования германского вооружения иностранными монополиями были займы, то в годы фашистской диктатуры наряду с займами все большее значение приобретали прямые, в первую очередь американские, вложения в германскую промышленность и картельные соглашения. Это объяснялось большой задолженностью рейхбанка иностранным кредиторам, что вызывало сомнение в его платежеспособности, а также заинтересованностью правительства фашистской Германии в быстром развитии военной промышленности и непосредственном привлечении иностранных монополий к осуществлению грандиозной программы вооружения.

Американские монополии скупали акции немецких компаний и таким образом непосредственно вкладывали капиталы в германскую экономику и тем самым воссоздавали военно-промышленный потенциал Германии. Так, американский химический трест «Дюпон де Немур» владел частью акций химического концерна «ИГ Фарбениндустри»; вместе с английским трестом «Империал кемикл индастрис» «Дюпон де Немур» владел более 20% акционерного капитала фирмы «Динамит А. Г.»¹. «Дженерал моторс» владел до 80% акций немецкой компании «Опель»; «Стандард ойл» контролировала 8 крупнейших немецких фирм, производящих горючее; банкир Морган владел акциями ряда германских авиационных компаний, в частности 30% акций фирмы «Фокке-Вульф», выпускавшей истребители². Концерн

¹ См. В. Постников, США и дауэсизация Германии, стр. 145—146.

² См. Н. Иноземцев, К вопросу о связях между финансовой олигархией США и германскими монополиями (1924—1929 гг.). «Вопросы истории» № 1, 1950, стр. 105.

Крупна был тесно связан с американским концерном «Дженерал электрик». Картельные связи американских и английских монополий с германскими сыграли весьма значительную роль в воссоздании военно-промышленного потенциала фашистской Германии.

Международные монополии непосредственно снабжали фашистскую Германию оружием и стратегическими материалами. Концерн «Дюпон» поставлял оружие, «Стандард ойл» — горючее. Американские монополии содействовали производству в Германии в огромных количествах синтетического бензина, магния, бериллия, алюминия и других стратегических материалов, без которых нельзя было подготовить и вести большую войну. В Германии работало 60 американских предприятий, выпускавших для немецкой армии военное снаряжение. Концерн «Дженерал моторс» через фирму «Опель» поставлял 50% необходимых для Германии автомашин, танки и части самолетов¹ и т. д.

На Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками представители США, Англии и Франции, стремясь скрыть роль американских и английских монополий в вооружении Германии, отказались привлечь к ответственности руководителей германских концернов. Яльмар Шахт в целях собственной реабилитации угрожал представителям США, что он может привести факты о роли американских монополий в вооружении фашистской агрессии. В 1946 г. капитан американской службы Джильберт посетил Шахта в нюрнбергской тюрьме и имел с ним беседу. Позже ее содержание было опубликовано в английской газете «Санди экспресс». «Шахт рассмеялся в своей камере, — писал Джильберт, — услышав, что германским промышленникам будет предъявлено обвинение в вооружении Германии. Если вы хотите предать суду промышленников, способствовавших вооружению Германии, сказал он, то вы должны судить своих собственных промышлен-

¹ См. *Н. Иноземцев*, К вопросу о связях между финансовой олигархией США и германскими монополиями (1924—1929 гг.). «Вопросы истории» № 1, 1950, стр. 105.

ников. Ведь заводы «Опель», принадлежащие «Дженерал моторс», работали только на войну»¹.

Этим признанием Шахт еще раз подтвердил ту огромную роль, которую сыграли международные монополии в вооружении фашистской Германии, которую силы мировой реакции стремились превратить в аванпост международного империализма в подготовке войны против СССР. Сотрудничество германского капитала с международной финансовой олигархией являлось основой для широкого политического сотрудничества фашистской Германии с западными державами.

«Новый план» мобилизации экономических и финансовых ресурсов для подготовки войны

Средств, полученных путем ограбления трудящихся Германии, увеличения бюджетных ассигнований и иностранных займов, было недостаточно для финансирования огромной программы вооружения, разработанной германскими монополиями. Фашистское правительство не располагало для этой цели необходимыми ресурсами. Изыскание средств для перевооружения Германии было поручено банкиру Шахту, который был издавна тесно связан с германской и иностранной финансовой олигархией.

Ныне Шахт пытается отрицать свою роль в финансировании подготовки войны. Однако Шахт не зря получил прозвище «финансового кудесника»². В августе 1934 г. Шахт, оставаясь президентом рейхсбанка, был назначен имперским министром хозяйства, а в 1935 г.—

¹ «Sunday Express», 19.X. 1946. Этим, в частности, объясняется тот факт, что Шахт и другие банкиры и монополисты не были привлечены к ответственности и вскоре были реабилитированы американско-английскими судами по денацификации и ныне вновь играют видную роль в возрождении военной промышленности Западной Германии.

² В свое время Шахт приложил немало усилий, чтобы прослыть «кудесником». Так, он не раз говорил о совершенном им «финансовом чуде». *H. Schacht*, «Finanzwunder» und «Neuer Plan». Vortrag des Reichsbankpräsidenten vor dem Wirtschaftsrat der Deutschen Akademie, Berlin, 1936.

генеральным уполномоченным по военной экономике. В секретном меморандуме Гитлеру от 3 мая 1935 г. о финансировании программы вооружения он писал, что быстрое осуществление этой программы «является основной проблемой немецкой политики и поэтому все остальное должно быть подчинено только этой цели»¹. Шахт отмечал, что уже с 1933 г. в целях маскировки финансирования вооружения производился усиленный выпуск бумажных денег, в результате чего в портфеле рейхсбанка было собрано 4 641 млн. марок денежными знаками. Рейхсбанк направил на нужды вооружения также и находившиеся в его распоряжении вклады иностранцев. «Таким образом, вооружение частично финансируется за счет вкладов наших политических противников»², — писал Шахт.

Из обычных бюджетных ассигнований на вооружение было израсходовано в 1933/34 г. 750 млн. марок, в 1934/35 г. — 1 100 млн., а на 1935/36 г. было запланировано израсходовать еще 2 500 млн. марок. В результате этого дефицит государственного бюджета достиг 5—6 млрд. марок. «Государство и партия, — говорилось в меморандуме, — уже приняли меры к изысканию больших денежных сумм...»³

Шахт предлагал привлечь специальных экспертов, чтобы они изыскали средства и изучили вопрос об использовании капиталовложений общественных и партийных организаций для целей вооружения. «Министерство финансов, — говорилось далее в меморандуме, — должно получить полномочия для рассмотрения возможности увеличения дохода путем введения новых или увеличения существующих налогов»⁴.

Чтобы сосредоточить все средства на финансировании программы вооружения, Шахт предложил: «Все несущественные расходы, предназначенные для других целей, не должны производиться, и вся финансовая

¹ Этот меморандум не был подписан, но на Нюрнбергском процессе Шахт признал свое авторство. ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 20.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 21.

³ Там же, л. 22—23.

⁴ Там же, л. 24.

мощь Германии, хотя она и ограничена, должна быть направлена исключительно на финансирование вооружений»¹. Таким образом, Шахт требовал установления контроля рейхсбанка за расходованием всех финансовых ресурсов с целью мобилизации их для перевооружения страны. 29 ноября 1938 г. Шахт заявил: «Может быть, в мирное время ни один эмиссионный банк не проводил такой смелой кредитной политики, как рейхсбанк после захвата власти национал-социалистами. При помощи этой кредитной политики Германия создала непревзойденную военную машину, и эта военная машина в свою очередь сделала возможным достижение целей нашей политики»².

Осенью 1934 г. гитлеровцами был выдвинут так называемый новый план³, главная цель которого заключалась в мобилизации всех ресурсов Германии для приобретения за границей стратегического сырья и иностранной валюты для перевооружения страны. Основные принципы «нового плана» были изложены Шахтом в его речи на пресс-конференции в день открытия осенней ярмарки в Лейпциге. Шахт заявил, что в ближайшее время будут приняты новые радикальные меры для сбалансирования импорта с экспортом посредством введения специальных лицензий, регулирующих импорт наиболее важных товаров. Шахт указал и на то, что будет всячески форсировано производство отечественного сырья. Он отметил, что не нужно обращать внимания на высокую стоимость сырья, так как «оно будет производиться силами безработных, которым все равно приходится платить пособие»⁴.

«Новый план» вступил в силу 27 сентября 1934 г. Весь германский импорт отныне должен был быть подчинен задачам подготовки войны. С этой целью создавалось 25 правительственных контрольных управлений

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 458.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 6.

³ Экономические мероприятия, осуществленные гитлеровцами в 1933—1936 гг., часто именуется первым четырехлетним планом, куда обычно включают и «новый план», принятый в 1934 г.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 6.

по импорту различных видов сырья. Для облегчения ввоза стратегического сырья была изменена тарифная политика. Получение сырья предприятиями, не связанными с военным производством, ограничивалось. В дополнение к «новому плану» в феврале 1935 г. был принят закон о девизах, на основе которого все операции с иностранной валютой подлежали специальному утверждению девизного управления. С введением «нового плана» и закона о девизах германская внешняя торговля была целиком поставлена на службу войне.

В целях мобилизации средств на вооружение гитлеровцы стремились увеличить экспорт своих товаров в другие страны. В 1933 г. был создан специальный фонд для финансирования германского экспорта. В связи с тем что на мировых рынках, в особенности в Латинской Америке и на Балканах, германские товары наталкивались на сильную конкуренцию английских, французских и американских товаров, Германия для завоевания этих рынков широко использовала демпинг как важнейшее орудие своей внешнеторговой экспансии. Была введена система экспортных премий, которые государство выплачивало промышленникам для покрытия их убытков от экспорта.

Важное место в «новом плане» отводилось странам Балканского полуострова. Германские правящие круги понимали, что в случае возникновения войны с западными державами Германия не сможет рассчитывать на получение стратегического сырья с заморских рынков¹. Поэтому, готовя новую мировую войну, гитлеровцы не только накапливали большие резервы стратегического сырья, но и стремились создать условия для захвата сырьевых источников на континенте Европы, особенно на Балканах.

Финансовое положение Германии уже в первые годы фашистской диктатуры было напряженным. Она испытывала недостаток валюты для оплаты импорта необходимого сырья и продовольствия. Вывозить это сырье из промышленно развитых стран Германия не

¹ «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Berlin, H. 5, 1940, S. 586.

могла, так как они требовали оплаты золотом или иностранной валютой. Поэтому фашистская Германия стремилась закупать сырье в тех странах, которые были согласны продавать его в обмен на германские товары. Используя то обстоятельство, что в период мирового экономического кризиса ослабли торговые связи стран Юго-Восточной Европы с США, Англией и Францией, гитлеровцы предпринимали попытки превратить эти страны в свой аграрно-сырьевой придаток, в плацдарм для будущей войны. Германия вела торговлю с этими странами на основе клиринга, импортируя сырье и экспортируя туда вооружение и товары широкого потребления. Опираясь на крупных землевладельцев и крупную торговую буржуазию стран Юго-Восточной Европы, заинтересованных в том, чтобы с помощью гитлеровцев укрепить у себя реакционные режимы, фашистская Германия не только приобретала необходимое ей сырье, но и заняла довольно прочные позиции в экономике этих стран.

В связи с тем что все свои экономические ресурсы Германия направляла на производство вооружения и не могла оплачивать свои закупки в странах Юго-Восточной Европы, вскоре эти отсталые страны превратились в кредиторов Германии. Клиринговая задолженность Германии странам Юго-Восточной Европы возросла до значительных размеров¹.

В конце 1934 г. она равнялась 450 млн. марок. В марте 1935 г. эта задолженность выросла до 567 млн. марок, но Германия продолжала увеличивать импорт стратегического сырья и продовольствия. Выступая в Берлине 29 ноября 1938 г., Шахт говорил: «Несколькими данными можно доказать успех «нового плана». В период с 1934 по 1937 г. импорт производственных товаров был сокращен на 63%. С другой стороны, импорт руды увеличился на 132%, нефти — на 116%, зерна — на 102% и резины — на 71%»².

Однако денежных сумм, полученных путем налогов, государственных займов и внешней торговли, было уже

¹ «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Н. 5, 1940, S. 577.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 120.

недостаточно для финансирования грандиозной программы вооружения. Тогда в целях получения дополнительных средств гитлеровцы пустились на аферу. Они организовали фиктивное общество «Металь Форшунг АГ» («МЕФО») с номинальным капиталом в 1 млн. марок. Членами этого общества были крупнейшие военно-промышленные фирмы (Крупп, Сименс и др.)¹. Это общество выписывало фирмам, размещавшим заказы на вооружение от имени этого фиктивного общества, так называемые мефо-векселя. Векселя гарантировались государством и принимались к оплате рейхсбанком и другими германскими банками.

Преимущество системы «мефо-векселей» заключалось не только в том, что она позволила мобилизовать на вооружение огромную сумму денег, но также и в том, что эта система позволила сохранять в тайне темпы вооружения Германии, так как «мефо-векселя» не упоминались ни в публиковавшихся отчетах рейхсбанка, ни в цифрах бюджета.

Фальсификаторы истории утверждали впоследствии, что система «мефо-векселей» дала якобы возможность «мобилизовать экономику Германии для расширения занятости населения». В действительности же система «мефо-векселей» была целиком использована с целью мобилизации огромных денежных средств для дальнейшего вооружения. Министр финансов фон Крозиг в письме Гитлеру от 1 сентября 1938 г. указывал, что счета «мефо» были использованы исключительно для финансирования вооружения². В 1934—1936 гг. с помощью «мефо-векселей» было осуществлено финансирование 50% всех военных заказов, а к 1 апреля 1938 г. израсходованная таким образом сумма достигла 12 млрд. марок, что составило значительную часть всех затрат на вооружение, произведенных до начала второй мировой войны³.

Мероприятия по мобилизации германской экономики, проведенные монополистами в 1933—1937 гг.,

¹ *H. Schacht*, 76 Jahre meines Lebens, S. 400.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 115.

³ Там же.

имели исключительно важное значение в подготовке немецко-фашистской агрессии. 5 августа 1937 г. Шахт, как министр хозяйства Германии (одновременно Пруссии), направил секретный меморандум Герингу, являвшемуся премьер-министром Пруссии, в котором содержатся интересные данные об экономическом развитии Германии в первые годы фашистской диктатуры. В этом документе Шахт сообщал, что производство сырья в Германии с начала действия «нового плана» возросло следующим образом¹:

| № п/п | Наименование товара | 1933 г. (в т) | 1936 г. | Рост в % |
|-------|---|------------------|-------------|-------------|
| 1 | Свинец (из германских руд) | 52 000 | 60 000 | 15 |
| 2 | Цинк (из германских руд) | 106 000 | 130 000 | 23 |
| 3 | Алюминий | 18 900 | 97 500 | 416 |
| 4 | Железная руда (из германских руд) | 2 550 000 | 6 812 000 | 167 |
| 5 | Железная руда (содержание железа) . . . | 928 700 | 2 140 000 | 130 |
| 6 | Каменный уголь . . . | 110 000 000 | 158 000 000 | 44 |
| 7 | Горючее и масла . . . | 915 000 | 2 039 000 | 123 |
| 8 | Искусственный шелк | 28 700 | 46 000 | 60 |
| 9 | Хлопок | 4 000 | 46 000 | 1 057 |

За тот же период ввоз сырья и полуфабрикатов благодаря введению новой торговой политики поднялся с 20 млн. т до 46 млн. т. Он подчеркивал, что все доходы, вырученные от внешней торговли, были направлены на финансирование вооружения.

Но даже этот прославленный монополистами «кудесник» вынужден был признать в 1937 г., что возможности «нового плана» исчерпаны; грабительская политика в отношении слаборазвитых стран, именовавшаяся внешней торговлей, больше не могла продолжаться. Германия оказалась должна странам Юго-Восточной Европы и Турции более 0,5 млрд. марок. «Эти страны, —

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1685, л. 29.

признавал с горечью Шахт, — не расположены поэтому производить дальнейшие поставки, пока это сальдо не будет покрыто»¹. В качестве выхода из создавшегося критического положения Шахт требовал увеличения экспорта германских товаров. «Требование поднять как можно скорее до определенного уровня наше вооружение выдвигает на первый план задачу приобретения возможно большего количества валюты посредством увеличения экспорта, а также ввоза возможно большего количества сырья»².

Признания Шахта свидетельствовали о том, что прежние методы военно-политической подготовки, с помощью которых были созданы основы германского военного хозяйства мирного времени, исчерпали себя. Задачи непосредственной подготовки к войне требовали новых форм и методов.

4. Четырехлетний план подготовки Германии к войне

В период выполнения так называемого нового плана фашистская Германия достигла значительных результатов в создании основ военной экономики. Однако «новый план» действовал в условиях, когда подготовка к войне проводилась тайно и германским милитаристам приходилось еще считаться с формальными ограничениями, наложенными на Германию Версальским договором. Но после введения всеобщей воинской повинности и ремилитаризации Рейнской зоны «новый план» оказался недостаточным. В условиях открытой подготовки к войне нужно было не только создавать запасы стратегического сырья, но также удовлетворять потребности растущей военной промышленности и армии. Возможности импорта сырья посредством клиринговых соглашений со странами Юго-Восточной Европы были исчерпаны, так как Германия превратилась в безнадежного неоплатного должника этим странам. С другой стороны, Германия не могла больше увеличивать свой экспорт для оплаты импорта страте-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1685, л. 30.

² Там же, л. 32.

гического сырья, так как германская промышленность была переключена на производство вооружения.

В начале 1936 г. была предпринята попытка несколько уменьшить задолженность Германии другим странам посредством увеличения экспорта оружия за границу, что одновременно должно было способствовать дальнейшему развитию военного производства в самой Германии. 31 января 1936 г. адмирал Редер направил руководителям германской промышленности указание «О необходимости увеличения военного производства», в котором говорилось, что помимо удовлетворения внутренних потребностей Германии военное производство могло бы быть увеличено путем усиления поставок оружия иностранным государствам¹. Далее он писал, что германская промышленность по производству военно-морского вооружения должна соперничать на внешних рынках с промышленностью Великобритании, Франции, США, Японии и особенно Италии².

Но и этого, по мнению руководителей фашистской Германии, было недостаточно. Гитлеровская клика требовала более ускоренных темпов перевооружения, чем намечалось раньше. 31 августа 1936 г. военный министр Бломберг в письме Шахту сообщал: «Согласно приказу фюрера создание всех авиационных частей должно быть завершено к 1 апреля 1937 г. Поэтому в 1936 г. должны быть сделаны значительные затраты, которые при составлении бюджета 1936 г. намечены лишь на последующие годы»³.

Однако финансы Германии были истощены до крайности. 27 мая 1937 г. Шахт вынужден был признать: «За последние годы возможности продажи наших готовых изделий за границей и получения таким путем средств для приобретения необходимого нам сырья все более и более урезывались»⁴.

В 1936 г. ближайшим окружением Гитлера был составлен секретный меморандум о четырехлетнем плане развития германской экономики. Ныне Шахт утвер-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 50.

² Там же.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 137.

⁴ «Berliner Börsenzeitung», 28.V.1937.

ждает, что содержание этого меморандума ему не было известно. По его словам, три экземпляра меморандума были вручены Герингу, Бломбергу и Шпейеру. Шахт же узнал об этом меморандуме якобы через 10 лет после его составления — в 1946 г. — на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками¹. Шахт пишет, что «этот секретный меморандум свидетельствовал не только о полном отказе от моей экономической политики, но также о нескрываемой враждебности ко мне лично»².

Что же в этом меморандуме дает повод Шахту говорить о том, что Гитлер выступил против его экономической политики и против него лично? Основные положения меморандума были вскоре изложены Гитлером в докладе о четырехлетнем плане на Нюрнбергском съезде фашистской партии в сентябре 1936 г. Он обосновывал этот план необходимостью подготовки к войне за мировое господство, и прежде всего против Советского Союза. Нацистский «фюрер» требовал, чтобы все другие интересы были подчинены этой задаче³. Выдвинув демагогический лозунг завоевания Германией «жизненного пространства», Гитлер говорил о необходимости расширения сырьевой и продовольственной базы, увеличения импорта, мобилизации германской экономики. Он требовал увеличить производство топлива, горючего, синтетической резины, смазочных масел, железной руды, добиться самообеспечения Германии во всех областях, сделать ее «экономически независимой» от заграницы и способной в случае войны выдержать блокаду.

Далее он говорил о том, что необходимо в самый кратчайший срок сделать немецкую армию первоклассной армией в мире в отношении боевой подготовки, количественного состава, технического оснащения и, что важнее всего, в области психологической подготовки.

Для осуществления этих целей Гитлер требовал жертв от германского народа: сокращения потребления

¹ Этому противоречит заявление самого Шахта, что Гитлер в это время советовался с ним о планах вооружения Германии.

² *H. Schacht, Abrechnung mit Hitler*, S. 18.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 159.

промышленных товаров и продовольствия. Он предложил утвердить закон о смертной казни за саботаж в промышленности. Суммируя основные задачи плана, Гитлер заявил: «1) германская армия должна быть приведена в полную боевую готовность в течение четырех лет, 2) германская экономика в течение четырех лет должна быть мобилизована для работы на войну»¹.

Еще более подробно военный аспект четырехлетнего плана раскрывался в специальном указании о проведении этого плана в жизнь. Отмечалось, что в кратчайший срок военно-воздушные силы должны быть увеличены в 5 раз, более быстрыми темпами, чем прежде, должен развиваться военно-морской флот, производство вооружения, особенно тяжелой артиллерии и танков, строительство шоссе, железнодорожных путей и т. д.²

С введением четырехлетнего плана вся экономика Германии переводилась на военные рельсы. Наряду с ускорением темпов роста военного производства принимались меры по экономии стратегического сырья, увеличивалось производство всевозможных искусственных заменителей (эрзацев), производилось изъятие ценных и цветных металлов³. Гитлеровцы стремились поднять добычу железной руды, бурого угля, медных руд внутри Германии; разведывалась и начиналась разработка бедных железом руд в районе Зальцгиттера⁴, развивались индустриальные районы между Ганновером, Гарцем и Эльбой.

Уполномоченным по осуществлению четырехлетнего плана был назначен Геринг. В законе от 18 октября 1936 г. о проведении четырехлетнего плана, подписанном Гитлером, говорилось, что Геринг имеет право издавать законы, постановления, предписания, а также давать указания всем органам власти, включая высшие государственные инстанции и партийные органы¹. Сам факт назначения нациста № 2 на пост руководителя

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 169.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 5, л. 341.

³ «Völkischer Beobachter», 28.I.1937.

⁴ А. Бородин, Организация военного хозяйства в Германии. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 8, 1940, стр. 41.

⁵ «Reichsgesetzblatt», 1936, T. I, S. 837.

экономики Германии и облечение его диктаторскими полномочиями в этой области также свидетельствовали о задачах четырехлетнего плана. Газета «Нью-Йорк таймс» так оценивала назначение Геринга: «Для всего мира назначение военного человека в качестве экономического диктатора означает, что Германия окончательно решила осуществить военно-экономическую программу автаркии военного времени»¹.

Однако мероприятия, предусмотренные четырехлетним планом, которые были направлены на превращение германской военной экономики в замкнутое, изолированное от внешнего мира хозяйство, задевали интересы ряда германских монополий, ущемляли интересы экспортной промышленности: легкой, электротехнической и других отраслей, которые в значительной степени получали свои прибыли от экспорта товаров в другие страны. Четырехлетний план отвечал в первую очередь интересам крупных военно-промышленных концернов, заинтересованных в увеличении любой ценой военного производства внутри Германии. Некоторые разногласия, вызванные политикой «автаркии», и получили свое отражение в конфликте, возникшем в правящей верхушке фашистского рейха в 1936—1937 гг. главным образом между Герингом и Шахтом. Конечно, в этом конфликте большую роль сыграла и борьба между двумя деятелями фашистского режима за прерогативы власти. Однако разногласия между Шахтом, с одной стороны, Гитлером и Герингом — с другой, не носили принципиального характера, а касались лишь методов осуществления вооружения Германии. В то время как Шахт основную ставку делал на внешнюю торговлю как на источник финансирования вооружений и обеспечения страны стратегическим сырьем, на продолжение политики получения займов у англо-американских финансистов, вызывающие действия Гитлера и Геринга, их крики об «автаркии», о немедленном переводе экономики страны на военные рельсы затрудняли осуществление этой политики Шахта и стоявшей за ним группировки монополистов, считавших, что такая

¹ «New York Times», 25.X.1936.

гитлеровская политика может привести к преждевременному конфликту с западными державами.

Уже 3 сентября 1936 г. Шахт в беседе с полковником Томасом заявил: «Если мы будем кричать о том, что хотим быть независимыми в экономическом отношении, мы этим сами перережем себе горло, потому что не сможем пережить переходный период»¹.

Несмотря на эти разногласия, и после принятия четырехлетнего плана Шахт продолжал принимать активное участие в подготовке германской экономики к войне. В мае — июне 1937 г. он вместе с представителями армии, военно-воздушных сил участвовал в организованной генеральным штабом «военной игре по военной экономике» в Годесберге, которая имела целью выяснить степень подготовленности германской экономики к агрессивной войне. В это же время Шахт, формально не состоявший в нацистской партии, был награжден золотым партийным значком. Этой награды, как известно, удостоивались только самые преданные сторонники фашистского режима.

26 ноября 1937 г. Шахт ушел с постов министра хозяйства и генерального уполномоченного по вопросам военной экономики. Однако в его руках оставались все еще сильные позиции в руководстве германской экономикой. Он не только продолжал быть президентом рейхсбанка, но и принял пост министра без портфеля в кабинете Гитлера. Факты свидетельствуют о том, что финансовая и экономическая деятельность самого Шахта, направленная на ускорение подготовки к войне, была не менее авантюристичной, чем политика Гитлера, да и нельзя отделить их друг от друга.

Таким образом, в кратчайший срок германские монополисты проделали огромную работу по воссозданию военно-экономического потенциала. К середине 1936 г. фашистская Германия по уровню промышленного производства заняла первое место среди капиталистических стран Европы и второе место в мире (после США).

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 140.

ВОССОЗДАНИЕ ВЕРМАХТА. АГРЕССИВНЫЕ ПЛАНЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

1. Участие германской военщины в подготовке фашистской диктатуры

Предметом особых забот гитлеровского режима было воссоздание и быстрое развертывание вооруженных сил Германии. Для осуществления этой задачи гитлеровцы вступили в тесный союз с германским генеральным штабом, который всегда поддерживал любые политические партии и правительства, выступавшие за восстановление военной мощи Германии и выдвигавшие наиболее агрессивные планы.

Еще задолго до установления фашистской диктатуры германские империалисты проделали большую работу по тайному возрождению вермахта. Уже буквально на второй день после заключения Версальского мира они начали готовиться к реваншу. Этому способствовало прежде всего то обстоятельство, что в Германии не были ликвидированы корни милитаризма — военно-промышленные концерны и прусское юнкерство, являвшиеся основной материальной силой германской империалистической агрессии и ее идейными вдохновителями. Наряду с военной промышленностью германские империалисты стремились сохранить ядро милитаризма — немецкий генеральный штаб. Они скрывали его под видом так называемого Имперского архива, «Всеобщего военного бюро» при министерстве рейхсвера, «Немецкого общества военной политики и военных наук» и т. д.¹

¹ W. Erfurth, Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945, Bd. I, Berlin—Frankfurt a/M., S. 53.

В разное время во главе тайного генерального штаба стояли кайзеровские генералы Сект, Гренер, Шлейхер. Его финансировали германские военно-промышленные концерны. Главной заботой тайного генерального штаба, как и всех германских милитаристов, было создание армии «элиты», которая позже должна была превратиться в костяк массовой армии.

Уже в начале 1921 г. генерал Сект составил меморандум «Основные идеи для создания нового вермахта»¹, в котором предложил план быстрого увеличения рейхсвера в обход версальских ограничений, на основе существовавших 7 дивизий до 14, а затем до 21 пехотной и 3 кавалерийских дивизий. В целях ускоренной скрытой переподготовки офицерских кадров в обход условий Версальского договора министерство рейхсвера сократило срок службы офицеров и унтер-офицеров до 1—1,5 года. Кроме рейхсвера подготовкой офицерских кадров занимались всевозможные милитаристские добровольные организации, такие, как «Стальной шлем», «Имперский флаг», «Оргеш», «Вервольф», а также фашистские отряды СА и СС.

Ради своих преступных, антисоветских целей империалисты Англии, Франции, США и других стран оставляли безнаказанными многочисленные нарушения Германией условий Версальского мира, а в 1927 г. объявили о ликвидации Международной комиссии по контролю за сокращением германской армии под предлогом завершения Германией разоружения. Воспользовавшись попустительством западных держав, германские милитаристы ускорили темпы тайного перевооружения. С каждым годом усиливалась роль военщины в политической жизни Веймарской республики. В 1925 г. бывший начальник генерального штаба кайзеровского вермахта фельдмаршал Гинденбург стал президентом Германии².

¹ *W. Erfurth*, Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945, Bb. I, S. 86.

² *K. D. Bracher*, Die deutsche Armee zwischen Republik und Diktatur. «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. II, Tübingen, 1957, S. 163.

Проводя политику перевооружения, германские милитаристы широко использовали социал-демократическую партию и ее правых лидеров. Оказавшись у власти в 1928 г., правительство социал-демократа Мюллера с большим усердием осуществляло политику вооружения Германии.

К концу 20-х годов темпы воссоздания армии настолько ускорились, что уже 1 апреля 1930 г. в обход условий Версальского мирного договора был составлен мобилизационный план, предусматривавший трехкратное увеличение рейхсвера в случае войны, и началась конкретная подготовка к его реализации. «...Еще в конце 1932 г., — пишет Мюллер-Гиллебранд, — было запланировано, а в 1933 г. было осуществлено формирование сверх существовавших до тех пор частей сухопутной армии небольших кадровых подразделений, располагавших современным оружием, причем число офицеров и унтер-офицеров было удвоено»¹. В том же году командир одной из дивизий генерал Л. Бек разработал наставление по руководству войсками «*Truppenführung*», которое вступило в силу уже после захвата власти гитлеровцами и действовало до начала войны².

Еще до установления фашистской диктатуры немецкие милитаристы подготовили кадры и разработали образцы вооружения для развертывания массовой агрессивной армии. «В период захвата власти, — признает бывший гитлеровский генерал В. Эрфурт, — Гитлер нашел часть своих военных планов уже осуществленной благодаря деятельности генерального штаба сухопутных войск»³.

Фашистская партия с ее агрессивной программой явилась прямой находкой для германских милитаристов. Программа гитлеровцев полностью соответствовала внутренним и внешним устремлениям милитаристов. Один из крупных гитлеровских генералов, фон

¹ Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 12.

² W. Foerster, Generaloberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg, München, 1953, S. 24.

³ W. Erfurth, Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945, Bd. I, S. 156.

Рундштедт, на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками заявил: «Национал-социалистские идеи были идеями, заимствованными из старых прусских времен, и были давно известны нам и без национал-социалистов»¹.

Гитлер и его клика с момента возникновения фашистской партии выступали за тесный союз с рейхсвером. Еще в 1919 г. Гитлер служил в рейхсвере в качестве политического офицера-осведомителя в 4-м Баварском полку в Мюнхене. С помощью капитана Рема он установил тесную связь с руководящими лицами немецкой армии. Командование рейхсвера также в свою очередь искало более тесных контактов с гитлеровцами. 11 марта 1923 г. в Мюнхене состоялась секретная встреча Гитлера с начальником тайного германского генерального штаба генералом Сектом. По признанию Секта, эта встреча произвела на него «чрезвычайно сильное впечатление»². Спустя полгода, 9 ноября 1923 г., в руководимом Гитлером фашистском путче в Мюнхене принимал участие идеолог германского милитаризма, в то время руководитель «черного» рейхсвера в Баварии, генерал Людендорф, а также генерал фон Лоссов, милитарист Эрхардт и др.

В дальнейшем по мере роста влияния фашистской партии происходило сближение германских милитаристов с гитлеровцами. Этому способствовало и то обстоятельство, что в конце 20-х годов в руководстве германским государством все большую роль играла военщина, готовившая вместе с монополистами почву для установления в стране военной диктатуры. В этот период уже довольно большая группа германских генералов и офицеров рейхсвера установила связь с фашистской партией. Штурмовики распространяли в казармах рейхсвера нацистские листовки и газеты, вели агитацию в пользу национал-социалистов. В рейхсвере создавались ячейки фашистской партии. Даже кумир современных западно-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 79, л. 485.

² *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab. Geschichte und Gestalt (1657—1945)* (далее — *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab...*), Frankfurt a/M., 1952, S. 346.

германских реваншистов генерал Бек, будучи командиром полка в Ульме, в 1930 г. выступил в защиту двух офицеров, обвиняемых в создании в полку ячейки национал-социалистской партии¹. Большое число офицеров — членов гитлеровской партии — занимало руководящие посты в армии, в «Стальном шлеме» (военизированных отрядах немецкой национальной народной партии). Так, генерал Бломберг (командовавший военным округом в Восточной Пруссии) и его начальник штаба генерал Рейхенау были тесно связаны с организациями СА в Восточной Пруссии². С 1930 г. отряды СА тайно обучались на полигонах рейхсвера.

В 1930 г. генерал Сект, духовный вождь германских милитаристов, еще теснее сблизился с Гитлером и развил большую активность в пользу избрания Гитлера на пост рейхспрезидента. В конце 1930 г., отвечая на вопрос корреспондента газеты «Ди Дейче Альгемайне Цейтунг», желает ли он участия партии Гитлера в правительстве, Сект ответил: «Безусловно, да! Это более чем желательно, это необходимо...»³ Фашистские методы расправы с демократическим движением он назвал «необходимым элементом будущего правительства», «спасительным фактором». Сект говорил, что это правительство будет иметь форму клина, направленного против внутренних и внешних врагов, от ударов которого будут «щепки лететь»⁴. Весной 1931 г. Сект во время встречи с Гитлером сказал последнему, что видит в нем «собственный стиль», т. е. осуществление своих планов установления в Германии военной диктатуры⁵.

Бывший рейхсканцлер военный преступник фон Папен в своих мемуарах также признает, что «веймарский режим не пользовался симпатией у военных, в связи с этим многие офицеры поддерживали нацизм»⁶. В 1932 г. с обострением политического кризиса

¹ *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck, S. 23.

² *W. Görlitz*, Der deutsche Generalstab .., S. 381.

³ Там же, стр. 383.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ *H. Ritter*, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, Stuttgart, 1955, S. 129.

⁶ *F. Papen*, Memoirs, London, 1952, p. 252.

в Германии роль военщины в стране еще более усиливается. Фельдмаршал Гинденбург являлся президентом Германии, генерал Шлейхер был назначен военным министром в кабинете Папена, а 2 декабря 1932 г. — рейхсканцлером. Кроме того, Шлейхер, как канцлер, одновременно являлся имперским комиссаром Пруссии, и ему были подчинены все полицейские силы (100 тыс. человек). Таким образом, в руках генералитета была сосредоточена вся полнота государственной власти в стране.

Фальсификаторы истории распространяют легенду о том, что будто бы среди высших офицеров рейхсвера существовала «мощная оппозиция» во главе с генералами Шлейхером, Гаммерштейном-Экурордом (главнокомандующим армией) и другими, выступавшая против установления гитлеровской диктатуры. Хотя для такого выступления генералы располагали всеми возможностями (в их руках была государственная власть, армия, полиция и т. д.), этого, однако, не произошло, и именно потому, что германские генералы вместе с монополистами всячески поддерживали фашистскую партию с момента ее появления на политической арене, вскормили ее и передали ей власть. Немецким генералам были хорошо известны военные планы Гитлера, изложенные в «Майн Кампф». Чванливые прусские генералы преклонялись перед этим ставленником монополистического капитала, пошли за ним после захвата фашистами власти, отдали ему свой военный опыт, ибо понимали, что установление фашистской диктатуры означает войну, милитаризацию страны, создание крупной армии и, следовательно, предоставляет большие возможности для их личного успеха.

2. Укрепление союза гитлеровцев с генералитетом

С первых же дней фашистской диктатуры гитлеровцы уделяли особое внимание созданию и расширению вооруженных сил.

Ныне буржуазные историки и публицисты пытаются утверждать, что будто бы в период фашистской диктатуры германские генералы «решительно возражали»

против быстрых темпов вооружения¹ и что это «вооружение Германии не должно было служить целям войны», а было необходимо лишь для достижения «равенства» с другими державами на международной арене². Для придания этой версии большей «правдоподобности» фальсификаторы истории ссылаются на факт отставки главнокомандующего армией генерала Гаммерштейна-Экурда (которого Вестфаль называет «врагом Гитлера»)³, последовавшей вскоре после установления фашистской диктатуры.

На самом деле отставка Гаммерштейна была вызвана отнюдь не тем, что он был противником фашистского режима или подготовки Германии к агрессивной войне. В связи с предстоящими мероприятиями по быстрому развертыванию армии на пост главнокомандующего был назначен более опытный генерал, имевший большой авторитет среди военных. Таким лицом являлся генерал-полковник Фрич, о котором западногерманский историк Риттер пишет, что «этот старый прусский генерал, выражавший интересы рейхсвера, считался большим военным специалистом. Гитлер нуждался в нем, пока строилась новая армия»⁴.

По таким же мотивам были произведены Гитлером и другие замены в командовании рейхсвера, например отставка начальника военного ведомства, фактического начальника генерального штаба генерал-лейтенанта Адама и назначение на его пост 1 октября 1933 г. генерал-лейтенанта Людвига Бека — сына крупного промышленника из Висбадена⁵.

В ряде работ буржуазных историков, а также в мемуарах бывших гитлеровских военачальников пропагандируется легенда о том, что будто немецким генералам не были известны агрессивные военные планы Гитлера. Западногерманский историк Герлиц пишет, что до 1937 г. в речах Гитлера нельзя найти упоминания

¹ *F. Halder*, *Hitler als Feldherr*, München, 1949, S. 9.

² *H. Schacht*, *Abrechnung mit Hitler*, S. 12.

³ *S. Westphal*, *Heer in Fesseln*, Bonn, 1952, S. 14.

⁴ *G. Ritter*, *Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung*, S. 136.

⁵ *W. Görnitz*, *Der deutsche Generalstab.*, S. 407.

о каких-либо военных планах¹. Однако, как свидетельствуют факты, Гитлер и его клика сразу же после захвата власти уделяли большое внимание закреплению и расширению своих контактов с генералами. Даже бывший статс-секретарь О. Мейснер вынужден признать, что без помощи старой прусской военной касты, располагавшей большим военным опытом и милитаристскими традициями, Гитлер не считал возможным восстановление вермахта². На другой же день после назначения рейхсканцлером, нарушив общепринятую субординацию, Гитлер неожиданно явился в казарму рейхсвера в Берлине для личной встречи с солдатами. Спустя несколько дней, 3 февраля 1933 г., в доме начальника войскового управления министерства рейхсвера генерала Гаммерштейна произошла встреча Гитлера с высшими офицерами рейхсвера и военно-морского флота, в которой принимало участие около 400 человек. Во время этой встречи Гитлер произнес речь, в которой, по свидетельству адмирала Редера, «он коротко охарактеризовал последние события (т. е. захват власти фашистами.— В. Ф.) и свои главные цели»³.

Гитлер особенно обратил внимание собравшихся на то, что внутри страны нельзя допускать деятельности каких-либо пацифистских организаций и что искоренение марксизма должно явиться первоочередной задачей⁴. Народ должен воспитываться, требовал Гитлер, в таком духе, что «только борьба может спасти Германию». Военная воля народа, говорил он, должна укрепляться всеми средствами вплоть до применения смертной казни. В области внешней политики главная задача — борьба против Версаля, опирающаяся на растущую мощь вооруженных сил. Гитлер утверждал, что он строит армию главным образом для достижения внешнеполитических целей⁵ и что создание вермахта

¹ W. Görlitz, Der deutsche Generalstab., S. 435.

² O. Meissner, Staatssekretär unter Ebert—Hindenburg—Hitler, Hamburg, 1950, S. 435.

³ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VIII, p. 707.

⁴ W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 180.

⁵ Там же.

является важнейшей задачей фашистского государства. Здесь же он заявлял о необходимости проведения подготовки к введению всеобщей воинской повинности. Гитлер изложил перед генералами и свои агрессивные планы. Восстановление границ 1914 г., говорил он, является не самоцелью, а только средством для ослабления соседей Германии¹, для подготовки дальнейших захватов, в первую очередь за счет Советского Союза.

Спустя еще год, как рассказывал в 1957 г. на процессе над убийцами Рема гитлеровский фельдмаршал Вейхс, 18 февраля 1934 г. Гитлер созвал в министерстве рейхсвера новое совещание высших офицеров армии и штурмовых отрядов. Здесь он еще более откровенно изложил свои планы. «В 1934 г., — говорил Вейхс, — Гитлер уже исходил из возможности начала наступательной войны»². Фашистский «фюрер» говорил о том, что военные действия должны начаться на Западе и только после их успешного завершения следует предпринять наступление на Восток Европы³. На Нюрнбергском процессе Бломберг также заявлял, что в 1933—1935 гг. тайно, а позже открыто восстанавливался вермахт и что все генералы и офицеры были согласны с этим⁴.

Западногерманский буржуазный историк (бывший начальник военно-исторического отдела генштаба) Фёрстер также признает, что, когда 1 февраля 1934 г. генерал Фрич принимал пост главнокомандующего армией, Гитлер сказал ему: «Создавайте армию как можно бóльших размеров»⁵. Это требование Гитлера полностью совпадало с желаниями немецкого генералитета. Министерство рейхсвера планировало к 1 октября 1934 г. иметь армию в 300 тыс. человек, т. е. в 3 раза превышающую размеры, предусмотренные Версальским мирным договором⁶. Таким образом, фак-

¹ *W. Hofer*, *Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933 — 1945*, S. 181.

² «Die Welt», 9.V.1957.

³ Там же.

⁴ «Trial of the Major War Criminals», vol. XXXII, Nürnberg, 1948, p. 468.

⁵ *W. Foerster*, *Generaloberst Ludwig Beck*, S. 31.

⁶ Там же, стр. 32; *W. Erfurth*, *Die Geschichte des deutschen Generalstabes, 1918—1945*, Bd. I, S. 147.

тически уже в 1934 г. Германия отказалась от версальских ограничений и приступила к созданию массовой армии, о чем было официально объявлено только в 1935 г. Еще в конце 1933 г. Бломбергу был присвоен чин генерал-полковника и он был назначен главнокомандующим тремя родами вооруженных сил; следовательно, в его руках сконцентрировалось военное и политическое руководство рейхсвером. Даже во времена кайзеровской империи ни один военный министр не пользовался такими правами.

Апологеты германского милитаризма, преследуя реакционные цели, часто ссылаются на события 30 июня 1934 г.¹, когда в результате кровавой расправы Гитлера с недовольными элементами внутри фашистской партии было убито 1200 человек. Среди убитых находились бывший рейхсканцлер и военный министр Шлейхер, генерал Бредов и др. Наряду с причинами, вызвавшими этот кризис фашистского режима, которые уже широко освещены в литературе, следует иметь в виду роль немецкой военщины в событиях 30 июня. Одной из причин расправы Гитлера с «оппозицией» было его желание устранить тех лидеров СА, которые претендовали на роль руководителей германских вооруженных сил. К началу событий 30 июня 1934 г. Гитлер уже имел прочный контакт с генералами армии и делал ставку на них как на основную силу возрождения вермахта. При этом большую, хотя и подчиненную роль, должны были сыграть фашистские военные отряды.

Буржуазные историки и бывшие гитлеровские генералы в своих мемуарах пытаются отрицать роль многочисленных фашистских военизированных организаций в возрождении вермахта. Так, генерал Мюллер-Гиллебранд пишет, что базой для развертывания сухопутной армии Германии была только небольшая (100-тысячная) армия рейхсвера. При этом он подобно другим фальси-

¹ 30 июня 1934 г. по приказу Гитлера была учинена кровавая расправа над частью недовольных элементов среди его сторонников. Были убиты Рем и другие главы штурмовых отрядов. Участь штурмовиков разделила и часть буржуазной оппозиции.

фикаторам истории пытается скрыть роль многочисленных организаций фашистской партии, которые, имея своей главной задачей осуществление кровавого террора внутри страны, в то же время являлись ядром возрождающегося вермахта.

С момента своего возникновения фашистская партия уделяла большое внимание штурмовым отрядам СА, которые были созданы под руководством наиболее реакционных офицеров рейхсвера, поддерживавших нацистов. Ядро этих отрядов составляли люди типа Штрейхера, Рема, офицеры и солдаты кайзеровской армии, оказавшиеся не у дел после первой мировой войны. Еще в момент создания штурмовых отрядов Гитлер рассчитывал превратить их в фундамент будущих вооруженных сил Германии. Начальник штаба СА Лютце писал: «Уже в 1920 г., создавая СА, фюрер поставил перед этой организацией весьма широкие задачи. СА должна была стать носителем военных идей свободного народа»¹.

Помимо борьбы со своими политическими противниками — антифашистами СА сначала тайно, а затем открыто усиленно занимались военной подготовкой молодежи. Сразу же после захвата власти гитлеровцы решили узаконить превращение СА из партийной в государственную военную организацию. С этой целью генерал фон Рейхенау, одним из первых поддержавший фашистский режим, в мае 1933 г. предложил, чтобы высшее командование СА было представлено в «Имперском совете обороны». Это и было осуществлено².

К главному командованию СА был прикомандирован офицер регулярной армии, обязанности которого состояли в том, чтобы оказывать содействие в военном обучении штурмовых отрядов. Во все части СА также были назначены офицеры рейхсвера, одетые в коричневую форму штурмовиков. Отряды СА были одной из форм массовой подготовки кадров вермахта. «...Целые орды штурмовиков (СА) в особенности в 1933—1934 гг., — сообщал американский консул в Берлине Зейтс, — на

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 79, л. 346.

² Там же, л. 345—346.

глазах у всех занимались военной тренировкой. СА превращались в военную организацию. Я нередко наблюдал за тем, как штурмовики, расположившись в поле или лесу, проходили военно-техническое обучение. Все это являлось составной частью подготовки Германии к войне»¹.

В 1934 г. штурмовые отряды уже насчитывали 400 тыс. человек². В связи с ростом влияния штурмовиков в стране лидеры СА все более претендовали на руководящую роль в создании нового вермахта. Они требовали принять их в армию с сохранением командных должностей и чинов, которые занимали в СА³. Генерал Вестфаль пишет, что командование СА стремилось отеснить армию, а вместо нее поставить свои организации, чтобы захватить в свои руки руководство государством⁴. Ему вторит и генерал Мюллер-Гиллебранд, который также считает, что Рем и другие лидеры штурмовиков стремились к тому, чтобы захватить руководство возрождавшимися вооруженными силами⁵.

По мнению Папена, Рем даже хотел занять пост военного министра и вел переговоры с Гинденбургом о включении штурмовых отрядов в армию. Это могло создать угрозу личной власти Гитлера, так как сам Рем претендовал на пост диктатора страны. Гитлер же, по словам Папена, к этому времени уже установил «сердечные» отношения с военным министром Бломбергом.

На уже упоминавшемся процессе над убийцами Рема приводились новые факты, проливающие свет на причины разногласий между Гитлером и начальником штаба штурмовых отрядов Ремом⁶. На процессе зачитывалось

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 79, л. 345—346.

² *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab...*, S. 407.

³ См. *О. Винцер, 12 лет борьбы против фашизма и войны*, стр. 66.

⁴ *S. Westphal, Heer in Fesseln*, S. 19.

⁵ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.*, т. I, стр. 22.

⁶ В литературе, издающейся в Западной Германии, особенно в мемуарах бывших штурмовиков, предпринимаются попытки представить начальника штаба фашистских отрядов (СА),

письмо фельдмаршала Вейкса, которому была хорошо известна точка зрения Гитлера. По свидетельству Вейкса, в феврале 1934 г. Рем написал специальное письмо военному министру Бломбергу, в котором заявлял, что «рейхсвер должен заниматься только военным обучением населения. Вопросы мобилизации и ведения войны должны быть делом СА»¹. Однако генералы и Гитлер не были согласны с этим. Выступая на совещании высших офицеров рейхсвера и руководителей штурмовых отрядов 18 февраля 1934 г., фашистский лидер отмечал, что для выполнения задач по завоеванию «жизненного пространства» на Западе и Востоке милиция Рема непригодна. Штурмовым отрядам Гитлер отводил в будущем вспомогательную роль «поддержания внутреннего порядка», т. е. выполнение полицейских функций в Германии и в оккупированных странах. Основную ставку в выполнении агрессивных планов германского империализма он делал на вермахт.

Германский генералитет с большой готовностью соглашался использовать военизированные фашистские отряды, однако только в качестве вспомогательной силы. В то же время в лице военных командиров штурмовых отрядов генералы видели нежелательных конкурентов в соперничестве за руководство возрождающимся вермахтом.

В связи с этим в расправе над штурмовиками 30 июня 1934 г. принимал участие и начальник политического отдела военного министерства генерал Рейхенау, а также другие представители германского генералитета². Западногерманский историк Риттер утверждает, что будто бы только после 30 июня 1934 г. в армии «укрепи-

организатора кровавого террора и насилий против трудящихся Рема в роли борца за мир, против антисемитизма, за свободу печати, якобы желавшего сотрудничества с профсоюзами и в связи с этим будто бы навлекшего на себя гнев Гитлера.

¹ «Die Welt», 9.V.1957.

² *F. Papen, Memoirs*, S. 319. Имеется ряд доказательств, свидетельствующих о том, что генерал Рейхенау знал о предстоящем убийстве Шлейхера и одобрил опубликованное позже официальное сообщение, в котором говорилось, что Шлейхер убит в связи с оказанием сопротивления при аресте («Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» N 1, 1953, S. 74).

лось влияние гитлеровцев»¹. В действительности генералитет, содействовавший гитлеровцам в установлении их диктатуры, всегда сотрудничал с фашистской партией, являясь орудием агрессивной политики монополистического капитала. Это подтверждается и заявлением военного министра Бломберга. На следующий день после ночи «длинных ножей» (так часто называют события 30 июня) он писал в фашистском офицозе «Фелькишер беобахтер»: «Германский вермахт теперь снова находится на прочной основе. Переворот 30 января 1933 г. создал ему условия, без которых армия не может существовать». В знак благодарности Гитлеру Бломберг в 1934 г. приказал военнослужащим носить на фуражках, мундирах и касках фашистскую эмблему — свастику². Он потребовал от личного состава армии принесения присяги Гитлеру как «фюреру» империи. По приказу Бломберга был даже изменен текст присяги. Но среди германских генералов и офицеров не нашлось ни одного человека, который бы отказался присягнуть фашистскому диктатору.

Буржуазные историки и публицисты пытаются доказать, что будто бы в «оппозиции» к фашистскому режиму находились также многие деятели — выходцы из реакционной монархической аристократии, являвшейся носителем идеологии прусско-германского милитаризма, которую Риттер называет представительницей «благородных традиций немецкой истории»³. К числу этих оппозиционеров он относил «старопруссских и старобаварских монархистов, романтиков реставрации».

Ноябрьская революция 1918 г. в Германии ликвидировала монархию Гогенцоллернов, однако она не подорвала ни политических, ни экономических основ юнкерства. По-прежнему в Германии сохранили большое влияние монархические силы как в области экономической, так и политической жизни страны. В период Веймар-

¹ G. Ritter, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 137.

² W. Görnitz, Der deutsche Generalstab ..., S. 412.

³ G. Ritter, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 119.

ской республики монархическая реакция, которая базировалась на господстве в Германии буржуазно-юнкерского империализма, не оставляла надежды на реставрацию монархии и восстановление своих привилегий.

Как и в кайзеровской Германии, в Веймарской буржуазной республике офицерский корпус находился в руках юнкерства, представителей старинных дворянских фамилий. Например, в годы Веймарской республики в качестве офицеров рейхсвера служили представители старинных прусских дворянских фамилий: 6 Шверинов, 5 Штюльпнагелей, 5 Деницев, 4 Арнима, 4 Клейста, 4 Шлейница, 3 Шуленбурга, 3 Витцлебена, 2 Бисмарка, 2 Гаммерштейна-Экуорда, 2 Рора, 2 Мантейфеля, 2 Кнезенбека, 2 Трескова, 2 Эйленбурга и др.¹

Один из представителей прусско-германской милитаристской касты, генерал Иодль, на Нюрнбергском процессе заявил: «Мой прадед был офицером, отец мой был офицером, мой дядюшка был офицером, мой брат был офицером, мой тесть был офицером. И я, пожалуй, могу сказать, что профессия солдата была у меня в крови»².

В 1932 г., накануне захвата власти фашистами, из 4 тыс. офицеров рейхсвера 820 происходили из дворян. Из 18 командиров кавалерийских полков 11 были офицерами дворянского происхождения³. Все эти сынки юнкеров, представители многочисленных монархических династий, свергнутых в период Ноябрьской революции, пополняли «черный» рейхсвер, офицерский корпус рейхсвера, штурмовые отряды СА и вместе с другими силами реакции способствовали приходу гитлеровцев к власти. Монархически настроенные генералы и офицеры продолжали сотрудничать с гитлеровцами в восстановлении вермахта, в подготовке агрессивной войны, в укреплении фашистского террористического режима.

¹ *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab .., S. 370.*

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 3.

³ *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab .., S. 376.*

3. Фашизация рейхсвера

Возрождая агрессивные вооруженные силы, гитлеровцы уделяли особое внимание насаждению в армии своих доктрин и «теорий», воспитанию солдат и офицеров в духе фашистской идеологии. Шаг за шагом гитлеровцы с помощью генералов вермахта осуществляли фашизацию личного состава рейхсвера. 15 мая 1933 г. министр рейхсвера Бломберг издал распоряжение, чтобы солдаты, находящиеся вне строя, выполняли фашистские приветствия (поднятием руки) и исполняли фашистские песни¹. 20 мая 1933 г. новым приказом Бломберга был введен обмен приветствиями военнослужащих рейхсвера со штурмовиками. 23 июля 1933 г. было внесено изменение в военный устав, по которому заместители фашистского правительства в землях и провинциях получали право призывать на помощь части рейхсвера во время «общественных беспорядков», т. е. для подавления революционных выступлений².

Хотя военнослужащие — члены фашистской партии — после вступления в армию формально теряли связь с партийными организациями, однако фактически они продолжали «содействовать» деятельности фашистских организаций. Согласно указаниям министерства рейхсвера военнослужащие должны были поощрять своих родственников вступать в фашистскую партию, а также способствовать вступлению в партию вольнонаемных служащих³. Военнослужащим разрешалось выступать в качестве свидетелей в партийных судах. Все солдаты и офицеры рейхсвера должны были посылать своих детей в фашистские молодежные организации «Гитлерюгенд».

В приказе Бломберга от 31 октября 1933 г. «Отноительно сотрудничества с национал-социалистской заводской организацией» говорилось, что все служебные инстанции должны всячески поддерживать дея-

¹ Архив Министерства обороны СССР (далее — Архив МО), ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 27.

² См. К. Гейден, История германского фашизма, М.—Л., 1935, стр. 329, 330.

³ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 70.

тельность фашистских организаций на военных предприятиях, подчиненных министерству рейхсвера, так как «национал-социалистская заводская организация имеет своей задачей распространять национал-социалистское мировоззрение на производстве»¹. На военных предприятиях, как и на предприятиях, подчиненных генеральному уполномоченному по военной экономике, создавались организации фашистского «Трудового фронта»². Поощрялось сотрудничество военнослужащих с фашистской организацией «Сила через радость»³, занимавшейся военно-спортивной подготовкой населения. Предлагалось привлекать эти организации к участию в военных учениях и спортивных соревнованиях. Приказом министра рейхсвера от 28 февраля 1934 г. производилась проверка «арийского» происхождения военнослужащих. Офицеры и младшие командиры, не доказавшие своей принадлежности к «арийской расе», а также женившиеся на «неарийках», увольнялись с военной службы⁴. Был издан также приказ об увольнении из армии солдат, проявивших себя «политически неблагонадежными», с сообщением об этом органам гестапо по месту жительства уволенных⁵.

При подборе офицеров и вольнонаемных служащих вооруженных сил, а также офицеров запаса, при присвоении первичных и очередных воинских званий министерство рейхсвера рекомендовало в первую очередь учитывать «прошлую политическую деятельность»⁶ кандидата, т. е. его преданность фашистскому движению.

Была разработана система воспитания солдат и офицеров рейхсвера в духе фашистской идеологии. На регулярно проводившихся сборах по «национал-социалистскому воспитанию» перед офицерами часто выступали с изложением фашистских «доктрин» лидеры фашистской партии, в том числе и Гитлер⁷. Министерство рейхсвера

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 21.

² Там же, л. 21—24.

³ Там же, л. 11.

⁴ Там же, 40.

⁵ Там же, л. 77.

⁶ Там же, л. 14.

⁷ W. Görnitz, Der deutsche Generalstab..., S. 446.

настойчиво и небезуспешно требовало от генералов и офицеров насаждения среди военнослужащих фашистской идеологии. В директиве Бломберга от 4 апреля 1934 г. говорилось, что «в первый год существования фашистской диктатуры были заложены основы для политической и хозяйственной перестройки нации»¹. В связи с этим «второй год, — говорилось далее в документе, — ставит на первый план необходимость духовного насыщения нации руководящими идеями национал-социалистского государства»². В директиве подчеркивалось, что это относится в первую очередь к вооруженным силам. Всем служебным инстанциям предписывалось впредь уделять большое внимание преподаванию «текущей политики» в вооруженных силах страны. С 1 апреля 1934 г. военно-политическое управление министерства рейхсвера 2 раза в месяц издавало так называемые Основные указания по вопросам текущей политики³, исполнение которых являлось так же обязательным, как и других служебных директив⁴.

Еще в 1933 г. Бломберг приказывал, что при подписке на газеты для вооруженных сил в первую очередь должен выписываться фашистский официоз «Фелькишер беобахтер». 1 июня 1934 г. был разработан и утвержден президентом Гинденбургом новый текст «Обязанностей немецкого солдата», пронизанный фашистскими идеями, который каждый солдат должен был выучивать «наизусть». В «Обязанностях» говорилось, что борьба за принципы национал-социализма, за «жизненное пространство» является первоочередной обязанностью немецкого солдата⁵.

Спустя три недели, 25 июня 1934 г., была издана секретная директива «Вооруженные силы и национал-социалистское учение», которая представляла собой дальнейший шаг в политике фашизации рейхсвера. «С 30 января 1933 г., — писал Бломберг, — вооруженные силы заняли в национал-социалистском государ-

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 13.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 14.

⁵ Там же, л. 7.

стве то место, которое подобает им занимать на основе их национального характера, их внутренней крепости и их непоколебимой дисциплины»¹. Далее указывалось, что национал-социалистское мышление является «основой поведения немецкого солдата».

В директиве говорилось также, что национал-социалистская идеология не может определять только чисто профессиональную деятельность офицеров и солдат, но они должны руководствоваться ею и во внеслужебной и в общественной жизни. «Я хотел бы, — писал Бломберг, — чтобы офицерский корпус вооруженных сил во всех, особенно в небольших, населенных пунктах удержал за собой ведущее положение в общественной деятельности, которое он завоевал себе в предвоенное время и сохранил в тяжелые годы после войны»².

Таким образом, командование рейхсвера стремилось закрепить и расширить положение, существовавшее в Веймарской республике, когда части рейхсвера, расквартированные в многочисленных пунктах Германии, являлись центрами по созданию милитаристских союзов и тайного военного обучения населения. Теперь генералы и офицеры рейхсвера должны были способствовать насаждению агрессивных фашистских идей и поддерживать все организации гитлеровцев. «Необходимо установить более тесную служебную товарищескую связь войсковых соединений с представителями новой (т. е. фашистской. — В. Ф.) Германии, особенно с органами власти»³, — говорилось далее в директиве. Эта директива доводилась до сведения всех офицеров и преподавалась в качестве обязательного предмета в военных училищах и на офицерских курсах.

Для воспитания военнослужащих в духе фашистской идеологии использовались также всяческие массовые увеселительные мероприятия, празднества и т. д. В директиве министра рейхсвера от 29 июня 1934 г. говорилось, что в этих целях необходимо использовать также обычаи и празднества, музыку, игры, украшение

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 8.

² Там же, л. 9.

³ Там же.

казарм так, чтобы «это культурное богатство приняло солдатский и национал-социалистский характер»¹. Командованию соединений предлагалось направлять офицеров и унтер-офицеров рейхсвера в национал-социалистские учебные лагеря и в другие фашистские организации и особенно активно поддерживать деятельность фашистской спортивной организации «Сила через радость». «С большим удовлетворением,— писал Бломберг,— я следил в последнее время за движением в сухопутных и военно-морских силах, направленным на то, чтобы оказать помощь национал-социалистскому обществу «Сила через радость» в выполнении стоящих перед ним больших задач...»² Он предлагал укреплять сотрудничество вооруженных сил с этой фашистской спортивной организацией, занимавшейся тайной военной подготовкой населения, привлекать представителей этого общества на военные учения и т. д.

После введения всеобщей воинской повинности, с большим восторгом встреченного генералами и офицерами гитлеровской армии, фашизация личного состава вооруженных сил еще более усилилась. Офицерский корпус был безгранично благодарен Гитлеру за возрождение военной мощи Германии и в свою очередь играл активную роль в распространении национал-социалистской агрессивной идеологии в вооруженных силах. Об этом неопровержимо свидетельствует директива Бломберга от 30 января 1936 г. «Относительно политического воспитания в вооруженных силах», в которой безраздельная убежденность в национал-социалистском мировоззрении объявлялась важнейшим качеством офицера. «Офицерский корпус вооруженных сил только тогда может выполнить свои руководящие обязанности перед народом и государственную волю,— писал Бломберг,— когда его личным духовным достоинством и внутренним убеждением безраздельно является национал-социалистское мировоззрение, направляющее жизнь немецкого народа и государства. Поэтому я придаю особое значение политическому воспитанию

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 267, л. 10.

² Там же, л. 11—12.

офицерского корпуса трех основных видов вооруженных сил»¹.

Для выполнения этой задачи еще более усиливалось внимание к пропаганде национал-социалистской идеологии в войсках, которая отныне преподавалась в военных училищах, академиях и в рамках плановых занятий по военному делу и т. д. Офицеры, преподающие национал-социалистскую теорию, командировались на краткосрочные курсы, где слушали курс лекций и получали специальные указания. В военных округах проводились специальные краткие инструктажи командиров частей по политическим вопросам. Вопросами преподавания национал-социалистской идеологии ведало военно-политическое управление министерства рейхсвера².

Таким образом, приведенные факты и документы подтверждают несостоятельность утверждений буржуазных историков, что будто бы офицеры и генералы германских вооруженных сил и после установления гитлеровской диктатуры находились «вне политики» и всячески препятствовали проникновению нацистской идеологии в вооруженные силы. В действительности они рассматривали фашистскую идеологию как составную часть агрессивных планов германского империализма и принимали активное участие в фашизации рейхсвера, в психологической подготовке войны. Спустя несколько лет, в 1941 г., фашистские теории были изложены в известной «Памятке» солдатам гитлеровского вермахта, которой они должны были руководствоваться во время своих разбойничьих походов против народов мира. «Ни одна мировая сила,— говорилось в ней,— не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты — германец; как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир»³.

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 724438, д. 14.

² Там же.

³ «Сборник сообщений Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков», М., 1946, стр. 7—8.

Спустя несколько лет озверевшие гитлеровские орды, воспитанные офицерами и генералами в духе этих каннибальских фашистских «теорий», набросились на народы Европы, уничтожая миллионы людей, разрушая материальные и культурные ценности, созданные человечеством.

4. Отказ Германии от военных статей Версальского договора и создание массового вермахта

Как уже отмечалось, еще в период Веймарской республики, а также в первые годы фашистской диктатуры, скрыто, в обход версальских ограничений было произведено значительное увеличение германских вооруженных сил, была заложена основа нового вермахта, создана военная промышленность и изготовлены образцы нового вооружения. Даже буржуазные историки вынуждены признать, что к моменту введения всеобщей воинской повинности в Германии уже имелась регулярная армия, в 3 раза превышающая размеры, установленные Версальским мирным договором¹.

Новый этап в истории фашистского вермахта начался после введения всеобщей воинской повинности. К началу 1935 г. гитлеровцы уже многого достигли в политике вооружения. Однако формальное существование версальских ограничений мешало развертыванию массовой армии. В связи с этим в 1934 г. Гитлер и его клика поднимают кампанию за ликвидацию версальских ограничений, за «равенство» в вооружениях и т. д. В конце 1934 г. Бломберг в беседе с корреспондентом американского агентства Ассошиэйтед Пресс открыто требовал введения всеобщей воинской повинности в Германии. Вся нацистская пресса по команде Геббельса поддержала это заявление министра рейхсвера.

Эти откровенно агрессивные требования германских милитаристов получили полную поддержку со стороны

¹ W. Erfurth, Die Geschichte des deutschen Generalstabes 1918—1945, Bd. I, S. 156.

империалистических кругов западных держав. На состоявшемся в начале февраля 1935 г. совещании руководителей правительств Англии и Франции в Лондоне была достигнута договоренность об укреплении сотрудничества с Германией¹. Такая позиция западных держав еще более ободрила гитлеровцев, которые решили окончательно избавиться от версальских ограничений. Однако до введения всеобщей воинской повинности гитлеровцы осуществляют ряд предварительных мер. 10, а затем 13 февраля 1935 г. правительство фашистской Германии опубликовало ряд официальных заявлений о создании военной авиации и об отказе от военных статей Версальского договора.

16 марта 1935 г. в нарушение статьи 173 Версальского договора правительство фашистской Германии издало закон о введении всеобщей воинской повинности. В Германии создавалась полумиллионная сухопутная армия. Рейхсвер, который отныне, как и в кайзеровской Германии, снова стал именоваться вермахтом, увеличился до 12 корпусов (36 дивизий)². Но и это количество дивизий было в ближайшие годы значительно превзойдено.

В результате реорганизации управления войсками, произведенной на основе этого закона, министерство рейхсвера преобразовывалось в имперское военное министерство. Все вооруженные силы были разделены на три вида: сухопутная армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы, подчиненные соответствующим главнокомандующим (Фричу, Редеру, Герингу), которые в свою очередь подчинялись военному министру и верховному главнокомандующему Бломбергу. 4 июля 1935 г. бывшее военное ведомство (управление) министерства рейхсвера было официально переименовано в генеральный штаб сухопутных сил. Его начальником стал Людвиг Бек. Генеральный штаб, который в течение полутора десятков лет скрывался под различ-

¹ См. «История дипломатии», т. III, М. — Л., 1945, стр. 524—525.

² См. «Сборник документов по международной политике и по международному праву», вып. X «Разоружение 1933 — 1936», М., 1936, стр. 265—266.

ными наименованиями, откровенно заявил о своем существовании. Он был значительно расширен. В его 8 отделах работало теперь 190 офицеров¹. 15 октября 1935 г. была официально открыта военная академия вермахта.

Введение в Германии всеобщей воинской повинности означало ликвидацию важнейшей части Версальского договора и фактически упраздняло его. Этот наглый акт германских фашистов, создавший большую угрозу безопасности Англии и Франции, не встретил со стороны правящих кругов этих стран решительного осуждения и отпора. Наоборот, они всячески поощряли германские вооружения.

После введения всеобщей воинской повинности развитие германских вооруженных сил происходило поистине бешеными темпами. Особенно большое внимание уделяли гитлеровцы развитию авиации, которую они считали важнейшим родом войск в предстоящей агрессивной войне.

В годы Веймарской республики германская военщина всячески обходила те статьи Версальского договора, которые запрещали Германии иметь военную авиацию и производить самолеты. В министерстве рейхсвера имелась замаскированная группа авиационных офицеров. Во главе департамента гражданской авиации стоял офицер, ставленник Секта. Аппарат этого департамента также состоял из бывших офицеров военно-воздушных сил. Еще до 1924 г. в Германии была создана сеть аэродромов и заводов гражданского самолетостроения, производилась подготовка пилотов и т. д. Большую роль в подготовке кадров для воздушного флота сыграла гражданская компания воздушного флота «Люфтганза», директор которой Эрхард Мильх был произведен позже в генералы². Постепенно военное значение «Люфтганзы» все более возрастало, совершенствовались выпускаемые ею самолеты. Особенно форсировалось производство мощных авиамоторов. После первой мировой войны спортивные и туристские самолеты выпускали

¹ W. Görnitz, Der deutsche Generalstab ..., S. 425.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 32, л. 37.

фирмы «Юнкерс», «Дорнье», «Хейнкель», «Мессершмитт», «Фокке-Вульф». Большинство этих фирм имело свои филиалы за границей, выпускавшие военные самолеты. За границу были вывезены и авиационные конструкторские бюро.

В Германии при самолетостроительных заводах имелись летные школы «Люфтганзы», где готовились летчики для немецкой транспортной авиации. К 1927 г. в стране насчитывалось около 27 самолетостроительных и 6 авиационных заводов. В годы экономического кризиса авиастроительные фирмы перевели свои филиалы из-за границы в Германию¹. Уже в 1932 г. была широко организована секретная военная тренировка летчиков и существовал секретный план создания военно-воздушных сил.

Сразу же после захвата власти фашистами началось усиленное развитие авиации и подготовка летных кадров. Многие офицеры, принятые в авиацию, увольнялись из армии и проходили переподготовку в гражданской авиации². В 1933 г. Геринг создал министерство гражданской авиации³. В министерстве рейхсвера было создано авиационное управление, которое также вскоре было передано Герингу, назначенному имперским комиссаром воздушного флота.

На базе этой большой предварительной работы и происходило развертывание германских военно-воздушных сил после введения всеобщей воинской повинности. Все добровольные спортивные авиационные клубы были объединены в единый «Германский союз спортивной авиации». Руководящая роль в нем принадлежала фашистскому летному корпусу⁴. Осенью 1935 г. были сформированы первые авиационные соединения: разведывательные, бомбардировочные и истребительные.

¹ См. *Е. Н. Петрунин*, Введение всеобщей воинской повинности в гитлеровской Германии — переход к открытой подготовке второй мировой войны. «Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», т. IX, вып. 6, М., 1957, стр. 228.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 32, л. 359.

³ Там же.

⁴ См. *Е. Бруче*, *А. Великаев*, *М. Владимиров*, Воздушные вооружения Германии, М., 1938, стр. 97.

Позже происходило увеличение этих соединений посредством деления. По мере пополнения каждое соединение и воинская часть ежегодно делились на 2—3 соединения и части. В 1935 г. была создана военно-воздушная академия и высшая военно-воздушная школа. В том же году проводились уже крупные маневры воздушного флота.

Большое внимание фашистская Германия уделяла строительству военно-морского флота. Германские милитаристы еще до захвата власти гитлеровцами осуществили тайное возрождение военно-морского флота. К 1933 г. в Германии имелось 8 линкоров, 8 крейсеров, 32 истребителя, 29 тральщиков и других военных судов. Личный состав военно-морского флота составлял 15 тыс. человек¹. В первые годы фашистской диктатуры германские милитаристы разработали подробную программу перевооружения флота. Военный министр Бломберг и адмирал Редер получили широкие полномочия по увеличению военно-морского флота. Для сохранения в тайне усиленного перевооружения флота помимо общего бюджета существовал большой секретный бюджет, которым распоряжался главнокомандующий флотом². На строительство морского флота были переданы средства, конфискованные у профсоюзов. Уже в 1933 г. был разработан пятилетний план строительства военных кораблей, в том числе и трех «карманных» линкоров³. В 1934 г. Гитлер дал указание адмиралу Редеру хранить в тайне программу строительства подводных лодок, а также фактический тоннаж и скорость кораблей⁴.

К 1935 г. были завершены подготовительные мероприятия к осуществлению большой программы строительства военно-морского флота. Адмирал Редер, который с 1928 г. был начальником управления военно-морских сил, являлся фактически командующим военно-морским флотом; после введения всеобщей

¹ См. *Е. Шведе*, Военный флот Германии, М.—Л., 1936, стр. 52.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 465.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 481.

воинской повинности он формально был утвержден в должности главнокомандующего военно-морскими силами.

Если раньше Германия конструировала и строила подводные лодки в Турции, Голландии, Японии, Испании, Финляндии и там же производила подготовку кадров подводников, то после введения всеобщей воинской повинности и особенно после заключения англо-германского морского соглашения в 1935 г. она начала усиленно строить военно-морской флот внутри страны. 29 июня 1935 г. уже вступила в строй первая германская подводная лодка¹.

Восстановление военно-морского флота Германии создавало явную угрозу безопасности Англии, Франции, США. Однако правящие круги этих стран, исходя из своих антисоветских устремлений, поощряли военно-морское вооружение Германии.

Но особое внимание германские генералы и монополисты уделяли увеличению армии. Почти вся 100-тысячная армия рейхсвера была превращена в инструкторов. Из 1 стрелковой роты рейхсвера создавалось 5 рот вермахта, из 21 пехотного полка и частей полиции формировалось 105 пехотных полков. Быстро увеличивалось число унтер-офицеров, офицеров и генералов. Если в 1932 г. рейхсвер насчитывал 44 генерала, то в 1934 г. их было уже 400². Распоряжением Гитлера, изданным на основе закона о введении всеобщей воинской повинности 21 мая 1935 г., устанавливался одногодичный срок действительной военной службы. Это вызывалось стремлением гитлеровцев как можно быстрее подготовить военные кадры для агрессии, а также нехваткой офицерского состава. Как признает западногерманский военный историк Фёрстер, начальник генерального штаба Бек и главнокомандующий армией генерал Фрич выражали опасение, что такая ускоренная подготовка солдат отрицательно скажется на их боеспособности. Они настоятельно советовали Гитлеру ввести двухлетний срок обучения солдат в армии и

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 50, л. 298.

² *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab...*, S. 432.

улучшить подготовку офицеров. Гитлер принял предложения своих генералов, и 24 августа 1936 г. был введен двухлетний срок службы в армии¹.

Помимо фашистских военизированных организаций СА и СС, которые являлись одним из резервов пополнения вооруженных сил унтер-офицерским и офицерским составом, важную роль в подготовке кадров вермахта играла фашистская молодежная организация «Гитлерюгенд», национал-социалистский «мото-корпус», «авиационный корпус», «Трудовой фронт» и «Организация ТОДТ»². С 1936 г. членство в «Гитлерюгенде» стало обязательным для всей молодежи. К началу второй мировой войны число членов «Гитлерюгенда» составляло около 8 млн. человек. Это была специальная организация для предварительной военной подготовки и обучения молодежи. С самого начала эта организация была создана на военизированных началах: ее члены носили военную форму, в ней имелись свои ранги и титулы. Она подразделялась на соединения, части, подразделения. «Гитлерюгенд» создавала специальные соединения: военно-воздушные, военноморские, связи, моточасти и т. д., где готовились летчики, моряки, танкисты. Более 7 тыс. офицеров-инструкторов преподавали стрелковое дело в «Гитлерюгенде». Только в 1937 г. вермахт передал организации фашистской молодежи 10 тыс. винтовок. Именно через эту организацию гитлеровцы внушали молодежи чело-веконенавистническую идею, что война является «благородным делом».

Вслед за Гитлером, который в феврале 1938 г. в одной из своих речей требовал ускоренного военного обучения членов организации «Гитлерюгенд»³, заместитель руководителя фашистской молодежи говорил: «С течением времени мы хотим добиться того, чтобы немецкие школьники также уверенно обращались с оружием, как с пером»⁴.

¹ *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck..., S. 34.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 210.

³ «*Völkischer Beobachter*», 21.II.1938.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 210.

8 августа 1939 г. между руководством «Гитлерюгенда» (Ширах) и верховным командованием вооруженных сил (Кейтель) было заключено соглашение, в котором говорилось, что уже имеется 30 тыс. руководителей гитлеровской молодежи, проходящих обучение в условиях полевой обстановки. Соглашение предусматривало увеличение этого числа в 2 раза. Предусматривалось также усиление сотрудничества «Гитлерюгенда» с вооруженными силами в целях воспитания немецкой молодежи.

Между руководством «Гитлерюгенд» (Ширах) и гестапо (Гиммлер) было заключено соглашение о наборе молодых людей в бригады СС — «Мертвая голова» — для полицейских частей, охраны концентрационных лагерей и т. д.¹

Была развернута ускоренная подготовка офицерского состава. Кадры офицеров пополнялись за счет унтер-офицеров рейхсвера и за счет бывших офицеров кайзеровской армии, но в значительной степени также за счет полиции. На Нюрнбергском процессе Геринг говорил, что еще до захвата власти гитлеровцами была создана так называемая охранная полиция, которая помимо выполнения полицейских обязанностей предназначалась и для пополнения армии. С целью военизации подразделений «охранной полиции» туда были назначены офицеры армии.

После захвата власти гитлеровцами эта полиция стала более основательно заниматься военной подготовкой. Кроме личного оружия она была вооружена пулеметами. С введением всеобщей воинской повинности эти формирования были включены в состав армии в качестве частей сухопутных сил; многие из числа полицейских были назначены унтер-офицерами и офицерами вермахта². Мюллер-Гиллебранд сообщает, что 2500 полицейских были назначены офицерами вермахта³.

Дух милитаризма пронизывал всю общественную и политическую жизнь фашистской Германии: служеб-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 524.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 34, л. 74.

³ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.*, т. I, стр. 33—34.

ные чины и ранги, введенные почти во всех учреждениях страны, и соответствующая им форма одежды имели целью воспитание военной дисциплины, подчинения приказам. Одновременно с восстановлением вермахта немецкие офицеры и генералы разрабатывали теоретические принципы, стратегию и тактику войны за мировое господство германского империализма. В 1935 г. вышла книга генерала Людендорфа «Тотальная война», в которой он доказывал, что для достижения победы следует использовать любые, даже самые варварские, методы ведения войны. В 1937 г. появилась книга полковника Гудериана «Внимание, танки!». Эти сочинения привлекали большое внимание германских милитаристов, и особенно Гитлера. «Фюрер» горячо поддержал идею Людендорфа о «тотальной войне» и идею Гудериана о создании крупных танковых войск с мотопехотой как важнейшей ударной силы в предстоящей войне.

Еще 15 октября 1935 г. в Германии было сформировано три танковых дивизии, вооруженных танками новых образцов Т-1 и Т-2, созданных на германских заводах. Одной из этих дивизий командовал полковник Гудериан¹. Большое внимание уделялось строительству артиллерии на самодвижущихся лафетах.

По мере воссоздания германских вооруженных сил и подготовки к войне в политической жизни Германии все более возрастала роль военщины. В целях усиления роли главнокомандующего сухопутными силами 20 апреля 1936 г. Фрич был произведен в ранг министра и в качестве советника по вопросам «обороны» получил право присутствовать на заседаниях правительства. Таким правом уже пользовались главнокомандующий военно-воздушными силами (он же министр авиации) Геринг и главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Редер². Нацистскими властями были созданы военные суды, назначены военные атташе в Париж, Лондон, Рим, Вашингтон и столицы других стран; тем самым ликвидировались последние ограничения Версаля.

¹ *H. Guderian, Erinnerungen eines Soldaten, S. 29.*

² *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab ..., S. 431.*

Германские генералы, генеральный штаб в гитлеровской Германии являлись верными слугами прусско-германского империализма. Крупп, Тиссен, Феглер, Маннесман и другие вместе с американскими империалистами вскармливали германский милитаризм, финансировали германский генеральный штаб. Около 800 немецких фирм после первой мировой войны приняли участие в финансировании подпольного германского генерального штаба. Они передали немецким генералам миллионы долларов и марок. Задолго до захвата власти гитлеровцами между генералитетом рейхсвера и монополистами был заключен союз с целью подготовки к перевооружению армии.

После установления фашистской диктатуры германский генеральный штаб с необычайной активностью участвовал в подготовке экономики к войне. Связи генералов с монополистами стали еще более тесными. Военное министерство и генеральный штаб играли руководящую роль в перестройке промышленности на военный лад.

В министерстве рейхсвера для руководства работой военных предприятий и координации усилий военного ведомства с генеральным уполномоченным по военной экономике Шахтом был создан специальный штаб по руководству военной экономикой (своеобразный военно-экономический генеральный штаб). Начальником этого штаба был назначен один из бывших директоров заводов Круппа — полковник (позже генерал) Томас. Министерство рейхсвера назначило 14 специальных офицеров (*Wirtschaftsoffizier*), в задачу которых входило выявление важных в военном отношении предприятий и составление мобилизационных планов этих предприятий. Министерство авиации создало свою особую организацию для выявления предприятий, имеющих первостепенное значение в развитии военной авиации, и для составления их мобилизационных планов.

Функции военно-экономического штаба и его связи с предприятиями еще более расширились после введения всеобщей воинской повинности. 1 апреля 1935 г. при военном министерстве было образовано 10 военно-эко-

номических инспекций, которым подчинялись окружные офицеры по военной экономике.

Вся эта система военно-экономических учреждений непосредственно подчинялась генеральному штабу, который с ее помощью осуществлял руководство по реализации военно-промышленных и мобилизационных мероприятий в области экономики для всех трех видов вооруженных сил. В результате такой активности генштаба были выявлены предприятия и возможности их использования для нужд войны, были составлены календарные планы подготовки отдельных военных предприятий.

Завершив первый этап в создании и перевооружении армии, гитлеровцы приступают к конкретному выполнению своей экспансионистской программы, чтобы испытать свою армию, а также создать предпосылки для других актов агрессии. Не менее важно для гитлеровцев было выяснить, как будут реагировать правительства западных держав на их первые агрессивные акции.

Одним из таких первых агрессивных мероприятий фашистской Германии явилось занятие демилитаризованной Рейнской зоны. Укрепление Рейнской зоны было крайне необходимо германским милитаристам, для обеспечения своего тыла на Западе. Это была одна из мер по подготовке нападения на Францию. Ремилитаризация Рейнской зоны, таким образом, являлась одним из важнейших предварительных мероприятий, без которого гитлеровцы не могли приступить к осуществлению своей агрессивной программы. Кроме того, в Рейнской зоне находились крупнейшие промышленные предприятия, принадлежащие «Стальному тресту», концерну Круппа и другим, имевшие важное значение для военного потенциала Германии.

2 мая 1935 г. начальником генерального штаба Бекком был составлен план ремилитаризации Рейнской зоны, замаскированный под условным наименованием «шлунг» («учебный»)¹. Однако в 1935 г. осуществление этого плана было отложено, так как Германия не хотела

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 225.

обострять отношений с Англией в период подготовки англо-германского морского соглашения. Составляя планы занятия войсками Рейнской зоны, немецкие генералы весьма опасались возможного противодействия Франции и Англии. В связи с этим предусматривались специальные мероприятия на случай ответных акций с их стороны. Однако подписание 18 июня 1935 г. англо-германского морского соглашения убедило гитлеровцев в том, что Англия не окажет противодействия их мероприятиям по ревизии Версальского договора. Учитывая это, фашистская Германия продолжала подготовку к занятию демилитаризованной Рейнской зоны. В директиве от 29 октября 1935 г., направленной главнокомандующим родами войск, Бломберг писал, что чрезвычайно важно, чтобы внешний мир ничего не узнал о подготовке сопротивления на случай применения западными державами санкций¹. 2 марта 1936 г. он разослал главнокомандующим войсками секретный приказ о занятии Рейнской области. В приказе говорилось о переброске армейских частей и военно-воздушных сил к границам демилитаризованной Рейнской зоны, проведении воздушной разведки в море, срочной переброске подводных лодок из Килия в Вильгельмсгафен и об усилении их разведывательной деятельности². Однако в приказе сообщалось, что следует отказаться от более демонстративных военных мероприятий, предусмотренных ранее планом «шулунг».

Документы германского генерального штаба, а также последующие показания немецких генералов на судебных процессах раскрывают действительную картину событий, которые развертывались в германском генеральном штабе 7 марта 1936 г. В этот день в Берлине было официально объявлено о вводе германских войск в Рейнскую зону и об отказе Германии от Версальских и Локарнских обязательств по ее демилитаризации. Одновременно эти документы позволяют установить и причины, вызвавшие необходимость внесения изменений в первоначальный вариант плана «шулунг».

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 225.

² Там же, л. 226.

В Рейнскую зону Германия решила направить всего пять пехотных полков, но из них только три батальона были переправлены по мосту на левый берег Рейна. Эти три батальона и произвели реокупацию Рейнской зоны. Проводя эту наглую операцию, германская военщина еще сама дрожала от страха за ее последствия. Генерал Иодль на Нюрнбергском процессе говорил, что в период занятия Рейнской зоны «нам было как-то не по себе, как игроку, который ставит на карту все свое состояние»¹.

Гитлер также заявлял, что если бы французы вошли тогда в Рейнскую зону, то фашистским войскам пришлось бы со стыдом и позором ретироваться, так как военных сил, которыми располагала Германия, не хватило бы даже для создания видимости сопротивления². Учитывая все это, 6 марта на заседании правительства было принято решение, что в случае если Франция, имевшая в то время 26 отобилизованных дивизий, окажет военное сопротивление, то приказ об оккупации должен быть отменен. Командиры батальонов, вступивших в Рейнскую зону, имели при себе запечатанные пакеты, которые они должны были вскрыть при первом появлении французских войск. В пакетах содержался приказ «немедленно отступить из зоны».

Опасения гитлеровской клики были напрасными, и, хотя занятие Рейнской зоны создавало непосредственную угрозу безопасности Франции и Бельгии, западные державы не предприняли ни военных, ни дипломатических мер для предотвращения этой фашистской акции. Западные державы давали аванс германским милитаристам, рассчитывая, что они оправдают их надежды и позже направят свои силы для борьбы с СССР. Оккупировав Рейнскую зону, германские милитаристы превратили ее в плацдарм для дальнейшей агрессии.

Генерал Иодль говорил на Нюрнбергском процессе, что, занимая Рейнскую зону, «фюрер предполагал,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 225.

² W. Wheeler-Bennett, *The Nemesis of Power*, London, 1954, p. 352.

что она создаст условия для развития в будущем активных действий на Востоке»¹.

Таким образом, отсутствие сопротивления германской агрессии со стороны правительств США, Англии, Франции в период ликвидации Германией важнейших статей Версальского договора и фактического расторжения Локарнских соглашений все более убеждало гитлеровцев, что правящие круги западных держав впредь будут поощрять германскую агрессию и направлять ее на Восток, против Советского Союза. Это обстоятельство оказало решающее влияние на последующее поведение немецко-фашистских империалистов, действия которых принимали все более наглый, агрессивный характер.

5. Первое испытание вермахта на полях Испании

Следующим агрессивным актом немецко-фашистских империалистов, имевшим большое значение в подготовке и развязывании второй мировой войны, являлась германская вооруженная интервенция против республиканской Испании. Победа Народного фронта в Испании на выборах 16 февраля 1936 г. открывала новый этап в развитии буржуазно-демократической революции в стране. Эта победа наносила удар не только по силам монархической реакции и фашизма в Испании, но и по силам фашизма и войны во всем мире. Вот почему международная империалистическая реакция, и в первую очередь фашистские правительства Германии, Италии, Португалии, а также профашистские элементы в правящих кругах США, Англии, Франции и других стран, выступила в роли союзников испанских фашистов, поднявших 18 июля 1936 г. мятеж против законно избранного республиканского правительства Испании.

Гитлеровская Германия сыграла решающую роль в подготовке мятежа и в течение почти трех лет, до марта 1939 г., оказывала всестороннюю поддержку испан-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 225.

ским фашистам и принимала непосредственное участие в вооруженной интервенции против испанского народа. Осуществляя вооруженную интервенцию в Испании, гитлеровцы стремились разгромить антифашистский Народный фронт в Испании, оказавший большое влияние на подъем антифашистского движения во всем мире, в том числе и в самой Германии. С интервенцией в Испании немецко-фашистские империалисты связывали также далеко идущие военно-экономические и стратегические цели. Если, укрепляя Рейнскую зону, Германия создавала угрозу Франции с севера, то, совершая интервенцию в Испанию, она стремилась осуществить неудавшийся замысел Бисмарка «посадить на затылок Франции испанскую мушку», т. е. создать ей угрозу с юга, а также поставить под угрозу военно-морскую крепость Англии Гибралтар, англо-французские колониальные владения и их жизненно важные коммуникации на Средиземном море. Гитлеровцы рассчитывали использовать для укрепления своего военно-экономического потенциала богатые сырьевые источники Испании и ее колоний: железную руду, медь, свинец, вольфрам, а также нефть, залежи которой были открыты в Марокко¹. Еще до начала интервенции германские военно-промышленные концерны («ИГ Фарбениндустри», «Сименс», «Металлгезельшафт», «Стальной трест», концерны Круппа и др.) имели значительное влияние в Испании². Одним из членов наблюдательного совета «Металлгезельшафт» являлся Варлимонт, брат которого был первым командиром «Легиона Кондор», затем военным советником Франко, а позднее заместителем начальника оперативного отдела штаба верховного командования Германии.

Уже в 1936 г. правительства Италии и Германии заключили с Франко наряду с военными и политическими соглашениями и ряд экономических соглашений, по которым итальянские и германские империалисты³

¹ См. «Испания в цифрах», М., 1936, стр. 130—133.

² См. А. Норден, Так делаются войны, стр. 66—68, 75.

³ См. «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика в Испании (1936—1943)», М., 1946, стр. 42.

получили право на эксплуатацию природных ресурсов Испании. После начала интервенции в Испании на основе соглашения, заключенного между Франко и правительством фашистской Германии, было основано общество «Исма», сосредоточившее добычу и экспорт испанской руды в Германию. Сотни тысяч тонн железной руды и других полезных ископаемых было вывезено в Германию с территории, занятой мятежниками¹. Министерством хозяйства и другими учреждениями фашистской Германии был разработан подробный план эксплуатации испанской экономики после окончания войны².

Создавая плацдармы для войны с Англией и Францией, помогая фашистским мятежникам расправиться с испанскими патриотами-антифашистами, гитлеровцы в то же время утверждали, что они спасают Францию и Европу от проникновения большевизма с территории Испании. Еще задолго до начала мятежа германская контрразведка установила тесный контакт с испанскими реакционерами. Генерал Франко с 1916 г. состоял агентом германской контрразведки «Абвер». В феврале 1936 г. генерал Санхурхо, позднее погибший во время авиационной катастрофы, выезжал в Берлин и информировал гитлеровцев о подготовке мятежа. Геринг и Розенберг обещали ему помощь и поддержку³. Аналогичное обещание дал генералу Санхурхо и Муссолини⁴.

Основную силу испанских фашистских мятежников составляли наемные войска, находившиеся в Марокко. перебросить их в Испанию не было возможности, так как моряки торгового и военного флота, а также личный состав авиации остались верными испанскому республиканскому правительству. В связи с этим мятеж фашистов в Испании мог быть подавлен с самого

¹ См. *Х. Гарсиа*, Испания народного фронта, М., 1957, стр. 40—41.

² ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 94, 123, 693.

³ Там же, стр. 45.

⁴ См. *Долорес Ибаррури*, Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936—1939). «Вопросы истории» № 11, 1953, стр. 31.

начала. В этот критический момент на помощь мятежникам пришли фашистские правительства Германии и Италии, начавшие вооруженную интервенцию в Испанию.

Сразу же после начала мятежа генерал Франко просил Гитлера срочно прислать германские транспортные самолеты для перевозки войск мятежников из Марокко в Испанию, а также самолеты-бомбардировщики с германским личным составом¹. Затем 26 июля в Берлин прибыла группа франкистских офицеров для переговоров о военной помощи. Они просили срочно направить в Марокко и в пункты, занятые мятежниками на территории Испании, 10 транспортных самолетов и 20 бомбардировщиков². Во время переговоров с адмиралом Канарисом, а затем с Гитлером и Герингом были разработаны мероприятия по оказанию быстрой и эффективной помощи мятежникам. Опасаясь международных осложнений, гитлеровцы первоначально оказывали помощь мятежникам через посредство компании транспортной авиации «Люфтганза», авиационных фирм и через нейтральные страны, особенно Португалию.

Прибытие большой партии германских транспортных самолетов и бомбардировщиков позволило мятежникам перебросить в Испанию из Африки десятки тысяч солдат и развязать гражданскую войну. Германия направила к берегам Испании две эскадры военноморского флота. 7 августа одна из германских военных эскадр прибыла в Сеуту (бывшее Испанское Марокко), и, несмотря на то что Германия продолжала еще поддерживать дипломатические отношения с республиканским правительством, адмирал Карлус посетил главаря мятежников генерала Франко, который благодарил Гитлера за оказанную помощь³.

Германской контрразведке и в первую очередь ее шефу адмиралу Канарису принадлежала руководящая роль в практической подготовке фашистского мятежа и итало-германской интервенции в Испании. С этой

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 5.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 24—26.

целью Канарис установил тесный контакт с начальником итальянской разведки Роатта и согласовал с ним планы (так называемый план В) совместных действий против республиканской Испании.

В первый период интервенции Германия и Италия поставляли мятежникам оружие, самолеты, танки, а также направляли летчиков и различных военных советников, перебрасывали войска Франко из Марокко. Немецкие самолеты «юнкерсы» и «хейнкели», переданные мятежникам, 29 августа 1936 г. совершили налет на Мадрид и подвергли его варварской бомбардировке¹. Германо-итальянская интервенция в Испании облегчалась политикой пособничества агрессорам, которую проводили правительства США, Англии и Франции. В то время как германские и итальянские фашисты оказывали военную и экономическую поддержку мятежникам, правительства США, Англии и Франции, прикрываясь маской «нейтралитета», лишили законное испанское правительство права приобретать вооружение в других странах и тем самым внесли свой вклад в удушение республиканской Испании. Многочисленные транспорты с американским вооружением и снаряжением (самолетами, танками, горючим) через нейтральные страны поступали в распоряжение армии мятежников. Эти же цели преследовала и политика западных держав в так называемом Лондонском комитете по невмешательству в войну в Испании, образованном 9 сентября 1936 г. в Лондоне под председательством английского лорда Плимутта. Однако, несмотря на военную и экономическую поддержку, помощь мятежникам со стороны фашистской Италии и Германии, несмотря на политику сговора с интервентами, которую проводили правительства западных держав, испанский народ, поддерживаемый прогрессивными силами всего мира, и в первую очередь народами Советского Союза, в ходе национально-революционной войны наносил мощные удары по армиям мятежников и интервентов. Вопреки ожиданиям организаторов мятежа война в Испании приобретала затяжной характер.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 53.

Для того чтобы быстрее добиться победы и перейти к другим актам агрессии, германское и итальянское правительства с октября 1936 г. начинают более активно вмешиваться в войну на стороне мятежников. В ноябре 1936 г. Италия и Германия вышли из так называемого Комитета по невмешательству. В Германии в спешном порядке было создано специальное воинское соединение, так называемый Легион Кондор, который был направлен в Испанию. Только в начале ноября 1936 г. 6500 германских солдат и офицеров прибыло в Кадикс¹. В Испанию были посланы тысячи солдат и офицеров вермахта, главным образом летчиков и танкистов, и большое количество военной техники. Гитлеровцы израсходовали на интервенцию в Испании, т. е. на содержание «Легиона Кондор» и на другие цели, около 500 млн. марок². Германские корабли принимали непосредственное участие в варварской бомбардировке городов республиканской Испании (Альмерии и др.), в пиратских нападениях на торговые суда Советского Союза и других стран.

Значительная группа войск в помощь мятежникам была послана правительством фашистской Италии. Вскоре численность итало-германских войск в Испании достигла 100 тыс. человек. Только войска итало-германских интервентов не раз спасали мятежников от неминуемой катастрофы. Начальник германской контрразведки Канарис неоднократно выезжал в Испанию и вместе с франкистскими генералами разрабатывал планы военных операций. Он также организовал снабжение вооружением фашистских мятежников через страны Латинской Америки, Голландию, Португалию и другие и их финансирование через лондонские банки.

Германия использовала войну в Испании в качестве своеобразного полигона для испытания новой военной техники и обучения войск тактическим приемам в боевых условиях. «С разрешения фюрера, — говорил Геринг в своих показаниях на Нюрнбергском процессе, — я послал (в Испанию. — В. Ф.) большую часть

¹ А. Норден, Так делаются войны, стр. 69.

² ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 763.

моих транспортных самолетов и целый ряд испытательных отрядов моих истребителей, бомбардировщиков и зенитной артиллерии. Таким образом, имелась возможность проверить в боевых условиях, отвечает ли материальная часть тем требованиям, которые ей предъявлялись. Для того чтобы личный состав также получил некоторый опыт, я обеспечил его частую смену, т. е. все время присылали новых летчиков, а старые возвращались в Германию»¹.

В ходе сражений на полях Испании была выявлена слабость боевых качеств немецкого оружия, особенно танков и самолетов, а также недостаточная военная подготовка личного состава. Гитлеровский генерал Рейхенау в 1938 г. в докладе, прочитанном перед главарями фашистской Германии, признавал: «Было бы ошибкой рассматривать войну в Испании как войну второстепенного порядка. Испания научила нас многому, в Испании мы исправили некоторые ошибки нашей военной стратегии»².

Учитывая опыт войны в Испании, нацистская клика принимала меры для улучшения качества немецкого вооружения. Разрабатывались новые, более совершенные типы оружия, вносились изменения в военное обучение и подготовку личного состава.

Особенно большое значение имела война в Испании для разработки дальнейших планов немецко-фашистской агрессии. Позиция правительств Англии, Франции и США, прикрывавшихся политикой «невмешательства», а в действительности оказывавших помощь фашистским мятежникам и итало-германским интервентам в удушении антифашистской национальной революции в Испании, позволяла гитлеровцам делать вывод, что и в дальнейшем агрессивные притязания фашистской Германии не встретят сопротивления со стороны западных держав.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 225.

² *Долорес Ибаррури*, Национально-освободительная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников (1936—1939). «Вопросы истории» № 11, 1953, стр. 35.

Укрепившись в Испании под ширмой борьбы против коммунизма, гитлеровцы заняли стратегические плацдармы для последующего наступления на позиции Англии и Франции, для борьбы за передел колоний. Министерство пропаганды фашистской Германии создало в Испании свой чрезвычайный штаб, который распространял нацистскую пропаганду в Африке и странах Ближнего Востока¹. Эта пропаганда должна была идеологически подготовить дальнейшую экспансию германского империализма.

6. Разработка планов агрессии

В работах германских буржуазных историков, а также в мемуарах бывших гитлеровских генералов распространяется легенда о том, что фашистская Германия не имела наступательных планов войны и что планы, составленные генеральным штабом, носили только оборонительный характер².

В действительности военные планы германского империализма сложились еще задолго до начала фашистской агрессии в Европе. Эти планы по существу принципиально не отличались от военных планов германского империализма, разработанных в конце XIX — начале XX в. Однако с изменением международной обстановки, особенно в связи с поощрением антисоветской политики гитлеровской Германии правящими кругами США, Англии и Франции, планы германского империализма все более принимали континентальный характер. Это определялось также и слабостью военно-морского вооружения Германии. В основе экспансионистских планов немецких фашистов, отражавших интересы наиболее агрессивной группировки финансового капитала, лежала классовая ненависть империалистов к Советскому Союзу, к демократическому и революционному движению трудящихся, стремление к реваншу, жажда захвата и порабощения

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 770—784.

² W. Görlich, Der deutsche Generalstab ..., S. 436.

других народов. Наиболее полно агрессивные идеи гитлеровцев были изложены еще в книге Гитлера «Майн Кампф». «Когда мы говорим, — писал Гитлер, — о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»¹. Эти агрессивные, антисоветские идеи фашистской партии и монополистического капитала Германии и вошли в качестве основной части в первые военные планы, разработанные германским генеральным штабом. Однако, усиленно подчеркивая свою ненависть к социалистическому государству, гитлеровцы в то же время под шум антикоммунистической пропаганды готовились к борьбе с крупнейшими империалистическими державами за передел мира, за установление своего мирового господства.

Основные контуры германских военных планов, а также военной доктрины были разработаны в 1935—1937 гг. Такими первыми военными планами, разработанными германским генеральным штабом в 30-х годах, были уже упоминавшийся план «шулунг» — кодовое обозначение мероприятий по оккупации Рейнской зоны — и план «Рот» («Красный») — кодовое обозначение плана войны с Францией, утвержденный осенью 1935 г. В этом же году генеральным штабом был разработан также проект мобилизационного плана армии. Опыт участия германских вооруженных сил в оккупации Рейнской зоны, а главное — участие вермахта в войне против республиканской Испании, ускорил разработку генеральным штабом планов агрессии в Европе и войны за установление мирового господства германского империализма.

12 марта 1937 г. генеральный штаб разослал в войска «мобилизационный план сухопутных сил», после введения которого терял свою силу проект мобилизационного плана, составленный 5 октября 1935 г.² Мобилизационным планом устанавливался порядок формирования сухопутных войск. Отмечалось, что

¹ *A. Hitler, Mein Kampf, S. 742.*

² Архив МО, ф. 6598, оп. 725109, д. 220, л. 1—7.

мобилизационные мероприятия должны осуществляться на основе ранее изданных законов «Об обороне империи», «О всеобщей воинской повинности» и других. Предусматривалась возможность тайной мобилизации вооруженных сил. Войсковые части мирного времени после объявления мобилизации должны были выделить кадровый состав для формирования других воинских частей. Для отдельных соединений и частей составлялись мобилизационные календари. Мобилизацию должны были осуществлять так называемые военные корпусные округа, на которые была разбита Германия¹.

Другим важным документом, разработанным генеральным штабом, являлась совершенно секретная директива «О единой подготовке вооруженных сил к войне», подписанная военным министром и главнокомандующим вермахта Бломбергом. Первый вариант ее был разработан еще 26 июня 1936 г., но в более детальном виде она была разослана в войска 24 июня 1937 г.

«Общее политическое положение, — говорилось в директиве, — доказывает правильность предположения о том, что Германия не должна считаться с возможностью нападения с чьей-либо стороны»². Таким образом, эта секретная директива опровергает утверждения буржуазных фальсификаторов истории о том, что будто бы Германия вооружалась только в целях «обороны». Здесь гитлеровцы признавали, что им не угрожало ни одно государство Европы или другой части света. В директиве содержалось требование о подготовке вооруженных сил к войне с таким расчетом, чтобы они могли «начать войну внезапно», «застигнуть противника врасплох» и нанести ему сокрушительный удар в кратчайший срок. Для выступления германских вооруженных сил следовало использовать «благоприятные политические условия» даже до того, как будет полностью завершена программа вооружения и подготовка к войне. В директиве заявлялось, что Германия «не имеет намерения развязать европейскую войну», но предполагает осуществить свои планы по частям.

¹ Архив МО, ф. 6598, оп. 725109, д. 220, л. 11—12.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1729, л. 22, 24, 25.

В директиве определялись и возможные варианты военных действий. Первый вариант «Война на два фронта при нанесении основного удара на Юго-Востоке» предусматривал следующие особые случаи: вооруженная интервенция против Австрии («план Отто»), возможные осложнения в ходе военных действий против «красной Испании» (особый «план Рихард»), война против Чехословакии («операция Грюн»). «Война на Востоке, — говорилось в директиве, — может начаться неожиданной германской атакой против Чехословакии»¹.

Второй, основной вариант исходил из возможности «войны на два фронта при нанесении основного удара на Западе» — против Франции («план Рот» — красный). В обоих основных вариантах военных действий еще предусматривалась возможность вступления в войну против Германии также Англии, Польши и Литвы. Однако операции в Юго-Восточной Европе против Австрии и Чехословакии рассматривались как важнейшие предварительные меры по укреплению тыла фашистской Германии перед началом европейской войны. В агрессивных планах гитлеровцев важное место отводилось подготовке войны против Советского Союза. Как показал адмирал Редер на Нюрнбергском процессе, «в это время (в 1937—1938 гг.) фюрер уже заявил о своем непреклонном решении провести восточную кампанию вопреки всем возражениям»². И далее: «Фюрер с самых ранних пор думал о том, чтобы однажды свести счеты с Россией. Несомненно, его общие идеологические убеждения во всем этом играли значительную роль. В 1937 г. он однажды заявил, что намеревается уничтожить Россию как державу на Балтике»³.

В военно-исторической и мемуарной литературе Запада широкое распространение получила версия, что будто бы Гитлер разрабатывал военные планы, а генералы были вынуждены слепо их выполнять. Директива от 24 июня 1937 г. и другие документы

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1729, л. 4.

² ЦГАОР, д. 7445, д. 14, л. 280—281.

³ Там же.

опровергают эту лживую версию. Эта директива была хорошо известна немецким генералам, и в первую очередь Бломбергу, Фричу, Беку и многим другим, принимавшим активное участие в ее разработке.

Весьма важное значение для разработки военных планов фашистской Германии имело совещание у Гитлера, состоявшееся 5 ноября 1937 г. На нем присутствовали военный министр Бломберг, главнокомандующие Фрич, Редер, Геринг, министр иностранных дел Нейрат, адъютант «фюрера» полковник Госбах¹. Гитлер в трехчасовой речи говорил о необходимости быстрее завершения подготовки к войне. Он давал указания о более строгом проведении политики «автаркии», о планах захвата насильственным путем «жизненного пространства». Далее он говорил, что «вопрос для Германии состоит в том, где можно добиться больших завоеваний наименьшей ценой»². С его точки зрения, это пространство должно быть завоевано «на территории Европы, в странах, непосредственно прилегающих к нашей империи»³.

Гитлер изложил три возможных варианта германской агрессии. Первый вариант. Начало агрессии в 1943—1945 гг., после завершения перевооружения армии и создания офицерских кадров. В связи с отсутствием необходимых запасов продовольствия для содержания многочисленной армии в течение такого длительного периода, а также «вследствие отсутствия иностранной валюты» Гитлер отвергал этот план.

¹ Протокола совещания не велось, и оно не стенографировалось. Спустя 5 дней полковник Госбах произвел по памяти запись выступления Гитлера. Этот документ был предъявлен на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками под названием «Протокол Госбаха» (ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 148). Спустя 12 лет полковник Госбах в своих мемуарах, пытаясь умалить значение данного совещания в подготовке войны, писал, что оно будто бы было созвано исключительно для рассмотрения разногласий, возникших между военным министром Бломбергом и Герингом как уполномоченным по четырехлетнему плану, и что здесь не предполагалось рассматривать вопросы, связанные с подготовкой войны. *F. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler (1934—1938), Wolfenbüttel und Gannover, 1949, S. 137.*

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 148.

³ Там же, л. 148, 151.

Второй вариант. Если Франция будет ослаблена внутренними переворотами. Это создаст условия для выступления Германии против Чехословакии.

Третий вариант. Если Франция будет связана войной с какой-либо другой державой (имелась в виду Италия.— В. Ф). «...В случае войны,— говорил Гитлер,— нашей первой задачей является одновременный захват Чехословакии, Австрии с целью устранения всякой опасности с флангов при возможном наступлении на Запад». Вместе с тем Гитлер заявлял, что Англия, а возможно, и Франция уже молча «отказались от Чехословакии», ибо «они свыклись с мыслью о том, что в один прекрасный день этот вопрос будет решен Германией».

Главный тезис этого заявления Гитлера сводился к тому, что захват Австрии, Чехословакии и Данцига не является конечной целью агрессии, «а только средством для осуществления дальнейших завоеваний», так как «территориальный вопрос может быть решен только силой¹». Далее Гитлер говорил, что ни в коем случае не следует откладывать начало агрессии в долгий ящик, что условия для этого могут возникнуть в 1938 г. Захват Чехословакии и Австрии, который должен быть осуществлен молниеносно, позволил бы улучшить военно-стратегическое положение Германии, «дополнительно сформировать около 12 дивизий», высвободить вооруженные силы для других целей, обеспечить Германии продовольствие для 5—6 млн. человек².

Таким образом, на данном совещании Гитлером была изложена конкретная программа реализации германских империалистических притязаний посредством войны. Главным условием успешной реализации этой программы он считал благосклонную позицию правительств Англии и Франции, проводивших политику поощрения немецко-фашистской агрессии на Восток Европы, против СССР.

Эта авантюристическая программа не могла не встревожить часть немецких генералов, особенно тех,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 71, л. 148.

² F. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler (1934—1938), S. 207.

которые еще не забыли печального опыта первой мировой войны и которые смотрели на политику Франции и Англии с позиций 1914—1918 гг.

В буржуазной литературе события, связанные с разработкой военных планов в конце 1937 г., и некоторые разногласия в правящей верхушке гитлеровского рейха по этому вопросу изображаются как доказательство наличия «оппозиции» германского генералитета агрессивным планам Гитлера. Следует отметить, что в тот период составление военных планов гитлеровцами еще не было завершено. Они еще продолжали колебаться в выборе направления агрессии. Некоторые из них не без оснований считали также, что война против СССР может закончиться крушением «третьей империи».

Авторы легенды о «генеральской оппозиции» обычно ссылаются на «Протоколы Госбаха», в которых содержатся некоторые факты, свидетельствующие об опасениях ряда генералов, что авантюристическая политика гитлеровцев может вовлечь Германию в мировую войну, к которой она еще не была готова.

В «Протоколе Госбаха» отмечается, что на совещании 5 ноября 1937 г. после речи Гитлера «фельдмаршал фон Бломберг и генерал-полковник фон Фрич при оценке положения неоднократно указывали, что война с Италией не свяжет французскую армию до такой степени, чтобы она не могла быть в состоянии начать военные действия на нашей западной границе, имея превосходящие силы»¹. Бломберг «обратил особое внимание на силу чехословацких укреплений, конструкция которых имеет характер линии Мажино, что представляет большие трудности для нашего наступления»². Таким образом, некоторые генералы не верили в военную «мощь» Италии, не верили также и в то, что Гитлеру удастся удержать Англию и Францию от вступления в войну.

По подсчетам гитлеровских генералов, для прорыва сильно укрепленных чехословацких позиций требовалось 35 дивизий, а Франция могла мобилизовать

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 394.

² Там же, л. 345.

100 дивизий. Кроме того, Франция и Чехословакия были связаны договорами о взаимопомощи с СССР, обладавшим колоссальной военной мощью. Эти обстоятельства — перспектива войны на два фронта — пугали многих немецких генералов. В своих показаниях на Нюрнбергском процессе Бломберг признавал, что он, как и другие генералы, не противодействовал военным планам Гитлера. «До 1938—1939 гг., — подчеркивал он, — германские генералы не выступали против Гитлера. Не было оснований выступать против него, пока он достиг тех результатов, к которым они стремились сами»¹.

Таким образом, германские милитаристы, полностью разделяли агрессивные планы Гитлера, они лишь опасались вступить в войну преждевременно, считая армию недостаточно подготовленной. Генерал Иодль в своем дневнике, предъявленном на Нюрнбергском процессе, писал, что существовало различие между «интуицией фюрера о том, что необходимо сделать это в нынешнем году (т. е. начать войну в 1939 г. — В. Ф.), и мнением армии о том, что мы этого еще не можем сделать, так как западные державы, несомненно, вмешаются, а мы еще не можем с ними сравниться...»². Следовательно, речь шла не о «сопротивлении» генералов военным планам гитлеровцев, а лишь о некоторых тактических разногласиях.

К концу 1937 г. были осуществлены важные военно-экономические мероприятия, завершившие перевод экономики Германии на военные рельсы. Военное производство с 1933 по 1938 г. увеличилось в 10 раз³. К концу 1937 г. продукция германской тяжелой промышленности, являющаяся основой военного производства, уже на 25% превышала самый высокий уровень дофашистского периода⁴.

Германская армия, состоявшая из 10 дивизий в 1932 г., в 1937 г. превратилась в массовую армию,

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 14, л. 245.

² «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1952, стр. 316.

³ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», М., 1956, стр. 33.

⁴ См. Ю. Кучинский, История условий труда в Германии, стр. 329.

насчитывающую 66 дивизий, оснащенных новейшими видами наступательного оружия. Разработанный генеральным штабом мобилизационный план на 1937/38 г. уже предусматривал развертывание только сухопутных войск военного времени численностью в 3,3 млн. человек¹.

Итак, к осени 1937 г. германские милитаристы достигли значительных успехов в возрождении агрессивных вооруженных сил. После введения всеобщей воинской повинности на базе рейхсвера и других многочисленных милитаристских организаций происходило быстрое развертывание многомиллионного вермахта. Гитлеровцы воспитывали личный состав армии в духе агрессивной, человеконенавистнической идеологии. Германский генеральный штаб завершал разработку планов империалистической агрессии и подготовку страны и армии к их практической реализации.

¹ См. В. Дашинцев, О роли германских милитаристов в подготовке второй мировой войны. Сборник статей «Против фальсификации истории второй мировой войны», М., 1959, стр. 108—109.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ (1933—1937 гг.)

1. Агрессивная внешнеполитическая программа гитлеровцев

Важнейшая роль в подготовке фашистской агрессии принадлежала германской дипломатии. Перед ней финансовая олигархия Германии поставила задачу обеспечить внешнеполитические условия для агрессии: привлечь союзников, разрушить систему коллективной безопасности государств, складывавшуюся в Европе, замаскировать экспансионистские планы, изолировать очередные жертвы гитлеровской агрессии, с тем чтобы до завершения программы перевооружения Германии предотвратить возможность превращения конфликтов, вызванных ее агрессивными действиями, в мировую войну.

Внешнеполитическая программа фашистской Германии отражала хищнические устремления наиболее агрессивных, наиболее шовинистических групп германского финансового капитала. Эта программа восприняла экспансионистские цели юнкерско-буржуазного империализма конца XIX—начала XX в., изложенные в Меморандуме германских профессоров, в требованиях Пангерманского союза, Колониального общества и документах других шовинистических и милитаристских организаций (идеи создания «Срединной Европы» под эгидой Германии, колониальной империи, традиционного «Дранг нах Остен» и т. п.)¹.

¹ Пангерманский союз — объединение наиболее агрессивных представителей германского империализма, созданное

После первой мировой войны в политике германского империализма не произошло существенных изменений. В. И. Ленин отмечал, что после Версаля немецкие империалисты «перекрасились в республиканский цвет, но остались представителями империализма»¹. Не претерпели существенных изменений и методы их внешней политики.

Однако в условиях крайнего обострения всех противоречий империализма в эпоху общего кризиса капитализма внешнеполитическая программа гитлеровцев — партии войны — отличалась еще большей агрессивностью и авантюризмом, чем программа германских милитаристов конца XIX—начала XX в. Это объяснялось рядом обстоятельств. Во-первых, германский империализм потерпел тяжелое поражение в мировой войне 1914—1918 гг. и утратил ряд важных экономических и внешнеполитических позиций (районы Эльзас-Лотарингии, Саарский бассейн, часть Силезии, колонии и др.). Во-вторых, с возникновением общего кризиса капитализма германский империализм стал выступать в роли ударного кулака мировой империалистической реакции в борьбе против революционного и демократического движения и прежде всего против Советского Союза.

Одним из основных требований внешнеполитической программы гитлеровцев, с помощью которого они маскировали свои хищнические цели, была демагогия о собирании и объединении немецких национальных меньшинств, проживающих в других странах, под руководством германского рейха. Во введении к программе

в 90-х годах XIX в., разработал и пропагандировал авантюристическую программу широчайших территориальных захватов в Европе, Азии, Африке, Америке.

Псевдонаучный «Меморандум германских профессоров» (8 июля 1915 г.) содержал в себе сгусток наиболее алчных территориальных притязаний германских империалистов (предусматривался захват Северо-Восточной Франции, Бельгии, Нидерландов, Польши, Прибалтики, Украины, Кавказа, Балкан, Ближнего Востока, Индии, большей части Африки, Центральной и Южной Америки). Этими же идеями был пронизан и составленный в начале XX в. милитаристом Науманом план так называемой Срединной Европы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 134.

национал-социалистской партии (1920 г.) говорилось, что все лица немецкой крови, находящиеся в других странах, должны быть объединены в немецком государстве. В качестве первой меры фашистская программа требовала автономии для немецкого населения Судетской области Чехословакии, Эльзас-Лотарингии, Польши, Австрии и других государств, бывших германских колоний, а в дальнейшем их присоединения к Германии. Предусматривалось также присоединение к Германии территорий Литвы, Бельгии, Дании, Румынии, Италии, на которых проживали группы немецкого национального меньшинства¹.

Следующее основное требование внешнеполитической программы гитлеровцев сводилось к ревизии Версальского договора, к его ликвидации, к возвращению Германии отторгнутых территорий и колоний. После второй мировой войны ряд деятелей фашистского режима — Шахт, Мейснер и другие — в своих мемуарах пытались утверждать, что в первый период фашистской диктатуры гитлеровцы не стремились к насильственному изменению границ Германии и что именно это являлось основой для сотрудничества определенных кругов германских дипломатов с фашистским правительством. Однако не кто иной, как сам Гитлер, в своей речи, произнесенной 30 января 1941 г., опровергал подобные утверждения. «Моей программой,— говорил он,— было уничтожение Версальского договора. Бесполезно и бессмысленно для кого-либо в мире делать вид сегодня, что я не говорил об этом до 1933, 1935 или 1937 г. Вместо того чтобы слушать глупую болтовню эмигрантов, эти джентльмены поступили бы гораздо мудрее, если бы они прочли то, что я писал тысячу раз о необходимости отмены Версальского договора»².

Следует отметить, что хотя гитлеровцы и приписывали себе заслуги в освобождении Германии от уз Версаля, однако в действительности Версальский договор в значительной степени был подорван еще в годы Веймарской республики. Продолжая выступать

¹ *W. Hofer*, *Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945*, S. 177.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 248.

за полную отмену Версальского договора, гитлеровцы использовали популярное среди немцев требование ревизии Версаля в качестве рекламного боевика для приобретения политического капитала, а также для создания плацдармов для агрессии. Однако требование ревизии Версальского договора, восстановления границ 1914 г. не удовлетворяло немецких империалистов. Это требование являлось не самоцелью, а лишь средством для ослабления противников Германии, для подготовки новых актов агрессии.

В своей политике подготовки агрессии гитлеровцы вынуждены были учитывать изменившееся соотношение сил на международной арене после первой мировой войны, и в первую очередь факт раскола мира на две системы и существование Советского государства. Поэтому на первых порах нацисты всячески стремились подчеркнуть свой отказ от претензий к западным империалистическим государствам и свою заинтересованность в экспансии на востоке Европы, особенно против СССР. Правящие круги Германии надеялись использовать антисоветскую направленность политики западных держав, которые уже в Версале, затем в Локкарно стремились направить германскую экспансию на Восток.

«Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер в «Майн Кампф», хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на Востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе»¹. Таким образом, здесь в весьма циничной форме Гитлер сформулировал основную внешнеполитическую задачу фашистской Германии: захват и порабощение народов СССР и пограничных с ним государств — Польши, Чехословакии, Прибалтики, государств Балканского полуострова.

Вынашивая планы войны против СССР, немецко-фашистские империалисты вместе с тем шумихой об

¹ А. Hitler, Mein Kampf, S. 472.

антикоммунизме стремились замаскировать свои планы борьбы за «мировое господство». Вся внешнеполитическая программа гитлеровцев была пронизана стремлением к реваншу, жаждой захвата территорий в Западной Европе и колониальных владений других империалистических государств, порабощения и истребления других народов.

Хищническую программу немецко-фашистского империализма Гитлер весьма откровенно изложил во время бесед со своим приближенным бывшим президентом гданьского сената Германом Раушнинггом. Как писал Г. Раушнинг, Гитлер в 1932—1933 гг. говорил ему, что Германия «не сможет ограничиваться, как этого добивался Бисмарк, немецкими землями, а должна установить свое господство над всей Европой»¹. По мнению Гитлера, Германия должна захватить прежде всего Центральную Европу. Подчинив Австрию, Богемию, Германия образует основной блок, который явится базой для установления господства над всей Европой. «Это будет блок 100 миллионов без трещин — без других народов»². На Востоке и на Западе должны быть созданы два других блока государств, порабощенных фашистской Германией, являющихся ее протекторатом. Восточный блок — в составе Польши (без западных земель), Прибалтийских и Балканских государств, Венгрии, Украины, Поволжья, Грузии. Гитлер признавался своим приближенным, что это будет «союз неполноправных народов — без армии, без самостоятельной внешней политики, без собственной экономики»³, т. е. союз народов-париев, которым предназначалась роль колониальных рабов немецкого империализма. Такой же блок подчиненных государств Гитлер предполагал создать и на Западе. В него должны были войти Северная Франция, Голландия, Бельгия, Дания, Швейцария, Норвегия.

Таким образом, гитлеровцы планировали истребить или германизировать народы, проживающие на территории Европы от Атлантического океана и Пире-

¹ *H. Rauschnig, Gespräche mit Hitler, Zürich, 1940, S. 118.*

² Там же.

³ Там же.

неев до Северного Ледовитого океана, Уральских гор и границ Ирана. Эти территории предусматривалось превратить в германское «жизненное пространство».

Однако фашисты не намеревались ограничиться захватами в Европе. Их экспансионистская программа предусматривала после завоевания Европы продолжение борьбы за установление «мирового господства» немецко-фашистского империализма. Германия должна была превратиться в колониальную морскую империю, ликвидировать военно-морское могущество Англии и Франции и захватить их колонии.

Следующим этапом агрессии Гитлер считал борьбу за порабощение Американского континента. Бразилия, Аргентина, Боливия, а также Мексика и вся Центральная Америка, говорил он Раушнингу, должны быть подчинены Германии¹. Агрессивная внешнеполитическая программа гитлеровцев предусматривала активизацию деятельности «пятой колонны» в США в целях «оздоровления» их населения, т. е. подчинения немецко-фашистскому империализму.

В этих откровениях Гитлера изложена экспансионистская программа германского монополистического капитала и юнкерства. Эта программа значительно превосходила все известные до тех пор империалистические притязания германских монополий. Однако несмотря на свой крайний авантюризм и очевидную абсурдность, эта программа после установления фашистской диктатуры стала основной программой деятельности германской дипломатии, подрывных организаций фашистской партии и получила конкретное преломление в агрессивных военных планах, разработанных германским генеральным штабом.

Еще до захвата власти гитлеровцы детально разработали конкретный план реализации своей внешнеполитической программы. Они рассчитывали в начальный период перевооружения использовать англо-французские империалистические противоречия в борьбе за гегемонию в Европе, экспансионистские планы Италии в бассейне Средиземного моря и на Балканах, обостре-

¹ *H. Rauschnig, Gespräche mit Hitler, S. 61—67.*

ние в связи с этим итало-французских и итало-английских отношений, ревизионистские устремления венгерских и болгарских реваншистов, а также ненависть англо-франко-американских империалистов к Советскому Союзу. В своей внешнеполитической программе и пропаганде, равно как и в дипломатических акциях после прихода к власти, немецкие фашисты подчеркивали свою враждебность к Советскому Союзу, за счет которого в первую очередь они и намеревались расширять «жизненное пространство» Германии.

Еще в «Майн Кампф» Гитлер восхищался политической правящих кругов Англии и Италии и выражал свою готовность заключить с ними союз, направленный против Франции и СССР. Гитлеровцы заигрывали с английскими монополистами, которые выступали против политики Франции, стремившейся к установлению своей гегемонии в Европе. Для немецких фашистов Англия была необходима и как союзник в борьбе против СССР. Ведь всего за 4—5 лет до прихода фашистов к власти Англия находилась на грани войны с Советским Союзом.

«Нам не нужна ни западная, ни восточная ориентация, — писал Гитлер, — нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа. Для этого нам нужна сила; для этого нам нужно прежде всего уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом немецкого народа, она душит нас и лишает нас всякой силы»¹.

Эти же идеи выражал и «теоретик» фашистской партии по внешнеполитическим вопросам А. Розенберг. В своей книге «Будущий путь внешней политики Германии» он писал: «В случае обеспечения германского тыла на Западе и свободы рук на Востоке она (Герма-

¹ Как писал Риббентроп в своих мемуарах, Гитлер в годы войны признавал, что он сделал ошибку, опубликовав во внешнеполитической главе книги «Майн Кампф» цитированное место, говорящее о враждебных планах немецких фашистов в отношении Франции. Это, по его мнению, вызывало настороженность французского народа и затрудняло политику англо-франко-германского сговора накануне войны. *J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, Sternberger See, 1954, S. 43.*

ния.— В. Ф.) предлагает Англии защиту Индии на русско-польской границе (идея Бисмарка), ликвидацию пан-Европы, борьбу против колониальных восстаний, ликвидацию большевизма в Центральной Европе, а Италии, если она свяжет Францию,— давление на Югославию»¹.

После захвата власти в зависимости от изменявшейся международной обстановки гитлеровцы конкретизировали эту программу, вносили в нее частичные изменения. Однако в целом данная внешнеполитическая программа определяла генеральную линию внешней политики фашистской Германии накануне войны и составляла фундамент немецких военных планов в период второй мировой войны.

2. Подрывные организации фашистской партии и «пятая колонна» — важнейший инструмент германской дипломатии

Германское министерство иностранных дел, так же как и генеральный штаб вермахта, являлось центром, где разрабатывалась и конкретизировалась внешнеполитическая программа и агрессивные планы правящих кругов Германии.

В реакционной западногерманской и американской исторической литературе и публицистике получила широкое распространение легенда об «оппозиции» и «противодействии» германских дипломатов фашистскому режиму, гитлеровской агрессии. Этот вымысел особенно настойчиво пропагандируется в мемуарах бывших гитлеровских дипломатов И. Гасселя, Э. Кордта, Э. Вейцекера, П. Шмидта². Даже такие военные преступники, как Г. Дирксен, Ф. Папен, И. Риббентроп, пытаются доказать в своих мемуарах, что они будто бы

¹ А. Rosenberg, *Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik*, München, 1927, S. 143.

² U. Hassel, *Diaries 1938—1944*, New York, 1947; E. Kordt, *Wahn und Wirklichkeit*, Stuttgart, 1948; E. Weizsäcker, *Erinnerungen*, München—Leipzig—Freiburg, 1950; P. Schmidt, *Statist auf diplomatischer Bühne (1923—1945)*, Bonn, 1950.

не одобряли агрессивных планов Гитлера¹. Такая версия нашла отражение в работах западногерманских авторов Г. Ротфельса, Г. Риттера², в книге американского историка П. Сэбери³, посвященных деятельности дипломатического ведомства фашистской Германии.

Авторы указанных трудов, грубо искажая факты, хотят реабилитировать гитлеровских дипломатов и представить их носителями «благородных» традиций германской истории, якобы «враждебно» относившимися к агрессивной политике фашизма. Реакционные историки и публицисты создали фальшивку о том, что в германском министерстве иностранных дел в годы фашистской диктатуры существовала «группа сопротивления», состоявшая из дипломатов-аристократов. К ней причислены братья Т. и Э. Кордт, Твардовский, Бюлов, Вейцекер, Шуленбург, Гассель, Надольный и др.

Эта легенда широко используется западногерманским империализмом. Проводя политику фашизации и милитаризации Западной Германии, возрождая вермахт, империалисты стремятся использовать наряду с гитлеровскими генералами и эсэсовскими офицерами «реабилитированные» дипломатические кадры фашистского рейха для подготовки новой агрессивной войны⁴.

В кайзеровской Германии немецкие дипломаты подобно генералам рекрутировались в первую очередь из прусского юнкерства, из южногерманской аристо-

¹ *H. Dirksen*, Botschafter a. d. Moskau—Tokio—London, Stuttgart, 1950; *F. Papen*, Memoirs; *J. Ribbentrop*, Zwischen London und Moskau, Druffel Verlag, 1953.

² *H. Rothfels*, Die deutsche Opposition gegen Hitler, Krefeld, 1948; *G. Ritter*, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbe-
wegung.

³ *P. Saebury*, The Wilhelmstraße. A Study of German Diplomats under Nazy Regime (далее — *P. Saebury*, The Wilhelmstraße...), Barkley and Judeles, 1954.

⁴ В настоящее время 85% всех командных постов в аппарате западногерманской дипломатии занимают бывшие сотрудники нацистского министерства иностранных дел. Гитлеровские дипломаты занимают руководящие позиции в 72 из 83 заграничных представительств Западной Германии. Так, например, во главе 14 из 16 посольств и дипломатических миссий ФРГ в Южной Америке находятся бывшие фашистские дипломаты, а все 15 посольств на Ближнем и Среднем Востоке находятся в руках видных сотрудников Риббентропа.

кратии, а также из семей крупных торговцев и промышленников и являлись ярыми сторонниками наиболее реакционных режимов.

После поражения в первой мировой войне наряду с генеральным штабом было дискредитировано также и кайзеровское дипломатическое ведомство, которое в глазах общественного мнения было не менее ответственным за войну, чем генералитет. В связи с этим правительству веймарской Германии приходилось предпринимать различные маневры, с тем чтобы реабилитировать и сохранить в неприкосновенности как генеральный штаб, так и дипломатический аппарат для подготовки реваншистской войны. Лидеры социал-демократии и представители буржуазных партий произносили в рейхстаге многочисленные речи о необходимости замены дипломатов карьеры, аристократов буржуазными «политиками» и «парламентариями». Однако дальше речей дело не пошло. Вскоре все основные дипломатические посты снова оказались в руках людей, служивших при кайзере (граф Брокдорф-Ранцау, барон Адольф Мальцан, Герман Мюллер, Адольф Костер, Вальтер Симонс, Фридрих Позен, Фредерик Розенберг и др.). Это были убежденные монархисты, сторонники крайней реакции. В 1929 г. из 15 важнейших дипломатических миссий за границей 13 возглавлялись кайзеровскими дипломатами: Леопольд фон Геш — посол в Токио, Адольф Миллер — посол в Берне и т. д.¹

Подобно монополистам и генералам рейхсвера германские дипломаты рассматривали фашистский режим как панацею против ненавистной им демократии и как орудие агрессии. После установления гитлеровской диктатуры немецкие дипломаты получили такие возмож-

¹ P. Saebury, The Wilhelmstraße .., p. 21. Монополист Крупп, заинтересованный в получении американских займов, в 20-е годы фактически купил пост посла в Вашингтоне. Послом был назначен Отто Видфельд — доверенное лицо Круппа, один из директоров его концерна. Хотя после назначения на пост посла он формально вышел из концерна, но связи с ним не прекратились. В 1926 г., после ухода с дипломатической службы, Видфельд снова стал директором концерна. См. К. Миккульский, Концерн Круппа, стр. 29.

ности для своей деятельности, какими они никогда не располагали. Им не нужно было больше считаться с контролем рейхстага, общественным мнением, печатью. Фашистский террористический режим создал весьма благоприятные условия для внешнеполитических авантур, для замены международного права методами бряцания оружием, вероломства и разбоя, что стало законом поведения германских дипломатов. Они в подавляющем большинстве встретили приход к власти гитлеровцев как осуществление своих надежд на возобновление борьбы за мировое господство.

В первые месяцы гитлеровской диктатуры фашисты пытались использовать для выполнения дипломатических поручений своих гаулейтеров. Однако попытки эмиссаров Гитлера выступить на международной арене привели к ряду скандалов и закончились весьма плачевно¹.

¹ Фашистские эмиссары Розенберг, Роберт Лей, Рейнгардт, Гейдрих, Теодор Габихт, выезжавшие в Женеву, Рим, Лондон с различными дипломатическими поручениями, оставили о себе печальную славу. Роберт Лей явился на заседание Международного бюро труда в пьяном виде. Затем он устроил скандал. Ему не понравилась критика, с которой выступил один из представителей латиноамериканских стран по поводу разгрома нацистами германских профсоюзов. После этого Лей публично назвал латиноамериканских делегатов негроидными обезьянами.

Начальник гестапо Гейдрих на конференции по разоружению в Лозанне (1933 г.), куда он прибыл для того, чтобы доказать, что отряды СА и СС являются только «спортивными» союзами и не играют никакой роли в возрождении германского вермахта, своим бестактным поведением вызвал возмущение делегатов. Затем он демонстративно повесил фашистскую свастику на флаг у входа в отель, который занимала германская делегация. Габихт после его назначения пресс-атташе в Вену в 1933 г. был арестован австрийскими властями за подрывную деятельность против правительства Дольфуса.

Ряд казусов возник у Розенберга во время его визита в Лондон. Розенберг прибыл в Англию в качестве личного эмиссара Гитлера в 1933 г. Он стремился убедить ее правящие круги в том, что захват власти фашистами не представляет угрозы для Англии, что главная цель гитлеровцев состоит в реализации программы «Дранг нах Остен», что фашистская Германия является бастионом Запада против Советской России. В Лондоне он был принят министром иностранных дел Дж. Саймоном, военным министром лордом Ванситартом и другими высокопоставленными чиновниками «Форин оффиса» и американским

В период фашистской диктатуры в Германии господствовала финансовая олигархия и крупные аграрии. Тот факт, что происходило дальнейшее обуржуазивание юнкерства и германский империализм все более превращался из юнкерско-буржуазного в буржуазно-юнкерский, не оказывал существенного влияния на дипломатический аппарат. Дипломатическое ведомство по-прежнему выполняло волю Круппа, Тиссена, Стиннеса, Кирдорфа и других монополистов Германии. В связи с этим фашистская диктатура не нуждалась в замене чиновников министерства иностранных дел, которые проявили себя верными слугами германского монополистического капитала. Гитлеровцы широко использовали международные связи профессиональных дипломатов, аристократов, их громкие титулы, светский лоск. Все эти факторы в известной мере способствовали сближению гитлеровцев с правящими кругами других буржуазных стран и облегчали маскировку их агрессивных планов.

Как сообщает американский историк Сэбери, семь начальников отделов МИД Германии, служивших в дипломатическом ведомстве еще до первой мировой войны, продолжали оставаться на своих постах и после установления фашистского режима¹. В дипломатических миссиях гитлеровской Германии за границей аристократы были представлены даже в большем числе, чем в период Веймарской республики. Вейцекер в демагогических целях пытался объяснить это обстоятельство тем, что дипломаты не желали якобы оставлять свои посты из опасения за судьбу Германии. «Я был согласен с Бюловым (статс-секретарем МИД.— В. Ф.),—

послом Норманом Дэвисом, которые одобрили идеи гитлеровцев. Но наглые и бесперемонные манеры Розенберга поставили его в весьма комическое положение, и он стал мишенью для печати. Это была последняя дипломатическая миссия Розенберга. Широкую известность получили многочисленные бестактности и нелепые высказывания Риббентропа во время его визитов в Англию. Лондонцы иронически называли его кличкой «брикендроп», т. е. постоянно попадающий впросак. *P. Saebury, The Wilhelmstraße ...*, p. 27, 36; *R. Pechel, Deutscher Widerstand, Erlenbach—Zürich, 1947, S. 262.*

¹ *P. Saebury, The Wilhelmstraße...*, p. 26.

писал Вейцекер, — что нельзя было дезертировать. Мы принадлежали к числу тех лиц, без которых трудно было обойтись¹.

В работах западногерманских и американских реакционных историков и мемуарах бывших гитлеровских дипломатов предпринято немало попыток реабилитировать даже такого военного преступника, как Нейрат. Так, Э. Вейцекер, Э. Кордт, П. Сэбери пишут, будто Нейрат был введен в кабинет Гитлера Гинденбургом для того, чтобы «сдерживать крайности фашистского режима». «Его (Нейрата. — В. Ф.) внешнеполитическая программа, — отмечал Вейцекер, — сводилась к мирной эволюции»².

В действительности Нейрат, находившийся на дипломатической службе еще при кайзере и занимавший видные посты в Веймарской республике — посла в Риме, Лондоне, а затем министра иностранных дел, играл важную роль в осуществлении внешней политики гитлеровской Германии. Американский посол в Австрии Мессершмитт еще в 1935 г. так писал о роли дипломатов старой школы в гитлеровском рейхе: «Европа не может избавиться от мифа о том, что фон Нейрат, Папен, Макензен являются дипломатами старой школы и неопасными людьми. На самом деле они лишь послушное орудие режима, и именно потому, что внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать более эффективно. Они могут проводить политику раздора, так как распространяют миф о том, что не поддерживают фашистский режим»³.

Всякий раз, когда гитлеровцам нужно было прикрыть агрессивный акт какой-либо дипломатической завесой, им на помощь приходили Нейрат с его баронским титулом, связями с аристократическими кругами и его коллеги с многолетним дипломатическим опытом. С помощью обмана, лжи, лести и изощренных

¹ *E. Weizsäcker, Erinnerungen*, S. 15. Только германский посол в США Притвиц и консул в Нью-Йорке П. Шварц ушли осенью 1933 г. со своих дипломатических постов в связи с недовольством фашистским режимом.

² Там же, стр. 131.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 62, л. 158.

интриг они усыпляли бдительность общественного мнения¹.

Одним из аргументов фальсификаторов истории, который должен, по их мнению, «подтвердить» легенду «о противодействии» германских дипломатов агрессивным планам гитлеровцев, является их утверждение, что при фашистском режиме министерство иностранных дел не играло якобы какой-либо значительной роли в решении внешнеполитических вопросов, так как его функции были переданы специальным органам фашистской партии².

Действительно, помимо министерства иностранных дел в фашистской Германии имелся ряд других учреждений, занимавшихся внешней политикой. Но они работали в тесном контакте с МИД и верховным командованием вооруженных сил.

В 1933 г. при штабе фашистской партии было создано «бюро Риббентропа»³. Риббентроп к тому времени уже

¹ 2 февраля 1943 г. фашистская печать так оценивала деятельность Нейрата: «Важнейшими политическими событиями после прихода фашистов к власти, в которых барон фон Нейрат как имперский министр иностранных дел играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются уход Германии с конференции по разоружению в Женеве 14 октября 1933 г., возвращение Саарской области, провозглашение военного суверенитета Германской империи и денонсирование Локарнского договора».

К этим заслугам Нейрата перед гитлеровцами можно еще добавить то, что при его непосредственном участии были подготовлены пресловутая фашистская «ось Берлин — Рим» и антикоминтерновский пакт. Он присутствовал на секретном совещании у Гитлера 5 ноября 1937 г., когда был принят окончательный план фашистской агрессии в Европе. В период захвата Австрии снова был призван Нейрат, который, хотя уже и не являлся тогда министром иностранных дел, фактически в связи с отъездом Риббентропа в Лондон был облечен правами министра. Позже Нейрат был назначен протектором Богемии и Моравии, получив от гитлеровцев неограниченные полномочия. Он должен был посредством кровавого террора и насилия превратить Чехословакию в германский хинтерланд. Гитлер высоко ценил Нейрата.

² *K. D. Bracher, Das Anfangsstadium der hitlerschen Außenpolitik. Vortrag auf dem Historikertag zu Ulm am 14. September 1956: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», Н. 1, 1957.*

³ По мнению Ротфельса, гитлеровцы вынуждены были создать бюро Риббентропа, свой независимый от министерства

имел значительный опыт шпионской и диверсионной деятельности: выходец из офицерской семьи, офицер кайзеровской армии, он сотрудничал в годы первой мировой войны в германской военной миссии в Константинополе, а затем в составе германской военной делегации на Версальской конференции. После отставки из армии Риббентроп служил коммивояжером по торговле винами. Он женился на дочери крупного рейнского промышленника и с помощью усыновившей его тетки украсил себя аристократическим титулом. Уже в 20-х годах он установил контакт с гитлеровцами, программа которых полностью соответствовала его реакционным, монархическим взглядам. Будучи владельцем крупного винного концерна, Риббентроп был тесно связан с германскими монополистами и способствовал укреплению их контакта с фашистской партией. В 1933 г. Риббентроп уже выступал посредником Гитлера при захвате власти фашистами и вскоре стал его личным советником по вопросам внешней политики.

В 1936 г., после смерти статс-секретаря Бюлова, Нейрат намеревался назначить Риббентропа на освободившийся пост. Несколько месяцев Риббентроп исполнял обязанности статс-секретаря. Однако Гитлер считал целесообразным назначить его на пост посла в Лондон вместо умершего Геша. В то же время Риббентроп продолжал оставаться руководителем бюро.

В качестве чиновников в бюро служили сынки аристократов, офицеры в отставке, представители знатных юнкерских фамилий и промышленников, а также артистки, продавщицы, лица без определенных профессий и авантюристы, как Отто Абец, Генрих Штамер, барон фон Штейнгарт, Мартин Лютер, Горст

иностранных дел орган по руководству иностранной политикой якобы в связи с саботажем чиновников МИД их внешнеполитических мероприятий. *H. Rothfels, Die deutsche Opposition gegen Hitler, S. 70.*

Риббентроп в своих мемуарах, а также на Нюрнбергском процессе пытался скрыть подрывную деятельность этой организации и изображал бюро как учреждение, занимавшееся будто бы лишь вопросами «культурных связей» Германии с другими странами. *J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, S. 102.*

Вагнер, Вальтер Хевель, Пауль Шмидт¹ (начальник отдела печати).

В задачу бюро входил перехват шифрованной переписки иностранных государств и создание «пятых колонн» за границей. Перед войной аппарат бюро состоял из 300 человек. Риббентроп установил тесный контакт с фашистскими элементами в Англии и Франции: де Брином, лордом Ротермиром, Фланденом, Гамильтоном и др.² В МИД Германии имелся специальный чиновник для связи с бюро Эрих Кордт, позже назначенный начальником секретариата министерства иностранных дел³.

Наряду с бюро Риббентропа существовало также «Внешнеполитическое бюро» Розенберга, созданное 1 апреля 1933 г. Основной задачей этой организации, как неоднократно говорил Розенберг, было руководство подрывной деятельностью против Советского Союза и стран Восточной Европы. Структура бюро свидетельствовала о том обширном круге вопросов, которыми оно занималось. Канцелярия по иностранным делам при бюро Розенберга подразделялась на отделы Англии, стран Дальнего Востока, Ближнего Востока, Юго-Востока, северных стран. Кроме того, существовала еще канцелярия по внешней торговле и управление колониальной политики, которое возглавлял бывший кайзеровский генерал Риттер фон Эпп, главное управление прессы и др.⁴ Бюро Розенберга ежедневно просматривало около 300 газет, выходящих в различных странах мира. Наиболее важные сведения сообщались лидерам фашистской Германии.

«Внешнеполитическое бюро» Розенберга вело широкую пропаганду фашистских идей за границей. С этой

¹ *E. Kordt, Wahn und Wirklichkeit*, S. 95. (Не путать с Паулем Шмидтом, переводчиком Гитлера.)

² *P. Saebury, The Wilhelmstraße...*, p. 52.

³ Реакционные публицисты и историки (А. Даллес, Г. Гизевиус, Г. Ротфельс, Г. Риттер), изображая Э. Кордта в качестве центральной фигуры «оппозиции» в германском МИД, тщательно скрывают его связь с бюро Риббентропа. Странную забывчивость проявляет в своих мемуарах и Эрих Кордт. Он вовсе не упоминает об этом бюро и тем более о своих связях с ним.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, д. 46, л. 296; д. 1949, л. 329.

целью оно установило связь с наиболее реакционными организациями и деятелями в других странах. Как рассказывал Розенберг на Нюрнбергском процессе, газетный король США Херст обратился к нему с просьбой написать в его газеты ряд статей о внешней политике Германии. Розенберг охотно откликнулся на призыв своего единомышленника. В написанных для американской печати «сочинениях» Розенберг излагал внешнеполитические взгляды гитлеровцев, особенно подчеркивая враждебность фашистской Германии к СССР. Эти антисоветские статьи распространялись газетами Херста по всему миру¹. «Внешнеполитическое бюро» Розенберга развило большую активность в странах Балканского полуострова, в Венгрии, Румынии, Иране, Афганистане и др. При непосредственном участии этого бюро венгерский фашист Гембеш стал премьер-министром. В Румынии при содействии бюро Розенберга обе фашистские партии, руководимые Гога и Кузой, объединились в «национал-христианскую партию». В декабре 1937 г. при поддержке фашистской Германии Гога стал премьером Румынии.

Но особенно преступную роль сыграло бюро Розенберга в подготовке агрессии против СССР. В кратком отчете о работе «Внешнеполитического бюро» за 1933—1934 гг. отмечалось: «Учитывая неизменное, исключительно враждебное отношение Советского правительства в Москве (к фашизму.— *В. Ф.*), вновь организованное бюро уделяло особое внимание внутренней жизни Советского Союза и влиянию мирового большевизма на другие, в первую очередь европейские, государства. Бюро вступило в контакт с различными группами, которые объединились с нацистами для борьбы с большевизмом. При этом основное внимание в работе бюро было направлено на организацию подрывной деятельности в государствах, граничащих с Советским Союзом»².

Одной из важных внешнеполитических организаций являлся также созданный еще в 1930 г. «иностранный

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1667, л. 77.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 46, л. 295; д. 1949, л. 329; д. 8, л. 409.

отдел» фашистской партии (АО), возглавляемый Эрнстом Боле и направлявший деятельность немецких подданных — членов гитлеровской партии, проживавших за границей. Одна из фашистских газет признавала, что «деятельность заграничной организации охватила буквально весь земной шар и следующий лозунг мог бы вполне справедливо быть вывешен в помещении этой организации в Гамбурге: «Поле моей деятельности — весь мир». Заграничная организация под руководством Боле, которому помогает большой штат экспертов и квалифицированных сотрудников, сейчас включает более 350 национальных групп и центров нацистской партии во всех частях света, и в дополнение к этому она также связана с большим числом отдельных работников партии в самых различных местах»¹.

В каждой стране все партийные организации немцев подчинялись ландесгруппенлейтеру (т. е. партийному чиновнику, назначенному иностранным отделом партии для каждой страны). Ему в свою очередь подчинялись ортсгруппенлейтеры (руководители местных групп). Эти фашистские организации занимались шпионской и диверсионной деятельностью. Например, в Румынии члены АО получали задания собирать сведения о состоянии промышленности, торгового судоходства, транспорта. Все эти сведения передавались в гестапо, контрразведку, министерство иностранных дел Германии². Сам Боле имел ранг гаулейтера и непосредственно подчинялся Гитлеру. Через своих многочисленных чиновников в других странах (аппарат АО за границей насчитывал до 700 человек) Боле проводил шпионскую и диверсионную работу. Деятельность представителей «иностранного отдела» за границей координировалась германскими посланниками и посланниками.

В своей подрывной деятельности АО опиралось на фашистские и сочувствовавшие им элементы в других странах: на французских кагуляров и «огненные

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1957, стр. 760.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 36, л. 51—52.

кресты», английский «союз фашистов», бельгийских рексистов, польскую ПОВ, генлейновцев и гвардию Глинки в Чехословакии, норвежских квислинговцев, румынскую «железную гвардию», болгарскую ИМРО, финских лапуасцев, литовский «железный волк», латвийские «огненные кресты». Из их числа организация Боле вербовала шпионов, диверсантов, с помощью которых Германия подрывала тыл противника, осуществляла идеологическую и политическую экспансию. Так, в Испании сотрудники АО организовали контрабандный подвоз оружия войскам мятежников во главе с Франко.

2 октября 1937 г. Боле, находясь в Англии, имел беседу с Черчиллем, которая происходила на вилле последнего. Боле убеждал Черчилля, что основной задачей возглавляемой им организации является борьба против революционного, демократического движения, против Советского Союза. После беседы Черчилль, провозжая фашистского эмиссара к автомашине, изъявил согласие сфотографироваться вместе с ним «для того, чтобы, как выразился Черчилль, показать миру, что мы расстались друзьями»¹.

В период фашизма в Германии существовала еще организация «Фольксдейче», которая направляла подрывную деятельность немцев, проживавших за границей, но не являвшихся подданными Германии. Эта организация создавала «пятые колонны» из немецких национальных меньшинств в других странах, собирала сведения о состоянии экономики, торговли, издавала большое количество газет, в которых пропагандировались фашистские идеи. За пределами Германии «Фольксдейче» издавала свыше 1500 газет и журналов на немецком языке², в 1936 г. работало около 6 тыс. немецких школ. Множество профашистских групп имелось в странах Европы, в Соединенных Штатах, в Латинской Америке. Руководили деятельностью «Фольксдейче» заместитель Гимmlера обергруппенфюрер СС Лоренц и фашистский «идеолог» Гаусгофер.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 36, л. 27.

² Л. де-Ионг, Немецкая пятая колонна во второй мировой войне, стр. 46.

После захвата гитлеровцами власти фашистские элементы во всех странах активизировали деятельность по объединению под знаком фашистской свастики лиц немецкого происхождения, проживающих за границей. Так, например, для подрывной деятельности против Югославии гитлеровцы использовали 500 тыс. проживавших там немцев. Страна была разбита на секретные «гау» (области) во главе с гаулейтерами. В качестве «туристов», «коммивояжеров», «родственников» Югославию наводняли агенты германской контрразведки, инспектора «инострального отдела» и организации «Фольксдейче»¹. Эти агенты были тесно связаны с германским посольством в Белграде и послом Хереном. МИД Германии под видом защиты прав немецкого национального меньшинства оказывало официальную поддержку «пятой колонне», из которой в 1941 г. была создана дивизия СС «Принц Евгений», зверствовавшая на Балканах в годы второй мировой войны»².

Нейрат, будучи министром иностранных дел, провел ряд мероприятий по координации деятельности германских учреждений, занимавшихся вопросами внешней политики. Руководитель «инострального отдела» фашистской партии Боле в 1937 г. был возведен в ранг статс-секретаря МИД.

Дипломатические представительства Германии в других государствах были превращены в центры шпионажа и диверсий. «Умелый посол, — говорил Гитлер Раушнингу, — должен быть мастером этикета. Когда нужно, он не остановится перед подлогом или шулерством. Меньше всего он должен быть корректным чиновником»³. Такими дипломатами и являлись Нейрат, Риббентроп, Папен, Дирксен, Вейцекер, Кордт, Гасель и многие другие, которых ныне идеологи империализма стремятся представить противниками гитлеровского режима.

Германские дипломаты, нарушая элементарные нормы международного права, использовали широко разветвленные связи немецких монополий, которые

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 36, л. 59.

² Там же, л. 8.

³ «История дипломатии», т. III, стр. 463.

снабжали их ценной военно-экономической и политической информацией. Особенно активную разведывательную и шпионскую деятельность осуществляли агенты таких фирм, как «ИГ Фарбениндустри», концерны Круппа, «Цейс», «Рейнметалл-Борзиг». Эти концерны принимали агентов разведки в штат своих сотрудников, а также сами вели шпионскую и разведывательную деятельность. Так, агенты «ИГ Фарбениндустри» тесно сотрудничали с германскими дипломатическими миссиями. Отчеты этих агентов передавались в министерство хозяйства, в МИД, в экономический штаб верховного командования вооруженных сил.

В архиве концерна Круппа были обнаружены документы, раскрывающие связи этого концерна с бюро Риббентропа и министерством иностранных дел. В меморандуме дирекции концерна от 11 октября 1935 г. указывалось, что много лет тому назад фирма предоставила себя в распоряжение ведомства иностранных дел¹. В другом документе из того же архива, так называемом меморандуме Зонненберга, от 12 октября 1937 г. сообщалось, что имеются учреждения фирмы, занимающиеся разведкой, которые связаны с министерством иностранных дел Германии. Фирма Круппа в соответствии с указаниями военного министерства и МИД передавала им сведения разведывательного характера. Тесно связанный с фашистской партией «Дрезденский банк» финансировал подрывную деятельность организации «Фольксдейче» в Румынии². Эти факты показывают, что германские монополии задавали тон гитлеровской внешней политике и были вдохновителями немецко-фашистской агрессии.

Германское министерство иностранных дел действовало также в тесном контакте с «Абвер», гестапо и с фашистской службой безопасности (СД), возглавлявшейся одним из главных военных преступников — Кальтенбруннером. В «Абвер» имелся специальный отдел для связи с министерством иностранных дел.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 337.

² В одном из писем директора этого банка 2 ноября 1940 г. сообщалось, что банк предоставил «немецкой группе» в Румынии кредит на сумму 180 млн. марок.

Нередко представители «Абвер» служили чиновниками в германских посольствах и миссиях. В министерстве иностранных дел существовал разведывательный отдел, а также специальный чиновник, осуществлявший связь с ОКВ, Гиммлером и СС¹.

Еще до начала второй мировой войны МИД Германии совместно со службой безопасности проводили подрывную деятельность в ряде стран Европы и Азии. В Литве они финансировали и всячески поддерживали прогерманские фашистские элементы (таутуников), так называемых сторонников Вольдемараса. В одном из писем Гейдрих писал Риббентропу, что «сторонники Вольдемараса все еще просят поддержки из империи. Поэтому я прошу Вас рассмотреть вопрос об оказании финансовой поддержки им»². В конце документа имелась приписка: «Я за регулярную выплату небольшой суммы, примерно 2—3 тысячи марок каждый квартал» (подписано «Р») ³. Подобную подрывную работу осуществляло министерство иностранных дел и в других странах.

Таким образом, трудно было найти границу, где кончалась деятельность гестапо, контрразведки и других подрывных организаций гитлеровцев и где начинали играть роль дипломаты. Еще в беседе со своим приближенным Раушнингем Гитлер говорил, что он использует самые изуверские средства для ослабления и разгрома противника. «Наша стратегия, — говорил он, — заключается в том, чтобы уничтожить противника изнутри, завоевать его любыми средствами»⁴.

Германские дипломатические миссии, торговые представительства, контрразведка, организации фашистской партии, агенты монополий и фашистская «пятая колонна», действуя в тесном контакте, вели подрывную деятельность в других странах, готовили и осуществляли акты фашистской агрессии.

¹ 12 февраля 1944 г. это сотрудничество о координации разведывательной деятельности министерства иностранных дел с гестапо было закреплено специальным соглашением, подписанным Гиммлером и Риббентропом. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 795.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 778.

³ Вероятно, Риббентроп.

⁴ *H. Rauschning, Gespräche mit Hitler*, S. 18.

3. Борьба германской дипломатии против создания системы коллективной безопасности в Европе

Сразу же после захвата власти гитлеровцы приступили к осуществлению своей агрессивной внешнеполитической программы. Однако на первых порах, чтобы успокоить общественное мнение, встревоженное тем, что в центре Европы в одной из великих держав к власти пришла партия, которая открыто провозгласила основной целью своей политики подготовку войны за передел мира; фашистская клика была вынуждена временно маскировать свои цели пацифистской демагогией. Гитлер неоднократно выступал с речами о «мирных» устремлениях Германии, лицемерно заявляя об ее отказе от претензий к западным державам. Свои агрессивные действия гитлеровское правительство маскировало требованиями ревизии Версаля и предоставления Германии равенства с другими державами в вопросе вооружения. Вместе с тем во всех своих выступлениях Гитлер неизменно подчеркивал антисоветскую направленность внешней политики Германии.

3 февраля 1933 г., через 4 дня после установления фашистской диктатуры, Гитлер на совещании высших офицеров подтвердил ранее разработанную агрессивную внешнеполитическую программу. «В каких целях может быть использована политическая власть после ее приобретения? — спрашивал Гитлер. — Пока еще нельзя определенно ответить на этот вопрос. Может быть, с целью приобретения новых возможностей экспорта. Может быть, и скорее всего, с целью приобретения жизненного пространства на Востоке и его безусловной германизации»¹. Гитлер заявил, что требование восстановления границ 1914 г. является не самоцелью, но лишь определенным этапом на пути борьбы за завоевание «жизненного пространства». Здесь же Гитлер намечил конкретный план подрывной деятельности германской дипломатии:

¹ «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», Н. 4, 1954, S. 435; *W. Hofer*, *Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945*, S. 181.

1. Натравить Англию против СССР.

2. Найти брешь во «французской системе безопасности в Восточной и Юго-Восточной Европе», с тем чтобы взорвать эту систему. Польшу он считал наиболее слабым звеном этой системы.

3. Воспользоваться позицией Соединенных Штатов Америки, прикрывавших свои империалистические цели политикой «нейтралитета».

4. Использовать японскую агрессию в Китае, авантюристическую политику Италии, а также переговоры в Женеве¹.

Тактика гитлеровской дипломатии состояла в том, чтобы противопоставить системе коллективной безопасности народов, за создание которой последовательно боролось правительство Советского Союза и которая была поддержана рядом государственных деятелей капиталистических стран, идею двусторонних агрессивных пактов и союзов и с их помощью не допустить создания системы коллективной безопасности. Используя напряженную международную обстановку, вызванную японской агрессией в Северо-Восточном Китае (Маньчжурии), а также антисоветские устремления правящих кругов США, Англии и Франции, фашистская Германия добилась ряда внешнеполитических успехов.

Одним из первых успехов гитлеровской дипломатии в осуществлении этой программы явилось соглашение, заключенное 20 июля 1933 г. с Ватиканом (так называемый конкордат), подготовленное и подписанное заместителем Гитлера вице-канцлером Папенем и секретарем папы Пия XI кардиналом Паччели². Во время переговоров в Ватикане папские дипломаты выражали некоторое опасение в связи с попытками гитлеровского правительства не считаться с ними при назначении епископов в Германии. Тогда Папен использовал антисоветский козырь. В беседе с карди-

¹ Гитлер имел в виду Международную конференцию по разоружению.

² Кардинал Паччели в 20-х годах являлся папским нунцием в Мюнхене и Берлине, был тесно связан с лидером католической партии центра. Брюнингом и реакционными кругами герман-

налом Паччели он заявил, что «нацизм является врагом России и коммунизма во всех его формах»¹.

Хотя в тексте конкордата шла речь об установлении дружественных отношений между фашистской Германией и Ватиканом, об обмене послами, о регулировании взаимоотношений между католической церковью и гитлеровскими властями, в действительности основой сговора этих двух наиболее реакционных сил мира являлась борьба против Советского Союза, против мирового революционного и демократического движения. Конкордат был первым открытым международным признанием фашистского террористического режима в Германии.

Одновременно под прикрытием пацифистской фразеологии фашистская Германия усилила подрыв версальской системы. Вслед за Японией, которая в целях получения свободы для расширения агрессии против Китая 27 марта 1933 г. вышла из Лиги наций, фашистская Германия, не удовлетворяясь уступками, которые ей делали империалистические державы, особенно Англия, в вопросе ликвидации военных статей Версальского договора («план Макдональда»)², 14 октября 1933 г. также демонстративно покинула конференцию по разоружению и заявила о своем выходе из Лиги наций.

Выход Германии из Лиги наций чрезвычайно усиливал международную напряженность. Нацистская клика открыто порывала с международными обязательствами Германии и ставила вопрос о неограниченной милитаризации. Эта акция фашистской Германии свидетельствовала о том, что в центре Европы образовался очаг новой мировой войны.

Однако в условиях, когда захват власти партией войны в одной из могущественнейших стран мира

ской буржуазии. Избранный в 1934 г. на папский престол под именем Пия XII, он поддерживал агрессивную политику фашистских государств.

¹ *F. Pachen*, Memoirs, S. 276.

² «План Макдональда» — английский план разоружения, внесенный на рассмотрение участников конференции по разоружению в Женеве 16 марта 1933 г., который предусматривал увеличение состава германского рейхсвера в 2 раза и перевод его на краткосрочную службу до 8 месяцев.

поставил под угрозу безопасность народов Европы и обострил всю международную обстановку, правящие круги США, Англии и Франции проводили политику «умиротворения» фашистской агрессии, политику уступок Германии, политику отказа от создания системы коллективной безопасности. Западные державы исходили из ложного представления, что такая политика не представляет опасности для их империалистических интересов, так как, делая гитлеровцам уступки за счет малых народов на Западе, они надеялись направить главный удар немецкой агрессии против Советского Союза. Эта империалистическая политика поощрения немецко-фашистской агрессии сыграла решающую роль в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Вскоре после прихода гитлеровцев к власти в результате усилий правительств Англии и Франции 15 июля 1933 г. в Риме был подписан «Пакт согласия и сотрудничества»¹ четырех держав — Великобритании, Германии, Франции и Италии — этот неудавшийся прототип Мюнхенского соглашения. «Пакт четырех держав» означал сговор правительств Англии и Франции с фашистскими правительствами Германии и Италии, отказ от коллективного отпора агрессорам и был направлен на устранение Советского Союза, активно боровшегося за обуздание агрессоров, от участия в решении вопросов европейской политики. Однако острые противоречия между участниками пакта, активная внешняя политика СССР, а также отрицательная позиция членов Малой Антанты — Чехословакии, Румынии, Югославии — помешали ратификации пакта.

В это время гитлеровцы заметно активизируют свою внешнюю политику в Юго-Восточной и Центральной Европе. В 1933 г. Франция, связанная военно-политическими союзами со странами Малой Антанты и другими государствами Европы, располагала сильнейшими вооруженными силами в Западной Европе. Поэтому гитлеровцы предпринимают атаку на систему военно-политических союзов Франции и стремятся взорвать ее.

¹ См. «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. VI, М., 1934, стр. 21.

Для подрыва мира и безопасности народов Европы гитлеровская дипломатия использовала также реваншистские тенденции в политике правящих клик государств — бывших союзников Германии в первой мировой войне, территориальные споры между Югославией и Венгрией, Румынией, Болгарией и Венгрией, территориальные претензии Польши и Венгрии к Чехословакии и т. д. Фашистская Германия поддерживала венгерские притязания к Югославии, а югославские к Венгрии, притязания правящих кругов Румынии к Венгрии, а венгерские к Румынии (на Трансильванию). Особенно не скупилась гитлеровцы на обещание территориальных компенсаций за счет Советского Союза. Они использовали также национальные распри в Югославии между сербами и хорватами, в Чехословакии — между судетскими немцами и чехами и т. д. Гитлеровцы обещали ряд экономических преимуществ странам Центральной и Юго-Восточной Европы, экономика которых переживала большие трудности в связи с последствиями мирового экономического кризиса.

Особенно немецкие фашисты играли на страхе антинародных реакционных режимов капиталистических стран перед революционным, демократическим движением народов. В своей подрывной деятельности против народов мира гитлеровцы широко использовали то обстоятельство, что установление тоталитарного режима в Германии привело к оживлению фашистского движения в Испании, Португалии, Австрии, Венгрии, Румынии, Польше, Франции и других странах (попытки французских фашистов в 1934 г. захватить власть, фашистское движение, возглавляемое Мосли в Англии, фалангисты в Испании, «железная гвардия» Кодрану в Румынии, пилсудчики в Польше и т. д.).

Фашистские элементы сильнее всего активизировались в тех странах, «в которых общий кризис капитализма достиг своей наибольшей глубины и которые поэтому были тяжелее всего поражены мировым экономическим кризисом»¹. Империалистические круги

¹ «Коммунистический Интернационал перед VII всемирным конгрессом (материалы)», М., 1935, стр. 50.

этих стран пытались спасти свое господство посредством установления террористической диктатуры и кровавой расправы с рабочим и демократическим движением.

Особенно большую роль в дипломатической подготовке второй мировой войны, в подрыве безопасности народов Европы имел заключенный гитлеровцами пакт о ненападении с правящей кликой буржуазно-помещичьей Польши. К моменту установления фашистской диктатуры германо-польские отношения достигли крайней остроты. Еще в годы Веймарской республики не прекращались таможенные польско-германские конфликты и споры о положении национальных меньшинств. Лига наций почти на каждом своем заседании занималась рассмотрением жалоб Германии о положении немецкого национального меньшинства в Польше¹. Однако вскоре после захвата власти гитлеровцы создают видимость изменения политики Германии в отношении Польши. Это объяснялось разработкой планов германской агрессии, а также изменениями в международной обстановке.

Несмотря на то что приход фашистов к власти и поощрение германской агрессии империалистами Англии и Франции, что особенно подтверждалось подписанием «пакта четырех», создавали большую угрозу для Польши, антинародная правящая фашистская клика Польши (санация²) закрывала глаза на эту угрозу. Гитлеризм был родственен ей по своему классовому духу как наиболее реакционная, хищническая группировка финансового капитала. С установлением гитлеровской диктатуры польские фашисты связывали большие надежды. Они считали, что наступил долгожданный час совместного с Германией похода против Советского Союза.

2 мая 1933 г. Гитлер в беседе с польским послом Высоцким, а затем 15 ноября в переговорах с новым

¹ «Das Dritte Reich in Dokumenten», hrsg. von W. Anger, S. 66.

² Санация — так назывался реакционный антинародный режим, установленный в Польше после фашистского переворота Пилсудского в 1926 г.

послом Липским уже говорил о желании Германии установить «дружественные» отношения с Польшей. Играя на антисоветских устремлениях Пилсудского, Гитлер, повторяя слова Черчилля и Клемансо, говорил, что Польша является форпостом Европы против Азии, «стражем Запада против проникновения коммунизма с Востока»¹. Вскоре было опубликовано сообщение о прекращении германо-польской таможенной войны, которая велась в течение восьми лет, и было подписано германо-польское экономическое соглашение, чрезвычайно выгодное для Германии. Это соглашение было подписано как раз в тот день, когда Германия заявила о выходе из Лиги наций.

Все эти сделки санации с гитлеровцами завершились подписанием 24 января 1934 г. германо-польского пакта о ненападении. Оба правительства обязывались «ни в коем случае не прибегать к применению силы с целью разрешения спорных вопросов», т. е. не поднимать вопроса о пересмотре польско-германской границы. Договор был подписан сроком на 10 лет. Он, как объявляли подписавшие его стороны, должен был «открыть новую эпоху в политических отношениях между Польшей и Германией»². Этот тезис и составлял главную идею германо-польского договора.

Сам факт подписания договора был весьма выгоден для германских империалистов. В связи с тем, что договор объявлял о прекращении затянувшегося германо-польского конфликта, он помогал гитлеровцам создать ложное впечатление о своих мирных устремлениях и тем самым ввести в заблуждение и ослабить бдительность народов. Договор укреплял международное положение Германии, сводил на нет франко-польский союз, ослаблял позиции Франции, особенно в Восточной Европе, наносил еще один удар по ее системе военно-политических союзов в Европе. Официальный историограф гитлеровского правительства Фрейтаг-Лорингофен в своей книге «Внешняя политика Германии 1933—1942 гг.» писал, что одной из

¹ «Polnisches Weißbuch», Basel, 1940, Dok. N 5.

² Там же, док. № 9.

главных целей этого пакта было парализовать франко-польский союз и «разрушить всю французскую систему союзов»¹. Пакт был серьезной брешью в системе коллективной безопасности в Европе; он помог Гитлеру расстроить ряды сторонников коллективной безопасности. Германия приобрела в лице панской Польши союзника в Европе, которого использовала в своих агрессивных целях: для подрыва конференции по разоружению и Лиги наций, для срыва мероприятий, выдвигаемых Советским Союзом по сохранению мира и созданию системы коллективной безопасности, для планирования войны против СССР. Через четыре года после подписания пакта Гитлер признавал, что без пакта с Польшей он не смог бы осуществить захват Австрии и Чехословакии².

Такие же признания сделали представители правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши. В январе 1934 г. польский посол в Берлине Липский, подписавший от имени своего правительства германо-польский пакт, говорил, что теперь германская экспансия пойдет в другом направлении (т. е. против СССР.— В. Ф.), а Польша не находится под угрозой. По его словам, судьба Австрии и Богемии не интересует более Польшу³. Правящая клика панской Польши была уверена, что в случае такого похода против СССР правительства Англии и Франции поддержат ее⁴.

¹ *Freytagh-Lorinoven*, Deutschlands Außenpolitik 1933—1942, Berlin, 1942, S. 36.

² *G. Mau und G. Krausnick*, Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945, Tübingen—Stuttgart, 1953, S. 78.

³ См. *Ж. Табуи*, 20 лет дипломатической борьбы, М., 1960, стр. 222.

⁴ Эмигрантские польские фашистские публицисты после войны пытались утверждать, что будто бы в сложившейся международной обстановке 1934 г., в условиях, когда Англия и Франция подписали «пакт четырех» с Германией и Италией, польскому правительству не оставалось иного выхода, как заключить пакт с Гитлером. Будучи врагами Советского государства, они сознательно замалчивают другую возможность — соглашение с СССР, что действительно гарантировало бы безопасность Польши. Подписанный еще 22 июля 1932 г. польско-советский пакт о ненападении мог являться действительной гарантией независимости Польши. Советский Союз настойчиво добивался уста-

Для того чтобы еще теснее привязать Польшу к своей колеснице, гитлеровцы давали польскому правительству всевозможные посулы компенсаций, особенно за счет Советского Союза. Во время весьма частых визитов лидеров фашистской Германии в Польшу (Геринга, Геббельса, Гиммлера, Франка, Риббентропа) обсуждались планы совместных военных действий против СССР.

Наиболее полно и откровенно обсуждались планы войны против СССР во время визитов Геринга в Варшаву «на охоту» в Беловежскую пущу. Об этих переговорах, которые вел Геринг в Польше в 1936 г., рассказывает в своих записках бывший заместитель министра иностранных дел панской Польши граф Шембек. «Беседовал с господином Липским о визите Геринга в Польшу,— пишет Шембек.— Посол утверждает, что во время переговоров в Беловеже и в Варшаве Геринг был очень разговорчив. В своих беседах, особенно с генералами, он шел слишком далеко. Он (Геринг), например, предлагал создать антирусский союз и организовать совместную войну против России. Геринг давал понять, что при этих условиях *Украина стала бы польской сферой влияния*, а Северо-Западная Россия находилась бы под германским влиянием»¹.

новления дружественных отношений с Польшей, но все его усилия отвергались польским правительством, искавшим соглашения с фашистской Германией.

В связи с тем что политика сделок польского правительства с фашистской Германией была враждебна коренным национальным интересам польского народа, который ненавидел гитлеризм как злейшего врага Польши, правящая клика Польши вынуждена была маскировать свою действительную прогерманскую политику посредством заигрывания с Советским Союзом. Яркой иллюстрацией такой вероломной политики Пилсудского—Бека явилась поездка в начале 1934 г. Бека в Москву, продление польско-советского договора о ненападении, а также ряд других формальных мер. На деле же правящие круги Польши, поощряемые правительствами США, Англии и Франции, ведя политику игры между Германией и Советским Союзом, все теснее сближались с нацистской Германией, готовились к агрессии против СССР.

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 16.

Геринг не удовлетворился тем, что польские генералы и присутствовавшие при этом разговоре польские министры горячо поддерживали его антисоветский план. Он посетил Бельведер — дворец президента Польши — и там с фашистским диктатором Пилсудским и президентом Мосьцицким имел еще более откровенный разговор. Он предложил Пилсудскому общее командование германо-польскими войсками в войне против СССР. Геринг встретил со стороны правящей клики Польши полное понимание и одобрение своих планов. В действительности никаких компенсаций Польше гитлеровцы давать не собирались. Они не желали усиления Польши, которая являлась одним из объектов их империалистической агрессии.

Несмотря на пацифистские заверения гитлеровцев, мировая общественность была весьма встревожена тем фактом, что в центре Европы, в одной из крупнейших стран, у власти оказалась партия войны, которая открыто заявила, что ее первоочередной задачей является подготовка войны против Советского Союза и захват его территорий, а также агрессия против других стран и народов.

Пацифистские декларации гитлеровцев не могли скрыть их агрессивной программы. На международной экономической конференции в Лондоне в июне 1933 г. германский министр хозяйства Гугенберг провозгласил известный антисоветский «меморандум», разработанный им совместно с Шахтом и Розенбергом. Запугивая западные державы опасностью большевизма, Гугенберг требовал возвращения Германии колоний в Африке, присоединения к ней новых территорий на Востоке и создания условий для перевооружения. В связи с тем что наглый, агрессивный тон «меморандума» вызвал возмущение общественности во всем мире, после протеста правительства СССР германское правительство вынуждено было отозвать Гугенберга и других германских делегатов с конференции.

В связи с обострением международной обстановки вопрос о сохранении мира, о создании системы коллективной безопасности в 1933—1934 гг. становится

центральным вопросом международных отношений. В первых рядах последовательных борцов за сохранение мира продолжала выступать советская дипломатия.

6 февраля 1933 г. советская делегация внесла в Генеральную комиссию конференции по разоружению в Женеве проект декларации об определении нападающей стороны (агрессора). Это предложение Советского Союза имело своей целью парализовать агрессивную антисоветскую направленность подготавливаемого западными державами «пакта четырех». После того как Генеральная комиссия отвергла советский проект, в июне 1933 г. на международной экономической конференции в Лондоне делегация СССР снова внесла свои предложения, которые были поддержаны правительствами ряда государств.

3 июля 1933 г. ряд пограничных с СССР государств (Турция, Эстония, Латвия, Польша, Иран, Афганистан, а затем Румыния, Литва и Финляндия) подписали вместе с СССР конвенцию об определении агрессора¹. Эта конвенция давала возможность точно установить нападающую сторону, с тем чтобы пресечь агрессию и не дать возможности пожару войны распространиться на весь мир. 2 сентября 1933 г. фашистское правительство Италии, обеспокоенное германскими происками в Юго-Восточной Европе, подписало с СССР пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете². Исключительно важное значение для поддержания и укрепления мира имело установление 17 октября 1933 г. по предложению правительства Рузвельта дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Страны Малой Антанты, оказавшиеся под угрозой германской агрессии, также начали искать сближения с СССР. На заседании Постоянного совета Малой Антанты в Загребе 22—23 января 1934 г. была принята рекомендация о необходимости нормализации отно-

¹ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, М., 1945, стр. 645—650.

² См. там же, стр. 658—660.

шений с Советским Союзом¹. После этого, в 1934 г., были установлены дипломатические отношения СССР с Румынией и Чехословакией. Лишь только правительство Югославии, все более сближавшееся с фашистской Германией и Италией, отказывалось от установления дипломатических отношений с Советским Союзом. В правящих кругах Франции обострилась борьба между сторонниками сближения с СССР и создания системы коллективной безопасности, с одной стороны, и сторонниками политики поощрения фашистской агрессии против Советского Союза — с другой.

В этих условиях Советское правительство стремилось объединить миролюбивые силы в других странах, преградить путь фашистским агрессорам посредством создания прочной системы коллективной безопасности. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, в котором предусматривалась возможность вступления Советского Союза в Лигу наций и заключения регионального соглашения с участием широкого круга европейских государств о взаимной защите от агрессии².

После того как в 1933 г. из Лиги наций вышли наиболее агрессивные государства — Германия и Япония, 18 сентября 1934 г. СССР вступил в Лигу наций.

Если в конце 20-х — начале 30-х годов прогрессивные силы мира, возглавляемые Советским Союзом, в поисках путей обеспечения европейской безопасности основное средство в достижении этой цели видели преимущественно в области разоружения, то сейчас в связи с тем, что эта проблема не поддавалась разрешению, такое средство было найдено в виде региональных пактов о ненападении, пактов о взаимопомощи³.

Вследствие того что под особой угрозой со стороны немецко-фашистского империализма оказались государства Восточной Европы, в частности прилегающие к границам СССР Прибалтийские страны, Советское

¹ См. «Внешняя политика Чехословакии». Сборник статей, М., 1959, стр. 319—320.

² См. «История Коммунистической партии Советского Союза», М., 1962, стр. 474.

³ См. М. Литвинов, Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937 гг., М., 1937, стр. 108—109.

правительство в целях создания более спокойной обстановки в Восточной Европе, в целях выявления и разоблачения перед всем миром истинных целей гитлеровцев предложило Германии 28 марта 1934 г. совместно гарантировать независимость Прибалтийских государств. Однако правительство Германии, ссылаясь на отсутствие угрозы для этих стран, отклонило проект Прибалтийского протокола, чем еще раз подтвердило свои агрессивные цели в Восточной Европе¹.

Важнейшим звеном создания системы коллективной безопасности в целях обуздания немецко-фашистских агрессоров явился проект Восточно-Европейского пакта взаимной безопасности, выдвинутый в июле 1934 г. правительствами СССР и Франции. Этот пакт должен был охватить все государства Центральной и Восточной Европы, в том числе Францию, Германию и Советский Союз. Предполагалось соединение его с Локарнским пактом, с тем чтобы ликвидировать антисоветскую направленность Локарнских соглашений.

Идею Восточно-Европейского регионального пакта поддержали правительства Чехословакии, Эстонии, Латвии, Литвы. В сообщении ТАСС от 30 июля 1934 г. говорилось, что «до последнего времени только Польша и Германия пока еще не высказались окончательно и, судя по прессе этих стран, придерживаются выжидательной тактики»².

Правительство фашистской Германии не только воздерживалось от присоединения к проектируемому пакту, но приложило максимум усилий, чтобы не допустить его подписания, так как оно считало, что этот пакт мог явиться серьезным препятствием на пути фашистской агрессии в Европе. Для срыва проекта Восточного пакта Германия использовала польского министра иностранных дел Бека. И хотя было совершенно очевидно, что заключение этого пакта позволило бы Польше в случае германской агрессии опе-

¹ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. III, стр. 709—714.

² «Известия», 30 июля 1934 г.

реться на мощный блок миролюбивых государств во главе с Советским Союзом, реакционное польское правительство, все более сближавшееся с фашистской Германией, сыграло важнейшую роль в срыве переговоров о заключении пакта. Гитлеровская дипломатия разделила роли. В то время как Германия, формально не отклоняя пакт, саботировала переговоры о его заключении, правительство Польши заявляло, что без Германии оно не может принять участие в пакте. Бек проявлял большую активность. Он совершил поездку в Ригу, Таллин и другие столицы европейских государств, где стремился склонить правительства стран Центральной и Восточной Европы к отказу от участия в Восточном пакте¹.

Большую помощь гитлеровцам в срыве переговоров о Восточном пакте оказало правительство Англии. С момента установления фашистской диктатуры оно продолжало последовательную политику поддержки агрессивных планов гитлеровцев, срыва усилий миролюбивых народов по созданию системы коллективной безопасности. Английское правительство надеялось использовать фашистскую Германию в качестве противовеса Франции в Европе, а также для ликвидации социалистического строя в СССР.

Поощряя гитлеровскую агрессию, английское правительство заявило, что оно не примет участия в проектируемом пакте и даже не может занять нейтральную позицию в отношении предложения Франции и СССР. Вслед за тем 10 августа 1934 г. правительство Германии официально уведомило другие державы, что для него Восточный пакт является неприемлемым².

¹ *B. Jaworznicki*, Pakt Wschodni. «Sprawy międzynarodowe» N 3/4, 1952, str. 91—109.

² Там же, стр. 101. Большую помощь гитлеровцам в срыве проекта Восточного пакта оказало правительство Италии. В целях торпедирования создания системы коллективной безопасности Муссолини в 1934 г. выдвинул идею Дунайского пакта, которая была поддержана международной империалистической реакцией. Проект Дунайского пакта, исключая участие в нем Советского Союза, не был направлен на сохранение мира. Его главной целью был срыв переговоров о заключении Восточного пакта. Фашистская Германия проявила большой интерес

Вскоре, 9 октября 1934 г., при прямом участии гитлеровцев в Марселе были убиты один из инициаторов Восточного пакта, сторонник сближения Франции с СССР, французский министр иностранных дел Барту, и югославский король Александр¹. Так, при прямом пособничестве со стороны правительств Англии, Италии и Польши гитлеровцы сорвали подписание Восточного пакта, который мог явиться мощным барьером против развертывания германской агрессии. Политическая борьба в период переговоров о Восточном пакте уже в значительной степени предопределила расстановку политических сил на международной арене. В дальнейшем гитлеровская дипломатия также стремилась помешать заключению франко-советского и советско-чехословацкого пактов о взаимопомощи (1935 г.), явившихся важным вкладом в обеспечение безопасности в Европе.

Подписав пакт о взаимопомощи с СССР, правительство Франции рассматривало его лишь как дань мировому общественному мнению и как средство давления на Германию в целях активизации франко-германского сближения. После своего визита в Москву в 1935 г. новый французский министр иностранных дел Лаваль, известный тесными связями с гитлеровцами, говорил польскому министру Беку, что «франко-советский пакт имеет целью не столько привлечь помощь Советского Союза или помочь ему против возможной агрессии, сколько предупредить сближение между Германией и Советской Россией»².

В связи с тем что в правящих кругах Франции стали брать верх капитулянтские элементы, что,

к проекту Дунайского пакта. Она надеялась использовать его для усиления своего влияния в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. См. «Внешняя политика Чехословакии», стр. 351.

¹ Организатором этого террористического акта был помощник немецкого военного атташе в Берлине, агент «Абвера» капитан Ганс Шпейдель, позднее гитлеровский генерал, один из участников фашистских преступлений в Европе в годы войны, а ныне занимающий пост главнокомандующего центральной группировкой войск НАТО в Европе.

² «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, М., 1946, стр. 588 (примечание).

в частности, выразилось в назначении после убийства Барту министром иностранных дел Франции махрового реакционера Пьера Лавала, гитлеровцы используют это обстоятельство для присоединения Саара к Германии. В подготовке Германии к войне Саарский угольный бассейн с его развитой металлургической промышленностью имел важное значение. В 1932—1933 гг. производство одного только чугуна в Саарской области составило 23,2% общегерманского производства, а производство стали — 18%¹. В связи с истечением срока мандата Лиги наций на управление Сааром гитлеровцы развернули активную кампанию в целях присоединения этой области к Германии. Саарская область была наводнена немецкой агентурой, которая действовала под руководством специального уполномоченного Гитлера Бюркеля. Риббентроп во время переговоров с Лавалем добился от последнего заявления, что «Франция не заинтересована в исходе плебисцита в Сааре». Англия и Италия также заняли благожелательную позицию в вопросе о плебисците.

Гитлеровцы развернули бурную деятельность в Сааре, убеждая безработных Саарской области в том, что им будет предоставлена работа в Германии, в то же время они применяли метод безудержного террора, обмана, шантажа саарского населения. Печать, радио, кино, театры, массовые зрелища, витрины магазинов — все было использовано для агитации за присоединение Саара к Германии.

Значительную роль в исходе плебисцита сыграло духовенство Саарской области. Церковь Саарской области была подчинена трирскому и майнцкому епископам, находившимся на территории Германии и тесно сотрудничавшим с фашистским режимом. Саарское духовенство призывало население голосовать за присоединение Саара к Германии².

¹ Французские империалисты добились на Версальской конференции передачи им права собственности на все угольные предприятия и залежи угля в Сааре. Через 15 лет предусматривался плебисцит, который должен был окончательно решить вопрос о государственной принадлежности этой области.

² См. «Правда», 12—13 января 1934 г.

13 января, в день плебисцита, у избирательных урн дежурили вооруженные гестаповцы. Гитлеровская шовинистическая агитация, гестаповский террор, а также благосклонная позиция западных держав обеспечили исход плебисцита в пользу Германии. Совет Лиги наций одобрил результаты плебисцита, и с 1 марта 1935 г. Германия вступила во владение Сааром.

Присоединение Саарской области усиливало военно-экономический потенциал Германии и способствовало укреплению фашистского режима. Гитлеровцы называли исход плебисцита своим «триумфом», «величайшей победой». После этого фашистская пропаганда стала еще более открыто требовать возвращения Германии других территорий и ревизии границ, установленных Версальским договором.

Одним из ближайших последствий капитулянтской политики западных держав в период Саарского плебисцита явился отказ Германии от военных статей Версальского договора. Гитлеровцы до введения всеобщей воинской повинности провели тщательный зондаж позиции западных держав и фактически заручились поддержкой правительства Англии. При обсуждении саарской проблемы в Лиге наций в январе 1935 г. английский министр иностранных дел Саймон откровенно говорил Лавалю о необходимости заняться рассмотрением проблемы легализации германских вооружений¹, т. е. соглашался на ликвидацию важнейших статей Версальского договора.

Важным шагом по пути легализации германских вооружений правительствами западных держав явились франко-английские переговоры (Фланден—Лаваль и Макдональд—Саймон), которые состоялись в Лондоне в начале февраля 1935 г. В официальном комюнике об итогах этих переговоров выдвигалось предложение о необходимости укрепления сотрудничества с Германией и заключения ряда соглашений, среди которых важнейшим явилась западная воздушная конвенция (так называемое воздушное Локарно) с участием Англии, Франции, Германии, Италии и Бель-

¹ См. «Правда», 14 января 1935 г.

гии¹. Другие предложения, внесенные Францией, о Восточно-Европейском пакте взаимопомощи и Дунайском пакте с участием Германии, гарантирующих независимость Австрии, имели своей целью успокоить общественное мнение².

Гитлеровское правительство приветствовало предложение о заключении западного воздушного пакта. Однако оно выдвигало в качестве предварительного условия двусторонние переговоры с Англией³. Этим оно подчеркивало антисоветский и антифранцузский характер своей политики.

Правительство английских консерваторов, продолжая поощрять агрессора, 21 февраля согласилось на эти сепаратные переговоры и назначило визит министра иностранных дел Саймона в Германию. Убедившись, что западные державы согласны на легализацию германских вооружений, гитлеровцы 10 марта 1935 г. открыто объявили о создании военно-воздушного флота Германии.

Но и это нарушение Версальского договора, которое правительство фашистской Германии осуществило с целью последней разведки позиции западных держав перед полной отменой военных статей Версальского мирного договора, не встретило протеста с их стороны.

16 марта 1935 г., как уже отмечалось, было объявлено о введении в Германии всеобщей воинской повинности. Одностороннее расторжение Германией военных статей Версальского договора означало нарушение одной из важнейших основ послевоенного мирного урегулирования. Германия открыто провозглашала, что она переходит к ускоренным темпам перевооружения, к подготовке войны. Этот акт наносил новый удар по безопасности народов Европы. Однако и на этот раз западные державы, как и рассчитывали гитлеровцы, не оказали противодействия.

¹ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 4.II.1935.

² См. Л. Поздеева, Англия и ремилитаризация Германии 1933—1936 гг., стр. 144—146

³ См. «Правда», 21 февраля 1935 г.

Нота английского правительства от 18 марта 1935 г. содержала лишь призрачный намек протеста¹. В ней давалось понять, что западные державы выступают только против односторонних шагов Германии по ревизии военных постановлений Версальского договора. Как признает бывший советник германского посольства в Лондоне Е. Кордт, «отсюда Гитлер заключил, что с английской стороны не следует ждать более серьезного противодействия»².

Гитлеровцы, добившись значительных успехов в подрыве мира и безопасности народов, стремились закрепить свой дипломатический успех посредством заключения договора с Англией и тем самым создать благоприятные внешнеполитические условия для завершения перевооружения. Гитлеровская дипломатия с момента установления фашистской диктатуры настойчиво добивалась соглашения с Англией. Как писал Риббентроп в своих мемуарах, «Адольф Гитлер еще в 20-х годах провозгласил своей первоочередной политической целью достижение соглашения с Англией. Он добивался такого соглашения в ходе войны и говорил об этом перед своей смертью в 1945 г.»³.

Усилия гитлеровцев получали все большую поддержку со стороны реакционной клайвденской клики⁴ Англии, которая направляла британскую внешнюю политику. Как говорил Риббентроп на Нюрнбергском процессе, Гитлер исходил из того, что, «учитывая изменившееся положение в Европе и быстрое усиление России, Англия теперь хочет видеть сильную Германию»⁵.

Несмотря на открытое нарушение Германией военных статей Версальского договора, 25 марта 1935 г. министр иностранных дел Англии Саймон и лорд-хра-

¹ См. текст ноты «Мировое хозяйство и мировая политика» № 3, 1935, стр. 13.

² *E. Kordt*, *Wahn und Wirklichkeit*, S. 68.

³ *J. Ribbentrop*, *Zwischen London und Moskau*, S. 98.

⁴ Названа так по имени Клайвденского замка — резиденции ведущей группировки руководящих деятелей Англии, сторонников соглашения с Гитлером.

⁵ ЦГАОР, ф. 7445, д. 36, л. 398.

нитель печати Иден прибыли в Берлин. Во время переговоров с Саймоном Гитлер требовал согласия Англии на создание мощной 500-тысячной германской армии, равенства германских военно-воздушных сил с английскими и французскими, предоставления Германии «свободы рук» в Восточной Европе для войны против СССР. Он также заявил о территориальных притязаниях к Польше, Чехословакии и Австрии¹. Гитлер категорически отвергал идею Восточно-Европейского пакта. И хотя переговоры не закончились принятием каких-либо практических решений, как сообщал Е. Кордт, Гитлер позже говорил своим приближенным, что со стороны английской делегации он обнаружил понимание его целей².

Во время переговоров в Берлине речь шла о подготовке соглашения по урегулированию англо-германских морских вооружений. Состоявшаяся в апреле 1935 г. конференция в итальянском городе Стресе (в ней приняли участие Англия, Франция и Италия), а позже сессия Лиги наций, где обсуждался вопрос о нарушении Германией Версальского договора, ограничились словесными декларациями. Гитлеровцы еще раз убедились, что их агрессивная политика в Европе не встретит какого-либо противодействия со стороны западных держав.

Только советская делегация в Лиге наций перед всем миром разоблачила введение всеобщей воинской повинности в Германии как новый шаг по пути подготовки гитлеровцами агрессивной войны. Советский делегат М. М. Литвинов говорил в Лиге наций, что усиленно вооружающаяся Германия находится «под исключительным руководством людей, которые объявили во всеуслышание программу своей внешней политики, состоящую в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств, под руководством людей, которые открыто провозгласили эту программу и не только не отрекаются от нее, но непрерывно

¹ См. «Правда», 20 марта 1935 г.

² E. Kordt, *Wahn und Wirklichkeit*, S. 69.

распространяют эту программу, воспитывая на ней свой народ»¹.

Проводя усиленную подготовку к войне, гитлеровцы продолжали усыплять общественное мнение пацифистской демагогией. 21 мая 1935 г. Гитлер выступил с широко разрекламированной фашистской пропагандой «программой мира», в которой выражал согласие заключить двусторонние пакты о ненападении со своими соседями (по типу германо-польского). Вместе с тем он выступал против региональных пактов о взаимопомощи, против франко-советского военного союза. Как и предшествующая политика фашистской дипломатии, данный маневр гитлеровцев помимо пропагандистских целей имел своей задачей расстроить ряды сторонников коллективной безопасности, чтобы потом бить своих противников поодиночке.

Гитлеровская «программа мира» была с одобрением встречена в правящих кругах Англии, которые все более активно выступали за союз с фашистской Германией. Одним из важнейших мероприятий правительства Англии в этот период, направленным на дальнейшее поощрение немецко-фашистской агрессии, явилось англо-германское морское соглашение. Тайно, в обход Версальского мирного договора Германия возрождала свою военно-морскую мощь. Но, несмотря на опасность, которую представлял возрождающийся германский флот для безопасности Англии, ее правящие круги не препятствовали росту германской военной мощи. Они исходили из того, что военно-морские силы Германии будут использованы против СССР для нанесения ударов по Кронштадту и Ленинграду.

В 1934—1935 гг. в переговорах с английским правительством гитлеровцы настаивали на том, чтобы Германия получила право создать военно-морские силы, равные одной трети военного флота Англии, т. е. соответствовавшие мощи военно-морских сил Англии, находившихся в ее территориальных водах в Европе. Они утверждали, что немецкий флот должен быть

¹ «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 27.

равен советскому военно-морскому флоту в Балтийском море.

Для достижения соглашения с правящими кругами Англии правительство фашистской Германии помимо официальных переговоров, которые велись германским послом в Лондоне Гешем, использовало связи внешнеполитических организаций фашистской партии с прогерманскими элементами в Англии. Миссия по заключению военно-морского соглашения с Англией была возложена на личного советника Гитлера по внешнеполитическим вопросам Риббентропа.

Даже гитлеровские дипломаты, которые уже являлись свидетелями не одного акта капитуляции Англии, были удивлены той легкостью, с которой английские представители во время переговоров в Лондоне в июне 1935 г. согласились удовлетворить максимальные требования Германии о тоннаже флота¹. Согласно англо-германскому морскому соглашению, подписанному 18 июня 1935 г., Германия получила право на строительство военного флота, равного по тоннажу 35% британского флота. Для подводных лодок устанавливалось соотношение соответственно 45 : 100². Это объяснялось опасением английского правительства, что в Балтийском море германский подводный флот может оказаться слабее советского. Германия получила право увеличить свои морские вооруженные силы в 5 раз. Таким образом, англо-германское морское соглашение предусматривало право Германии на создание военно-морского флота, равного флоту Франции. Оно легализовало не только строительство подводных лодок, но и крупных линкоров в Германии. Практически соглашение предоставляло Германии свободу в военно-морских вооружениях. К 1939 г. гитлеровцы, несмотря на усиленные темпы военно-морских вооружений, так и не смогли достичь уровня, предусмотренного соглашением³.

¹ *P. Schmidt*, *Statist auf diplomatischer Bühne*, S. 431.

² См. «Морской сборник» № 8, 1935, стр. 121.

³ *H. Buchheim*, *Grundlagen und politische Entwicklung des Dritten Reiches*. «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. II, S. 122.

Стремясь замаскировать антифранцузскую и антианглийскую направленность военно-морского строительства, Германия в 1936 г. восстановила береговые укрепления на побережье Балтийского и Северного морей и островах Северного моря: Вильгельмсгафене, Гельголанде, Сильте, Кильском канале и др. В июне—июле 1935 г. германский военно-морской флот проводил маневры на Северном и Балтийском морях. Германская пресса усиленно подчеркивала антисоветскую направленность этих демонстративных мероприятий фашистского правительства.

Гитлеровская пропаганда изображала англо-германское соглашение как большой успех, как важнейший шаг на пути к подготавливаемому англо-германскому союзу¹ и сравнивала его с германо-польским пактом 1934 г. Это соглашение, свидетельствовавшее о том, что Англия официально санкционировала расторжение Германией важнейшей части Версальского договора, являлось новым этапом на пути подготовки гитлеровской Германии к мировой войне, новым ударом по системе коллективной безопасности.

Заручившись поддержкой своей хищнической политики со стороны панской Польши, а затем получив санкцию на неограниченное вооружение со стороны крупнейшей европейской державы — Великобритании, фашистская Германия считала возможным приступить к реализации своих агрессивных планов территориальных захватов. Именно поэтому Гитлер позже назвал 1936 год годом «тяжелых решений»².

Гитлеровская Германия использовала благоприятную внешнеполитическую обстановку, сложившуюся в результате итальянской агрессии в Эфиопии (1935 г.), а также сговор, достигнутый с Англией при подписании военно-морского соглашения, для оккупации Рейнской зоны, имевшей важное стратегическое значение в агрессивных планах гитлеровцев.

Предлогом для занятия Рейнской зоны гитлеровцы избрали франко-советский договор о взаимопомощи

¹ «Deutsche Allgemeine Zeitung», 18.IV.1935.

² Н. Buchheim, Grundlagen und politische Entwicklung des Dritten Reiches. «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. II, S. 123.

от 2 мая 1935 г., ратификацию которого они с помощью своей «пятой колонны» во Франции почти в течение года пытались срывать. Французский министр иностранных дел Лаваль, откладывая ратификацию советско-французского пакта, стремился превратить этот пакт в предмет торга с фашистской Германией¹.

7 марта 1936 г. послы стран, подписавших Локарнский договор, были вызваны в министерство иностранных дел Германии, где им был вручен меморандум Гитлера, в котором сообщалось об отказе Германии от Локарнских соглашений и об оккупации Рейнской зоны. В целях маскировки своих действительных целей гитлеровцы ссылались на заключение франко-советского и чехословацко-советского пактов, будто бы являвшихся нарушением Рейнского пакта и направленных против Германии. Меморандум гласил, что вследствие этого Локарнский пакт потерял свой внутренний смысл и фактически перестал существовать. В меморандуме говорилось, что «со своей стороны Германия не считает себя более связанной этим переставшим существовать пактом» и что в интересах обороны границ и сохранения возможностей обороны «германское правительство поэтому вновь установило начиная с сегодняшнего дня свой полный и неограниченный суверенитет империи в демилитаризованной рейнской зоне»².

В меморандуме выдвигался «план мира». Правительство фашистской Германии предлагало Франции, Бельгии, а также и Голландии взамен Локарнского соглашения заключить пакты о ненападении. Такие же двусторонние пакты, напоминаящие пакт Германии с Польшей, оно предложило Литве, Чехословакии, Австрии. Подобные двусторонние договоры, сопровождаемые «миролюбивыми фразами», должны были обеспечить гитлеровцам выбор объекта для агрессии, т. е. страны, предварительно изолированной от других государств.

Как и рассчитывали гитлеровцы, правительства Англии и Франции и на этот раз не оказали противо-

¹ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 588 (примечание).

² «Мировое хозяйство и мировая политика» № 4, 1936, стр. 140.

действия Германии. На заседании Совета Лиги наций, открывшемся в Лондоне 14 марта 1936 г., версию германской дипломатии о причинах оккупации Рейнской зоны обосновывал не только Риббентроп, присутствовавший в Лиге наций (несмотря на то что Германия уже давно не являлась ее членом). Свое присутствие на заседании Совета Лиги наций Риббентроп пытался представить в качестве «первого шага по пути восстановления Германией отношений с Лигой наций»¹. Его активно поддерживал польский министр иностранных дел Бек, а также делегат Италии Гранди. Резолюция Совета Лиги наций от 18 марта свелась к формальному признанию факта нарушения Германией статьи 43 Версальского договора и Локарнских соглашений².

Только Советский Союз занял принципиальную позицию в отношении нового агрессивного акта фашистской Германии. Представитель СССР на сессии Совета Лиги наций М. М. Литвинов 17 марта 1936 г. заявил, что хотя СССР и не участвовал в выработке условий Версальского и Локарнских договоров, но он заинтересован в сохранении мира, а поэтому осуждает нарушение договоров³. Советский Союз выражал готовность принять участие во всех мероприятиях по обузданию агрессора. Однако реакционные правители европейских держав отказались от применения санкций против фашистской Германии. Они предпочли путь сговора с агрессором, что ускоряло развязывание войны.

Характеризуя последствия капитулянтской позиции Франции и Англии для мира в Европе, Черчилль признает: «Факты, показывающие всем странам Малой Антанты и всей Европе, что Франция не будет сражаться и что Англия будет удерживать ее даже в том случае, если Франция захочет вступить в борьбу, ни у кого не вызвали беспокойства. Этот эпизод укрепил власть Гит-

¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. IV, Berlin, 1936, S. 123.

² См. резолюцию Совета Лиги наций от 19 марта 1936 г. в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» № 4, 1936, стр. 155—156.

³ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. IV, стр. 108.

лера над рейхом»¹. Подобная позиция западных держав убеждала гитлеровцев, что они могут начать агрессию в Европе, не опасаясь встретить сопротивление со стороны Англии и Франции.

4. Провал первой попытки захватить Австрию. Политика «холодного аншлюса»

Поощряемые международной империалистической реакцией, гитлеровцы предприняли попытку приступить к конкретной реализации своего агрессивного плана. Очередным объектом фашистской агрессии была избрана Австрия. Существование независимой Австрии ввиду ее стратегического положения являлось препятствием для агрессивных планов германского империализма как на Западе, так и на Востоке Европы.

Еще в период борьбы за власть гитлеровцы развили активную подрывную деятельность в Австрии. Наряду с существовавшими союзами немецких милитаристов вроде «Свободного корпуса Оберланда» и других, австрийские фашисты уже в то время создали группы национал-социалистической партии². Эти группы особенно активизируются после установления фашистской диктатуры в Германии. Однако в связи с рядом террористических актов, совершенных германской агентурой, в 1933 г. правительство Австрии запретило филиал немецко-фашистской партии, существовавший под названием «австрийская националистическая партия». Часть нацистов эмигрировала в Германию, а другая осталась в Австрии и продолжала подрывную деятельность. На германо-австрийской границе был создан специальный «легион», состоявший из вооруженных австрийских нацистов, эмигрировавших в Германию. Они совершали систематические налеты на территорию Австрии и терроризировали население. Несмотря на запрещение нацистской партии в Австрии, германские

¹ *W. S. Churchill, The Second World War, vol. I, Boston, 1949.*

² «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», Wien, 1947, S. 4.

фашисты продолжали рассматривать ее в качестве 33-й «гау» национал-социалистской партии Германии, а ее лидер Тео Габихт считался гаулейтером и оставался членом германского рейхстага¹.

С 1933 г. фашистская Германия непрерывно усиливала давление на Австрию, добиваясь включения нацистов в состав правительства Дольфуса, с тем чтобы подорвать Австрию изнутри и создать условия для «аншлюса».

Гитлеровцы стремились также создать благоприятные внешнеполитические условия для включения Австрии в состав «рейха». В 1933—1934 гг. Геринг разъезжал по странам Юго-Восточной Европы в целях подготовки дипломатической изоляции Австрии. Стремясь привлечь союзников, он обещал правительствам этих стран территориальные компенсации за счет Австрии. Как рассказывал бывший посол США в Австрии Мессершмитт, Геринг обещал Югославии австрийскую Каринтию² и т. д.

Особенно беспокоила гитлеровцев позиция Италии, которая проявляла сильную тревогу в связи с германскими происками, ставившими под угрозу итальянские интересы в Юго-Восточной Европе. В первые месяцы после установления фашистской диктатуры в Германии правительство Муссолини всячески поддерживало ревизионистские требования гитлеровцев о равенстве в вооружениях и т. д. Оно исходило при этом из того, что усиление военной мощи Германии создаст противодействие Франции в Европе и тем самым ослабит ее позиции в Средиземном море и на Балканах. Однако в связи с антиавстрийскими высказываниями Гитлера политика Италии стала изменяться. Она не желала уступать Германии свои позиции в Юго-Восточной Европе, ключом к которым являлась Австрия. Визит Геринга в Рим в апреле 1933 г., так же как и усилия Гитлера добиться согласия Муссолини на «аншлюс» Австрии остались тщетными³.

¹ «Rot—Weiß—Rot Buch», Т. I, Wien, 1946, S. 25.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 82.

³ U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, Wiesbaden, 1955, S. 48.

В это время Австрия в своей внешней политике ориентировалась главным образом на Италию и одновременно поддерживала дружественный контакт с Лондоном, Парижем, Прагой и Будапештом. В апреле 1933 г. канцлер Дольфус, а затем в августе вице-канцлер Штаремберг в связи с германской угрозой Австрии выезжали в Рим, где вели переговоры с Муссолини. Там они получили от итальянского правительства заверения о поддержке Австрии в случае германской агрессии¹. 13 января 1934 г. во время посещения Вены статс-секретарем Италии Сувичем было достигнуто соглашение о заключении итало-австро-венгерского союза. 17 марта 1934 г. этот союз, вошедший в историю под названием «Римских протоколов», был заключен².

Таким образом, попытки фашистской Германии склонить Италию к поддержке германских агрессивных планов в Юго-Восточной и Центральной Европе на данном этапе не увенчались успехом. Миссия Папена и Геринга в Рим в середине 1934 г. не дала положительных результатов³. Однако гитлеровцы решили не ждать более благоприятного момента для захвата Австрии. Внутриполитические события в Германии побуждали их спешить с подготовкой «аншлюса». После подавления путча штурмовиков 30 июня 1934 г., являвшегося выражением нараставшего недовольства в рядах фашистской партии, а также в стране, Гитлер решил отвлечь внимание народа от внутриполитических проблем и поднять свой пошатнувшийся престиж посредством захвата Австрии.

Еще 17 июня 1934 г. фашистский официоз «Фёлькишер беобахтер» пропагандировал идею создания австрийского кабинета во главе с германским агентом Ринтеленем. К тому времени ряд руководящих постов в австрийской полиции («Бюро безопасности») находился в руках австрийских нацистов — агентов Германии. В мае—июне главари австрийских нацистов (Габихт и др.) получили от Гитлера, Геринга, Нейрата

¹ U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 48.

² Там же, стр. 49.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 82.

последние указания о подготовке путча¹. Первоначально путч был назначен на 24 июля (в этот день должно было состояться заседание совета министров Австрии). В связи с этим уже вечером 24 июля одна из германских газет напечатала сообщение об успешном антиправительственном путче в Вене², но в самый последний момент путч был отложен на сутки.

Активную роль в подготовке путча играл германский посол в Вене Ритт. Как писал бывший американский посол в Вене Мессершмитт, «доктор Ритт — германский посол в Вене — был полностью знаком с тем, что должно было произойти и что было запланировано»³. Одновременно он утверждал, что английская и американская разведывательная служба были в курсе подготавливавшегося путча. «Я сам,— продолжал Мессершмитт,— внимательно наблюдал за деятельностью доктора Ритта и никогда не сомневался, что доктор Ритт был в постоянном и систематическом контакте с австрийскими агентами как немецкого, так и австрийского происхождения»⁴.

25 июля 1934 г. фашистская Германия инспирировала путч в Вене⁵. Цель гитлеровцев, являвшихся действительными организаторами этого путча, состояла в том, чтобы захватить с помощью австрийских нацистов власть в стране, создать «правительство» Австрии, состоявшее из представителей так называемой национальной оппозиции (т. е. германских агентов.— В. Ф.) во главе с австрийским посланником в Риме Ринтеленем в качестве канцлера. Объявление по радио о создании правительства из числа нацистов должно было послужить сигналом для захвата фашистами власти в других частях страны. Военно-техническая подготовка путча была осуществлена командиром 89-го полка СС Глассом, бывшим руководителем союза немецких солдат в Австрии⁶.

¹ *U. Eichstädt*, Von Dolfuss zu Hitler, S. 51.

² Там же, стр. 52.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 86.

⁴ Там же.

⁵ «Beiträge zur Vorgeschichte und Geschichte der Julirevolte», Wien, 1934.

⁶ *U. Eichstädt*, Von Dolfuss zu Hitler, S. 50.

25 июля сотни вооруженных австрийских нацистов, одетых в форму солдат австрийской армии, обезоружили охрану и захватили федеральную канцелярию. Канцлер Дольфус при попытке бежать был ранен и в тот же день скончался. Путчисты, захватив радиостанцию, передали ложное сообщение об уходе Дольфуса в отставку и о вступлении на пост канцлера гитлеровского агента Ринтелена. Выступления австрийских нацистов, инспирированные фашистской Германией, произошли также в других частях Австрии¹.

Однако венский путч не имел успеха. В течение суток армии и полиции удалось разоружить нацистские отряды и овладеть положением. Главари путчистов были арестованы или бежали в Германию. Неблагоприятно сложившаяся для гитлеровцев международная обстановка также сыграла важную роль в провале путча. 25 июля Муссолини сделал заявление, что Италия будет энергично защищать Австрию. Вечером 25 июля он отдал приказ четырем дивизиям продвинуться к границам Бреннера. Позиция Италии была поддержана, хотя и не столь решительно, правительствами Франции и Югославии².

Правительству фашистской Германии было ясно, что дальнейшее развитие событий в Австрии может привести к вступлению в эту страну итальянских войск, что вызовет вооруженный конфликт между Германией и Италией, а возможно, и с другими державами. Учитывая это, правящая клика фашистской Германии теперь стремилась всячески замять путч.

После получения из Германии указания о прекращении путча германский посол Ритт явился к зданию австрийской имперской канцелярии, занятому мятежниками и окруженному частями австрийской полиции и войсками, и предложил путчистам оставить помещение, гарантировав им безопасный переход австро-германской границы³.

¹ «Beiträge zur Vorgeschichte und Geschichte der Julirevolte», S. 68—73.

² U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 56.

³ «Beiträge zur Vorgeschichte und Geschichte der Julirevolte», S. 78.

Правительство фашистской Германии пыталось отрицать свою причастность к путчу, к убийству Дольфуса. Посол Ритт был отозван в Германию на том основании, что он, якобы не посоветовавшись со своим правительством, обещал мятежникам свободный переход германской границы и тем самым без всякой причины вовлек Германию во внутренние дела Австрии¹. Однако в других документах, не предназначавшихся для печати, гитлеровцы признавали, что преждевременная попытка захватить Австрию в 1934 г. доставила им много хлопот. 28 июля 1934 г. Нейрат сообщал начальнику политического отдела германского МИД, что опасное для Германии развитие австрийских событий было предотвращено только в результате принятия быстрых и энергичных мер. Далее он признавал, что только в последние минуты при его (Нейрата) непосредственном участии удалось избежать возникновения войны².

В течение примерно года после провала июльского путча правительство фашистской Германии, не прекращая подрывной деятельности, вынуждено было проявлять некоторую внешнюю сдержанность в отношении Австрии. Оно изменяет тактику и переходит к политике «холодного аншлюса», т. е. к политике постепенного подчинения Австрии посредством захвата командных позиций в ее экономической и политической жизни. Как признавал Нейрат в беседе с Буллитом 18 мая 1936 г., политика Германии в то время заключалась в том, чтобы не проявлять активности в вопросах внешней политики, пока не будет оккупирована Рейнская область и пока не будет укреплена граница с Францией и Бельгией³.

Подобная тактика немецкой дипломатии объяснялась также и тем, что нужно было склонить на свою сторону фашистскую Италию, которая, не желая уступать германскому империализму свои позиции в странах Юго-Восточной Европы, продолжала держать войска у границ Австрии (у Бреннера).

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 86.

² *U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler*, S. 60.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 7, л. 127.

Вскоре после провала июльского путча 1934 г. послом в Вену с «чрезвычайными полномочиями» был назначен бывший вице-канцлер Папен¹.

На следующий день после июльского путча 1934 г. в Австрии Гитлер позвонил Папену по телефону и сказал: «Вы являетесь единственным человеком, который может спасти положение»².

Одной из причин, почему выбор Гитлера пал именно на Папена, являлось также то, что фашистский диктатор стремился использовать его широкие связи с Ватиканом, с международной католической реакцией для оказания влияния на католические круги Австрии. Папен должен был прикрыть дипломатической завесой и своей демагогией подрывную деятельность гитлеровцев в Австрии и подготовить «аншлюс»³.

В меморандуме, предъявленном на процессе над бывшим австрийским министром иностранных дел Гвидо Шмидтом, состоявшемся в Вене в 1946 г., Папен писал, что когда он прибыл в Берхтесгаден 26 июля 1934 г., то увидел, в каком удрученном и напуганном состоянии находились Гитлер и его окружение. Гитлер просил Папена «спасти австрийский вопрос от полного провала»⁴.

Направляя Папена в Австрию, Гитлер дал ему указание до поры до времени не проявлять излишней активности, но в то же время исподволь готовить «аншлюс». Вскоре после приезда в Вену Папен в откровенной беседе с американским послом Мессершмиттом изложил действительные цели своей миссии. «...Он резко и прямо

¹ Папен в своих мемуарах, а также ряд западногерманских буржуазных историков, фальсифицируя события, пытаются представить освобождение Папена с поста вице-канцлера и назначение на дипломатический пост в Вену как результат недовольства Гитлера его связью с Ремом и другими штурмовиками, участниками путча 30 июня 1934 г. в Германии. Папен, будучи послом в Вене, широко использовал версию, распространявшуюся буржуазной пропагандой, о его мнимых разногласиях с Гитлером для организации подрывной деятельности против Австрии.

² «Der Hochverratprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 5.

³ В этом же направлении действовала и жена Папена — известная деятельница католического движения.

⁴ «Der Hochverratprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 5.

заявил, что захват контроля над Австрией является первым шагом. Он определенно заявил, что он находится в Австрии для того, чтобы подорвать изнутри и ослабить австрийское правительство и из Вены проводить работу по ослаблению правительств других государств на юге и юго-востоке»¹.

Папен установил тесный контакт с прогермански настроенными кругами австрийской буржуазии, аристократии и чиновничества, с «культурбундом», с пангерманским «немецким клубом», а также с австрийскими нацистами—бывшим директором имперского архива Глейзе-Хорстенау, адвокатом Зейс-Инквартом и другими, изображавшими себя в качестве лидеров «национальной оппозиции» правительству Австрии. В то же время Папен вступает в сговор с рядом австрийских министров и с другими лидерами христианско-социальной партии Австрии. В задачу чрезвычайной миссии Папена входила также координация подрывной деятельности германских дипломатических представительств в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Под шумок публичных заверений о невмешательстве Германии во внутренние дела Австрии гитлеровцы готовили ее захват. Папен установил также контакт с нелегальными организациями австрийских фашистов. По его требованию вместо скомпрометировавшего себя в дни июльского путча лидера австрийских нацистов Габихта Гитлер назначил капитана Леопольда. Штаб «австрийского легиона», так же как и его личный состав, был сохранен и до поры до времени был переведен из Мюнхена в Восточную Пруссию². По просьбе Папена Шахт дал указание ежемесячно ассигновать для помощи австрийским нацистам 200 тыс. марок³.

Спустя примерно год после прибытия Папена в Австрию деятельность немецкой агентуры в Австрии заметно активизируется. Папен пытается навязать Австрии кабальное соглашение с Германией, которое бы явилось исходным пунктом для дальнейшего наступления на нее и завершилось бы «холодным аншлюсом».

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 852.

² U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 59.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 2011, л. 8.

Уже с середины мая 1935 г. Папен усиленно добивался заключения с Австрией подобного соглашения. 11 июля 1935 г. он передал австрийскому министру иностранных дел Бергеру-Вальденегу личные предложения о ликвидации напряженности в германо-австрийских отношениях и проект германо-австрийского соглашения¹, которое должно было открыть новый этап в отношениях между двумя странами. В предложениях Папена речь шла о том, что Австрия должна рассматривать себя в качестве «второго германского государства» и, как таковая, должна согласовывать с Германией свою внешнюю политику. Бергер-Вальденег, являвшийся представителем той части австрийской буржуазии, которая ориентировалась на фашистскую Италию, отрицательно отнесся к указанному проекту. Однако Папен не прекратил своих домогательств. Используя различные средства, он пытался воздействовать на канцлера Шушнига и других представителей правящих кругов Австрии с целью достижения подобного соглашения.

4 октября 1935 г. в условиях, когда Италия развязала войну в Абиссинии и внимание правительств империалистических держав было приковано к событиям, развивавшимся на Африканском континенте, Папен снова выдвинул свой проект перед правительством Австрии. На этот раз он уже вел переговоры непосредственно с Шушнигом. Возникновение итало-абиссинской войны создало новую обстановку на континенте Европы. Италия была вынуждена отозвать свои войска с границ Австрии и направить их в Африку. Вместе с тем обострились итало-английские отношения. Германская дипломатия стремится использовать благоприятно сложившуюся для нее международную обстановку с целью изоляции Австрии и подготовки ее захвата. В связи с итало-абиссинской войной внешнеполитические позиции австрийского правительства ослабли. Оно не могло больше рассчитывать на помощь Италии. Во время поездки Шушнига в Рим, в мае 1936 г., Муссолини сказал ему, что, так же как Италия, Австрия

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 474.

должна улучшить свои отношения с Германией¹. Было ясно, что Австрия больше не может рассчитывать на поддержку Италии.

Под воздействием Папена канцлер Шушниг, который все больше склонялся к принятию тезиса гитлеровцев о том, что Австрия является «вторым германским государством», и стоявшие за ним группы промышленников и аристократов переходят к сближению с фашистской Германией.

В мае 1936 г. Шушниг реорганизует свой кабинет. Из него вслед за министром иностранных дел Бергером-Вальденегом были удалены другие сторонники итальянской ориентации (вице-канцлер Штаремберг и его сторонники, министр Фей и др.)². Пост министра иностранных дел принял на себя по совместительству канцлер Шушниг. Статс-секретарем министерства иностранных дел был назначен открытый сторонник германской ориентации, бывший вице-директор канцелярии канцлера Гвидо Шмидт. Папен вступает с ним в тесный контакт и использует этого фактического руководителя внешнеполитического ведомства Австрии в качестве «троянского коня» в правительстве Австрии. У Гвидо Шмидта, как отмечал посланник США в Вене Мессершмитт, фактически не было такой государственной тайны, которую он не доверил бы своему другу Папену³.

11 июля 1936 г. в Вене после длительной дипломатической подготовки было подписано германо-австрийское соглашение. В опубликованной части соглашения говорилось, что, хотя Австрия в проведении своей политики будет рассматривать себя как «второе германское государство», Германия в соответствии с заявлением Гитлера от 21 мая 1935 г. будет признавать полный суверенитет Австрии и не будет вмешиваться в ее внутренние дела⁴. Таким образом, австрийское правительство официально объявило Австрию «вторым германским государством», дав тем самым в руки немецких

¹ U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 101.

² Там же.

³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 6.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 231.

и австрийских нацистов сильное идеологическое оружие в их политике порабощения Австрии германским империализмом.

Для того чтобы не обострять отношений с Италией, в соглашении отмечалось, что оно ни в коей мере не нарушает так называемых Римских протоколов и дополнительного протокола к ним (1936 г.)¹. Эта оговорка имела чисто формальный характер, так как к этому времени эти протоколы фактически уже полностью утратили свое значение.

Однако секретное приложение, или так называемое джентльменское соглашение, сводило на нет все эти фальшивые заверения гитлеровцев о признании «суверенитета» Австрии. Секретное приложение фактически обязывало Австрию подчинить свою внутреннюю и внешнюю политику фашистской Германии. В нем говорилось, что Австрия будет проводить свою внешнюю политику посредством консультаций и согласования с политикой Германии². Предусматривалось расширение экономических и транспортных связей между Германией и Австрией, что облегчало экономическое порабощение Австрии германским империализмом.

Исключительно важное значение для дальнейшего развития герmano-австрийских отношений имело обязательство Шушнига, подписавшего это соглашение от имени Австрии, включить в состав правительства ряд австрийских нацистов, германских агентов, представителей так называемой национальной оппозиции³, а также амнистировать австрийских фашистов, совершивших политические преступления в Австрии. Соглашение предусматривало расширение герmano-австрийского «культурного сотрудничества». Это означало не что иное, как наводнение Австрии немецкими фашистскими изданиями, кинофильмами, усиление германских радиопередач на Австрию и т. д.⁴

Гитлеровцы рассматривали соглашение с Австрией как свой крупнейший внешнеполитический успех, как

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 400.

² ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 233.

³ Там же.

⁴ Там же.

важнейший этап на пути к полному порабощению Австрии посредством так называемого холодного аншлюса. Спустя 5 дней после заключения соглашения, 16 июля 1936 г., на совещании главарей нелегальной национал-социалистской партии Австрии Гитлер говорил: «Мои внешнеполитические действия не отменяются соглашением с Австрией. Мне необходимо еще два года, чтобы подготовиться к осуществлению своей политики»¹.

В первую годовщину со дня подписания соглашения, 11 июля 1937 г., исполняющий обязанности статс-секретаря германского министерства иностранных дел Дикгоф² в телефонограмме германским дипломатическим миссиям за границей сообщал, что «фюрер рассматривает германо-австрийское соглашение как краеугольный камень своей политики»³ и что он ставит его в один ряд с германо-польским соглашением 1934 г. Одновременно Дикгоф предупреждал германских дипломатов, что не следует афишировать это соглашение и превращать его в сенсацию⁴. Это предупреждение было продиктовано тем, что германские империалисты опасались преждевременного разоблачения своей действительной политики, направленной на полное политическое и экономическое порабощение Австрии.

Прогерманские круги австрийской буржуазии, а также католическое духовенство Австрии, в частности кардинал Иннитцер, с которым были тесно связаны Папен и Ватикан, одобрили это кабальное соглашение. В австрийской прессе был опубликован ряд статей, инспирированных Папеном через кардинала Иннитцера, в которых приветствовалось это соглашение⁵. Указанные статьи затем перепечатывались в «Фёлькишер беобахтер» и представлялись мировому общественному мнению как свидетельство одобрения австрийским народом прогерманской политики правящей клики Австрии. Германских империалистов особенно воодушевляло то

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 9.

² Позже германский посол в США.

³ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 235.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 241.

обстоятельство, что правительства Англии, Франции и США фактически безучастно отнеслись к этому соглашению, наносившему новый удар по версальской системе¹.

На этот раз Гитлер был доволен и позицией Италии. Германский посол в Риме Гассель 11 мая 1936 г. в донесении в Берлин о своей беседе с Муссолини, состоявшейся в день подписания германо-австрийского соглашения, сообщал, что Муссолини приветствовал это соглашение, так как Австрия «перестала быть игральным мячом других держав»², и что тем самым снимается последнее бремя с итало-германских отношений. Муссолини далее говорил Гасселю, что во время последней встречи с Шушнигом он заявил австрийскому канцлеру, что Австрия является немецким государством и должна строить свою политику в соответствии с политикой Германии.

Вслед за этим соглашением, явившимся первым этапом на пути «мирного» захвата Австрии, между австрийским и германским правительствами был заключен ряд других сделок, которые вели к дальнейшему подчинению Австрии фашистской Германии. По требованию Гитлера в состав правительства Австрии были введены открытые агенты фашистской Германии—лидеры австрийских нацистов. Глезе-Хорстенау был назначен министром без портфеля, несколько позже Зейс-Инкварт был введен в Государственный совет³ и на него была возложена задача наблюдения за осуществлением статей соглашения, касавшихся внутривнутриполитического положения Австрии, т. е. оказание помощи в подрывной деятельности австрийской нацистской партии, все еще формально находившейся на нелегальном положении.

После заключения итало-германского союза, в октябре 1936 г., судьба Австрии фактически была предрешена. Гитлеровцы стремятся закрепить первый успех своей политики подчинения Австрии посредством заключения с ней нового соглашения.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 241.

² Там же, стр. 233.

³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 10.

14 ноября 1936 г. Гвидо Шмидт в сопровождении группы чиновников министерства иностранных дел Австрии по приглашению МИД Германии прибыл в Берлин для дальнейшего обсуждения вопросов, связанных с реализацией соглашения от 11 июля 1936 г.

В этот же день на совместном совещании австрийской делегации и представителей фашистской Германии, на котором присутствовали Нейрат, Папен, Мейснер и другие, Гитлер выразил пожелание, чтобы Австрия, как и другие фашистские государства, вышла из Лиги наций. Однако это предложение Гитлера встретило возражение со стороны Гвидо Шмидта, который считал, что выход Австрии из Лиги наций лишит ее крупных финансовых займов и другой материальной помощи со стороны западных держав.

На следующий день состоялась беседа Г. Шмидта с Герингом. По признанию Геринга, Г. Шмидт откровенно заявил, что он является сторонником «аншлюса» Австрии и будет продолжать свою деятельность в этом направлении¹. В ходе аудиенции Геринг доверительно показал Г. Шмидту висевшую у него на стене секретную карту, на которой Австрия уже была включена в границы Германии². В это же время Г. Шмидт вел переговоры с Бломбергом и Нейратом, с которыми были подробно обсуждены вопросы германо-австрийских отношений.

21 ноября 1936 г. между Австрией и Германией был подписан секретный договор, который шел значительно дальше соглашения 11 июня 1936 г. и фактически вовлек Австрию в русло антикоминтерновской политики фашистских государств. Оба правительства обязывались всеми средствами бороться против коммунистического движения в своих странах, проводить совместную политику в Дунайском бассейне, консультироваться и оказывать поддержку друг другу на международных конференциях и совещаниях³. Здесь же было принято решение о создании германо-австрийского комитета по вопросам «культурного обмена», который дол-

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 13.

² Там же, стр. 15.

³ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 284—287.

жен был способствовать распространению национал-социалистской идеологии среди австрийского народа. Так был сделан еще один шаг на пути порабощения Австрии.

Успехи фашистской Германии в осуществлении политики «холодного аншлюса» были суммированы Папеном в его обзорном донесении Гитлеру от 15 января 1937 г. «Заключенное 11 июля 1936 г. германо-австрийское соглашение, — писал он, — коренным образом изменило всю ситуацию»¹. По мнению Папена, это соглашение имело большое значение для развития политических событий в Европе, так как Германия «основательно разделалась с Версальским трактатом и изменила созданное им положение». И далее: «ad hoc создана ось Берлин — Вена — Рим»².

Папен признавал, что после 11 июля 1936 г. Германия основное внимание уделяла активизации подрывной деятельности внутри Австрии посредством усиления прогерманских элементов в ее правящих кругах. И не безуспешно. Германия добилась отставки сторонника итальянской ориентации вице-канцлера Штеренберга и роспуска руководимых им вооруженных организаций (хеймвера), которые выражали недовольство новой ориентацией правительства Шушнига. Вслед за тем из правительства были удалены другие министры, сторонники Штеренберга (Дракслер и Штокингер), а вместо них министрами были назначены сторонники германской ориентации³. *С декабря 1936 г., по мнению Папена, Австрия окончательно переходит от ориентации своей политики на юг Европы (Италию) к ориентации на север (Германию).*

Фашистская клика считала, что успехи Германии в подчинении Австрии оказали большое влияние на международную обстановку в Европе. «В то время как во Франции, — писал Папен Гитлеру, — наступило оцепенение в связи с утратой ею важных позиций в Центральной Европе, Англия должна считаться с создав-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 306.

² Там же, «ad hoc» — для данного случая (лат.).

³ Там же.

шимся новым положением»¹. Папен отмечал далее, что успехи политики «аншлюса» создали новое положение также для Греции, Югославии, особенно для Чехословакии, а также вызвали беспокойство в Венгрии и Польше.

В начале 1937 г. фашистская Германия, прикрываясь новым соглашением, усилила нажим на Австрию. В феврале 1937 г. было достигнуто соглашение, которого в течение ряда лет добивались гитлеровцы, о свободном распространении в Австрии книги Гитлера «Майн Кампф», а позднее — официоза фашистской партии «Фёлькишер беобахтер». Во время беседы Нейрата с Шушнигом и Шмидтом, состоявшейся в Вене 22—23 февраля 1937 г., обсуждались такие вопросы, как ношение нацистами партийных значков и обмен фашистскими приветствиями между гитлеровцами в Австрии, вывешивание германских флагов в Австрии в дни празднеств, торжественно отмечавшихся в Германии, амнистия для австрийских фашистов, назначение «фюрера» австрийских нацистов и др.²

7 июля 1937 г. начальник политического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекер, который часто посещал Вену и сыграл большую роль в дипломатической подготовке «аншлюса», в беседе с Г. Шмидтом призывал к укреплению германо-австрийского сотрудничества, ратовал за установление «интимного сотрудничества» между командованием армий и генеральными штабами обеих стран. Спустя еще 4 месяца, 12 ноября 1937 г., германский военно-воздушный атташе в Вене генерал Муфф доносил Бломбергу, что Геринг ведет в Вене со Шмидтом переговоры о налаживании обмена информацией между германской контрразведкой («Абвер») и австрийской; о взаимном обмене офицерами (в количестве 100 человек в год); об унификации вооружения, снаряжения армии и военной экономики³. Далее Муфф писал, что во время дальнейших

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 334.

² Визит Нейрата в Вену австрийские антифашисты отметили мощной антигерманской демонстрацией. *U. Eichstädt, Von Dollfuss zu Hitler*, S. 165.

³ «Историко-дипломатический архив», ф. 162-л, оп. 2, д. 1, л. 25—27.

переговоров с Австрией следует добиться заключения военного соглашения.

К концу 1937 г. фашистская Германия развернула наступление против Австрии, добиваясь ее внешнеполитической изоляции. Одновременно усилилось проникновение Германии в экономику Австрии и активизация подрывной деятельности фашистской «пятой колонны».

После провала июльского путча 1934 г., несмотря на изменение методов и форм подготовки «аншлюса», фашистская Германия продолжала содержать в Австрии значительную «пятую колонну»¹. Австро-германское соглашение 1936 г. создало весьма благоприятные условия для усиления подрывной деятельности гитлеровцев. Германские агенты в Австрии получили из Берлина указание наряду с применением террористических методов использовать также тактику «мирного проникновения», т. е. подделаться и приспособиться к австрийскому режиму, проникнуть в «отечественный фронт» и другие политические организации Австрии и, используя прогерманскую политику правящих кругов Австрии, захватить руководство ими.

Несмотря на то что нацистская партия в Австрии была все еще формально запрещена, ее «фюреры» открыто продолжали свою деятельность. Лидер партии Леопольд, считавшийся специальным представителем Гитлера, имел в Крэмсе свою штаб-квартиру, особое бюро, автомобильный парк и специальных курьеров в Вене. Руководители австрийских нацистов Рейнер, Глобочник, Цернатто, Юри и другие были прямыми германскими агентами и получали от Гитлера, Гимmlера, Геринга, Боле и других главарей фашистской Германии непосредственные указания. Гитлеровцы снабжали австрийских нацистов оружием, деньгами, систематиче-

¹ Ряд высших офицеров австрийской службы информации (контрразведки) и генерального штаба являлись также агентами германского «Абвера». После «аншлюса» они (например, начальник австрийской контрразведки подполковник, позднее гитлеровский генерал Лахузен) автоматически были переведены на службу в германскую контрразведку. См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 92—93.

ски вызывали их в Германию для отчета и инструктажа. В связи с тем что фашистское движение в Австрии не носило массового характера, гитлеровцы наводняли Австрию многочисленными эмиссарами, агентами подрывных организаций германской фашистской партии. Из числа нацистских «фюреров» в Австрии был создан так называемый Комитет семи, который и руководил подготовкой «аншлюса» внутри страны.

16 июля 1936 г., т. е. спустя пять дней после подписания германо-австрийского соглашения, Гитлер пригласил в Оберзальцберг Рейнера и Глобочника и проинструктировал их о дальнейших методах подготовки «аншлюса» в связи с новыми условиями, созданными данным соглашением¹. На следующий день все фашистские гаулейтеры Австрии собрались на совещание, состоявшееся в местечке Аниф, близ Зальцбурга, где заслушали доклад Рейнера о дальнейших немецких планах подготовки «аншлюса».

Для того чтобы направлять деятельность австрийских нацистов в соответствии с целями фашистской Германии, один из ближайших советников Гитлера, группенфюрер СС Вильгельм Кеплер, тесно связанный с германскими монополиями, был облечен фашистским диктатором чрезвычайными полномочиями по руководству партией австрийских нацистов². Ему подчинялся «австрийский легион» в Германии, он сам часто выезжал в Австрию для непосредственного руководства фашистскими организациями.

В Австрии также действовали агенты Геринга, Геббельса, Боле, Гесса. Начальник политического отдела министерства иностранных дел Германии Вейцекер в начале октября 1936 г. в специальной записке Нейрату сообщал, что иностранный отдел фашистской партии восстановил деятельность нацистских партийных организаций в Австрии (среди немцев — германских подданных) и что гаулейтер Боле в своем докладе, который будет произнесен в Вене 24 октября 1936 г., намерен объявить о восстановлении венской партийной

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1728, л. 45.

² Там же, л. 42.

организации¹. Он добавлял далее, что члены фашистской партии будут носить специальную форму и партийные значки.

Правительство фашистской Германии настойчиво добивалось полной легализации партии австрийских нацистов и амнистии находившихся в заключении и в эмиграции участников июльского путча 1934 г. и других террористических актов и провокаций. По требованию Германии правительство Австрии освобождало нацистов—политических преступников, находившихся в заключении. В то же время действительные австрийские патриоты — антифашисты, участники февральских революционных боев 1934 г., продолжали томиться в тюрьмах и концентрационных лагерях.

16 января 1937 г. германский поверенный в делах в Вене Штейн сообщал в Берлин, что в соответствии с соглашением от 11 июля 1936 г. в Австрии амнистировано 18 684 национал-социалиста². Тысячи австрийских нацистов, освобожденные из тюрем, а также находившиеся в эмиграции, получили возможность вернуться в Австрию и продолжать свою подрывную деятельность. Не довольствуясь уступками Шушнига, фашистская Германия требовала освобождения всех нацистов—политических преступников, в том числе и непосредственно принимавших участие в убийстве канцлера Дольфуса, — и полной легализации партии австрийских нацистов. 27 января 1937 г. Нейрат направил специальное указание Папену, в котором поручал ему предупредить Шушнига, что содержание в Австрии в заключении некоторых нацистов, совершивших политические преступления, Германия рассматривает как грубое нарушение соглашения от 11 июля 1936 г.

Поддерживаемые и инструктируемые фашистской Германией, австрийские нацисты все более наглели и, будучи уверены, что им нечего опасаться ответственности за свои преступления, усиливали террористическую деятельность. Они захватывали австрийских антифашистов, подвергали их пыткам, а затем вывозили

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 249.

² Там же, стр. 312.

в Германию, где уничтожали в застенках гестапо. Распространяя клевету о мнимой коммунистической угрозе Австрии, от которой они будто бы хотят спасти страну, нацисты дезорганизовали экономическую и политическую жизнь Австрии и подготовили условия для «аншлюса».

В Австрии не проходило ни одного какого-либо значительного культурного или спортивного мероприятия, которое не было использовано нацистами для организации провокаций и пропаганды в пользу «аншлюса» Австрии. Гитлеровцы насаждали в Австрии фашистскую идеологию посредством нелегального издания ряда газет, в том числе «Остеррейхише беобахтер», а также посредством широкого распространения книги Гитлера «Майн Кампф» и других многочисленных фашистских изданий, которые наводнили Австрию после заключения германо-австрийского соглашения.

В самой Германии, несмотря на соглашение от 11 июля 1936 г., в котором говорилось, что Германия не будет вмешиваться во внутренние дела Австрии, продолжал существовать «австрийский легион», состоявший из 4 тыс. австрийских нацистов¹. Кроме того, значительная группа австрийских гитлеровцев находилась в составе эсэсовских частей фашистской Германии. Из их числа рекрутировались кадры для диверсий и террора, которые после захвата Австрии насаждали фашистский «новый порядок» в стране. Вся эта тайная и открытая агентура фашистской Германии действовала в соответствии с инструкцией чрезвычайного посла Папена, который рекомендовал своим агентам применять продолжительные психологические приемы воздействия с постепенно усиливающимся нажимом, направленные на германизацию Австрии².

Особенно зловещую роль в подготовке захвата Австрии сыграли германские монополии, которые постепенно овладевали важнейшими отраслями австрийской экономики. Уже сразу после первой мировой войны между монополистическими группами различных стран

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 373.

² «Нюрнбергский процесс», т. III, М., 1958, стр. 854.

велась ожесточенная борьба за господство над австрийской экономикой, в частности за овладение крупнейшим металлургическим предприятием Австрии «Остеррейхише Альпине—Монтан—Гезельшафт», владевшим основными австрийскими месторождениями железной руды и монополизировавшим почти все производство чугуна, железа и стали в стране. Тот, кто владел этим мощным концерном, мог оказывать влияние на экономику не только Австрии, но и всех государств Юго-Восточной Европы. После распада Австро-Венгерской монархии в Вене сохранились правления крупнейших иностранных концернов, банков, торговых компаний, распространявших прежде свое влияние на всю империю Габсбургов.

После первой мировой войны наибольшую активность в Австрии проявляли американский, английский, а затем итальянский капитал. Однако по мере восстановления германского империализма промышленные и финансовые магнаты Германии начали вытеснять из Австрии иностранные капиталовложения и стали прочно занимать их место в ее экономике.

Еще в 1921 г. большая часть акций «Альпине — Монтан — Гезельшафт» была скуплена концерном Стинеса, а затем это крупнейшее металлургическое предприятие перешло в руки «Ферейнигте Штальверке»¹. Руководящую роль в нем стали играть заправилы военно-промышленных концернов Рура Феглер, Тиссен и др. Этот концерн сыграл исключительно важную роль в подготовке «аншлюса» и являлся опорой германского влияния в Австрии. Он финансировал партию австрийских нацистов, оказывал большое влияние на политику правящих кругов Австрии². «Альпине — Монтан — Гезельшафт» подрывал экономику страны посредством систематического срыва правительственных заказов и невыполнения заказов иностранных государств (Румынии, Югославии, Чехословакии). Эти заказы затем перехватывались германским «Стальным трестом»

¹ См. «Мировое хозяйство». Ежегодник, 1937—1938, М., 1938, стр. 169—170.

² Там же, стр. 170.

в Дюссельдорфе и другими промышленными концернами Рура, что вело к ослаблению и подрыву экономики Австрии.

Сильные позиции в австрийской экономике имели и другие германские монополии. Германский химический концерн «ИГ Фарбениндустри» подчинил своему влиянию крупнейший в Австрии химический концерн «Пульверфабрик Шкода Верке Ветцлер». Концерны электропромышленности «Сименс—Шуккерт» и «АЭГ» владели предприятиями электротехнической промышленности. Германские и американские банки совместно с австрийскими и германскими фирмами построили в Тироле гидроэлектростанции, а вырабатываемая ими электроэнергия затем передавалась по специально построенной линии электропередач в Южную Германию и Рурскую область и включалась в энергетическую сеть Германии. Таким образом, еще до «аншлюса» фашистская Германия использовала австрийскую экономику для укрепления своего военно-промышленного потенциала.

Важнейшие австрийские банки в 1936—1937 гг. оказались в зависимости от крупнейших германских банков. Так, например, в 1937 г. германским «Имперским банком» был подчинен последний из оставшихся австрийский «Меркурбанк». Захватив австрийские банки, выполнявшие во многих случаях роль посредников американских и английских банков в странах Юго-Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, фашистская Германия получила мощный дополнительный канал для своей экспансии в страны этого района.

Германский капитал проник также во все другие сферы экономической жизни Австрии. Германо-австрийское торговое соглашение, вступившее в силу 1 февраля 1937 г., привело к колоссальному росту задолженности Германии. Осуществляя торговлю на основе клиринга, Германия компенсировала импорт австрийской руды и продовольствия поставками промышленных изделий. Однако в связи с переключением германской экономики на производство вооружения она не могла больше производить промышленную продукцию для компенсации поставок товаров из Австрии. В 1937 г., по сообще-

ниям австрийской печати, Германия поставила в Австрию товаров всего на 9 млн. шилл., в первую очередь устаревшего вооружения¹. В итоге германская задолженность Австрии по клирингу в 1937 г. по сравнению с 1936 г. удвоилась и составляла 200 млн. шилл.²

Создавшееся положение подрывало экономику Австрии, вело к росту антигерманских настроений в стране, что чрезвычайно беспокоило австрийские правящие круги. Во второй половине 1937 г. австрийское правительство вынуждено было запретить такого рода торговлю «в кредит» с Германией, что привело к обострению отношений.

Оказывая все большее политическое и экономическое давление на Австрию, фашистская Германия настойчиво добивалась ее полной капитуляции. 17—18 июня 1937 г. Вену посетил президент рейхсбанка Шахт. Он добивался от австрийского правительства продолжения поставок в Германию на основе безналичных расчетов (клиринга) продовольствия и железной руды, необходимых ей для выполнения четырехлетнего плана подготовки к войне. Шахт предлагал увеличить поставки в Германию за счет сокращения поставок австрийской железной руды в Чехословакию и Польшу. Миссия Шахта сопровождалась угрозами и антиавстрийской кампанией в германской прессе.

Летом 1937 г. Геринг в беседе с делегацией австрийских промышленников, выразивших беспокойство по поводу развития германо-австрийской торговли, открыто заявил, что Австрия принадлежит Германской империи и должна быть воссоединена с ней³. Такое решение, по его мнению, должно разрешить все спорные проблемы австро-германских экономических отношений.

Осенью 1937 г. в Вену выезжала специальная германская миссия во главе с Вейцзекером⁴ для перегово-

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 20, п. 23, д. 9, л. 51.

² «Der Außenhandel Oesterreichs in der Zeit zwischen den beiden Weltkriegen», Wien, 1946, S. 37.

³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 14.

⁴ «Ein Jahr nach der Ostmark Heimkehr ins Reich», 1939, S. 7.

ров по экономическим вопросам. Правительство Шуш-нига и на этот раз капитулировало перед Германией. Новое германо-австрийское экономическое соглашение предусматривало расширение торговли и прекращение антиавстрийской кампании в германской печати. Последовавший затем ряд других сделок между правительствами фашистской Германии и Австрии (о присоединении австрийских железных дорог к транспортной сети Германии, о финансовых расчетах и т. д.) облегчил захват Австрии Германией.

Важнейшую роль в подготовке «аншлюса» сыграла капитулянтская, прогерманская политика правящих кругов Австрии. В связи с острыми классовыми противоречиями в стране австрийская буржуазия и земельная аристократия в целях сохранения своего господства стремились опереться на поддержку фашистской Германии. Правящая христианско-социальная партия Австрии представляла интересы буржуазии, помещиков и кулачества. Вместе с тем с помощью идеологии клерикализма она оказывала большое влияние на значительную часть крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции и рабочих.

Австрийская христианско-социальная партия являлась орудием реакционной политики Ватикана, через посредство которой последний проникал и в другие страны Юго-Восточной Европы. Католическая церковь в Австрии, находившаяся в тесной связи с промышленной и финансовой олигархией и аристократией, сама владевшая огромными капиталами, играла важную политическую роль в стране. Через христианско-социальную партию она оказывала большое влияние на массовые организации, в том числе на профсоюзное движение. Она стремилась свернуть рабочее движение с революционного пути и направить его по реформистскому пути развития.

Приход фашистов к власти в Германии австрийская реакция использовала для усиления фашизации политической жизни страны и террористической расправы с рабочим движением. Вскоре после установления гитлеровской диктатуры в Австрии был распущен парламент, была пересмотрена конституция, отменены

демократические свободы. В мае 1933 г. была запрещена коммунистическая партия, а в феврале 1934 г. было потоплено в крови восстание рабочего класса, выступившего в защиту своих прав, завоеванных в упорных классовых битвах. Разгром рабочего класса и запрещение его авангарда — коммунистической партии привели к ослаблению всех прогрессивных сил, боровшихся за демократические права народа и национальный суверенитет Австрии.

Октроированная 24 апреля 1934 г. новая конституция создавала условия для установления в стране корпоративно-фашистского режима по типу Италии. Канцлер наделялся большими правами. Распускались все политические партии, кроме правящей партии буржуазии и земельной аристократии — «отечественного фронта», ведущей силой которой была христианско-социальная партия.

После июльского путча 1934 г. и убийства Дольфуса канцлером, как уже указывалось выше, стал представитель клерикальной реакции Г. Шушниг, продолжавший политику фашизации Австрии. 1 апреля 1936 г. в нарушение Сен-Жерменского мирного договора Шушниг ввел в Австрии всеобщую воинскую повинность, усилил полицию, жандармерию. Вооруженные отряды австрийской реакции «хеймвер» вместе с армией и полицией все чаще использовались правительством для расправы с революционным движением.

Взяв курс на сближение с гитлеровской Германией, правительство Шушнига усиливало террористическую расправу с рабочим движением и фашизацию политической жизни страны. Оно открыто продемонстрировало предательство национальных интересов страны. Правящие круги Австрии отрицали существование австрийской нации, ее исторические и культурные традиции, доказывали бесперспективность существования независимого австрийского государства и рассматривали его только как «второе немецкое государство», призванное нести «немецкую культуру» в страны Юго-Восточной Европы. Подобными теориями, полностью совпадавшими с расовыми бреднями германских фашистов, правительство обезоруживало австрийский народ и идеоло-

гически обосновывало неизбежность его порабощения фашистской Германией.

В рамках монопольной организации австрийской буржуазии «отечественного фронта» Шушниг создает специальный секретариат — «народно-политический отдел» — для достижения соглашения с национал-социалистскими элементами (так называемой национальной оппозицией). Его руководителем был назначен бывший лидер «пангерманской партии» Рембауэр, позже вступивший в нацистскую партию.

Фашистские элементы в Австрии в соответствии с указанием Гитлера все более проникали в «отечественный фронт» и другие организации и стремились подчинить их своему влиянию. Этот процесс еще более усилился после заключения германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г. и включения в состав правительства Австрии ряда германских агентов.

Антинациональная, прогерманская политика австрийской буржуазии, особенно соглашение от 11 июля 1936 г., несмотря на секретный характер ряда его важнейших статей, вызывали рост недовольства среди подавляющего большинства народа. Трудящиеся массы все более уясняли лживость демагогической пропаганды реакционного буржуазно-клерикального режима. В стране усиливалось рабочее движение, которое оказывало свое влияние на политику правительства Шушнига, заставляя его прибегать к различным маневрам.

Коммунистическая партия Австрии, несмотря на свою малочисленность, в условиях жестокого полицейского террора, находясь в подполье, разъясняла народу нависшую угрозу потери национального суверенитета¹. Конференция коммунистической партии, состоявшаяся в августе 1937 г., четко определила политическую линию партии на решающем этапе борьбы за независимость страны. Как указывал председатель партии И. Коплениг, «Коммунистическая партия Австрии уже тогда, в 1937 г., была единственной политической партией в стране, которая отчетливо видела опасность

¹ *J. Kopenig, Reden und Aufsätze 1924—1950, Wien, 1951, S. 82—88.*

германского нападения на Австрию и указывала массам на эту опасность»¹.

Опираясь на решения VII конгресса Коммунистического Интернационала, партийная конференция отмечала, что вся деятельность партии должна быть направлена на разоблачение и решительную борьбу с агентурой германского фашизма. Она призвала австрийских патриотов независимо от их партийной принадлежности к сплочению в единый фронт борцов за свободу и независимость страны. Партийная конференция, руководствуясь марксистско-ленинским учением по национальному вопросу, внесла полную ясность в понимание вопроса о суверенности австрийской нации. Гитлеровцы, подготавливая «аншлюс», утверждали, что будто бы австрийский народ является составной частью германской нации. «Один народ, одно государство, один фюрер» — это было основным тезисом гитлеровской пропаганды в период подготовки «аншлюса». Одна из особенностей фашистского движения в Австрии и состояла в том, что в отличие от других фашистских партий австрийские нацисты не выдвигали собственных националистических лозунгов. Их требование, так же как и требование германских фашистов, сводилось к «воссоединению» Австрии с фашистской Германией.

Коммунистическая партия вела также борьбу с антинациональной политикой австрийской правой социал-демократии, которая раскалывала рабочий класс, развращала его псевдомарксистской фразеологией, подготавливала «аншлюс». Антимарксистская теория так называемой культурно-национальной автономии предопределила отрицательное отношение лидеров австрийской социал-демократии к существованию независимого австрийского государства. Бауэр и другие ее лидеры выражали готовность к сотрудничеству с фашистами. Подобная политика и тактика лидеров австрийской социал-демократии облегчала подготовку гитлеровской агрессии против Австрии.

¹ «Die Kommunisten im Kampf für die Unabhängigkeit Oesterreichs», Wien, 1954, S. 55.

В этих условиях только коммунистическая партия Австрии вела последовательную, самоотверженную борьбу за национальную независимость страны. Австрийские коммунисты разоблачали лживую демагогию гитлеровцев и антинациональную политику христианских социалистов и правых лидеров социалистической партии.

Коммунисты доказывали, что австрийская нация имеет собственную многовековую историю, богатую культуру, что она внесла огромный вклад в мировую цивилизацию. Разоблачая демагогию фашистов и их пособников, коммунистическая партия призывала всех патриотов-антифашистов к сплочению, к борьбе за свободу и независимость страны. 12 августа 1937 г. в городах Граце и Инсбруке состоялись демонстрации трудящихся против распространения в Австрии книги Гитлера «Майн Кампф»¹. Демонстранты избивали германских агентов и заставили убрать из витрин магазинов книгу Гитлера. В конце 1937 г. на 12 крупных предприятиях Вены забастовали рабочие, требовавшие повышения заработной платы.

Однако борьба рабочих в большинстве случаев кончалась их поражением. Коммунистическая партия, действовавшая в подполье, не могла повести за собой весь пролетариат, все антифашистские силы. Значительная часть рабочего класса Австрии все еще находилась под сильным влиянием реформистской идеологии социал-демократии, которая выступала решительной противницей единства действий с коммунистами и своей раскольнической политикой еще больше ослабляла антифашистские силы в стране. Существовавшая в Австрии единственная легальная организация рабочего класса «Объединенные профсоюзы» находилась под руководством доверенных лиц правительства, представителей христианско-социальной партии, и напоминала гитлеровский «Трудовой фронт».

Правительство Шушнига, подготавливая присоединение Австрии к фашистской Германии, стремясь окончательно сломить сопротивление народа, все более отказывалось от последних остатков буржуазно-демо-

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 20, п. 23, д. 9, л. 55.

кратических свобод. Оно подготовило проект новой конституции, предусматривавший введение в стране тоталитарного режима, и переходило к управлению страной посредством чрезвычайных декретов. Только в 1937 г. их было издано более 18. В августе 1937 г. правительство издало «чрезвычайный закон об охране общественного порядка и безопасности». Этот закон, проект которого был разработан нацистом Глезе-Хорстенау, напоминал собой чрезвычайные декреты правительства Папена — Шлейхера, подготовившие установление фашистской диктатуры в Германии. Несмотря на то что Шушниг и другие представители правительства пытались представить этот закон как направленный против деятельности гитлеровцев в Австрии, в действительности острие этого закона было обращено против последовательного защитника свободы и независимости Австрии — рабочего класса. Этот закон, как и другие мероприятия австрийского правительства, являлся новым важнейшим шагом по пути завершения фашизации политического строя Австрии.

Антинациональная политика правящих буржуазно-помещичьих классов Австрии была только на руку немецко-фашистским империалистам, которые усиленно готовили в это время агрессию против Австрии и других народов Европы.

5. Начало создания агрессивного блока

Завершая подготовку к осуществлению более крупных актов агрессии, правительство фашистской Германии продолжало поиски союзников. Как отмечалось выше, Гитлер в качестве своей первоочередной внешнеполитической цели считал необходимым достижение тесного соглашения как с Англией, так и с фашистской Италией. При подготовке союза с Италией он рассчитывал на общность хищнических устремлений итальянского и германского фашизма. Гитлер рассчитывал также использовать обострение итало-французских и итало-английских отношений в Средиземном море. Однако первоначально Муссолини уклонялся от соглашения

с фашистской Германией; он не доверял гитлеровцам в связи с их притязаниями на Южный Тироль, а также в связи с их открыто аннексионистской программой в отношении Австрии и других стран Юго-Восточной Европы, где итальянский империализм претендовал на монопольное положение.

Однако начало итальянской агрессии против Эфиопии — 4 октября 1935 г. — создало более благоприятные условия для германо-итальянского сближения. Под давлением мирового общественного мнения Лига наций вынуждена была применить экономические и финансовые санкции к агрессору. Несмотря на малоэффективность этих санкций в результате саботажа решения Лиги наций главным образом правительствами Англии, Франции и США, успех африканской авантюры Муссолини в связи с большой зависимостью Италии от импорта сырья мог оказаться под угрозой. К тому же обострились отношения Италии с рядом других государств. В этот момент на помощь фашистской Италии пришли гитлеровцы. Фашистская Германия открыто поддержала итальянского агрессора и снабжала его стратегическими материалами, чем способствовала срыву санкций.

Таким образом, итальянская интервенция против Эфиопии явилась поворотным пунктом в германо-итальянских отношениях. Если прежде Италия стремилась укрепиться в Юго-Восточной Европе и чинила препятствия гитлеровцам, то теперь путь германской агрессии на Балканы был открыт.

Совместная итало-германская интервенция в Испании еще более сблизила итало-германских агрессоров. Об активизации германо-итальянских отношений свидетельствовал также усилившийся летом и осенью 1936 г. обмен визитами между деятелями фашистской Германии и Италии.

Итало-германское сотрудничество было закреплено во время визита итальянского министра иностранных дел Чиано в Берлин 20—25 октября 1936 г. 21 октября он вел подробные переговоры с Нейратом, а затем в Берхтесгадене с Гитлером, в ходе которых обсуждались вопросы, связанные с итальянской агрессией в Эфиопии и совместной итало-германской военной интервен-

цией против республиканской Испании. Переговоры завершились подписанием договора так называемой оси Берлин — Рим, сыгравшего важнейшую роль в подготовке второй мировой войны. Фашистская Германия признавала захват Италией Эфиопии. Агрессоры констатировали совпадение точек зрения в области внешней политики. Они договорились официально признать главаря испанских мятежников генерала Франко после занятия им Мадрида. Согласовывались размеры усиления военной помощи испанским фашистам. Взамен за поддержку Германией итальянских притязаний в Африке правительство Муссолини соглашалось на разграничение сфер влияния в Юго-Восточной Европе¹.

«Ось Берлин — Рим» являлась крупным успехом германской дипломатии в деле сколачивания ею фашистского блока агрессивных государств. Фактически этот сговор агрессоров предрешил судьбу Австрии. Италия открыто заявляла, что она больше не вмешается в германо-австрийские отношения.

Уже сразу после захвата власти гитлеровцы стремились также расширить контакт с Японией, которая подобно Германии, разорвавшей Версальский договор в Европе, ликвидировала Вашингтонские соглашения и развязала агрессию против Китая. Фашистская Германия использовала напряженную международную обстановку в связи с японской агрессией на Дальнем Востоке для дальнейшего подрыва мира и безопасности народов, для создания агрессивного военного блока. В 1935—1936 гг. обе страны обменялись военными делегациями. Японию посетил немецкий генерал, приближенный Гитлера, Рейхенау. Концерны Тиссена, Круппа, Геша, «ИГ Фарбениндустри» и другие оказывали помощь в расширении японской военной промышленности².

¹ Подробная запись переговоров итальянского министра в Берлине содержится в опубликованных дневниках Чиано. Как сообщают издатели документов германского министерства иностранных дел, записей бесед Чиано в Берлине в архиве не обнаружено, в связи с чем они и не публикуются в данном издании. ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 99—100; *H. Buchheim, Grundlagen und politische Entwicklung des Dritten Reiches*, S. 130.

² См. *И. Лемин*, Германо-японское соглашение. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 1, 1937, стр. 11—12.

Подготовку заключения пакта с Японией Гитлер поручил Риббентропу, который, являясь в то время послом в Англии, одновременно оставался руководителем внешнеполитического бюро фашистской партии, был облечен правами особоуполномоченного германского правительства¹. 25 ноября 1936 г. в Берлине между правительствами фашистской Германии и Японии был подписан договор, получивший название антикоминтерновского пакта. Опубликованная часть договора официально именовалась «соглашением в целях борьбы против Коммунистического Интернационала»². Она состояла из трех статей.

Статья 1-я предусматривала взаимную информацию и совместную борьбу против деятельности Коммунистического Интернационала.

В статье 2-й Германия и Япония заявляли, что они приглашают «третьи страны, внутренней безопасности которых угрожает деятельность Коммунистического Интернационала, принять оборонительные меры в духе этого соглашения или присоединиться к нему».

Статья 3-я устанавливала 5-летний срок действия пакта³.

К пакту прилагался секретный «дополнительный протокол», который конкретизировал пакт, подчеркивал его антисоветскую направленность и предусматривал тесное сотрудничество между двумя странами в области обмена информацией о деятельности Коминтерна и совместную выработку мер борьбы с его влиянием: применение суровых репрессий против тех, «кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала»⁴. Протоколом

¹ В мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме, военный преступник Риббентроп, ссылаясь на занятость делами посольства в Лондоне, пытался отрицать свое участие в подготовке пакта с Японией.

² *W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 189.*

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 190.

Еще в 1936 г. Советское правительство заявляло, что общие декларации, содержащиеся в антикоминтерновском пакте, являются лишь прикрытием секретного договора о совместных

предусматривалось создание специальной комиссии для принятия любых других мер по борьбе с влиянием Коммунистического Интернационала. Пакт был подписан особоуполномоченным гитлеровского правительства Риббентропом и японским послом в Берлине виконтом Кинтомо Мусякодзи.

Гитлеровцы пытались представить антикоминтерновский пакт как чисто идеологический инструмент в целях борьбы против растущего влияния коммунизма. Следует отметить, что в настоящее время ряд буржуазных западногерманских историков в своих работах пропагандируют эту фальшивую версию гитлеровской пропаганды. Так, Вальтер Хофер, комментируя данный документ, пишет, что «по своему содержанию пакт не являлся еще военным союзом. Это был пропагандистский документ»¹. Подобной же тактики придерживался Риббентроп в своих мемуарах².

В действительности антикоминтерновский пакт был документом, официально оформившим военно-политический блок агрессоров. Под прикрытием антикоммунистической демагогии и криков о создании «священного союза» против большевизма они готовили агрессию не только против Советского Союза, но и против Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и других стран за установление мирового господства германо-японского империализма. Советское правительство, коммунистические партии и прогрессивные деятели других стран уже тогда поняли и разоблачили эти действительные агрессивные цели антикоминтерновского пакта.

германо-японских агрессивных действиях (см. «Правда» от 18—21 ноября 1936 г.). Текст этого секретного германо-японского соглашения, приложенного к антикоминтерновскому пакту, был предан гласности только в 1947 г. на Токийском процессе над главными японскими военными преступниками. См. текст договора в ADAP, Ser. D, Bd. I, № 463 (приложение).

См. Л. Кудашев, Из истории японо-германских отношений накануне второй мировой войны. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма». Сборник статей, М., 1959, стр. 190—191.

¹ W. Hofer, Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 190.

² J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau, S. 111—112.

После заключения антикоминтерновского пакта гитлеровцы продолжали укреплять сотрудничество с Японией и Италией, совместно вели подрывную деятельность против других стран Европы, особенно против Советского Союза. Как сообщал Гитлеру 31 января 1937 г. главварь гестапо Гиммлер, он во время переговоров с японским военным атташе (позже послом в Берлине) генералом Осима говорил: «Мы обсудили заключенные договоры, предназначенные для дальнейшей консолидации треугольника — Германия, Италия, Япония, для придания ему законченной формы. Он (Осима) также сказал мне, что вместе с германской контрразведкой ведется работа, рассчитанная на длительный период. Цель этих мероприятий — расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины»¹.

Агрессоры стремились вовлечь в антикоминтерновский пакт реакционные правительства и других империалистических государств, в том числе Англии и Польши. Риббентроп признавал в своих мемуарах, что Гитлер предлагал правительству Англии присоединиться к антикоминтерновскому пакту. По заданию Гитлера в 1937 г. он сделал по этому поводу официальное предложение Идену, убеждая английского министра в важности этого «идеологического» соглашения².

Усиленной обработке в целях присоединения к антикоминтерновскому пакту гитлеровцы подвергали также правящую клику Польши. Однако империалистические противоречия, все более обострившиеся в 1937—1939 гг., срывали эти планы гитлеровцев. В 1936—1937 гг. Германии удалось вовлечь в свой блок лишь небольшую группу государств. 2 декабря 1936 г. Италия, связанная военным блоком с Германией, подписала отдельно договор с Японией, по которому она, как и Германия, признавала захват Японией Северо-Восточного Китая (Маньчжурии); Япония в свою очередь признавала захват Италией Эфиопии, а также

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1948, л. 377.

² *J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau*, S. 112.

франкистское «правительство» Испании. 6 ноября 1937 г. Италия официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту.

Так был создан блок фашистских агрессивных государств: Германии, Италии, Японии, к которому затем присоединилась франкистская Испания. По мере расширения агрессии и приближения сроков начала войны происходила дальнейшая консолидация военного агрессивного блока фашистских государств, что и получило свое отражение в соглашениях, заключенных между ними в 1938—1939 гг.

Укрепив свои внешнеполитические позиции, заручившись поддержкой других агрессивных государств, немецкая дипломатия усилила борьбу за разрушение военно-политических союзов государств Юго-Восточной Европы, за международную изоляцию очередных жертв своей агрессивной политики. С этой целью гитлеровцы пытаются взорвать Малую Антанту, являющуюся одним из основных звеньев послеверсальской системы международных отношений, а также Балканскую Антанту.

Для подрыва Малой Антанты фашистская Германия использовала Италию, Венгрию и Польшу. Выдавая себя за «друга» Малой Антанты, фашистская Италия в контакте с гитлеровской Германией повела атаку на этот военно-политический блок государств. Политика агрессоров получила поддержку также со стороны профашистского югославского правительства Стоядиновича. 25 марта 1937 г. итальянский министр иностранных дел Чиано подписал в Белграде итало-югославский пакт о ненападении. Во время секретных переговоров в Белграде была достигнута договоренность о признании Югославией захвата Италией Эфиопии и по другим вопросам. Этот договор фактически ликвидировал обязательства Югославии как члена Малой Антанты¹.

Заключенный 24 января 1937 г. также под давлением Германии и Италии югославо-болгарский договор «о вечной дружбе» наносил удар по Балканской

¹ E. Beneš, Pameti, S. 49—53.

Антанте, острие которой было направлено против ревизионистских устремлений Германии, Венгрии и Болгарии.

Эти договоры являлись новым крупным успехом итало-германской фашистской дипломатии. Они усиливали внешнеполитическую изоляцию Австрии и Чехословакии, являвшихся очередными объектами германской агрессии. В результате подрывной деятельности германо-итальянской дипломатии в Юго-Восточной Европе Малая Антанта все более отдалялась от Франции и переживала кризис.

Германия также усилила дипломатическую активность в странах Юго-Восточной Европы. В июле 1937 г. Нейрат в целях зондажа посетил Белград, Софию, Будапешт. С этой же целью Бломберг совершил вояж в Венгрию, а Геринг — в Болгарию¹.

Сразу же после установления фашистской диктатуры в Германии гитлеровцы усилили нажим на Венгрию, обещая хортистской клике поддержку ее ревизионистских устремлений в отношении Румынии, Югославии, Чехословакии. Они использовали в своих корыстных целях премьер-министра фашиста Гембеша, тесно связанного с бюро Розенберга, который часто посещал Германию и скончался там в сентябре 1936 г. Гембеш заключил ряд соглашений с Германией, которые вели к политическому и экономическому порабощению Венгрии. При новом правительстве Дараньи в 1937 г. усилилась деятельность фашистской агентуры в Венгрии. Германия оказывала на Венгрию давление как изнутри, так и извне. Она широко использовала прогерманские настроения правящих кругов Венгрии. Как сообщала газета венгерской социал-демократической партии «Непсава», в 1937 г. в Венгрии насчитывалась 21 фашистская партия. Возникла реальная угроза фашистского путча. Значительным было влияние фашистов в гонведе (армии). В стране создавались штурмовые фашистские отряды. Среди 160 депутатов парламента от правительственных партий около 60 депутатов были связаны с гер-

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 136, л. 87.

манской агентурой. Одним из наиболее активных организаторов фашистского движения в Венгрии выступал майор в отставке Салаши.

Особое внимание уделяли гитлеровцы подрывной работе среди немецкого национального меньшинства в Венгрии (из 9 млн. населения в Венгрии насчитывалось более 500 тыс. немцев), которое являлось одним из важнейших орудий германской империалистической экспансии.

Профашистское правительство Дараньи не только не вело борьбы с подрывной деятельностью гитлеровской Германии, но и усилило преследование прогрессивных элементов, сторонников создания системы коллективной безопасности. Правящая клика Венгрии установила дружественные отношения с Германией и Италией и поддерживала их агрессивные действия. В сентябре 1937 г. она де-факто признала правительство мятежного генерала Франко и разрешила пребывание в Будапеште одному из генералов испанских фашистов в качестве личного представителя Франко¹.

20 ноября 1937 г. премьер Дараньи и министр иностранных дел Канья посетили Берлин. Как сообщалось в печати, гитлеровцы добивались от Венгрии присоединения к антикоминтерновскому пакту. В эти годы в правящих кругах Венгрии обострилась борьба между сторонниками англо-французской и итало-германской ориентации. Газета «Мадьяршаг», выражавшая в то время интересы части правительственных кругов Венгрии, связаных с англо-французским и американским капиталом, открыто выступала против присоединения к германо-итало-японскому военно-политическому союзу. На этот раз гитлеровцы не смогли добиться официального присоединения Венгрии к своему агрессивному блоку. В официальном коммюнике о пребывании в Германии венгерской правительственной делегации оба правительства заявляли о единстве взглядов в оценке международного положения, а также об урегулировании

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 134, л. 11.

вопроса о правовом положении национальных меньшинств¹.

После того как правительства Англии, Франции и США все более активизировали свою политику сговора с фашистскими агрессорами, правящие круги стран Юго-Восточной Европы, лишившись поддержки своих западных покровителей, а также опасаясь усиливающегося роста революционного и демократического движения народов своих стран, стали выступать за сотрудничество с фашистской Германией.

6. Сговор гитлеровцев с правящими кругами Англии, Франции и США

1937 год являлся важной вехой на пути подготовки фашистской империалистической агрессии. В связи с начавшимся во второй половине 1937 г. новым мировым экономическим кризисом произошло дальнейшее обострение противоречий между капиталистическими державами, усилилась борьба за рынки сбыта, источники сырья и сферы приложения капиталов. Агрессивные государства Германия, Япония, Италия все более выявляли свое стремление к переделу мира посредством войны. В этих условиях правительства Англии, Франции, США, стремясь разрешить империалистические противоречия посредством поощрения агрессии фашистских государств против Советского Союза и других стран Восточной Европы, открыто переходили к политике сговора с агрессорами.

Продолжая политику поощрения немецко-фашистской агрессии на Восток, правительство Англии еще в 1936 г. выдвинуло проект замены Локарнских соглашений так называемым западным пактом («Второе Локарно»). 4 ноября 1936 г. оно направило правительствам Бельгии, Франции, Германии и Италии предложения о созыве конференции 5 государств для обсуждения данного вопроса². Уже предполагаемый состав

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 134, л. 11.

² «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 135, л. 94.

участников конференции предопределял антисоветскую направленность новой дипломатической затеи английского империализма. Английский проект пакта предусматривал обязательства сторон об отказе от агрессии против страны, подписавшей пакт; обязательство всех участников пакта прийти на помощь стране, подписавшей пакт, в случае если она подвергнется агрессии. Английское предложение пыталось воскресить старую идею «пакта четырех», т. е. являлось попыткой создания новой антисоветской группировки империалистических государств. Вопрос о западном пакте фигурировал в повестке дня почти каждого заседания Совета Лиги наций.

Фашистская Германия, не проявляя особой заинтересованности в заключении этого пакта, который мог бы сдерживать ее агрессию в какой-либо части Европы, в то же время использовала английское предложение для дипломатического шантажа и создания напряженности в международных отношениях. Она выдвигала идею реформы Лиги наций, с тем чтобы ее устав был приспособлен к «западному пакту», т. е. чтобы Советский Союз был исключен из Лиги наций. Под диктовку Германии правительство Польши потребовало включить «в западный пакт» польско-германский договор 1934 г. в качестве его составной части¹. Используя переговоры о заключении «западного пакта» для дипломатического зондажа, фашистская Германия, ссылаясь на наличие франко-советского договора о взаимопомощи, отказалась от подписания пакта². Однако переговоры о «западном пакте» позволили гитлеровской клике лишний раз убедиться в том, что в своей политике агрессии ей не следует опасаться противодействия со стороны правительств Англии и Франции.

Как признает в своих мемуарах бывший германский посол в Лондоне Дирксен, английский премьер-министр Чемберлен после 1936 г. «искал взаимопонимания с Гитлером»³.

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 135, л. 278.

² Там же, л. 120—121.

³ *H. Dirksen*, Botschafter a. d. Moskau—Tokio—London, S. 206.

Политика правящих кругов Англии, стремившихся к достижению сговора с Германией, получила наиболее яркое выражение во время переговоров английского министра лорда Галифакса с Гитлером и Нейратом в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. И хотя лорд Галифакс прибыл в Германию под предлогом посещения охотничьей выставки, он был официально уполномочен правительством Англии для ведения переговоров. От имени английского премьера Галифакс заявил Гитлеру, что «он приветствует возможность достижения путем личного объяснения с фюрером лучшего взаимопонимания между Англией и Германией»¹.

Выражая сокровенные мечты международной империалистической реакции, Галифакс говорил, что «он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма»².

Борьба против мирового революционного движения, подготовка нападения на Советский Союз и другие государства Восточной Европы являлись политической основой англо-германского империалистического сговора. В обмен за обязательство Германии направить свою экспансию на Восток, против СССР, английские империалисты должны были идти на большие уступки Германии.

Английское правительство выдвигало предложение привлечь к участию в переговорах также правительства Италии и Франции, т. е. вновь воскрешалась идея создания так называемого западного антисоветского империалистического блока. «Не должно быть такого впечатления, — говорил Галифакс, — что «ось Берлин — Рим» или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского со-

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, М., 1948, стр. 10.

² Там же, стр. 16.

глашения»¹. Английское правительство шло так далеко в политике сговора с гитлеровцами, что оно предлагало даже присоединиться вместе с Францией к агрессивному блоку «ось Берлин—Рим». Гитлер в свою очередь потребовал от правительства Англии снятия с Германии «морального и материального клейма Версальского договора», а также возвращения германских колоний. «Между Англией и Германией,— говорил Гитлер,— имеется только одно разногласие: колониальный вопрос»².

Далее Галифакс и Гитлер обсуждали другие важнейшие вопросы мировой политики: о разоружении, о Лиге наций, о германских империалистических притязаниях в отношении Гданьска, Австрии и Чехословакии.

«Все остальные вопросы,— заявил Галифакс,— можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желал бы ни фюрер, ни другие страны»³.

Информация Галифакса об итогах переговоров с Гитлером была с большим удовлетворением принята Чемберленом. Английский премьер-министр отмечал в своем дневнике, что рассматривает эти переговоры как значительный успех своей внешней политики, ибо они «создали базу... для урегулирования европейских проблем»⁴.

Переговоры Гитлера с лордом Галифаксом, которые затем в феврале 1938 г. были продолжены с английским послом Гендерсоном, имели исключительно важное

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 17.

² Там же, стр. 33.

³ Там же, стр. 35—36.

⁴ K. Feiling, *The Life of Neville Chamberlain*, London, 1946, p. 333.

значение в подготовке германской агрессии. Правители фашистского рейха рассматривали предложения правительства Англии как указание о направлении германской агрессии и также о ее поддержке.

Если гитлеровцам на данном этапе и не удалось заключить формальное соглашение с Англией в связи с наличием острых империалистических противоречий, то в 1937 г. был сделан значительный шаг вперед в этом направлении. Фашистская Германия, не опасаясь противодействия со стороны Англии, могла приступить к осуществлению своей агрессивной программы.

Несмотря на то что вооружение Германии представляло в первую очередь большую угрозу независимости Франции, в 1937 г. предпринимались также попытки достижения франко-германского империалистического сговора. Реакционные круги Франции, жертвуя национальными интересами страны во имя сохранения своего господства, подготавливали заключение с Германией соглашения, направленного против мира и безопасности народов.

17 июня 1937 г. Париж посетил начальник генерального штаба немецкого вермахта генерал Людвиг Бек, который имел встречу с начальником генерального штаба французской армии генералом Гамеленом и военным министром Даладье. Как доносил в Варшаву польский посол в Париже Лукасевич, визиту генерала Бека в Париж, так же как и намечавшемуся визиту министра иностранных дел «третьего рейха» в Лондон, в дипломатических кругах придавали большое значение¹.

2 июня 1937 г. в Париж под предлогом открытия германского павильона на международной выставке прибыл Шахт. Он вел переговоры с представителями правящих кругов Франции об укреплении франко-германского экономического сотрудничества.

В декабре 1937 г. столицу Франции посетил статс-секретарь германского министерства авиации генерал Мильх в сопровождении высокопоставленных офицеров военной авиации. Французский министр авиации устроил ему торжественный прием, а в г. Реймсе германским

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2-д, оп. 3, д. 57, л. 2.

генералам демонстрировали достижения французской авиации¹.

В свою очередь представители французских правящих кругов совершали частые визиты в Берлин. 20 декабря 1937 г. столицу фашистского рейха посетил французский министр иностранных дел Ивон Дельбос, один из активных проводников политики «умиротворения» немецко-фашистской агрессии, а затем бывший премьер-министр Франции Фланден, которые вели переговоры об урегулировании германо-французских отношений.

Для реализации достигнутой договоренности между правительствами обеих стран в декабре 1937 г. в Берлин был направлен начальник отдела печати МИД Франции Гомерт. Он вел переговоры с «фюрером» прессы фашистской Германии Дитрихом об ослаблении анти-французской пропаганды в немецкой печати².

Польский посол сообщал, что «руководящие лица Кэ Д'Орсе считаются с возможностью изменения французской политики в отношении Германии и ослабления напряженности во французо-германских отношениях»³. Польский дипломат был недалек от истины. В последующие месяцы правящая клика Франции сделала ряд новых шагов по пути поощрения немецко-фашистской агрессии.

Не менее активную роль в политике поощрения гитлеровской агрессии сыграли также империалисты Соединенных Штатов Америки. Продолжая оказывать экономическую поддержку фашистской Германии, снабжать ее стратегическим сырьем, вооружением и т. д., они в то же время маскировали свои действия мнимой политикой «нейтралитета».

В то время когда Советский Союз вел на международной арене последовательную борьбу за обуздание и пресечение фашистской агрессии, за создание системы коллективной безопасности, Соединенные Штаты Америки 31 августа 1935 г. приняли закон о «нейтралитете», который запрещал вывоз вооружения, снаряжения

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2-д, оп. 3, д. 57, л. 208.

² «Историко-дипломатический архив», ф. 2-д, оп. 3, д. 52, л. 2.

³ Там же, л. 4.

и других стратегических материалов в воюющие страны. Этот закон был антиподом политики борьбы за коллективную безопасность. В нем даже не устанавливалось различия между жертвой агрессии и агрессором.

Опираясь на этот закон, американские империалисты оказали прямую помощь фашистским агрессорам, лишив жертвы агрессии — Абиссинию, республиканскую Испанию, Китай — возможности приобретать оружие, боеприпасы и военное снаряжение. Главарь фашистских мятежников в Испании Франко, приветствуя эту политику США, говорил: «Президент Рузвельт ведет себя как настоящий джентльмен. Его закон о нейтралитете, приостанавливающий экспорт военного снаряжения с быстротой, с которой он принят и проводится в жизнь, является жестом, который мы, националисты, никогда не забудем»¹.

Проводя политику поощрения агрессии, прикрываемую ширмой изоляционизма, империалисты США, так же как и вся международная империалистическая реакция, стремились направить ее против Советского Союза, использовать агрессоров для подавления мирового революционного и демократического движения, для укрепления господства империализма.

Прикрываясь законом о «нейтралитете», американская империалистическая реакция подобно английской и французской в 1936—1937 гг. также вступила в тайный сговор с германским фашистским агрессором. В эти дни официальные представители правительства США в Европе во время секретных переговоров с заправилami фашистского рейха выражали одобрение планов экспансии и создавали у гитлеровцев уверенность в безнаказанности за агрессию.

Американский дипломат, бывший посол США в Москве Буллит 18 мая 1936 г. посетил в Берлине министра иностранных дел Германии Нейрата, с которым имел длительную беседу о политическом положении в Европе и о политике США. Нейрат доверительно дал понять Буллиту, что целью Германии после укрепления ее границ на Западе (в Рейнской области.— В. Ф.) являет-

¹ «Foreign Policy Reports», 15.XI.1937, p. 211.

ся агрессия против Австрии и Чехословакии. Здесь же они обсуждали вопросы о Малой Антанте, о позиции Югославии, Румынии, Чехословакии, о стремлении Германии к приобретению колоний, особенно к возвращению отнятого у нее после первой мировой войны Камеруна. Нейрат убеждал Буллита, а через него правящие круги США, что основной целью внешней политики Германии является предотвращение распространения коммунизма в Европе. Со стороны Буллита Нейрат получил полное одобрение германских планов. Буллит также обещал оказать содействие Нейрату в достижении франко-германского сближения и в расторжении франко-советского пакта о взаимопомощи¹. После назначения на пост посла в Париже (1936 г.) Буллит продолжал поддерживать агрессивную политику Германии.

В ноябре 1937 г. состоялись беседы «нациста № 2», Геринга, и президента рейхсбанка Шахта с Буллитом. В донесении государственному секретарю США Буллит сообщал о содержании своих бесед с представителями германского рейха. В одной из них Геринг заявил: «Мы решили присоединить к германской империи всех немцев, живущих на смежных с Германией территориях и отделенных от великой Германии только искусственным барьером, созданным Версальским договором»². Далее Буллит пишет: «Я спросил Геринга, имеет ли он в виду, что Германия окончательно решила аннексировать Австрию и присоединить ее к рейху? Он (Геринг) ответил мне, что таково бесповоротное решение германского правительства»³. Геринг добавил, что какое-либо иное решение австрийского вопроса для Германии неприемлемо и может явиться основанием для *casus belli* (т. е. поводом к войне. — *В. Ф.*).

Во время этой беседы Геринг не скрывал также агрессивных намерений Германии в отношении Чехословакии. Он сказал представителю американского правительства, что «по этому вопросу возможно только одно решение: судетские немцы должны войти в немецкое

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 2010, л. 150.

² Там же.

³ Там же.

государство, как и все другие немцы, живущие в непосредственной близости от империи»¹.

Таким образом, во время переговоров с представителем американского правительства лидеры фашистской Германии изложили свою агрессивную программу еще более полно, чем во время переговоров с лордом Галифаксом. Для успокоения общественного мнения своей страны, встревоженного фашистской агрессией в Европе и начавшимся экономическим кризисом, еще в апреле 1937 г. правительство США направило в Европу миссию Девиса², которая маскировалась под вид делегации на международную конференцию по сахару. Этой миссии в американской прессе умышленно придавался сенсационный характер. Сообщалось, что она должна заниматься урегулированием экономических вопросов, проблем разоружения и сохранения мира. Однако деятельность этой миссии свелась к дипломатическому зондажу, к установлению контактов с агрессорами.

В свою очередь в целях выяснения политики США 20 ноября 1937 г. в Нью-Йорк выезжал личный адъютант Гитлера капитан Видеман. О цели его поездки французская буржуазная газета «Эвр» сообщала, что Видеман будет вести переговоры с руководящими деятелями, чтобы Германии была гарантирована «свобода рук» на Востоке, в особенности в отношении экспансии в Центральной Европе в направлении России³.

Американские монополисты, тесно связанные с немецкими концернами, также активизируют в 1937 г. свою деятельность. Наиболее наглядным примером участия американских монополий в поощрении фашистской агрессии являлось совещание германских дипломатов с крупнейшими американскими монополистами, состоявшееся 23 ноября 1937 г. в Сан-Франциско, на котором была достигнута договоренность о необходимости уста-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 2010, л. 150.

² «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 132, л. 220—222.

³ Материалы об итогах переговоров Видемана в США государственный департамент США по известным причинам не желает предать гласности.

новления тесного взаимного сотрудничества между Германией и США в овладении рынками СССР и Китая. Американские монополисты обязались содействовать фашистской Германии в ее политике агрессии.

Маскируя свою политику лозунгами антикоммунизма, призывами к организации антибольшевистского похода, гитлеровцы на своих секретных совещаниях признавали, что целью их агрессивной политики является не только порабощение государств Восточной Европы, война против СССР, но также война против своих империалистических конкурентов на мировых рынках—Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки—за установление мировой гегемонии германского империализма.

Как рассказывает в своих мемуарах Вейцзекер, Риббентроп в начале 1938 г. имел с ним важную политическую беседу о целях германской внешней политики. Он сказал, что Германия еще некоторое время будет сохранять мир, а затем будет добиваться осуществления своих целей посредством войны. Фашистский министр признал, что бешеная антисоветская пропаганда является лишь маскировкой действительной политики Германии. «Официально,— говорил Риббентроп,— Россия должна изображаться как враг № 1, но в действительности все должно быть подчинено подготовке войны против Англии»¹.

В отчете Гитлеру 2 января 1938 г. Риббентроп еще более откровенно изложил внешнеполитическую программу фашистской Германии: «Напрашивается такой вывод,— заключил он свой отчет,— внешне изображать дружбу и взаимопонимание с Англией, защищая интересы наших друзей. Одновременно настойчиво создавать коалицию против Англии, т. е. на практике укреплять нашу дружбу с Италией и Японией, а также перетянуть на свою сторону страны, чьи интересы прямо или косвенно совпадают с нашими. По дипломатической линии осуществлять сотрудничество трех великих держав для достижения этой цели»². Такова была истинная цель политики фашистской дипломатии.

¹ *E. Weizsäcker, Erinnerungen, S. 154.*

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 79, л. 201.

Итак, к концу 1937 г. германские империалисты с помощью американских и английских монополий со-вдали мощный военно-экономический потенциал, воз-родили и чрезвычайно расширили агрессивный вер-махт и в то же время осуществляли идеологическую и дипломатическую подготовку агрессии. Фашистская Германия разорвала важнейшие статьи Версальского договора и Локарнское соглашение, сорвала конферен-цию по разоружению и вышла из Лиги наций, с помощью правительств западных империалистических держав расстроила складывающуюся систему коллективной безопасности и развязала себе руки для агрессии. ¹

Как в области вооружения, в воссоздании военно-экономического потенциала, так и в дипломатической подготовке агрессии, в торпедировании мероприятий по созданию системы коллективной безопасности, фа-шистская Германия получила большую поддержку со стороны империалистов Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции. Правящие круги этих стран надея-лись, как пишет американский прогрессивный историк Фостер Р. Даллес, «что, если начнется война в Европе, может быть, как-нибудь удастся направить ее в опре-деленное русло, преобразовать ее в крестовый поход против коммунизма и осуществить, таким образом, цель, которой не смогла достигнуть союзническая интер-венция 1918 г.»¹.

На рубеже 1937 — начала 1938 г. начался второй важнейший этап в подготовке фашистской Германии к войне. В этот период Германия осуществляет подго-товку и захват Австрии, Чехословакии, затем Клай-педы, навязывает кабальный договор Румынии, способ-ствует установлению фашистской диктатуры Франко в Испании и создает предпосылки для развязывания войны за установление мирового господства германского империализма.

¹ *F. R. Dulles, The Road to Teheran, New York, 1944, p. 193—194.*

ЗАХВАТ АВСТРИИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

1. Мобилизация внутренних сил фашистской Германии перед «аншлюсом» Австрии

Очередным объектом агрессии в планах немецко-фашистских империалистов была Австрия. Как уже отмечалось, Австрия занимала ключевые позиции на пути германского империализма в Юго-Восточную Европу и Азию, она являлась флангом и тылом Германии в случае ее агрессии на западе или востоке Европы. Столица Австрии Вена была важнейшим пунктом железнодорожных, шоссейных и водных коммуникаций, связывающих Германию со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, Ближним и Средним Востоком, что имело большое значение в планах германской империалистической экспансии.

После того как «австрийский плод», с точки зрения гитлеровцев, созрел, фашистская Германия приступила к осуществлению последних приготовлений, которые должны были привести к полному порабощению Австрии. Как признавал позже Гитлер, необходимо было «завершить реорганизацию на внутреннем фронте, чтобы избежать возможных осложнений при осуществлении «аншлюса»».

В соответствии с задачами непосредственной подготовки к агрессии был реорганизован центральный аппарат фашистского рейха. 4 февраля 1938 г. было опубликовано решение правительства об изменении в организации высшего руководства вермахта. Военное министерство, а вместе с ним и пост военного министра упразднились. Гитлер стал верховным командующим

всеми вооруженными силами Германии. Вместе с тем было образовано верховное командование вооруженных сил (ОКВ), которому передавалась часть функций упраздненного военного министерства. Начальником штаба верховного командования был назначен бывший руководитель военно-политического отдела военного министерства генерал Кейтель, а его заместителем и начальником оперативного отдела — генерал Иодль.

По словам западногерманского историка Герлица, это был своеобразный «Supergeneralstab», т. е. верховный генеральный штаб¹.

ОКВ было подчинено главное командование трех родов вооруженных сил: армии (ОКХ) — главнокомандующий генерал Браухич, военно-воздушных сил (ОКЛ) — главнокомандующий Геринг², военно-морских сил (ОКМ) — главнокомандующий адмирал Редер. В каждом из этих родов войск имелся свой генеральный штаб. Наряду с этим были произведены и другие перемещения в армии и правительстве. В связи с реорганизацией верховного командования вооруженными силами были уволены в отставку бывший военный министр Бломберг и главнокомандующий сухопутными силами генерал Фрич³.

Помимо чисто военных причин — необходимости концентрации власти перед началом агрессии — реорга-

¹ W. Görnitz, Der deutsche Generalstab..., S. 454.

² Однако, проводя линию на недопущение сосредоточения слишком большой власти в руках одного лица, кроме самого себя, Гитлер все же позволял Герингу проводить довольно независимую от ОКВ политику в командовании военно-воздушными силами. Имелось также самостоятельное командование войск СС, подчиненное Гиммлеру.

³ Что касается отставки Бломберга и Фрича перед «аншлюсом» Австрии, то здесь определенную роль сыграли также интриги властолюбивого Геринга, претендовавшего на пост военного министра, и Гиммлера, претендовавшего на руководящую роль отрядов СА и СС в армии.

Генералы Фрич и Бломберг восприняли эту отставку как должное и беспрекословно подчинились приказу Гитлера. Ни о какой подготовке Фричем «путча» против Гитлера, как об этом сообщала тогда иностранная пресса и что в настоящее время повторяют буржуазные историки, не было и речи. Еще в 1938 г. с согласия Фрича германское министерство пропаганды опровергло это сообщение. Фрич был назначен почетным команди-

низация вооруженных сил вызывалась также тем, что Гитлер опасался сосредоточения в руках того или иного генерала, особенно Геринга, который претендовал на пост военного министра, слишком большой власти. Не желая наделять Геринга чрезмерной властью, Гитлер все же присвоил ему высший воинский чин рейхсмаршала, что было необычным в условиях мирного времени.

После реорганизации верховного командования вермахта не только не произошло ослабления роли командующих основными видами вооруженных сил и генерального штаба в руководстве войсками и в подготовке войны, но, наоборот, их роль еще более усилилась. Если прежде немецкие генералы и генеральный штаб непосредственно подчинялись военному министру, то после реорганизации — верховному главнокомандующему, одновременно являвшемуся и главой государства.

Накануне агрессии против Австрии была произведена мобилизация иностранного ведомства Германии¹. 4 февраля 1938 г. Риббентроп сменил Нейрата на посту министра иностранных дел. В Токио вместо Дирксена, назначенного послом в Лондон, был направлен генерал Отт. Гассель был отозван из Рима и вместо него послом назначили Маккензена, сына известного фельдмаршала².

ром артиллерийского полка, за что перед строем полка торжественно благодарил Гитлера. С этим полком в 1939 г. он принял участие в походе против Польши и был убит польскими патриотами под Варшавой. *E. Kordt, Wahn und Wirklichkeit, S. 13.*

¹ «Мобилизация германской дипломатической службы, — пишет американский историк П. Сэбери, — началась в марте 1938 г., когда заграничные миссии по указанию фон Вейцекера должны были перестроиться на «Сп.-Динст» («службу напряженного времени»). Аналогичные мероприятия были проведены и в центральном аппарате. Об усилении участия МИД Германии в подготовке агрессии свидетельствует и увеличение его бюджета. В 1938 г. расходы МИД по сравнению с 1937 г. увеличились на 8 млн. марок, или на 18%, а в 1939 г. они возросли еще на 23 млн. марок, или на 49% по сравнению с 1938 г.». *P. Saebury, The Wilhelmstraße., p. 110.*

² Вокруг отставки Гасселя распространяется особенно много фальшивых версий. Буржуазные историки изображают его в качестве одной из центральных фигур «сопротивления» в германском МИД.

В действительности Гассель, сын крупного германского аристократа, зять адмирала Тирпица, сыгравший большую

Заслуги Нейрата, Гасселя и других германских дипломатов в деле подготовки агрессии не были забыты германскими империалистами. Нейрат был назначен председателем тайного совета министров — высшего консультативного органа страны по вопросам внешней политики, а Ульрих фон Гассель получил руководящий пост в так называемом Центральном-Европейском экономическом совете — объединении монополистов Германии, занимавшемся мобилизацией экономических ресурсов стран Восточной Европы, представлявшем интересы «ИГ Фарбениндустри», концерна Круппа и других монополий.

Некоторые буржуазные историки и публицисты рассматривают назначение Риббентропа на пост министра иностранных дел и другие перемещения в ведомстве иностранных дел как «революцию» в германской внешней политике¹. С этого времени Гитлер, по их мнению, больше не считался с мнением дипломатов, окончательно оттеснил их от участия в решении внешнеполитических вопросов и без них подготовил «аншлюс» Австрии, захват Чехословакии, войну с Польшей.

В действительности к 1938 г. большинство германских дипломатов стали членами фашистской партии и прочно связали себя с преступным гитлеровским режимом. Несмотря на то что многие сотрудники МИД считали Риббентропа дилетантом в дипломатии, они приветствовали назначение его на пост министра. «В нашем ведомстве, — писал Вейцзекер, — раздавалось много голосов, одобрявших тот факт, что фактиче-

роль в подготовке итало-германского военного союза, был тесно связан с той группой монополистов, генералов, чиновников и других аристократов, которые опасались разрыва с западными державами и призывали к немедленной агрессии на Восток, против Советского Союза. Подобная позиция Гасселя объяснялась также и тем, что, будучи с 1932 г. послом в Италии, он хорошо знал военно-экономическую слабость фашистской Италии и не верил, что она будет надежным и полезным союзником гитлеровской Германии в случае возникновения мировой войны. В связи с этим гитлеровцы решили иметь в столице своего союзника более надежного дипломата.

¹ P. Saebury, The Wilhelmstraße., p. 91.

ский советник Гитлера взял на себя ответственность за внешнюю политику»¹.

Подверглись реорганизации и другие высшие органы государственного управления Германии. Еще больше усиливалась роль созданного в 1936 г. ведомства по осуществлению четырехлетнего плана, возглавляемого Герингом, в подготовке германской экономики к войне. Уполномоченный по осуществлению четырехлетнего плана имел право давать указания всем имперским учреждениям, в том числе и генеральному уполномоченному по военной экономике. Последнее обстоятельство, т. е. вопрос о прерогативах власти, как мы видели, и привело к конфликту между Герингом и Шахтом, который завершился отставкой Шахта.

Было реорганизовано также министерство экономики. Оно фактически объединилось с ведомством по осуществлению четырехлетнего плана и генеральным уполномоченным по военной экономике. Министром хозяйства и генеральным уполномоченным по военной экономике был назначен Функ². Все эти ведомства непосредственно подчинялись Герингу, а через него «Имперскому совету обороны».

4 февраля 1938 г. в целях изучения и определения методов иностранной политики фашистской Германии был создан «Тайный совет министров», который возглавил, как уже отмечалось, бывший министр иностранных дел барон Нейрат. «Для помощи мне советами по вопросам внешней политики,— говорилось в декрете Гитлера,— я создаю «Тайный совет»»³. Членами «Тайного совета министров» являлись Геринг, Риббентроп, Гесс, Геббельс, начальник имперской канцелярии Ламмерс, главнокомандующий сухопутными силами генерал Браухич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Редер, начальник ОКВ генерал Кейтель.

Буржуазные историки пытаются представить этот орган как какую-то синекуру, которая будто бы была

¹ *E. Weizsäcker, Erinnerungen, S. 144.*

² В буржуазной литературе первый период в развитии военной экономики фашистской Германии именуется «эрой Шахта», последующий период — «эрой Функа».

³ «Reichsgesetzblatt», 1939, Т. I, S. 112.

создана только для того, чтобы пристроить барона Нейрата, уволенного с поста министра иностранных дел. В действительности «Тайный совет» разрабатывал те средства дипломатического камуфляжа, которыми гитлеровцы прикрывали свои агрессивные акты в Европе. О значении этого органа свидетельствует также тот факт, что фашистский идеолог редактор «Фёлькишер беобахтер» Розенберг упорно добивался введения себя как «специалиста» по вопросам Восточной Европы в состав «Тайного совета»¹.

4 февраля 1938 г. министр внутренних дел Фрик был назначен генеральным уполномоченным по имперской администрации. Таким образом, в начале 1938 г. в Германии была усилена централизация органов государственной власти. Во главе ведомств, имеющих особенно важное военное значение: военной экономики, вермахта, иностранных дел, — были поставлены наиболее последовательные сторонники авантюристической, агрессивной политики германского монополистического капитала Геринг, Кейтель, Риббентроп, Функ, Фрик и др. 20 февраля 1938 г. Гитлер признал в рейхстаге, что «изменения, произведенные 4 февраля в имперском кабинете и военной администрации, имели своей целью в самый короткий срок привести к усилению военной власти, что отвечало требованию момента»².

Реорганизация центрального аппарата государственной власти, а также командования вермахта объяснялась тем, что после завершения перевооружения страны и при переходе к реализации планов агрессии на высших постах в армии, экономике, иностранном ведомстве гитлеровцы желали иметь более последовательных сторонников своей авантюристической политики, способных подготовить страну к войне как на Востоке, так и на Западе.

Среди немецких монополистов, генералов, дипломатов не было разных мнений относительно направления агрессии. Однако у представителей прусско-немецкой аристократии слишком свежи были в памяти печальные

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. 2, М., 1951, стр. 582.

² «Völkischer Beobachter», 5.II.1938.

уроки первой мировой войны. Они также хорошо помнили завещания Бисмарка и других идеологов милитаризма, которые считали, что война на два фронта представляет смертельную опасность для Германии.

Пришедшие к власти генералы, адмиралы и министры были представителями более молодого поколения. Это были убежденные фашисты в генеральских и дипломатических мундирах, последовательные сторонники авантюристической агрессивной политики германского империализма. Однако гитлеровская клика по-прежнему продолжала использовать в своих корыстных целях кайзеровских генералов, дипломатов-аристократов и других представителей прусско-германской бюрократии, которые раболепно подчинялись Гитлеру и передавали свой большой опыт в создании армии и организации военных авантур, в составлении и осуществлении планов агрессии.

2. Сговор австрийского правительства с Гитлером в Берхтесгадене

В начале 1938 г., используя благоприятную международную обстановку (политику поощрения фашистской агрессии правительствами США, Англии и Франции, дальнейшее ослабление Италии в связи с ее интервенцией в Испании), осуществив реорганизацию своих вооруженных сил и государственного управления, Германия усиливает дипломатический, экономический, а затем и военный нажим на Австрию. Активную поддержку оказывала ей фашистская Италия.

Состоявшаяся 10—12 января 1938 г. в Будапеште конференция «треугольника» государств — участников «Римских протоколов» (Италия, Австрия, Венгрия) проходила под знаком привлечения Австрии и Венгрии к «оси Рим — Берлин». В опубликованном после окончания конференции коммюнике Австрия и Венгрия выражали свои симпатии тесному сотрудничеству, установившемуся между Италией и Германией¹, а также

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 21, п. 23, д. 4, л. 1.

итало-германо-японскому антикоминтерновскому пакту. В коммюнике сообщалось, что правительства Австрии и Венгрии решили официально признать «правительство» главаря испанских фашистских мятежников генерала Франко.

Фашистская Германия использует для подготовки агрессии свою «пятую колонну». В соответствии с инструкциями, полученными из Берлина, австрийские нацисты выдвигали все более наглые требования, добиваясь полной легализации своей партии. В Германии оживилась деятельность «австрийского легиона», части которого были расположены в Годесберге, Кельне и в районах Баварии¹. Австрийских гитлеровцев усиленно вербовали в соединения СС, предназначенные для участия в «аншлюсе». В самой Австрии усилилась кампания террора против антифашистов.

5—6 января 1938 г. в г. Линце под руководством капитана Леопольда происходила конференция австрийских нацистов, на которой проводилась проверка их готовности к путчу. Участникам фашистского слета было сообщено, что из Германии получены указания «быть готовыми к путчу»².

При обыске в венском бюро нацистской партии (у капитана Леопольда и его сподвижника Тавса) была обнаружена специальная инструкция «Программа действий на 1938 г.», в которой содержались указания о подготовке новых террористических актов, о формировании фашистских вооруженных штурмовых отрядов, а также планы фашистского путча с целью захвата Австрии³.

Под давлением народных масс правительство Шушнига вынуждено было дать указание об аресте некоторых лидеров австрийских нацистов⁴. В то же время австрийский посол в Берлине Таушиц заявил германскому министерству иностранных дел протест по поводу враждебных действий «австрийского легиона». В начале 1938 г. обстановка в Австрии была крайне напряженной. Отовсюду поступали сведения, что весной

¹ «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 64.

² См. «Правда», 17 января 1938 г.

³ «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 64.

⁴ U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler.

1938 г. Германия намерена осуществить захват Австрии. Однако, несмотря на финансовую поддержку австрийских нацистов со стороны Германии, террор и идеологическую обработку австрийского населения, несмотря на прогерманскую политику правящих кругов страны, влияние гитлеровцев среди австрийского населения было незначительным. Нацистская клика Германии учитывала антифашистские настроения австрийского народа и понимала, что без оказания давления, угрозы, а возможно, и применения силы она не сможет захватить Австрию.

В начале февраля 1938 г. Германия приступает к практической реализации своего плана захвата Австрии. После второй мировой войны ряд буржуазных историков, а также австрийских буржуазных деятелей, в частности бывший австрийский канцлер Шушниг¹, создали легенду о так называемой берхтесгаденской ловушке. Эта версия пропагандировалась в «Красно-бело-красной книге», изданной в 1946 г. в целях собственной реабилитации австрийскими пособниками германской агрессии, и на процессе над одним из предателей австрийского народа Гвидо Шмидтом. Данную версию поддерживали представители американского обвинения в своих выступлениях на Нюрнбергском процессе. Фальсификаторы истории пытались доказать, что будто бы в феврале 1938 г. Шушниг и Г. Шмидт были приглашены в баварскую резиденцию Гитлера Берхтесгаден для обычных дипломатических переговоров, где фашистский диктатор предъявил им ультиматум и под угрозой применения вооруженных сил заставил принять его.

Однако, как свидетельствуют документы из архива германского МИД и другие материалы, ставшие известными после войны, Берхтесгаденский сговор был подготовлен Папенем и другими агентами фашистской Германии с представителями австрийского правительства еще задолго до отъезда Шушнига и Шмидта в Берхтесгаден².

¹ К. Schuschnigg, *Austrien Requiem*, London, 1947.

² «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 16.

На Нюрнбергском процессе личный переводчик Гитлера Пауль Шмидт признал, что уже в ноябре 1937 г. Папен обсуждал со своим другом Гвидо Шмидтом вопрос о встрече Гитлера с австрийским канцлером¹. Этот же вопрос поднимался Папеном во время его беседы с Шушнигом в канун нового, 1938 г.² В начале января 1938 г. Папен неоднократно выезжал в Берлин для информации Гитлера о ходе переговоров с австрийскими министрами. Папен настойчиво убеждал Шушнига прибыть в Германию для личной встречи с Гитлером. Вся фашистская агентура в Австрии действовала в том же направлении. 8 января 1938 г. Г. Шмидт сообщил Папену о предварительном согласии Шушнига посетить Германию³. В тот же день Нейрат в беседе с Гитлером говорил, что в случае если Шушниг не согласится принять германский ультиматум, тогда всю ответственность можно будет возложить на австрийское правительство и использовать этот отказ в качестве предлога для захвата Австрии⁴.

Когда 5 февраля 1938 г. Папен в беседе с Гитлером⁵ сказал ему, что Шушниг сможет прибыть в Берлин, «то Гитлер, по свидетельству Пауля Шмидта, набросился на эту идею, как форель на майского жука или как лев на свою жертву»⁶. Он приказал Папену снова вернуться в Вену и подготовить эту встречу в ближайшие дни.

7 февраля 1938 г. Папен передал Шушнигу официальное предложение Гитлера направить в Берхтесгаден

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 58, л. 213.

² Там же, л. 213—214.

³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 566.

⁴ U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 268.

⁵ Гитлер, считая, что Папен подготовил захват Австрии и, таким образом, успешно выполнил свою «чрезвычайную миссию», 4 февраля 1938 г. отозвал его с поста посла в Вене. Однако через несколько дней уже после вручения отзывных грамот в связи с осложнениями в реализации плана захвата Австрии Гитлер несколько раз снова направлял Папена в Вену, который уже не будучи формально послом, продолжал выполнять все функции представителя Германии и координировать деятельность фашистской Германии с деятельностью ее «пятой колонны» по завершению «аншлюса».

⁶ ЦГАОР, ф. 7445, д. 58, л. 213—216.

австрийскую правительственную делегацию. Еще за несколько дней до этого Шушниг и Гвидо Шмидт вступили в официальный контакт с лидерами австрийских нацистов Зейсс-Инквартом, Цернатто и др.¹ Между ними доверительно был согласован предложенный Цернатто проект новых уступок Австрии Германии.

Как сообщал на Нюрнбергском процессе генерал Иодль, накануне совещания в Берхтесгадене Зейсс-Инкварт и Цернатто тайно направили в Германию профессора Мюльмана с предложениями, в которых перечислялись те уступки, которых добились австрийские нацисты от правительства Австрии. Мюльман должен был опередить австрийскую правительственную делегацию и раньше нее прибыть в Берхтесгаден, чтобы передать этот секретный документ представителям Германии. О миссии Мюльмана знал также Г. Шмидт. По прибытии в Берхтесгаден Мюльман имел встречу с Папеном, Кеплером, а затем с Гитлером².

11 февраля 1938 г., в день отъезда австрийской правительственной делегации в Германию, Зейсс-Инкварт связался по телефону с Гитлером и сообщил ему о предварительном соглашении, достигнутом между австрийскими нацистами и правительством Шушнига. Эта информация, свидетельствовавшая о капитуляции австрийского правительства, позволила Гитлеру усилить свои требования.

Гитлер предъявил австрийскому канцлеру ряд требований, которые далеко превосходили предварительное соглашение, достигнутое между Шушнигом и австрийскими нацистами в Вене. Как рассказывает в своих мемуарах Шушниг, Гитлер говорил ему: «Не думайте, что кто-либо на земле может отвратить меня от принятых решений. Италия? У меня с Муссолини одинаковые взгляды, и теснейшие узы дружбы связывают нас. Англия? Англия не пошевелит даже пальцем ради Австрии. Франция? Два года назад, когда мы вошли в Рейнскую область с горсткой батальонов, — в то время

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 203—205.

² К. Schuschnigg, *Austrien Requiem*, S. 19.

я рисковал многим. Если бы Франция выступила тогда, нам пришлось бы отступить. Но сейчас для Франции слишком поздно»¹.

После этого состоялся ряд переговоров между Риббентропом и Г. Шмидтом, Гитлером и Шушнигом и другими участниками берхтесгаденской встречи, где более детально обсуждались германские предложения. В промежутке между переговорами Гитлер встречался с представителем австрийских нацистов Мюльманом, который информировал его о соглашении, достигнутом в Вене². Затем Риббентроп предложил проект протокола, который и был принят в качестве основы для обсуждения. Проект предусматривал: предоставление Германии права на вмешательство во внутренние дела Австрии; заключение военного и экономического австро-германского союза, подчинение австрийской внешней политики Германии; захват нацистами государственного аппарата Австрии и руководства правящей партии «отечественного фронта»³.

Когда Шушниг, опасавшийся, что открытое принятие германских требований, фактически превращавших Австрию в одну из провинций Германии, может вызвать сопротивление австрийского народа, проявил колебание и попросил трехдневной отсрочки для переговоров с президентом, Гитлер оказал на австрийскую делегацию прямое военное давление.

В настоящее время многие гитлеровские генералы в своих мемуарах, а также западногерманские буржуазные историки пытаются отрицать роль германской военщины в захвате Австрии. Однако известно, что план военной агрессии против Австрии был разработан германским генеральным штабом задолго до «аншлюса». В известной директиве военного министра Бломберга «О единой подготовке вооруженных сил к войне», первоначально разработанной 26 июня 1936 г., а затем повторенной в более детализированном виде 24 июня 1937 г., имелся специальный раздел о подготовке

¹ *K. Schuschnigg, Austrien Requiem, S. 24.*

² *U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 300.*

³ «*Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt*», S. 437.

вооруженной интервенции против Австрии, условно названной «планом Отто»¹.

Этот план агрессии против Австрии и был реализован гитлеровцами в марте 1938 г. Правда, в связи с тем что фашистской Германии удалось подорвать Австрию изнутри, а также в связи с тем, что в результате капитулянтской политики правительств западных держав она получила возможность изолировать свою очередную жертву на международной арене, ей ~~не~~ пришлось открывать военных действий. Она захватила Австрию посредством введения в страну своих войск в соответствии с разработанным генеральным штабом «планом Отто».

В Берхтесгаден для участия в переговорах Гитлер пригласил генералов Кейтеля, Рейхенау и Шперле. Он приказал Кейтелю доложить в присутствии Шушнига о готовности германских войск к вторжению в Австрию. Этот факт подтверждается также записью в дневнике генерала Иодля от 13 февраля 1938 г., которая гласит: «Вечер 12 февраля. Генерал К. (Кейтель), генерал фон Рейхенау и Шперле в Оберзальцберге. Шушниг вместе с Г. Шмидтом снова подвергнуты сильнейшему политическому и военному давлению. В 23 часа Шушниг подписывает протокол»².

В этом протоколе, подписанном со стороны Германии Гитлером и Риббентропом, а со стороны Австрии — Шушнигом и Г. Шмидтом, говорилось, что обе страны должны проводить единую линию в области внешней политики. Австрия обязалась поддерживать политику Германии как на международной арене, так и в печати. Провозглашалась легализация деятельности австрийской национал-социалистской партии. Австрийское правительство обязалось предоставить амнистию австрийским нацистам и допустить их к участию в «отечественном фронте»³.

¹ Вопреки этим неопровержимым фактам в настоящее время в целях собственной реабилитации гитлеровские генералы пытаются отрицать наличие подобных планов. Генерал Зигфрид Вестфаль пишет, что германский генеральный штаб «не имел наступательного плана против Австрии». *S. Westphal, Heer in Fesseln*, S. 70.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 179.

³ ADAP, Ser. D, Bd., I, S. 422.

Особенно важное значение имело согласие Шупнига, записанное в протоколе, назначить ряд австрийских нацистов, прямых агентов Германии, министрами австрийского правительства и передать в их руки ключевые позиции в государственном аппарате. Зейсс-Инкварт должен был получить важнейший пост министра внутренних дел и министра безопасности. Ему же должны были подчиняться все полицейские силы страны¹. Все эти мероприятия намечено было провести до 18 февраля. До тех пор сведения о содержании протокола должны были храниться в тайне от общественности.

Для того чтобы заставить президента Микласа ратифицировать германо-австрийский протокол, а также для того, чтобы оказать давление на австрийский народ, гитлеровские генералы тщательно разработали меры военного давления и шантажа. В течение нескольких дней после Берхтесгаденской конференции фашистская Германия держала Австрию под угрозой вооруженного вторжения.

«14 февраля. После полудня генерал К. (Кейтель) просил адмирала К. (Канариса) и меня, — говорится в дневнике Йодля, — прийти к нему. Он сказал, что согласно приказу фюрера давление посредством угрозы военных действий должно проводиться до 15 числа. Планы этих предполагаемых военных действий уже составлены и по телефону сообщены фюреру для получения его санкции. 14 февраля в 2 часа 40 мин. было получено согласие фюрера. Канарис отправился в Мюнхен в 7-й отдел контрразведки и начал проводить различные мероприятия, действие которых было немедленным и очень сильным. В Австрии создано впечатление, что Германия проводит серьезные военные приготовления»². Кампания запугивания и шантажа, организованная германской военщиной, оказала большую под-

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 19. Министром обороны и внутренних дел по совместительству являлся Шупниг. Статс-секретарь министерства обороны генерал Ценер, на отставке которого настаивали гитлеровцы, остался на своем посту. Он был убит агентом гестапо спустя месяц после «аншлюса».

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 179.

держку австрийским нацистам и была весьма эффективной.

После возвращения из Берхтесгадена Шушниг и Г. Шмидт встретились с агентами Гитлера — Зейсс-Инквартом и Цернатто — и обсудили с ними план реализации германского ультиматума, закрепленного в протоколе.

16 февраля президент Миклас ратифицировал Берхтесгаденский протокол. Однако австрийское правительство, не решаясь сразу обнародовать содержание протокола, фактически превращавшего Австрию в одну из провинций фашистской Германии, только по частям информировало австрийский народ о содержании переговоров, тем самым подготавливая его к признанию факта ликвидации независимости страны.

Папен, снова вернувшийся в Вену, являлся уже фактически уполномоченным правительства Германии и, бесцеремонно вмешиваясь во внутренние дела Австрии, добивался реализации этого протокола. Австрийское правительство поддерживало с ним тесный контакт и затем согласовывало очередные коммюнике для печати о выполнении протокола. Если в первом коммюнике от 16 февраля сообщалось о реорганизации австрийского кабинета и об амнистии для австрийских нацистов¹, то спустя два дня, 18 февраля, правительство Шушнига заявило о легализации партии австрийских нацистов² и о принятии их в состав правящей политической партии Австрии «отечественный фронт».

17 февраля германский поверенный в делах в Вене Штейн сообщал в Берлин о реорганизации австрийского правительства в соответствии с Берхтесгаденским протоколом. Зейсс-Инкварт назначался министром внутренних дел и руководителем ведомства безопасности³. Ему подчинялась вся полицейская служба. Только он мог давать указания о деятельности фашистских организаций в Австрии. Гвидо Шмидт сохранял пост министра иностранных дел. Увольнялся в отставку начальник

¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VI, S. 125.

² Там же, стр. 128.

³ ADAP, Ser., D., Bd. I, S. 432.

генерального штаба фельдмаршал Янза. Цернатто и Ротт были назначены министрами без портфеля. К руководству другими высшими правительственными учреждениями были привлечены австрийские нацисты (Вольф, Фишбок и другие) — агенты фашистской Германии. Была произведена перемена и в руководстве «отечественного фронта». Гитлеровец Цернатто был назначен на пост генерального секретаря и заместителя Шушнига, являвшегося председателем этой партии. Руководителем административного отдела «отечественного фронта» был назначен Зейсс-Инкварт¹.

Новый кабинет министров Австрии во многом напоминал собой первый кабинет Гитлера, созданный в 1933 г., в котором большинство членов также формально не являлось членами национал-социалистской партии, но в руках гитлеровцев находились все ключевые позиции управления страной.

После легализации нацистской партии Австрии и захвата ею важнейших постов в правительстве Шушнига тысячи вооруженных гитлеровцев направились в Австрию. Иностранный отдел фашистской партии Германии, возглавляемый Боле, назначил гаулейтеров во все области Австрии. В стране проходили фашистские митинги, парады вооруженных отрядов австрийских нацистов, которые требовали включения Австрии в состав Германии. В венской печати сообщалось, что в Австрию были направлены и агенты гестапо, которые заняли важнейшие стратегические пункты в Вене и других городах. В частности, посты гестапо были установлены в Вене на Центральной телефонной станции; эти посты контролировали все телефонные переговоры с границей². Даже канцлер и министр иностранных дел, несмотря на их благожелательное отношение к фашистской Германии, не могли связаться с границей без контроля агентов гестапо.

В Австрию прибыли также гитлеровские эмиссары по экономическим вопросам Клодиус, а затем Кеплер, которые вели переговоры об унификации вооружения

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 433.

² АВП СССР, ф. 66, оп. 21, п. 23, д. 4, л. 16.

армий Австрии и Германии и о дальнейшем расширении экономических связей¹.

В то же время среди австрийских нацистов усилились распри, началась борьба за власть, особенно между главарем нацистской партии Леопольдом и новым министром внутренних дел Зейсс-Инквартом. Стремясь укрепить свою «пятую колонну», Гитлер по совету Папена сместил Леопольда и назначил «фюрером» австрийских нацистов бывшего гаулейтера Каринтии Клаузнера². Гитлер приказывал австрийским нацистам всячески поддерживать Зейсс-Инкварта и в своей деятельности руководствоваться опытом подрывной работы фашистского гаулейтера Саара Бюркеля, сыгравшего большую роль в присоединении этой области к Германии.

26 февраля в беседе с Папеном Гитлер говорил, что «протокол, подписанный Шушнигом, идет так далеко, что при полной его реализации австрийский вопрос будет решен автоматически»³.

Гитлеровцы усиливали подрыв экономики Австрии и стремились создать впечатление о нежизнеспособности австрийского государства. С 17 февраля, после опубликования коммюнике об австро-германской конференции, начался сильный отлив иностранных капиталов из Австрии. В Швейцарии, Англии и других странах началось падение курса облигаций австрийских займов. Что касается правительств Англии, Франции и США, то они отдавали Австрию на произвол фашистской Германии. 21 февраля 1938 г. английский министр Саймон заявил в парламенте, что Великобритания никогда не давала специальных гарантий независимости Австрии⁴. Подобное заявление английского министра было заведомой ложью. Как известно, независимость Австрии была гарантирована Версальским и Сен-Жерменским договорами, в выработке которых руководящая роль принадлежала правительству Англии. Кроме того, в последующие годы вместе с пра-

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 21, п. 23, д. 4, л. 16.

² ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 443—447.

³ Там же, стр. 450.

⁴ «Times», 23.II.1938.

вительствами Франции и Италии оно неоднократно подтверждало свои гарантии Австрии¹. Однако теперь ради достижения сговора с фашистской Германией правительство Англии спокойно отказалось от своих прежних обязательств, предоставляя Германии «свободу рук» в отношении Австрии.

Наиболее полно позиция английского правительства в отношении Берхтесгаденского соглашения и судьбы Австрии была вскрыта во время весьма доверительной беседы английского посла в Берлине Гендерсона с Гитлером 3 марта 1938 г., в которой принимал участие также министр иностранных дел Риббентроп. Эта беседа являлась по существу продолжением тех переговоров, которые были начаты в начале ноября 1937 г. между Галифаксом и Гитлером. Гендерсон сказал, что «дело идет не о торговой сделке, а о попытке установить основу для истинной и сердечной дружбы с Германией»². Далее английский посол сослался на заявление Галифакса,

¹ 4 октября 1928 г. в связи с предоставлением Лигой наций займов Австрии в специальном так называемом Женевском протоколе, подписанном Англией, Францией, Италией, Чехословакией, а позже Бельгией и Испанией, также содержалась гарантия политической и экономической независимости Австрии. Женевский протокол запрещал экономический и политический союз Австрии с Германией.

В 1931 г. в связи с попыткой Германии подчинить экономику Австрии посредством заключения таможенного германо-австрийского союза Совет Лиги наций, обсуждавший этот вопрос, передал его на рассмотрение Гаагского международного трибунала. Последний решил, что такой союз будет противоречить протоколу 1922 г., и отверг его. После установления фашистской диктатуры, когда правительства западных держав только приступили к осуществлению своей политики поощрения немецко-фашистской агрессии на востоке Европы, они еще продолжали заявлять о своей гарантии независимости Австрии. 17 февраля 1934 г. правительства Италии, Франции и Англии обратились к правительству Германии с декларацией, в которой заявляли о своем стремлении охранять целостность и независимость Австрии в соответствии с существующими договорами. Наконец, англо-франко-итальянская конференция в Стресе подтвердила декларацию от 17 марта 1934 г. и другие соглашения о независимости Австрии. ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 452—453; «Times», 19. XI.1934.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 55.

сделанное им в предыдущей беседе с Гитлером, что «перемены в Европе вполне возможны»¹. Гендерсон сообщил, что британское правительство серьезно обсудило предложения Германии, в частности ее притязания в отношении Чехословакии и Австрии, но что оно все еще «не в состоянии правильно оценить последствия соглашения, достигнутого недавно между Австрией и Германской империей»².

Гитлер, раскрывая германские планы, признал, что «если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, то Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно»³.

Высказывания Гитлера получили полное одобрение Гендерсона. От имени английского правительства он дезавуировал протест, выраженный английским послом в Вене в беседе с Папеном по поводу Берхтесгаденского протокола, и заявил, что это было лишь личное мнение посла в Вене и что оно не отражает мнения английского правительства. Далее, выражая мнение правительства, Гендерсон сказал, что «часто он сам высказывался за аншлюс»⁴.

Спустя несколько дней после этой беседы, 8 марта 1938 г., Невиль Чемберлен, отвечая на критические высказывания представителей оппозиции в парламенте по поводу внешнеполитического курса правительства, говорил, что Сен-Жерменский договор и Женевский протокол 1922 г., подтверждавшие независимость Австрии, будто бы распространяются только на экономические и финансовые вопросы и что германо-австрийский протокол не противоречит Версальскому и Сен-Жерменскому договорам. Подобная позиция английского правительства полностью развязала руки немецко-фашистским агрессорам.

Несмотря на то что «аншлюс» Австрии создавал серьезную угрозу жизненным интересам Франции, 16 февраля 1938 г. германский посол в Париже Вельчек

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 55.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Там же.

сообщал в Берлин, что со стороны правящих кругов Франции не ожидается каких-либо враждебных акций в случае «аншлюса»¹. 18 февраля Риббентропа посетил французский посол, который ограничился заявлением, в котором подчеркнул озабоченность своего правительства развитием событий в Австрии². В очередном донесении германского посла из Парижа сообщалось, что большинство французских газет, отражающих точку зрения правительства, утверждает, что Австрия является для Германии «целью № 1» и что Франция в случае наступления кризиса в германо-австрийских отношениях ничего не предпримет в защиту Австрии³.

Позиция правящих кругов Соединенных Штатов Америки была тождественна позиции правительств Англии и Франции. Президент Рузвельт и государственный секретарь Хэлл даже отказались комментировать итоги германо-австрийской конференции в Берхтесгадене. В то же время американская печать, выражавшая точку зрения правящих кругов США, в угоду агрессорам подчеркивала, что австрийский вопрос является локальным вопросом, имеющим «больше значения для Италии, чем для какой-либо другой иностранной державы»⁴. Таким образом, вскормив германский милитаризм, дав ему возможность превратиться в серьезную угрозу для безопасности народов Европы, американские империалисты продолжали поощрять его к развязыванию войны.

Позорную роль при подготовке «аншлюса» Австрии сыграли правительства ряда государств Центральной и Юго-Восточной Европы (Польши, Венгрии, Югославии и др.). Предавая национальные интересы народов своих стран, стремясь с помощью фашистской Германии сохранить свое классовое господство, правящие круги этих стран всячески содействовали гитлеровцам в подготовке «аншлюса» Австрии и тем самым прокладывали путь германской агрессии против собственных стран.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. X, S. 430.

² Там же, стр. 435.

³ Там же.

⁴ См. «Вопросы истории» № 6, 1954, стр. 46.

Особенно усиленной дипломатической обработке со стороны фашистской Германии подверглась Польша. В феврале 1938 г. Геринг посетил Варшаву, где он встречался с диктатором Польши Рыдз-Смиглы и министром иностранных дел Бекком. В беседе с ними Геринг снова использовал антисоветский козырь. Он говорил Рыдз-Смиглы об угрозе Польше с Востока, со стороны Советского Союза, о совпадении антисоветских планов Германии и Польши¹ и т. д. Он заверял Рыдз-Смиглы, что Германия не имеет территориальных притязаний к Польше. «Германия,— лицемерил Геринг,— вполне примирилась со своим настоящим территориальным положением. Германия не нападет на Польшу и не имеет намерения захватить польский коридор»².

В беседе с Бекком 23 февраля Геринг вел уже более конкретный разговор о предстоящей агрессии против Австрии. Министр иностранных дел Польши заявил Герингу, что «в связи с австрийскими событиями Польша заинтересована также в будущем урегулировании чехословацкого вопроса». Геринг заверил Бека, что «интересы Польши в Моравской Острове не будут нарушены»³ и что Германия не предпримет какие-либо неожиданные для Польши действия. В заключение беседы Геринг убеждал польского министра, что «канцлер (Гитлер.— В. Ф.) с большим доверием относится к политике Польши, проводимой министром Бекком»⁴.

Как сообщил польский посол в Берлине Липский, во время этой встречи обсуждались также притязания хортистской клики Венгрии к Румынии, в частности на Трансильванию. Для того чтобы заручиться дипломатической поддержкой правящих кругов буржуазно-помещичьей Польши накануне «аншлюса» Австрии Геринг щедро давал обещания. Он говорил, в частности, что в случае расчленения Румынии «ее основная часть могла бы отойти под протекторат Польши»⁵. Окры-

¹ «Poclnishes Weißbuch», Dok. N 29.

² Там же.

³ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 140, л. 122.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 120.

ленный беседой с Герингом, Бек 7 марта 1938 г. вылетел в Рим для согласования агрессивных планов Польши с правительством Италии. В беседе с Бекком Муссолини заявил, что Италию вовсе не интересует судьба Австрии и Чехословакии¹.

Немалую услугу фашистской Германии при захвате Австрии оказало также реакционное югославское правительство Стоядиновича. В январе 1938 г. Гитлер пригласил югославского премьера в Берлин для выяснения позиции Югославии. Стоядинович заверил Гитлера, что «Югославия никогда и ни при каких обстоятельствах не присоединится к антигерманскому пакту и не вступит в какую-либо другую антигерманскую комбинацию»².

Германия оказала также сильный нажим на Венгрию, с которой Австрия была связана союзным договором. В конце 1937 г. Венгрию посетило большое число видных гитлеровцев. 20 ноября 1937 г. премьер Дараньи и министр иностранных дел Канья были вызваны в Берлин, где они имели встречу с Гитлером и Герингом, во время которой обсуждались важнейшие политические и экономические вопросы. Для усиления нажима на хортистскую клику Венгрии Германия использовала свою союзницу по разбойничьему блоку — фашистскую Италию, которая была связана с Венгрией как политическими, так и экономическими соглашениями. После Будапештской итало-австро-венгерской конференции хортистская Венгрия все теснее сближалась с агрессивным блоком фашистских государств. Результаты этого сближения были налицо: венгерское правительство передало министерству иностранных дел Германии заявление, в котором приветствовало Берхтесгаденское соглашение³.

Таким образом, к началу марта 1938 г. фашистская Германия с помощью своей «пятой колонны» подорвала Австрию изнутри, а также с помощью правящих кругов

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 140, л. 24.

² «Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland», Berlin, 1941, Auswärtiges Amt. 1939/1941, N 7, S. 12.

³ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 269.

Англии, Франции, Соединенных Штатов Америки и правительств других буржуазных государств изолировала ее на международной арене и создала благоприятные условия для «аншлюса».

3. Завершение агрессии против Австрии

Если правящие группы австрийской буржуазии своей капитулянтской политикой облегчали выполнение планов германского империализма, то совсем иной была позиция трудящихся Австрии. Несмотря на террор со стороны властей и фашистских штурмовиков, трудящиеся Австрии внесли свой вклад в борьбу за свободу и независимость страны. В первых рядах борцов против немецко-фашистской агрессии выступали австрийские коммунисты. 11 февраля 1938 г. в связи с четырехлетней годовщиной со дня февральских боев рабочего класса коммунистическая партия Австрии распространила специальное воззвание, в котором указывала на угрозу «аншлюса» и призывала к борьбе за независимость Австрии.

После возвращения Шушнига из Берхтесгадена ЦК партии опубликовал специальное заявление, в котором разоблачал капитулянтскую политику правительства Австрии¹. По инициативе коммунистов на предприятиях Вены происходил сбор подписей и принимались резолюции, в которых рабочие выражали свою готовность бороться за независимость страны. Рабочие требовали демократизации профсоюзов, амнистии для антифашистов, свободы прессы, собраний, сохранения независимости страны, выражали протест против допуска агентов Гитлера в состав австрийского правительства².

Под давлением рабочих даже реакционное руководство «Объединенных профсоюзов» вынуждено было созвать 18 февраля конференцию представителей фабзавкомов крупнейших венских предприятий для обсуждения политического положения в стране. В письме

¹ «Die Kommunisten im Kampf für die Unabhängigkeit Oesterreichs», S. 57.

² Там же.

участников конференции к правительству подчеркивалась решимость австрийских рабочих защищать свободу, независимость и честь своей страны. В нем говорилось, что австрийские рабочие стоят за мир, но не за мир, достигнутый любой ценой¹.

Для того чтобы сломить сопротивление антифашистских, патриотических сил, мешавших реакции заключить последнюю сделку с фашистской Германией, правительство Австрии 23 февраля 1938 г. издало новый чрезвычайный декрет, по которому на четыре недели запрещались все демонстрации и собрания. На улицах и площадях Вены патрулировали усиленные вооруженные отряды солдат, пешей и конной полиции.

Но никакие декреты правительства не могли остановить движение протеста трудящихся масс. Подавляющее большинство австрийского народа отвергало всякую мысль о возможности присоединения Австрии к фашистской Германии и стремилось сохранить независимость страны. Антигерманские, антифашистские настроения народа заставляли правящую клику Австрии совершать всяческие обходные маневры, чтобы реализовать свой план и окончательно подчинить Австрию фашистской Германии. Под давлением масс 9 марта 1938 г. Шушниг был вынужден сделать весьма важное заявление о проведении плебисцита в Австрии². На плебисцит выносился следующий вопрос: «Являетесь ли вы сторонником независимой, социальной, христианской, германской и объединенной Австрии?»³

Подобный вопрос вовсе не противоречил букве Берхтесгаденского соглашения. За проведение плебисцита в Австрии по саарскому образцу длительное время выступали сами национал-социалисты. О возможности легального захвата Австрии посредством подобного плебисцита Гитлер говорил Зейсс-Инкварту во время визита последнего в Германию сразу после назначения его министром внутренних дел.

Однако Шушниг объявил плебисцит в то время, когда гитлеровцы еще не были к нему достаточно подготов-

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 21, п. 23, д. 4, л. 16.

² ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 463.

³ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 180.

лены. Это обстоятельство вызвало переполох в стане гитлеровцев. Они понимали, что австрийский народ в своем подавляющем большинстве выскажется за сохранение независимой Австрии¹. Фашистский план «мирного» захвата Австрии в связи с преждевременным объявлением плебисцита оказался под угрозой срыва.

В создавшихся условиях правящая клика фашистской Германии решает применить все средства вплоть до использования вооруженных сил, чтобы не допустить проведения плебисцита и захватить Австрию. В ход была пущена в первую очередь фашистская «пятая колонна», лидеры которой к тому времени уже занимали прочные позиции в государственном аппарате Австрии.

Еще за несколько часов до официального объявления плебисцита, утром 9 марта, секретные нацистские агенты сообщили в «ландеслейтунг» (руководящий комитет нацистской партии в Австрии) о предстоящем выступлении Шушнига и о плебисците².

На заседании «ландеслейтунга», на котором присутствовали главари национал-социалистской партии Австрии Клауснер, Юри, Рейнер, Глобочник, а также Зейсс-Инкварт, было решено немедленно информировать Гитлера³. В то же время комитет нацистской партии в Австрии отдал приказ командирам вооруженных фашистских отрядов о подготовке к путчу в целях «присоединения Австрии к Германии».

После того как в Берлине были получены сведения о плебисците, Гитлер предпринял все, чтобы не допустить проведения голосования и использовать создавшуюся обстановку для захвата Австрии. После консультации со своими советниками он отдал приказ о подготовке военного вторжения. В целях дипломатической подготовки «аншлюса» фашистский диктатор направил Муссолини письмо, а Риббентропу было приказано оставаться в Лондоне для дальнейшего согласования с английским правительством вопросов, связанных с осу-

¹ «Die Kommunisten im Kampf für die Unabhängigkeit Oesterreichs», S. 57.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 180.

³ Там же, стр. 181.

ществлением «аншлюса» Австрии. Обязанности министра иностранных дел были снова возложены на председателя «Тайного совета министров» барона Нейрата.

В феврале — марте 1938 г. германские генералы завершили разработку плана вооруженного нападения на Австрию («плана Отто»¹). 11 марта была издана подробная директива Гитлера о подготовке военного нападения на Австрию, так называемая операция Отто. «1. Если другие меры окажутся безуспешными, — писал в этой директиве Гитлер, — я намереваюсь вторгнуться в Австрию при помощи вооруженных сил...»² Военные действия на суше возлагались на 8-ю армию с приданными ей военно-воздушными силами и соединениями СС. Военно-воздушным силам ставилась задача разбрасывать над Австрией пропагандистский материал, захватить австрийские аэродромы и выполнить другие специальные задачи. В директивах подчеркивалось: в интересах Германии, чтобы эта операция была проведена «в форме мирного вступления при приветствиях со стороны населения».

В тот же день в связи с возникшими затруднениями в ходе переговоров с Австрией в 20 час. 45 мин. верховным командованием германских вооруженных сил был подготовлен второй приказ, предусматривавший вторжение немецких войск в Австрию в связи с ее возмож-

¹ План военных действий против Австрии был разработан заместителем начальника генерального штаба сухопутных войск, начальником оперативного отдела генералом Манштейном под руководством генерала артиллерии Людвиг Бека и был передан в главный штаб верховного командования Йодлю для доклада Гитлеру. Тот план являлся дальнейшим развитием «Директивы о единой военной подготовке», разработанной генеральным штабом еще в 1937 г. В настоящее время германские буржуазные историки пытаются утверждать, что генералы и генеральный штаб не принимали участия в захвате Австрии и что для них «аншлюс» был полной неожиданностью. Бывший адъютант Гитлера Госсбах пишет, что «к решению вопроса о вторжении в Австрию генеральный штаб армии не был причастен». *T. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler*, S. 117.

² Западногерманский историк И. Айхштед пытался доказать, что эта директива имела лишь теоретическое значение и не была предназначена для ведения агрессивной войны.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1728, л. 84.

ным отказом принять германский ультиматум («касательно «операции Отто» № 2»)¹.

Приведенные документы германского верховного командования свидетельствуют о том, что фашистская Германия была готова осуществить захват Австрии посредством вооруженного нападения. Германский генеральный штаб разработал соответствующие директивы и планы операций на этот раз уже не для шантажа и демонстрации, а для участия в военных действиях против Австрии. Были выделены соответствующие воинские соединения, создано специальное командование этими войсками, сконцентрированными на германо-австрийской границе.

Днем 11 марта в имперской канцелярии в Берлине собрались министры, статс-секретари, рейхслейтеры, высшие офицеры, среди которых находились Геринг, Геббельс, Фрик, Гиммлер, Браухич, Кейтель. Здесь же присутствовал вызванный из Вены Папен. Гитлер заявил собравшимся, что Германия не может согласиться на проведение плебисцита в Австрии и что для решения австрийского вопроса Германия прибегнет к применению силы. Он говорил, что не следует опасаться вмешательства других держав и развязывания европейской войны. Италия и Франция не вмешаются в случае вооруженного германо-австрийского конфликта².

Однако, несмотря на неоднократные заверения Муссолини о незаинтересованности Италии в судьбе Австрии, Гитлер все еще не доверял своему союзнику по разбойничьему блоку. Подготавливая вторжение в Австрию, германские империалисты опасались внезапного появления итальянских войск на австрийской территории, что могло значительно осложнить выполнение германского плана. В целях предупреждения подобного случая к директиве ОКВ № 1 от 11 марта («операция Отто») была приложена специальная инструкция, составленная и подписанная генералом Иодлем по указанию

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1728, л. 9. На документе кроме подписи Гитлера были поставлены инициалы генерала Иодля и его заместителя генерала Варлимонта.

² «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 140.

Гитлера, «Об отношении к чехословацким и итальянским войскам на территории Австрии».

«1. Если чехословацкие войска или части милиции будут обнаружены в Австрии,— говорилось в документе,— их следует рассматривать как неприятельские войска.

2. С итальянцами везде нужно обращаться как с друзьями и особенно ввиду того, что Муссолини заявил, что он не интересуется разрешением австрийского вопроса»¹.

В связи с распространившимися в печати многочисленными слухами о передвижении итальянских войск вечером 11 марта в качестве дополнения к директиве № 1 «операция Отто» было издано «Распоряжение № 2». Если в отношении чехословацких войск, оказавшихся на австрийской территории, данное распоряжение повторяло инструкцию № 1, то в отношении итальянских войск позиция ОКВ решительным образом изменилась. Попытка итальянцев продвинуться дальше на австрийскую территорию, говорилось в пункте 4-м документа, должна быть пресечена с помощью оружия².

В то же время правительство фашистской Германии активизировало дипломатические переговоры с Италией. Еще 9 марта Гитлер направил Муссолини письмо, в котором он объяснял причины своих действий. Гитлера и германских дипломатов чрезвычайно встревожили распространившиеся в печати слухи о том, что Шушниг свое заявление о проведении плебисцита сделал якобы с согласия Муссолини. Должно быть, это сообщение и побудило германское верховное командование изменить свою инструкцию об отношении к итальянским войскам в случае их вступления на территорию Австрии. 11 марта советник итальянского посольства граф Магистрати сообщил Вейцекеру, что Италия не имела никакого отношения к решению о референдуме в Австрии. Вейцекер от имени Гитлера потребовал разъяснения итальянского правительства по данному вопросу³.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 183.

² «Историко-дипломатический архив», ф. 162-л, оп. 2, д. 1, л. 44.

³ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 467.

В тот же день Чиано в своем сообщении германскому министерству иностранных дел признавал, что итальянское правительство еще 7 марта (т. е. за два дня до выступления Шушнига) было информировано австрийским канцлером о подготовке плебисцита. «Но Муссолини, — сообщал Чиано, — не советовал ему устраивать референдум»¹.

11 марта Гитлер направил Муссолини новое письмо, в котором излагал германскую версию о переговорах в Берхтесгадене и утверждал, что Шушниг, сделав заявление о плебисците, тем самым нарушил это соглашение.

Поздно вечером того же дня (в 22 час. 25 мин.) Гитлер с большим облегчением встретил сообщение по телефону своего посла в Риме принца Филиппа фон Гессена. Как сообщал посол, дуче принял все эти события «в весьма дружественной манере. Он посылает Вам привет... Муссолини заявил, что Австрия больше для него не существует».

Гитлер (продолжая по телефону разговор с послом): «Тогда, пожалуйста, скажите Муссолини, что я никогда не забуду его за это... что бы ни произошло. Я все еще готов заключить с ним совершенно другое соглашение... Как только австрийское дело будет завершено, я буду готов с ним идти в огонь и воду. Ничто другое не имеет значения...»² Это заявление Муссолини сняло главное препятствие на пути фашистской агрессии Германии против Австрии.

Позиция правящих кругов США, Англии, Франции была известна Гитлеру. И эти страны не представляли для Германии опасности. Но зато большую тревогу у гитлеровцев вызывала позиция австрийского народа. Как писал председатель компартии Австрии Йоганн Коплениг, «в решающие недели после берхтесгаденского ультиматума до 11 марта произошло развитие народных масс, которое оказало свое влияние на дальней-

¹ В действительности, как это подтверждает Шушниг в своих мемуарах, 7 марта 1938 г. в Рим был направлен австрийский военный атташе в Италии полковник Либичкий. *K. Schuschnigg, Austrien Requiem*, S. 70.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 190.

шую судьбу Австрии. Впервые в истории страны произошло объединение рабочих и крестьян, коммунистов и социалистов с католическими народными массами. Народ сам начал достигать взаимопонимания и создавать широкий фронт борьбы в защиту свободы и независимости. Во главе этого фронта снова встали австрийские рабочие»¹.

Но как и во многих других странах, создание антифашистского Народного фронта в Австрии затруднялось предательской деятельностью правых социал-демократов (Карла Реннера, Отто Бауэра и др.), которые своей политикой раскола рабочего класса, отрицанием возможности существования независимого австрийского государства помогли германским империалистам захватить Австрию.

Видный буржуазный государственный деятель Австрии Фигль заявил на процессе Гвидо Шмидта, что «воля народа к сопротивлению была неуправляемой. Если бы был дан призыв к сопротивлению, я уверен, что 80% народа выступило бы»².

Эту точку зрения разделяет и бывший начальник генерального штаба Австрии генерал Янза, заявивший на процессе Гвидо Шмидта, что Австрия могла оказать вооруженное сопротивление вермахту. На границе с Германией она построила укрепления, под ружьем находилось 100 тыс. солдат. Вооруженное сопротивление Австрии могло бы привести к вмешательству других держав. В армии влияние нацистов было незначительным. Всего около 5% офицеров являлись членами нацистской партии³. Однако эти возможности были упущены. Сопротивление австрийского народа было сломлено правительством Шушнига, буржуазными лидерами «отечественного фронта» и правой социал-демократией, которые призвали народ к капитуляции перед фашистской Германией.

Правительство Шушнига, несмотря на заявление о проведении плебисцита, на самом деле не собиралось

¹ J. Koplenig, Reden und Aufsätze, S. 96.

² «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 221—222, 683—684.

³ Там же, стр. 173.

оказывать действительного сопротивления фашистской Германии. Австрийское правительство и стоявшие за ним империалистические силы больше боялись своего собственного народа и предоставления ему демократических свобод, чем немецко-фашистских империалистов. Поставив свои эгоистические, классовые интересы выше национальных интересов страны, они отказались от проведения плебисцита и капитулировали перед фашистской Германией.

Захват Австрии гитлеровцы осуществили с помощью своей «пятой колонны» и завершили его интервенцией вооруженных сил. 9 марта 1938 г. переговоры австрийских нацистов с канцлером Шушнигом и президентом Микласом были прерваны. В то же время была установлена открытая связь между австрийскими капитулянтами и правительством фашистской Германии. Немецкое посольство в Вене было превращено в своеобразный центр, откуда австрийские нацисты получали непосредственные инструкции. Кипучую деятельность развернул Папен, который в день провозглашения плебисцита снова находился в Вене. Германское посольство превратилось в открытый штаб по подготовке захвата Австрии.

Утром 11 марта на заседании «ландеслейтунга» нацистской партии, на котором Глейзе-Хорстенау передал инструкцию Гитлера, было принято решение предъявить правительству ультиматум, который должны подписать министры — члены нацистской партии — Зейсс-Инкварт и Глейзе-Хорстенау, а также два правительственных советника — тоже нацисты — Фишбок и Юри. В ультиматуме содержалось требование отсрочить плебисцит на три недели. Практически это требование сводилось к тому, чтобы обеспечить гитлеровцам необходимый срок для подготовки к плебисциту. Срок ультиматума истекал в 14 часов¹. Шушник созвал заседание кабинета, на котором Зейсс-Инкварт предъявил этот ультиматум и потребовал отсрочить плебисцит. «В 14 час. 30 мин., — говорится в отчете одного из австрийских нацистов, — Зейсс-Инкварт позвонил Рейнеру и сообщил ему, что Шушник был не в состоянии сопроти-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 183.

вляться нажиму и отменил плебисцит, но что он отказался назначить новый плебисцит и приказал принять строжайшие политические меры для поддержания порядка»¹.

Но даже такая капитуляция Шушнига не устраивала правительство фашистской Германии. Воспользовавшись тем, что Шушниг не назвал новой даты плебисцита, гитлеровская клика пытается использовать это обстоятельство в качестве предлога для вторжения в Австрию.

Через посредство германского посольства Рейнер, а затем Зейсс-Инкварт вели переговоры с Герингом, находившимся в имперской канцелярии в Германии, от которого они получили подробные инструкции. «Геринг сказал Зейсс-Инкварту, — говорится в уже упомянутом отчете, — что Берлин совершенно не согласен с решением, принятым канцлером Шушнигом...» Чтобы еще больше накалить атмосферу, он предложил Зейсс-Инкварту и другим министрам — германским агентам — немедленно подать канцлеру прошение об отставке и потребовать отставки самого Шушнига. После отставки канцлера Шушнига президент Миклас должен был поручить Зейсс-Инкварту сформировать новое правительство².

Таким образом, по мере капитуляции австрийского правительства фашистская Германия с каждым часом увеличивала свои требования. Если первоначально в германском ультиматуме речь шла об отсрочке даты плебисцита, то теперь гитлеровцы требовали отставки правительства Шушнига, назначения открытого германского агента Зейсс-Инкварта канцлером и приглашения из Германии отрядов СС и СА в качестве вспомогательных частей полиции³.

Спустя час после этого разговора Геринг позвонил советнику германского посольства в Вене Домбровскому и передал ему указание о том, что австрийское правительство должно быть сформировано во главе

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 183.

² См. там же, стр. 185—186.

³ См. там же, стр. 184.

с Зейсс-Инквартом к 19 час. 30 мин., и соответствующие инструкции Зейсс-Инкварту о составе правительства. Фамилии будущих членов кабинета должен был сообщить советник Гитлера Кепплер, являвшийся одновременно особоуполномоченным по вопросам партии австрийских нацистов и находившийся в тот день в Германии.

«Геринг: (Домбровскому.— В. Ф.)... Одну вещь я забыл. Фишбок должен получить министерство экономики и торговли... Кальтенбруннер — министерство безопасности и Бар — вооруженные силы. Австрийская армия должна находиться под руководством самого Зейсс-Инкварта, а насчет министерства юстиции вам все известно»¹. В тот же день Кепплер, возведенный в ранг статс-секретаря министерства иностранных дел, в сопровождении Везенмейера вылетел в Вену, имея при себе список нового австрийского кабинета, составленный в имперской канцелярии в Берлине при непосредственном участии Гитлера и Геринга.

В это время в Вене происходили переговоры между Зейсс-Инквартом и Шушнигом. Из германского посольства сообщили в канцелярию канцлера, что Гитлер ожидает до 19 час. 30 мин. создания правительства во главе с Зейсс-Инквартом и официального сообщения о разрешении «жетону» (условное обозначение вооруженного легиона австрийских гитлеровцев, находившегося в Баварии) на возвращение в Австрию². В случае невыполнения указанного требования, сообщили из германского посольства, в 20 час. германские войска перейдут границу.

В 17 час. 26 мин. Герингу сообщили, что президент Миклас, опасавшийся вооруженного сопротивления австрийских трудящихся, не решается назначить Зейсс-Инкварта канцлером. Тогда Геринг приказал передать Микласу новый ультиматум, содержащий прямую угрозу военного вторжения немецких войск в Австрию.

В разговоре по телефону с Зейсс-Инквартом Геринг говорил: «...немедленно отправляйтесь вместе с гене-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 6, папка 1, л. 181. На пост министра юстиции Геринг рекомендовал своего шурина нациста Зуберта.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 184.

рал-лейтенантом Муффом (германским военным атташе в Австрии.— В. Ф.) и скажите президенту, что если условия, о которых вы знаете, не будут немедленно приняты, то войска, которые частью уже находятся на границе или приближаются к ней, начнут передвижение по всему фронту и Австрия прекратит свое существование... Вторжение начнется сегодня ночью со всех концов Австрии. Вторжение будет приостановлено и войска задержатся на границе только в том случае, если в 7.30 нам сообщат, что Миклас назначил вас на пост канцлера...»¹

Однако визит Муффа к президенту Австрии не дал ожидаемых результатов.

В 18 час. 28 мин. прибывший в Вену Кеплер сообщил Герингу о разговоре Муффа с Микласом. Геринг поручил Кеплеру самому пойти к президенту и потребовать принятия германского ультиматума, заявив при этом, что немецкие войска через 5 минут пересекут австрийскую границу². Кеплер, прибыв к Микласу, повторил требование о назначении Зейсс-Инкварта канцлером. Беседа продолжалась всего несколько минут. Таким образом, в течение двух часов Германия передала Австрии два ультиматума, подкрепляя их угрозой применения вооруженных сил. И на этот раз Миклас отказывался принять германский ультиматум.

Для гитлеровцев, которые стремились представить перед мировым общественным мнением захват Австрии как «мирный акт», как «добровольное воссоединение двух народов», было весьма желательным согласие президента на образование австрийского правительства во главе с прямым германским агентом Зейсс-Инквартом, который и должен был завершить «мирное» порабощение Австрии. Отказ Микласа пугал карты германского правительства, осложнял положение.

Тогда лидеры австрийских нацистов, поддерживаемые и инструктируемые Германией, попытались захватить власть в Австрии без согласия Микласа. На совещании главарей австрийских фашистов с официаль-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 187.

² U. Eichstädt, Von Dolfuss zu Hitler, S. 395.

ными представителями Германии, в котором участвовали Глобочник, Кеплер, Клаузнер, Юри, Рейнер, Везенмейер и другие, было решено дать указание нацистским гаулейтерам захватить власть в различных районах страны и потребовать передачи власти Зейсс-Инкварту. Эсэсовцы под руководством Лукеша и Кальтенбруннера должны были захватить важнейшие стратегические пункты Вены¹.

В то же время в Вене проходили демонстрации национал-социалистов, требовавших назначения канцлером Зейсс-Инкварта. В эти критические для судьбы нации дни правительство пошло на дальнейшую капитуляцию. В 19 часов по радио было объявлено об отмене плебисцита, а затем об отставке правительства Шушнига. Это явилось сигналом для выступлений фашистов в других городах и захвата ими власти в провинции.

В связи с тем что Миклас все еще проявлял колебание, Геринг говорил по телефону Кеплеру: «...Зейсс-Инкварт должен его выгнать. Пойдите снова наверх и прямо скажите ему, что Зейсс-Инкварт вызовет охрану национал-социалистов и через 5 минут войска начнут продвижение по моему приказу»². После истечения срока ультиматума Геринг поручил Зейсс-Инкварту передать государственным деятелям Австрии, что «все, кто окажет сопротивление или будет организовывать сопротивление, будут преданы нашему военному суду»³.

Еще днем 11 марта по австрийскому радио выступил Шушниг с заявлением об уходе в отставку⁴. На последующих совещаниях Шушнига, продолжавшего временно исполнять обязанности канцлера, с командующими войсками, высшими правительственными чиновниками было решено не оказывать вооруженного сопротивления в случае вторжения немецких войск. Шушниг дал указание отвести части австрийской пограничной полиции, а также войска от германской границы⁵. В связи с тем что германское радио распространяло

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 67.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 187.

³ Там же, стр. 188.

⁴ «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 46.

⁵ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 261.

провокационные слухи о том, что немецкие войска уже пересекли австрийскую границу, Шушниц в 19 час. 50 мин., в срок, указанный в германском ультиматуме, обратился по радио к австрийским войскам с призывом не оказывать сопротивление вторжению германских вооруженных сил¹.

11 марта в 20 часов отряды фашистских штурмовиков, среди которых были и германские эсэсовцы, переброшенные в Австрию, захватили важнейшие стратегические пункты Вены и других районов страны. Спустя полчаса Рейнер и Клаузнер отдали приказ всем гаулейтерам Австрии с помощью частей СА и СС захватить власть во всех 8 «гау» Австрии. Эти мероприятия проводились от имени министра внутренних дел Зейсс-Инкварта. В течение трех часов вся Австрия фактически была оккупирована гитлеровцами. В 20 час. 48 мин. в беседе с Герингом Кеплер заявил, что, хотя Миклас не дал согласия на назначение Зейсс-Инкварта канцлером, лидеры австрийских гитлеровцев представляют собой «правительство» Австрии. Наглость гитлеровцев и их агентуры в Австрии возрастала с каждым часом. По указанию фашистской Германии австрийские нацисты потребовали, чтобы и сам президент Миклас ушел в отставку².

Оставалось только создать формальный предлог для вступления германских войск в Австрию и таким образом завершить ее захват. И такой предлог был создан. В той же беседе с Кеплером Геринг продиктовал ему следующий текст телеграммы, которую должен был направить в Германию Зейсс-Инкварт как «глава правительства». «Временное австрийское правительство... направляет германскому правительству безотлагательную просьбу о поддержке его... С этой целью оно просит германское правительство прислать как можно скорее германские войска»³.

Геринг предупредил Кеплера, что Зейсс-Инкварту даже не следует посылать текст телеграммы, так как

¹ «Österreichische Volksstimme», 4.III.1947.

² «Österreichische Volksstimme», 23.IV.1947.

³ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 189.

ее оригинал находился в имперской канцелярии у самого Геринга. Зейсс-Инкварт обязан был только сообщить: «Согласен», и после этого текст телеграммы должен быть передан по германским и австрийским радиостанциям. В 21 час. 54 мин. Кеплер сообщил начальнику ведомства гитлеровской прессы Дитриху, что Зейсс-Инкварт одобрил предложение Геринга. Вслед за тем Зейсс-Инкварт выступил с речью по радио, в которой излагал текст этой «телеграммы». Указанная «телеграмма», которую никто и никогда не отправлял, и явилась формальным предлогом для вторжения немецко-фашистских войск в Австрию.

Таким образом, Зейсс-Инкварт приглашал германские войска и выступал по радио в то время, когда он не только не являлся канцлером, но даже не состоял членом правительства, так как еще раньше президент Миклас освободил от обязанностей не только канцлера Шушнига, но и всех других членов правительства и статс-секретарей¹. Только поздно вечером, в 23 час. 15 мин., было объявлено, что президент согласился назначить Зейсс-Инкварта канцлером². Вручив власть открытому германскому агенту Зейсс-Инкварту, Миклас в сопровождении эскорта эсэсовцев покинул имперскую канцелярию.

После своего назначения канцлером Зейсс-Инкварт сформировал марионеточное правительство, составленное из агентов Германии.

На рассвете 12 марта, несмотря на принятие и пунктуальное выполнение Австрией берхтесгаденского ультиматума и наличие в ней фашистского правительства, 8-я немецко-фашистская армия под командованием генерала Бока в соответствии с «планом Отто» на широком фронте пересекла границу, не встретив сопротивления, и вторглась в пределы Австрии³. Вместе с частями германских регулярных войск двигался «австрийский

¹ «Der Hochverratsprozess gegen Dr. Guido Schmidt», S. 21.

² Там же, стр. 140.

³ 11 марта 1938 г. в 19 час. 15 мин. австрийское правительство дало указание своим войскам находиться в казармах, не оказывать сопротивления в случае появления германских войск. «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 73.

легион» и эсэсовские части дивизии «Мертвая голова». Многочисленные германские бомбардировщики летали над Веной и другими районами страны, разбрасывая листовки.

Помпезный марш германских войск через Австрию был необходим гитлеровцам также и по внутрисполитическим соображениям. Они стремились использовать этот поход для преодоления внутрисполитического кризиса в Германии, для поднятия морального духа немецкого народа, обеспокоенного перспективой развязывания мировой войны, а также для разжигания у немцев шовинистических настроений и жажды реванша накануне осуществления других актов агрессии в Европе. В связи с вторжением немецких войск в Австрию Гитлер обратился с воззванием к немецкому народу, в котором пытался оправдать агрессивный акт¹. Гитлеровцы надеялись, что мощь немецкого вермахта произведет должное впечатление и на население Австрии и что поход фашистской армии выльется в своеобразный «парад цветов». Однако надежды нацистов не оправдались. Население Австрии встретило германские войска гробовым молчанием. Только в одной Вене в день вступления немецких войск 80 человек покончили жизнь самоубийством.

Во время похода на Вену раскрылась неподготовленность немецкой армии к наступательным действиям. Генерал Гудериан, командовавший танковым корпусом, принимавшим участие в оккупации Австрии, в своих мемуарах признает, что в походе на Вену происходила проверка боеспособности немецких танковых войск. По его словам, эта репетиция выявила ряд серьезных недостатков как в организации руководства, так и в вооружении германских войск. Особенно обнаружилась неподготовленность танковых войск, большая часть которых застряла на дорогах, не дойдя до Вены².

Еще более яркую характеристику состояния германских войск, вторгшихся в Австрию, дает в своих мемуарах У. Черчилль. «Германская военная машина,—

¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VI, T. 1, S. 140.

² *H. Guderian, Erinnerungen eines Soldaten*, S. 47—49.

пишет он,— тяжело прогромыхала через границу и застряла у Линца. Несмотря на превосходную погоду и хорошие условия, большая часть танков вышла из строя. Обнаружились дефекты тяжелой моторизованной артиллерии. Дорога от Линца до Вены оказалась забитой остановившимися тяжелыми машинами. Ответственность за затор, показавший, что на данном этапе своего восстановления германская армия еще не находится в полной готовности, была возложена на командующего 4-й армейской группой фаворита Гитлера генерала фон Рейхенау. Проезжая на машине через Линц, Гитлер увидел этот затор и пришел в бешенство. Легкие танки были выведены из колонны и в беспорядке вошли в Вену рано утром в воскресенье. Бронемашин и тяжелых моторизованные артиллерийские орудия были погружены на железнодорожные платформы и только благодаря этому успели к церемонии¹.

По мнению бывшего начальника генерального штаба германской армии генерала Л. Бека, Германия могла попасть в тяжелое положение, если бы ей оказали сопротивление хотя бы итальянские или чехословацкие войска (не говоря уже о французских.— *В. Ф.*). В дни «аншлюса» Бек говорил, что «он может только импровизировать и требовать инструкций на случай вступления итальянских или чехословацких войск в Австрию и собственным распоряжением сможет добавить лишь 2 армейских корпуса, танковую и ополченческую дивизию...»². Однако подобного выступления не последовало. 12 марта Гитлер направил из Линца (Австрия) еще одну благодарственную телеграмму Муссолини³.

После оккупации Австрии гитлеровцы начали насаждать в стране свой «новый порядок». Еще 11 марта в Вену прибыли статс-секретарь Кешлер, гаулейтер Бюркель и Рудольф Гесс, а на следующий день — начальник гестапо Гиммлер, начальник германской полиции Далюге, руководитель службы безопасности Гейдрих и другие, которые немедленно приступили к своей «работе». Наплыв в Австрию большого числа

¹ *W. Churchill, The Second World War, vol. I, p. 249.*

² *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab., S. 465.*

³ «*Dokumente der deutschen Politik*», Bd. VI, T. I, S. 145.

гестаповцев, а также подразделений СС свидетельствовал о том, что даже после вторжения немецко-фашистских войск гитлеровцы опасались массового выступления австрийского народа против порабощения своей страны. Это является убедительным аргументом против западногерманских фальсификаторов истории, которые в целях оправдания агрессивной политики германского империализма утверждают, что австрийский народ одобрительно относился к «аншлюсу».

Австрийские гитлеровцы, одетые в форму германских штурмовиков, а также части СС и СА, прибывшие из Германии, начали насаждать в Австрии фашистский террористический режим. Все противники «аншлюса», не успевшие эмигрировать, были арестованы.

Как сообщалось в печати, австрийский кардинал Инитцер, друг Папена, в воззвании к епископам требовал выполнять распоряжения новых властей и призывал к повиновению верующих¹. Спустя три дня, 15 марта, на встрече с Гитлером в отеле «Империал», организованной Папеном, кардинал заявил: «Я обещаю, что австрийские католики станут верными сынами немецкого народа»².

12 марта в Линце Зейсс-Инкварт заявил, что ст. 80 Версальского и ст. 88 Сен-Жерменского договоров, запрещавшие «аншлюс», утратили свою силу. 13 марта, после того как Миклас сложил с себя полномочия президента, Зейсс-Инкварт подписал «федеральный конституционный закон»³ о присоединении Австрии к Германии. Этот закон, нарушавший основные статьи австрийской конституции, вопреки воле австрийского народа объявил Австрию провинцией германской империи. На 10 апреля был назначен плебисцит по вопросу о присоединении Австрии к «рейху», который являлся очередным демагогическим маневром гитлеровцев. Проводимый в условиях жестокого фашистского террора, он должен был узаконить захват Австрии гитлеровцами и служить средством обмана общественного мнения.

¹ АВП СССР, ф. 66, оп. 21, п. 23, д. 4, л. 21.

² «Österreichische Volksstimme», 16.IV.1947.

³ «Reichsgesetzblatt», 1938, Т. I, S. 237.

Австрийская армия объявлялась составной частью германских вооруженных сил и подчинялась Гитлеру. Командующим войсками, расположенными в Австрии (немецкими и австрийскими), назначался германский генерал фон Бок. 30 других германских высших офицеров под командованием генерала Листа приступили к реорганизации австрийского бундесвера. Военнослужащие австрийской армии должны были принести присягу Гитлеру как своему верховному главнокомандующему. Увольнялись со своих постов многие австрийские чиновники, а их места занимали чиновники, присланные из Германии.

Декретом от 15 марта 1938 г., подписанным Гитлером и министром внутренних дел Фриком, в Австрии вводились германские фашистские законы, включая закон, запрещавший создание новых партий, и закон об обеспечении единства партии и государства. На министра внутренних дел Фрика была возложена задача практического обеспечения присоединения Австрии к германской империи¹. Прибывший вместе с германскими войсками в Вену министр пропаганды Геббельс создал в Вене имперское управление пропаганды, которое сразу же приступило к оболваниванию австрийского народа в духе агрессивной фашистской идеологии². Для австрийского народа наступила черная ночь фашистской реакции. 9 июля 1938 г. в Австрии был введен немецкий закон «Об организации национального труда», упразднялись профсоюзы (они заменялись фашистским «Трудовым фронтом»), запрещались стачки, удлинялся рабочий день на предприятиях.

Для полного порабощения Австрии Гитлер привлек также гаулейтера Саара Бюркеля, отличившегося при подготовке захвата этой области и введившего там фашистский «новый порядок». 25 апреля он был назначен «имперским комиссаром по воссоединению Австрии с Германией»³.

Используя методы насилия, террора, безудержной фашистской демагогии, гитлеровцы стремились герма-

¹ «Reichsgesetzblatt», 1938, Т. I, S. 249.

² Там же, S. 350.

³ «Ein Jahr nach der Ostmark Heimkehr ins Reich», S. 34.

низировать население Австрии, а ее 6,5-миллионный народ превратить в пушечное мясо для борьбы за мировое господство германского империализма. Только в первые недели оккупации в Австрии были арестованы тысячи австрийских патриотов. Гитлеровцы создали на территории Австрии концентрационные лагеря, куда ссылали лучших представителей австрийского народа.

Немецкие фашисты рассматривали захват Австрии как свою величайшую победу и торжественно отмечали это событие.

Гитлер весьма высоко ценил вклад германских дипломатов и генералов в подготовку и осуществление захвата Австрии. Папен был награжден высшей почетной наградой третьего рейха — золотым значком фашистской партии — и был принят в партию. Статс-секретарю Вейцзекеру в апреле 1938 г. был присвоен высокий эсэсовский чин обергруппенфюрера (генерала), а сменившему его на посту начальника политического отдела министерства иностранных дел Верману — чин штандартенфюрера СС. Эсэсовские чины были присвоены и другим сотрудникам германского министерства иностранных дел. Все они, в том числе Риббентроп, Вейцзекер, Верман и другие, носили эсэсовскую форму¹.

«Аншлюс» Австрии, еще ранее согласованный фашистской Германией с правящими кругами США, Англии и Франции, не встретил возражения с их стороны. 12 марта 1938 г. германский посол в США Дикгоф сделал заявление государственному секретарю США Хэллу о «мотивах» вступления германских войск в Австрию. Как доносил 13 марта Дикгоф в Берлин, Хэлл принял

¹ Вейцзекер в своих мемуарах стремится не распространяться о тех чинах и почестях, которые посыпались на него и других дипломатов после «аншлюса» Австрии в знак признания Гитлером их заслуг. Стремясь извратить эти факты, Вейцзекер пишет, что в борьбе за «сохранение мира» он должен был идти на такие жертвы, что ради этого он готов был носить не только черный мундир эсэсовца, но даже зеленый и красный мундир. *E. Weizsäcker, Erinnerungen, S. 153.*

Однако, как свидетельствуют приведенные факты, не о мире беспокоились в то время Вейцзекер, Кордт и другие германские дипломаты. Их целью было всячески содействовать выполнению агрессивной программы германского империализма.

к сведению сделанное ему сообщение о ликвидации австрийского государства. «Из нескольких вопросов, заданных мне, — продолжал Дикгоф, — стало очевидным, что Хэлл полностью понимает наши действия»¹.

Правительство Соединенных Штатов даже не заявило протеста фашистской Германии в связи с совершенным ею актом агрессии в Европе. Спустя еще три недели, 6 апреля 1938 г., посол США в Берлине Вильсон направил две ноты германскому министерству иностранных дел. В первой ноте речь шла о том, что правительство США преобразовывало свою дипломатическую миссию в Вене в генеральное консульство, а во второй под нажимом американских бизнесменов, имевших значительные капиталовложения в Австрии, оно возлагало на Германию ответственность за австрийские долги правительству и отдельным банкирам США². Однако, несмотря на то что Германия вовсе не собиралась оплачивать австрийские долги, правительство США признало факт включения Австрии в состав Германии. Подобная позиция правительства Соединенных Штатов Америки вдохновляла гитлеровцев на новые агрессивные действия в Европе.

Правительство Великобритании рассматривало «аншлюс» Австрии как один из важнейших этапов на пути достижения антисоветской сделки с гитлеровцами, как один из видов компенсации за подобный сговор. Для того чтобы замаскировать заранее подготовленную германо-английскую сделку о захвате Австрии, за день до «аншлюса» новоиспеченный германский министр иностранных дел Риббентроп был направлен в Лондон³. Он прибыл туда под видом необходимости нанести прощальные визиты английским государственным деятелям.

В действительности в беседах с Чемберленом и Галифаксом Риббентроп продолжал германо-англий-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 352.

² C. Hull, The Memoirs, vol. I, New York, p. 575.

³ В своих мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме, Риббентроп пытался доказать, что, находясь в Лондоне, он не знал о планах Гитлера в отношении Австрии и якобы услышал об этом ночью из официального сообщения по радио. *J. Ribbentropp, Zwischen London und Moskau*, S. 136.

ские переговоры, начатые еще в ноябре 1937 г. В этих переговорах важное место занял и вопрос о судьбе Австрии. Галифакс еще раз подтвердил, что Англия понимает значение австрийского и чехословацкого вопросов для Германии¹. На основе этих бесед германский министр сделал выводы, которые он изложил в письме Гитлеру от 10 марта. Риббентроп отмечал, что, по его мнению, Чемберлен и Галифакс стремятся к сотрудничеству с Германией и другими европейскими государствами, исключая Советский Союз². В этом состоял основной смысл политики правительства Великобритании в тот период.

11 марта 1938 г., в день, когда Гитлер отдавал приказ о вторжении германских войск в Австрию, в Лондоне продолжалась мирная беседа между Чемберленом, Галифаксом и Риббентропом. Будучи полностью информированы о трагическом положении Австрии, английские министры ни единым словом не выразили Риббентропу протеста или хотя бы неодобрения германских действий в Австрии.

13 марта, спустя сутки после оккупации германскими войсками Австрии, Риббентроп присутствовал на завтраке у Чемберлена³. Английский премьер говорил ему, что он направил послание Гитлеру, в котором выразил свое желание окончательно урегулировать англо-германские отношения⁴. Чемберлен заметил, что решение вопросов о национальных меньшинствах и о колониях не носит непреодолимого характера и что он признает в качестве реальности существование «оси Берлин — Рим».

Однако одно важное обстоятельство беспокоило гитлеровцев — это общественное мнение Англии, которое было чрезвычайно встревожено капитулянтской политикой правительства английских консерваторов.

¹ DBFP, Ser. III, vol. I, p. 5.

² ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 209.

³ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 224—225.

⁴ О письме Чемберлена Гитлеру упоминал также Риббентроп в своем разговоре с Герингом 13 марта 1938 г. Однако англо-американские фальсификаторы истории не приводят этого письма в публикациях документов из архива германского МИД. Не приводится оно и в публикациях английских документов.

Правительство Чемберлена действовало в соответствии с достигнутым сговором с Германией. Лишь для прикрытия своей капитулянтской политики оно совершило ряд маневров. После вторжения германских войск в Австрию английский посол в Берлине заявил протест, в котором указывал на серьезные последствия «аншлюса» Австрии. Однако в Берлине знали действительную цель этого демарша и не придавали этому серьезного значения¹.

В ноте от 13 марта 1938 г., направленной Нейратом английскому послу Гендерсону, правительство фашистской Германии категорически отклоняло этот протест. «В течение дипломатических переговоров по австрийскому вопросу, — говорилось в ноте, — германское правительство никогда не получало возражений со стороны правительства Англии о том, что форма отношений между рейхом и Австрией может рассматриваться исключительно как внутреннее дело немецкого народа»².

14 марта 1938 г. Чемберлен, выступая в палате общин, пытался опровергнуть слухи о том, что английское правительство дало согласие на захват Австрии³. После его речи ряд депутатов потребовали созыва Лиги наций. Бурные дебаты в английском парламенте закончились заявлением статс-секретаря Батлера, раскрывавшего действительные цели политики правительства Англии. «Англия, — говорил Батлер, — не брала на себя никакой особой гарантии в отношении «независимости» Австрии, которая была создана искусственным путем с помощью Сен-Жерменского договора»⁴.

Вслед за этим заявлением, явившимся фактически официальным одобрением правительством Англии германской агрессии против Австрии, последовали другие шаги. 2 апреля правительство Англии де-юре признало захват Австрии. Затем по требованию Германии английский банк передал рейхсбанку золотые слитки Австрийского национального банка весом в 22 300 кг (стоимостью в 133,5 млн. шилл.).

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 479.

² «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 64.

³ «Times», 15.III.1938.

⁴ Там же.

Гитлеровцы были довольны действиями Англии. «Мы с удовлетворением констатируем,— писал «Фёлькишер беобахтер»,— что Чемберлен сам признал «неизбежность слияния Германии и Австрии...»¹ Дирксен, характеризуя позицию английского правительства, сообщал в Берлин, что «шок, явившийся следствием присоединения Австрии, как известно, вызвал реакцию, однако он был сравнительно быстро преодолён»².

Выдавая гитлеровцам Австрию, правительство Невилля Чемберлена надеялось, что фашистская Германия сторицей вознаградит английских империалистов, направив свои бронированные полчища против страны социализма.

Однако, захватив Австрию, гитлеровцы выразительно дали понять правительству Чемберлена, что одна Австрия вовсе не удовлетворяет их чрезвычайно возросших агрессивных вожделений.

Несмотря на то что «аншлюс» Австрии подрывал систему французских военно-политических союзов и ухудшал стратегическое положение Франции, ее правящие круги продолжали капитулировать перед агрессором. 11 марта 1938 г. во время бесед с германским послом графом Вельчеком Леон Блюм, который в это время формировал новый кабинет министров, заявил, что Франция в австрийском вопросе займет такую же позицию, как и Великобритания. Линия поведения правящих кругов Франции в отношении германских притязаний к Австрии и Чехословакии была согласована с Англией в ноябре 1937 г. во время визита французских государственных деятелей Шотана и Дельбоса в Лондон. Эти переговоры не только не подтвердили широко распространявшихся в буржуазной печати слухов о предоставлении новых англо-французских гарантий Австрии, но, наоборот, оба правительства сговаривались о путях достижения сделки с фашистской Германией за счет народов Европы. Действуя в соответствии с этой договоренностью, вслед за Англией

¹ «Völkischer Beobachter», 14.IV.1938.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 151.

и США правительство Франции также одобрило «аншлюс» Австрии.

Захват Австрии фашистской Германией еще более ободрил капитулянтские элементы в правящих кругах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. За спиной своих народов они вступили в открытый сговор с правительством фашистской Германии и тем самым способствовали дальнейшему развязыванию немецко-фашистской агрессии. Так, 14 марта 1938 г. правительство Югославии, несмотря на то что «аншлюс» Австрии создал непосредственную угрозу ее независимости, заявило, что оно рассматривает присоединение Австрии как чисто внутреннее дело Германии. «Югославия, — говорилось в заявлении правительства, — находится в дружественных отношениях с Германией. Эта дружба получила теперь новую основу, когда Германия непосредственно стала соседом Югославии»¹.

В свою очередь Гитлер в речи в Граце 3 апреля 1938 г., желая усыпить бдительность народов Югославии, заявил, что Германия будет сохранять дружественные отношения с Югославией. В подтверждение сближения между правящими кликами Югославии и Германии дипломатические миссии в обеих странах были преобразованы в посольства².

В отличие от капитулянтской позиции правящих кругов США, Англии, Франции и других капиталистических стран, отказавшихся от своих обязательств в отношении независимости Австрии и выдавших ее на растерзание фашистской Германии, только Советский Союз, поддержанный всеми прогрессивными силами мира, выступил в защиту свободы и независимости Австрии³. Разоблачая захват Австрии как агрессивный акт, Советское правительство вновь выступило с призывом организовать коллективную защиту независи-

¹ «Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland», S. 70.

² Там же, стр. 71.

³ К протесту Советского Союза против «аншлюса» Австрии присоединилось лишь незначительное число других правительств, среди которых была Мексика, заявившая 19 марта в Лиге наций формальный протест.

мости стран, которым угрожала фашистская агрессия¹. Советское правительство призвало правительства европейских государств немедленно принять практические меры для обуздания агрессоров.

Однако правящие круги западных держав, несмотря на то что фашистская Германия угрожала и их жизненным интересам, оставались верными своей политике поощрения гитлеровской агрессии. Как отмечал советский делегат на пленуме Лиги наций 21 сентября 1938 г., «исчезновение австрийского государства прошло незамеченным для Лиги наций»².

4. Значение захвата Австрии для расширения германской агрессии в Европе

Захват германскими империалистами Австрии был важным этапом на пути подготовки и развязывания второй мировой войны. Этот агрессивный акт позволил гитлеровцам значительно укрепить свой военно-экономический потенциал, а также пополнить финансовые ресурсы.

Экономическое развитие Германии в течение марта—октября 1938 г. проходило под знаком освоения и приспособления к военным потребностям Германии экономических ресурсов поработенной Австрии. В 1937—начале 1938 г. «Имперское кредитное общество» Германии по заданию правительства составило специальный обзор «Экономическая мощь и современное положение Австрии», в котором содержалось подробное описание экономики Австрии, ее роли в укреплении промышленного потенциала Германии³. Задолго до «аншлюса» германские монополии, в частности концерны Тиссена, Круппа, «ИГ Фарбениндустри», «Герман Геринг», глубоко проникли в австрийскую экономику и сыграли

¹ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 105.

² «История дипломатии», т. III, стр. 619.

³ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», Berlin, 1938.

большую роль в подготовке агрессии и в порабощении Австрии.

Большую роль в составлении планов захвата австрийской промышленности и стратегического сырья и их включения в германское военное хозяйство сыграл представитель германских монополий в фашистском правительстве Кеплер. Им был составлен также план строительства предприятий концерна «Герман Геринг» на территории Австрии¹.

Германия еще в 1937 г. планировала использование в своей военной промышленности австрийского населения, особенно рабочих — металлургов и строителей. В указанном обзоре по этому поводу говорилось: «Рабочая сила... Австрии представляет собой весьма желательное дополнение в общей системе организации труда в Германии в новых границах. В первую очередь можно было бы быстро включить в производство сравнительно большое число безработных, строительных рабочих и рабочих-металлистов, учитывая явный недостаток квалифицированной рабочей силы в Германии в этих отраслях промышленности»².

Большое внимание уделялось использованию природных богатств Австрии и ее гидроресурсов. Особое внимание гитлеровцев привлекала высококачественная австрийская железная руда, особенно железорудные залежи в Штирии, разработку которых можно вести открытым способом. По официальным немецким данным, геологические запасы железных руд в Австрии оценивались в 219 млн. т с содержанием железа около 45%³. Таким образом, захват Австрии значительно увеличивал запасы железной руды в Германии.

Важнейшим предприятием по добыче железной руды в Австрии было акционерное общество «Альпине Монтан», владевшее обширными месторождениями руд. В 1937 г. 57% акций этого общества находилось в руках

¹ «Ein Jahr nach der Ostmark Heimkehr ins Reich», S. 30—31.

² «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 5.

³ «Deutschlands wirtschaftliche Entwicklung im ersten Halbjahr 1938», Berlin, 1938, S. 95.

немецких монополий, в частности концерна Тиссена¹. После «аншлюса» «Альпине Монтан» было захвачено концерном «Герман Геринг», что явилось одной из причин конфликта между Герингом и Тиссенем, приведшего в конце концов к известному разрыву последнего с Герингом и Гитлером. Концерн Геринга начал ускоренное строительство заводов в районе Зальцбурга, Линца и других пунктах. Гитлеровцы намеревались в кратчайший срок поднять в 2 раза добычу железной руды в Австрии.

Большой интерес представляли для германских империалистов австрийские залежи магнезита и графита — важнейших видов сырья для металлургической промышленности. По запасам магнезита Австрия занимала первое место в мире². В 1935 г. в стране было добыто 300 тыс. *т* магнезита. Экспорт магнезита из Австрии составил в 1937 г. 115,5 тыс. *т*³. Собственное производство магнезита в Германии было незначительным, и по снабжению этим важнейшим стратегическим сырьем Германия полностью зависела от Австрии.

В Австрии добывались также такие ценные полезные ископаемые, как цинковые, свинцовые, медные руды, серебро, нефть и др. Последнее обстоятельство особенно привлекало внимание гитлеровцев. Значительные запасы нефти были обнаружены в Австрии только в 30-х годах XX в. Если в 1936 г. в стране было добыто 8 тыс. *т* нефти, то в 1937 г. добыча нефти возросла в 4 раза и составила около 33 тыс. *т*⁴. Сразу же после захвата Австрии гитлеровцы в целях увеличения добычи нефти разработали программу нефтеразведки, буровых работ и т. д.

Высокоразвитая австрийская промышленность весьма привлекала германских империалистов. В 1937 г. в Австрии было выплавлено 385 тыс. *т* чугуна и 690 тыс. *т* стали. В стране имелась развитая машино-

¹ «Rot-Weiß-Rot Buch», S. 120.

² На втором месте находились США, где было добыто в 1935 г. 160 тыс. *т*.

³ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 7.

⁴ Там же.

строительная, электротехническая и текстильная промышленность. Однако производственная мощность австрийской машиностроительной промышленности (по немецким данным) в 1937 г. была использована лишь на 56,8%¹. Это предоставляло фашистской Германии большие возможности для увеличения военного производства.

Богатейшие гидроресурсы гористой Австрии представляли значительный интерес для военного хозяйства Германии. В 1937 г. в Австрии имелось 186 электростанций мощностью не менее 500 *квт* каждая и общей производственной мощностью в 1 136 700 *квт*². Австрия не только обеспечивала потребности страны в электроэнергии, но и в большом количестве поставляла ее за границу. В последние годы перед «аншлюсом» значительная часть австрийской электроэнергии направлялась в Германию (в 1936 г. — около 356 млн. *квт-ч*)³.

Еще до захвата Австрии гитлеровцы разработали планы как строительства новых электростанций, так и увеличения мощности работающих электростанций и присоединения австрийской электросети к германской. «...Уже разработаны обширные проекты по расширению производства, к реализации которых можно приступить немедленно, — говорилось в обзоре «Германского кредитного общества». На сегодняшний день уже имеется несколько точек включения австрийской электросети в германскую»⁴.

Ежегодная вырубка леса в Австрии составляла почти 10 млн. *куб. м*, из которых 25% шло на экспорт⁵. В 1937 г. из этого количества леса в Германию экспортировалось около 28%, в Италию — 28,4%, в Венгрию — 22,0%, в Швейцарию — 8,2%⁶. Ежегодная потребность Германии в импорте леса составляла около 10 млн. *куб. м*.

¹ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 12.

² Там же.

³ «Deutschlands wirtschaftliche Entwicklung im ersten Halbjahr 1938», Berlin, 1938, S. 95.

⁴ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 10.

⁵ Там же, стр. 16.

⁶ Там же, стр. 18.

Таким образом, Австрия могла в значительной степени покрыть потребности фашистской Германии в лесоматериалах, имеющих также важное значение в военной промышленности. В связи с этим уже сразу после «аншлюса» «Совет по лесному хозяйству Австрии» по требованию Германии издал специальное распоряжение, запрещающее экспорт леса за границу¹.

Германия захватила в Австрии весьма значительный золотой запас, который вместе с иностранной валютой составил 470 млн. шилл., что равнялось 300 млн. германских марок². Это несколько улучшило финансовое положение Германии. Но присоединение Австрии создало и ряд сложных проблем для Германии. Например, уровень цен в Австрии был на 25% ниже, чем в Германии³. Гитлеровцы решили преодолеть это затруднение, а вместе с тем и переложить некоторую часть расходов на подготовку к войне посредством обесценивания шиллинга. Соотношение германской марки к австрийскому шиллингу в марте 1938 г. было установлено в Берлине 49 : 100, в то время как прежний курс составлял 59 : 100⁴. Это была политика открытого ограбления австрийского народа германским империализмом.

Австрия имела большую иностранную задолженность. В конце 1937 г. ее долг по иностранным займам составлял 2,1 млрд. австрийских шиллингов⁵. А общая сумма государственного долга составляла на конец 1936 г. 3,2 млрд. шилл. Около $\frac{1}{3}$ иностранного долга приходилось на займы Лиги наций. Значительную часть иностранных кредитов Австрия получала от Великобритании (в том числе и через посредство Лиги наций). Доля Франции в иностранных займах составляла примерно 12%. Швейцария участвовала главным образом в финансировании австрийских промышленных предприятий. Империалисты западных держав, поощряя немецко-фашистских агрессоров, принесли им в жертву и эти миллиарды шиллингов.

¹ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 18.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 58—59.

Захват Австрии значительно увеличил долю Германии во внешней торговле стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Об этом наглядно свидетельствует следующая сравнительная таблица.

Участие Германии и Австрии в общем экспорте ряда стран (1937 г.)¹

| Страны | Доля в экспорте (в %) | | |
|------------------------|-----------------------|------------|-------------------------|
| | по Германии | по Австрии | по обеим странам вместе |
| Чехословакия | 13,7 | 7,3 | 21,0 |
| Венгрия | 24,2 | 16,9 | 41,1 |
| Югославия | 21,5 | 13,5 | 35,0 |
| Румыния | 19,7 | 6,6 | 26,3 |
| Болгария | 43,3 | 4,0 | 47,3 |

После захвата Австрии усилились также экономические связи Германии с Данией, Эстонией и другими странами.

Германо-французское соглашение от 2 августа 1938 г. включило ранее существовавший объем франко-австрийского товарооборота и платежей в сферу германо-французских экономических отношений. В связи с присоединением Австрии к Германии было пересмотрено также германо-польское экономическое соглашение. Переговоры привели к заключению нового договора, который был подписан 30 июня 1938 г. и вступил в силу 1 сентября 1938 г. В мае 1938 г. происходили германо-румынские экономические переговоры правительственных комитетов по вопросам товарооборота и платежей в связи с присоединением Австрии к Германии. В результате переговоров было решено включить объем румыно-австрийского товарооборота в план германо-румынского торгового соглашения, заключенного в декабре 1937 г.

После захвата Австрии значительно расширился германо-чехословацкий товарооборот. В апреле — мае

¹ «Das deutsche Österreich. Wirtschaftliche Kräfte und gegenwärtige Lage», S. 42.

1938 г. были урегулированы германо-венгерские торговые отношения. 7 мая 1938 г. было подписано четвертое, дополнительное германо-венгерское торговое соглашение.

Исключительно важное значение в агрессивных планах германского империализма занимали железные дороги Австрии (общая протяженность 5,8 тыс. км), по которым Германия могла осуществлять транзитные перевозки в страны Юго-Восточной Европы и поддерживать непосредственную связь со своим союзником по военному блоку Италией. Большое значение имело также то обстоятельство, что австрийские железные дороги, являвшиеся частью железнодорожной сети бывшей Австро-Венгерской монархии, непосредственно примыкали к железнодорожной сети Венгрии, Югославии, Румынии и других стран.

Правительство фашистской Германии уделяло большое внимание Дунаю, этой важнейшей транспортной артерии, связывающей Германию со странами Балканского полуострова. Разрабатывались подробные планы связи Дуная с другими реками Германии¹. Уже 26 марта 1938 г. по приказу Геринга были начаты работы по реконструкции Дуная на участке, проходящем через Австрию. Кеплер разработал проект четырехлетней реконструкции Дуная; предусматривалась реконструкция и притоков Дуная: Савы, Моравы, Прута, связывающих его с глубинными районами Юго-Восточной Европы, а также соединение Дуная каналами с Рейном, Майном, Одером, Эльбой. Практической задачей этих планов было создание прямого транспортного пути, который должен был обеспечить снабжение промышленных верхнесилезских и центральных районов Германии сельскохозяйственным сырьем из стран Юго-Восточной Европы. Реконструкция Дуная позволила бы организовать более рационально перевозки товаров, вывозимых в Германию из стран Юго-Восточной Европы.

В агрессивных планах фашистской Германии Дунай имел значение не только для экспансии в страны Юго-

¹ «Südosteuropa als wirtschaftlicher Ergänzungsraum für Deutschland», Berlin, 1939, S. 190.

Восточной Европы, но и для поддержания связей со странами Азии, для торговли с Турцией, Ираном и другими странами. В докладе «Центрально-Европейского экономического совета» от 25 октября 1939 г. говорилось: «Ориентация германской экономики на юго-восток Европы не может ограничиться только западным побережьем Черного моря. Она должна распространяться на другие страны Ближнего Востока. Для такого расширения внешней торговли необходимы пути сообщения, которым не угрожала бы военная опасность. В данном случае Дунай будет играть особую роль, поскольку он присоединится к сети водных путей Германии. Дунай может соединить с германским народным хозяйством, а также с Балтийским и Северным морями причерноморские страны. Этот путь не будет подвергаться опасностям, которые существуют в Средиземном море»¹.

Захват Австрии значительно улучшал военно-стратегическое положение Германии, что было особенно важно для подготовки агрессии против Чехословакии. Как позже признавал в одной из своих лекций начальник оперативного отдела штаба верховного главнокомандования вермахта генерал Йодль, «австрийский «аншлюс» в свою очередь привел не только к достижению нашей старой национальной цели, но также и укрепил нашу боевую силу и значительно улучшил наше стратегическое положение. До того времени территория Чехословакии вдавалась самым угрожающим образом прямо в Германию (осиная талия в направлении Франции — территория, которая могла стать воздушной базой для союзников, особенно для России). Теперь Чехословакия сама попала в клещи. Ее стратегическое положение стало таким неблагоприятным, что она должна была стать жертвой любой атаки, которая была бы энергично направлена прямо в цель и проведена до того, как могла бы прибыть эффективная помощь с Запада»². После захвата Австрии новая германская граница с Чехословакией, имевшая форму «волчьей

¹ «Südosteuropa als wirtschaftlicher Ergänzungsraum für Deutschland», S. 10.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 193.

пасти», создала весьма благоприятные условия для германской агрессии против Чехословакии.

Таким образом, в результате захвата Австрии значительно улучшилось стратегическое и экономическое положение Германии. С захватом Австрии территория Германии увеличилась на 17%, население — на 10% (на 6 713 тыс. человек), посевные площади — на 10%, промышленное производство — на 3%. Геринг в марте 1938 г. так охарактеризовал значение захвата Австрии: «Из Вены перед нами широко расстилаются юго-восток Европы и Балканы с их почти нетронутыми ресурсами». Выступая в Айзенэрце, центре австрийской горнорудной промышленности, он заявил: «Самое главное — это железо, с его помощью выковывают мечи»¹.

Сразу же после «аншлюса» на территории Австрии началась реконструкция старых и строительство новых стратегических шоссе и железных дорог, мостов, аэродромов в направлении границ Чехословакии, Югославии, Венгрии. Спустя 3 месяца после оккупации Австрии гитлеровцы издали декрет о призыве на военную службу австрийцев². В последующих актах агрессии против Чехословакии, Польши и во второй мировой войне германские империалисты полностью использовали людские и материальные ресурсы Австрии в целях осуществления своих планов установления мирового господства.

¹ К. Гофман, Экономическая подготовка германского фашизма к войне. «Большевик» № 8, 1938, стр. 70.

² «Reichsgesetzblatt», 1938, Bd. I, S. 63.

ГЕРМАНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1938 г.

1. «План Грюн». Германская «пятая колонна» в Чехословакии

Наряду с Австрией Чехословакия в этот период также занимала важнейшее место в агрессивных планах немецко-фашистского империализма. Захвату Чехословакии гитлеровцы придавали большое значение. Это объяснялось прежде всего ее стратегическим и политическим положением как естественного препятствия на пути германской экспансии в страны Юго-Восточной Европы. Еще Бисмарк говорил: «Кто властвует над Чехией, властвует над Европой». Чехословакия была связующим звеном ряда послевоенных союзов. В частности, она имела договоры о взаимопомощи с Советским Союзом и Францией, которые могли быть использованы для обуздания агрессора. Ее свободолюбивый народ, сумевший сохранить в своей стране остатки буржуазно-демократических свобод в условиях, когда почти во всех государствах Центральной и Юго-Восточной Европы были установлены фашистские и полуфашистские режимы, был полон решимости защищать свободу и независимость своей родины. Существование независимой Чехословакии создавало реальное препятствие агрессивным вождедениям германского империализма как на западе, так и на востоке Европы. Богатые природные ресурсы, а также высокоразвитая военная промышленность Чехословакии еще больше разжигали хищнические аппетиты германских империалистов.

Вскоре после «аншлюса» Австрии гитлеровцы приступают к реализации «плана Грюн» — плана захвата Чехословакии¹. Выступая в рейхстаге 18 марта 1938 г., Гитлер ни единым словом не обмолвился о гарантии независимости Чехословакии². Главный штаб верховного командования вооруженных сил Германии в ускоренном темпе пересматривал планы агрессии против Чехословакии в связи с новыми, более благоприятными условиями, возникшими после захвата Австрии.

«После «аншлюса», — писал Иодль в своем дневнике, — фюрер отметил, что... следует энергично проводить подготовку к «плану Грюн». Этот план надо будет снова пересмотреть ввиду изменившегося стратегического положения после «аншлюса». Об общем ходе подготовки было доложено фюреру 21 апреля»³.

Во время совещания Гитлера с Кейтелем 21 апреля 1938 г. речь шла об изменении директив («плана Грюн») ⁴. В задачу германской дипломатии входила изоляция Чехословакии на международной арене, привлечение союзников Германии для участия в агрессии против Чехословакии. Дипломаты должны были, как гласит запись совещания, обеспечить, «чтобы другие державы не втянулись в конфликт», а также «привлечь наших союзников»⁵.

Для прикрытия своих агрессивных действий Германия готова была пойти на чудовищную провокацию. «Молниеносные действия возможны, — говорится далее в документе, — при наличии инцидента, например

¹ Основные контуры плана агрессии против Чехословакии («операция Грюн») были изложены, как уже отмечалось, еще в секретной директиве «О единой подготовке вооруженных сил к войне», разработанной германским генеральным штабом в 1936—1937 гг.

² «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VI, 1938, S. 162.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 72, 74, 76, 77; *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 26.

⁴ Эти документы, которые тщательно подшивались адъютантом Гитлера полковником Шмундтом, были захвачены американскими войсками в погребе в Оберзальцберге, близ Берхтесгадена. Папка с этими документами на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками часто именовалась как «Большой Шмундт». ЦГАОР, ф. 7445, д. 8, л. 47, 59.

⁵ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 191—192.

убийства германского посла...»¹ Особая задача ставилась перед германской «пятой колонной». Ее деятельность должна была быть направлена на то, чтобы «государство (Чехословакия) рухнуло изнутри».

Во всех секретных документах германского верховного командования речь шла о порабощении всей Чехословакии. Вопрос об «освобождении» судетских немцев, который широко использовала германская фашистская пропаганда, являлся лишь средством для маскировки готовящейся агрессии, средством ослабления и подрыва Чехословакии. 23 ноября 1939 г., когда пожар мировой войны уже полыхал в Европе, Гитлер в речи перед своими генералами говорил: «Для меня с самого первого момента было ясно, что я не мог удовлетвориться территорией одной только Судетской области. Это было лишь частичное решение. Было принято решение двинуться в Богемию»².

Воспользовавшись тем, что довоенная Чехословакия представляла собой многонациональное государство³, гитлеровцы стремились натравить друг на друга населяющие ее народы, перессорить их, а затем по частям поработить. Прежде всего они использовали то обстоятельство, что на территории Чехословакии проживала значительная группа немецкого населения. Гитлеровцы уже с момента возникновения своей партии начали насаждать расистскую идеологию среди немецкого национального меньшинства в Чехословакии. Они создали в северо-западных пограничных районах страны, в Судетской области, филиал германской фашистской партии.

Установление гитлеровской диктатуры в Германии привело к оживлению фашистских элементов в Чехословакии, которые стали выступать в поддержку требований гитлеровцев об объединении всех немцев в «Великую Германию». В своей демагогической пропаганде фашисты широко использовали ухудшение материаль-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 191—192.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 318.

³ Кроме чехов и словаков в Чехословакии проживало более 3 млн. немцев, более 700 тыс. венгров, 500 тыс. украинцев, 100 тыс. поляков. См. *И. Гаек*, Мюнхен, М., 1960, стр. 35.

ного положения трудящихся немцев Судетской области, вызванное последствиями мирового экономического кризиса, а также шовинистическую политику правящей чешской буржуазии.

В октябре 1933 г. в связи с разоблачением заговора судето-немецких фашистов против чехословацкого государства их партия была запрещена. Однако, пользуясь попустительством властей, она продолжала действовать в подполье. Один из лидеров судето-немецких фашистов, Конрад Генлейн, возглавлял легальную фашистскую организацию, скрывавшуюся под именем «судето-немецкого отечественного фронта», затем «фольк-спорта» и других спортивных товариществ и организаций молодежи¹. В 1935 г. по указанию из Берлина он воссоздает судето-немецкую фашистскую партию (СНП) и становится ее «фюрером». Судето-немецкие фашисты (генлейновцы), выступавшие под флагом антикоммунизма, получают поддержку не только со стороны фашистской Германии, но также со стороны реакционных кругов чешской и словацкой буржуазии. Используя националистическую и социальную демагогию, политику террора, генлейновцы смогли вовлечь в ряды своей партии значительные группы немецкого населения.

Тысячи генлейновцев направлялись в Германию на всевозможные фашистские сборища и под видом участия в германских национальных празднествах, ярмарках, фестивалях, спортивных соревнованиях подвергались усиленной идеологической обработке и готовились к подрывной деятельности².

В каждом районе Судетской области они составляли списки немецких демократов, антифашистов, в первую очередь коммунистов, с целью их последующего уничтожения. Агенты германского гестапо с помощью генлейновцев наводняли пограничные районы Чехословакии.

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 283—284.

² В настоящее время многие буржуазные историки, стремясь оправдать современных германских реваншистов, утверждают, что генлейновское движение до 1938 г. не было фашистским и не было связано с гитлеровской Германией, а являлось обычным буржуазным национальным движением. В. Celovsky, *Das Münchener Abkommen von 1938*, Stuttgart, 1958, S. 117.

Они похищали и увозили в Германию, в застенки гестапо, чешских патриотов и немецких антифашистов. Используя методы террора и социальной демагогии, генлейновцы на выборах в чехословацкий парламент в 1935 г. получили 44 мандата¹.

После подписания чехословацко-советского пакта о взаимопомощи 16 мая 1935 г. генлейновцы активно включаются в античехословацкую кампанию, проводимую Геббельсом как по германскому радио, в прессе, так и через посредство многочисленных листовок, которыми наводнялась Чехословакия. Вслед за Геббельсом генлейновцы, нападая на буржуазно-парламентарный режим в Чехословакии, называли ее «гнездом большевизма», распространяли лживые измышления о нахождении советских воинских частей на ее территории. Гитлеровцы использовали судето-немецких фашистов для подрыва складывавшейся системы коллективной безопасности в Европе, для срыва франко-советского и чехословацко-советского пактов. В существовании этих пактов они видели главное препятствие для осуществления своего плана агрессии против Чехословакии.

По указанию из Берлина генлейновцы стремятся превратить вопрос о положении немецкого национального меньшинства в Чехословакии из чисто внутренней проблемы в международную². В ноябре 1937 г. Генлейн писал Гитлеру, что его партия в действительности выступает за включение не только Судетов, но и всей остальной Чехословакии в состав Германии. Однако она не может открыто заявить о своей приверженности к фашистской Германии по чисто тактическим соображениям в связи с наличием в Чехословакии буржуазно-демократического строя³.

С 1935 г. генлейновское движение щедро финансировалось гитлеровцами⁴. Германское министерство иност-

¹ *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 113.*

² См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», М., 1960, стр. 446—448.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 23.

⁴ Об этом красноречиво свидетельствует меморандум генлейновской партии от 19 августа 1938 г., подписанный сотрудником германского МИД Верманом, в котором она требовала дополни-

ранных дел не было единственной организацией, оказывавшей материальную поддержку генлейновцам. Огромную финансовую помощь они получали также от германской фашистской партии и немецких монополий. Бывший американский консул в Вене Мессершмитт в своем заявлении Нюрнбергскому трибуналу говорил, что генлейновцы получили от гитлеровской фашистской партии только на проведение выборов в 1935 г. 6 млн. марок¹.

По согласованию с правительством фашистской Германии Генлейн, а также его доверенные лица в 1935—1938 гг. выезжали в Англию, где встречались с Черчиллем, Ванситтартом, Арчибальдом Синклером и другими руководящими деятелями². Они распространяли демагогические версии об угнетении немецкого национального меньшинства и добивались вмешательства Англии во внутренние дела Чехословакии. Стремясь использовать антисоветские настроения английских правящих кругов, Генлейн запугивал их опасностью распространения большевизма в Чехословакии. Если бы не судето-немецкая партия, заявлял Генлейн, то Чехословакия превратилась бы во вторую Испанию. Генлейновцы наводняли также Совет Лиги наций меморандумами, провокационными жалобами о мнимых преследованиях немецкого национального меньшинства и просьбами о вмешательстве во внутренние дела Чехословакии.

Во время одного из визитов Генлейна в Лондон (9 ноября 1937 г.) заместитель министра иностранных дел Англии лорд Ванситтарт выразил согласие поддерживать требование генлейновцев об автономии Судетской области Чехословакии³.

После известного совещания в ставке Гитлера 5 ноября 1937 г. и визита Галифакса в Берлин, где

тельных средств для организации подрывной деятельности в Чехословакии. См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 289—290.

¹ См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 385.

² См. там же, стр. 394.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 26.

были разработаны и согласованы германские планы агрессии против Австрии, Чехословакии и Польши, фашистская Германия с помощью своей «пятой колонны» искусственно превращает вопрос о судетских немцах в один из важнейших вопросов международных отношений, в сильнейший инструмент подрывной деятельности своей дипломатии.

Уже 11 марта 1938 г. заместитель Генлейна К. Франк имел беседу с германским посланником в Чехословакии Эйзенлором о дальнейшей тактике. Затем для получения новых указаний он выезжал в Берлин¹. 16 марта 1938 г. Эйзенлор принял Генлейна и К. Франка и заявил им, что впредь любые их действия должны быть одобрены германским посольством в Праге, а все указания посольства должны ими выполняться беспрекословно². И Генлейн верноподданнически писал Гитлеру: «Мы хотим проявить и показать фюреру нашу благодарность тем, что удвоим наши усилия и нашу верную службу политике великой Германии»³.

В конце марта 1938 г. Генлейн и К. Франк срочно были вызваны в Берлин. 28 марта в имперской канцелярии их принял Гитлер. В совещании участвовали также Гесс, Риббентроп и обергруппенфюрер СС Лоренц. В беседе, продолжавшейся более трех часов, Гитлер заявил своим судетским агентам, что он намерен в ближайшее время решить чехословацкий вопрос. «Я полностью поддерживаю Вас, — говорил фашистский «фюрер» Генлейну. — Вы скоро будете моим штатгальтером (в Чехословакии. — В. Ф.)»⁴. На этом совещании была разработана конкретная программа действий. Гитлер поручил Генлейну от имени немецкого населения Судетской области предъявить чехословацкому правительству такие требования, которые оно, несмотря на свою капитулянтскую политику, не смогло бы удовлетворить. Далее Гитлер заявил, что генлейновцы должны создавать видимость, что они действуют «само-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 79.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 286—287.

³ Там же, стр. 287.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 152.

стоятельно», но в действительности поддерживать тесный контакт с Германией¹.

На следующий день, 29 марта 1938 г., в министерстве иностранных дел Германии под председательством Риббентропа состоялось расширенное совещание по так называемому судето-немецкому вопросу. В нем принимали участие от министерства иностранных дел статс-секретарь Макензен, Вейцекер и германский посланник в Праге Эйзенлор, а также другие сотрудники министерства: С. Твардовский, Альтенбург, Э. Кордт. От центрального бюро «Фольксдейче» в совещании участвовали обергруппенфюрер СС Лоренц и профессор Гаусгофер, от судетских фашистов — К. Генлейн, К. Франк, Кюнцель, Крейсль². Риббентроп заверил генлейновцев в поддержке со стороны Германии. Он предложил им составить «программу максимум» требований к чехословацкому правительству, которая «в качестве конечной цели гарантировала бы судетским немцам полную свободу»³. Это означало не что иное, как отделение Судетской области от Чехословакии, как первый этап полной ликвидации чехословацкого государства. Затем на совещании были изложены и в принципе одобрены требования, которые фашистская судето-немецкая партия должна была предъявить правительству Чехословакии.

Генлейну было предложено в дальнейшем находиться в тесном контакте с министром иностранных дел Германии, с руководителем центрального бюро «Фольксдейче» и с немецким посланником в Праге. В задачу последнего также входило «не официально, а в частных разговорах с чехословацкими государственными деятелями поддерживать требования судето-немецкой партии»⁴.

По указанию фашистской Германии в феврале 1938 г. состоялось совещание руководителей судето-немецкой и словацкой клерикально-фашистской «народной» пар-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 152.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 114.

³ Там же, стр. 109.

⁴ Там же, стр. 110—111.

тий, где была достигнута договоренность о координации действий по подрыву Чехословацкого государства¹.

Генлейновцы налаживают также контакт с венгерскими и польскими фашистами в Чехословакии. 29 марта вслед за немецкими и словацкими фашистами в чехословацком парламенте с требованием автономии уже выступали польские и венгерские фашисты. Польские фашисты создают так называемый польский фронт, деятельность которого инспирировалась польским министром иностранных дел полковником Бекем².

В этих согласованных выступлениях фашистских элементов была ясно видна направляющая рука гитлеровской Германии, которая использовала их для подрыва единства и ослабления Чехословакии. Однако основной ударной силой фашистской Германии против Чехословакии на данном этапе являлась судето-немецкая фашистская партия. В конце марта 1938 г. все буржуазные партии и группы, объединявшие немецкое население Судетской области, присоединились к фашистской партии Генлейна. В открытый сговор с генлейновцами вступили и лидеры немецкой социал-демократической партии в Судетской области³. 2 апреля 1938 г. состоялись переговоры представителя немецкой социал-демократической партии Судетской области Якша с одним из лидеров партии генлейновцев, Кундтом, во время которых речь шла о слиянии этих партий⁴. Лишь только протест рабочих-антифашистов, членов социал-демократической партии, помешал заключению этой позорной сделки.

Наглость генлейновцев, инспирируемых фашистской Германией, непрерывно возрастала. Для того чтобы развязать себе руки в подрывной деятельности против Чехословакии, генлейновцы в марте отозвали из парламента своих последних представителей⁵. После захвата Австрии генлейновцы совместно с германскими

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 297.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 163.

³ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», Berlin, 1959, S. 201—214.

⁴ Там же.

⁵ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 166.

войсками провоцировали многочисленные пограничные конфликты. Запугивая население Судетской области, они распространяли слухи о германском ультиматуме Чехословакии, о концентрации немецких войск на чехословацкой границе. Немецко-фашистская пресса в Судетской области предупреждала об ужасных последствиях для лиц, которые не имеют партийного билета члена судето-немецкой фашистской партии, о составлении списков лиц, подлежащих аресту, о подготовке концентрационных лагерей и т. д. 27 марта 1938 г. в ряде населенных пунктов Судетской области происходили собрания фашистов¹. На многих зданиях были вывешены флаги с изображением фашистской свастики. Генлейновцы начали вооружать своих членов, одевать их в специальную форму. В Судетскую область прибывали транспорты, нагруженные оружием, фашистскими флагами и пропагандистской литературой. В начале апреля, накануне проведения гитлеровцами фальсифицированного плебисцита в оккупированной Австрии, положение в Судетской области еще более обострилось.

23 и 24 апреля 1938 г. на съезде судето-немецкой партии в Карловых Варах Генлейн в соответствии с инструкциями, полученными из Берлина, выдвинул свои требования в виде так называемой Карловарской программы, состоявшей из 8 пунктов². Эта программа была предварительно согласована им с министерством иностранных дел фашистской Германии.

Главным пунктом этой программы было требование предоставления автономии Судетской области и полной свободы «немецкого мировоззрения», т. е. нацизма. Программа требовала «коренной реконструкции» всего Чехословацкого государства посредством превращения его в некое аморфное объединение трех государств (чехов, словаков, немцев). В Карловарской программе содержался также ряд других требований, выполнение которых должно было привести к созданию внутри Чехословакии автономного немецко-фашистского государства, ликвидации буржуазно-парламентарного

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 167.

² Там же, стр. 191—192.

строю, разрыву договора с СССР, полному ослаблению всей Чехословакии, которая должна была стать легкой добычей немецко-фашистских агрессоров.

В течение лета 1938 г. Карловарская программа составляла основу требований, удовлетворения которых добивались генлейновцы. Эту программу всячески поддерживала фашистская Германия. 23 апреля, в дни работы съезда генлейновцев, германский посланник в Праге Эйзенлор в специальной телеграмме просил Риббентропа, чтобы речь Генлейна, в которой была сформулирована Карловарская программа, была передана по германскому радио¹.

После съезда партии, в мае 1938 г., генлейновцы еще более усиливают подрывную деятельность против Чехословакии. 7 мая Эйзенлор доносил в Берлин о чрезвычайном обострении обстановки в Судетской области². Все эти факты свидетельствовали о том, что фашистская Германия приступила к реализации плана захвата Чехословакии.

2. Политика сговора правящих кругов Чехословакии с фашистским агрессором

Подготовка фашистской агрессии против Чехословакии в значительной степени облегчалась антинародной политикой правящей чехословацкой буржуазии и крупных аграриев. Несмотря на то что приход Гитлера к власти, открыто провозгласившего в своей программе агрессию на Восток, создал смертельную угрозу национальному суверенитету Чехословакии, ее правящие круги надеялись сохранить свое политическое господство в стране посредством поддержки политики западных держав, поощрявших немецко-фашистскую агрессию против Советского Союза, а также путем заключения непосредственной сделки с германским империализмом.

В 30-х годах происходило укрепление связей чехословацкого капитала с международными монополисти-

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. I, S. 21.*

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 192.

ческими объединениями, прежде всего с англо-франко-американскими. Но после установления фашистской диктатуры германский империализм усиливает экспансию в страны Юго-Восточной Европы и начинает вытеснять англо-франко-американский капитал из Чехословакии. Германские концерны и банки «ИГ Фарбениндустри», «Дрезденский банк», «Бёрзен концерн», явившиеся главными вдохновителями фашистской агрессии против Австрии и Чехословакии, пытаются захватить в свои руки чехословацкие промышленные предприятия, усиленно скупают ценные бумаги чехословацких акционерных обществ. Установив тесную связь с ведущими чешскими банками и концернами, они оказывали большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику Чехословакии.

В 30-е годы в монополистических кругах чехословацкой буржуазии определяются две группировки с различной внешнеполитической ориентацией на блоки империалистических держав, складывающиеся в Европе. Одна группа монополистической буржуазии была тесно связана с англо-франко-американским капиталом, представители которой в чехословацком правительстве (Масарик, Бенеш, Крощта) следовали в фарватере политики западных держав, политики поощрения фашистской агрессии против Советского Союза.

Однако все более значительное влияние на внешнеполитический курс чехословацкого правительства в 1935—1936 гг. начала оказывать другая группировка буржуазии, связанная с германскими монополиями, которая была представлена крупнейшими чехословацкими банками Аграрным и Живностенским¹. Президент Живностенского банка, контролировавшего свыше 70 акционерных обществ страны, Ярослав Прейс являлся одновременно вице-президентом многих международных концернов, а также председателем центрального объединения чехословацких промышленников².

¹ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 167—169; R. Wagner, Panství kapitalistických monopolů v Československu, Praha, 1958, str. 75.

² H. Königer, Der Weg nach München, Berlin, 1958, S. 75.

Живностенский банк, контролировавший чехословацкую тяжелую промышленность, являлся одним из главных инициаторов сближения с фашистской Германией. Другой представитель этой группы монополистов, владелец всемирно известного обувного концерна, Батя, друг нациста № 2 Геринга, также был активным поборником ориентации Чехословакии на Германию.

К этой группировке принадлежали и представители чехословацкой крупной буржуазии, связанные с сельскохозяйственным производством, с Аграрным банком, аграрной партией (лидеры Беран, Годжа), которые стремились получить доступ на внутренний рынок Германии. Лидеры аграрной партии, возглавлявшие почти все правительства буржуазной Чехословакии, являлись сторонниками фашизации политической жизни страны и выступали за сближение с Германией.

Установление гитлеровского режима в Германии явилось сигналом для оживления фашистского движения в Чехословакии, для усиления фашистских тенденций в ведущих буржуазных партиях¹.

Однако на выборах в Национальное собрание Чехословакии в мае 1935 г. чехословацкие фашисты, надеяв-

¹ После 1933 г. в этих старых буржуазных партиях усиливается влияние реакционных элементов (Берана — в аграрной партии, Крамаржа и Годача — в народно-демократической партии и т. д.), относившихся с нескрываемой симпатией к фашистскому режиму в Германии. Кроме того, активизируется деятельность открыто фашистских партий, которые до 1933 г. имели незначительное влияние в Чехословакии. Главными представителями чехословацкого фашизма являлись Гайда — лидер «национально-фашистского объединения», которое имело немецкую и венгерскую секции; Стршибрный — лидер фашистской «национальной лиги» (проитальянской ориентации).

Чехословацкие фашисты пытались укрепить свои позиции в массовой спортивной организации «Сокол» (объединившей 580 тыс. членов), в католическом спортивном «Орле», а также в некоторых профсоюзных объединениях. Оживилась деятельность фашистских элементов в национальных окраинах Чехословакии (среди судетских немцев — генлейновцы, в Словакии — людяки, возглавляемые Глинкой). Подняли голову инспирируемые Германией и Италией фашистские элементы среди венгерского, польского и украинского национальных меньшинств. См. *С. И. Прасолов*, Чехословакия в годы угрозы фашизма и гитлеровской агрессии. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VII, М., 1953, стр. 51.

шиеся завоевать большинство депутатских мест, потерпели сокрушительное поражение. Коммунистическая партия, разоблачавшая гибельную для страны антинациональную политику чехословацкой буржуазии, выступавшая за установление дружественных отношений с СССР, одержала на выборах внушительную победу, получив более 850 тыс. голосов.

Мощное антифашистское движение, развернувшееся в 1934—1935 гг. в Европе и в самой Чехословакии, растущая экономическая и политическая мощь Советского Союза и его авторитет на международной арене вынудили и правящие круги Чехословакии, несмотря на их классовую ненависть к социализму, искать сближения с СССР. Внешнеполитическая необходимость, как подчеркивала КПЧ, «заставляла чехословацкую буржуазию искать дорожку к Советскому Союзу». В сближении с СССР чехословацкая буржуазия была заинтересована и в связи с экономическими затруднениями, вызванными экономическим кризисом и последовавшей за ним депрессией.

9 июня 1934 г. Чехословакия установила дипломатические отношения с СССР¹. Вслед за Францией, которая 2 мая 1935 г. подписала договор о взаимопомощи с Советским Союзом, аналогичный договор 16 мая подписала и Чехословакия. По настоянию чехословацкой стороны в п. 2 договора была внесена оговорка, гласящая, что «оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь Стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции»². Эта оговорка была сделана чехословацким правительством для того, чтобы снять с себя обвинения в «сближении» с Советским Союзом. В связи с этим Бенеш сообщал в Берлин 1 июня 1935 г., что его стараниями действие

¹ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. III, М., 1945, стр. 721—722. Из государств Малой Антанты только Югославия продолжала отказываться от установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

² «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, М., 1946, стр. 39.

чехословацко-советского пакта лишено автоматического характера и зависит от Франции.

Несмотря на эту оговорку, заключением этих договоров создавался трехсторонний союз европейских государств, который мог стать основой внешней политики Чехословакии, гарантией ее безопасности перед угрозой немецко-фашистской агрессии.

Однако, заключая этот договор, правящие круги Чехословакии преследовали иные цели. Сразу же после подписания советско-чехословацкого договора по указанию министра иностранных дел Бенеша его заместитель Крофта направил представителю Чехословакии в Берлине директиву, в которой предлагал убедить главарей фашистской Германии, что «этот пакт не означает, что мы хотим изменить направление своей политики с западного на восточное»¹. Последующими действиями правительство буржуазной Чехословакии еще более выдало свое неискреннее отношение к пакту с Советским Союзом.

С момента установления фашистской диктатуры в Германии Гитлер, следуя иезуитской тактике разделения своих противников, чтобы затем бить их поодиночке, стремился разрушить внешнеполитические союзы Чехословакии и вовлечь ее в русло своей политики. Бенеш в новогоднем выступлении по лондонскому радио в 1941 г. признал, что во время секретных переговоров с фашистской Германией в 1934—1937 гг. Гитлер трижды предлагал ему заключить германо-чехословацкий пакт наподобие германо-польского пакта 1934 г.² Правда, Бенеш пытался доказать, что он отрицательно отнесся к предложению Гитлера.

Однако исторические факты свидетельствуют о том, что Бенеш, Годжа, Крофта и другие деятели правящего лагеря буржуазной Чехословакии не только не были противниками подобной сделки с фашистской Германией, но зачастую сами выступали в роли ее инициаторов. В ноябре 1936 г., во время переговоров в Берлине, австрийский министр иностранных дел Г. Шмидт

¹ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 366.

² E. Beneš, Pameti, str. 25.

говорил Гитлеру, что он был уполномочен чехословацкими государственными деятелями прозондировать в Берлине вопрос о возможности чехословацко-германского сближения¹.

13 ноября 1936 г. представители правительства фашистской Германии граф Траутмансдорф и доктор Гаусгофер прибыли в Прагу², где сразу же согласно предварительной секретной договоренности были приняты Бенешем. Как признавал Бенеш в своих мемуарах, посланцы Гитлера предложили ему подписать декларацию или пакт, подобный германо-польскому пакту, который бы поставил отношения между двумя странами на совершенно новую основу³.

Несмотря на то что это предложение правительства фашистской Германии было непосредственно направлено на подрыв чехословацко-советского договора и на вовлечение Чехословакии в русло агрессивной политики гитлеровцев, оно не встретило отрицательного отношения со стороны Бенеша⁴.

Более детально предложение фашистской Германии о заключении пакта обсуждалось спустя месяц, 18 декабря 1936 г., во время второго визита гитлеровских эмиссаров в Прагу. Их беседа с Бенешем продолжалась в весьма дружественной обстановке семь часов⁵. Обсуждению подверглись важнейшие экономические и политические проблемы германо-чехословацких отношений. Бенеш выразил пожелание расширить экономические связи Чехословакии с Германией⁶. Он настойчиво подчеркивал антисоветский характер подготавливаемой германо-чехословацкой сделки⁷.

¹ *И. Гаек*, Мюнхен, стр. 50.

² Граф Траутмансдорф после войны являлся сотрудником ведомства печати и информации правительства ФРГ в Бонне. Доктор Гаусгофер — сын известного фашистского идеолога геополитики профессора генерала К. Гаусгофера. *В. Celovsky*, *Das Münchener Abkommen von 1938*, S. 78.

³ *Е. Beneš*, *Pameti*, str. 27.

⁴ *В. Celovsky*, *Das Münchener Abkommen von 1938*, S. 88.

⁵ *Е. Beneš*, *Pameti*, str. 28.

⁶ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 436; *И. Гаек*, Мюнхен, стр. 51—52.

⁷ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 436. Следует отметить, что Бенеш в мемуарах не приводит подроб-

Затем по просьбе посланцев Гитлера Бенеш составил и направил в Берлин проект чехословацко-германского пакта, основные идеи которого были согласованы с фашистской Германией во время визита эмиссаров Гитлера в Прагу. Однако в дальнейшем, несмотря на неоднократные напоминания Бенеша правительству Германии о проекте договора, гитлеровцы больше не проявляли инициативы в возобновлении переговоров по этому вопросу. Дипломатический зондаж фашистских дипломатов в Праге завершился полным успехом. Они установили, что чехословацкое правительство не придавало серьезного значения договору с Советским Союзом и что оно готово было в любое время променять его на соглашение с фашистской Германией.

Хотя чехословацко-германский пакт и не был подписан, однако между правительствами Чехословакии и фашистской Германии установилось тесное сотрудничество. В соответствии с достигнутой между двумя правительствами договоренностью 21 апреля 1937 г. представители министерства внутренних дел и полиции Чехословакии выезжали в Берлин для практической разработки совместно с гестапо мер борьбы против «террористических действий», т. е. против деятельности антифашистов, и обмена взаимной информацией¹. Вслед за тем чехословацкое правительство отказалось ратифицировать конвенцию о предоставлении убежища антифашистской эмиграции, принятую Лигой наций², и усилило преследования антифашистов внутри страны.

В 1937 — начале 1938 г. усиливается нажим фашистской Германии на Чехословакию и по дипломатической линии. Германия всячески раздувала провоцируемые генлейновцами конфликты с чехословацким правительством и использовала их для давления на Чехословакию. В октябре 1937 г. германский посланник в Праге

ностей этих переговоров, разоблачающих его как одного из участников тайногоговора с фашистской Германией.

¹ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 437—438.

² С. И. Прасолов, Чехословакия в годы угрозы фашизма и гитлеровской агрессии. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. VII, М., 1953, стр. 131.

Эйзенлор имел ряд бесед с министром иностранных дел Крофтой по вопросу о «притеснении немцев в Чехословакии»¹. 8 ноября 1937 г., т. е. спустя три дня после известного совещания в ставке Гитлера, где был утвержден план агрессии против Австрии и Чехословакии, в Берлине по поручению Риббентропа состоялась беседа статс-секретаря германского министерства иностранных дел Макензена с чехословацким посланником Мастны.

Мастны по поручению правительства убеждал гитлеровцев в том, что они преувеличивают значение советско-чехословацкого договора и его влияние на внешнюю политику Чехословакии. «Отношения Чехословакии с Москвой,— говорил Мастны,— не так тесны, как это может показаться»². Эта беседа являлась своеобразной подготовкой к переговорам германского посланника в Праге Эйзенлора с президентом Бенешем.

Бенеш еще категоричнее, чем Мастны, подчеркнул формальное значение пакта с Советским Союзом. В беседе с Эйзенлором президент заявил, что правительство Чехословакии не рассматривает этот пакт в качестве опоры своей внешней политики³. Вместе с тем он выразил готовность пойти на далеко идущую сделку с фашистской Германией. Как сообщал немецкий посланник, Бенеш клятвенно заверял, что в своей внешнеполитической деятельности «он не поддерживал ни одной кампании против режима, существующего у нас (в Германии.— *В. Ф.*)»⁴.

Что же касается пакта с Францией и СССР, то Бенеш вынужден был заявить, что «не может от него отказаться»⁵. Президент понимал, что ликвидировать пакт с Советским Союзом он был не в силах, так как чехословацкий народ, который видел в социалистическом государстве свою основную опору в борьбе против фашистской агрессии, не позволил бы ему совершить подобное преступление.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 18, 21, 22.

² Там же, стр. 30.

³ Там же, стр. 31.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В заключение беседы Эйзенлор отмечал, что Германия будет стремиться к тому, «чтобы союз Чехословакии с СССР и Францией потерял всякое значение, как это случилось с франко-польским союзом»¹.

Подытоживая развитие германо-чехословацких отношений, он 14 ноября 1938 г. с удовлетворением сообщал в Берлин, что лидеры аграрной партии подвергают сильным нападкам внешнеполитические соглашения Чехословакии, в частности ее договоры с Советским Союзом, Францией и Малой Антантой². Эйзенлор отмечал также, что и само правительство Чехословакии не придает серьезного значения договору с СССР.

Усиливая дипломатический нажим на Чехословакию, гитлеровцы по-прежнему опирались на свою фашистскую «пятую колонну». 1-го, а затем 11 апреля 1938 г. премьер-министр Чехословакии Годжа принял представителей судетско-немецкой фашистской партии, которые предъявили ему свою Карловарскую программу и потребовали ее выполнения³. В то же время министерство пропаганды фашистской Германии начало активную кампанию в поддержку требований генлейновской партии — так называемую войну нервов⁴.

С этого времени правительство Чехословакии делает ряд уступок генлейновцам и стоящей за ними фашистской Германии, фактически капитулируя перед их все возрастающими требованиями. Еще 19 марта было издано распоряжение правительства о пропорциональном (национальном) представительстве немецких чиновников в государственных учреждениях Судетской области⁵, о политической амнистии для 1200 судетских немцев, осужденных за террористическую деятельность и другие политические преступления. 18 мая чехословацкое правительство начало переговоры с генлейновцами о так называемом новом статуте национальностей⁶.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 85.

² Там же, стр. 79.

³ Там же, стр. 121.

⁴ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 48.

⁵ *B. Celovsky*, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 107.

⁶ Там же.

Выполняя указания фашистской Германии, генлейновцы по мере капитуляции чехословацкого правительства выдвигали все более наглые требования. Они не были заинтересованы в достижении соглашения. Их цель состояла в том, чтобы использовать эти переговоры для обострения германо-чехословацких отношений, доказать невозможность договориться с Чехословакией и создать предлог для вооруженного вмешательства фашистской Германии.

Продолжая идти по пути капитуляции, сговора с германским фашизмом, правительство Чехословакии оказало также моральную поддержку другому агрессору — фашистской Италии. 14 апреля 1938 г. оно аккредитовало своего посланника в Риме фашиста Хвалковского как представителя при «короле Италии и императоре Абиссинии» и тем самым официально признало захват Абиссинии фашистской Италией. Правительство Чехословакии также полуофициально признало мятежного фашистского генерала Франко «правителем» Испании. Так своей антинациональной политикой сговора с фашистскими агрессорами и их пособниками правящие круги чехословацкой буржуазии и аграриев сыграли большую роль в подготовке немецко-фашистской агрессии.

3. Усиление англо-французского нажима на Чехословакию. Борьба Советского Союза за отпор агрессору

Политика правительства Англии, Франции и США после «аншлюса» Австрии являлась продолжением и дальнейшим развитием политики сговора с германским империализмом. Эта политика являлась важнейшим фактором, обеспечившим фашистской Германии благоприятные внешнеполитические условия для подготовки агрессии против Чехословакии.

Как сообщал в Прагу 4 марта 1938 г. чехословацкий посланник в Париже Осуский, после захвата Австрии значительные группы в правящих кругах Франции выступают «за переориентацию французской политики», за отказ от выполнения Францией своих обязательств

по договору с Советским Союзом и Чехословакией¹.

Не менее провокационной была и политика Великобритании. В ответ на запрос французского правительства о позиции Англии в случае германской агрессии против Чехословакии 22 марта 1938 г. Галифакс сообщил, что Англия не имеет в отношении Чехословакии никаких обязательств, кроме устава Лиги наций, и что состояние английских вооруженных сил не позволит ей вступить в вооруженный конфликт с Германией². Спустя два дня, 24 марта, это заявление Галифакса было подтверждено в выступлении Чемберлена в парламенте³.

Между тем во второй половине апреля германо-чехословацкие отношения еще больше обострились; генлейновцы после провозглашения своей Карловарской программы усиленно готовили вооруженный путч, фашистская Германия завершала подготовку вооруженного нападения на Чехословакию. В то же время во всем мире ширилось движение антифашистско-демократических сил, вдохновляемое миролюбивой политикой Советского Союза, направленное на обуздание агрессоров. В самой Чехословакии нарастало движение протеста народных масс, руководимых коммунистами, против капитулянтской политики правительства.

Указанные обстоятельства и побудили силы международной империалистической реакции поторопиться с реализацией плана преступного заговора против чехословацкого народа. 28—29 апреля 1938 г. в Лондоне состоялась англо-французская конференция по чехословацкому вопросу, которая обсуждала меры по устранению англо-французских противоречий, затруднявших выработку единой линии их антисоветской политики. Участники империалистического сговора договорились оказать совместный нажим на Чехословакию,

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 77.

² DBFP, Ser. III, vol. I, p. 106.

³ Там же, стр. 191.

с тем чтобы добиться от нее максимальных уступок в удовлетворении требований генлейновцев¹.

Гитлеровские дипломаты тщательно изучали отношение правительств Англии и Франции к франко-советскому и чехословацко-советскому пактам, представлявшим серьезное препятствие для агрессивных планов гитлеровцев. Фашистские дипломаты с удовлетворением отмечали, что Галифакс даже не счел необходимым информировать советского посла в Англии об итогах Лондонской конференции. Как доносил Т. Кордт в Берлин, ему стало известно из французских источников, что Англия и Франция «отдалили» (*distanzieren*) себя от франко-советского пакта².

После Лондонской конференции начался новый этап политики поощрения германской агрессии. Усилился англо-французский и американский нажим на Прагу, бесцеремонное вмешательство правительств западных империалистических держав в ее внутренние дела, с одной стороны, и античехословацкие провокации обнаглевших гитлеровцев — с другой.

Ободренные итогами Лондонской конференции гитлеровцы предпринимают новые шаги в осуществлении своего агрессивного плана. Лидер судето-немецких фашистов Генлейн снова направился с неофициальным визитом в Лондон для согласования германских планов с правительством английских консерваторов. Перед отъездом в Англию 12 мая в Берлине он был принят Риббентропом, который в последний раз проинструктировал его³. Как отмечал Вейцзекер в своей памятной записке, составленной после этой беседы, «Генлейн в Лондоне будет действовать по указанию Берлина»⁴.

Визит Генлейна в Лондон сыграл немалую роль для введения в заблуждение общественного мнения и создания иллюзии о возможности мирного разрешения германо-чехословацкого конфликта.

¹ DBFP, ser. III, vol. I, p. 213; *B. Celovsky*, *Das Münchener Abkommen von 1938*, S. 188, 189.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 18.

³ Там же.

⁴ Там же.

Но если фашистская Германия была уверена в позиции Англии, Франции и США, которые своими действиями в течение ряда лет способствовали разворачиванию немецко-фашистской агрессии, то позиция СССР вызвала большую тревогу у гитлеровцев. Советский Союз являлся единственной державой, которая в сложных условиях, создавшихся после «аншлюса» Австрии, вела последовательную борьбу за сохранение мира, за обуздание фашистской агрессии. Поэтому германская дипломатия большое внимание уделяла подрыву и ликвидации советско-французского и советско-чехословацкого пактов. Как сообщал Гендерсон в Лондон 5 мая, из его бесед с Гитлером и Герингом стало ясно, что требование Германии сводится к тому, чтобы союз Франции и Чехословакии с Россией «был ликвидирован»¹.

Активная миролюбивая политика СССР способствовала разоблачению замыслов агрессоров и сплочению прогрессивных сил мира. Еще 15 марта 1938 г. чехословацкий посланник в СССР Фирлингер обратился к Советскому правительству с вопросом, какую позицию займет правительство СССР, если Гитлер использует судетских немцев для подрыва Чехословакии. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин твердо заявил ему, что Советский Союз никогда не уклонялся от выполнения своих обязательств.

Советское правительство выразило свою готовность участвовать в коллективных действиях, «которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны»².

Правительство СССР не только декларировало обещание помощи Чехословакии. Оно подкрепляло свои обязательства конкретными мероприятиями по оказанию военной помощи Чехословакии. В конце марта 1938 г. Советский Союз направил в Чехословакию специальную военную делегацию для согласования с чехословацкими военными властями эффективных военных мер в случае германской агрессии.

¹ DBFP, Ser. III, vol. I, p. 255.

² «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 21—22.

В те дни, когда правительства Англии и Франции в Лондоне сговаривались о том, чтобы принудить Чехословакию принять требования гитлеровцев, Советский Союз продавал Чехословакии военные самолеты и другие виды вооружения. СССР соглашался передать Чехословакии патенты на строительство новейших типов бомбардировщиков. В начале 1938 г. было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве, предусматривавшее обмен новейшей технической информацией между СССР и Чехословакией¹.

Но правящие круги чехословацкой буржуазии смотрели на договор с СССР как на путы, мешающие их попыткам сговора с фашистской Германией. Выражая точку зрения чехословацких правящих кругов, Э. Бенеш говорил 17 мая 1938 г. английскому посланнику Ньютоу: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели для нее второстепенное значение и зависят только от позиции Англии и Франции»². Этим заявлением Бенеш демонстративно подчеркивал, что правительство Чехословакии в случае германской агрессии не желало опереться на бескорыстную помощь Советского Союза. В условиях нарастания угрозы гитлеровской агрессии оно продолжало следовать в фарватере соглашательской политики западных держав, политики, представлявшей смертельную опасность для чехословацкого народа.

4. Провал первой попытки гитлеровцев захватить Чехословакию. «Майский кризис» 1938 г. и его последствия

Лондонская конференция и последовавший за ней англо-французский нажим на Прагу не оставляли сомнений у гитлеровцев, что в случае германо-чехословацкого вооруженного конфликта западные державы не окажут помощи своему союзнику и Германия сможет,

¹ Zdenek Fierlinger, *Ve Službach ČSR*, dil. I, Praha, 1948, str. 64.

² DBFP, Ser. III, vol. I, p. 289.

использовав свою «пятую колонну», без развязывания европейской войны осуществить очередной агрессивный план. Заявления членов чехословацкого правительства о том, что Чехословакия не намерена в своей внешней политике опираться на договор с Советским Союзом, также укрепляли уверенность гитлеровцев, что это наиболее опасное препятствие для их агрессивных планов будет устранено.

Эту благоприятную обстановку, сложившуюся в результате политики западных держав, поощрявших агрессора, гитлеровцы не замедлили использовать, с тем чтобы реализовать свой план захвата Чехословакии еще до полного завершения подготовки Германии к войне.

В мае 1938 г. судето-немецкая фашистская партия была также превращена в активный фактор военных планов фашистской Германии. После совещания главарей партии с Гитлером и Риббентропом в конце апреля 1938 г. генлейновцы, непосредственно подчиненные германской миссии в Праге и германской контрразведке («Абвер»), действовали по указанию Германии. Они терроризовали население Судетской области и готовились к вооруженному путчу.

Правительство Чехословакии, идя на уступки генлейновцам, назначило на 22 мая первый тур общинных выборов в стране¹. Фашистская Германия решила использовать это обстоятельство для организации путча в Судетской области с целью ее отторжения от Чехословакии, что должно было явиться первым этапом на пути к порабощению всей страны.

В связи с подготовкой к выборам генлейновцы провоцировали инциденты, которые затем использовались фашистской Германией для давления на Чехословакию. Именно 13 мая, когда Генлейн находился в Лондоне и вел переговоры с английскими парламентариями, его сторонники в Чехословакии официально объявили о создании вооруженных штурмовых отрядов для защиты партийных собраний генлейновцев². 14 мая чехо-

¹ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 55.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 234.

словацкие власти вынуждены были арестовать несколько фашистских провокаторов в Судетской области, что еще больше обострило отношения между Германией и Чехословакией.

А между тем в фашистской Германии шли ускоренные приготовления для оказания военной поддержки генлейновцам, готовившимся к путчу по инструкциям из Берлина. Верховное командование вооруженных сил Германии в соответствии с первоначальным вариантом «плана Грюн» производило усиленную разведку чехословацких укреплений, готовило части вермахта, которые должны были прийти на «помощь» генлейновцам после того, как ими будет спровоцирован путч.

16 мая адъютант Гитлера майор Шмундт запрашивал оперативный отдел штаба верховного командования: «Какие дивизии будут в течение 12 часов готовы к маршу на границу «Грюн» (против Чехословакии.— В. Ф.) в случае объявления мобилизации?»¹ Он просил также срочно прислать сведения о чехословацких пограничных укреплениях.

На следующий же день подполковник генерального штаба Цейтлер сообщал ему, что в течение 12 часов после объявления мобилизации к чехословацкой границе может быть направлено 12 дивизий. В письме были приведены номера и наименования этих воинских соединений и приложена характеристика чехословацких пограничных укреплений, в которой подробно сообщались сведения, собранные германскими агентами².

20 мая 1938 г. Кейтель представил Гитлеру черновой проект измененного «плана Грюн», переработанного в соответствии с указаниями от 21 апреля и с учетом нового положения, создавшегося после «аншлюса» Австрии³. Основным политическим фактором, который гитлеровцы стремились использовать для осуществления этого плана, являлось «развитие положения внутри Чехословакии или других политических событий в

¹ «Trial of the Major War Criminal before the International Military Tribunal», vol. XXV, p. 415.

² Там же.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 236—239.

Европе, создающих крайне благоприятные возможности» для агрессии против Чехословакии¹.

Чехословацкому правительству стало известно о военных приготовлениях фашистской Германии, в частности оно получило сведения о концентрации германских войск на чехословацкой границе. 19 мая такие же сведения были опубликованы в английской прессе. Одновременно английские консулы в Дрездене, Мюнхене и Вене сообщили о концентрации германских моторизованных дивизий под командованием генерала Рейхенау вблизи чехословацкой границы².

Обстановка еще более обострилась, после того как 19 мая Генлейн внезапно прервал переговоры с чехословацким правительством о статуте национальностей, нагло заявив, что из-за чешских провокаций невозможно добиться никаких результатов. Срыв переговоров генлейновцами был тем более странным, что только накануне чехословацкое правительство представило новые предложения, которые содержали дальнейшие уступки генлейновцам³. Германская пресса развернула усиленную античехословацкую кампанию. Над территорией Чехословакии немецкие самолеты сбрасывали большое количество листовок, в которых гитлеровцы заверяли судето-немецких фашистов, что в ближайшие дни они придут им на помощь.

К 20 мая обстановка на чехословацко-германской границе во многом напоминала положение в Австрии накануне «аншлюса». Одновременно фашистская Германия усилила нажим на Чехословакию и по дипломатической линии. 14 мая Риббентроп говорил английскому послу, «что, если в Чехословакии дело дойдет до кровопролития, Германия вмешается»⁴. 20 мая Риббентроп неожиданно вызвал к себе чехословацкого посланника Мастного и, обвинив Чехословакию в организации антигерманской кампании, угрожающе заявил, что если в Чехословакии и дальше будут продолжаться

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 261.

² DBFP, Ser. III, vol. I, p. 327.

³ B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 166—167.

⁴ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 490.

гонения на немецкое население, то Германия не сможет больше этого терпеть и действительно объявит мобилизацию.

Сведения о концентрации германских войск на чехословацкой границе, о новых провокациях генлейновцев вызвали мощный подъем антифашистского движения в Чехословакии. Народные массы требовали от правительства принятия решительных мер для обороны страны и пресечения фашистских провокаций.

Правящие круги Чехословакии видели, что их политика уступок фашистской Германии, покорное подчинение диктату Лондона, Парижа, Вашингтона вызвали мощное народное движение, которое поставило под угрозу их классовое господство в стране. В эти тревожные дни только давление народных масс и заставило правительство Чехословакии осуществить некоторые меры по укреплению обороны государства. В ночь с 20 на 21 мая на заседании кабинета министров было принято решение об объявлении частичной мобилизации. Несмотря на то что «Закон об обороне государства» предусматривал в подобном случае мобилизацию 15 возрастов резервистов, было решено мобилизовать только символическое число солдат — один призывной возраст и небольшое число технических специалистов¹. Здесь же было решено проинформировать Лондон об этой мере, обратив внимание на то, что мобилизация вызвана главным образом необходимостью поддержания внутреннего порядка в стране в период проведения выборов. Но и эта мера была проведена чехословацкими властями крайне нерешительно. Уже утром 21 мая министр внутренних дел Чехословакии аграрий Черны дал указание полицейским, чтобы они отошли из пограничных районов и передали свои функции генлейновцам. В ряде мест, таким образом, в результате преда-

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 45—46. Следует отметить, что даже эта символическая мобилизация в Чехословакии ныне используется западногерманскими реваншистскими историками для того, чтобы оправдать немецко-фашистских агрессоров и всю ответственность за возникновение германо-чехословацкого конфликта переложить на Чехословакию. *H. Krausnik und H. Mau, Deutsche Geschichte der jüngsten Vergangenheit 1933—1945.*

тельства лидеров правящей аграрной партии чехословацкая граница оказалась открытой.

Однако даже такая незначительная мера сопротивления, как мобилизация 180 тыс. резервистов, оказала сдерживающее влияние на немецко-фашистских агрессоров и их покровителей — правительства западных держав.

Правительства Англии и Франции, опасаясь, что вооруженное сопротивление чехословацкого народа германским агрессорам может привести в движение мощные демократические, антифашистские силы народов Европы, которые могли бы сорвать вынашиваемые империалистами в течение многих лет антисоветские замыслы, решили воздействовать на Германию, с тем чтобы снова побудить ее добиваться «мирного» порабощения Чехословакии. 21 мая английские и французские послы сделали соответствующие демарши в Берлине. Гендерсон дважды в этот день беседовал с Риббентропом. Он передал последнему телеграмму Галифакса, в которой говорилось, что «британское правительство предприняло все меры, чтобы побудить пражское правительство к переговорам»¹. Указав на возможность тяжелых последствий в случае вооруженного нападения Германии на Чехословакию, Галифакс вынужден был заявить, что, в случае если в конфликт на стороне Чехословакии будет вовлечена Франция, Англия не сможет остаться безучастной.

Правительства Англии и Франции спешили убедить гитлеровцев, что им вовсе не следует прибегать к применению вооруженных сил, что может быть чревато непредвиденными последствиями. Они предлагали свою помощь в удовлетворении требований германского империализма без развязывания военного конфликта. Вместе с тем правительства Англии и Франции стремились использовать затруднительное положение, в котором оказалась фашистская Германия в результате авантюристической политики гитлеровцев, для давления на нее в целях получения дополнительных преимуществ при проведении политики антисоветского сговора.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 246—249.

О том, что английский демарш Германии имел характер только дипломатического маневра, свидетельствовала последующая политика правительства Англии. Уже на следующий день, 22 мая, Галифакс специальной нотой предупреждал правительство Франции, чтобы оно «не строило иллюзий о позиции Англии» в случае германской агрессии против Чехословакии¹. Да и само французское правительство не придавало серьезного значения дипломатическим маневрам Англии в Берлине. Его позиция была тождественна позиции английских консерваторов; 22 мая премьер-министр и министр обороны Франции Даладье заверял германского посла в Париже Вельчека, что Лондон и Париж стремятся воздействовать на Чехословакию в целях «урегулирования судето-немецкого вопроса»².

Когда в начале «майского кризиса» начальник генерального штаба чехословацкой армии генерал Крейчи обратился к начальнику французского генерального штаба Гамелену с просьбой разрешить ему прибыть в Париж для переговоров о сотрудничестве между двумя союзными армиями в случае германской агрессии, Гамелен, сославшись на отсутствие разрешения своего правительства на такой визит, отклонил его просьбу. «Так чехословацкая военная делегация, — признает Бенеш, — и не смогла попасть в Париж»³.

Выполняя свои обязательства, данные фашистской Германии, правительства западных держав усилили нажим на Прагу. 22 мая Боннэ в беседе с чехословацким посланником выразил удивление по поводу того, что Чехословакия объявила мобилизацию без консультации с Францией. Он передал чехословацкому посланнику мнение английского посланника в Париже об опасности подобной меры, который заметил, что такие действия Чехословакии могут оправдать мобилизацию германской армии⁴. Чехословацкому посланнику дали понять, что Чехословакия не может рассчитывать на помощь Англии, Франции и Соединенных Штатов

¹ DBFP, Ser. III, vol. I, p. 271.

² ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 49.

³ E. Beneš, Paměti, str. 69.

⁴ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 38.

Америки. В заключение Боннэ просил посланника предупредить свое правительство, чтобы оно прекратило мобилизацию.

Не менее провокационную роль в период «майского кризиса» играла американская дипломатия в Европе, в частности посол США в Париже Буллит. Польский посол в Париже Лукаевич доносил в Варшаву 27 мая: «Посол Буллит говорил мне, что министр Боннэ в разговоре с ним заявил, что он не допускает мысли о том, что Соединенные Штаты могут поддержать английский и французский демарш в Берлине, и получил от посла Буллита ответ, что это действительно так»¹. Еще более полно раскрывается политика американского империализма в донесении Буллита президенту США от 12 мая 1938 г. Он предупреждал Рузвельта: «Думаю, что вы получите это письмо еще до того, как в Европе разразится война... Если чехи застрелят еще нескольких судетских немцев, то Гитлер перейдет чехословацкую границу. Вопрос о том, вступит ли остальная Европа в войну или нет, является проблемой, зависящей от возможности компромисса между чехами и немцами. Неясно, выступит ли Франция или нет, если Германия перейдет чехословацкую границу. Ни вы, ни я не можем решить эту задачу за французское правительство. Но мы оба можем оказать на его решение большое влияние»². Буллит заявлял, что Соединенные Штаты должны найти средства, чтобы помочь Франции избавиться от своих союзных обязательств в отношении Чехословакии. В качестве такого средства он предлагал созвать в Гааге конференцию западных держав, которая заставила бы Чехословакию удовлетворить требования фашистской Германии об уступке ей Судетской области³.

Несмотря на то что правительство США официально придерживалось так называемой политики нейтралитета, на этот раз Буллит предлагал президенту принять участие в этой конференции. «Если бы этого пожелали четыре правительства,— писал он,— в ней (конферен-

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 141.

² FRUS, 1938, vol. I, p. 509.

³ Там же.

ции.— В. Ф.) участвовали бы и представители США»¹. Американского дипломата вовсе не смущало то обстоятельство, что эта конференция должна была состояться без участия Чехословакии. За спиной чехословацкого народа США предлагали заключить крупнейшую империалистическую сделку с фашистской Германией. Буллит также не скрывал, что этот стовор против Чехословакии должен был иметь антисоветскую направленность. Об этом красноречиво свидетельствовал уже тот факт, что Советский Союз, связанный договорами о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, не предусматривалось пригласить на данную конференцию. Необходимо доказывать, писал далее Буллит президенту США, «что война в Европе может закончиться только распространением большевизма на весь континент, что предлагаемая конференция оставит большевиков за границами, которые уже теперь отделяют Советский Союз от Европы... Надеемся, что при таких условиях ваше предложение будет принято также и Гитлером»².

‡ Как это следует из переписки американского дипломата с президентом США, проект Буллита предусматривал оказание всеми западными державами давления на Чехословакию с целью добиться от нее «мирной» капитуляции перед фашистской Германией. В течение последующих четырех месяцев американская дипломатия, используя свое влияние на правительства Англии и Франции, добивалась реализации этого плана.

В дни «майского кризиса» нажим правительств западных держав на Прагу еще более усилился. 24 мая германский посол в Лондоне Дирксен сообщал Риббентропу, что английский министр Галифакс просил французское правительство сделать представление правительству Чехословакии о том, чтобы оно не производило дальнейшего призыва резервистов³. Галифакс также обещал поддержать просьбу Дирксена о том, чтобы чехословацкое правительство срочно распустило резервистов, мобилизованных 21 мая. 26 мая 1938 г. английское правительство направило в Чехословакию совет-

¹ FRUS, 1938, vol. I, p. 511.

² Там же, стр. 512.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 264.

ника министерства иностранных дел заведующего департаментом Центральной Европы В. Стрэнга. Он предложил чехословацкому правительству провести плебисцит в Судетской области, т. е. осуществить план, содержащийся в предложениях Буллита.

Таким образом, США, а также Франция и Англия определенно высказались за отторжение Судетской области от Чехословакии и за присоединение ее к фашистской Германии. Правда, усиливая нажим на Чехословакию, они еще скрывали свой план предложениями о проведении «плебисцита» в Судетской области, предоставлении ей «автономии» и т. д.

Только Советский Союз в период «майского кризиса» поддержал мероприятия чехословацкого правительства, направленные на укрепление обороны страны, и заявил о готовности выполнить свои обязательства по договору с Францией и Чехословакией. Чехословацкий посол в Москве Фирлингер 21—22 мая и в последующие дни ставил в известность об этом правительство в Праге¹. 25 мая М. М. Литвинов в письме полномочному представителю СССР в Чехословакии сообщал, что в беседе с Боннэ по чехословацкому вопросу в Женеве он предлагал французскому министру начать переговоры между генеральными штабами армий СССР, Франции и Чехословакии. От имени Советского правительства М. М. Литвинов просил Францию оказать дипломатическое воздействие на страны Прибалтики, Польшу и Румынию, с тем чтобы они пропустили через свою территорию советские войска для оказания помощи Чехословакии². Однако французское правительство не поддержало эти предложения. Оно, как и правительство Англии, не желало обострять отношений с Германией.

Несмотря на то что германские дипломаты всячески отрицали факт тайной мобилизации немецкой армии и подготовки агрессии против Чехословакии, было ясно, что фашистская Германия, опасаясь развязывания европейской войны, вынуждена была на этот раз отступить. 21 мая в Берхтесгадене Гитлер спешно собрал

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 50.

² См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 41—42.

своих военачальников. Здесь было принято решение отложить намечавшееся выступление против Чехословакии, а германским войскам было приказано отойти от чехословацкой границы¹. Командованию вермахта было дано указание провести тщательную подготовку к вооруженному нападению на Чехословакию. Генерал Иодль записал в эти дни в дневнике, что ввиду концентрации чешских войск 21 мая и в связи с угрозой потер престижа фюрера намерения Гитлера в отношении Чехословакии изменились. В записи от 23 мая Иодль отмечал: «Майор Шмундт сообщил о намерениях фюрера. Новые совещания, которые постепенно раскрывали намерения фюрера, состоялись с участием командующего вооруженными силами и руководителей верховного командования ОКВ»². Эти совещания и новые «намерения» должны были прикрыть отступление фашистской Германии. «Майский кризис», таким образом, был первым поражением германского фашизма. Спасая «честь мундира», гитлеровцы заявили, что они вовсе не собирались нападать на Чехословакию.

«Майский кризис» в германо-чехословацких отношениях, продолжавшийся в течение одной недели, имел большое значение не только для отношений между этими двумя государствами, но также для всей Европы. Частичная мобилизация в Чехословакии, поддержанная робкими протестами правительств Англии и Франции, направленными фашистской Германией, твердая и решительная позиция Советского правительства имели весьма важные последствия для исхода «майского кризиса». Вступление чешских войск в пограничные районы способствовало прекращению генлейновского фашистского террора и провокаций, сорвало подготавливаемый генлейновцами в день общинных выборов — 22 мая — фашистский путч. Вместе с тем было сорвано и вооруженное выступление гитлеровской Германии. Все это укрепило веру чехословацких патриотов в свои силы, в возможность отпора немецко-фашистским агрессорам.

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. I, S. 46.*

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 265.

Коммунистическая партия Чехословакии призвала трудящихся поддержать мероприятия правительства, направленные на укрепление безопасности государства¹. Политика отпора натиску фашистской Германии со стороны Чехословакии получила сочувствие и мощную поддержку прогрессивных сил всего мира, в первую очередь Советского Союза. Она показала малым народам Европы, которым угрожала фашистская агрессия, что их положение не безнадежно, что они могут, опираясь на поддержку антифашистских сил мира, сохранить свою независимость.

Однако вскоре после «майского кризиса» правительства Великобритании и Франции стремились предать забвению свою вынужденную мимолетную «оппозицию» германским агрессивным планам, которая явилась своеобразной данью общественному мнению. Дирксен в донесении в Берлин 10 июля 1938 г. отмечал, что «ошибки английской внешней политики, сделанные во время чешского кризиса, очень скоро были восприняты, как таковые, и были предприняты шаги для того, чтобы преодолеть их признанием доказанной лояльности Германии, молчанием в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественным по отношению к Германии выступлением Галифакса в палате лордов...»².

Посол отмечал, что во всех этих выступлениях государственных деятелей Англии ясно видно неизменное желание к соглашению с Германией, готовность пойти на компромисс. Однако, прежде чем приступить к далеко идущему политическому соглашению с Германией, в Лондоне, по словам Дирксена, стремятся в качестве предварительной меры решить судетский вопрос³. Эту область Чехословакии, а также другие территории английское правительство готово было принести в жертву гитлеровцам ради достижения соглашения с ними.

В целях подготовки такого соглашения летом 1938 г. в Лондон неоднократно выезжал адъютант Гитлера

¹ «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939», стр. 492

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 151—152.

³ Там же, стр. 152.

капитан Видеман. В одной из бесед с лордом Галифаксом и Кадоганом Видеман по поручению Гитлера вел речь о дальнейшем развитии англо-германских отношений, и в первую очередь о поддержке Англией германских претензий к Чехословакии. Для подготовки широкого германо-английского соглашения Видеман выдвинул предложение о визите Геринга в Англию. Как сообщал Дирксен в Берлин, Галифакс не только приветствовал это предложение, но «пошел так далеко, что сказал, что прекраснейший момент его жизни наступил бы тогда, когда фюрер проехал бы рядом с королем по Mall¹ во время официального визита в Лондон»². Вопрос о поездке Геринга в Лондон был в принципе согласован, оставалось только уточнить дату этого визита. Однако в связи с сенсационным разоблачением в английской прессе этих переговоров визит Геринга не состоялся. Дальнейшие переговоры с английскими правящими кругами фашистская Германия вела через посредство княгини Гогенлоэ и других лиц.

Правительство Англии, стремясь ускорить завершение сделки с гитлеровцами за счет чехословацкого народа, предложило направить в Судетскую область своего посредника «для разрешения спора между Чехословакией и Германией»³. 18 июля Галифакс рекомендовал в качестве такого «эксперта-посредника» английского лорда Ренсимена. Этот английский колонизатор⁴, германofil, представитель клайвденской клики должен был решать важнейший вопрос внутренней жизни Чехословацкого государства. 25 июля Гендерсон информировал Вейцекера о намерении Англии направить в Чехословакию миссию Ренсимена и просил оказать влияние на генлейновцев, чтобы они содействовали деятельности указанной миссии⁵.

¹ The Mall — улица Лондона, которая ведет к Букингемскому дворцу.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 179.

³ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 68.

⁴ Лорд Ренсимен ранее занимал пост губернатора одной из провинций Индии.

⁵ DBFP, Ser. III, vol. I, p. 508—521.

Как сообщил 11 августа 1938 г. Липский в Варшаву, Гендерсон в беседе с одним из дипломатов говорил, что английское правительство придает миссии Ренсимаена весьма большое значение. «Если бы лорд Ренсимаен, — говорил Гендерсон, — несмотря на все свои усилия, не достиг соглашения, то стало бы ясным, что вина за этот неуспех легла бы на чехов и что немцы оказались бы правы, утверждая, что из-за неуступчивости чехов успешным будет единственное средство — применение силы»¹.

Гитлеровцы прекрасно понимали этот коварный замысел английского правительства и потому охотно согласились на «посредническую» роль миссии Ренсимаена. Несмотря на то что выбор в качестве «посредника» представителя прогерманской клики Англии уже сам по себе предопределял исход миссии, несмотря на то что такое посредничество являлось прямым вмешательством во внутренние дела Чехословакии, нарушением ее суверенитета, правительство Годжи и президент Бенеш после консультации с Францией приняли английские предложения².

3 августа лорд Ренсимаен в сопровождении высших чиновников английского «Форин оффиса» прибыл в Прагу. По указанию из Берлина Генлейн в свою очередь для сотрудничества с Ренсимаеном создал специальный «политический штаб» во главе со своим заместителем К. Франком³.

Цель Ренсимаена состояла в том, чтобы, вступив в переговоры с генлейновцами и реакционными элементами в правящих кругах Чехословакии, а также поддерживая контакт с фашистской Германией, доказать мировому общественному мнению безусловную необходимость передачи Судетской области фашистской Германии и подготовить условия для завершения такого предательства. 4 августа во время переговоров с Ренсимаеном Генлейн передал ему свои карловарские и

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 173.

² «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 61, 62, 64, 65.

³ *W. Wheller-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, p. 7—9; ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 427—428.*

другие требования¹, которые и были приняты им в качестве основы для переговоров с чехословацким правительством.

Затем, выехав в Судетскую область, Ренсимен в соответствии с указанием Галифакса вел себя как настоящий колониальный губернатор. Он потребовал назначения на государственные должности генлейновцев, принятия Карловарской программы и других требований генлейновцев.

Наряду с миссией Ренсимена Англия и США направили в Чехословакию ряд других «посреднических» миссий. 13 августа, после беседы с Риббентропом, в Прагу прибыл еще один английский «посредник» — лорд Аллен Хартвуд².

Затем в начале августа 1938 г. по поручению государственного департамента США Прагу посетил со специальной миссией американский посол в Берлине Хью Вильсон³. Хотя, как сообщалось в печати, официальной целью его поездки в Чехословакию был обмен мнениями о политическом положении в Европе с американским послом Карром, в действительности этот визит был тесно связан с миссией Ренсимена. Прибыв в Прагу, Хью Вильсон установил тесный контакт с миссией Ренсимена. Он также встречался с премьером Чехословакии Годжей и министром иностранных дел Крофта. 6 августа американского посла принял президент Бенеш и имел с ним длительную беседу. В тот же день Хью Вильсон поспешно сообщил государственному секретарю США Кордэллу Хэллу о содержании этой беседы. Вильсон писал, что президент (Бенеш. — *В. Ф.*) сказал ему, что Германия в качестве первоочередной цели своей политики добивается ликвидации чехословацко-советского пакта⁴. В своих мемуарах Э. Бенеш пишет, что Хью Вильсон убеждал его в «миролюбивых намерениях берлинских властей. Дословно мне сказано, что «Геринг не желает войны и действи-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 428.

² DBFP, Ser. III, vol. I, p. 615.

³ FRUS, 1938, vol. I, p. 541.

⁴ Там же.

тельно стремится к миру и к соглашению с нами и с другими государствами»¹.

Хью Вильсон от имени американского правительства заявил далее Бенешу, что США не будут оказывать военной помощи какому-либо из европейских государств, т. е. он дал понять, что и Чехословакии не следует рассчитывать на американскую помощь. Основная цель политики американского империализма была четко сформулирована в заявлении Вильсона о том, что после захвата Австрии «все основные требования фашистской Германии, в том числе и колониальный вопрос, могут быть урегулированы посредством переговоров»¹.

В этих условиях лишь Советское правительство принимало конкретные меры для оказания помощи чехословацкому народу. Как уже отмечалось, оно неоднократно предлагало правительствам Франции и Чехословакии начать переговоры трех генеральных штабов о подготовке совместных военных мероприятий для отражения германской агрессии. Правительство СССР вело переговоры с правительствами Румынии и Польши о пропуске советских войск через их территорию в случае германской агрессии³. Вместе с тем Советское правительство предупреждало правительство Польши против его попыток использовать агрессивные действия Германии против Чехословакии для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории⁴.

Однако правящие круги чехословацкой буржуазии и аграриев, опасавшиеся, что пакт с Советским Союзом и переговоры о предоставлении советской помощи Чехословакии могут вызвать подъем демократического движения в их стране, а также недовольство империалистов Англии, Франции и Соединенных Штатов Америки, продолжали игнорировать договор с Советским Союзом и неоднократно давали гитлеровцам понять, что в случае достижения соглашения с Германией они

¹ E. Beneš, Pameti, str. 255.

² FRUS, 1938, vol. I, p. 543.

³ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 46—47, 49—51.

⁴ См. там же, стр. 52.

охотно денонсируют договор с СССР. Подобными действиями чехословацкая реакция, поддерживаемая империалистическими кругами западных держав, предавала национальные интересы своего народа, облегчала подготовку германской агрессии.

5. Военная и дипломатическая подготовка германской агрессии против Чехословакии летом 1938 г.

Немецко-фашистские империалисты хорошо понимали действительный смысл дипломатических маневров правительств западных держав. Проводимую Англией, Францией и США политику сговора, политику пособничества агрессору гитлеровцы рассматривали в качестве важнейшего благоприятного фактора своих военных планов. Этот факт неоднократно признавали главари фашистской Германии во время бесед с дипломатами других стран. Например, в беседе с польским послом Липским 11 августа 1938 г. Геринг заявил: «Англия осуществляет посредничество... скорее для проформы»¹.

«Майский кризис», мобилизация в Чехословакии, мужество чехословацкого народа, поддержанного прогрессивными силами всего мира, и в первую очередь Советским Союзом, оказали большое влияние на военные планы фашистской Германии. Неудача, постигшая фашистскую Германию в мае 1938 г., провал политики военного блефа значительно подорвали военный и политический престиж гитлеровцев, привели к обострению политического кризиса в Германии. В связи с этим уже в конце мая 1938 г. гитлеровцы переходят к более тщательной подготовке агрессии против Чехословакии. Во время многочисленных секретных совещаний в ставке Гитлера, а также в военных планах и директивах, разработанных летом 1938 г., ни разу не говорилось о Судетской области как конечной цели германской агрессии. В этих планах получили отражение

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 176.

действительные цели германского империализма, предусматривавшие разгром и порабощение всей Чехословакии.

Вторая особенность этих военных директив и планов состояла в том, что они исходили из возможности локальной войны Германии с Чехословакией, в которой изолированная в дипломатическом отношении Чехословакия должна была бы бороться с таким военным «колоссом», как фашистская Германия, а возможно, и с присоединившимися к ней другими государствами, в которых у власти также стояли фашистские правительства (Польша, Венгрия, Италия). Только имея абсолютное военное превосходство, а также гарантию, что данная война не превратится в европейскую, а тем более в мировую, германские империалисты решались на данном этапе, еще до завершения полной подготовки страны к большой войне, пойти на риск военного выступления против Чехословакии. Гитлеровские директивы и планы показывают, что шумиха фашистской пропаганды о том, что в случае неудовлетворения гитлеровских требований Германия готова к войне с крупными европейскими государствами, являлась просто блефом, рассчитанным на обман народов, на оказание помощи прогерманским элементам в Англии, Франции и США в целях облегчения их политики сговора с германским фашизмом.

28 мая 1938 г. в имперской канцелярии состоялось совещание руководителей фашистской партии, высших германских генералов и министров, на котором были разработаны инструкции о подготовке вооруженного нападения на Чехословакию. Здесь присутствовали Гитлер, Нейрат, Кейтель, Редер, Браухич, Бек и др. Выступивший на совещании Гитлер заявил, что, учитывая опыт «майского кризиса», дальнейшую реализацию германских планов можно осуществить только посредством «решительных действий». Однако он вынужден был признать, что «военное положение не позволяет Германии совершить немедленное выступление против Чехословакии»¹. Позже, 30 января 1939 г.,

¹ *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 216.*

в речи в рейхстаге Гитлер подтверждал, что в мае 1938 г. он приказал «раз и навсегда» решить чехословацкий вопрос.

30 мая 1938 г. была издана измененная военная директива по «плану Грюн», в основе которой лежал проект, представленный Кейтелем 21 мая 1938 г. Эта директива называлась «Война на два фронта с центром тяжести на Юго-Востоке» («операция Грюн»)¹. Данная директива заменила соответствующий раздел предыдущей «Директивы о единой подготовке к войне», разосланной Бломбергом командующим армиями и флотами 24 июня 1937 г. Измененная директива учитывала новое развитие политических событий, которое обсуждалось на совещаниях у Гитлера 21 и 28 мая 1938 г., и главным образом уроки «майского кризиса». Теперь главный упор делался на подготовку военного разгрома Чехословакии².

После издания указанной директивы развернулась ускоренная подготовка фашистской Германии к военному нападению на Чехословакию. Генерал Иодль в своем дневнике, в записи от 30 мая 1938 г., отмечал: «Фюрер подписал «план Грюн», который, как он заявил, «является его окончательным решением скоро уничтожить Чехословакию». Подписание документа привело к началу военных приготовлений во всех областях»³.

«План Грюн» исходил из возможности локальной войны против Чехословакии. Правда, Гитлер заявлял, что Германия решится напасть на Чехословакию лишь в том случае, если она будет твердо убеждена, что Франция и Англия не вмешаются в конфликт. Были все основания полагать, что западные державы не окажут противодействия агрессору.

Только позиция Советского Союза, его пакт с Чехословакией вызывали большую тревогу у гитлеровских генералов. «Следует ожидать, — говорилось в директиве, — что Россия попытается поддержать Чехословакию в военном отношении, и прежде всего с помощью

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 387.

² Там же.

³ Там же, стр. 265.

воздушного флота»¹. Однако они считали, что с помощью правительств Англии и Франции, а также правящих кругов реакционной чехословацкой буржуазии им удастся добиться отказа Чехословакии от пакта с СССР и тем самым парализовать его попытки оказать помощь Чехословакии. В директивах германского верховного командования предусматривалось в случае войны с Чехословакией выделение значительных вооруженных сил (военно-морских и авиации) на случай вмешательства Советского Союза.

В проекте новой директивы главного штаба верховного командования вермахта от 18 июня 1938 г. говорилось, что «опасности превентивной войны других государств против Германии не существует». Однако столь же категорично Гитлер писал, что «я приму решения начать действия против Чехословакии только в том случае, если я буду вполне уверен, как это было при занятии демилитаризованной зоны и вступлении в Австрию, что Франция не выступит и Англия поэтому не вмешается»².

Как свидетельствует приведенный документ, гитлеровцы никогда не решились бы напасть на Чехословакию и развязать войну, если бы они были уверены, что Франция и Англия окажут ей военную помощь. Публичные воинственные заявления фашистских лидеров об их готовности к войне с крупными европейскими державами являлись лишь определенной формой шантажа и провокаций.

Летом 1938 г. Германия продолжала подготовку войны против Чехословакии³. Новая директива об «операции Грюн», разработанная главным штабом вермахта 7 июля 1938 г., исходила из того, что Германия не будет считаться с позицией Англии и Франции. Однако в ней снова указывалось, что Германия должна

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 388.

² *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. I, S. 55.

³ Еще 4 мая главный штаб верховного командования вермахта составил мобилизационный план на сентябрь 1938 г., предусматривавший призыв резервистов в армию и военно-воздушные силы для войны против Чехословакии.

держат вооруженные силы в Восточной Пруссии на случай вмешательства Советского Союза.

21 июля командование вермахта назначило на конец августа и сентябрь 1938 г. крупные военные маневры у границ Чехословакии, которые должны были прикрыть подготовку нападения на Чехословакию¹. На совещаниях Гитлера с генералами 10 и 15 августа уточнялись планы агрессии против Чехословакии. Германия вела усиленную разведку состояния чехословацких вооруженных сил и укреплений на ее границах.

В материалах Нюрнбергского процесса имеется строго секретный документ от 9 июня 1938 г., обнаруженный среди бумаг главного штаба вермахта. Это «Вопросы фюрера» о состоянии вооружения и укрепления чехословацких границ. В ответах разведывательного отдела генерального штаба армии содержатся подробные сведения по этому вопросу². С целью тщательной разведки чехословацких укреплений на границе с Германией германские дипломаты использовали партию генлейновцев. С помощью этой агентуры в Чехословакии готовились площадки для посадки немецких военных самолетов в случае начала военных действий.

После того как генлейновцы одержали ряд успехов на общинных выборах (22 мая и позднее), они, получая прямую поддержку фашистской Германии, а также со стороны миссии Ренсимаена, все более открыто настаивали на отторжении Судетской области от Чехословакии и присоединении ее к фашистской Германии. Следуя прямым указаниям из Берлина, Генлейн вел переговоры с чехословацким правительством исключительно с провокационной целью. Постоянно увеличивая свои требования, он добивался отказа чехословацкого правительства от их принятия, с тем чтобы создать предлог для вмешательства фашистской Германии. Об этом красноречиво свидетельствует «Запись беседы Генлейна с Лоренцем», состоявшейся 3 июня 1938 г.

¹ *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. I, S. 55.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 259.

«В беседе с обергруппенфюрером СС Лоренцем, — говорится в документе, — Генлейн поставил следующий вопрос:

«Как я должен себя вести, если Чехословакия под нажимом иностранных государств вдруг выполнит все мои требования и в качестве контртребования выставит вхождение в правительство? ...Сам он предлагает следующее: Если Чехословакия сделает все, я отвечу «да», но потребую изменения внешней политики Чехословакии. Этого Чехословакия ни за что не допустит»¹. Генлейну обещали прислать из Берлина подробную инструкцию.

31 июля руководители судетских фашистов Генлейн и К. Франк были приняты Гитлером, от которого получили указание поддержать деятельность миссии Ренсимена². 18 августа Риббентроп, инструктируя Генлейна, напутствовал его, что он несет полную ответственность за тактику судето-немецкой фашистской партии, что он должен все более увеличивать свои требования к чехословацкому правительству и таким образом обострять отношения с ним.

О том, какой остроты достигли германо-чехословацкие отношения летом 1938 г., свидетельствуют следующие факты. 6 августа 1938 г. главный штаб вермахта дал указание без предупреждения сбивать чехословацкие самолеты, нарушавшие германскую границу³. 8 августа 1938 г. ОКВ издало новое указание об установлении на германо-чехословацкой границе зенитной артиллерии⁴. Под предлогом предотвращения перелетов германской границы чехословацкими самолетами гитлеровцы постепенно начали концентрацию войск в пограничных районах для нанесения удара по Чехословакии. В то же время германские военные самолеты систематически нарушали чехословацкую границу, фотографировали местность, разбрасывали листовки и т. п.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 392.

² *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 288.*

³ Там же.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 459.

17 августа 1938 г. германский поверенный в делах в Праге в соответствии с указанием МИД в телеграмме германским консулам в Чехословакии предлагал, чтобы они немедленно уничтожили все материалы, касающиеся подрывной деятельности сотрудников консульств. Первоочередному уничтожению подлежали все документы, содержащие шпионские сведения военного характера¹.

Летом 1938 г. усилилась также подрывная деятельность против Чехословакии германских и других международных монополий, стоявших за кулисами подготавливавшейся новой сделки мировой реакции. Они стремились использовать для подготовки предательства чехословацкого народа также трудности, вызванные мировым экономическим кризисом 1937 г., нанесшим тяжелый удар по чехословацкой экономике, которая находилась в сильной зависимости от внешних рынков. В последние годы существования буржуазной Чехословацкой республики наблюдалось бегство иностранного, и в первую очередь англо-французского и бельгийского, капитала из Чехословакии. Этот процесс особенно усилился в 1938 г. Место англо-французского и бельгийского капитала все более занимали германские фирмы: «ИГ Фарбениндустри», «Дрезденский банк», «Немецкий банк». Например, владельцы горно-металлургического концерна Печека, тесно связанные с правящими кругами США и Англии, в частности с клайвденской прогерманской кликой, которая информировала их о политике английского правительства в чехословацком вопросе, поспешно уступили свои предприятия Германии и нейтральным странам². После «аншлюса» Австрии отлив иностранного капитала из Чехословакии еще более усилился. Французские банкиры, имевшие свои филиалы в Чехословакии, вели переговоры с «Дрезденским банком» о создании германского банка в Чехословакии³.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 459.

² «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 155—156.

³ Там же, стр. 159.

В свою очередь германские монополии уже в начале 1938 г. стремились захватить в свои руки важнейшие предприятия Чехословакии еще до полного порабощения страны. Специальные отделы концернов и банков, т. е. отделы, ведавшие вопросами экономической разведки, уже в начале 1938 г. получили указание собрать данные о военно-экономическом потенциале Чехословакии, о важнейших отраслях ее промышленности и прежде всего о предприятиях, имеющих военное значение¹.

Особенно возросло поступление материалов о чехословацкой экономике в июле-августе 1938 г. В экономическом отделе «ИГ Фарбениндустри» с июля по сентябрь 1938 г. было составлено 8 докладов об экономике Чехословакии². Особый интерес проявлял этот концерн к районам Судетской области, которые по планам гитлеровцев должны были отойти к Германии. Эти факты свидетельствуют о непосредственном участии германских монополий в подготовке агрессии против Чехословакии.

Активизируя подрывную деятельность против Чехословакии, завершая подготовку вооруженного нападения, фашистская Германия в то же время прилагала много усилий для укрепления связей со своими союзниками по агрессивному блоку. Гитлеровская дипломатия стремилась использовать правительства одних государств (Италии, Японии, Румынии) для того, чтобы отвлечь внимание заинтересованных держав от событий в Центральной Европе; других, например Венгрию, Польшу, — привлечь к непосредственному участию в агрессии. Выполняя эту задачу, нацистская клика развернула весной и летом 1938 г. бурную деятельность.

Особое внимание гитлеровцы уделяли позиции Италии, которая в случае германо-чехословацкого вооруженного конфликта должна была своей активностью в районе Средиземного моря отвлечь Англию и Францию

¹ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 160.

² Там же, стр. 171.

от событий в Центральной Европе. Германию весьма тревожило в связи с этим наметившееся итало-английское сближение¹. К тому же, несмотря на то что в период «аншлюса» Австрии Муссолини занял благоприятную для Германии позицию, гитлеровцы опасались, что их дальнейшая агрессия в Центральной и Юго-Восточной Европе, где имелись значительные интересы итальянского империализма, может привести к обострению отношений с Италией. Стремлением урегулировать эти проблемы и была вызвана поездка 5 мая 1938 г. Гитлера и Риббентропа в Италию и их переговоры с Муссолини и Чиано². Данная встреча не внесла чего-либо нового в отношения между двумя фашистскими агрессорами. Правительство Муссолини, обеспокоенное поражением своих войск в Испании, что свидетельствовало о военно-экономической слабости Италии, отклонило все намеки гитлеровцев о какой-либо военной помощи в случае новых актов германской агрессии в Европе.

Хортистская Венгрия уже с самого начала подготовки агрессии против Чехословакии рассматривалась гитлеровцами как активный участник «плана Грюн». Это объяснялось как реваншистскими устремлениями правящих кругов Венгрии, так и стратегическими соображениями германского генерального штаба. Если на границе с Германией Чехословакия возводила укрепления, то на границах с Венгрией их не было, что созда-

¹ После длительных переговоров, начавшихся еще в начале 1938 г., правительство Италии за финансовую помощь согласилось временно снять свои колониальные притязания к Англии. Согласно англо-итальянскому соглашению, подписанному 16 апреля 1938 г., урегулировались последствия ряда англо-итальянских конфликтов по вопросам африканских колоний. Англия признавала захват Абиссинии фашистской Италией. Италия давала обязательство в качестве дани английскому общественному мнению уменьшить количество своих войск в Испании. Хотя это соглашение и свидетельствовало о стремлении правительства Англии к сговору с агрессорами, а Италия использовала английские кредиты на цели вооружения, соглашение вызвало беспокойство правящих кругов Германии.

² *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. I, S. 26.*

вало благоприятные условия для вторжения в Чехословакию¹.

«Аншлюс» Австрии оказал большое влияние на политику правящих кругов Венгрии. Его непосредственным результатом было усиление экономической зависимости Венгрии от фашистской Германии. Так, ряд товаров, которые Венгрия прежде ввозила из Австрии, теперь она вынуждена была импортировать из Германии. Германский империализм проникал во все области экономической и политической жизни Венгрии. Фашистская Германия стремилась превратить Венгрию в свою сырьевую и продовольственную базу. Например, за первое полугодие 1938 г. Венгрия, по данным печати, вывезла в Германию $\frac{2}{3}$ всей экспортируемой ею пшеницы, более 50% ржи и муки, $\frac{2}{3}$ экспортируемой кукурузы, 45% предназначенного на экспорт рогатого скота, 70% свиней, 60% яиц, более 75% жиров, сала, мяса².

После захвата Австрии Германия заняла почти монопольное положение на венгерском рынке, отеснив с него Италию и Балканские страны. Усиление германского влияния в Венгрии привело к активизации деятельности венгерских фашистов, к распространению чело­веко­нена­вист­ни­ческой идеологии германского фашизма, к росту ревизионистских настроений ее правящих кругов в отношении границ с Чехословакией, Румынией, Югославией.

13 мая 1938 г. регент Хорти уволил в отставку правительство Дараньи. Новый кабинет сформировал бывший президент национального банка Бела Имреди, перед которым была поставлена задача реализовать агрессивные стремления венгерской буржуазии и земельных магнатов, значительно оживившиеся в связи с возросшей угрозой германской агрессии против Чехословакии. Основным содержанием «пятилетней национальной программы», принятой новым правительством (1938 г.), являлось форсирование вооружения. Уже

¹ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 119.

² АВП СССР, ф. 77, оп. 14, п. 6, д. 4, л. 1—2.

длительное время Венгрия в нарушение Трианонского договора фактически строила свою армию на основе всеобщей воинской повинности с двухгодичным сроком службы. К началу 1938 г. венгерская армия достигла численности 100 тыс. человек, но правительство продолжало настаивать на ее увеличении.

Фашистская Германия стремилась привлечь Венгрию к подготовляемому ею военному нападению на Чехословакию. В одной из бесед венгерского посланника в Берлине Стояи с Герингом о венгерских притязаниях к Чехословакии Геринг цинично заявил, что «Германия не намерена таскать каштаны из огня для других»¹. Тем самым он дал понять, что Венгрии необходимо более активно участвовать в подготовке нападения на Чехословакию. Для укрепления венгеро-германского военного сотрудничества 11 мая 1938 г. Венгрию посетил адмирал Редер, а затем генерал Кейтель, которые вели переговоры с венгерским генеральным штабом. В свою очередь в июне 1938 г. Берлин посетил военный министр Венгрии. Затем в Германию была приглашена венгерская правительственная делегация во главе с регентом Хорти.

Однако, перед тем как выехать в Берлин, где должны были быть окончательно согласованы венгерские притязания к Чехословакии, правительство Венгрии решило заручиться поддержкой Италии. Его особенно беспокоила позиция Югославии, тем более что в июне 1938 г. Стоядинович посетил Рим и имел дружественную беседу с Муссолини. Перед прибытием венгерской делегации в Рим в итальянской и германской прессе появился ряд статей, свидетельствовавших о наличии значительных разногласий в стане фашистских агрессоров. Еще накануне приезда венгерской делегации Чиано выступил с речью, в которой изложил итальянские притязания на господство в странах Дунайского бассейна и на Балканах. Он говорил, что Италия исторически и экономически связана с этими странами, в частности с Венгрией, и никогда не откажется от этой связи, которая объединяет северные провинции,

¹ В. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 240.

особенно побережье Адриатики, с большим и важным в экономическом отношении хинтерландом — Дунайским бассейном.

Фашистская Германия не оставила без ответа это заявление итальянского министра. На следующий день после выступления Чиано полуофициальный орган министерства иностранных дел Германии газета «Дейче Дипломатисхе Корреспонденц» откликнулась на это выступление специальной статьей¹. Почти в тех же выражениях, как это сделал Чиано, газета высказывала германские притязания на Дунайский бассейн и Балканы.

Во время визита премьер-министра Имреди и министра иностранных дел Канья в Рим 17 июля 1938 г. Венгрия заручилась поддержкой Италии в своих притязаниях к Чехословакии². Одновременно, как указывалось в прессе, венгерской делегации было указано на желательность сближения Венгрии с Югославией, которая, по мнению Муссолини, должна была заменить Австрию в системе «Римских протоколов». Венгеро-югославское сближение должно было способствовать внешнеполитической изоляции Чехословакии, все еще связанной договором о создании Малой Антанты с Югославией и Румынией.

Венгерская правящая клика стремилась вернуть территории, утраченные ею по Трианонскому договору, захватить Закарпатскую Украину и установить совместную границу с панской Польшей, с правительством которой хортисты наладили тесный контакт. Однако Венгрия еще не была подготовлена к войне. Кроме того, она весьма опасалась своих соседей — Румынии и Югославии, союзников Чехословакии по Малой Антанте, имевших территориальные притязания к Венгрии. В связи с этим правящая клика Венгрии вынуждена была занимать колеблющуюся, выжидательную позицию. Она стремилась урвать свою долю добычи, но так, чтобы военный разгром Чехословакии произошел без ее непосредственного участия.

¹ «Deutsche Diplomatische Korrespondenz», 14.VII. 1938.

² ADAP, Ser. D. Bd. I, S. 296.

В конце августа регент Хорти в сопровождении премьера Имреди, министра иностранных дел Канья, военного министра Ратца под предлогом наблюдения за ходом маневров германского военно-морского флота, происходивших в районе Киля, посетил Германию. Гитлер устроил венгерскому диктатору пышный прием. Центральными вопросами переговоров были: 1) отношение Венгрии к Малой Антанте, 2) чехословацкий вопрос.

Гитлер в беседе с Хорти, которая велась на пароходе «Патрия», убеждал главаря венгерских фашистов в необходимости участия Венгрии в агрессии против Чехословакии. Риббентроп в свою очередь в беседах с Имреди и Канья выяснил позицию Венгрии в случае германской агрессии против Чехословакии. Он говорил, что военное нападение Германии на Чехословакию открыло бы большие перспективы для Венгрии. Венгерские министры выразили претензию на часть чехословацкой территории, но в то же время, ссылаясь на неясность позиции Югославии и на незавершенность перевооружения своей армии, они не решались давать какие-либо определенные обязательства об участии в подготавливаемой Германией войне. Тогда Гитлер заявил: «Тот, кто хочет принять участие в еде, должен участвовать и в приготовлении пищи»¹. В ходе дальнейших переговоров Канья под давлением Риббентропа заявил: «Что касается вооружения, то его страна будет в состоянии принять участие в конфликте к 1 октября этого года»². Это заявление свидетельствовало о том, что гитлеровцы приобрели в лице хортистской клики Венгрии нового союзника в подготовке вооруженного нападения на Чехословакию.

Усиленной обработке со стороны фашистской Германии подвергались летом 1938 г. также Польша и Румыния. Роль санационной клики Польши в подготовке агрессии против Чехословакии была еще более значительной, чем роль хортистской Венгрии. Связанная союзом с Германией, панская Польша поддерживала

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 268, 269.

² Там же, стр. 270.

фашистскую Германию в Лиге наций, срывала мероприятия по обузданию фашистских агрессоров. Вместе с гитлеровцами правители буржуазно-помещичьей Польши добивались отторжения и захвата у Чехословакии области Заользья, где проживала небольшая группа польского населения. Кроме того, польский министр иностранных дел Иосиф Бек оказывал большое влияние на словацких сепаратистов и призывал их к участию в подрывной деятельности против чехословацкого государства. 24 мая 1938 г. польский посол в Париже Лукасевич в беседе с Боннэ по поручению своего правительства заявил, что Польша не допускает даже на один миг того, чтобы проблема, касающаяся положения польского национального меньшинства в Чехословакии, была рассмотрена после решения вопроса о судетских немцах. «Эта проблема должна быть разрешена одновременно и в полной аналогии с разрешением вопроса о немцах», — говорил он¹.

Французский министр не пытался удерживать польскую правящую клику от ее участия совместно с фашистской Германией в агрессии против Чехословакии. Боннэ говорил, что он стремится укрепить сотрудничество Франции с Польшей в антисоветских целях. «Министр Боннэ, — сообщал Лукасевич в Варшаву, — был бы особенно доволен, если бы он мог в результате выяснения вопроса о сотрудничестве с Польшей заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи»².

Фашистская Германия в полной мере использовала экспансионистские устремления польской буржуазии и помещиков, с тем чтобы посредством обещания совместных действий против СССР привлечь Польшу к участию в агрессии против Чехословакии и тем самым временно скрыть антипольские планы германского империализма. 10 августа 1938 г. в беседе с польским послом в Берлине Геринг заявил, что «русская

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 133.

² Там же, стр. 131.

проблема ... после решения чешского вопроса станет актуальной... Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине»¹.

Получив соответствующие директивы из Берлина, Бек пытался воздействовать на правящую клику Румынии, которая должна была не допустить прохода советских войск через свою территорию для оказания военной помощи Чехословакии. 10 августа Липский сообщал Беку: «... я информировал Геринга о переговорах вице-министра Шембека с Комненом, во время которых последний категорически высказался против пропуска советских войск через территорию Румынии. Геринг с удовлетворением принял это заявление»². Позиция Румынии имела особенно важное значение в случае возникновения германо-чехословацкого военного конфликта. Гитлеровцы знали, что с момента заключения советско-чехословацкого пакта правительство СССР вело переговоры с Румынией о предоставлении права прохода советских войск через ее территорию для оказания помощи Чехословакии»³.

В свою очередь правительства Англии и Франции, продолжая поощрять германскую агрессию, использовали также союзников Чехословакии по Малой Антанте — Румынию и Югославию — для оказания нажима на правительство Чехословакии, с тем чтобы оно приняло германские требования. «Мне также известно, — сообщал Липский Беку, — что сэр Невиль (Гендерсон. — В. Ф.) оказывал влияние на румынского и югославского посланников в смысле оказания давления со стороны их правительств на Прагу... По более поздним сведениям стало известно, что как Бухарест, так и Белград должны были сделать представление

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 175.

² Там же.

³ Единственным конкретным результатом было соглашение о строительстве железнодорожной линии через Северную Буковину, которая должна была создать прямую железнодорожную связь между СССР и Чехословакией, но этот проект остался только на бумаге.

Праге, склоняя чешское правительство к уступкам»¹. Правительство Румынии, так же как и правительство Польши, опасаясь, что проход Красной Армии через их территорию активизирует демократические и революционные силы народов, сорвало переговоры с Советским Союзом и все более сближалось с фашистской Германией.

Ускоренные военные приготовления, начатые правительством фашистской Германии после «майского кризиса», требовали огромных финансовых затрат, а также мобилизации всех экономических и людских ресурсов страны. Лихорадочными темпами увеличивалось производство и импорт стратегического сырья. Созданный в 1937 г. концерн «Герман Геринг» увеличивал добычу местных железных руд, несмотря на то что они были бедны содержанием железа. Вместе с тем увеличивался ввоз железной руды из Швеции, Франции, цветных металлов из стран Юго-Восточной Европы, доля которых в германском импорте в 1938 г. составляла 12,1%². Удельный вес важнейших видов полезных ископаемых и стратегического сырья из стран Юго-Восточной Европы в общем импорте Германии был еще более значительным. Так, например, бокситы составляли 55,3% общего ввоза, свинец — 24,4%, нефть — 17,2%, лес — 16,0%. Главными поставщиками стратегического сырья являлись Румыния и Югославия, а бокситов — Венгрия.

К началу 1939 г. фашистская Германия производила уже более 25 млн. т стали, что значительно превышало производство стали в Англии и Франции, вместе взятых. В 1938 г. Германия вышла на первое место в мире по производству такого стратегически важного металла, как алюминий, на третье место в мире по добыче каменного угля. Значительно возрос выпуск военных самолетов, танков, артиллерийских орудий, боеприпасов.

Огромных размеров достигли военные расходы фашистской Германии. Строительство укреплений на

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 175.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», Berlin, 1940, S. 21.

Западе, военные маневры, проведенные в августе 1938 г., а также подготовка вооруженных сил к нападению на Чехословакию весьма обострили и без того тяжелое положение германской экономики. Захват золотого запаса Австрии (около 400 млн. шилл.) лишь ненадолго облегчил трудности Германии. В связи с переводом промышленности на выпуск вооружения и сокращением производства предметов потребления, гитлеровцам нечем было оплачивать все увеличивающийся импорт стратегического сырья. В конце 1938 г. в рейхсбанке не было средств, необходимых для финансирования вооружения. Министр финансов Шверин-Крозиг заявил, что в конце 1938 г. Германия окажется перед финансовой катастрофой¹.

Тяжелое экономическое положение фашистской Германии в результате милитаризации народного хозяйства являлось одной из причин, подталкивающей гитлеровцев к ускорению агрессии против Чехословакии. Захватив ее финансы, источники сырья и сравнительно мощную промышленность, нацистская клика надеялась улучшить экономическое положение страны и еще более быстрыми темпами осуществить подготовку к войне за мировое господство.

Угроза приближавшейся экономической катастрофы, перед которой очутилась фашистская Германия вследствие одностороннего военного развития ее экономики, вызывала тревогу у отдельных групп монополистов, генералитета и высших чиновников. Хотя Гитлер настойчиво убеждал своих генералов в том, что Франция и Англия не выступят в защиту Чехословакии, часть германских милитаристов, учитывая опыт первой мировой войны, а также обострившиеся империалистические противоречия, не вполне была уверена в этом. Эта группа гитлеровских генералов разработала и одобрила план начала войны в 1943—1945 гг., когда, по ее мнению, должна была быть завершена программа строительства мощного военно-морского флота, перевооружения и подготовки армии. Они считали, что к этому времени и союзник Германии —

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 46, л. 237, 290.

фашистская Италия также завершила бы подготовку к войне. Перспектива преждевременного развязывания Германией мировой войны, к которой она еще не была полностью подготовлена, и являлась тем вопросом, по которому имелись разногласия в среде правящей верхушки гитлеровского рейха.

Угроза развязывания мировой войны обострила также противоречия и в лагере германской буржуазии: между сторонниками американской и англо-французской ориентации и их противниками, между разорвавшимися владельцами мелких и средних предприятий и крупными монополистами, между отдельными концернами и трестами за получение прибылей и т. д.

Значительное влияние на обострение разногласий в гитлеровской верхушке оказало движение Сопротивления в Германии. В 1938 г. в связи с реальной угрозой войны оживилась антифашистская и антивоенная борьба немецкого рабочего класса, руководимая коммунистами. Вопреки кровавому гестаповскому террору, с помощью которого гитлеровцы стремились беспощадно подавить рабочее движение в стране, эта борьба принимала все больший размах.

Как утверждает ряд буржуазных историков — авторов легенды о «верхушечной оппозиции», некоторые оппозиционные германские генералы пытались решительно противодействовать гитлеровской агрессии и в противовес «плану Грюн» — плану нападения на Чехословакию — составили свой «контрплан».

В качестве центральной фигуры «оппозиции» буржуазные историки выдвигают начальника генерального штаба сухопутных сил генерал-полковника Бека. Всячески возвеличивая генерала Бека, буржуазные историки вместе с тем пытаются реабилитировать германский генеральный штаб. Они утверждают, что будто бы после реорганизации высших органов управления германскими вооруженными силами 4 февраля 1938 г. германский генеральный штаб представлял собой «подсобный технический орган», не участвовавший в решении политических вопросов. По их мнению, генералы и генштаб руководствовались только принципами «выполнения солдатского долга», беспрекос-

ловно осуществляя приказы верховного главнокомандующего.

Как утверждает западногерманский историк Риттер¹ и другие авторы легенды о «генеральской оппозиции», Бек и другие генералы были крайне подавлены таким умалением роли генерального штаба в гитлеровской Германии, функции которого будто бы сводились только к планированию операций сухопутных сил. Однако факты опровергают эту фальшивую легенду. Действительно, при новой структуре военного руководства в Германии существовали генеральные штабы во всех трех видах вооруженных сил. Штабы отдельных родов войск разрабатывали военные планы каждый в сфере своей компетенции. Но ОКВ (главный штаб верховного командования вооруженных сил) координировал деятельность всех этих штабов.

Решающая роль в осуществлении агрессивных планов германского империализма возлагалась на сухопутную армию с ее мощными танковыми и моторизованными соединениями. Важнейшие функции в планировании и руководстве военными операциями выполнял генеральный штаб сухопутных сил. Новая структура организации управления высших органов вермахта не только не уменьшила и не исключила, как это утверждают фальсификаторы истории, роли генерального штаба, а, наоборот, предусматривала его самое активное участие в разработке и осуществлении планов агрессии. Как признает бывший начальник организационного отдела генерального штаба Б. Мюллер-Гиллебранд, после 1938 г. генеральный штаб сухопутных сил даже был расширен².

В генеральном штабе по-прежнему господствовал агрессивный дух прусско-германского милитаризма. В целях сохранения прусских милитаристских традиций в фашистской Германии продолжал свою деятельность так называемый Союз Шлиффена, организа-

¹ *G. Ritter, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung, S. 574.*

² *Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 143.*

ция, объединявшая офицеров, окончивших академию генерального штаба, и прикрепленная к генштабу. В нее входили как офицеры, находившиеся в отставке, так и продолжавшие службу в генеральном штабе сухопутных сил, а также офицеры военно-воздушных сил и офицеры генерального штаба австрийской армии.

Собрания союза проводились регулярно. Его члены уплачивали членские взносы. Был избран «почетный совет», состоявший из высших наиболее известных немецких генералов, который следил за соблюдением германским офицерским корпусом милитаристских традиций, разрешал конфликты, возникающие между офицерами. Таким образом, «Союз Шлиффена» и другие офицерские организации являлись своеобразной духовной школой, сохраняющей и передающей милитаристские традиции германского генерального штаба. Именно поэтому гитлеровцы при проведении политики унификации наряду с фашистской партией сохранили примыкающий к ней «Союз Шлиффена».

По мнению буржуазных историков и некоторых гитлеровских генералов, Бек был недоволен новой организацией высших органов германских вооруженных сил. Как утверждают Вестфаль, Герлиц, Эрфурт и другие, Бек выступал за восстановление руководящей роли сухопутных войск и генерального штаба армии в вермахте. Он исходил из того, что при континентальном положении Германии решающую роль в предстоящей войне будет играть сухопутная армия, а не морской или воздушный флот. Поэтому он предлагал усилить роль сухопутной армии в вооруженных силах, объединить верховное командование вооруженных сил (ОКВ) с главным командованием сухопутных сил (ОКХ). Созданный таким образом генеральный штаб армии, по его мнению, должен осуществлять руководство всеми вооруженными силами, как это было принято в кайзеровской Германии¹.

¹ Как известно, это предложение было осуществлено в декабре 1941 г. после поражения немецко-фашистских войск под Москвой, когда после отставки Браухича Гитлер одновременно с функциями верховного главнокомандующего стал выполнять функции главнокомандующего сухопутными силами Германии.

На этой почве, как пишет Герлиц, между Беком и Герингом, добивавшимся исключительного положения военно-воздушных сил в вермахте, часто происходили столкновения. Эти столкновения, безусловно, сыграли свою роль в создании мифа о Беке. Но из этого отнюдь не следует вывод, распространяемый буржуазными историками, будто бы Бек выступал вообще против войны и гитлеровского режима.

Ряд гитлеровских генералов пытается представить Бека генералом-консерватором, противником оснащения армии новейшими видами оружия. Особенным нападкам подвергает Бека в своих мемуарах генерал Гудериан; он обвиняет Бека в недооценке значения новейшей военной техники, и особенно танковых войск¹. Апологеты германского милитаризма Ферстер, а также бывший адъютант Гитлера Госсбах пытаются использовать эту критику Гудериана для доказательства того, что будто бы Бек считал, что германская армия создается не для наступательной войны, а только для обороны².

Однако другой гитлеровский генерал, Манштейн, близко знавший Бека, стремится «защитить» его от подобных необоснованных упреков. По мнению Манштейна, Бек вовсе не выступал против оснащения армии новейшей техникой, а разница между Беком и самим Гудерианом заключалась только в темпераменте. «Гудериан,— пишет он,— добивался цели беспощадными средствами, в то время как Бек стремился к достижению той же цели, но только более трезво, тщательно обдумывая все обстоятельства»³. По мнению Манштейна, если Гудериан все внимание уделял танковым войскам, считая их решающим родом войск, то Бек, не отрицая значения танковых войск, стремился развить и другие рода войск. «Не будучи врагом танков и моторизации,— продолжал Манштейн,— он не решался ставить все карты на этот вид войск»⁴.

¹ *H. Guderian, Erinnerungen eines Soldaten, S. 26.*

² *W. Foerster, Generaloberst Ludwig Beck, S. 35.*

³ *E. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 69.*

⁴ Там же.

Отметая множество всевозможных мифов и домыслов, созданных буржуазными историками и публицистами вокруг личности Бека, следует признать, что начальник генерального штаба германской армии являлся одним из дальновидных немецких генералов. Он видел всю иллюзорность внешнеполитических успехов гитлеровцев и понимал, что в военном отношении Германия далеко не подготовлена к мировой войне.

Опасения Бека за исход преждевременно начатой войны изложены в ряде его меморандумов Гитлеру, которые раскрывают действительное военное и экономическое положение Германии в 1938 г. Вместе с тем они помогают разоблачить утверждения мюнхенцев, что будто бы только ценой предательства Чехословакии можно было «спасти» мир и предотвратить развязывание мировой войны осенью 1938 г.

В действительности, как это видно из меморандумов Бека, Германия в 1938 г. не была готова к такой войне. А все угрозы гитлеровцев и их политика бряцания оружием являлись своеобразным шантажом и блефом, рассчитанным на запугивание общественного мнения.

Как отмечалось, уже первое сопротивление Чехословакии в период «майского кризиса», поддержанное робким англо-французским демаршем в Берлине, привело в замешательство многих гитлеровских генералов и послужило одной из причин возникновения внутриполитического кризиса в фашистской Германии. Эти события и получили отражение в меморандумах Бека.

Первый его меморандум в связи с подготовкой агрессии против Чехословакии «Соображения о настоящем военно-политическом положении Германии» был составлен 5 мая 1938 г.¹

Бек указывал, что: а) в результате англо-итальянских переговоров, завершившихся подписанием 16 апреля 1938 г. известного соглашения об урегулировании англо-итальянского конфликта в Африке и Средиземном море ценой признания захвата Италией Абиссинии и других территориальных уступок, Англия освободилась от угрозы войны с Италией и от опасения за свои

¹ *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck, S. 89.

коммуникации с Индией и Дальним Востоком; б) японо-китайская война приведет к ослаблению Японии, и последняя не будет представлять серьезной угрозы для Англии на Дальнем Востоке; в) Англия и Франция установили тесное политическое и экономическое сотрудничество, а США помогают им. Уже теперь (в 1938 г. — *В. Ф.*) созданы основы для возникновения англо-франко-американской коалиции, напоминающей их союз в 1914 г.; г) Советский Союз, связанный договорами с Чехословакией и Францией, являлся, по мнению Бека, самым сильным противником Германии.

Во второй части меморандума выражалось опасение, что общественное мнение Англии и Франции заставит правительства этих стран изменить свою позицию в отношении германской агрессии в Европе. «Во Франции,— писал он,— население рассматривает аншлюс, как вторую Садовую», а «французская армия была и остается все еще сильнейшей армией в Европе»¹. Изложив все эти внешнеполитические соображения, Бек резюмировал: «Германия не готова ни в военном, ни в военно-политическом, ни в военно-экономическом отношении к ведению длительной европейской войны»².

Таким образом, из приведенного документа отнюдь не следует, как это пытаются доказать буржуазные историки, что Л. Бек и группа стоящих за ним генералов и дипломатов были противниками войны. По ряду вопросов этот документ содержит довольно трезвую оценку экономического и политического положения Германии, которую Бек противопоставлял авантюристической стратегии Гитлера и его окружения. Однако этот документ свидетельствует также и о том, что группа сторонников Бека подходила к оценке положения Германии с позиции 1914 г. Она недооценивала политического момента — антисоветской политики США, Англии и Франции, который играл важнейшую роль в агрессивных планах немецкого империализма.

28 мая 1938 г., после провала первой попытки захватить Судетскую область без развязывания евро-

¹ *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck, S. 102.

² Там же.

пейской войны, Гитлер в так называемом зимнем саду выступил с новой речью «перед руководителями партии, государства и вермахта». В бумагах Л. Бека имеется запись этой речи Гитлера.

На следующий день, 29 мая, в своих заметках Бек сделал к этой речи ряд замечаний, которые показывают суть его разногласий с Гитлером. «Это верно, — писал Бек, — что Германии необходимо жизненное пространство как в Европе, так и в колониях»¹. Так же как и Гитлер, он считал, что это пространство можно приобрести посредством войны². Бек был солидарен и с заявлением «фюрера» о необходимости захвата Чехословакии. «Верно, — записал он, — что созданная согласно Версальскому диктату Чехословакия является невыносимой для Германии»³. Но он добавлял, что решение этого вопроса можно найти не обязательно путем развязывания европейской войны. Бек снова повторял свое заявление, содержащееся в меморандуме от 5 мая 1938 г., о военной и экономической слабости Германии, а также предостерегал от недооценки боеспособности чехословацкой армии.

30 мая Бек представил эти свои замечания командующему сухопутными силами генералу Браухичу⁴. В дневнике Иодля, в записи от 30 мая 1938 г., также имеется заметка, подтверждающая факт наличия разногласий между Гитлером и его ближайшим окружением, с одной стороны, и Беком и его сторонниками — с другой. После записи о намерении Гитлера уничтожить Чехословакию говорится: «Становится более ясным контраст между интуицией фюрера о том, что необходимо сделать это в нынешнем году, и мнением армии о том, что мы это еще не можем сделать, так как западные державы, несомненно, вмешаются, а мы еще не можем с ними сравниться»⁵. В ходе последующих совещаний у Гитлера, а также в документах по подготовке «плана Грюн» фашистский диктатор учитывал

¹ *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck, S. 107.

² Там же, стр. 109.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 108.

⁵ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 265.

это предупреждение своих генералов, обещая им, что Германия нападет на Чехословакию лишь в том случае, если она будет уверена, что Англия и Франция не вмешаются. В связи с этим вся военная подготовка Германии в 1938 г. проводилась в расчете на локальную войну с Чехословакией.

13 августа 1938 г. Бек подал рапорт об отставке. Гитлер согласился удовлетворить эту просьбу с условием, что приказ об его отставке временно не будет обнародован. С 27 августа начальником генерального штаба был назначен генерал Гальдер. Бек согласился в течение двух месяцев держать в тайне свою отставку, чтобы не осложнять действий Гитлера в период агрессии против Чехословакии. Только 18 октября 1938 г. был издан официальный приказ об отставке Бека.

После ухода в отставку Бек составил памятную записку для Гитлера, которая называлась «Германия в будущей войне». В этой записке, предназначенной для будущих историков, были изложены основные вопросы, по которым Бек расходился с Гитлером. «Германия,— писал он,— не подвергнется военному нападению со стороны других держав до тех пор, пока сама не прибегнет к нему... В случае войны против мировой коалиции Германия будет побеждена и в конце концов окажется выданной на милость победителей»¹.

Таким образом, приведенные документы показывают, что начальник генерального штаба германской армии генерал Бек не был противником агрессивных планов германского империализма. Важнейшие из германских военных планов были составлены под его непосредственным руководством. Однако он предупреждал против преждевременного начала войны и особенно опасался вовлечения Германии в войну на многих фронтах, что, по его мнению, закончилось бы для нее катастрофой².

Среди монополистов, дипломатов и других высших чиновников фашистской Германии имелись группы,

¹ *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab., S. 482.*

² *H. Königer, Der Weg nach München, S. 90.* Биограф Бека Ферстер спешит убедить читателя, что Бек не нарушал присяги, «боролся против политики Гитлера на законной основе»,

которые разделяли эти опасения Бека. Они всячески стремились к тому, чтобы захват Чехословакии был осуществлен без развязывания европейской войны. Они делали ставку на влиятельную группировку в правящих кругах Англии, которая склонялась к соглашению с фашистской Германией на основе объединяющих их антисоветских устремлений.

Таким образом, в 1938 г. международная империалистическая реакция еще делала ставку на создание объединенного антисоветского фронта. Основой этого блока реакционных сил должно было явиться широкое англо-германское соглашение. Как утверждает Уилер-Бенетт, участники «верхушечной оппозиции» информировали Лондон, Париж, Вашингтон о военных приготовлениях Германии¹. Пытаясь запугать правящие круги Англии возможностью развязывания общеевропейской войны, представители «верхушечной оппозиции» подталкивали их к соглашению с фашистской Германией.

Германские дипломаты статс-секретарь Вейцекер, советник посольства в Лондоне Т. Кордт, разделяя гитлеровские планы захвата Чехословакии, выступали с проектами так называемого химического растворения Чехословакии, т. е. захвата ее путем подрыва изнутри и сговора с англо-французскими и американскими империалистами². Их предложения являлись своеобразным вариантом агрессивного плана немецко-фашистского империализма, рассчитанного на достижение тех же захватнических целей, только менее рискованным, более осторожным путем.

В то время когда фашистская Германия проводила военные маневры на границах Чехословакии, 16 августа Эвальд Клейст от имени германской «верхушечной оппозиции» был направлен в Лондон для переговоров

что он не выступал против личности руководителя государства. Добровольно уйдя с поста начальника генерального штаба, Бек согласился принять пост командующего армией на Западе, в качестве которого он и состоял в дни сентябрьского кризиса в германо-чехословацких отношениях.

¹ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 63.

² *W. Foerster*, Generaloberst Ludwig Beck, S. 63.

с правящими кругами Англии¹. В Лондоне Клейст имел встречу с Ванситтартом, Черчиллем, Ллойд Джорджем. 18 августа Клейст сообщил Ванситтарту, что Гитлер принял решение начать войну против Чехословакии. В своих планах, продолжал далее Клейст, Гитлер исходит из того, что «позиция Англии и Франции в мае была блефом».

Для того чтобы на некоторое время задержать развязывание войны, Клейст просил, чтобы кто-либо из членов английского кабинета опроверг эту уверенность Гитлера и дал понять, что Англия поддержит Чехословакию в случае германской агрессии.

В тот же день Ванситтарт передал содержание своей беседы с Клейстом Чемберлену. Однако Чемберлен и Галифакс, делавшие решительную ставку на сговор с Гитлером ценой предательства Чехословакии, отклонили это предложение². 19 августа 1938 г. Чемберлен писал Галифаксу, что следует брать «как можно меньше обязательств»³.

¹ Эвальд фон Клейст-Шменцин — юрист и крупный земледелец, связанный с «верхушечной оппозицией», казнен гитлеровцами в апреле 1945 г. Не путать с фельдмаршалом фон Клейстом. — В. Ф.

² См. В. Е. Штейн, *Буржуазные фальсификаторы истории*, стр. 162, 164.

³ DBFP, Ser. III, vol. II, Appendix.

У. Черчилль, на которого обычно ссылаются гитлеровские генералы и дипломаты, как на лицо, у которого они будто бы искали поддержку своих планов, высказывает следующее, на наш взгляд, близкое к истине предположение: Гитлер еще раньше пришел к убеждению, что ни Франция, ни Англия не станут сражаться за Чехословакию. Однако «военные советники Гитлера, — продолжает Черчилль, — не разделяли единодушно его безграничной уверенности. Ввиду все еще огромного превосходства сил союзников (за исключением авиации) было невозможно убедить немецких генералов, что Англия и Франция не дадут отпора вызову фюрера. Для разгрома чехословацкой армии или для прорыва или обхода линии богемских крепостей понадобилось бы практически 35 дивизий. Немецкие командующие вооруженными силами довели до сведения Гитлера, что чешскую армию нужно считать боеспособной и располагающей современным оружием и снаряжением. Таким образом, в момент нападения на чехов для защиты всей западной границы Германии против французской армии, которая могла мобилизовать 100 дивизий, немцы располагали всего 5 кадровыми и 8 резервными диви-

С той же целью в Лондон выезжал сотрудник германской контрразведки директор одного из концернов Рура, связанный с английскими промышленниками, подполковник Ганс Теттельсбах¹, который вторично передал для английского правительства предложения, сделанные ранее Клейстом. Однако и его миссия также закончилась безуспешно².

Западногерманские историки, а также бывшие гитлеровские генералы и дипломаты много пишут о том, что якобы летом и осенью 1938 г. представители «верхушечной оппозиции» готовили путч, с тем чтобы предотвратить развязывание Гитлером общеевропейской войны.

В действительности германские генералы не только не были противниками захвата Чехословакии и других агрессивных актов, но они приняли активное участие в их подготовке и осуществлении. Документы из архива главного штаба вермахта, министерства иностранных дел фашистской Германии и другие материалы полностью изобличают германских генералов и дипломатов, в том числе и участников «верхушечной оппозиции», в подготовке захвата Чехословакии и других преступлений фашистского правительства. Политика подготовки войны вполне соответствовала их целям. Имевшиеся же разногласия по отдельным тактическим вопросам были быстро ликвидированы в ходе осуществления агрессивной программы германского империализма.

Генералы были в ужасе от подобного риска, зная, что, выждав несколько лет, германская армия могла бы вновь стать хозяином положения.

Хотя правильность политических расчетов Гитлера уже имела доказательство ввиду пацифизма и слабости, проявленных союзниками при введении воинской повинности в Германии, а также по вопросу о Рейнской области и об Австрии, германское верховное командование не могло поверить, что блеф Гитлера увенчается успехом в четвертый раз». *W. Churchill, The Second World War, vol. I, p. 244—245.*

¹ *W. Wheller-Bennett, The Nemesis of the Power, p. 412.*

² После войны Ганс Теттельсбах подробно рассказал о своей миссии в статье, опубликованной в одной из западногерманских газет. Он признал, что в Лондоне он просил английское министерство иностранных дел, чтобы оно оказало нажим на германское правительство и противодействовало военным планам Гитлера. «*Rheinische Post*», Düsseldorf, 10.VII.1948.

6. Сентябрьский кризис в германо-чехословацких отношениях

В конце августа — начале сентября 1938 г. кризис в германо-чехословацких отношениях вступил в решающую стадию. После того как была определена конкретная дата нападения на Чехословакию, фашистская Германия приступила к мероприятиям по реализации «плана Грюн». 4 сентября 1938 г. был издан новый секретный «Закон об обороне империи»¹, который предусматривал завершение приготовлений на случай войны.

В целях подготовки к агрессии был преобразован «Имперский совет обороны». Председателем совета оставался Гитлер, а Геринг провозглашался его постоянным заместителем. Значительно изменялся и состав совета. Теперь в качестве членов в него вошли главнокомандующие родами войск — сухопутных и военно-морских, которые еще в 1936 г. были возведены в ранги министров и получили право участвовать в заседаниях правительства. В состав «Имперского совета обороны» вошли также заместитель фюрера, начальник имперской канцелярии, председатель тайного совета министров, генеральные уполномоченные по имперской администрации, по военной экономике, министры иностранных дел, внутренних дел, финансов, просвещения и пропаганды, председатель рейхсбанка².

В свою очередь «Имперский совет обороны» подразделялся на три составные части, возглавляемые его членами — генеральными уполномоченными: 1) военное ведомство, возглавляемое генералом Кейтелем; 2) ведомство генерального уполномоченного по военной экономике — Функ; 3) ведомство генерального уполномоченного по военной администрации — Фрик.

Эти лица составляли так называемую коллегию трех уполномоченных, которая практически осуществляла выполнение решений «Имперского совета

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. II, p. 98.

² См. Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 142—143.

обороны» и координацию усилий подчиненных им ведомств.

Кроме того, продолжал функционировать рабочий комитет военного кабинета, созданный еще в 1933 г. Его председателем был назначен генерал Кейтель. Рабочий комитет должен был готовить материалы для заседаний «Имперского совета обороны» и обеспечивать выполнение его решений. Был также расширен состав комитета. В него вошли уполномоченные ведомств, представленные в совете, а также полиции и министерств труда, путей сообщения, почты и телеграфа и т. д.¹

Таким образом, к концу 1938 г. фактически была завершена перестройка государственных органов управления фашистской Германии в целях ведения агрессивной войны. Такими органами являлись: правительство фашистской Германии, «Имперский совет обороны», «Тайный совет министров». Этим органам принадлежала законодательная и исполнительная власть. Такая сложная система управления фашистским рейхом вызывалась необходимостью быстрой и всесторонней подготовки страны к агрессивной, тотальной войне.

Важнейшую роль среди тайных правительственных учреждений в подготовке страны к агрессивной войне играл «Имперский совет обороны» (военный кабинет). Этот факт ныне пытаются опровергнуть буржуазные историки. «Второй «Имперский совет обороны», так же как и первый, — пишет Герхард Мейнк, — практически не играл никакой роли»².

Однако документы свидетельствуют об обратном. На заседаниях совета обороны принимались все важнейшие решения по вопросам подготовки агрессии. Этот факт признавал Геринг на заседании совета 23 июня 1939 г.: «Совет обороны империи является решающей корпорацией в империи по вопросам подготовки к войне»³.

¹ См. Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 143.

² G. Meinck, Der Reichsverteidigungsrat. «Wehrwissenschaftliche Rundschau» N 6, 1956, S. 421.

³ «Нюрнбергский процесс», т. VI, М., 1960, стр. 7—42.

Наряду с реорганизацией органов государственной власти в сентябре 1938 г. верховное командование вермахта завершило последние приготовления к агрессии против Чехословакии. 3 сентября в Бергхофе — резиденции «фюрера» близ Оберзальцберга — Гитлер, Кейтель и Браухич обсуждали технические детали подготовки военного нападения на Чехословакию. Браухич доложил о сроках переброски в район «учений» войск, выделенных для участия в «операции Грюн». Переброску войск предполагалось завершить к 28 сентября. Гитлер указал, что «войска должны быть сосредоточены на расстоянии двухдневного перехода от границы и повсюду должны быть произведены маскировочные маневры»¹. На этом совещании Гитлер изложил свою точку зрения о стратегии германской армии, о состоянии чешских оборонительных сооружений, о необходимости привлечения генлейновцев к участию в военных действиях². В высказываниях Гитлера и Браухича чувствовалась большая тревога в связи с перспективами развития германо-чехословацкого конфликта. Как отмечал адъютант Гитлера Шмундт в протокольной записи этого совещания, «Браухич выражает сомнения по поводу состояния мобилизованных дивизий, организации тыловых служб и недостаточной обученности резервов».

Некоторое беспокойство нацистской клике доставляла и позиция западных держав. Это подтверждается записью в дневнике Иодля, в которой говорится, что еще 8 сентября генерал Штюльпнагель «в беседе с ним (Иодлем. — В. Ф.) выразил сомнение в позиции западных держав и заявил, что, по сведениям Канариса, Италия и Венгрия на данном этапе воздержатся от вмешательства в конфликт»³. Желая успокоить своих генералов, встревоженных возможной перспективой расширения войны, а также для подкрепления своей политики блефа «фюрер дал приказ о расширении западных фортификаций, об улучшении передовых позиций под

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 273.

² См. там же.

³ М. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 108.

Аахеном и Саарбрюкеном. Строительство от 300 до 400 площадок для батарей (на 1600 орудий)»¹.

В ночь с 9 на 10 сентября 1938 г. в Нюрнберге состоялось новое совещание. Гальдер доложил о конкретных задачах, стоящих перед четырьмя немецкими армиями (второй, десятой, двенадцатой и четырнадцатой), предназначенными для участия в нападении на Чехословакию².

Подготавливая преступное нападение на Чехословакию, гитлеровцы собирались применить в войне самые изуверские методы вплоть до отравляющих газов. Для оправдания подобной варварской меры они намеревались обвинить чехословаков в том, что будто бы они первыми применили отравляющие вещества.

Уже на данном совещании речь шла о мобилизации германских рабочих на строительство военных укреплений, о значительном увеличении контингента рабочей силы, необходимой в военном производстве³. На следующий день, 10 сентября 1938 г., Гитлер издал приказ, согласно которому с 15 сентября все вопросы, связанные с германской трудовой повинностью, передавались верховному командованию вооруженных сил. Завершалась и секретная подготовка железнодорожного транспорта для переброски немецкой армии и вооружения к границам Чехословакии.

В конце августа — начале сентября 1938 г. гитлеровцы дали указание своей «пятой колонне» — генлейновцам — заявить о невозможности достигнуть соглашения с чехословацким правительством и выступить с открытым требованием присоединения Судетской области к Германии. Весь партийный аппарат судетонемецко-фашистской партии, все ее низовые организации и члены были превращены в агентов «Абвер»⁴. Ободренная уступчивостью чехословацкого правительства, не желавшего пресечь подрывную деятельность

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 273.

² Количество армий, предназначенное для участия в нападении на Чехословакию, было затем увеличено до 5.

³ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 275.

⁴ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 109.

генлейновцев, фашистская Германия усилила переправу из Австрии в Чехословакию транспортов с вооружением. Действуя в тесном контакте с германскими эсэсовскими отрядами, генлейновцы в конце августа — начале сентября усилили террористическую деятельность против чехословацких и немецких патриотов-антифашистов.

1 сентября 1938 г. в немецкой прессе было опубликовано официальное сообщение о встрече Генлейна с Гитлером в Берхтесгадене¹. Гитлер говорил, что миссия Ренсимиена превращает судетский вопрос в международную проблему и что Генлейн должен использовать это обстоятельство и усилить давление на Чехословакию². Гитлер рекомендовал ему отклонить «план № 3», разработанный президентом Бенешем и согласованный им с Ренсимиеном. Указанный план содержал новые уступки, в частности согласие правительства Чехословакии на предоставление автономии судетским немцам. 29 августа Бенеш передал свой план в форме меморандума представителям генлейновской партии Кундту и Себековскому.

Вернувшись в Чехословакию 2 сентября с секретными инструкциями Гитлера, Генлейн объявил предложения чехословацкого правительства неприемлемыми и теперь уже только в качестве минимума требовал выполнения Карловарской программы. Правящие круги Чехословакии, несмотря на то что было совершенно ясно, что гитлеровцы и их агентура — генлейновцы — вовсе не стремятся к мирному урегулированию судето-немецкой проблемы, а используют ее только в качестве предлога для подготовки нападения на Чехословакию, все более капитулировали перед требованиями фашистской Германии.

Во время тайных переговоров Ренсимиена с чешскими финансовыми и земельными магнатами и был разработан так называемый Четвертый план урегулирования судето-немецкого вопроса. 4 сентября 1938 г. Бенеш снова передал этот новый план Кундту и Себе-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 554—555.

² W. Wheller-Bennett, München. Prologue to Tragedy, p. 88.

ковскому. План включал принятие фактически всех карловарских требований генлейновцев. Как позже признавали Бенеш и Ренсимен, эта капитуляция правительства Чехословакии была совершена при непосредственном участии и под давлением правительств Англии и Франции¹.

В результате капитуляции правительства Чехословакии перед все возрастающими требованиями генлейновцев создалась ситуация, которой весьма опасались немецкие фашисты и их агентура. Они не желали компромисса, но правительство Чехословакии приняло их требование о предоставлении автономии Судетской области и другие, т. е. согласилось на создание немецкого фашистского государства внутри Чехословакии. Таким образом, удовлетворение требований генлейновцев устраняло важнейший предлог для развертывания германской агрессии. Поэтому после некоторого замешательства и переговоров с Берлином генлейновцы, продолжая настаивать на изменении внешней политики Чехословакии, т. е. на отказе ее от договоров с Советским Союзом и Францией и на превращении в вассала фашистской Германии, отложили обсуждение «Четвертого плана» до окончания съезда германской фашистской партии². Одновременно они усилили политику провокаций и террора.

12 сентября в Нюрнберге состоялся съезд гитлеровской партии, на котором присутствовали представители судето-немецкой партии. В качестве одного из почетных гостей съезда был английский посол Гендерсон³. Гитлер произнес на съезде вызывающую античехословацкую речь, в которой лживо утверждал, что Чехословакия является центром коммунистической угрозы в Европе. Он угрожающе заявил, что приходит конец «угнетению» 3,5 млн. немцев со стороны чехов. Фашистский «фюрер» призвал судетских немцев к мятежу и обещал им вооруженную поддержку Германии.

Речь Гитлера в Нюрнберге послужила сигналом к обострению германо-чехословацких отношений.

¹ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 96.

² Там же.

³ *P. Schmidt*, Statist auf diplomatischer Bühne, S. 393.

Еще накануне съезда Гитлер дал указание Генлейну и Франку прекратить переговоры с правительством Годжи. По его же указанию генлейновцы назначили на 17 сентября вооруженное выступление против Чехословакии¹. 11—12 сентября они спровоцировали в Судетской области многочисленные столкновения с чехами². 13 сентября был совершен ряд вооруженных нападений генлейновцев на полицейские участки, отделения связи и т. д.³ В г. Хебе генлейновские вооруженные штурмовики захватили здание отеля, убили ряд чешских полицейских и железнодорожных служащих, обстреляли из пулемета полицейский автомобиль. В Шведербахе генлейновцы похитили чехословацких полицейских и таможенных чиновников, вывезли их в Германию и передали в руки гестапо⁴. В связи с обострением положения в Судетской области правительство Годжи под давлением масс, руководимых Коммунистической партией Чехословакии, было вынуждено 13 сентября объявить чрезвычайное положение в Судетской области и приняло ряд мер по пресечению бесчинств генлейновцев⁵. Через 48 часов путч генлейновцев был ликвидирован.

В тот же день К. Франк от имени партии генлейновцев предъявил наглый ультиматум чехословацкому правительству. Он потребовал отмены чрезвычайного положения, отзыва государственной полиции из районов, населенных немцами, и передачи ее функций генлейновцам. Генлейновцы заявляли, что если этот ультиматум не будет принят в течение шести часов, то «судето-немецкая партия снимает с себя ответственность за дальнейшее развитие событий»⁶. Как отмечал позже Ренсимен в докладе английскому правительству, правительство Чехословакии готово было принять и эти наглые требования при условии, что представи-

¹ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 110.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 464.

³ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 176—177.

⁴ Там же, стр. 180—182.

⁵ Там же, стр. 176.

⁶ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 606.

тель судето-немецкой партии прибудет в Прагу для обсуждения вопроса о восстановлении порядка в Судетской области. Однако 13 сентября Генлейн отклонил это условие, и переговоры были полностью прерваны¹.

1 сентября советник германского посольства в Праге Альтенбург сообщил в Берлин, что К. Генлейн принял в Аше членов миссии Ренсимена, которым заявил о разрыве переговоров с чехословацким правительством, так как оно не выполнило требования о немедленном выводе чехословацкой полиции из Судетской области. Далее он говорил, что генлейновцы уже больше не довольствуются Карловарской программой, а требуют плебисцита. «Судетские немцы, — говорил он, — хотят вернуться в рейх, и никакая сила не может отратить их от этого»². В целях облегчения подрывной деятельности против Чехословакии Генлейн перенес свою штаб-квартиру из Праги в Хеб³. Генлейновцы распространяли версию о том, что в ближайшие дни ожидается нападение немецких самолетов на Прагу. Подогревая эти слухи, 14 сентября Вейцзекер направил германской миссии в Прагу указание о выезде посланника Эйзенлора, а также жен и детей сотрудников миссии и консульств в Германию⁴.

Хотя после введения чрезвычайного положения в Судетской области был наведен порядок и соблюдалось спокойствие, германская пресса и радио ежедневно передавали лживые сообщения о мнимых зверствах чехов, о вооруженных столкновениях и т. д.

Новый нажим фашистской Германии на Чехословакию был дополнен давлением со стороны правительств Англии, Франции и США, которые считали, что наступил момент, когда подготавливаемая ими в течение длительного периода империалистическая сделка с фашистской Германией должна быть завершена. Важнейшую роль в подготовке такой сделки выполняла миссия

¹ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 229.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 605.

³ Там же.

⁴ Там же.

лорда Ренсимена, члены которой все более выразительно давали понять, что судетский вопрос может быть урегулирован только посредством передачи Германии значительной части чехословацкой территории. Как Ренсимен, так и члены его миссии неоднократно заявляли, что они относятся с большой симпатией к требованию генлейновцев. Из записи беседы одного из членов миссии Ренсимена, советника британского министерства иностранных дел Эштона-Гуэткина, с К. Генлейном, состоявшейся 22 августа 1938 г., совершенно очевидно, что через главаря генлейновской партии английское правительство зондировало почву о возможности новой встречи представителей английского правительства с Гитлером еще до Нюрнбергского съезда фашистской партии, «во время которой, — как писал Эштон-Гуэткин, — был бы поставлен на обсуждение не только чехословацкий вопрос»¹. Далее он перечислил эти вопросы: соглашение в области авиации, колониальный вопрос, соглашение по вопросам вооружения и др. Таким образом, обсуждению подлежали те проблемы, о которых шла речь во время переговоров лорда Галифакса и Гендерсона с Гитлером в конце 1937 — начале 1938 г.

15 сентября Ренсимен после полуторамесячного пребывания в Чехословакии отбыл в Лондон для информации своего правительства. Перед отъездом он сделал заявление о невозможности проживания судетских немцев совместно с чехами в одном государстве. В докладе правительству Великобритании Ренсимен всю вину за обострение конфликта возлагал на чехословацкое правительство и настаивал на немедленной передаче Судетской области Германии². По мнению Ренсимена, эту передачу необходимо произвести «быстро и без промедлений». «Существует реальная опасность, даже опасность гражданской войны, в случае продолжения неопределенного положения»³, — писал он. Ренсимен, далее, рекомендовал в остальных районах уре-

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 187—188.

² См. там же, стр. 230—234.

³ Там же, стр. 234.

занной Чехословакии предоставить широкую автономию немцам, запретить деятельность прогрессивных организаций, «которые нарочито поощряли политику, враждебную в отношении соседей Чехословакии», изменить внешнюю политику Чехословакии посредством укрепления ее экономического и политического сотрудничества с Германией¹. Как известно, план Ренсимена, выражавший точку зрения прогерманских кругов английской буржуазии, и был впоследствии реализован.

Правительства Англии, Франции и США и по другим каналам вели переговоры с фашистской Германией для достижения сделки с ней ценой выдачи Чехословакии. 23 августа 1938 г. советник Чемберлена по внешнеполитическим вопросам Горацій Вильсон имел беседу с советником германского посольства в Лондоне Т. Кордтом. Сообщая об этой беседе Вейцзекеру, Т. Кордт писал, что англичане, «несомненно, готовы также сделать все от них зависящее, чтобы удовлетворить наши желания, но, конечно, за плату...»².

В другом письме германскому послу в Лондоне Дирксену Т. Кордт 1 сентября 1938 г. писал, что Чемберлен приложит все «усилия», чтобы достигнуть соглашения с нами, даже если британское общественное мнение и будет чинить ему затруднения³. Английский посол Гендерсон в свою очередь в Берлине прилагал немало усилий для подготовки такой империалистической сделки.

В период нового обострения германо-чехословацких отношений позиция правительства Франции по существу не отличалась от позиции Англии. В середине августа Берлин посетил начальник штаба французских военно-воздушных сил генерал Виллемин, перед которым Геринг весьма откровенно раскрыл германские агрессивные планы⁴.

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 236—237.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 36.

³ *V. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 307.*

⁴ Там же.

Для запугивания общественного мнения своих стран угрозой возникновения мировой войны, с помощью которой капитулянты пытались прикрыть свою политику сговора с гитлеровцами, правительства Англии и Франции провели в начале сентября частичные мобилизационные мероприятия. Англия мобилизовала несколько отрядов военно-морских сил, а Франция — несколько категорий резервистов¹.

Несмотря на то что на съезде фашистской партии в Нюрнберге 12 сентября Гитлер произнес речь, полную угроз и истерических призывов к войне, германский поверенный в делах в Лондоне Т. Кордт сообщал 13 сентября 1938 г. Риббентропу, что Чемберлен изъявил готовность вести переговоры на условиях, содержащихся в речи Гитлера². Германский поверенный в делах во Франции также сообщал 14 сентября в Берлин, что в правящих кругах Франции считают, что путь для переговоров еще открыт³.

В ночь с 13 на 14 сентября, когда германо-чехословацкий кризис достиг крайнего напряжения, Чемберлен обратился к Гитлеру с предложением разрешить ему прибыть в Германию для переговоров.

В ходе этих переговоров должна была получить завершение антисоветская сделка, подготавливавшаяся империалистами в течение длительного времени.

15 сентября Чемберлен в сопровождении Горация Вильсона и Вильяма Стрэнга прибыл в летнюю резиденцию Гитлера в Берхтесгаден. Уже по дороге из Мюнхена Риббентроп передал английскому премьер-министру воззвание Генлейна, инспирированное Германией, в котором содержалось требование о присоединении Судетской области к Германии⁴. По прибытии в Берхтесгаден состоялась трехчасовая беседа Чемберлена с Гитлером⁵. Во время этой беседы Гитлер произнес речь, полную клеветнических выпадов и угроз по

¹ *B. Celovsky*, *Das Münchener Abkommen von 1938*, S. 310.

² ADAP, Ser. D., Bd. II, S. 601.

³ Там же, стр. 602.

⁴ Там же, стр. 601—609; *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. I, S. 66.

⁵ *B. Celovsky*, *Das Münchener Abkommen von 1938*, S. 343.

адресу Чехословакии. Он недвусмысленно заявил, что судето-немецкий вопрос должен быть решен «так или иначе» посредством присоединения Судетской области к Германии. Вслед за тем, по словам Гитлера, остаются еще проблемы Клайпеды и Данцига, но они не столь животрепещущи. Если же судетский вопрос не будет урегулирован немедленно, говорил Гитлер, то возможен риск возникновения мировой войны¹.

Чемберлен даже не пытался оспаривать требования Гитлера, так как для него и стоявших за ним империалистов участь Чехословакии уже была решена. Он заявил, что понимает требование Германии и считает, что только посредством отторжения Судетской области от Чехословакии и присоединения ее к Германии можно найти выход из создавшегося положения. Английский премьер дал понять Гитлеру, что он только не должен торопиться и тогда без серьезного конфликта Судетская область окажется в руках Германии². Далее Чемберлен предупредил его, что необходимо получить официальное одобрение этого плана со стороны членов английского кабинета. Он обещал Гитлеру употребить все свое влияние, чтобы его требование было удовлетворено. Гитлер в свою очередь сказал, что в таком случае он согласен временно задержать издание приказа о нападении на Чехословакию.

Таким образом, уже во время визита Чемберлена в Берхтесгаден была согласована сделка, предопределившая дальнейшую судьбу Чехословакии.

18 сентября в Лондоне состоялась конференция правительств Англии и Франции, которая обсуждала предложения Чемберлена. Здесь было принято решение оказать на правительство Чехословакии давление, с тем чтобы оно согласилось принять требования Германии³.

19 сентября английский и французский посланники в Праге Ньютон и Делакура вручили президенту Бенешу запись беседы Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене и англо-французские предложения. В них

¹ *H. Henderson*, *Failure of the Mission*, p. 150.

² *W. Wheller-Bennett*, *Münich. Prologue to Tragedy*, p. 110.

³ *ADAP*, Ser. D, Bd. II, S. 646.

говорилось, что дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, ставит под угрозу интересы мира в Европе. Взамен за уступку Чехословакией значительной части своей территории Англия и Франция обещали «присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства»¹. Одним из основных условий такой гарантии должна была быть ликвидация Чехословакией существующих договоров, среди которых в первую очередь имелось в виду расторжение договора о взаимопомощи с Советским Союзом. Чехословацкому правительству предлагалось срочно возобновить переговоры с Генлейном. Посланники предупреждали Бенеша, что Англия и Франция ожидают ответ чехословацкого правительства как можно скорее, так как 21 сентября должна состояться новая встреча Чемберлена с Гитлером.

В дни сентябрьского кризиса Бенеш и правительство Чехословакии совершили ряд новых маневров, имевших целью прикрыть свою капитулянтскую, предательскую политику. 19 сентября Бенеш пригласил советского посла, которому сообщил англо-французские предложения. Затем он просил правительство СССР дать ответ на следующий вопрос: «Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь». Далее Бенеш просил сообщить, поможет ли Советский Союз в Лиге наций, если Чехословакия обратится к ней в случае германской агрессии².

Сразу же после получения запроса Бенеша 20 сентября 1938 г. Советское правительство срочно поручило своему послу в Праге передать президенту Чехословакии на оба вопроса утвердительный ответ³. В то же время правительство СССР довело свой ответ до сведения правительства Франции и Лиги наций. В тот же день посланник Чехословакии в СССР Фирлингер в телеграм-

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 204.

² См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 99.

³ См. там же, стр. 103—104.

ме министру иностранных дел в Праге подтвердил это заявление Советского правительства.

Но правительство Годжи не желало принимать помощь Советского Союза. Позиция правящих классов Чехословакии, ее правительства и президента Бенеша находилась в явном противоречии со стремлениями чехословацких трудящихся, которые были готовы, опираясь на помощь Советского Союза и прогрессивные силы в других странах, оказать вооруженное сопротивление гитлеровским агрессорам.

Оказавшись под сильным давлением масс, правящие круги вынуждены были прикрывать свою капитулянтскую политику различными маневрами. В ответ на англо-французские предложения 20 сентября 1938 г. правительство Чехословакии, ссылаясь на конституцию, заявило, что оно неправомочно принять решение, касающееся изменения границ¹.

Ответ чехословацкого правительства мог расстроить планы западноевропейской реакции. Тогда в ночь с 20 на 21 сентября английский и французский посланники в Праге снова посетили президента Бенеша и вручили ему новые ноты, в которых уже в ультимативной форме выражалось требование принять англо-французские предложения. В нотах говорилось, что если Чехословакия отклонит англо-французские предложения, то она возьмет на себя риск вызвать войну, а при таких обстоятельствах Франция и Англия не могли бы выступить на ее стороне². Этот ультиматум был открытым предательством правительствами Англии и Франции чехословацкого народа, которое подготавливалось уже в течение длительного времени. Под нажимом западных держав утром 21 сентября на заседании правительства Чехословакии англо-французский ультиматум был принят.

После того как стало известно, что правительство капитулировало, гнев и возмущение охватили чехословацкий народ. По всей стране проходили демонстрации

¹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 107.

² См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 224—226.

протеста, участники которых требовали отклонения ультиматума, отставки капитулянтского правительства Годжи, создания правительства национальной обороны и объявления всеобщей мобилизации. Народ выражал решимость защищать страну.

22 сентября в Чехословакии была объявлена всеобщая забастовка. Мощное народное движение, охватившее страну, в течение суток свергло капитулянтское правительство Годжи, которое по существу согласилось принять берхтесгаденские требования Гитлера, содержащиеся в англо-французском ультиматуме. Движение масс возглавляли коммунисты. Под давлением народа Бенеш был вынужден 22 сентября назначить новое правительство во главе с генералом Сыровы. Однако это правительство было создано на совершенно других основах, чем этого требовали трудящиеся Чехословакии. Это был военно-бюрократический кабинет, основное ядро которого составляло прежнее капитулянтское правительство. Народные массы не смогли полностью разоблачить демагогическую политику всей чехословацкой реакции, в том числе и президента Бенеша, который пользовался в то время еще значительным доверием и авторитетом.

Правительство фашистской Германии было полностью информировано о решениях Лондонской конференции, об англо-франко-чехословацких переговорах, и в частности об ультиматуме западных держав Чехословакии, об их отказе оказать ей военную помощь в случае германской агрессии. Эти сведения оно получало от самих правительств Англии и Франции по дипломатическим каналам, а также с помощью германской контрразведки. Воспользовавшись тем, что телефонный кабель, связывающий Прагу с Лондоном, проходил через территорию Германии, «Абвер», владевшая секретным английским кодом, систематически подслушивала переговоры английского посланника в Праге со своим правительством и информировала власти фашистской Германии¹.

Будучи хорошо осведомленной об англо-французском и американском давлении на Прагу, о капитулянт-

¹A. Dulles, *Germany Underground*, p. 45.

ской, предательской политике правящих кругов буржуазной Чехословакии, фашистская Германия решает ускорить развязку германо-чехословацкого конфликта.

Как сообщал 20 сентября в Варшаву польский посол в Берлине Липский, Гитлер в откровенной беседе с ним заявил, что «события пошли иначе, чем он первоначально думал», и что он «был до некоторой степени захвачен врасплох предложением Чемберлена приехать в Берхтесгаден»¹. Но в результате переговоров в Берхтесгадене Чемберлен вернулся в Лондон убежденный «в необходимости отторжения Судетов». Гитлер подчеркнул, что занятие Судетов силой, конечно без вмешательства в конфликт других держав, его больше устраивает. Позднее, 16 января 1939 г., в беседе с венгерским министром иностранных дел графом Чаки Гитлер еще более точно охарактеризовал роль предательской политики правительств западных держав в осуществлении агрессивной программы германских фашистов.

«Неслыханное достигнуто,— сказал Гитлер.— Вы думаете, что я сам полгода тому назад считал возможным, что Чехословакия будет мне как бы поднесена на блюде ее друзьями? Я не верил тому, что Англия и Франция вступят в войну, но я был убежден, что Чехословакия должна быть уничтожена военным путем; то, что произошло, может произойти лишь раз в истории. Мы можем поздравить друг друга от всего сердца»².

После того как решением чехословацкого правительства судето-немецкая фашистская партия была запрещена³, а ее штурмовые отряды распущены, штаб партии обосновался в Баварии. Генлейн и К. Франк, бежавшие из Чехословакии, разместились в замке Бандорф, который превратили в штаб-квартиру по подготовке агрессии против Чехословакии. По указанию Гитлера и Гимmlера они приступили к созданию так называемого

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 209.

² «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. I, «Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.)», М., 1946, стр. 89—90.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 658—661.

Свободного корпуса в качестве вспомогательной военной организации при подготовке нападения на Чехословакию¹.

Командиром «Свободного корпуса» был назначен Генлейн, а его заместителем — К. Франк. Для непосредственного руководства этим корпусом Гитлер прикрепил к Генлейну подполковника Кехлинга, предоставив ему весьма широкие полномочия². Личный состав корпуса, состоявший из судетских фашистов, эмигрировавших из Чехословакии, а также из немцев — членов СС и СА, насчитывал до 40 тыс. человек³. С помощью германских вооруженных сил генлейновцы с территории Германии совершали бандитские налеты на Чехословакию. В одном из отчетов о деятельности «Свободного корпуса» Генлейн сообщил Гитлеру, что после 19 сентября он участвовал в выполнении более чем 300 заданий гитлеровцев. Как хвастался этот матерый фашист, при вторжении на территорию Чехословакии они захватили более 1500 пленных, 25 пулеметов и другое оружие⁴. Вместе со «Свободным корпусом» в этих провокациях принимали участие также два батальона СС «Мертвая голова».

После берхтесгаденской встречи Гитлера с Чемберленом немецкое верховное командование ускорило мобилизационные мероприятия. На случай возможного сопротивления чехословацкого народа был увеличен контингент войск, предназначенных для выполнения «плана Грюн»⁵. Характерно, что после берхтесгаденской встречи Гитлер дает указание свести до минимума работы по строительству укреплений на западе. Был утвержден секретный план мобилизации пяти дивизий для прикрытия немецкого тыла на западе в период осуществления «плана Грюн». В то же время было увеличено количество армий с четырех до пяти, предназначенных для участия в нападении на Чехословакию⁶.

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 291.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ См. там же.

⁵ См. там же, стр. 279.

⁶ См. там же.

21 сентября, после того как в Германии стало известно о принятии чехословацким правительством англо-французского ультиматума, германское верховное командование направило в войска новые указания. Командующим армиями предлагалось подготовить личный состав для выполнения двух возможных задач: 1) в случае необходимости для нападения на Чехословакию с целью ее военного разгрома; 2) для «мирной» оккупации части чехословацкой территории после принятия ее правительством диктата западных держав¹. Оккупацию Судетской области предполагалось осуществить 23 сентября².

В период с 15 по 22 сентября Гитлер проявил колебание. С одной стороны, для повышения своего престижа он намеревался осуществить вооруженное нападение на Чехословакию. С другой стороны, Гитлер опасался сопротивления чехословацкой армии, мощных пограничных укреплений, а главное, патриотического, боевого настроения народа Чехословакии, не желавшего капитулировать перед фашистским агрессором. Продолжая бряцать оружием, запугивать общественное мнение, фашистская Германия вынуждена была в то же время вести переговоры с западными державами и получить от них Чехословакию в качестве своеобразной дани взамен за обязательство продолжить свою агрессию дальше на Восток, на этот раз уже непосредственно против Советского Союза.

Завершая военные приготовления к нападению на Чехословакию, гитлеровцы заручились поддержкой правящей клики панской Польши, которая выражала полную готовность принять участие в нападении на Чехословакию. Сразу же после агрессивной речи Гитлера в Нюрнберге польское правительство провело ряд практических мероприятий по подготовке к войне на стороне Германии. 13 сентября распоряжением президента Мосьцицкого были распущены сейм и сенат и вся реальная власть сосредоточилась в руках правительства. После берхтесгаденских переговоров, о результатах

¹ «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, p. 536.

² B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 484.

которых Германия информировала Польшу, министр иностранных дел Польши Бек направил в Париж, Лондон, Берлин, Прагу ряд нот, в которых содержалась угроза по адресу Чехословакии и выражалось требование, чтобы вопрос о положении польского национального меньшинства в Чехословакии был урегулирован так же, как и вопрос о судетских немцах¹.

20 сентября Гитлер принял польского посла Липского и подробно обсудил с ним вопрос об участии Польши в агрессии против Чехословакии. В соответствии с инструкцией своего правительства Липский заявил, что Польша намерена захватить чешскую область Тешинскую Силезию и что она не остановится перед применением силы, если ее «интересы не будут приняты во внимание»².

Далее Липский поддержал требование Венгрии о передаче ей Закарпатской Украины «в целях установления совместной польско-венгерской границы». «Я специально выделил вопрос о Закарпатской Руси,— сообщал далее Липский,— делая удар на стратегический момент по отношению к России, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д. У меня сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда я ему сказал, что... посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь мы создали бы более крепкий барьер против России»³.

Гитлер, согласившись с тем, «что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России»⁴, одновременно изложил Липскому план дальнейших действий Германии. Он говорил, что если его требования не будут приняты Чемберленом, то «он готов на вооруженное выступление для присоединения Судетов к рейху». Как сообщал Липский, Гитлер заявил, что «в случае, если будут приняты предложения о Судетах и от него потребуют гарантии для остальной части

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 649.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 212.

³ Там же, стр. 211.

⁴ Там же, стр. 212.

Чехословакии, он займет позицию, заключающуюся в том, что он сможет дать гарантию при условии, если то же самое будет сделано Польшей, Венгрией и Италией», и что «он понимает, что Польша и Венгрия не дадут этих гарантий без решения вопроса об их меньшинствах»¹. Отказ Польши и Венгрии гарантировать новые чехословацкие границы он и стремился использовать как повод для дальнейшего обострения отношений с Чехословакией. Гитлер советовал польскому правительству совершить нападение на Чехословакию после занятия Германией Судетской области, обещал ему полную поддержку². Гитлер просил польского дипломата, чтобы Бек публично заявил о польских требованиях к Чехословакии.

Фашистская Италия также побуждала Польшу к активному выступлению против Чехословакии. Как доносил в Варшаву 20 сентября польский посол в Риме Венява Длугашевский, Чиано в беседе с ним 17 сентября по поручению Муссолини рекомендовал, чтобы Польша более активно выступала со своими требованиями. «Устраивайте только побольше шума и непрерывно напоминайте о своих требованиях в Париже и Лондоне»³, — говорил Чиано. Далее Чиано заметил, что несколько минут назад подобный совет он дал венгерскому послу. После получения донесений послов из Берлина и Рима польский министр иностранных дел Иосиф Бек 21 сентября направил чехословацкому правительству ультиматум, в котором повторялись требования, чтобы чехословацкое правительство решило вопрос о польском национальном меньшинстве так же, как оно решает вопрос о судетских немцах⁴.

Фашистская Германия использовала и другого своего вассала — хортистскую Венгрию. Хотя ее правящая клика была заинтересована в агрессии против Чехосло-

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 212—213.

² См. там же, стр. 213.

³ «Историко-дипломатический архив», ф. 2, оп. 1, д. 3, л. 100.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 553; «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 174.

вакии не меньше, чем правительство Польши, однако ее поведение было более трусливым. Во второй половине сентября 1938 г. в связи с тем, что в англо-французских предложениях, направленных в Прагу, не было речи об удовлетворении требований Венгрии и Польши, венгерская пресса открыла кампанию против англо-французского плана. 20 сентября 1938 г. на специальном самолете, посланном Гитлером, в Берхтесгаден прибыла венгерская правительственная делегация во главе с премьером Имреди. В Берлине на нее было оказано сильное давление. «Это последняя возможность для Венгрии добиться удовлетворения своих требований, которая больше никогда не повторится»¹, — говорил Гитлер в беседе с делегацией. Он потребовал от венгров, как гласит запись этих переговоров, сделанная Е. Кордтом, немедленно сформулировать свои территориальные требования к Чехословакии. Далее он сказал, что «никаких гарантий новых границ Чехословакии не будет дано...» и что позднее «в течение трех недель весь чехословацкий вопрос им будет решен»². Под давлением Германии венгерское правительство 22 сентября согласилось направить в Прагу ультиматум, аналогичный польскому³.

Польский и венгерский ультиматумы Чехословакии, инспирированные фашистской Германией, были также использованы в качестве важнейшего аргумента во время переговоров, а затем в качестве основного предлога для захвата всей Чехословакии.

22 сентября 1938 г. Чемберлен вторично прибыл в Германию. На этот раз его беседа с Гитлером состоялась в Годесберге. Чемберлен заявил, что по совету правительств Англии и Франции Чехословакия принимает предложения, сделанные Гитлером в Берхтесгадене. Это означало, что территория Судетской области с преобладающим немецким населением без плебисцита передавалась Германии. Вопрос о принадлежности территории со смешанным населением должна была решить международная комиссия.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 689.

² Там же, стр. 682.

³ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 174.

Далее Чемберлен сказал, что после передачи Судетской области Чехословакия будет нейтрализована, будут ликвидированы ее союзные договоры с другими странами (Францией и СССР), а ей будут предоставлены гарантии, в том числе и Великобританией. Таким образом, в своих уступках Чемберлен шел дальше удовлетворения тех требований, которые сформулировал Гитлер в Берхтесгадене.

Однако эти уступки уже не устраивали фашистского диктатора. Гитлер заявил, что на территории Чехословакии проживают кроме немцев несколько миллионов словаков, венгров, поляков, в судьбе которых заинтересована Германия, и что в Центральной Европе не будет спокойствия, пока не будут удовлетворены их требования. Гитлер показал Чемберлену карту Чехословакии, на которой территория, отходящая к Германии, была значительно увеличена в сравнении с той, о которой шла речь в Берхтесгадене. Фактически он требовал оккупации немецкими войсками всей Судетской области, в которой проживало кроме немецкого населения около трех миллионов чехов. Гитлер лицемерно заявил при этом, что в районах, переданных Германии, которые не были бы признаны немецкими, он готов согласиться на плебисцит, который будет проведен через 2—3 месяца под международным контролем по образцу Саара¹.

Далее Гитлер добавил, что все требования должны быть полностью и окончательно удовлетворены до 1 октября. Такая поспешность, как он заявил, объясняется тем, что «положение очень напряженное... и никто не знает, какие события могут произойти в течение нескольких часов или суток в Праге. Сейчас там правительственный кризис, а завтра может произойти кризис государства»². В ответ на это Чемберлен заявил, что британское правительство предпринимает все меры, чтобы избежать подобного развития событий.

Чтобы оправдать свою позицию в глазах общественного мнения, английский премьер предложил предоставить международные гарантии оставшейся части терри-

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 178.

² Там же, стр. 182.

тории Чехословакии. Гитлер на это ответил, что со стороны Германии они могут быть даны только после удовлетворения требований Венгрии и Польши, а также в том случае, если к ним присоединятся все соседи Чехословакии, включая Венгрию, Польшу, а также Италия. Чемберлен заявил Гитлеру, что ему трудно будет выполнить эти требования, так как общественное мнение Англии уже обвиняет его в капитуляции, в предательстве. Он просил, чтобы Гитлер помог ему опровергнуть эти заявления¹. Резюмируя результаты переговоров первого дня, младший статс-секретарь германского МИД Верман сообщал дипломатическим представителям в других странах, что «англичане признали право судетских немцев на самоопределение»² и что имеются разногласия лишь об условиях отделения Судетской области и об удовлетворении требований Польши и Венгрии. В ночь с 23 на 24 сентября Чемберлен обратился к Гитлеру с письмом, в котором выражал согласие передать требование Гитлера чехословацкому правительству.

Вечером 23 сентября состоялась новая встреча Чемберлена с Гитлером³. Гитлер благодарил Чемберлена за оказанную помощь в решении судето-немецкой проблемы. Затем Риббентроп зачитал меморандум, в котором были изложены германские требования. К меморандуму была приложена карта с обозначением территории, подлежащей оккупации немецкими войсками начиная с 26 сентября без плебисцита.

В момент переговоров Риббентроп сообщил, что чехословацкое правительство объявило мобилизацию. Гитлер использовал это сообщение для того, чтобы припугнуть Чемберлена. Он заявил, что «теперь все кончено, а меморандум является последним словом Германии»⁴.

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 182—183.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны» т. I, стр. 241—242.

³ DBFP, Ser. III, vol. II, p. 447—507.

⁴ По просьбе Чемберлена слово «требование» Германии, содержащееся в меморандуме, было заменено словом «предложение». Чемберлен не настаивал на изменении других частей меморандума.

В конце годесбергских переговоров Гитлер снова использовал политику блефа и запугивания. Он говорил, что «правительство Германии не может бесконечно ждать с 90 или 100 отмобилизованными дивизиями»¹, что до 1 октября 1938 г. все области Чехословакии, указанные в меморандуме и обозначенные на карте, будут заняты немецкими войсками.

Документы годесбергских переговоров свидетельствуют о том, что и на этот раз Чемберлен согласился принять требования Гитлера об отторжении от Чехословакии территории, на которой проживало многочисленное чешское население. Единственно, чего опасался Чемберлен, это реакции мирового общественного мнения. Он понимал, что подобное предательство в отношении Чехословакии будет трудно оправдать перед английским народом. Как сообщал 26 сентября в Варшаву польский посол в Берлине Липский, Риббентроп заметил ему, что «после беседы в Берхтесгадене Чемберлен стремился придать проблеме передачи Судетов форму, более приемлемую для общественного мнения Запада. Риббентроп с просьбой не разглашать уполномочил меня информировать Вас, что Чемберлен лично обязался перед канцлером приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят. Для внешнего мира это, конечно, не могло быть объявлено, поэтому в коммюнике и появилось сообщение о том, что британский премьер передаст меморандум чешскому правительству»².

24 сентября 1938 г. Чемберлен по возвращении в Англию заявил, что «спасение мира находится в руках Чехословакии»³. Спекулируя на стремлении народов к миру, Чемберлен стремился изобразить свое предательство чехословацкого народа как действие, направленное на сохранение мира в Европе, а себя выставить в качестве миротворца. 25 сентября по приглашению правительства Чемберлена в Англию прибыла правительст-

¹ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 137—138.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 262—263.

³ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 139; *B. Celovsky*, Das Münchener Abkommen von 1938, p. 411.

венная делегация Франции в составе премьер-министра Даладье, министра иностранных дел Бонна и других официальных лиц. Это была третья, и последняя, англо-французская конференция, подготовившая мюнхенский сговор империалистов¹. Здесь было принято решение — оказать давление на правительство Чехословакии, чтобы оно само согласилось принять требования Германии.

Еще в период англо-французской конференции Чемберлен направил в Берлин своего личного советника Горация Вильсона для передачи Гитлеру английского ответа, согласованного с правительством Франции. В ответе английского правительства выражалось принципиальное согласие на принятие требований Германии. Чемберлен заверял Гитлера, что германские требования будут удовлетворены, но «мирным способом»².

Вечером 26 сентября Гитлер произнес в «Спортпаласе» агрессивную речь, в которой заявил о том, что наступил час присоединения Судетской области к Германии. «Мы не хотим Чехословакии, Судетская область является последним территориальным требованием Германии»³, — продолжал лицемерить Гитлер.

Не менее коварную роль, чем правительства Англии и Франции, в подготовке сговора с гитлеровцами сыграли Соединенные Штаты Америки. Американские дипломаты в Европе не только поддерживали усилия правительств Чемберлена и Даладье, но и сами оказывали нажим на правительство Чехословакии, добиваясь от него принятия германского и англо-французского диктата. Активность американских дипломатов особенно

¹ Для создания видимости о намерении Англии и Франции оказать сопротивление фашистской Германии в Лондон одновременно выезжал начальник французского генерального штаба генерал Гамелен, который участвовал в конференции. Как сообщалось в коммюнике, было достигнуто согласование взглядов двух правительств в отношении новых требований фашистской Германии. *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 142—149; *B. Celovsky*, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 412—414.

² *W. Wheller-Bennet*, München. Prologue to Tragedy, p. 142—149.

³ *M. Freund*, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. I, S. 101—103.

возросла после встречи Чемберлена и Гитлера в Берхтесгадене. В эти дни в Европу был направлен помощник государственного секретаря США С. Уэллес. 16 сентября, т. е. на следующий день после берхтесгаденских переговоров, он прибыл в Париж. В беседе с Даладье Уэллес заявил, что в случае возникновения военного конфликта Франция не может рассчитывать на какую-либо американскую помощь¹.

23 сентября Верман сообщил Риббентропу о своей беседе с американским послом Вильсоном. Посол сказал ему, что он немедленно должен связаться по телефону с Вашингтоном для информации о ходе годесбергских переговоров². Вильсон говорил Верману, что государственный департамент недоволен антигерманской позицией ряда американских газет.

Бенеш в своих мемуарах признает, что американское правительство не менее, чем правительства Англии и Франции, ответственно за мюнхенское предательство. «Соответствует действительности, что некоторые, в том числе и официальные, круги США, — пишет Бенеш, — находились под влиянием мюнхенской политики и несут за нее определенную ответственность. Посол США в Лондоне Джозеф Кеннеди полностью и последовательно поддерживал чемберленовскую политику «умиротворения». Он поддерживал ее всюду без исключения как во время своего пребывания в Лондоне в 1938—1939 гг., так и после возвращения в США. Чемберлен в своих действиях неоднократно опирался на его помощь»³.

Прожженный дипломат Буллит действовал еще более искусно: «Посол США в Париже Вильям Буллит, — продолжал далее Бенеш, — первоначально не высказывался так открыто за умиротворение, как Кеннеди, хотя сам более усиленно добивался его... Даладье неоднократно давал понять, что за спиной его политики стоит американский посол, а следовательно, Соединенные Штаты Америки»⁴.

¹ G. Bonnet, *Fin d'une Europe*, Geneva, 1948, p. 341.

² ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 767.

³ E. Benès, *Pameti*, str. 255.

⁴ Там же, стр. 256.

Далее Э. Бенеш невольно вскрывает причины, определявшие политику США в Европе накануне войны. «Его (Буллита) политика в тот период и позднее доказывала его ненависть к Советскому Союзу...»¹ Сам Буллит в одном из донесений в госдепартамент США в сентябре 1938 г. писал, что, если Чехословакия откажется передать Судетскую область Германии, возникнет «ужасная ситуация»: «Возбуждение, которое охватит французский народ, поведет к стачкам, революционным демонстрациям, и в конце концов общественное мнение заставит французское правительство начать войну»².

О том, что не только Буллит чрезвычайно опасался возможности сильного социального конфликта в случае возникновения войны в Европе, свидетельствует также сообщение Бенеша о его беседе с Рузвельтом, состоявшейся летом 1939 г.

Из беседы с американским президентом Бенеш делает вывод, что Рузвельт весьма опасался последствий, которые могли произойти в Европе в результате вступления в войну Англии и Франции вместе с Советским Союзом в защиту Чехословакии: «Из различных намеков, сделанных Рузвельтом во время беседы... мне стало ясно, что он понимает возможность возникновения социального кризиса в результате новой войны. Поэтому западноевропейские демократы боятся войны против Гитлера совместно с Советским Союзом»³.

Эти документы еще раз красноречиво подтверждают, что классовой подоплекой политики поощрения немецко-фашистской агрессии, проводившейся английскими, французскими, а также и американскими империалистами, было стремление ослабить Советский Союз и мировое демократическое и революционное движение и тем самым попытаться укрепить мировую систему империализма, вступающую в новый этап общего кризиса капитализма.

Стремясь помочь германским империалистам в осуществлении их агрессивных требований, Буллит поощ-

¹ *E. Beneš, Pameti, str. 121.*

² *FRUS, 1938, vol. I, p. 616.*

³ *E. Beneš, Pameti, str. 121.*

рял также правительство панской Польши и хортистской Венгрии предъявить ультиматум Чехословакии и добиться от Франции и Англии удовлетворения их притязаний. Польский посол в Париже Лукасевич сообщал в Варшаву, что во время беседы с Буллитом, состоявшейся 26 сентября, американский посол весьма одобрительно отнесся к требованиям Польши и Венгрии к Чехословакии. «Буллит сказал, — писал Лукасевич, — что допущено две крупные ошибки: «забвение Англией и Францией венгерских и наших требований»¹. И далее: «Буллит, понимая невозможность и недопустимость решения без нас центральноевропейских вопросов, весьма энергично действует в Париже и в Лондоне в наших интересах»².

28 сентября Лукасевич снова сообщал в Варшаву: «Беседовал с Буллитом. Америка приступает к активному посредничеству, цель которого — помочь Гитлеру с честью выйти до 1 октября из создавшегося положения»³.

Донесение польского посла раскрывает действительную цель американской политики в Европе накануне войны. Оно показывает, что американские дипломаты часто являлись еще более рьяными поборниками агрессивной политики германского империализма, чем их англо-французские коллеги.

26 октября президент Рузвельт обратился к правительствам Германии, Англии, Франции и Чехословакии с призывом продолжать переговоры⁴, происходившие в то время на основе Годесбергского меморандума Гитлера. В обращении воспроизводилась идея Буллита о созыве конференции четырех европейских государств для решения судето-немецкого вопроса, выдвинутая им еще в мае 1938 г. 24 сентября 1938 г., уточняя свой план империалистического сговора, Буллит подчеркивал, что считает наиболее существенным в нем исключение Советского Союза из числа участников предполагаемой конференции. Таким образом, правящие круги США

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 767, 787.

явились инициаторами нового плана, устраняющего Советский Союз от участия в решении европейских вопросов, плана создания антисоветской коалиции империалистических государств.

Подготавливая завершение империалистической сделки с фашистской Германией, правительства Англии, Франции и США в целях обмана общественного мнения усиленно раздували кампанию военного психоза и все свои предательские действия стремились изобразить как направленные на сохранение мира.

Гитлер, продолжая бряцать оружием, усиливал военные приготовления. Как свидетельствует запись в дневнике Иодля, после выступления в «Спортпаласе» Гитлер дал новые указания верховному командованию вермахта. «Фюрер соглашается,— гласит запись от 27 сентября,— чтобы первый эшелон, предназначенный для первой волны атаки, продвинулся до линии, с которой он может прибыть на место сбора к 30 сентября...»¹

В данном приказе шла речь о продвижении на исходные позиции только семи дивизий. Несмотря на публичные заявления Гитлера о его решимости пойти на риск войны с Англией и Францией, в этом документе вовсе не идет речь о всеобщей мобилизации в Германии, хотя повторяется дата 30 сентября как день начала наступления. Конечно, гитлеровцы не собирались с семью дивизиями пытаться прорвать чехословацкую оборонительную линию и нанести поражение чехословацкой армии. Как свидетельствуют другие документы германского генерального штаба, многие немецкие генералы опасались, что в случае войны с Чехословакией трудно будет нанести поражение чехословацкой армии. Несомненно, что эти семь дивизий были предназначены для «психологической войны», для запугивания общественного мнения угрозой развязывания европейской войны.

Этой же цели служил и пропагандистский марш германских моторизованных войск через Берлин 27 сентября 1938 г. Гитлер в целях воздействия на иностранные дипломатические миссии приказал войскам вопреки установившейся традиции пройти не только перед пра-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 282.

вительственными зданиями по Унтерденлинден, но также и по Вильгельмштрассе, где были расположены английская и другие дипломатические миссии¹.

Как и рассчитывал Гитлер, в тот же день английский посол в Берлине Гендерсон сообщал в Лондон о параде германских войск, изображая это как решимость Гитлера развязать войну из-за Судетской области.

Министерство иностранных дел фашистской Германии дало указание поставить в известность германские корабли, находящиеся в иностранных гаванях и в открытом море, о вероятности возникновения войны. Германское посольство в Праге информировало дипломатические миссии других стран о возможности бомбардировок районов Праги, в которых расположены иностранные миссии². Семьи сотрудников германских дипломатов в Чехословакии и другие немцы — подданные Германии по указанию министерства иностранных дел срочно эвакуировались из Чехословакии³.

26 сентября Германия прервала железнодорожную и телефонную связь с Чехословакией⁴. Немецкие дипломаты отказывались вступать в переговоры с чехословацкими представителями. Правительство фашистской Германии, несмотря на то что оно формально не порвало дипломатических отношений с Чехословакией, свои требования к ней предъявляло через Лондон, Париж, Вашингтон.

Вся германская фашистская пресса по указанию министерства пропаганды усилила античешскую кампанию. Еще 15 сентября 1938 г., в день берхтесгаден-

¹ Продолжая бряцать оружием, гитлеровцы в то же время опасались, что под давлением общественного мнения, возмущенного предательской политикой правительств Англии и Франции, может произойти смена правительств в этих странах, о чем неоднократно заявлял Гитлер, и Германия может оказаться вовлеченной в войну, к которой она не была подготовлена. Поэтому 28 сентября утром германское информационное бюро в официальном сообщении решительно опровергало распространявшиеся слухи, что будто бы Гитлер назначил на 28 сентября всеобщую мобилизацию, в случае если чехословацкое правительство не выполнит его требований.

² ADAP, Ser. D. Bd. II, S. 743.

³ Там же, стр. 48.

⁴ *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 451.*

ских переговоров, на совещании редакторов немецких газет была зачитана инструкция отдела прессы фашистского министерства пропаганды о том, как должен освещаться визит Чемберлена в Германию и проблемы германо-чехословацких отношений. В инструкции указывалось, что визит Чемберлена следует изображать как мировую сенсацию, как косвенное признание могущества фашистской Германии и справедливости ее требований¹. Главное внимание в печати должно быть уделено освещению событий в Судетской области, раздуванию слухов об убийствах судетских немцев, о терроре со стороны чешских властей, о пограничных конфликтах, о наличии советских офицеров в чехословацкой армии и т. д.²

По совету Германии сразу же после Годесбергской конференции польское правительство также начало концентрацию войск на чехословацкой границе. 27 сентября Вейцзекер просил Липского, чтобы на следующий день польский военный атташе вместе с офицерами германского генерального штаба нанес на карту демаркационную линию для того, чтобы в случае возможных операций не произошло столкновения между вооруженными силами Германии и Польши³.

Правительство Венгрии 28 сентября вручило Чехословакии вторую ноту, в которой требовало удовлетворения своих требований⁴. 26 сентября по примеру Германии правительства Польши и Венгрии прервали телефонную связь с Чехословакией, а Венгрия прекратила также железнодорожные перевозки.

Правящие круги Англии, Франции, США, ведя подготовку к завершению сделки с фашистской Германией, также подготавливали общественное мнение своих стран к принятию капитуляции. Сознательно преувеличивая опасность войны, правительство Франции еще 21 сентября объявило частичную мобилизацию⁵. Англия 25 сен

¹ *W. Hofer*, *Der Nationalsozialismus. Dokumente 1935—1945*, S. 93.

² Там же.

³ ADAP, Ser. D, Bd. II, S. 748.

⁴ Там же.

⁵ *W. Wheller-Bennett*,¹ *Münich. Prologue to Tragedy*, p. 158.

тября также призвала во флот отдельные группы резервистов, а 28 сентября была объявлена мобилизация военного флота, базировавшегося в Англии (Homo Fleet). Производилась эвакуация детей и школ из Лондона и других английских городов, началось рытье траншей, строительство бомбоубежищ, подготовка аэростатов воздушного заграждения, раздача противогазов населению¹. Такие же мероприятия проводились и во Франции. 28 сентября английская и французская реакционная пресса, инспирируемая правительствами, заявила, что это «последний день мира», что следующей ночью Прага, Париж и Лондон будут превращены германской авиацией в руины.

По указанию своих правительств английские, американские и французские подданные покидали Чехословакию и другие европейские страны и спешно возвращались на родину. 26 сентября большинство иностранных корреспондентов буржуазных газет западных государств покинули Прагу, а вместо них прибыли специальные военные корреспонденты². Тревога охватила также население нейтральных государств. Правительства Скандинавских стран объявили о нейтралитете, Бельгия и Голландия начали тайную мобилизацию³.

Так правящие круги Англии, Франции и США, завершая предательство чехословацкого народа, искусственно создавали психологическую обстановку, напомиравшую начало августа 1914 г., когда мир был ввергнут в мировую империалистическую войну. В то же время под шумок этого искусственно созданного военного психоза правительства империалистических держав заканчивали последние приготовления к формальному завершению сделки с фашистской Германией. Все свои предательские действия они маскировали фразами о спасении мира.

Однако на стороне чехословацкого народа находился Советский Союз, который готов был выполнить свое

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2-а, оп. 1, д. 4, л. 158.

² Там же, л. 95.

³ *W. Wheller-Bennett, München. Prologue to Tragedy, p. 159.*

обязательство по договору. Когда 22 сентября правительство Чехословакии поставило в известность правительство Советского Союза о том, что на границе Чехословакии сконцентрированы польские войска, готовые к наступлению, и попросило воздействовать на правительство Польши, правительство СССР немедленно откликнулось на эту просьбу. Как сообщал польский посол в Москве, 23 сентября 1938 г. его пригласил заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин и передал ему весьма категорическое предупреждение Советского правительства, что если польские войска перейдут границу Чехословакии и займут ее территорию, то ввиду совершенного Польшей акта агрессии правительство СССР без предупреждения денонсирует заключенный с ней договор о ненападении¹.

Для оказания практической помощи Чехословакии командование Советских Вооруженных Сил направило 30 дивизий и кавалерийские соединения в районы, прилегающие непосредственно к западной границе.

Предупреждение Советского правительства правительству Польши, а также последовавшее затем продвижение Советских Вооруженных Сил на свои западные границы и приведение в боевую готовность авиации не только привели к тому, что нависшая угроза агрессии со стороны панской Польши была сорвана, но Чехословакия получила мощную поддержку, с помощью которой она могла отвергнуть германские притязания. Однако антинародное правительство Чехословакии предпочло капитулировать перед фашистским агрессором, чем принять помощь Советского государства.

В связи с тем что фашистская Германия сконцентрировала на границе Чехословакии значительные вооруженные силы, правительство Чехословакии вынуждено было 23 сентября объявить мобилизацию запасных контингентов в армию².

¹ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 132—133.

² Накануне объявления мобилизации чиновник министерства иностранных дел Чехословакии Чермак предупредил германского поверенного в Праге, что, несмотря на мобилизацию, Бенеш и Сыровы примут любой диктат, который им предъявит Германия. «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 229—230.

23 сентября английский и французский посланники вручили начальнику политического отдела МИД Чехословакии Смутному предварительный вариант требований Гитлера к Чехословакии, изложенных им во время переговоров с Чемберленом в Годесберге. Передавая германские требования, Ньютон предупреждал правительство Чехословакии, что «объявление мобилизации может иметь своим последствием немедленный приказ германским войскам вторгнуться в Чехословакию»¹ и что правительства Англии и Франции не берут на себя никакой ответственности за последствия, связанные с мобилизацией чехословацкой армии².

25 сентября чехословацкое правительство направило в Лондон ответ на меморандум Гитлера, в котором оно в весьма нерешительном тоне заявляло о невозможности принять германские требования³. Чехословацкое правительство решило не публиковать своего отрицательного ответа и заявило, что его позиция еще не является окончательной.

27 сентября Галифакс поручил Ньютону передать Бенешу послание Чемберлена, в котором английский премьер предупреждал, что согласно последней информации, полученной им из Берлина, германская армия перейдет 28 сентября чехословацкую границу, если к тому времени Чехословакия не примет германского ультиматума⁴. Это давление Чемберлена снова было использовано правящими кругами Чехословакии для оправдания своей предательской политики.

Состоявшиеся 27, а затем 28 сентября заседания правительства Чехословакии, в которых принял участие Бенеш, свидетельствовали о явном стремлении правящих кругов Чехословакии принять новые требования

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 251.

² *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 407.*

³ DBFP, Ser. III, vol. II, p. 518. Б. Целовский, стремясь оправдать предательскую политику Бенеша и его окружения, утверждает, что будто бы чехословацкое правительство решительно отклонило меморандум Гитлера. *B. Celovsky, Das Münchener Abkommen von 1938, S. 410.*

⁴ DBFP, ser. III, vol. II, p. 570.

Гитлера. Бенеш информировал министров, что Гитлер заявил представителю Чемберлена Г. Вильсону о том, что если Чехословакия до 28 сентября не примет германских требований, то произойдет конфликт и другие государства не поддержат Чехословакию¹.

Таким образом, к концу сентября 1938 г. антинародный сговор империалистов достиг своего кульминационного пункта. Официально он был закреплен на Мюнхенской конференции.

7. Мюнхенский империалистический сговор — важнейший этап на пути развертывания германской агрессии в Европе

Как уже отмечалось, предложения о созыве конференции западных держав для решения судетской проблемы неоднократно выдвигались в 1938 г. различными правительствами, в первую очередь правительством Соединенных Штатов Америки. Позже государственный секретарь США К. Хэлл в своих мемуарах писал, что «было ли это (т. е. созыв конференции.— В. Ф.) результатом шагов, предпринятых президентом, трудно сказать. Несомненно, однако, что эти шаги оказали значительное влияние на ход событий»².

29 сентября в Мюнхене открылась конференция, в которой участвовали Гитлер, Муссолини, Даладье, Чемберлен. Здесь присутствовали также министры иностранных дел Германии (Риббентроп) и Италии (Чиано). Конференция проходила в условиях грандиозного военного блефа со стороны германских фашистов. Гитлер еще накануне открытия конференции заявил, что он только на 24 часа отложил всеобщую мобилизацию войск и нападение на Чехословакию. 29 сентября в середине дня в Мюнхен прибыла чехословацкая делегация, возглавляемая посланником в Лондоне Масариком. На аэродроме ее встречали главным образом

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 237—239.

² C. Hull, The Memoirs, p. 592.

чины германской полиции. Чешские представители в полицейских машинах в сопровождении сотрудников гестапо были доставлены в отель «Регина», где они и получали информацию о ходе Мюнхенской конференции¹.

В связи с тем что решение судетской проблемы между участниками империалистического сговора было уже давно согласовано, Мюнхенская конференция происходила в весьма мирной обстановке, без особых дискуссий.

27 сентября Геринг, Вейцекер и Нейрат в имперской канцелярии разработали повестку дня конференции, которую затем через итальянского посла Аттолико передали Муссолини. 28 сентября по прибытии Муссолини и Чиано в Мюнхен еще на вокзале Риббентроп передал Чиано документ, подготовленный нацистами, в котором содержались германские требования. На конференции Муссолини изложил эти требования, предварительно согласованные с правительствами Англии и Франции, как свой собственный проект. Предложения, составленные гитлеровцами и внесенные Муссолини, были приняты в качестве основы для обсуждения. Этот проект в основном совпадал с годесбергскими требованиями Гитлера и замыслом Чемберлена. После короткой дискуссии представители Англии и Франции фактически приняли все требования фашистской Германии.

Было принято также английское предложение о зонах и сроках оккупации чехословацкой территории.

30 сентября 1938 г. в 1 час. 30 мин. Мюнхенское соглашение было подписано представителями четырех держав. Устанавливалось четыре зоны оккупации германскими войсками Судетской области. I зона должна была быть занята 1 и 2 октября, II зона — 2 и 3 октября, III зона — 3, 4 и 5 октября, IV — 6 и 7 октября. Пятую зону должна была определить международная комиссия; она подлежала занятию германскими войсками до 10 октября². Правительства Англии, Франции, фашистской Германии, опасавшиеся противодей-

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 267.

² См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 156—157.

ствия чехословацкого народа, стремились к тому, чтобы Судетская область была занята немецко-фашистскими войсками как можно скорее.

Решение, принятое в Мюнхене, предусматривало создание международной комиссии, состоявшей из представителей Англии, Франции, Италии, чешского посланника Мاستного и германского статс-секретаря Вейцзекера в качестве председателя, которая наделялась большими правами. Она определяла дополнительные зоны, которые должны быть переданы Германии, районы, в которых должен состояться плебисцит, и окончательные границы Чехословакии.

При установлении зон за основу бралась перепись 1910 г., фальсифицированная австрийскими чиновниками и крайне невыгодная для Чехословакии. В качестве образца для проведения плебисцита комиссия принимала «порядок» проведения плебисцита гитлеровцами в Саарской области. Чехословацкое правительство должно было в течение четырех недель после подписания Мюнхенского соглашения освободить от несения военно-полицейской службы и из заключения всех судетских немцев. В качестве компенсации за утрату Чехословакией большой территории, пограничных укреплений, важнейших экономических районов правительства Англии и Франции в специальном дополнении к соглашению обещали предоставить международные «гарантии» ее новых границ.

Правительства Италии и Германии также обязались предоставить Чехословакии «гарантию» ее новых границ, «как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинстве в Чехословакии»¹, т. е. после удовлетворения польских и венгерских притязаний.

Как Чемберлен, так и Даладьё в Мюнхене дали Гитлеру обещание любой ценой принудить Чехословакию к принятию Мюнхенского соглашения. Чемберлен согласился с Гитлером в том, что, «если авторитет, воплощенный в подписях... четырех государственных деятелей, окажется недостаточным (т. е. если Чехословакия отка-

¹ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 159.

жется принять Мюнхенское соглашение. — В. Ф.), вопрос может быть решен только применением силы»¹.

На Нюрнбергском процессе Геринг подтвердил, что во время мюнхенских переговоров на вопрос Гитлера, что случится, если чехи не будут согласны с занятием немцами Судетской области, Даладье ответил: «Мы тогда их принудим»², т. е. речь шла о возможности применения против Чехословакии коллективных репрессивных мер.

Согласившись удовлетворить все требования Гитлера в отношении Чехословакии, Чемберлен и Даладье попытались договориться с ним о дальнейших агрессивных действиях фашистской Германии против Советского Союза, платой за которые и была уступка гитлеровцам Судетской области. «Русский вопрос» Чемберлен неоднократно поднимал во время частных бесед с Гитлером после подписания Мюнхенского соглашения. Несмотря на то что уже само соглашение являлось антисоветским сговором империалистов, Чемберлен предлагал расширить этот сговор посредством заключения военного соглашения между Англией, Францией, Германией и Италией, с тем чтобы облегчить фашистской Германии возможность направить свой очередной удар против Советского Союза.

Однако фашистская Германия, стремившаяся предварительно к захвату всей Чехословакии и других европейских государств, входивших в систему англо-французских военно-политических союзов, не будучи в то время подготовлена к войне с СССР, не желала брать на себя подобных формальных обязательств. Англии удалось лишь добиться подписания англо-германской декларации, которая по существу являлась пактом о ненападении.

Подписание подобной декларации также совпадало с планами германских империалистов, которые в течение ряда лет добивались заключения двухстороннего соглашения с Англией. Согласно подписанной 30 сентября

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 283.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 34, л. 3.

англо-германской декларации оба государства заявляли о своем желании «не вести войну друг против друга», консультироваться друг с другом при рассмотрении других вопросов, касающихся обеих стран¹.

Англо-германская декларация, как и Мюнхенское соглашение, была звеном одной цепи — политики англо-германского империалистического сговора. Отныне фашистская Германия получала свободу действий для агрессии против стран Восточной Европы, в первую очередь против СССР. Правительство Англии официально обязывалось не чинить препятствий агрессивным действиям гитлеровцев. Подписать подобную декларацию с Францией, общественное мнение которой было более чувствительно к ликвидации военно-политических союзов Франции со странами Восточной Европы, Германии удалось только спустя более двух месяцев, 6 декабря 1938 г.²

Вручение Мюнхенского соглашения Чехословакии было сделано в крайне оскорбительной форме, как диктат стране, проигравшей военное сражение. 30 сентября в 1 час. 30 мин. чехословацких представителей (Масарика и Мاستного) ввели в зал конференции, где присутствовали только Чемберлен, Даладье и их сотрудники. «Атмосфера была угнетающая: ожидали объявления приговора»³, — пишет Масарик.

Затем был зачитан текст Мюнхенского соглашения. Чехословацким представителям было заявлено, что текст соглашения принят и что чехословацкое правительство должно немедленно прислать в Берлин своего уполномоченного на заседание международной комиссии. Чехословацким представителям была вручена также карта, на которой были обозначены зоны и сроки передачи Судетской области Германии. На этом встреча чехословацких представителей с Чемберленом и Даладье закончилась.

Утром 30 сентября английский, французский и итальянский посланники в Праге добились приема у Крофты

¹ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 320.

² См. там же, стр. 334—335.

³ Там же, стр. 312.

и настаивали на немедленном принятии чехословацким правительством мюнхенского диктата.

Правительство Чехословакии в сложившихся условиях имело еще возможность отвергнуть мюнхенский диктат и, опираясь на свой народ, на чехословацкую армию, на поддержку Советского Союза и антифашистских сил в других странах, отклонить капитуляцию и возглавить борьбу за свободу и независимость своей страны.

Чехословацкая армия была хорошо оснащена и вооружена. Только после 1935 г. правительство израсходовало на вооружение около 20 млрд. крон¹. Чехословацкая армия занимала мощные пограничные укрепления, штурмовать которые германский вермахт никогда бы не решился. Как уже упоминалось, согласно германскому «плану Грюн» в операции против Чехословакии гитлеровцы предусматривали участие 4 германских армий, состоявших из 39 дивизий, в том числе 3 танковых и 3 моторизованных дивизий². Чехословакия в 1938 г. была в состоянии мобилизовать 45 дивизий, или 2 млн. человек. Бенеш в мемуарах признает, что летом 1938 г. чехословацкая армия при всех ее недостатках являлась одной из лучших армий в Европе³. Она располагала 1500 боевыми самолетами, от 470 до 740 танков, от 4200 до 5700 артиллерийских орудий различных калибров, около 60 000 тяжелых и легких пулеметов.

Чехословацкий генеральный штаб высоко оценивал боевые качества и вооружение чехословацкой армии. В меморандуме генерального штаба от 9 сентября 1938 г. отмечалось, что чехословацкая армия находится в хорошем моральном состоянии, хорошо обеспечена оружием, имеет укрепленные границы, необходимое вооружение, в том числе и самое новейшее, и достаточное количество боеприпасов⁴. Не случайно поэтому гитлеровские планы войны с Чехословакией вызывали большую тревогу среди части германских генералов.

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 249.

² «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 223.

³ E. Beneš, Pameti, str. 46.

⁴ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 208.

Чехословакия в случае германской агрессии имела еще одно значительное преимущество перед Германией. Это преимущество состояло в моральном превосходстве чехословацкой армии. Несмотря на то что во главе вооруженных сил стояли реакционные генералы-капитулянты, чехословацкие солдаты, как и весь народ, были готовы защищать независимость страны от немецко-фашистского порабощения. Когда 23 сентября 1938 г. в 22 часа была объявлена мобилизация, спустя десять минут после опубликования декрета резервисты уже начали являться в воинские казармы. Мобилизация проводилась строго по плану и была завершена 29 сентября¹.

Иллюзорными были и планы гитлеровцев о возможности вовлечения в войну против Чехословакии также хорватской Венгрии и панской Польши.

Коммунистическая партия Чехословакии находилась в первых рядах защитников республики. Она использовала все возможности для того, чтобы помешать принятию мюнхенского диктата. Разоблачая мюнхенское предательство, коммунистическая партия от имени чешского и словацкого народов заявляла: «Страшную ответственность берут на себя те, кто еще и сегодня делает жалкие попытки утихомирить агрессора, бросая ему живые куски нашего тела. Пусть не уговаривают себя и весь мир, что тем самым они сохраняют мир. Факты таковы, что хотя они и спасают на время Гитлера, но зато они ускоряют войну»². На имя президента Бенеша продолжали поступать многочисленные письма чехословацких патриотов, в которых содержались требования отклонить мюнхенский диктат, защищать независимость республики³.

Во всем мире ширилось движение солидарности с чехословацким народом. В Румынии, Югославии и других странах происходила запись добровольцев для защиты Чехословакии. Международное коммунистическое

¹ «Die Hintergründe des Münchener Abkommens von 1938», S. 224.

² К. Gottwald, Spisy, VIII, 1953, str. 356.

³ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 277.

движение подняло свой мощный голос протеста против выдачи фашистской Германии очередной жертвы агрессии. В начале октября 1938 г. в совместном заявлении коммунистических партий Франции, Англии, Испании, Швейцарии, Швеции, Канады, Голландии разоблачалось позорное Мюнхенское соглашение как заговор империалистов против мира.

Мощное антифашистское движение в Чехословакии в сентябре 1938 г. и движение солидарности во всем мире свидетельствовали о том, что, в случае если бы чехословацкое правительство решилось оказать отпор немецко-фашистским агрессорам, оно имело бы на своей стороне не только абсолютное большинство чехословацкого народа, но и значительные силы патриотов-антифашистов во всем мире.

И наконец, в своей политике отпора немецко-фашистской агрессии Чехословакия могла опереться на помощь Советского Союза, который готов был выполнить свои обязательства по договору о взаимной помощи. Однако Бенеш, как и другие представители чехословацкой буржуазии, в трагические дни сентября 1938 г. отклонил советскую помощь и, предав интересы чехословацкого народа, принял мюнхенский диктат.

После Мюнхена международная реакция торжествовала. Она считала, что наконец-то ей удалось преодолеть противоречия и добиться создания объединенного фронта империалистов, направленного против Советского Союза, против международного революционного и демократического движения. Один из наиболее последовательных проводников мюнхенской политики, английский посол в Берлине Гендерсон, в письме Галифаксу от 6 октября 1938 г., цинично раскрывая действительный смысл мюнхенской империалистической сделки, указывал, что еще на прошлой неделе ему была ненавистна мысль, что «английские мужчины, жены и дети могли быть убиты ради чехов либо судетов, или ради того, чтобы Германия была освобождена от Гитлера, Гимmlера, Риббентропа и других... Однако мы сохранили мир, сохранили Гитлера и его режим...»¹.

¹ DBFP, Ser. III, vol. I, p. 615.

Фашистский режим в Германии был крайне необходим международной империалистической реакции для сохранения своего классового господства, для борьбы с растущим революционным и демократическим движением, для войны против Советского социалистического государства.

Однако, стремясь усыпить бдительность народов, мюнхенцы пытались представить эту империалистическую сделку как направленную на спасение мира. Чемберлен по возвращении в Лондон заявил о наступлении новой эры, гарантирующей мир «нашему поколению»¹. На следующий день после Мюнхенского соглашения государственный секретарь США К. Хэлл в специальном заявлении отмечал, что «если говорить о немедленных мирных результатах, то ясно, что они принесли всеобщее чувство облегчения»². Одновременно с этими лицемерными заявлениями, с помощью которых реакционеры стремились ввести в заблуждение общественное мнение, другие факты и документы раскрывают подлинный смысл мюнхенской сделки, сводившейся к тому, чтобы чехословацкий народ был принесен в жертву фашистской Германии за обязательство последней напасть на Советский Союз.

Содержание этой политики в очень лаконичной форме выразил польский посол в Лондоне Рачинский. В своем донесении в Варшаву 16 декабря 1938 г. он писал, что в правящих кругах Англии существует убеждение, будто «премьер... защитил английские ворота и перенес, таким образом, игру на восток Европы»³.

Таким образом, мюнхенская сделка и ее прямое продолжение и развитие — англо-германская и франко-германская декларации о ненападении преследовали далеко идущие цели. Это была сделка, завершающая сговор между правительствами империалистических держав.

¹ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 349.

² *C. Hull, The Memoirs*, p. 596.

³ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 351.

Немецко-фашистские империалисты также признавали, что с помощью мюнхенской сделки они преследовали цель — устранить влияние Советского Союза на Европу, который своей последовательной борьбой за мир и коллективную безопасность мешал осуществлению их агрессивных планов. Как признал на Нюрнбергском процессе Кейтель, «целью Мюнхенского соглашения было устранить Россию из Европы, выиграть время и завершить наше перевооружение»¹.

Мюнхенское соглашение, порабощение чехословацкого народа германским империализмом позволили гитлеровцам на некоторое время преодолеть экономические трудности, вызванные бешеными темпами перевооружения страны, ослабить обострившийся в стране в связи с угрозой возникновения мировой войны внутриполитический кризис и значительно укрепить позиции фашистского режима.

Поощрение правительствами западных держав немецко-фашистской империалистической агрессии, предательство ими Чехословакии давало возможность фашистской пропаганде утверждать, что «Гитлер все может», и создавало уверенность в возможности легкого и быстрого осуществления агрессивных планов германского империализма. Это способствовало тому, что гитлеровцам удавалось отравить сознание значительной части немецкого народа ядом шовинизма и агрессии. Мюнхенская политика западных держав ослабляла, дезорганизовывала антифашистские силы в Германии и других странах.

Мюнхенская сделка усилила позиции капитулянтских реакционных элементов в правящих кругах государств Юго-Восточной Европы. Расчленение Чехословакии открыло германскому империализму широкую дорогу для германской экономической и политической экспансии. В одном из документов, подписанных министром хозяйства Функом, признавалось, что «Мюнхенское соглашение открыло новый период для германской торгово-политической деятельности с европейским Юго-Востоком. Этим событием закончилась длительная

¹ *H. Königler, Der Weg nach München, S. 172.*

борьба великих европейских держав, продолжавшаяся после первой мировой войны, за экономическое господство на Юго-Востоке Европы в пользу Германии и Италии. Уже присоединение Австрии к Германии практически предрешило исход этой борьбы»¹.

В Мюнхене была определена судьба ряда других европейских государств, которые были негласно выданы фашистской Германии правительствами западных держав. Прямым следствием мюнхенской сделки явилось завершение расправы империалистов с республиканской Испанией, открытое присоединение в феврале 1939 г. хортистской Венгрии к агрессивному фашистскому блоку, экономическое и политическое порабощение Германией Румынии, Югославии, Болгарии.

Заручившись поддержкой западных держав, империалисты Германии и Италии весной 1939 г. совершают ряд новых агрессивных актов в Европе. Германия захватывает остальную часть Чехословакии, Клайпеду, навязывает кабальный экономический договор Румынии, завершает подготовку к нападению на Польшу. 7—8 апреля 1939 г. фашистская Италия захватывает Албанию. Новые агрессивные акты фашистских государств в Европе, поставившие мир перед угрозой мировой войны, со всей силой раскрыли перед общественным мнением действительный смысл Мюнхенского соглашения как заговора международной империалистической реакции против мира. Вместе с тем германские империалисты, ободренные легкостью своих побед и безнаказанностью за агрессию, все более выражали претензии на установление своей мировой гегемонии за счет интересов американского и англо-французского империализма. Они требовали нового передела мира.

¹ «Übersicht über den Stand der wirtschaftspolitischen Beziehungen Deutschlands», Berlin, 1938, S. 5.

РАСПИРЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АГРЕССИИ ПОСЛЕ МЮНХЕНСКОГО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО СГОВОРА (ВЕСНА 1939 г.)

1. Завершение германской вооруженной интервенции против республиканской Испании

Мюнхенская империалистическая сделка открыла новый этап немецко-фашистской агрессии в Европе. Гитлеровская Германия, поощряемая Англией, Францией и США, стала готовиться к войне уже совершенно открыто.

Фашистские государства уже третий год вели вооруженную интервенцию против испанского народа, героически защищавшего свободу и независимость своей родины. Несмотря на то что итало-немецкие интервенты направили в помощь испанским фашистским мятежникам более 300 тыс. солдат и офицеров своих регулярных войск и огромное количество вооружения и снаряжения¹, несмотря на то что мятежники получали все более активную поддержку со стороны правительств Англии, Франции и США, они не могли добиться победы. Испанские патриоты, руководимые коммунистами, поддерживаемые прогрессивными, антифашистскими силами всего мира, и в первую очередь Советским Союзом, оказывали решительное сопротивление фашистской реакции и срывали ее планы. В боях под Мадридом (1936 г.), Гвадалахарой (1937 г.) и на других фронтах республиканцы разгромили крупные группировки войск

¹ См. «История Коммунистической партии Испании», М., 1961, стр. 135.

фашистских мятежников и итало-германских интервентов. Избежать полной катастрофы и продолжать войну мятежники могли только при дальнейшем усилении помощи со стороны правительств Германии и Италии.

Вопрос об оказании дальнейшей помощи испанским фашистам обсуждался в конце сентября 1937 г. во время встречи Гитлера и Муссолини в Мюнхене и во время переговоров Нейрата с Чиано¹. Здесь была достигнута договоренность о передаче Франко 4 итальянских подводных лодок и 2 эсминцев, которые мятежники использовали для пиратских нападений на корабли других держав, 100 самолетов и технических частей численностью в 4 тыс. человек². Выражая мнение международной империалистической реакции, опасавшейся влияния национально-революционной войны испанского народа на подъем антифашистской борьбы в других странах, Муссолини говорил: «Необходимо довести борьбу против большевизма в Испании до конца потому, что большевизм, потерпев поражение в Испании, будет побежден и в Европе, ибо после Испании Германия и Италия должны взяться за все страны по очереди, чтобы, где это необходимо, заставить их бороться против большевизма»³.

Добиваясь увеличения военной помощи Италии испанским мятежникам, фашистская Германия в то же время преследовала свои собственные цели. Эти цели Гитлер сформулировал на совещании своих главнокомандующих в имперской канцелярии 5 ноября 1937 г. «В свете недавних событий в ходе войны в Испании, — гласит протокольная запись совещания, сделанная полковником Госбахом, — фюрер не видит перспективы быстрого окончания военных действий... Учитывая длительное время, понадобившееся для подготовки наступления Франко, можно предположить, что война будет

¹ См. «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», М., 1946, стр. 12.

² Там же стр. 15.

³ Там же, стр. 15—16.

продолжаться еще три года». И далее: «...мы сейчас заинтересованы в продолжении войны и в сохранении противоречий в Средиземноморском бассейне...

Так как наши интересы направлены на продолжение войны в Испании, задачей нашей политики будет являться усиление Италии в ее борьбе за сохранение Балеарских островов»¹. Далее Гитлер говорил о необходимости для Германии «извлечь пользу из этой войны и разрешить австрийский и чешский вопросы»².

В начале 1938 г. правительство фашистской Германии, подготавливая захват Австрии и Чехословакии, выразило намерение отозвать «Легион Кондор», который в боях с республиканскими войсками понес большие потери. Этот свой шаг гитлеровцы стремились использовать в качестве средства давления на Франко, который предоставил ряд экономических привилегий монополиям США, Англии и Франции на территории, занятой войсками мятежников. Подобные действия Франко вызвали крайнее недовольство фашистской Германии, которая имела в Испании свои интересы и добивалась новых уступок для германского финансового капитала. В марте — июне 1938 г. между правительством фашистской Германии и главарями испанских мятежников происходили оживленные переговоры по данному вопросу.

4 июня 1938 г. Вейцекер сообщал Риббентропу, что Франко просил оставить германские войска до окончания военных действий в Испании. «Как наши добровольцы, так и итальянские летчики и техники, — продолжал Вейцекер, — имеют еще и теперь в военном отношении большое значение для Франко... При этих обстоятельствах отвод наших и итальянских добровольцев в данный момент был бы воспринят Франко, да и всем миром, как политическое отступление и недопустимым образом способствовал бы успехам красных»³.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 391—392.

² Там же.

³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», стр. 31.

Поэтому, учитывая военную и морально-политическую слабость армии фашистских мятежников, которая в случае отвода гитлеровских войск не смогла бы продолжать войну, правительство Германии приняло решение оставить «Легион Кондор» в Испании и пополнить его личный состав и вооружение.

Согласившись на пополнение легиона, гитлеровцы потребовали от Франко компенсации. 20 июня 1938 г. Вейцзекер писал германскому послу при «правительстве» Франко Штореру: «...здесь (т. е. в Берлине.— В. Ф.) считалось бы целесообразным, если бы Вы вместе с сообщением о пополнении легиона подняли бы снова вопрос о наших прежних пожеланиях»¹. 6 июля 1938 г. Шторер в ответном письме в министерство иностранных дел раскрывал смысл этих германских «пожеланий». Его письмо так и называлось «Новое пополнение состава «Легиона Кондор» и наша заинтересованность в испанской горной промышленности»². В письме было выдвинуто предложение, чтобы Испания «пошла нам навстречу, обеспечивая нас поставками руды»³. Посол настаивал на участии германских монополий в организации горного дела в Испании. Таким образом, вопрос о пополнении «Легиона Кондор» гитлеровцы использовали для экономического закабаления Испании, а также в качестве сильнейшего политического средства в обострившейся конкурентной борьбе с англо-франко-американскими империалистами.

Правительство фашистской Германии приступило к пополнению «Легиона Кондор» в то время, когда 5 июля 1938 г. лондонский «Комитет по невмешательству» после длительного обсуждения принял решение о выводе из Испании всех иностранных добровольцев, в том числе и войск германо-итальянских интервентов. В соответствии с этим решением участники интернациональных бригад — антифашисты 28 октября 1938 г. покинули Испанию. Войска итало-германских интер-

¹ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», стр. 39.

² См. там же, стр. 41.

³ См. там же, стр. 42.

вентов также должны были выехать из Испании¹. Выполнение этого решения правительствами Германии и Италии означало бы резкое изменение соотношения сил в Испании в пользу республиканцев, которых поддерживало абсолютное большинство испанского народа. Однако итало-германские интервенты вовсе не собирались выводить свои войска из Испании, на штыках которых держался режим Франко в оккупированных районах страны. К тому же они понимали, что правительства Англии и Франции, которые играли руководящую роль в «Комитете по невмешательству», приняли это решение для обмана общественного мнения.

Учитывая эти обстоятельства, Германия и Италия под различными предлогами саботировали систему международного контроля за выполнением этого решения. Министерство иностранных дел Германии дало указание своим дипломатическим советникам при генерале Франко «продолжать игру до тех пор, пока не будет совершенно ясно, что Франко один сможет одержать окончательную победу»².

11 августа 1938 г. директор политического департамента МИД Германии Верман сообщал верховному командованию вооруженных сил, что имеется договоренность с итальянским правительством о необходимости проведения такой тактики в отношении решений лондонского «Комитета по невмешательству», которая «даст возможность выиграть время». В сообщении говорилось далее, что, «поскольку Франко пока еще не может обойтись без поддержки немецких и итальянских добровольцев (т. е. интервентов.— В. Ф.), об отводе «Легиона Кондор» пока еще не может быть и речи»³.

¹ В сравнении с 300 тыс. итальянских и немецких солдат и офицеров иностранного легиона в Испании находилось только 35 тыс. иностранных добровольцев-антифашистов. «История Коммунистической партии Испании», стр. 135.

² «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», стр. 35.

³ Там же, стр. 57.

Оставляя «Легион Кондор» в Испании, гитлеровцы преследовали свои далеко идущие политические цели. Военную помощь Франко фашистская Германия использовала прежде всего для вовлечения испанских мятежников в свой агрессивный блок. В конце 1938 — начале 1939 г. Шторер вел неоднократные переговоры с Франко и Хордано о заключении военно-политического и экономического договора¹. 10 января 1939 г. директор экономического департамента МИД Германии Виль составил специальный меморандум о германских «экономических интересах» в Испании². В меморандуме предусматривались крупные поставки в Германию испанской железной руды и цветных металлов. Для переговоров по данному вопросу в Берлин была приглашена делегация высокопоставленных франкистских чиновников.

1 февраля 1939 г. Вейцекер направил в Сан-Себастьян Штореру указание, чтобы он совместно с итальянским послом, которому итальянское правительство направило соответствующие инструкции, потребовал от Франко немедленного присоединения к антикоминтерновскому пакту³. Однако Франко и его подручные проявляли колебание. Они опасались, что официальное присоединение франкистской Испании к фашистскому агрессивному блоку может вызвать недовольство правительств Англии, Франции и США, которые в это время открыто поддерживали фашистских мятежников и вели переговоры о признании генерала Франко главой «правительства» Испании. 5 февраля 1939 г. Хордано сообщил послам Италии и Германии, что присоединение к пакту поставило бы под угрозу отношения Франко с правительствами Англии и Франции и что Франко согласен на присоединение к пакту только после окончания войны в Испании⁴. Франко в беседе со Шторером также подтвердил, что он не

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 708.

² Там же.

³ См. «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», стр. 717.

⁴ ADAP, Ser. D. Bd. III, S. 709.

может присоединиться к пакту до признания его режима правительствами Англии и Франции¹.

27 февраля 1939 г., в то время когда республиканские войска успешно обороняли столицу Испании — Мадрид и отражали атаки превосходящих сил мятежников и итало-германских интервентов на других фронтах, правительства Англии и Франции совершили новое предательство в отношении испанского народа. Они заявили о разрыве отношений с правительством республиканской Испании и о признании де-юре «правительства» генерала Франко.

В тот же день, 27 февраля 1939 г., между правительствами Германии, Италии, Японии, с одной стороны, и Франко — с другой, был подписан протокол о присоединении франкистской Испании к антикоминтерновскому пакту². Однако Франко все еще просил начальника германской контрразведки адмирала Канариса, практически подготовившего этот пакт, не публиковать его текст до окончания войны в Испании. Эта конспирация теперь была необходима «правительству» мятежного генерала Франко для того, чтобы получить от Франции испанский военно-морской флот, интернированный во французских портах, и золотой запас Испании, блокированный во время войны³.

В конце 1938— начале 1939 г. англо-франко-американские и германо-итальянские империалисты организовали совместную экономическую и военную блокаду республиканской Испании. В эти тяжелые для испанского народа дни только Советский Союз последовательно защищал интересы свободолюбивого испанского народа, оказывал ему военную, экономическую и моральную поддержку.

5—6 марта 1939 г. английские агенты Касадо и Бестейро организовали военный путч в Мадриде и свергли республиканское правительство Испании. Фашистским мятежникам был открыт путь в столицу Испании, которую в течение двух с половиной лет

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 717.

² Там же, стр. 750.

³ Там же, стр. 760.

героически защищали испанские патриоты и участники интернациональных бригад. 28 марта войска испанских фашистов и итало-германских интервентов заняли Мадрид. Усилиями германо-итальянских интервентов и их пособников в Испании был установлен фашистский террористический режим.

Гитлеровцы с большой помпой отмечали победу фашистов в Испании и всячески превозносили роль своего легиона в удушении республиканской Испании. В Мадриде был устроен парад «Легиона Кондор», на котором присутствовал Геринг¹. Еще более торжественно встречали гитлеровцы возвращение легиона в Берлин, парад которого принимал Гитлер². Возвеличиванием успехов легиона в интервенции в Испании, парадной шумихой, связанной с его возвращением в Германию, гитлеровцы стремились разжечь у немцев дух шовинизма, жажду новых захватов и порабощения других народов.

Национально-революционная война испанского народа против фашистских мятежников и итало-германских интервентов являлась одной из крупнейших битв сил мира, прогресса и демократии против фашистских агрессоров и их империалистических покровителей в период между двумя мировыми войнами.

«Мужественная борьба испанского народа,— пишет Долорес Ибаррури,— в течение трех лет сдерживавшего натиск сил международной реакции, имеет большое историческое значение. Борьба испанского народа задержала гитлеровскую агрессию против других народов»³.

Поражение республиканской Испании оказало большое влияние на развитие политических событий в Европе. Подчинив своему влиянию франкистскую Испанию, германские империалисты овладели рядом важнейших стратегических позиций. На территории Испании и ее колоний были созданы германские военные базы,

¹ ADAP, Ser. D, Bd. III, S. 772.

² Там же, стр. 766.

³ *Долорес Ибаррури*, Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников. «Вопросы истории» № 11, 1953, стр. 47.

направленные против Англии и Франции. Как признавал гитлеровский генерал Рейхенау, «наша интервенция в Испании позволила нам утвердиться на основных стратегических линиях Франции и Англии... Благодаря нашим позициям в Испании мы находимся в благоприятном положении, господствуя над жизненными пунктами этого стратегического района. Мы помогли генералу Франко установить дальнобойные батареи у Алхесираса и на Африканском побережье против Гибралтара в окрестностях Сеуты; эти батареи могут быть очень полезны в случае необходимости перерезать жизненно-важные франко-английские линии... в этом заключается высший смысл нашей интервенции в Испании»¹.

Политика правительств Англии, Франции и США в период итало-германской интервенции, способствовавшая разобщению, деморализации демократических, антифашистских сил во всем мире, убеждала агрессоров, что они могут продолжать осуществление своих захватнических планов против народов других стран, не опасаясь встретить сопротивление со стороны правящих кругов западных держав. Поражение республиканской Испании высвободило значительные вооруженные силы итало-германских агрессоров, облегчило германским империалистам условия для осуществления их агрессивных планов против Чехословакии, Румынии и других государств Юго-Восточной Европы и Прибалтики, приблизило сроки нападения на Польшу и развязывания мировой войны.

2. Захват всей Чехословакии (15 марта 1939 г.)

Завершая интервенцию против республиканской Испании, немецко-фашистские империалисты одновременно готовились к захвату всей Чехословакии. В ночь на 1 октября 1938 г. немецкие войска вторглись

¹ *Долорес Ибаррури*, Национально-революционная война испанского народа против итало-германских интервентов и фашистских мятежников. «Вопросы истории» № 11, 1953, стр. 35—36.

в Судетскую область. Уже в процессе оккупации Судетской области фашистская Германия грубо нарушала Мюнхенское соглашение и создавала предпосылки для захвата всей Чехословакии. Свои действия первоначально она прикрывала решениями так называемой международной комиссии.

К 7 октября четыре зоны, установленные Мюнхенским соглашением, были оккупированы фашистской Германией. Оккупацию Судетской области гитлеровцы производили с таким расчетом, чтобы подорвать экономику и обороноспособность чехословацкого государства, сделать его нежизнеспособным, поставить в полную экономическую и политическую зависимость от Германии и таким образом создать условия для полного порабощения страны.

Новые границы Чехословакии вовсе не соответствовали этнографическому принципу. Целые районы с чисто чешским населением были присоединены к Германии¹. Размер отторгнутых территорий далеко превосходил требования, содержащиеся в Годесбергском меморандуме, который Чемберлен называл неприемлемым. Многие чешские города и населенные пункты были заняты Германией в связи с их важным стратегическим и военным значением².

Гитлеровцы стремились подорвать жизнеспособность важнейших центров страны. Немецкие войска заняли электростанцию в Эрвенице, снабжавшую энергией Прагу, и резервуар Бржезова, который снабжал водой Брно³. Германская граница теперь проходила вблизи крупнейших городов Чехословакии: ее столица Прага оказалась в 35 км от новой границы; Пльзень, важнейший центр военной промышленности, — в 3 км; Брно, столица Моравии, — в 15 км; Моравска Острава, важнейший угольный бассейн и центр железодельной промышленности, — всего лишь в 1 км⁴. В связи с присоединением к Германии ряда территорий нару-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1662, л. 45:

² Там же, л. 48.

³ Там же.

⁴ См. *К. Готвальд*, Чешский народ в борьбе против фашистских поработителей, М., 1941, стр. 4.

палось продовольственное снабжение этих промышленных центров.

Важнейшие железнодорожные и шоссеиные магистрали прерывались новыми границами. Так, главная железнодорожная линия, проходящая на восток через всю страну, была перерезана в четырех местах. Чтобы попасть в некоторые районы Закарпатской Украины, оставшиеся в составе Чехословакии, необходимо было пересечь территорию четырех государств: дважды германские области, один раз польскую, один раз венгерскую и один раз румынскую¹. Таким путем фашистская Германия умышленно разрывала территориальную связь между различными районами Чехословакии.

Реализуя свои агрессивные замыслы, гитлеровцы сразу же начали саботировать решение Мюнхенской конференции о проведении плебисцита в так называемой 5-й зоне, т. е. в областях с преобладающим чешским населением. После того как международная комиссия 21 ноября признала новые захваты чехословацкой территории Германией, не предусмотренные Мюнхенским соглашением (так называемую 5-ю зону), она вскоре объявила о прекращении своей деятельности. Этим воспользовались гитлеровцы, которые вероломно нарушили установленную границу с Чехословакией более чем в 300 местах. В результате оккупации Судетской области и последующих провокационных действий свыше 1 млн. чехов оказалось под властью фашистской Германии².

Подстрекаемая фашистской Германией, панская Польша оккупировала Тешинскую Силезию, на территории которой проживало 120 тыс. чехов и 80 тыс. поляков³, а также ряд районов Словакии. Одновременно Польша поддерживала венгерские стремления к захвату Закарпатской Украины.

После того как первые требования Венгрии были удовлетворены, 9 октября в пограничном городе Комарно состоялись венгеро-чехословацкие переговоры.

¹ См. *К. Готвальд*, Чешский народ в борьбе против фашистских поработителей стр. 4.

² См. *И. Гаек*, Мюнхен, стр. 192.

³ См. там же.

Венгерская делегация, как сообщалось в печати, потребовала передачи ей Братиславы, Кошице, Мукачева¹, т. е. фактически всей Словакии и Закарпатской Украины. 13 октября министр иностранных дел Канья заявил, что в связи с непримиримой позицией чехословацкой делегации Венгрия прерывает переговоры и обращается к великим державам с просьбой о поддержке своих требований.

2 ноября 1938 г. для решения спорных вопросов в Вене была созвана арбитражная конференция. В ней участвовали Риббентроп, Чиано, министр иностранных дел Венгрии Канья, министр иностранных дел Чехословакии Хвалковский². Представители Германии и Италии на конференции выступали в роли арбитров. В результате достигнутого компромисса значительная часть территории Словакии и Закарпатской Украины с городами Кошице, Мукачев, Ужгород отходила к Венгрии³. В период с 5 по 10 ноября 1938 г. Венгрия оккупировала указанные районы. Однако, стремясь использовать Закарпатскую Украину в качестве козыря в своей политике антисоветского сговора с западными державами, Германия не соглашалась передать Венгрии всю эту область.

В итоге мюнхенского предательства Чехословакия потеряла 30% своей территории и 33% населения (в том числе 1 200 тыс. человек словаков и украинцев)⁴. Она лишилась своих естественных границ и пограничных укреплений и оказалась совершенно безоружной перед лицом агрессивной фашистской Германии.

В оккупированных районах Чехословакии гитлеровцы установили кровавый террористический режим. Чешские антифашисты, не успевшие бежать, стали жертвами гестапо. После вступления гитлеровских войск в Судетскую область генлейновская судето-немецкая партия слилась с германской фашистской пар-

¹ АВП СССР, ф. 77, оп. 14, п. 6, л. 9.

² Несмотря на усиленные домогательства правительств Румынии и Польши, они не были допущены к участию в конференции. «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 280—281.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 106—114.

⁴ «Mnichov v dokumentech», dil. I, str. 281.

тей. Генлейн был назначен гаулейтером области, а Франк — его заместителем.

Немецкие монополии и банки («Дрезднер банк», «Дейче банк», концерн Г. Геринга и другие) захватывали промышленные предприятия, принадлежавшие чехам и евреям. Аграрная реформа 1919 г. была объявлена недействительной. У чешского населения за фиктивную компенсацию отбирался скот, инвентарь и другое имущество.

После заключения Мюнхенского соглашения правящие классы Чехословакии покорно приняли диктат западных держав и стали проводить внутреннюю и внешнюю политику в соответствии с указаниями, полученными из Берлина. Сохранилась лишь видимость независимости чехословацкого государства.

По требованию Гитлера был изменен состав правительства Чехословакии. 5 октября, несмотря на свое пресмыкательство перед Германией, ушел в отставку президент Бенеш¹. Новым президентом в ноябре 1938 г. был избран бывший председатель верховного суда реакционный чиновник Эмиль Гаха. Премьер-министром был назначен лидер аграрной партии реакционер Беран, а министром иностранных дел — бывший посол в Германии, а затем в Италии фашист Хвалковский. Реакционная чешская буржуазия и аграрии начали с помощью Германии на неоккупированной территории страны устанавливать фашистскую террористическую диктатуру.

Осуществляя этот план, правительство Чехословакии обрушило репрессии против чешских демократов-антифашистов, и в первую очередь против коммунистов. 27 декабря 1938 г. была распущена КПЧ, а 30 депутатов-коммунистов были лишены депутатских мандатов². 26 января 1939 г. между чехословацкой полицией и гестапо было заключено новое соглашение о совместной деятельности против коммунистического движения, об обмене информацией, о назначении в посольствах каждой страны специальных полицейских чиновников

¹ E. Beněš, Paměti, str. 73.

² «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 352.

для поддержания связи с полицейскими органами другой страны. 14 октября по предложению Берана было распущено «Общество дружбы с Советским Союзом». В то же время германский посланник в Праге Хенке сообщал в Берлин, что министерство внутренних дел Чехословакии подготовило распоряжение о снятии запрета на деятельность немецко-фашистской партии¹.

15 октября 1938 г. охвостье чехословацкого парламента под давлением Берлина в нарушение конституции уполномочило президента Гаху путем издания декретов без санкции парламента изменить основы конституции. Затем заседания парламента были отложены, и он фактически больше не собирался. За несколько дней до захвата всей Чехословакии парламента был распущен вовсе.

В Чехословакии были ликвидированы все ранее существовавшие буржуазные политические партии. Вместо них была создана под руководством Берана правительственная фашистская партия «национальное единство». Правые социал-демократы в целях обмана народных масс создали так называемую национальную партию труда. Усилился процесс фашизации во всех звеньях государственного аппарата. Вводилась строгая цензура над прессой. Демократические газеты были закрыты. Было запрещено 15 антифашистских газет, выходящих на немецком языке, в том числе газета «Рундшау» и издававшаяся прогрессивным деятелем профессором Неядлы газета «Учительские новины».

Чехословацкое правительство провело ряд других реакционных мероприятий: из государственного аппарата были уволены все чиновники еврейского происхождения, а уволенные в период до Мюнхенского соглашения немецкие чиновники — фашисты были восстановлены на своих местах. Жестоким преследованиям подвергались коммунисты. Их изгоняли из муниципалитетов, фабзавкомов. Тысячи членов КПЧ были заключены в концентрационные лагеря, специально созданные с этой целью в различных районах страны. Политикой фашизации политической жизни, подавления протеста

¹ «Mnichov v dokumentech», dil II, str. 352.

широких народных масс реакционные круги Чехословакии оказали большую услугу гитлеровцам в подготовке захвата всей страны. Правительство Берана стремилось всячески выслужиться перед гитлеровцами. После настойчивых домогательств 13 октября 1938 г. Хвалковскому было разрешено прибыть в Берлин. На приеме у Гитлера он заявил, что целью чехословацкого правительства является укрепление сотрудничества с Германией.

В беседе с Риббентропом Хвалковский говорил о стремлении его правительства «на 180°» повернуть внешнюю политику Чехословакии. Эта новая внешняя политика означает, по словам Хвалковского, в первую очередь конец линии Москва — Прага — Париж и включение Чехословакии в «германскую экономическую систему». 19 ноября 1938 г. в Берлине был подписан германо-чехословацкий протокол о строительстве канала Одер — Дунай, а 22 ноября 1938 г. — германо-чехословацкое соглашение о строительстве автострады Вена—Братислава, соединяющей Юго-Восточную Германию с Австрией. Эта экстерриториальная немецкая автострада должна была пройти через территорию Чехословакии и, так же как и канал, сыграть роль «тройанского коня» при подготовке германской агрессии¹.

Германию непрерывно посещали чехословацкие министры экономики, сельского хозяйства, президент государственного банка, которые согласовывали с германским правительством, монополиями, банками вопросы, касавшиеся включения чехословацкой экономики в сферу экономических интересов фашистской Германии. Согласно опубликованному в печати чехословацко-германскому коммюнике Чехословакия должна была поставить Германии в течение 1939 г. 15 тыс. вагонов зерна и муки². Часть этого продовольствия сама Чехословакия должна была закупить в других странах. Торговля велась на грабительской основе. Только за последний квартал 1938 г. торговый баланс

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 56—58.

² АВП СССР, ф. 138-а, оп. 19, п. 33, д. 4, л. 44.

с Германией дал Чехословакии пассив на сумму 15 млн. крон¹. Между двумя правительствами велись переговоры об отправке в Германию 100 000 чехословацких квалифицированных рабочих².

Усиливая политический и экономический нажим на Чехословакию, гитлеровцы сразу после Мюнхенской конференции начали подготовку полной военной оккупации страны.

21 октября за подписью Гитлера и Кейтеля была издана директива относительно захвата остальной части территории Чехословакии. В директиве говорилось, что до издания новых директив вооруженные силы должны быть в любое время готовы к тому, чтобы ликвидировать всю Чехословакию³.

В декабре 1938 г. верховное командование вермахта разработало еще более подробные директивы о захвате остальной части Чехословакии. Как и «план Грюн», новая директива Гитлера от 17 декабря 1938 г. исходила из того, что Германия не встретит со стороны западных держав сопротивления. В связи с прогерманской политикой чехословацкого правительства и нежеланием правительств Англии и Франции гарантировать новые границы Чехословакии в директиве шла речь о возможности мирного захвата всей Чехословакии.

В последующий период, в январе и феврале 1939 г., штаб верховного командования вооруженных сил, министерство иностранных дел и другие учреждения фашистской Германии проводили техническую и политическую подготовку этого нового агрессивного акта. Фашистская Германия добивалась быстрейшего сокращения чехословацкой армии, полного подчинения внутренней и внешней политики Чехословакии германским требованиям. Она отказывалась гарантировать ее новые границы. Такие гарантии не были даны и после удовлетворения Чехословакией польских и венгерских претензий, хотя это было обусловлено Мюнхенским соглашением.

¹ АВП СССР, ф. 138-а, оп. 19, п. 33, д. 4, л. 46.

² Там же, л. 44.

³ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 294.

Одновременно с подготовкой к вооруженному захвату всей Чехословакии фашистская Германия разработала целую серию мероприятий, которые должны были шаг за шагом привести к «мирному» поглощению Чехословакии. Одной из таких мер был проект тайного германо-чехословацкого договора, составленный верховным командованием вермахта.

3 декабря 1938 г. Кейтель направил в МИД Германии проект этого тайного договора, который должен был явиться дополнением к «Договору о дружбе между Германией и Чехословакией».

Пункт 3 проекта договора гласил¹, что «при предстоящей реорганизации чехословацкой армии ее будущая организация, состав, построение, дислокация и вооружение должны быть унифицированы с германскими вооруженными силами». В пункте 5 проекта говорилось, что «Чехословакия переведет свою военную промышленность на выпуск нового типа оружия и снаряжения, применяемого в немецкой армии. Чехословацкая армия будет перевооружена оружием этого образца». В пункте 7 речь шла об использовании правительством Германии экстерриториальной автострады, о полетах германских военных самолетов через территорию Чехословакии, а также о праве Германии перевозить свои военные грузы по другим путям сообщения Чехословакии².

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 162-л, оп. 1, д. 33, л. 21.

Автору не удалось обнаружить указанный проект договора в опубликованных сборниках документов германского МИД (сер. «Д» и др.), а также упоминания о нем в специальных работах, посвященных Мюнхенскому соглашению.

² Как уже отмечалось, 19 ноября 1938 г. между правительствами Германии и Чехословакии было подписано соглашение о строительстве канала, соединяющего Одер с Дунаем, т. е. о создании кратчайшего пути для соединения Черного моря с Балтийским и Северным, что значительно увеличило бы пропускную способность водного пути Дуная. Канал должен был облегчить Германии, которой принадлежало 51,8% тоннажа дунайского флота, экспансию в Юго-Восточной Европе. Сооружение канала создавало угрозу Польше, так как это вело к утрате значения таких портов, как Гдыня, Гданьск, и увеличению значения Щецина. «Историко-дипломатический архив», ф. 2-с, оп. 4, ед. хр. 13, л. 119; ф. 15, оп. 1, ед. хр. 140, л. 15.

5 декабря 1938 г. ОКВ сообщило в МИД Германии, что Геринг одобрил текст проекта секретного германо-чехословацкого договора¹. Этот договор должен был быть дополнен рядом секретных протоколов, подготавливавших военную оккупацию Чехословакии немецко-фашистскими войсками.

21 января 1939 г. для переговоров по этому вопросу в Берлин был вызван министр иностранных дел Чехословакии Хвалковский. Гитлеровцы намеревались обсудить с ним проект германо-чехословацкого договора и другие соглашения, которые должны были завершить «мирное» порабощение всей Чехословакии².

Во время беседы с Гитлером Хвалковский еще более покорно выражал согласие подчинить внутреннюю и внешнюю политику Чехословакии германскому диктату³. Визит Хвалковского в Берлин знаменовал собой начало нового этапа на пути полного подчинения Чехословакии фашистской Германии.

Однако были подписаны лишь отдельные из этих секретных протоколов: о строительстве автострады, о полетах германской авиации над чехословацкой территорией. Остальные протоколы, хотя их проекты уже были тщательно разработаны верховным командованием германских вооруженных сил и министерством иностранных дел, подписаны не были. Подписание подобных договоров, открыто превращавших Чехословакию в германский протекторат, могло вызвать гневный протест чехословацкого народа. Антифашистские настроения чехословацкого народа, его свободолюбие являлись такими факторами, с которыми не могло не считаться реакционное правительство Чехословакии.

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 162-л., оп. 1, д. 33, л. 25.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 172.

Во время визита Хвалковского в Берлин в чехословацкой печати появился ряд сообщений о предстоящем подписании тайного германо-чехословацкого соглашения. Это свидетельствует о том, что подготовка к подписанию подобного соглашения проводилась не только германской, но и чехословацкой стороной.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 179. На документе имеется собственноручная приписка Риббентропа, что он во время беседы особенно настаивал на сокращении чехословацкой армии. «Историко-дипломатический архив», ф. 162-л., оп. 1, д. 33, л. 59.

Данное обстоятельство заставило фашистскую Германию снять вопрос о подписании германо-чехословацкого договора и других секретных приложений к нему, которые должны были уже в январе 1939 г. фактически завершить захват всей Чехословакии¹.

После того как этот план не удался, гитлеровцы принимают решение захватить Чехословакию посредством вторжения на ее территорию своих вооруженных сил, которые должны были подавить сопротивление трудящихся Чехословакии. Однако гитлеровцы решили выждать некоторое время, пока «плод не созреет» и чехословацкая реакция не передаст им свою страну, предварительно сломив волю народа к сопротивлению.

В целях дальнейшей деморализации народов Чехословакии, подрыва их воли к сопротивлению, а также создания условий для агрессии гитлеровцы снова использовали свою фашистскую «пятую колонну». В первую очередь они опирались на 250 тыс. немецкого населения, оставшегося в Чехословакии². Заместитель Генлейна Кундт был назначен руководителем немецкого национального меньшинства и действовал по непосредственным указаниям из Берлина. Гитлеровцы запретили этому немецкому населению переселиться в рейх. Под давлением Германии правительство Чехословакии предоставило немцам большие политические и экономические льготы за счет чехов. Немцам из Судетской области было предложено обучаться в немецком университете в Праге, который был превращен в центр нацистской пропаганды. После Мюнхенской конференции функции генлейновского «Свободного корпуса» были переданы германским студенческим организациям в Праге и Брно, которые действовали как военизированные организации фашистских головорезов. Многие члены этих организаций состояли в СС и активно участвовали в подготовке захвата всей Чехословакии.

В неоккупированных районах Чехословакии активно развернули свою деятельность немецко-фашистская

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 176.

² Нацисты сознательно преувеличивали эту цифру, доводя ее до 400 тыс. См. *И. Гаек*, Мюнхен, стр. 197.

партия и подчиненные ей организации. Немцы — члены фашистских организаций получили право поступать во все государственные учреждения и на военные предприятия, где они занимались подрывной деятельностью. Наглость фашистов дошла до того, что они добились права на своих собраниях открыто вывешивать нацистские флаги со свастикой.

Другой силой, которую гитлеровцы использовали для разрушения чехословацкого государства, были словацкие сепаратисты¹. Как уже отмечалось, гитлеровцы еще раньше установили с ними тесный контакт. Реакционная словацкая буржуазия стремилась после мюнхенскогоговора использовать поддержку фашистской Германии для того, чтобы вытеснить чешскую буржуазию из экономики Словакии, захватить ее позиции и установить свое господство над словацким народом.

16—17 октября 1938 г. в Берлине состоялись переговоры между Герингом и представителями словацкой буржуазии заместителем премьер-министра Словакии Дурчанским и руководителем отдела фашистской пропаганды в Словакии Махом. В переговорах участвовали словацкие фашисты во главе с их лидером Кармазиным, а также имперский штатгальтер Зейсс-Инкварт².

Представители словацкого правительства — агенты Германии — заявили о своем стремлении к независимости и установлению тесных военных, политических и экономических связей с Германией³.

С циничной откровенностью Геринг говорил о действительных целях, которые преследует фашистская Германия, поддерживая словацких сепаратистов. «Чехословакия без Словакии, — говорил он, — будет еще в большей мере находиться в нашей власти. Авиацион-

¹ После Мюнхена Чехословакия была разделена на три автономных государства: Чехию, Словакию и Закарпатскую Украину, во главе которых находились свои «правительства». Словакия была предоставлена автономия. Гитлеровцы добивались того, чтобы сделать невозможным какое-либо соглашение Словакии с пражским центральным правительством.

² ADAP, Ser. D., Bd. IV, S. 76.

³ Там же.

ные базы в Словакии имеют большое значение для Германии, размещенные там германские военно-воздушные силы могут быть использованы для действий против Востока»¹. 12 февраля 1939 г. в Берлин была вызвана новая словацкая делегация в составе главарей правящей реакционной народной (людяцкой) партии Тука и Кармазина, которой были переданы указания фашистской Германии по подготовке мятежа для отторжения Словакии от республики.

В подготовке расчленения и оккупации всей Чехословакии немалую роль сыграл Ватикан. Католические ксендзы, униатские попы и прелаты Тисо, Тука, Волошин и другие, занявшие важнейшие должности в Словакии и Закарпатской Украине, являлись агентами фашистской Германии. Для расчленения и захвата всей Чехословакии, для подготовки агрессии против СССР и Польши гитлеровцы использовали также свою агентуру в Закарпатской Украине. Украинские буржуазные националисты уже давно находились на службе фашистского рейха и финансировались Берлином.

С Закарпатской Украиной фашисты связывали особые антисоветские планы. После Мюнхенской конференции Закарпатская Украина была объявлена гитлеровцами «духовным очагом» украинского народа, «центром всей Украины». Немецкие фашисты собирали в Берлине и Вене все белогвардейское, украинское националистическое отребье вроде гетмана Скоропадского и других. Из этих элементов было создано так называемое тайное украинское бюро. Один из его лидеров, униатский поп Волошин, начал сколачивать из недобитых петлюровцев и остатков других белогвардейских банд, изгнанных из Советской Украины и окопавшихся в Чехословакии, вооруженные отряды так называемых сечевигов. Из Берлина и Польши прибыли специальные инструкторы, которые помогли формировать эти вооруженные банды². Они строились по образу и подобию немецко-фашистских соединений СС и СА.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 76.

² После 1935 г. с помощью германской контрразведки организация украинских буржуазных националистов (ОУН) активно

Украинские буржуазные националисты, которых в течение ряда лет пригревало чехословацкое правительство, теперь открыто выступили против него. 26 октября 1938 г. униатский поп фашист Волошин был назначен премьером правительства Закарпатской Украины, которое в действительности являлось агентурой гестапо в Закарпатье. От имени папы римского митрополит Галицкий Андрей Шептицкий горячо поздравлял его в связи с назначением на этот пост¹. Гитлеровцы приставили к Волошину своего гаулейтера Ольдофреда, который был назначен «государственным секретарем немецкой национальной группы в Карпатской Украине».

Подражая своим «хозяевам», Волошин распустил все политические партии, создал концентрационные лагеря, запретил антифашистскую прессу. Несмотря на то что согласно «венскому арбитражу», принятому Германией и Италией 3 ноября 1938 г., столица Закарпатской Украины Ужгород, а также города Кошице, Мукачев, Берегово и 118 других важнейших населенных пунктов Закарпатской Украины были переданы Венгрии, пресмыкательство украинских буржуазных националистов перед фашистской Германией не ослабло. 11 ноября 1938 г. представителей так называемого карпатско-украинского правительства принял Геринг, который подстрекал их к сепаратистским действиям². 2 февраля 1939 г. «правительство Волошина» опубликовало в фашистском официозе «Фёлькишер беобахтер» свою программу создания украинского национа-

включилась в разведывательную и диверсионную деятельность. Она готовила кадры разведчиков и диверсантов. В конце 1937 — начале 1938 г., после того как был раскрыт ряд заговоров оуновцев против Чехословакии, чехословацкое правительство запретило деятельность украинских националистов, а ряд их лидеров были арестованы. Однако весной 1938 г. подрывная деятельность украинских националистов против Чехословакии снова оживилась. Они начали издавать на деньги, полученные из Германии, газету «Нова свобода» (взамен закрытой в 1937 г. газеты «Свобода»). «Историко-дипломатический архив», ф. 2-с, оп. 4, ед. хр. 13, л. 13—15.

¹ См. «Нова свобода», 30.XI.1938.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 127.

листического государства — марионетки фашистской Германии¹. 8 февраля 1939 г. Германия учредила в столице Закарпатской Украины г. Хусте свое консульство², которое стало еще одним подрывным центром против Чехословакии.

Фашистская Германия вовсе не считалась с центральным чехословацким правительством и с помощью своей агентуры в правительствах Словакии и Закарпатской Украины начала вмешиваться во внутренние дела Чехословакии. Международная империалистическая реакция широко использовала проникновение Германии в Закарпатскую Украину для поощрения гитлеровской агрессии против Советского государства.

Как сообщал германский посол из Лондона, правящие круги Англии были твердо убеждены, что захват Германией Украины назначен на весну 1939 г., и горячо приветствовали ее продвижение в этом направлении³. Бывший французский посол в Варшаве Леон Ноэль в своих мемуарах отмечает, что «в лихорадочной атмосфере последних месяцев 1938 г. во Франции, а также в других странах утверждали, что Германия находится накануне завоевания украинских районов»⁴.

Резюмируя планы империалистических кругов, посол США в Париже Буллит в беседе с польским послом в Вашингтоне Потоцким 21 ноября 1938 г. убеждал последнего, что Германия стремится создать «независимое украинское государство», а исходным пунктом этого предприятия она хочет сделать Закарпатскую Украину, подчинение которой очень важно для Германии по стратегическим соображениям⁵.

Реакционная пресса западных стран стремилась всячески разжечь захватнические аппетиты германских империалистов в отношении Советской Украины, обещая им легкую добычу, подталкивала их к началу агрессии.

¹ «Völkischer Beobachter», 2.II.1939.

² «Нова свобода», 10.II.1939.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 285.

⁴ L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne, p. 262.

⁵ «Deutsches Weißbuch», N 3, Dok. N 3, 4.

В буржуазной литературе период в международных отношениях, наступивший после Мюнхена, изображается в виде «золотого века» мюнхенской политики¹. В то время правящие круги западных держав предпринимали неоднократные попытки дополнить и расширить мюнхенский сговор новыми экономическими и политическими соглашениями, лицемерно выдавая свои действия, поощрявшие гитлеровскую агрессию, за миротворческие. В действительности такая политика еще более усиливала наглость гитлеровцев. Укрепив свои позиции в Европе, они требовали все новых и новых жертв. Опасность возникновения войны не только не уменьшилась, как об этом трубили мюнхенцы, но еще более возросла. Новые попытки Советского правительства оказать помощь чехословацкому народу и преградить дальнейший путь агрессору снова были парализованы мюнхенцами. Когда 9 октября 1938 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР запросил правительство Чехословакии, желает ли оно, чтобы новые границы Чехословакии были гарантированы также и правительством СССР, то МИД Чехословакии, уклоняясь от прямого ответа, 12 октября 1938 г. заявил, что этот вопрос могут решить только державы, участвовавшие в подписании Мюнхенского соглашения². Так стоявшие у власти в Чехословакии представители империалистической реакции вопреки воле ее народов, отклоняя советскую помощь, тесно связывали свою судьбу с интересами немецко-фашистского империализма и стремились с его помощью сохранить свое классовое господство в стране.

Несмотря на то что в Мюнхене правительства западных держав не скупались на обещания гарантировать новые границы Чехословакии, после оккупации Судетской области они всячески уклонялись от выполнения своих обязательств.

Западные державы прилагали много усилий для того, чтобы ослабить обострившиеся межимпериалистические противоречия. Уже в октябре—ноябре 1938 г.

¹ *W. Wheller-Bennett, Munich. Prologue to Tragedy, p. 291.*

² См. «Внешняя политика Чехословакии 1918—1939 гг.», стр. 650.

велись официальные германо-английские переговоры по экономическим вопросам. С этой целью в Лондон выезжала специальная германская экономическая делегация¹. 6 ноября 1938 г. представитель рейхсбанка Виенке имел продолжительную беседу с советником английского министерства иностранных дел Эштоном-Гуэткиным о предоставлении Германии крупных кредитов. Исход переговоров был вполне благоприятным. «США и Англия, — заявил английский представитель, — могут гарантировать Германии кредит в фунтах и долларах»².

В Лондоне германская экономическая делегация вела также переговоры о разделе рынков сбыта, о создании германо-английского угольного картеля, о ликвидации германо-английской конкуренции на мировых угольных рынках и об установлении единых цен на уголь. Во время переговоров развернулась острая полемика, отражавшая обострение англо-германских империалистических противоречий. Например, каждая из сторон стремилась увеличить свою квоту экспорта угля³. 14 декабря президент рейхсбанка Шахт выезжал в Лондон, где вел переговоры о финансовых расчетах и кредитах с директором английского банка Монтегю Норманом, а также министром торговли Стэнли⁴.

В январе 1939 г. в Лондон выезжали представители германской имперской группы «Промышленность» и министерства хозяйства, которые вели переговоры с руководителями Промышленной федерации и правительства Англии. С английской стороны в переговорах участвовали директор федерации Локок, а также Рамсдей, Клейдней, Мак Кени, а с германской — Хипи и другие⁵. Германские представители имели встречу с чиновниками английского правительства Лейт-Россом

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 281—282.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 341.

⁴ Там же, стр. 303.

⁵ Там же, стр. 343.

Документы о ходе этих переговоров составители данного сборника не публикуют.

Хадсоном, Эштоном-Гуэткиным. Для урегулирования проблемы германо-английских экономических отношений предполагалось провести 15—16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе специальную конференцию английских и германских монополистов. С этой же целью 20 февраля 1939 г. в Берлин прибыл Эштон-Гуэткин. Во время переговоров с Риббентропом он выдвигал предложения о развитии англо-германской торговли. Риббентроп в свою очередь более широко поставил проблемы германо-английских экономических и политических отношений, а также колониальных требований Германии. Он требовал от Англии экономических уступок и передачи части колоний. Учитывая стремление английского правительства к сближению с Германией, Риббентроп снова предложил Англии официально присоединиться к антикоминтерновскому пакту¹.

Эштон-Гуэткин имел встречу также с имперским министром экономики и президентом рейхсбанка Функом, Герингом и другими главарями фашистского рейха. Была достигнута договоренность о предстоящих визитах в Берлин других английских деятелей — Стэнли, Хадсона, Горация Вильсона, о подготовке Дюссельдорфской конференции². Германский посол в Лондоне Дирксен в донесении в Берлин от 22 февраля 1939 г. рассматривал визит Эштона-Гуэткина, а затем Стэнли в Германию как крупнейшее событие в германо-английских отношениях³.

В конце 1938 — начале 1939 г. велись оживленные германо-английские переговоры о военно-морских вооружениях. В то время как гитлеровцы, запугивая Англию мнимой мощью своего военно-морского флота, в ходе переговоров стремились добиться от нее новых уступок, английское правительство, поощряя военно-морские вооружения фашистской Германии, надеялось, что они будут использованы для агрессии против Советского Союза. В декабре 1938 г. состоялись переговоры между германской делегацией, возглавляемой

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 359.

² Там же.

³ Там же, стр. 319—322.

контр-адмиралом Шиневиндом, и английской, которую возглавил вице-адмирал Кэннингхэм. Гитлеровцы во время переговоров добивались паритета с Англией в строительстве подводных лодок и крейсеров¹. В ответ на заявление английских представителей о возможном протесте общественного мнения гитлеровцы лицемерно обосновывали необходимость иметь сильный подводный и крейсерский флот «советской угрозой» в Балтийском море².

В январе, феврале и начале марта неоднократно поднимался вопрос об изменении и дополнении германо-английского военно-морского соглашения 1935—1937 гг.³ Чтобы создать условия для дальнейшей агрессии в Европе, правительство фашистской Германии предпринимает попытку разрушить складывавшуюся англо-французскую «Антанту». Уже подписав декларацию с Англией 30 сентября 1938 г., которая была равнозначна пакту о ненападении, фашистская Германия демонстративно подчеркивала дискриминацию другого участника мюнхенской империалистической сделки — Франции. Однако эта попытка отделить Англию от Франции не имела успеха. Это показала англо-французская конференция, состоявшаяся 24 ноября 1938 г. В целях оказания воздействия на Англию фашистская Германия пытается заигрывать с Францией, чему способствовали и усиленные попытки французских мюнхенцев любой ценой добиться соглашения с Германией.

После длительных предварительных переговоров 6 декабря 1938 г. Риббентроп прибыл в Париж, где вел переговоры с представителем наиболее открытых французских мюнхенцев министром Боннэ, завершившиеся подписанием франко-германской декларации⁴. Во время переговоров речь шла об экономических отношениях, о проникновении Германии во французские

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 329.

² В действительности фашистская Германия была не в состоянии соревноваться с Англией в военно-морском строительстве. К началу второй мировой войны она сильно отставала от Англии в военно-морских вооружениях.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 337—338.

⁴ Там же, стр. 409—410.

колонии, в частности в Марокко, об итальянских притязаниях на Тунис, о франко-итальянских отношениях, о гарантиях Чехословакии, о совместных усилиях для удушения республиканской Испании и т. д.¹

Как Риббентроп, так и Боннэ стремились прикрыть новый империалистический сговор заявлениями о своей враждебности к коммунизму, к Советскому государству. Боннэ в качестве платы за декларацию Риббентропа об отказе от территориальных претензий к Франции обещал, что в свою очередь французское правительство заявит о незаинтересованности в Восточной Европе², т. е. не будет препятствовать дальнейшей германской агрессии против других государств Восточной Европы, под которыми он подразумевал прежде всего Советский Союз. Боннэ сказал, что французское правительство выступает против коммунизма и приветствует победу Франко в Испании. В связи с замечанием Риббентропа, что франко-советский пакт является серьезным препятствием на пути германо-французских урегулирований, Боннэ, а также принимавший участие в переговорах генеральный секретарь французского МИД Леже заявили, что Франция более не рассматривает этот пакт как имеющий для нее обязательную силу³.

Франко-германская декларация, подписанная 6 декабря 1938 г. Риббентропом и Боннэ, провозглашала, что между Францией и Германией «не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера» и что оба правительства «торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время»⁴. Оба правительства обязались поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам и взаимно консультироваться. Как мы видели, круг вопросов, по которым велись переговоры, был значительно шире тех общих проблем, о которых шла речь в декларации. Указанный

¹ P. Schmidt, *Statist auf diplomatischer Bühne*, S. 423.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 411.

³ Там же, стр. 45.

⁴ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 335.

документ закреплял в общих чертах достигнутый в Мюнхене и во время позднейших переговоров договор французских и германских империалистов по важнейшим вопросам международной политики. Подписав эту декларацию, правительство Франции теперь и формально отрекалось от системы своих военно-политических союзов в Восточной Европе, от пакта с СССР, которые могли явиться фундаментом ее внешней политики, основной опорой для отражения германской агрессии. Исходя из своих узкоклассовых интересов, французские мюнхенцы продавали фашистской Германии своих вчерашних союзников и тем самым способствовали внешнеполитической изоляции Франции.

Однако, несмотря на широковещательные франко-германские декларации о ликвидации территориальных споров, правительствам Франции и Германии, так же как и правительству Англии, не удалось устранить острых империалистических противоречий. В конце 1938 — начале 1939 г. происходило дальнейшее обострение германо-англо-французских противоречий. В связи с этим гитлеровцы все менее считались со своими обещаниями, данными Англии и Франции в Мюнхене.

Весной 1939 г. нацистская клика считала, что окончательно созрела почва для захвата всей Чехословакии. В начале марта в соответствии с планами гитлеровцев деятельность фашистской «пятой колонны» в Чехословакии вступила в свою заключительную стадию. «Свободный корпус» Генлейна (эсэсовцы) в чешских землях начал новую кампанию террора и провокаций¹.

Большое количество оружия и боеприпасов было доставлено по Дунаю из Германии в Словакию для эсэсовских отрядов («гвардии Глинки»); усиливался фашистский террор, диверсии, провокации, которые гитлеровская Германия использовала для подготовки заключительного акта агрессии. В то же время верховное командование германских вооруженных сил отдавало последние указания о подготовке армии к вторжению

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 300—301.

в Чехословакию в соответствии с директивами, изданными им в октябре и декабре 1938 г.

11 марта Кейтель по указанию Гитлера направил в министерство иностранных дел так называемые военные требования к ультиматуму, которые должны были быть предъявлены Чехословакии¹. По указанию Кейтеля для оккупации Чехословакии было подготовлено 14 дивизий общей численностью 200 тыс. человек, которые были сконцентрированы на границе². Концентрация войск проводилась в секретном порядке.

Первоначально гитлеровцы рассчитывали привлечь к участию в агрессии также Венгрию и Польшу. Еще 16 января 1939 г., во время посещения Берлина министром иностранных дел Венгрии Чаки, Гитлер говорил ему, что «необходимо действовать, как футбольная команда: Польша, Венгрия и Германия»³. Но затем в связи с отказом Польши удовлетворить германские требования в отношении Гданьска и коридора, а также в связи с тем, что германский генеральный штаб завершал разработку планов нападения на Польшу, гитлеровцы изменили свои намерения.

Зато Венгрия, которую они стремились прочнее привязать к своему разбойничьему блоку, была вовлечена в их очередной заговор против мира. 24 февраля 1939 г. правительство Венгрии присоединилось к антикоминтерновскому пакту. Венгрия фактически утратила свою независимость и превратилась в сателлита гитлеровской Германии. 13 марта Хорти, выражая благодарность Гитлеру за приглашение участвовать в антикоминтерновском пакте и за возможность захватить всю Закарпатскую Украину, писал: «Несмотря на то что наши солдаты находятся в армии всего в течение пяти недель, мы с энтузиазмом принимаем предложение участвовать в этом деле. Уже были даны указания о том, что в четверг, 16 числа этого месяца, на границе будет спровоцирован инцидент с тем, чтобы иметь возможность нанести большой и сильный удар в суб-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 203.

² W. Wheller-Bennett, München. Prologue to Tragedy, p. 342.

³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. I, «Германская политика в Венгрии», стр. 90.

боту»¹. По согласованию с германским генеральным штабом венгерские войска концентрировались на чехословацкой границе.

После проведения такой усиленной военной, дипломатической и политической подготовки гитлеровцы 10—14 марта организовали открытое выступление своей агентуры в Чехословакии, которое они использовали в качестве предлога для агрессии. Уже с начала марта 1939 г. пражское правительство находилось под давлением все возрастающих требований «правительств» Словакии и Закарпатской Украины. Германская пресса подстрекала словацких и закарпатских сепаратистов, чтобы они добивались полного отделения от Чехословакии, обвиняла чехов в том, что они применяют насилие против немецкого национального меньшинства и словаков, что такое положение нетерпимо и что нужно окончательно ликвидировать это гнездо «большевизма» и «беспорядков», в которое превратилась Прага. В действительности чешский народ проявлял исключительную выдержку и дисциплинированность и не дал гитлеровцам спровоцировать себя.

9 марта германский поверенный в делах в Праге доносил в Берлин, что словацкое правительство заявило о своем нежелании находиться в составе чехословацкого государства. В этот день закончились провалом переговоры центрального чехословацкого правительства с правительством Словакии. 10 марта чехословацкое правительство приняло отставку премьера Словакии Тисо и министров Дурчанского и Пружинского². Новым премьером был назначен Сидор, о чем на следующий день чехословацкий посланник в Берлине Мастный довел до сведения Вейцзекера³.

Вечером 11 марта по поручению Гитлера Бюркель, Зейсс-Инкварт и пять германских генералов прибыли в Братиславу и, явившись на заседание правительства, потребовали, чтобы Словакия провозгласила независимость. Бюркель заявил лидерам словацких сепаратистов, что Гитлер приступает к окончательному решению

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 303.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 144.

³ Там же, стр. 305.

чехословацкого вопроса и это является его требованием¹.

В это же время немецкое радио, пресса усилили античехословацкую кампанию. Новые большие партии оружия и боеприпасов были отправлены из Германии словацким фашистам. По сигналу из Берлина банды глинковцев начали совершать нападения на государственные учреждения, полицейские участки, убивать чешских патриотов в Словакии. Вооруженные отряды гитлеровцев в чешских землях также нападали на чешские государственные учреждения, полицейские участки и организовывали другие провокации. Как сообщал в Берлин германский поверенный в Праге Хенке, пражская полиция получила указание не отвечать на немецкие провокации².

Правительство фашистской Германии вовсе перестало считаться с центральным чехословацким правительством. Оно всячески игнорировало его решения и непосредственно связывалось со своей марионеткой — правительством Словакии. Гитлеровская Германия отказалась признать отставку Тисо и других словацких министров. Более того, 13 марта Риббентроп в телеграмме германскому послу в Праге требовал, чтобы посольство всячески уклонялось от переговоров с чехословацким правительством. «... Я должен просить вас и других членов посольства, — продолжал Риббентроп, — принять меры к тому, чтобы чешское правительство не могло связаться с нами в течение ближайших нескольких дней»³.

13 марта Гитлер вызвал в Берлин словацкого премьер-министра в отставке Тисо⁴. В ультимативной форме он потребовал, чтобы Словакия в течение нескольких ближайших часов заявила о своей «независимости», и Германия установит над ней свой протекторат. Нацистский «фюрер» подкрепил свое требование угрозой, что в случае невыполнения этого ультиматума он пре-

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 302—303.

² «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 384; ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 246.

³ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 304.

⁴ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 386.

доставит Венгрии свободу действий в отношении Словакии. «Завтра, — говорил Гитлер, — я начну военные действия против чехов»¹. Тисо угоднически заявил Гитлеру, что Словакия выполнит все германские требования. В ходе последующих переговоров с Риббентропом были согласованы детали этого заговора против народов Чехословакии. Риббентроп вручил Тисо подготовленный германским МИД проект (переведенный на словацкий язык) закона о провозглашении «независимости» Словакии. Этот текст должен был быть утвержден на следующий день словацким правительством². Здесь же было объявлено, что доверенное лицо Гитлера Кеплер, отличившийся в период «аншлюса» Австрии, назначается германским посланником в Словакии, т. е. будет являться фактически германским протектором в Братиславе³.

В ночь с 13 на 14 марта Тисо на немецком самолете возвратился в Братиславу. В это же время германская контрразведка и консульство в сотрудничестве со словацкими фашистами спровоцировали в Словакии ряд инцидентов, которые должны были явиться предлогом для вмешательства немецко-фашистских войск. 14 марта на заседании словацкого фашистского сейма Тисо зачитал проект закона о провозглашении «независимости» Словакии, текст которого на словацком языке был вручен ему в Берлине Риббентропом⁴. Выступивший затем германский гаулейтер в Словакии Кармазин заявил, что Моравска-Острава будет оккупирована немецкими войсками уже вечером того же дня⁵. Под прямым давлением Германии словацкий парламент в тот же день принял постановление «о независимости Словакии»⁶. Это «решение» гитлеровцы использовали

¹ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 386.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 305.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 225.

⁴ DBFP, Ser. III, vol. IV, p. 438.

⁵ «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 385—387.

⁶ Предатели словацкого народа, агенты фашистской Германии — так называемый премьер автономного правительства Тисо, министры Тука, Мах и другие — были в 1945—1946 гг. преданы суду словацкого народа в Братиславе и за совершенные преступления приговорены к смертной казни.

в качестве основного предлога для оккупации всей Чехословакии.

Гитлеровцы опирались также на буржуазных националистов (волошинцев) для создания в Закарпатской Украине подобного предлога. 6 марта по решению чехословацкого правительства было реорганизовано правительство Закарпатской Украины. Из состава правительства был удален ярый поклонник Гитлера Реваи. Вместо него был назначен чешский генерал Прхалу. В ответ на это решение волошинцы обратились к Гитлеру с просьбой о помощи «против чехов». Германская контрразведка направила в Хуст и другие города Закарпатской Украины из Австрии дополнительное число вооруженных петлюровцев и других белогвардейских банд, которые спровоцировали вооруженный мятеж. На улицах Хуста и в других местах происходили кровопролитные бои между чехословацкими войсками и вооруженными бандами украинских националистов. Организовав эту кровавую провокацию, фашистская Германия стремилась не только подчеркнуть «нежизнеспособность» чехословацкого государства, но также прикрыть передачу Венгрии оставшейся части Закарпатской Украины.

В ночь с 13 на 14 марта 1939 г. Волошин под диктовку германского консула в Хусте направил в Берлин телеграмму о провозглашении «независимости Карпатской Украины», а также просьбу о германской помощи и защите¹. Несмотря на пресмыкательство клики Волошина перед гитлеровцами, уже в ночь с 14 на 15 марта венгерские войска с согласия фашистской Германии начали военные действия против Чехословакии и вторглись в Закарпатскую Украину. Волошин вновь обратился за помощью к Германии². Однако это был глас вопиющего в пустыне.

МИД Германии обязал своего консула в Хусте дать указание Волошину, чтобы его сторонники не оказывали сопротивления венгерским интервентам³. Украинские буржуазные националисты на данном

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 219.

² Там же, стр. 244.

³ Там же.

этапе выполнили задачу, поставленную перед ними гитлеровцами, по разрушению чехословацкого государства. После получения венгерского ультиматума¹ вся буржуазно-националистическая карпатоукраинская камарилья во главе с Волошиным позорно бежала в Румынию и другие страны. Во время подготовки и нападения фашистской Германии на Советский Союз они снова были использованы гитлеровцами в качестве послушных лакеев.

14 марта чехословацкий президент Гаха и министр иностранных дел Хвалковский были вызваны в Берлин для переговоров с Гитлером. Под прикрытием этих переговоров фашистская Германия завершила захват всей Чехословакии². Поездка Гахи и Хвалковского в Берлин, где была окончательно решена судьба Чехословакии, являлась дальнейшим развитием, последней страницей позорного акта мюнхенского империалистического сговора.

Правительства США, Англии и Франции продолжали прокладывать германскому империализму дорогу на Восток, против Советского Союза. Они оказали прямое давление на правительство Чехословакии. Английский и французский послы в Берлине по указанию своих правительств 11—13 марта настойчиво рекомендовали чехословацкому посланнику Мастному, чтобы президент срочно прибыл в Берлин, «так как только подобными действиями чешское правительство могло спасти себя»³, — писал в своих мемуарах Гендерсон. Одновременно английское правительство

¹ DBFP, Ser. III, vol. IV, p. 449; *W. Wheller-Bennett, München. Prologue to Tragedy*; *E. Beneš, Paměti, str. 88.*

² Вокруг поездки чехословацкого президента Гахи в Берлин и его переговоров с Гитлером буржуазными историками создано множество легенд. В то время как часть англо-французских и чешских реакционных авторов мемуаров и историков пытаются представить его в качестве «мученика», невинной жертвы шантажа гитлеровцев, другие, особенно деятели фашистского режима в Германии, пытаются доказать, что Гаха добровольно выдал Чехословакию Гитлеру. *P. Schmidt, Statist auf diplomatischer Bühne*; *E. Weizsäcker, Erinnerungen*; *J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau.*

³ *N. Henderson, Failure of a Mission, p. 203—204.*

официально заявляло, что оно не будет вмешиваться в развитие событий в Чехословакии. Эти заявления англо-французской дипломатии, как признает Вейцзекер, не оставляли никаких сомнений, что правительства западных государств не придут на помощь Чехословакии.

Когда Гаха и Хвалковский находились еще на пути в Германию, вечером 14 марта немецкие части СС вторглись на территорию Чехословакии и захватили весьма важный промышленный район с городами Моравска-Острава и Витковице. При занятии этого района германские войска встретили упорное сопротивление чешской воинской части. 8-й полк чехословацкой армии без приказа высшего командования самостоятельно вступил в бой с немецко-фашистскими войсками¹. Однако героическое сопротивление солдат 8-го полка не получило поддержки со стороны высшего командования и капитулянтского чехословацкого правительства.

Вечером 14 марта Гаха и Хвалковский прибыли в Берлин. В течение нескольких часов они ожидали в отеле «Адлон» вызова на прием к Гитлеру². В ночь на 15 марта этот прием наконец состоялся. На беседе присутствовали также Риббентроп, Геринг, Кейтель, Мейснер, Дитрих и советник германского МИД Хевель. Гаха выразил полную готовность пойти на любые уступки фашистской Германии. Хотя он все еще являлся президентом «независимого» государства, но держал себя весьма униженно и благодарил Гитлера за оказанный прием. Гитлер ответил ему наглой угрозой. Он сказал, что «осталось только несколько часов до того времени, когда Германия начнет интервенцию». И далее: «... что касается других стран, то для них Чехословакия не играла никакой роли. Лондон и Париж и не думали интересоваться Чехословакией. Чехословакия была им безразлична...»

Гитлер говорил о двух альтернативах: либо германская армия вторгается насильственно, либо всту-

¹ E. Beneš, Pameti, str. 88.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 306—307. Полный текст записи переговоров Гахи и Хвалковского в Берлине см. ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 230—234.

пит в страну с согласия чехословацкого правительства. Фашистский диктатор вновь убеждал Гаху и Хвалковского, что сопротивление бессмысленно, так как каждому чешскому батальону противостоит немецкая дивизия: Однако исторические факты подтверждают, что это заявление Гитлера было очередным блефом. Германская армия вовсе не была отобилизована; у границ Чехословакии было сконцентрировано всего 200 тыс. солдат (14 дивизий), что явно было недостаточно для захвата страны посредством военного нападения. Однако Гаха и Хвалковский, уже заранее принявшие решение о капитуляции, согласились с доводами Гитлера. Гаха выразил только сомнение, сумеет ли он издать в течение четырех часов приказ о капитуляции и разоружении чехословацкой армии, как этого требовал ультиматум Гитлера. В 4 час. 30 мин. утра 15 марта 1939 г. президент Гаха и Хвалковский незаконно, в нарушение чехословацкой конституции подписали заранее подготовленный гитлеровцами документ о капитуляции Чехословакии. Этот документ гласил: «Президент Чехословацкого государства вручает с полным доверием судьбу чешского народа и чешской страны в руки фюрера германской империи»¹. В тот же день чехословацкое правительство дало указание войскам не оказывать сопротивления вторгавшимся в страну немецко-фашистским вооруженным силам². Правительство приняло суровые меры для того, чтобы пресечь возможное сопротивление народа германским оккупантам. 15 марта полицейское управление Праги издало приказ об аресте всех активистов — членов коммунистической партии Чехословакии — и всех других лиц, нарушающих порядок при прохождении немецко-фашистских войск³. В то же время чехословацкие власти не оказывали сопротивления распоясавшимся агентам фашистской Германии («Фольксдейче»), которые в Брно и других городах захватили власть еще до прихода немецких войск.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 237.

² «Mnichov v dokumentech», dil. II, str. 393.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 237.

15 марта в 6 час. утра германские войска пересекли чехословацкую границу и начали оккупировать брошенную на произвол судьбы своими руководителями страну. В приказе, изданном в тот же день Гитлером, и в его обращении к немецкому народу хвастливо заявлялось, что «Чехословакия перестала существовать»¹.

На следующий день германским правительством был издан «закон о включении Богемии и Моравии в состав германской империи» и о создании протектората. В этом документе Чехословакия рассматривалась как «жизненное пространство германского народа». Германия брала в свое ведение иностранные дела, таможенную политику протектората и оккупировала его территорию. Первым протектором назначался барон фон Нейрат.

Несколько в иной форме осуществили гитлеровцы поражение Словакии. Формально она провозглашалась независимым государством. Однако рядом последующих соглашений, заключенных гитлеровцами со словацким марионеточным правительством Тисы, Словакия превращалась в германскую колонию в Европе, в аграрно-сырьевой придаток «третьего рейха». Предварительно была разыграна комедия передачи Словакии под «протекторат Германии». 15 марта Тисо направил Гитлеру телеграмму, текст которой был согласован им с Риббентропом во время его пребывания в Берлине 13 марта 1939 г. В телеграмме сообщалось, что Словакия отдает себя «под защиту Германии»². 18 марта германское правительство издало декрет, который был представлен в форме договора об установлении германского протектората над Словакией. Этот декрет гласил:

«Статья 1. Германская империя берет на себя защиту политической независимости Словакии и неприкосновенности ее территории.

Статья 2. Для того чтобы сделать эффективной защиту протектората со стороны германской империи, германские вооруженные силы будут иметь право

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 312.

² «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VII, T. I, S. 9.

строить военные сооружения и держать в них гарнизоны в размерах, которые они сочтут необходимыми...

Статья 3. Правительство Словакии создает свои вооруженные силы в тесном контакте с германскими вооруженными силами...

Статья 4. Согласно настоящему договору словацкое правительство будет проводить свою внешнюю политику в полном согласовании с правительством Германии¹. 18 марта в Вене и 23 марта в Берлине договор был подписан Риббентропом и Тисо. Договором устанавливались также зоны Словакии, которые занимали германские вооруженные силы. Словакия не имела права держать свои войска внутри этих зон. Германская армия осуществляла в оккупированных районах все административные функции.

Помимо этого договора, превращавшего Словакию в марионетку фашистской Германии, был подписан еще дополнительный секретный протокол, с помощью которого Германия подчиняла себе экономику Словакии².

Германия захватила все находившееся на территории Словакии вооружение чехословацкой армии, все промышленные предприятия. Общественные здания и школы Словакии были превращены в немецкие казармы. Значительная словацкая территория была занята под германские военные аэродромы. Словакии разрешалось иметь вооруженные силы в составе трех дивизий, которыми должны были руководить немецкие инструкторы. Спустя два месяца после подписания договора о протекторате контроль германских воинских частей распространился не только на оккупированную зону, но и на всю Словакию. Германский консул в Братиславе Дрюффель и командующий германскими вооруженными силами всегда присутствовали на заседаниях словацкого правительства и диктовали ему германские условия. По требованию Германии немецкому национальному меньшинству в Словакии «Фольксдейче» были предоставлены особые преимущества. Так, оно полу-

¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VII, T. I, S. 10—12.

² См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 313.

чило право занимать офицерские должности в словацкой армии. С помощью своей агентуры — словацких буржуазных националистов — Германия поработила Словакию и превратила ее в плацдарм для расширения агрессии в Европе.

Еще большему унижению и разорению подвергли гитлеровцы население поработенных чешских земель. Сам Гитлер показал своим солдатам, как они должны строить «новый порядок» на оккупированной территории. Прибыв в Прагу поздно вечером 15 марта 1939 г., он провел ночь в президентском дворце в Градчанах. На другой день Гитлер уехал, захватив с собой множество драгоценных гобеленов и других произведений искусства¹. Вслед за своим «фюрером» начали грабить и расхищать достояние чехословацкого народа представители банков и монополий, немецкие офицеры и солдаты. В Прагу прибыл штат так называемых германских экономических экспертов. В первую очередь гитлеровцы захватили первоклассное вооружение чехословацкой армии. Стоимость одного только оружия и военного снаряжения, захваченного оккупантами, составляла 20 млрд. чешских крон².

Вслед за тем гитлеровцы конфисковали запасы сырья, продовольствия. В Германию были увезены железнодорожные и трамвайные вагоны, паровозы, рельсы. Чудовищному разграблению были подвергнуты национальные музеи, Галерея искусства. Нацисты прибрали к своим рукам золотой запас чехословацкого банка, составивший 23 тыс. кг золота³. Уже в директиве Кейтеля немецким войскам, вступающим в Чехословакию, было сказано, что 1 крона приравнивается к 10 пфеннигам (т. е. 1 марка к 10 кронам), хотя в ту пору в Чехии и Моравии на 10 крон можно было купить в два с лишним раза больше товаров, чем на 1 марку в Германии. Согласно заранее разработанному плану гитлеровцы приступили к колонизации чешских земель. Крестьян сгоняли с занимаемых ими земель и на-

¹ «См. «Нюрнбергский процесс», т. III, М., 1958, стр. 384.

² См. *К. Готвальд*, Чешский народ в борьбе против фашистских поработителей, стр. 10.

³ См. «Нюрнбергский процесс», т. III, М., 1958, стр. 385.

правляли на принудительные работы в Германию. Таким путем были германизированы целые районы Чехословакии.

С особым ожесточением грабили национальные богатства Чехословакии германские банки и монополии. «Дрезденер банк» и «Дейче банк» захватили ведущие чешские банки и их акции, прибрали к рукам основные отрасли чехословацкой промышленности. Так, «Дрезденер банк» захватил заводы Шкода в Пльзене и чехословацкую «Зброевку» в Брно. Концерн «Герман Геринг» под предлогом «ариизации» (ликвидации еврейской собственности) захватил самые крупные чехословацкие промышленные предприятия. Чехословацкая экономика стала неразрывной частью экономики фашистской Германии. Начался быстрый процесс ее милитаризации.

В оккупированной Чехословакии была установлена диктатура немецкого монополистического капитала.

Чешские земли были объявлены протекторатом германского рейха. Этим гитлеровцы издевательски подчеркивали, что чехи являются гражданами второго разряда и полностью подвластны немецкой «расе господ». Главой немецкой исполнительной власти являлся протектор Нейрат, который был облечен неограниченной властью и подчинялся непосредственно Гитлеру. Одним из его заместителей был назначен злейший враг чешского народа гаулейтер К. Франк. В целях маскировки своей колонизаторской политики гитлеровцы сохранили пост «чехословацкого президента», которым оставался предатель Гаха, и «чехословацкое правительство» во главе с Бераном и правым социал-демократом Гамплом. Бывший министр иностранных дел Чехословакии фашист Хвалковский за свои заслуги перед гитлеровцами был назначен представителем протектората в Берлине.

С помощью сил внутренней реакции гитлеровцы установили в стране жестокий террористический режим.

Страна была наводнена бандами гестапо, штурмовиков и частями СС, функции которых во многих местах выполняли вооруженные банды «Фольксдейче». Уже

в первые недели оккупации было арестовано 100 тыс. чешских и других антифашистов, многие из них были замучены в застенках гестапо или отправлены в концлагеря в Германию. Запрещалась деятельность всех чешских политических партий и профсоюзов. Фашисты всячески попирали культуру, исторические традиции и национальное достоинство чешского народа. Нацисты закрыли чешские библиотеки, чешский университет и институты. Здание университета было превращено в казарму, а оборудование кабинетов и лабораторий увезено в Германию. Чешской молодежи запрещался переход из низших в средние школы, девочкам вообще было запрещено посещение средних школ. Многие чешские газеты были закрыты, а над оставшимися устанавливалась немецкая цензура. Таким образом, в результате фашистской оккупации Чехословакии в самом центре Европы была создана колония германского империализма, в которой гитлеровцы насаждали свой пресловутый «новый порядок».

Как и предполагали фашисты, этот очередной новый акт агрессии в Европе не вызвал отпора со стороны правительств западных держав, которые обещали в Мюнхене гарантировать новые границы Чехословакии. Западные державы и на этот раз не сделали даже символического жеста, чтобы помешать гитлеровской агрессии, хотя и знали о готовящемся вторжении в Чехословакию¹. Как сообщал в Берлин германский посол в Лондоне Дирксен, «официальное известие о занятии Праги было сначала принято неплохо. Чемберлен и Галифакс сделали в этот день умеренные заявления в парламенте в том смысле, что, несмотря на осуждение, надо продолжать прежнюю политику»².

Однако вмешательство мирового общественного мнения, давление народных масс, встревоженных безнаказанностью гитлеровской агрессии и угрозой развязывания мировой войны, заставили их несколько изменить свою позицию. Как признавал Дирксен, «обострение позиции Англии исходило первоначально не от

¹ DBFP, Ser. III, vol. IV, p. 277—278.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 197.

правительства, а от политической общественности, от парламента, из избирательных округов; в Лондоне это было тем сильнее, чем теснее был контакт между депутатами и их избирательными округами¹.

Но было и другое важное обстоятельство, которое оказало влияние на позицию мюнхенцев. Они увидели, что теперь гитлеровцы не желают считаться с их мнением и антисоветскими планами, согласованными в Мюнхене. Вместо того чтобы идти на Восток, против Советского Союза, они начали поворачивать на Запад и требовать возвращения колоний. Вместо того чтобы использовать Закарпатскую Украину в качестве плацдарма для нападения на СССР, они передали ее 15 марта хортистской Венгрии. Правительства Англии, Франции и США оказались, таким образом, перед угрозой провала своей долголетней политики натравливания германского империализма на СССР.

Гитлеровцы, как показали события, опасаясь мощи Советского государства, на данном этапе, до захвата экономических и людских ресурсов других европейских стран, не решились начать агрессию против СССР. В связи с этим правительства западных держав совершают новый тактический маневр с тем, чтобы заставить фашистскую Германию оплатить вексель, выданный ей в Мюнхене, т. е. заставить ее воевать против Советского Союза.

Западные державы начали действовать двумя путями. Они расточали угрозы и обвинения по адресу Германии и создавали видимость образования антифашистской коалиции, включающей и Советский Союз. В то же время они продолжали линию на осуществление тайного, закулисного сговора с гитлеровцами. 17 марта 1939 г. Чемберлен заявил в Бирмингеме, что Англия вступит в контакт с другими державами.² Зная действительную цену подобных заявлений мюнхенцев, правительство фашистской Германии не придало им серьезного значения. Когда же 17 марта английский и французский послы в Берлине Гендерсон и Кулондр

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 198.

² DBFP, Ser. III, vol. IV, p. 290

явились в германское министерство иностранных дел, чтобы передать ноты «протеста» своих правительств по поводу нарушения Германией Мюнхенского соглашения, Риббентроп нагло отказался принять их. Сотрудник министерства иностранных дел Германии, принявший послов, издевательски заявил, что принимает их ноты так, будто они были присланы по почте¹.

18 марта во время встречи французского посла Кулондра с Вейцзекером последний прямо заявил, что ему не понятна позиция французского правительства, так как во время переговоров в Париже в декабре 1938 г. Боннэ откровенно говорил Риббентропу, что Франция, очевидно, не вмешается в действия Германии в Восточной Европе, и в частности в ее отношении с Чехословакией².

Только Советский Союз оставался по-прежнему верен своим обязательствам в отношении Чехословакии. СССР не признал мюнхенского сговора и, решительно осудив новый акт гитлеровской агрессии, отказался признать порабощение Германией чехословацкого государства. По настоянию СССР вопрос о Чехословакии был включен в повестку дня сессии ассамблеи Лиги наций, но его обсуждение было сорвано представителями Англии и Франции.

16 и 17 марта 1939 г. германский посол в Москве Шуленбург направил народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову ноты по поводу захвата Чехословакии Германией, в которых повторял лживую версию геббельсовской пропаганды о внутренней нежизнеспособности чехословацкого государства, что будто бы и явилось причиной его распада и германской оккупации³. М. М. Литвинов разоблачил лживость и несостоятельность этих аргументов германского правительства. «Чехословацкий президент г. Гаха, — заявил он, — подписывая Берлинский акт от 15-го сего месяца, не имел на это никаких полномо-

¹ См. В. П. Потемкин, Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир, М., 1946, стр. 34.

² W. Wheller-Bennett, München. Prologue to Tragedy, p. 98.

³ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 407—410.

чий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу»¹. В связи с этим Советское правительство характеризовало действия фашистской Германии как «произвольные, насильственные, агрессивные»².

Захват гитлеровцами Чехословакии имел исключительно важное военное, экономическое и политическое значение для Германии. Он способствовал усилению немецко-фашистской агрессии в Европе, развязыванию второй мировой войны. Германия захватила значительный военно-экономический потенциал Чехословакии. Ей достались заводы Шкода, принадлежавшие к числу крупнейших военных предприятий Европы. После первой мировой войны они снабжали оружием не только чехословацкую армию, но и армии Балканских стран. Кроме заводов Шкода, военная промышленность Чехословакии насчитывала 8 оружейных, 5 артиллерийских заводов, 18 заводов, производящих боеприпасы и взрывчатые вещества, 5 танковых и авиационных предприятий, 8 авиационных заводов и т. д. Германия захватила высококачественное вооружение чехословацкой армии: около 1500 военных самолетов всех типов, 740 танков, 5700 орудий всех типов, около 60 тыс. тяжелых и легких пулеметов. Этим вооружением были оснащены многочисленные германские дивизии, принимавшие участие во второй мировой войне.

Захватив Чехословакию, Германия значительно улучшила свое стратегическое положение и приобрела более выгодные позиции для нанесения очередных ударов по Польше, Балканским странам, по Франции. «Разрешение чешского конфликта без кровопролития осенью 1938 и весной 1939 гг. и присоединение Словакии, — говорил Иодль на Нюрнбергском процессе, — округлило территорию великой Германии таким путем, что после этого стало возможным рассматривать польскую проблему на основе более или менее благоприятных

¹ См. «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. IV, стр. 411.

² См. там же.

стратегических предпосылок»¹. Гитлер также подчеркивал, что захват всей Чехословакии создал основы для действий против Польши. Захват Чехословакии открывал для Германии дорогу к ценнейшим сырьевым источникам стран Юго-Восточной и Центральной Европы.

Предательство правительствами Англии и Франции своей союзницы в Европе — Чехословакии значительно усилило капитулянтские элементы в правящих кругах малых стран Европы. Оказавшись перед лицом немецко-фашистской агрессии, эти реакционные, антинародные правительства начали перебегать в лагерь фашистских агрессоров, предоставляя в их распоряжение экономические и людские ресурсы своих стран. Все это привело к тому, что наглость немецко-фашистских империалистов, их жажда новых завоеваний возрастали все больше.

3. Натиск на страны Юго-Восточной Европы. Кабальный договор с Румынией

Захват Чехословакии устранил последнее препятствие на пути германской экспансии в Юго-Восточной Европе и открыл германским империалистам путь к продовольственным и сырьевым источникам стран этого важнейшего района Европы, путь к румынской нефти, без которой Германия не могла рассчитывать на успех в европейской войне. Поощряя германский империализм к агрессии в Восточной Европе, правительства Англии и Франции фактически передали Германии контроль над Дунаем, важнейшей артерией, связывающей страны этого района. По Бухарестскому соглашению, подписанному 5 марта 1939 г., Англия и Франция вовлекали Германию в так называемую Дунайскую комиссию, регулировавшую судоходство по Дунаю, чем практически вручали ей контроль над Дунаем и создавали условия для порабощения стран Юго-Восточной Европы германским империализмом.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 318.

В первую очередь гитлеровцы усилили экономическую экспансию на Балканах. До 1938 г. инвестиции капиталов фашистской Германии в экономике стран Юго-Восточной Европы были невелики. Так, в Югославии они составляли только 0,88% всех иностранных капиталовложений¹. Но положение резко изменилось после «аншлюса» Австрии и захвата Чехословакии, имевших весьма крупные капиталовложения в этих странах. К Германии перешли почти все австрийские и чехословацкие капиталовложения в Юго-Восточной Европе. Так, к началу второй мировой войны германские инвестиции в Югославии уже оценивались в 1,2—1,3 млрд. долл. и Германия сразу выдвинулась на третье место вслед за Францией и Англией.

Германия широко использовала безналичные расчеты — систему клиринга, которая являлась одним из средств эксплуатации промышленно развитой Германией отсталых в экономическом отношении стран Юго-Восточной Европы. Германские империалисты посредством шантажа, агрессивной финансовой и торговой политики превратили эти страны в аграрно-сырьевой придаток рейха. Экономическое закабаление стран Юго-Восточной Европы фашистской Германией сопровождалось их политическим порабощением. Антинародные правящие режимы, существовавшие в Балканских странах, оказывали активное содействие гитлеровцам.

В 1938—1939 гг. особенно усиливается деятельность подрывных организаций Германии в Югославии². Как и другие страны, Югославия была разделена на нацистские «гау» во главе с гаулейтерами. Деятельность фашистской «пятой колонны» получала официальную поддержку Германии под видом защиты прав

¹ «Die Wirtschaftsstruktur Jugoslawiens. Statistisches Reichsamt», Berlin, 1941, S. 8.

² Профашистская политика правительства Стоядиновича переполнила чашу терпения югославского народа. На выборах в декабре 1938 г. оно потерпело поражение. Однако югославский народ не смог закрепить своей победы. Созданное в январе 1939 г. Драгишей Цветковичем новое правительство продолжало следовать как во внутренней, так и во внешней политике по пути прежних фашистских режимов.

национальных меньшинств. Не встречая препятствий со стороны югославского правительства, эти фашистские организации развили активную пропаганду за включение значительных районов Югославии в состав рейха.

Захват фашистской Германией Австрии, а затем всей Чехословакии, агрессия Италии против Албании значительно ухудшали стратегическое положение Югославии. Почти со всех сторон она была окружена теперь агрессорами или их союзниками. Становилось совершенно очевидно, что сама Югославия является одной из очередных жертв фашистской агрессии.

Гитлеровцы вопреки своим публичным заверениям о дружбе с Югославией и о сохранении неприкосновенности югославских границ рассматривали ее как разменную монету и согласны были выдать Югославию фашистской Италии взамен за вступление последней в войну на стороне Германии.

12 августа 1939 г. во время беседы с Чиано в Оберзальцберге Гитлер говорил: «В общем и целом лучше будет ликвидировать псевдонеутралов одного за другим. Это можно сделать довольно легко, если один партнер оси будет прикрывать тыл другого в то время, как тот приканчивает одного из таких ненадежных нейтралов, и наоборот. Италия может рассматривать Югославию как такого ненадежного нейтрала»¹. Чиано, сообщая об этой беседе в своем дневнике, пишет, что Гитлер советовал Италии «как можно скорее нанести Югославии окончательный удар»². Итальянские фашисты весьма одобрительно встретили это предложение Гитлера. 13 августа 1939 г. Чиано снова записал в своем дневнике, что Муссолини сказал ему о желании получить свою долю добычи в Хорватии и Далмации³.

Крупного успеха добились германские империалисты в проведении своей экспансионистской политики в Болгарии. Эта политика облегчалась тем, что круп-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, № д. 38, л. 100.

² «Chiano Diaries», p. 119.

³ Там же, стр. 120.

ная болгарская буржуазия, напуганная ростом революционного движения и усилением симпатий трудящихся к Советскому Союзу, форсировала фашизацию политической жизни страны. В германском фашизме она пыталась найти союзника в борьбе против революционного движения своего народа. Находившаяся у власти монархо-фашистская клика, возглавляемая царем Борисом III, отпрыском немецкой Саксен-Кобургской династии, держала курс на сближение с фашистской Германией. Пришедшее к власти в 1936 г. правительство Киосейванова представляло интересы болгарских крупных землевладельцев и буржуазии, ориентировавшихся на фашистскую Германию.

С помощью правящей монархо-фашистской клики германские империалисты вытесняли монополии Англии и Франции из экономики и внешней торговли Болгарии. В 1937—1938 гг. болгарское правительство вело переговоры с Германией о получении кредитов для приобретения вооружения. Гитлеровское правительство использовало эти переговоры для политического подчинения Болгарии, для безусловной переориентации ее политики на фашистскую Германию. Переговоры завершились 12 марта 1938 г. подписанием германо-болгарского секретного протокола¹.

После захвата Чехословакии гитлеровцы, используя благоприятно создавшуюся обстановку, стремятся полностью поработить Болгарию экономически и политически. Накануне второй мировой войны происходило резкое сокращение инвестиций Бельгии, Швейцарии, Франции, Англии в экономике Болгарии и увеличение доли Италии и Германии. Итальянские инвестиции в Болгарию составляли к началу войны 24,8% всех иностранных капиталовложений, а германские (включая захваченные инвестиции Австрии и Чехословакии) — 20,7%, в то время как капиталовложения США составляли 19,1%, Франции — 11,3%, Англии — 12,9%. В 1939 г. доля Германии во внешней торговле Болгарии составляла 70%. При этом 86,2% вывоза оплачивалось на основе клиринговых согла-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 214—215.

шений¹. Используя переговоры о предоставлении новых займов Болгарии, усиливая экономический нажим, германские дипломаты во время переговоров с болгарскими министрами все чаще напоминали им советы Гитлера и Геринга о необходимости присоединения Болгарии к агрессивному антикоминтерновскому пакту. Только сопротивление болгарского народа, его героическая борьба против фашизации страны и ее порабощения немецко-фашистскими империалистами удерживали правящую клику Болгарии от совершения этого позорного акта². Как сообщал 15 апреля 1939 г. в Варшаву польский посол в Софии Тарновский, «настроение общества — антинемецкое. Во всяком случае в настоящих условиях не следует надеяться на присоединение Болгарии к политике «оси»³. Борьба болгарского и других народов затрудняла осуществление агрессивных планов германского империализма.

В это же время фашистская Германия получила благоприятную возможность для усиления своей экспансии в Греции. Этому способствовало то обстоятельство, что в августе 1936 г. в Греции была установлена военно-фашистская диктатура генерала Метаксаса. Генерал Метаксас в свое время учился в берлинской военной академии, был тесно связан с гитлеровцами. Он стремился всячески расширить и укрепить экономические и политические связи с Германией. При содействии правительства Метаксаса германские империалисты усиливают свое проникновение в экономику Греции. Если до 1937 г. на долю Германии приходилось 28,8% греческого импорта и 38,5% экспорта⁴, то после захвата Австрии и Чехословакии доля Германии соответственно увеличилась в импорте до 38,0%, а в экспорте — до 43,0%. В то же время Англия, которая с особым упорством отстаивала свои позиции в Греции, занимала лишь

¹ «Die Wirtschaftsstruktur Bulgariens. Statistisches Reichsamt», Berlin, 1940, S. 130.

² Болгария присоединилась к агрессивному тройственному пакту 1 марта 1941 г.

³ «Историко-дипломатический архив», ф. 2, оп. 1, д. 18, л. 9

⁴ «Berliner Tageblatt», 31.VIII.1938.

13% в греческом импорте и 8,3% в ее экспорте¹. Если учесть удельный вес Италии во внешней торговле Греции, который также значительно возрос после захвата Албании, то станет очевидной та реальная угроза интересам английского империализма, которая была создана державами «оси» в бассейне Средиземного моря.

Германию привлекала возможность получения из Греции необходимого ей стратегического сырья и продовольствия. Она рассчитывала на безопасный морской путь доставки этих товаров в случае войны вдоль Адриатического побережья Греции. Но еще большее значение для Германии имела Греция в стратегическом отношении. Отсюда можно было наносить удары по важнейшим английским коммуникациям, связывающим Англию с колониями. После Мюнхенской конференции германский посланник в Греции принц Эрбах предпринимал неоднократные попытки активизировать германо-греческие отношения². Однако усилия германской дипломатии парализовывались Англией, так как Греция находилась в сильной экономической и финансовой зависимости от последней. В связи с этим в октябре 1938 г. греческий премьер-министр Метаксас заявил германскому посланнику Эрбаху «о стремлении Греции к нейтралитету»³. Дальнейшие попытки Германии оказать давление на Грецию с целью вовлечения ее в свой агрессивный блок оказались безуспешными.

Но наибольшего успеха в своей экспансионистской политике после Мюнхена фашистская Германия достигла в Румынии. Румыния являлась одной из первых стран Юго-Восточной Европы, которая еще до начала второй мировой войны полностью поставила свою экономику на службу агрессивному германскому империализму. Гитлеровцы действовали в Румынии уже по проторенному пути. Уже в начале XX в. германские монополии занимали господствующее положение в румынской экономике. После первой мировой войны

¹ «Berliner Tageblatt», 31. VIII. 1938.

² ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 265.

³ Там же.

Германия утратила свое доминирующее положение в экономике Румынии. Ее место заняли монополии США, Англии и Франции, которые опутали своими щупальцами все отрасли румынской экономики. Этому в огромной степени способствовали правящие буржуазно-помещичьи круги Румынии, проводившие политику «открытых дверей» для иностранного капитала.

С начала 30-х годов германские империалисты снова обращают свои алчные взоры к Румынии. Их происки облегчались действиями правящих кругов Румынии, которые, опасаясь ревизионистских устремлений со стороны Венгрии, Болгарии, Югославии, а также стремясь удержать насильственно отторгнутую от Советского Союза Бессарабию, пытались заручиться поддержкой германских империалистов. Вступивший в 1930 г. на престол Кароль II, бывший офицер 1-го гвардейского полка германской кайзеровской армии, считал себя представителем свергнутой в Германии династии Гогенцоллернов¹. Кароль II и его окружение были тесно связаны с румынскими военно-промышленными концернами и надеялись посредством укрепления экономических и политических связей с Германией упрочить свое положение в стране. 18 июня 1930 г. был заключен первый после войны германо-румынский торговый договор.

Но особенно усилилось немецкое проникновение в Румынию после установления фашистской диктатуры в Германии. Начиная с 1933 г. непрерывно увеличивался ввоз в Германию нефти и сельскохозяйственного сырья из Румынии. Немецкие монополисты стремились приспособить румынскую экономику к потребностям своего военного хозяйства. Под воздействием германских фирм в Румынии увеличилось производство необходимых для Германии масличных культур (конопли, льна, соевых бобов, подсолнуха, маковых семян и т. д.), а также пшеницы и ячменя.

Особое значение имел заключенный 23 марта 1935 г. германо-румынский торговый договор, а также ряд

¹ *A. Hellgruber, Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 10.*

дополнительных протоколов: о судоходстве, платежное соглашение и др.¹ Для производства расчетов по клирингу в Берлине и Бухаресте были созданы расчетные кассы. В целях дальнейшего развития германорумынской торговли в Берлине учреждался румынский институт, а в Бухаресте — германский институт, во главе которых находились агенты «бюро Розенберга».

Экономическая германская экспансия в Румынии сопровождалась усилением политического наступления, активизацией деятельности фашистской «пятой колонны». При участии «бюро Розенберга» в Румынии оживилось легионерское (фашистское) движение «железнодорожников», возглавляемое Кодряну. Эта террористическая организация была создана по типу гитлеровских штурмовых отрядов и пользовалась открытой поддержкой со стороны Италии и Германии. Кодряну откровенно заявлял, что через 48 часов после прихода «железной гвардии» к власти Румыния примкнет к фашистской Германии².

В качестве другого руководителя фашистского движения в Румынии гитлеровцы избрали поэта Октавиана Гога, который объединил различные реакционные группы, в том числе и антисемитские организации, возглавляемые Александром Куза. Гога установил связь с отколовшимся от национально-крестьянской (царанистской) партии Маниу «румынским фронтом», которым руководили бывший премьер-министр Вайда-Войвода и руководитель «молодых либералов» профессор истории Георгу Братиану, тесно связанный с королем³. Главной целью этого фашистского движения, инспирируемого и поддерживаемого гитлеровцами, было изменение внешней политики Румынии, отказ ее от профранцузской ориентации, отставка министра иностранных дел Титулеску, сторонника коллективной безопасности,

¹ *K. Frucksalss*, Rumänisch-deutscher Handelsführer. Handbuch für den Wirtschaftsverkehr mit Rumänien. Manuskriptlieferung (далее — *K. Frucksalss*, Rumänisch-deutscher Handelsführer...), Berlin, 1943, S. 58.

² *George Georgiu-Dez*, Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 16.

³ *A. Hellgruber*, Hitler, König Carol und Marschall Antonescu, S. 11.

включение Румынии в агрессивный антисоветский блок, сколачиваемый фашистской Германией.

Хотя правящая клика Румынии пыталась продолжать политику игры на противоречиях между англо-французской и итало-германской империалистическими группировками, однако начиная с 1936 г. ее внешняя политика была политикой непрерывной капитуляции перед фашистской Германией. 1 января 1938 г. в новогоднем послании Гитлеру правительство Гога — Куза заявило о желании Румынии установить более тесные контакты с Германией. Перед лицом опасности установления фашистской диктатуры, подчинения страны германскому империализму Коммунистическая партия Румынии возглавила борьбу за создание широкого антифашистского народного фронта. Но если демократическим силам Румынии в 1936—1937 гг. не удалось создать правительство народного фронта, то антифашистское движение в стране парализовало происки внутренней и внешней реакции¹. К тому же позиции Англии и Франции в экономической и политической жизни Румынии были еще значительны. Все это способствовало тому, что открыто прогерманское правительство Гога — Куза не могло продержаться у власти более двух месяцев.

Несмотря на то что захват гитлеровцами Чехословакии создавал смертельную угрозу существованию Румынии, ее правящие круги продолжали политику сговора с гитлеровцами и вместе с правительствами Англии, Франции и США приняли участие в срыве усилий правительства Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности. Вместе с правительством Польши румынское правительство решительно сопротивлялось пропуску советских войск через свою территорию для помощи Чехословакии в случае германской агрессии². Румыния отклонила предложение СССР об организации авиалинии Москва — Прага, которая должна была проходить через ее территорию³. В политике пособничества фашистским агрессорам ру-

¹ См. *George Georgiu-Dej*, Статьи и речи, т. I, стр. 15—16.

² См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 42.

³ См. там же, стр. 44.

мынское правительство патриарха Мирона Кристеа в 1938 г. дошло до того, что вело переговоры с польским правительством о совместных действиях Польши и Румынии против СССР в случае попытки Красной Армии прийти на помощь Чехословакии.

Сразу же после Мюнхена правительство фашистской Германии уделяет особое внимание отношениям с Румынией.

В начале октября 1938 г. германский посланник в Румынии Фабрициус направил Риббентропу донесение с подробным анализом внешней политики Румынии, и особенно румыно-германских отношений. Он сообщил о наличии в стране сильного англо-французского влияния, о необходимости использовать для давления на румынское правительство ревизионистские устремления правящих кругов Венгрии и слухи об «угрозе» со стороны Советского Союза¹.

24 ноября 1938 г. в Берхтесгадене произошла встреча румынского короля с Гитлером и Риббентропом. Гитлер лицемерно заверял Кароля II в том, что после захвата Австрии и Судетской области Германия удовлетворила все свои территориальные требования и стремится к установлению дружественных отношений с другими странами, и в первую очередь с Румынией².

В середине февраля 1939 г. в Бухарест прибыл Вольтат. В беседах с членами румынского правительства, а затем с королем он в категорической форме потребовал, чтобы свои основные богатства: нефть, лес, продовольствие — Румыния поставила на службу германской военной экономике. Вольтатом были выдвинуты и политические требования, в частности Германия выражала готовность взять под свой контроль румынские вооруженные силы, в особенности авиацию, а также под видом взаимного сотрудничества установить свой контроль над железными и шоссейными дорогами Румынии³. Взамен за это Германия обещала гарантировать «целостность» и «независимость» Румынии.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 259—260.

² Там же, стр. 318.

³ A. Hellgruber, Hitler, König Carol und Marschall Antonesku, S. 45.

Фашистская Германия рассчитывала заставить румынское правительство подписать кабальный договор одновременно со вступлением немецко-фашистских войск в Прагу. Подготовка такого договора проводилась под предлогом продления германо-румынских торговых договоров 1935 и 1938 гг. В это время усилился наплыв в Румынию немецких «туристов», всевозможных финансовых дельцов, «идеологов». Румынские фашистские организации под видом расширения культурного общения развернули усиленную прогерманскую агитацию в стране¹.

Напуганная германским вторжением в Чехословакию, а также захватом Венгрией Закарпатской Украины и усилением ее притязаний к Румынии, видя безнаказанность гитлеровцев за совершенные акты агрессии, правящая антинародная клика Румынии пошла на новое предательство интересов своей страны и 23 марта 1939 г. подписала договор «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией»².

Договор предусматривал приспособление румынской экономики к требованиям германского военного хозяйства. Румыния обязывалась расширить производство пшеницы, масличных и кормовых культур в соответствии с требованиями Германии. Немецкие монополии получали преимущественное право на эксплуатацию природных богатств Румынии, особенно нефти, а также на участие в «реорганизации» ее промышленности, транспорта и торговли³.

К договору прилагался ряд секретных дополнительных протоколов, которые закрепляли порабощение Румынии германским империализмом⁴. В связи с тем

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2-е, оп. 4, д. 18, л. 5—7.

² ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 76—80.

В ряде работ по истории Румынии, опубликованных в фашистской Германии, этот договор именуется как «Договор Вольтата» — по имени ставленника монополий в Управлении по осуществлению четырехлетнего плана Вольтата, который и подписал его с германской стороны.

³ «Deutsches Handelsarchiv. Zeitschrift für Handel und Gewerbe», 21.VI.1939, S. 2563—2564.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 156, 231.

что чехословацкие военные заводы Шкода, снабжавшие румынскую армию, оказались в руках гитлеровцев, фашистская Германия обязалась обеспечить румынскую армию, ее военно-воздушные и военно-морские силы вооружением и снаряжением и тем самым ставила их под свой контроль. В целях усиления эксплуатации национальных богатств Румынии в отдельных отраслях производства создавались румыно-германские общества, которым немецкие монополии и банки предоставляли кредиты. В частности, предусматривалось создание совместного румыно-германского общества по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений Румынии.

Для реализации торгового договора создавался германо-румынский правительственный комитет, обладавший большими полномочиями. С германской стороны его председателем являлся Клодиус. Договор был подписан сроком на четыре года. Кроме того, обе стороны обязались осуществить подготовку нового торгового соглашения на десятилетний срок. Подписав этот договор, правящие круги буржуазно-помещичьей Румынии фактически приняли германский экономический протекторат.

Румыния быстрыми темпами вовлекалась в фашистский агрессивный блок. Согласно германо-румынскому договору только до конца 1939 г. Румыния должна была поставить Германии 700 тыс. *t* пшеницы, 200 тыс. *t* кукурузы, 300 тыс. *t* фуража, 200 тыс. свиных туш, огромное количество нефти и другого стратегического сырья. Поставки этих товаров производились по мизерным ценам, равным $\frac{1}{3}$ стоимости этих товаров на мировом рынке¹. Было создано 36 германо-румынских компаний по эксплуатации экономики Румынии². Грабеж Германией продовольственных ресурсов страны быстро привел к значительному снижению и без

¹ См. А. А. Шевяков, Борьба компартии Румынии против политики фашизации страны (1939—1941 гг.). «Вопросы истории» № 8, 1960, стр. 65.

² «Deutsch-Rumänische Handelskammer. Jahresbericht 1941», Berlin, S. 14.

того невысокого жизненного уровня народных масс Румынии.

Но особый интерес для Берлина представляла румынская нефть. В 1938 г. Германия занимала уже первое место среди экспортеров румынской нефти. К этому времени 50% всего румынского импорта и 36% экспорта находились в ее руках¹. Навязав Румынии кабальный экономический договор, германские империалисты получили возможность в значительной степени обеспечить свою авиацию и механизированные войска горючим.

После подписания соглашения усилился наплыв в Румынию всевозможных немецких комиссий содействия по его реализации. Как сообщалось в печати, только в течение четырех недель после подписания соглашения Румынию посетило семь германских комиссий². В министерстве хозяйства Германии был создан специальный отдел, занимавшийся вопросами экономических связей с Румынией и изучением ее природных богатств.

После подписания договора усилилась также активность германской контрразведки в Румынии. «Абвер» направила в Румынию своих многочисленных агентов. По соглашению с румынской контрразведкой они посылались на нефтепромыслы, где работали в качестве «мастеров», «подмастерьев», «охранников». Агенты «Абвер» охраняли также транспорты, перевозившие по Дунаю румынскую нефть в Германию³.

Заключение кабального договора с Румынией в значительной степени облегчало проникновение германского империализма в другие страны Юго-Восточной Европы. Укрепив свои позиции в Юго-Восточной Европе и приравняв к рукам ее богатейшие природные, продовольственные и сырьевые ресурсы, гитлеровцы подчинили страны этого района и в политическом отношении. Реакционные фашистские правительства, находившиеся у власти, все более последовательно вовле-

¹ АВП СССР, ф. 125, оп. 24, п. 24, д. 1, л. 51, 52.

² К. Frucksalss, Rumänisch-deutscher Handelsführer., S. 53, 85.

³ К. Н. Abschagen, Canaris, Patriot und Weltbürger, Stuttgart, 1955, S. 244.

кали свои страны в фарватер агрессивной политики Германии. В то же время гитлеровцы прилагали большие усилия для создания подобного плацдарма на своих северо-восточных границах — в Прибалтике.

4. Происки гитлеровцев в Прибалтике. Захват Клайпеды

В экспансионистских планах немецко-фашистских империалистов страны Прибалтики наряду с Австрией, Чехословакией, Польшей и другими государствами Центральной и Восточной Европы занимали одно из первых мест. В 30-х годах для гитлеровской агрессии в Прибалтике сложились весьма благоприятные условия. После первой мировой войны в Латвии, Литве, Эстонии были установлены реакционные режимы, которые в страхе перед освободительной борьбой своих народов шли на союз с силами мировой империалистической реакции. Искусственный разрыв традиционных экономических и культурных связей этих стран с Россией был использован англо-франко-американскими, а затем германскими империалистами для закабаления и порабощения прибалтийских народов.

В связи с резким обострением классовых противоречий в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. реакционные элементы буржуазии Прибалтийских стран по примеру гитлеровцев пытаются управлять с помощью фашистских террористических методов. В 1934 г. в Латвии, Эстонии, Литве устанавливаются фашистские режимы Ульманиса, Пятса-Лайдонера, Сметоны, которые усилили расправу с революционным рабочим классом и его авангардом — коммунистическими партиями.

Поощряемые англо-франко-американскими империалистами, правительства Литвы, Эстонии и Латвии 12 сентября 1934 г. создали так называемую Балтийскую Антанту — реакционный блок, направленный против Советского Союза¹.

¹ Наиболее острые проблемы отношений Прибалтийских государств с Германией исключались из соглашения о создании

После установления фашистской диктатуры в Германии усиливается экспансия немецкого империализма в Прибалтике. Западные державы, занимавшие после первой мировой войны господствующее положение в экономической и политической жизни Прибалтийских стран, пытаясь направить германскую агрессию на Восток Европы, против СССР, начали уступать свои позиции немецко-фашистским империалистам. Этот процесс особенно усилился после подписания в 1935 г. англо-германского морского соглашения, предоставлявшего гитлеровцам свободу рук для экспансии в странах Прибалтики.

В последующие годы еще более усиливается политическое и экономическое влияние фашистской Германии в Прибалтийских странах. Уже в 1935 г. германский капитал составлял 25% всех иностранных капиталовложений в Латвии. Доля Германии в экспорте Латвии достигла 33,5%, а в импорте — 36,8%.

Фашистская Германия стремилась превратить Прибалтийские страны в свой аграрно-сырьевой придаток, в поставщиков продовольствия и других товаров, необходимых ей для создания стратегических резервов.

Правящие круги Прибалтийских государств, оказывавшие всемерную поддержку гитлеровцам в осуществлении их агрессивных антисоветских планов, расходовали огромные суммы на вооружение. Так, с 1934 по 1938 г. расходы латвийского правительства на милитаризацию страны возросли с 27 млн. лат до 52 млн. лат в год¹. Германия в свою очередь, стремясь укрепить свои позиции в странах Прибалтики, создать здесь стратегические плацдармы для войны против СССР, снабжала их вооружением. С начала 1937 г. германское посольство в Риге вело переговоры с военным

так называемой Балтийской Антанты. Так, например, клайпедский вопрос, т. е. вопрос об агрессивных притязаниях фашистской Германии к Литве, а также виленский вопрос, как специфические проблемы, участники соглашения передали на усмотрение заинтересованных сторон, т. е. дали понять, что ни Эстония, ни Латвия не выступают в поддержку Литвы в случае германской или польской агрессии.

¹ См. А. Дригва, Латвия под игмом фашизма, Рига, 1960, стр. 67.

ведомством Латвии о продаже ей оружия (зенитной артиллерии, гаубиц) на сумму 200 тыс. английских фунтов стерлингов. В конце года оружие в Латвию уже поставляла фирма Круппа.

Фашистская Германия использовала поставки вооружения в Прибалтийские и другие государства в качестве одного из рычагов их экономического порабощения. Спекулируя на страхе антинародных режимов этих стран перед революционным движением, она отказывалась поставлять вооружение в счет оплаты своей большой клиринговой задолженности малым странам Европы. Германия требовала оплаты за вооружение наличной валютой. По этому вопросу у нее имелись серьезные разногласия как со странами Юго-Восточной Европы (Болгария), так и со странами Прибалтики. Например, еще в 1937 г. Германия за импортируемое продовольствие и другие товары имела задолженность Латвии на сумму 6,4 млн. рейхсмарок. Однако она отказывалась поставлять оружие в счет оплаты этой задолженности. Лишь после длительных переговоров латвийскому правительству удалось добиться от Германии ряда уступок. 3 февраля 1938 г. министерство хозяйства Германии дало согласие на покрытие только части этой задолженности (до 50%) поставками оружия. Перед войной Латвия вела переговоры с Германией о поставке самолетов, двух подводных лодок, автомашин, артиллерии и другого оружия.

В 1937 г. было заключено также германо-эстонское соглашение о поставках в Эстонию 10 млн. ружейных патронов стоимостью 630 тыс. германских марок. Эти поставки оплачивались: 15% — девизами, 35% — поставками эстонских сланцев и 50% — на основе клиринга. На 1 июля 1940 г. Германия поставила вооружения Прибалтийским государствам:

| | |
|-------------|-------------------------------|
| в Эстонию — | на 6,9 млн. германских марок, |
| в Латвию — | » 10 » |
| в Литву — | » 3,4 » |

И хотя это вооружение было крайне необходимо самой Германии, она поставляла его, надеясь, что ей удастся использовать армии Прибалтийских государств в своих агрессивных целях. Поставки вооруже-

ния она рассматривала также как важнейшее средство укрепления своих позиций в этих странах.

Наряду с экономическим порабощением Прибалтийских государств фашистская Германия стремится подчинить их в политическом отношении. С этой целью германским посланником в Эстонии был назначен один из активных участников подготовки «аншлюса» Австрии, шурин Геринга Карл Мегерле¹. Он был тесно связан с «внешнеполитическим бюро» фашистской партии и министерством фашистской пропаганды. Оказавшись на посту германского посланника в Таллине, он играл, большую роль в организации подрывной деятельности гитлеровцев в странах Прибалтики.

Гитлеровцы использовали для подрывной деятельности и значительные группы немецкого населения. Они создают из этих групп, а также из местных реакционных элементов свою агентуру («вапсы-дубинщики», «немецкое братство» — в Эстонии, «айзсарги» — в Латвии, «железный волк», «культурфербанд» и другие фашистские организации — в Литве, возглавлявшиеся бывшим премьер-министром гитлеровским агентом в Литве Вольдемарасом). Они получают также опору в лице баронов и значительной местной немецкой буржуазии, имевших сильные позиции в экономике и государственном аппарате Прибалтийских государств. Из числа так называемых Фольксдейче были созданы фашистские организации, руководимые местными «фюрерами», утверждаемыми в Берлине.

Сообщая в МИД Германии о роли «Фольксдейче» в Эстонии, Мегерле 7 октября 1938 г. писал, что, как показывает захват Судетской области, «германские элементы» в Эстонии могут сыграть огромную роль в случае возникновения войны. Далее он писал о финансировании германской миссией подрывных организаций, о вовлечении в них молодых немцев, об установлении связей между немецкими фашистскими организациями Эстонии и Латвии.

Германия установила тесный контакт с антинародными правительственными кликами Прибалтийских

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 413.

государств. Министры этих стран были частыми гостями Гитлера, Геринга, Риббентропа, а эмиссары фашистской Германии посещали Таллин, Каунас, Ригу. Во время этих встреч германских и прибалтийских фашистских главарей обсуждались планы привлечения Прибалтийских государств к агрессивным авантюрам гитлеровцев.

Было достигнуто тесное взаимодействие между армиями и генеральными штабами Прибалтийских государств и фашистской Германии. Начальник генерального штаба эстонской армии Роэк неоднократно приезжал в Берлин и вел переговоры с гитлеровскими генералами¹.

Прибалтийские государства часто посещали различные делегации германских военно-морских и военно-воздушных сил в целях установления контакта для совместных действий на Балтийском море против Советского Союза². В составе вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы находились немецкие офицеры, которые выступали в роли инструкторов по моторизации армии, обучению летного состава и военно-морских сил, унификации их организации и вооружения с вермахтом³.

Столь же тесное сотрудничество установилось между правительствами Германии и Прибалтийских стран и по дипломатическим каналам. Реакционные правительства Прибалтийских государств саботировали усилия правительства СССР, направленные на обеспечение безопасности в Восточной Европе. В связи со стратегическим положением Литвы, Латвии и Эстонии Советский Союз не мог относиться безразлично к проискам германских и других империалистов в Прибалтике. Правительство СССР стремилось к укреплению экономических и политических взаимоотношений с Прибалтийскими странами. Однако реакционные фашистские правительства Литвы, Латвии, Эстонии, несмотря на наличие договоров о ненападении с СССР и других соглашений, вступили в антисоветский сговор с гитлеровцами.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 383—384.

² Там же.

³ Там же.

Фашистская Германия, Англия и Франция использовали их для срыва усилий правительства СССР по созданию системы коллективной безопасности. Например, в период «аншлюса» Австрии правительство буржуазной Эстонии учинило ряд кровавых провокаций на эстоно-советской границе¹.

20 июня 1938 г. министр иностранных дел буржуазной Эстонии Сельтер информировал германского посланника о результатах конференции Балтийской Антанты, состоявшейся 10—12 июня 1938 г. Конференция решила, говорил он, оказать сопротивление советским войскам в случае, если они попытаются пройти через территории Прибалтийских стран для оказания помощи Чехословакии против германской агрессии². Данное решение сессии Балтийской Антанты полностью раскрывало цели этой организации как орудия агрессивной политики фашистской Германии.

В конце августа во время беседы с германским посланником Сельтер говорил, что Эстония стремится к укреплению отношений с Германией и не желает пропускать советские войска через свою территорию. Она также не будет принимать участия в санкциях, которые может применить Лига наций к Германии³.

Подобная политика правящих клик Прибалтийских государств была чужда и враждебна действительным устремлениям народов этих стран, стремившихся к дружбе и постоянному сотрудничеству с народами Советского Союза, с которыми они в течение двух десятилетий были разделены в результате происков мировой реакции. Эстонский военный атташе в Риге в своем донесении в Таллин в 1939 г. вынужден был признать наличие «сильных русофильских настроений среди значительной части латвийского населения»⁴.

Вступив в сговор с правящими антинародными кликами Прибалтийских государств, использовав их профашистскую антисоветскую политику в период создания вермахта и первых агрессивных актов в Европе,

¹ См. «Правда», 11 февраля 1938 г.

² ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 384.

³ Там же, стр. 387.

⁴ Там же, стр. 399.

а также для срыва усилий миролюбивых сил по созданию системы коллективной безопасности, фашистская Германия в то же время не прекращала подготовки агрессии против Прибалтийских стран. Во всех военных планах фашистской Германии Клайпедская (Мемельская) область фигурировала наряду с Австрией и Чехословакией в качестве одного из объектов агрессии.

Клайпеда — исконно литовская земля. В XIII в. она была захвачена немецкими псами-рыцарями. Несмотря на многовековую колонизацию, литовское население этой области сумело сохранить свои национальные традиции и не прекращало стремиться к воссоединению с остальной территорией Литвы. После первой мировой войны Клайпеда вошла в состав вновь образованного буржуазного литовского государства. Клайпедский порт обеспечивал Литве выход к морю и имел огромное значение для ее экономики. Это был единственный незамерзающий порт, через который шла оживленная торговля Литвы с другими странами.

Интерес фашистской Германии к Клайпедской области был вызван главным образом стратегическим значением Клайпедского порта. Захват Клайпеды давал ей возможность продвинуть свои военно-морские силы на Балтике значительно дальше на Восток, к границам СССР. Фашистская клика исходила из того, что правительства западных империалистических держав, которые давно указывали на Прибалтику как на «ворота» для вторжения на территорию Советского Союза, окажут ей в этом всяческое содействие.

Согласно конвенции, подписанной правительствами Англии, Франции, Италии, Японии 8 мая 1924 г., под управлением которых находилась Клайпедская область после Версальского мира, они передавали свои права на эту территорию правительству Литвы. Параграф 15-й конвенции гласил, что «право суверенитета над Клайпедой или его исполнение не может быть изменено без согласия высоких договаривающихся сторон»¹.

¹ Англо-франко-американские составители публикации документов из архива МИД Германии посредством тенденциозного подбора документов пытаются подтвердить лживую версию

Однако, как и в случае с Австрией и Чехословакией, правительства западных держав принесли в жертву германским империалистам также и Клайпедскую область в качестве платы за развязывание войны против Советского Союза. Уже в самом статуте Клайпеды имелся ряд положений, создавших благоприятные условия для подрывной деятельности гитлеровцев. В Клайпедде при попустительстве правительства Литвы из числа немецкого национального меньшинства была создана фашистская организация во главе с Эрнстом Нейманом и Зассом, которая являлась агентурой гитлеровцев. В течение ряда лет Германия использовала вопрос о положении немецкого национального меньшинства в качестве предлога для провоцирования всевозможных конфликтов с Литвой. С помощью местного немецкого населения она подчинила своему влиянию экономику Клайпедской области. Только в 1938 г. Германия вывезла из Клайпеды крупного рогатого скота, масла, яиц, сыра, лесоматериалов и других товаров на сумму 5 600 тыс. марок¹.

В руках немецких монополий находились важнейшие деревообрабатывающие предприятия Клайпедской области, предприятия по производству бумаги, судовой верфи и др.² Уже с 1937 г. высокопоставленные чиновники фашистской Германии в переговорах с литовскими министрами и дипломатами неоднократно поднимали вопрос о Клайпедде, об изменении ее статута и т. д.³ В период «аншлюса» Австрии и обострения польско-литовского конфликта Германия сделала первую попытку захватить Клайпеду. С этой целью германская дипломатия всячески подогревала польско-литовский конфликт. Начальник политического отдела МИД Гер-

гитлеровской пропаганды о том, что исконно литовская земля — Клайпедская область будто бы в 1924 г. была незаконно присоединена к Литве без волеизъявления населения этой области. Подобной клеветой они пытаются оказать помощь западногерманским реваншистам, стремящимся снова повторить империалистический «Дранг нах Остен». ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 405—407.

¹ «Deutsche Bank. Wirtschaftliche Mitteilungen», Berlin, № 4, 1939, S. 104.

² Там же.

³ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 349.

мании Бисмарк в меморандуме от 16 марта 1938 г. писал, что «в случае вооруженного конфликта между Польшей и Литвой вопрос о территории Мемеля станет весьма актуальным для нас»¹.

Министерство иностранных дел Германии вело переговоры с верховным командованием вермахта о том, чтобы в случае польско-литовского вооруженного конфликта ввести германские войска в Клайпеду и оккупировать ее. Германские военно-морские силы были сконцентрированы в Восточной Пруссии на главной военно-морской базе Свинемюнде². В середине марта 1938 г. в германском МИД происходил ряд совещаний по клайпедскому вопросу; немецкий посол в Варшаве Мольтке непрерывно информировал Берлин о развитии польско-литовского конфликта.

Сразу же после порабощения Австрии, 18 марта 1938 г., Гитлер издал специальную директиву о подготовке оккупации Клайпеды³. В тот же день начальник ОКВ Кейтель в письме Риббентропу сообщал, что германский генеральный штаб наметил демаркационную линию между расположением войск Германии и Польши в случае их вступления на территорию Литвы⁴. Демаркационная линия выходила далеко за пределы Клайпедской области и включала в состав Германии другие части территории Литвы. Только вмешательство Советского правительства, решительно предупредившего правительство панской Польши, сорвало германский план захвата Клайпедской области⁵.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 358.

² Там же.

³ «Trial of the Major War Criminals», vol. XXX, p. 477—481.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 365.

⁵ Англо-американские и французские буржуазные фальсификаторы истории, извращая внешнюю политику СССР, неправильно освещают отношение Советского правительства к польско-литовскому конфликту. Так, например, редакторы публикаций документов германского МИД не приводят заявления Советского правительства правительству Польши; сыгравшего решающую роль в срыве германо-польской агрессии против Литвы в марте 1938 г. В примечаниях они утверждают, что будто бы Советское правительство стремилось не вмешиваться в этот конфликт (ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 369).

После срыва попытки захватить Клайпеду в марте 1938 г. фашистская Германия перешла к более тщательной подготовке этого акта агрессии. В апреле 1938 г. она предъявила литовскому правительству ряд требований по вопросу о положении немецкого национального меньшинства в Клайпеде. Литовского посла в Берлине Шаулиса неоднократно вызывали в МИД Германии для переговоров по вопросу германо-литовских отношений, изменения статута Клайпеды и т. д.¹ Когда же 9 мая 1938 г. Шаулис в беседе с крупным чиновником МИД Германии Грюнднером напомнил о германских предложениях заключить пакт о ненападении с Литвой, о чем неоднократно говорил Гитлер в 1935 и 1936 гг., Грюнднер уклонился от обсуждения этого вопроса².

После Мюнхенской конференции усиливаются происки гитлеровцев в Литве. Клайпедский вопрос наряду с планом захвата всей Чехословакии выходит на первое место в агрессивных устремлениях Германии. В меморандуме от 25 ноября 1938 г. о германо-литовских отношениях после Мюнхена Грюнднер отмечал, что Германия добилась внешнеполитической изоляции Литвы. Этому в значительной мере способствовала антинациональная внешняя политика самого литовского правительства, которое не желало вести переговоры с правительством СССР и отклоняло предложения Советского Союза о помощи в случае угрозы агрессии.

Польско-литовские отношения, несмотря на установление в марте 1938 г. дипломатических отношений между обеими странами, не улучшились; их по-прежнему разделял вопрос о столице Литвы Вильнюсе, которая оставалась в руках панской Польши. Союзники Литвы по Балтийской Антанте Латвия и Эстония не собирались оказать ей поддержку и все более сближались с фашистской Германией. Правительства западных держав, несмотря на ранее данные заверения о помощи

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 375—378.

² В речах Гитлера от 31 мая 1935 г. и 7 марта 1936 г. содержалось предложение правительствам соседних с Германией стран заключить двусторонние пакты о ненападении. В этих выступлениях Гитлер еще не упоминал о германских претензиях на Клайпеду.

Литве в защите ее прав на Клайпеду, не только не топились выполнять их, но всячески поощряли немецко-фашистскую агрессию.

Все эти моменты были использованы Германией для подготовки нового акта агрессии. В Клайпедде активизируется деятельность фашистской «пятой колонны». Под давлением Германии литовская политическая полиция была частично отозвана из Клайпеды, а ее функции выполняли вооруженные немецкие фашистские отряды, подчинявшиеся клайпедскому сеймику. В Клайпедде происходили демонстрации и парады вооруженных отрядов немецких скаутов под лозунгом «Одна империя, одна нация, один фюрер»¹. Фашистские банды развернули кровавый террор против литовского населения и противников присоединения Клайпеды к Германии. Еврейское население изгонялось из области. Все эти бесчинства совершались при прямом попустительстве литовского правительства, которое не препятствовало подрывной деятельности гитлеровской агентуры. Свою капитулянтскую позицию оно прикрывало заявлениями о стремлении соблюдать клайпедский статут о правах немецкого населения². Литовское правительство назначило на 11 декабря 1938 г. выборы в клайпедский сеймик. В связи с подготовкой к этим выборам фашистские организации в Клайпедде под руководством Неймана развернули бешеную активность. Они стремились захватить в свои руки клайпедский сеймик и пытались представить эти выборы как плебисцит за включение Клайпеды в состав рейха. Гитлеровские агенты распространяли слухи, что сразу после выборов, 15 декабря 1938 г., Клайпедда по образцу Австрии и Судетской области будет включена в состав Германии³.

5 декабря 1938 г. у заместителя статс-секретаря МИД Вермана состоялась конференция по клайпедскому вопросу⁴. В ней участвовали сотрудники министерства иностранных дел Бисмарк, Грюнднер, германский консул в Клайпедде Заукен, а также главари

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 405.

² Там же.

³ Там же, стр. 406—407.

⁴ Там же, стр. 412.

клайпедских фашистских организаций Нейман и др. Здесь Верман заявил, что согласно указанию Риббентропа выборы в ландтаг следует рассматривать как один из этапов на пути аннексии Клайпеды. Германской прессе были даны указания усилить антилитовскую кампанию перед выборами. Кенигсбергская радиостанция передавала тексты предвыборных речей Неймана, предварительно одобренных германским МИД¹. Руководители «Фольксдейче» Лоренц и Нейман должны были мобилизовать всех гитлеровцев в Клайпедской области для завоевания победы на выборах 11 декабря.

Литовская реакция в целях достижения соглашения с фашистской Германией пошла на полную капитуляцию. 5 декабря 1938 г. было реорганизовано правительство Миронаса. Вместо Лазорайтиса министром иностранных дел был назначен Урбшис, еще более активный сторонник сотрудничества с фашистской Германией. Другие посты в правительстве также оказались в руках литовских реакционеров — поклонников гитлеровского режима.

6 декабря 1938 г. главнокомандующий литовской армией Раштикис пригласил к себе германского военного атташе в Прибалтийских странах Юана и сделал ему заявление о позиции нового литовского правительства². Он сказал, что перемещения в правительстве преследуют цель призвать на важнейшие правительственные посты лиц, которые являются более активными сторонниками соглашения и дружбы с Германией. Далее он говорил, что Литва впредь при реорганизации своих вооруженных сил будет стремиться еще больше использовать опыт германского вермахта. Раштикис опровергал слухи о том, что будто бы Литва заключила соглашение с другой страной (имеется в виду Советский Союз. — В. Ф.), направленное против Германии. От имени своего правительства он заверил германского военного атташе, что Литва согласна разрешить клайпедский вопрос на основе дружественного соглашения с Германией. Для переговоров по этому вопросу

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 412.

² Там же, 498—499.

литовское правительство соглашалось направить в Берлин до или после выборов в клайпедский сеймик премьера Миронаса и Урбшиса. Раштикис просил как можно быстрее довести это заявление до сведения верховного командования германских вооруженных сил. В тот же день министр иностранных дел Литвы пригласил к себе германского посланника Цехлина и подтвердил заявление Раштикиса, сделанное военному атташе Германии. Однако гитлеровцы не спешили вступать в переговоры с литовским правительством. Они не желали половинчатого решения, им нужна была вся Клайпеда без всяких оговорок.

10 декабря, накануне выборов в клайпедский сеймик, Риббентроп составил для Гитлера меморандум, в котором подчеркивалось экономическое и военное значение Клайпеды для германской агрессии в Восточной Европе¹. После захвата Клайпеды и подчинения Литвы, по словам Риббентропа, «Германия получит возможность оказывать экономическое и политическое влияние на Польшу и всю Прибалтику»².

Победа гитлеровцев на выборах в клайпедский сеймик 11 декабря 1938 г., где они получили 87% голосов³, создала еще более благоприятные условия для захвата Клайпеды⁴.

В начале 1939 г. подготовка к захвату Клайпеды развернулась полным ходом. 2 января 1939 г. Гитлер в присутствии Риббентропа принял главаря клайпедских фашистов Неймана. Гитлер заверил его, что клайпедский вопрос будет решен в 1939 г. Конец марта или

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 498—499.

² Там же, стр. 415. Меморандум не был подписан, но на нем имеется надпись, сделанная рукой Риббентропа: «для фюрера».

³ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 415.

⁴ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 294.

В директивах и приказах германского верховного командования вермахта, изданных в конце 1938 — начале 1939 г., сроки агрессии против Литвы и Чехословакии совпадали. В директиве от 21 октября 1938 г. говорилось, что «вооруженные силы должны быть в любое время готовы на всякий случай к тому, чтобы... оккупировать район Мемеля». Вся третья часть этого документа так и озаглавлена: «Аннексия Мемельского района».

середина апреля были названы как окончательный срок. «Фюрер» рекомендовал Нейману всячески сдерживать свои фашистские банды от открытого выступления против Литвы до этого срока¹.

Правительство фашистской Германии действовало решительно, так как было уверено, что страны, подписавшие клайпедскую конвенцию, не вмешаются в германо-литовский конфликт. 28 февраля 1939 г. Грюнднер сообщал Риббентропу, что «страны, подписавшие конвенцию о Мемеле, в последние недели не проявляют заинтересованности в данном вопросе. Международное положение Литвы продолжает оставаться опасным. Не наблюдается прогресса и в польско-литовских отношениях»².

Гитлеровцы стремились вовсе устранить польское правительство от решения клайпедского вопроса. Теперь, когда Польша становилась очередным объектом германской агрессии, уже не было и речи о каких-либо компенсациях ей в обмен за гданьский коридор. Еще 2 января 1939 г. Грюнднер писал германскому посланнику в Каунасе Цехлину, что если Бек попытается обсуждать литовский вопрос, то необходимо дать понять ему, что Германия считает, что Польша не имеет каких-либо специальных интересов в Литве³.

В феврале 1939 г. руководство подрывной деятельностью фашистской «пятой колонны» в Литве было возложено на шефа центрального управления «Фольксдейче» в Берлине обергруппенфюрера СС Лоренца и гаулейтера Восточной Пруссии Эриха Коха⁴. 3 февраля Эрих Кох созвал в Кенигсберге главарей немецких фашистов и находившихся там дипломатических чиновников Германии⁵. Кох сообщил о недовольстве Гитлера деятельностью фашистских подрывных органи-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 420—421.

² Там же, стр. 432.

³ Там же, стр. 421.

⁴ Эрих Кох известен как один из кровавых палачей польского народа в годы второй мировой войны.

⁵ Среди присутствовавших были Нейман, германский консул в Клайпедзе Зауцен, руководитель отдела гестапо в Тильзите Грефе и другие.

заций в Клайпеде и потребовал принять срочные меры для подготовки к аннексии этой области.

Вскоре после выборов в клайпедский сеймик управление областью полностью захватил в свои руки так называемый директорат, состоявший из немецких фашистов, который возглавил в качестве президента главарь фашистов Нейман. Директорат фактически порвал все отношения с литовским правительством и получал указания от германских высших властей. В Клайпеде были созданы отряды СА, СС, организации «Гитлерюгенд», «Трудовой фронт».

В конце февраля — начале марта положение в Клайпеде еще более обострилось. Клайпеда фактически находилась уже в руках фашистской Германии. 14 марта 1939 г. одновременно с вступлением германских войск в Чехословакию был отдан приказ о непосредственной подготовке к захвату Клайпеды. В тот же день Верман телеграфировал германскому консулу в Клайпеде, что Лоренц, начальник штаба штурмовых отрядов Лютце и главарь мемельских фашистов Нейман согласовали свои действия в целях завершения аннексии Клайпеды¹.

С 15 марта по команде из Берлина германские агенты усиленно провоцировали инциденты в Клайпеде. На улицах города фашисты открыто вывешивали германские флаги со свастикой. Выступая в сеймике, Нейман угрожал, что Клайпеда будет насильственно отторгнута от Литвы. 18 марта немецкие чиновники в Клайпеде и местные фашисты были поставлены в известность о предстоящей аннексии Клайпедской области².

Через три дня после захвата Чехословакии, 19 марта 1939 г., литовскому министру иностранных дел Урбшису, возвращавшемуся из Рима, Риббентроп предложил сделать остановку в Берлине. На следующий день в сопровождении литовского посланника в Германии Скирпы он был принят Риббентропом. Германский министр заявил Урбшису, что территория Клайпеды должна быть немедленно передана Германии. В случае

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 435.

² Там же, стр. 435.

если Литва добровольно отдаст эту область, Риббентроп обещал предоставить ей «свободную зону» в порту для выхода к морю и ряд других торговых льгот¹. Но если Литва не согласится уступить эту область, «то кто знает, чем все это кончится». «Если в Клайпеде раздастся выстрел, — угрожал Риббентроп, — то Германия не сможет спокойно взирать на это. Фюрер будет действовать молниеносно, и решение вопроса перейдет из рук политиков в руки военных»².

Нацистский министр также предупреждал, что Литва не должна рассчитывать на какую-либо помощь со стороны западных держав. Ультиматум Риббентропа подкреплялся угрозой, что, в случае если Литва обратится за поддержкой к какой-либо другой стране, Германия перейдет от дипломатических переговоров к применению вооруженных сил. Литовскому правительству было предоставлено четыре дня для ответа. В тот же день Урбшис информировал в Берлине военных атташе держав, подписавших клайпедскую конвенцию, о германском ультиматуме. Однако со стороны этих правительств ответа не последовало.

20 марта Урбшис прибыл в Каунас. Профашистское правительство Миронаса в момент смертельной опасности, нависшей над литовским народом, не пожелало обратиться к Советскому Союзу, который не раз спасал Литву от угрозы со стороны фашистской Германии и панской Польши.

Свой ультиматум Литве и на этот раз Германия подкрепила военной демонстрацией. Она начала концентрировать войска на литовской границе и бряцать оружием. 21 марта 1939 г. Вейцзекер через германского посланника в Каунасе Цехлина передал литовскому правительству, что события угрожают принять серьезный оборот и что ввиду этого правительственная литовская делегация должна прибыть в Берлин не позднее следующего дня, в противном случае может разразиться вооруженный конфликт³. Германский посланник в Кау-

¹ *L. B. Namier, Diplomatic Prelude, p. 86.*

² *ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 437.*

³ Там же, стр. 438.

насе непрерывно торопил литовских министров, требуя от них принятия ультиматума.

21 марта было спешно созвано закрытое заседание литовского парламента. Представители Клайпеды уже не участвовали в его заседании. Здесь же под нажимом правительства и президента Сметоны было решено принять германский ультиматум¹.

22 марта Урбшис на специальном немецком самолете вернулся в Берлин. В тот же день в здании германского МИД Урбшис, литовский посланник Скирпа и Риббентроп подписали «Германо-литовский договор о воссоединении Клайпеды с Германской империей»².

Договор гласил, что Клайпедская область ««воссоединяется» с Германией. Литовские войска и полиция немедленно выводятся из области. Все литовское имущество, в том числе и портовые сооружения, переходят в собственность Германии»³. Для того чтобы поставить Литву в полную зависимость от Германии, в Клайпедском порту ей сдавалась в аренду сроком на 99 лет так называемая свободная зона, положение которой регулировалось дополнительным протоколом⁴. Все права в этой зоне, в том числе и право таможенного контроля, принадлежали фашистской Германии.

Германо-литовский договор не только закреплял захват Германией Клайпеды. Его следствием было полное экономическое и политическое порабощение Литвы. Статья 4-я договора была равнозначна пакту о взаимопомощи между фашистской Германией и Литвой. Она гласила, что «обе договаривающиеся стороны берут на себя обязательство не выступать друг против друга и оказывать любой из договаривающихся сторон

¹ ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 437.

² «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VII, T. II, S. 545—548.

³ «Deutsche Bank. Wirtschaftliche Mitteilungen», Berlin, N 4, 1939, S. 104.

⁴ Там же. Так называемую «свободную зону» в Клайпедском порту Германия не предоставила Литве, а сообщение Литвы с морем по Неману было совершенно прервано.

поддержку в случае, если она подвергнется нападению третьей стороны»¹.

Германия на следующий же день начала превращать Клайпеду в свою мощную военно-морскую базу. 23 марта в Клайпеду прибыл германский крейсер «Нюрнберг», а затем ряд других военных кораблей. Из Восточной Пруссии в порт был направлен крупный военный гарнизон, подразделения дальнобойной артиллерии и т. д.² В Клайпеду в сопровождении большой эскадры военных кораблей выехал Гитлер.

Захватив Клайпедскую область, гитлеровцы сразу же установили там свой фашистский «новый порядок». Гестапо начало расправу с не успевшими эмигрировать антифашистами. Была конфискована собственность евреев. Все ценности: золотые, платиновые и серебряные вещи — изымались у населения. Германское фашистское законодательство распространялось на Клайпеду. Заработная плата клайпедских рабочих была значительно снижена и уравнена с заработной платой рабочих Восточной Пруссии. Крестьяне должны были сдавать продовольствие согласно твердым разверсткам фашистских властей на скупочные пункты.

Улицы городов были переименованы в улицы Геринга и Гитлера и других фашистских главарей³. В последующие дни между Германией и Литвой были заключены дополнительные соглашения, в результате которых Литва попадала в политическую и экономическую зависимость от фашистской Германии.

Германия захватила территорию Литвы (Клайпеду) площадью в 2848 кв. км, с населением 150 тыс. человек⁴, обладающую значительными продовольственными и сырьевыми ресурсами. Захватом Клайпеды Германия значительно улучшила свое стратегическое положение. Она стала господствовать на обоих берегах нижнего течения Немана и создавала здесь важный опорный пункт для дальнейшей агрессии на Балтике.

¹ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VII, T. II, S. 548.

² «Memeler Dampfboot», 23.IV.1939.

³ «Memeler Dampfboot», 1.IV.1939.

⁴ «Deutsche Bank. Wirtschaftliche Mitteilungen», Berlin, N 4, 1939, S. 104.

После захвата Клайпедской области Литвы фашистская Германия усилила наступление на другие страны Северо-Западной Европы. В связи с развертыванием германской агрессии в Прибалтике, создающей непосредственную угрозу безопасности границ СССР, Советское правительство предприняло ряд мер для пресечения агрессии. Спустя пять дней после захвата гитлеровцами Клайпеды, 28 марта 1939 г., оно обратилось к правительствам Эстонии и Латвии с заявлением, в котором предупреждало их об угрозе со стороны Германии, предостерегало от заключения пактов с гитлеровцами, которые бы вели к экономическому и политическому порабощению Прибалтийских государств. Правительство СССР подчеркивало, что подобные соглашения были бы несовместимы с договорами, существовавшими между Советским Союзом и этими странами¹. Но это заявление правительства СССР было враждебно встречено реакционными правительствами Эстонии и Латвии. Они даже не опубликовали его в печати.

Для того чтобы замаскировать свой нажим на страны Прибалтики, германская дипломатия пошла еще на один маневр. В связи с известным обращением Рузвельта от 15 апреля 1939 г. к Гитлеру и Муссолини с предложением дать обязательство о ненападении на 30 перечисленных в его обращении государств германские дипломаты запросили правительства этих стран, считают ли они, что Германия угрожает их безопасности. Правительства всех Прибалтийских стран угоднически дали отрицательные ответы. Правительство Литвы в своем ответе с удовлетворением указывало на статью 4-ю германо-литовского договора от 22 марта 1939 г., в которой говорилось, что Германия никогда не прибегнет к применению силы против Литвы, и отмечало, что этот договор является основой для решения всех вопросов, возникающих в отношениях между двумя странами². Гитлеровская пропаганда широко использовала это заявление правительства Литвы и других Прибал-

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, стр. 162—163.

² «Историко-дипломатический архив», ф. 2, оп. 4, д. 19, л. 24.

тийских стран для того, чтобы прикрыть дальнейшую подготовку агрессии.

В мае 1939 г. правительства Латвии и Эстонии одними из первых приняли предложение фашистской Германии о заключении пактов о ненападении¹. Это предложение являлось новым маневром гитлеровской дипломатии, который должен был замаскировать их подготовку к развязыванию войны в Европе.

Летом 1939 г. страны Прибалтики усиленно посещали гитлеровские генералы: начальник контрразведки адмирал Канарис, начальник генерального штаба генерал Гальдер и многие другие. Поддерживаемые Англией и Францией, правительства Прибалтийских государств категорически отвергали советские предложения о заключении пактов о взаимопомощи.

С помощью капитулянтских фашистских правительств Латвии и Эстонии летом 1939 г. гитлеровцы добились ряда внешнеполитических успехов в Прибалтике. 7 июня 1939 г. между Германией и правительствами Латвии и Эстонии были подписаны пакты о дружбе и ненападении, ставившие эти страны в экономическую и политическую зависимость от Германии. Таким образом, фашистская Германия с помощью антинародных клик Прибалтийских государств укрепила свои северо-восточные границы и создала в Прибалтике стратегический плацдарм для агрессивной войны.

Захватив Австрию, Чехословакию, Клайпеду, укрепившись на Пиренеях, в Юго-Восточной Европе и Прибалтике, фашистская Германия заняла исходные позиции для агрессивных действий более крупного масштаба. Наступала очередь Польши. Все более обострялись англо-франко-германские империалистические противоречия, которые, несмотря на все усилия мюнхенцев сгладить их посредством продолжения антисоветского сговора, угрожали перерасти в новый мировой вооруженный конфликт.

¹ См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, стр. 171.

ЗАВЕРШЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ

1. Предвоенная мобилизация экономики

Захват Австрии, Чехословакии, Клайпедской области значительно усилил военно-экономический потенциал фашистской Германии. В 1938—1939 гг. германские милитаристы достигли новых успехов в переводе всего хозяйства страны на военные рельсы. В течение шести предвоенных лет удельный вес Германии (в границах 1937 г.) в мировом промышленном производстве увеличился с 8,3% в 1932 г. до 13,3% в 1939 г., а вместе с оккупированными Австрией и Чехословакией — до 15%¹. После США Германия являлась крупнейшей страной капиталистического мира, намного опередившей по темпам и уровню промышленного развития Англию и Францию.

Развитие германской экономики в канун второй мировой войны происходило под знаком дальнейшего увеличения военного производства и создания запасов стратегического сырья и продовольствия. В этот период были изданы новые законы и распоряжения о руководстве военной экономикой применительно к условиям войны. Особое внимание гитлеровцы уделяли развитию тяжелой промышленности. В 1939 г. производство средств производства в Германии почти утроилось (1932 г. = 100).

¹ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 40.

Следующая сравнительная таблица свидетельствует о непрерывном росте выплавки чугуна и стали в Германии (в тыс. *m*)¹:

| Годы | Чугун | Сталь |
|------|--------|--------|
| 1933 | 5 247 | 7 432 |
| 1934 | 8 717 | 11 636 |
| 1935 | 12 846 | 16 042 |
| 1936 | 15 302 | 18 623 |
| 1937 | 15 960 | 19 205 |
| 1938 | 18 615 | 22 509 |
| 1939 | 18 194 | 22 394 |

Эти цифры значительно возрастут, если к ним прибавить производство в оккупированных Австрии и Судетской области, которое составляло за 7 месяцев 1939 г.: чугуна — 488 тыс. *m*, стали — 494,5 тыс. *m*, а также производство в Богемии и Моравии: чугуна — 570 тыс. *m*, стали — 80 тыс. *m*².

Одной из главных проблем военной экономики Германии к началу второй мировой войны являлось обеспечение промышленности железом. Несмотря на колоссальные усилия концерна «Г. Геринг» и других монополий по увеличению производства железа, в стране все еще остро ощущался его недостаток. В связи с увеличением военного производства и созданием стра-

¹ Производство чугуна в Германии (в границах 1937 г.) составляло за первые 7 месяцев 1939 г. 11 млн. *m* против 10,4 млн. *m* за такой же период 1938 г.; выплавка стали — 13,9 млн. *m*, или на 7,8% больше, чем за соответствующий период прошлого года. Некоторое общее снижение производства чугуна и стали в 1939 г. по сравнению с 1938 г. наблюдалось в последнем квартале 1939 г., что объяснялось перемещением промышленных предприятий из пограничных западных районов в глубь страны, а также мобилизацией рабочих в армию. «Статистические данные по экономике Германии 1933—1943 гг. Всесоюзная торговая палата. Информационно-экономический отдел», М., 1945, стр. 45—46.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», Berlin, 1940, S. 9—10.

тегических запасов в Германию ежегодно ввозилось значительное количество железной руды и железного лома. В 1938 г. она ввезла свыше 20 млн. *т* железной руды с содержанием железа около 11 млн. *т*. Германия находилась в сильной зависимости от заграницы и в отношении таких важных для военного производства цветных металлов, как медь, олово, никель. В 1938 г. она ввезла 426 тыс. *т* марганцевой руды главным образом из Южно-Африканского Союза. Из США, Южной Африки, Конго, Чили Германия импортировала медь, из Канады — никель, из Индонезии — олово.

Исключительного подъема достигло производство алюминия¹. В 1938 г. оно составляло 165 тыс. *т*, или 28,5% мирового производства. По производству этого важнейшего металла накануне войны Германия вышла на первое место в мире и значительно опередила Соединенные Штаты Америки (130 тыс. *т*) и Канаду (64,5 тыс. *т*). Не менее интенсивно развивались и другие отрасли тяжелой промышленности. Непрерывно возрастала добыча каменного угля — основной энергетической базы страны. В 1939 г. в Германии (включая оккупированные Австрию и Чехословакию) было добыто свыше 200 млн. *т* каменного и около 230 млн. *т* бурого угля, что значительно превышало добычу угля в 1938 г. Для увеличения добычи угля фашистские власти осуществили ряд чрезвычайных мероприятий. Распоряжением генерального уполномоченного по четырехлетнему плану Геринга с марта 1939 г. рабочий день углекопов увеличивался на 45 мин.² В целях еще большего нажима на рабочих перед началом войны был назначен особоуполномоченный управления четырехлетнего плана по повышению производительности труда на угольных шахтах³. Интенсификация труда горняков была основным средством роста добычи угля.

Были приняты срочные меры по увеличению производства электроэнергии. В 1938 г. производство элек-

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», Berlin, 1940, S. 9—10.

² Там же, стр. 11.

³ Там же.

троэнергии в Германии (55 млрд. *квт-ч*) в 2 с лишним раза превышало производство 1933 г.¹ Кроме того, был построен ряд новых резервных электростанций, которые могли быть введены в действие в первые же дни войны.

Больших успехов достигла Германия в создании запасов нефти — этого важнейшего вида стратегического сырья. Если в 1938 г. в стране ежемесячно добывалось 44 150 *т* нефти, то в 1939 г. — уже 57 930 *т*². Всего в 1938 г. в Германии (без оккупированных территорий) было добыто 533 тыс. *т* нефти. В связи с недостаточной добычей натуральной нефти внутри страны гитлеровцы уделяли большое внимание производству горючего синтетическим путем. Особенно крупную роль в производстве синтетического горючего играл концерн «ИГ Фарбениндустри». Как заявил один из генеральных директоров этого концерна, в 1938 г. производство синтетического горючего в Германии достигло 1,7 млн. *т*.³

Заключенное в марте 1939 г. экономическое соглашение с Румынией сыграло весьма важную роль в обеспечении Германии горючим. Однако, несмотря на усиленный импорт некоторых видов стратегических материалов, увеличение добычи нефти и производства синтетического горючего, проблема обеспечения Германии горючим в условиях европейской войны продолжала беспокоить главарей фашистского рейха.

В целях экономии расходов горючего и создания стратегического резерва уделялось большое внимание железнодорожному транспорту, его мобилизационной готовности. В 1939 г. был значительно увеличен парк вагонов, локомотивов и мотовозов. В связи с тем что осенью 1938 г. во время оккупации Судетской области обнаружился недостаток вагонов для перевозки войск, была разработана программа ускоренного строительства 6 тыс. локомотивов, 10 тыс. пассажирских и

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 11

² Там же, стр. 76.

³ Там же.

120 тыс. товарных и багажных вагонов, а также 17 300 автомобилей с прицепами¹.

В гитлеровских планах подготовки к «молниеносной войне» особое внимание уделялось моторизации страны. Был чрезвычайно расширен автомобильный парк Германии. Только в течение одного года, с середины 1938 до середины 1939 г., количество автомобилей в стране увеличилось на 15,8%. В 1939 г. Германия, включая оккупированные территории, имела огромный автомобильный парк, насчитывавший более 4 млн. автомашин.

Обеспечение автомобильного парка горючим улучшилось в связи с употреблением газа, образующегося при перегонке синтетическим путем угля в бензин. Значительная часть автотранспорта была снабжена газовыми двигателями. Густая сеть складов по снабжению транспорта газом покрыла всю страну.

Учитывая опыт первой мировой войны, гитлеровцы уделяли большое внимание продовольственному вопросу. Для регулирования продовольственного снабжения был создан государственный «продовольственный комитет» («Reichsnährstand»), подчиненный министерству продовольствия. Одновременно были созданы продовольственные комитеты земель и провинций, а также специальное объединение, которое занималось созданием запасов продовольствия и нормированием его распределения. Прилагались большие усилия для увеличения производства сельскохозяйственной продукции и регулирования ее распределения с целью создания стратегических резервов и перестройки продовольственного обеспечения в соответствии с потребностями войны. В связи с этим в период войны потребовались лишь небольшие дополнительные мероприятия, завершившие перестройку продовольственного аппарата в условиях военного времени². Фашистское госу-

¹ Как отмечает один из авторов сборника «Итоги второй мировой войны», уделив особое внимание мотору, лидеры фашистской Германии первоначально недооценили значение железнодорожного транспорта. В связи с этим в 1939 г. в Германии паровозов было меньше, чем в кайзеровской Германии. «Итоги второй мировой войны», стр. 402.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 49.

дарство сконцентрировало в своих руках все продовольственное снабжение и ценой сокращения народного потребления создавало военные запасы.

Нацистские власти принимали меры, ограничивающие потребление продовольствия. Например, в течение двух предвоенных лет запрещалось откармливать скот хлебными злаками. Осенью 1939 г. в Германии был собран хороший урожай, который лишь на 7% был ниже рекордного урожая 1938 г.¹ Чтобы преодолеть трудности в уборке урожая, вызванные мобилизацией рабочей силы в армию и отливом иностранных сезонных сельскохозяйственных рабочих (поляков) в связи с обострением германо-польских отношений, для уборки урожая были привлечены солдаты вермахта, организации «Трудового фронта», студенты, для которых была введена четырехнедельная трудовая повинность, учащиеся школ, а также большое количество городских рабочих².

Благодаря чрезвычайным мерам запасы зерна в Германии к сентябрю 1939 г. достигли высокой цифры — 8,6 млн. *т*³. В 1938 г. Германия импортировала 1,35 млн. *т* зерна, которое полностью было использовано для увеличения продовольственных запасов.

Был создан государственный резерв картофеля в 2 млн. *т*, который обеспечивал снабжение населения картофелем до следующего урожая 1940 г. Запасы сахара составляли 1,66 млн. *т*, т. е. $\frac{1}{3}$ годового потребления⁴. Запасы сырья для производства маргарина покрывали годовую потребность мирного времени.

Для создания продовольственных резервов накануне войны была введена карточная система на все виды продовольствия (кроме картофеля). Это было продолжением политики регулирования потребления населения, которая получила название «пушки вместо масла». По обеспечению населения продовольственными

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 53.

² Там же.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 63.

товарами Германия занимала одно из последних мест в Европе.

В германских правящих кругах детально обсуждались вопросы снижения прожиточного минимума населения как важнейшего условия создания продовольственных резервов. Фашистские экономисты усиленно трудились над тем, «до какого уровня может быть сокращено народное потребление в случае войны». Вслед за своим «фюрером» они утверждали, что «прожиточный минимум в большей степени зависит от политических, чем от чисто экономических соображений».

Значительные усилия прилагали гитлеровцы к тому, чтобы преодолеть все более обострившиеся экономические трудности, а также создать стратегические резервы сырья и продовольствия посредством развития внешней торговли. Система поощрительных премий, субсидирование торговых фирм, политика демпинга приняли еще более широкие размеры. Выступая 30 января 1939 г. в «Спортпаласе», Гитлер говорил: «Германия должна экспортировать или умереть»¹.

Несмотря на чрезвычайные меры, направленные на поощрение внешней торговли, Германия встретила с рядом трудностей. Ее внешнеторговый баланс становился все более пассивным. Система безналичных расчетов (клиринга), которую гитлеровцам удалось навязать реакционным правительствам ряда европейских и latino-американских стран, все более дискредитировала себя.

Экономический кризис 1937 г., поразивший экономику капиталистических стран, и последовавшая затем депрессия мешали развитию внешнеторговой экспансии германского империализма. Обострившаяся конкурентная борьба германских и англо-франко-американских империалистов на мировых рынках часто заканчивалась поражением Германии. Вследствие указанных причин, а также потому, что Германия, переключившая свою промышленность на подготовку к войне, не могла поставлять достаточное количество товаров на внешний рынок, ее экспорт в 1938 г.

¹ «Völkischer Beobachter», 31.I.1939.

снизились на 531 млн. марок, а в I квартале 1939 г. — еще на 5,8%¹.

Следующая таблица характеризует развитие германской внешней торговли с 1933 по 1939 г.² (Германия в границах 1937 г.).

| Годы | Ввоз (в млн. марок) | Вывоз | Сальдо |
|----------------|---------------------|-------|--------|
| 1933 | 4 146 | 4 751 | + 605 |
| 1934 | 4 385 | 4 060 | - 325 |
| 1935 | 4 088 | 4 162 | + 74 |
| 1936 | 4 144 | 4 660 | + 516 |
| 1937 | 5 375 | 5 788 | + 413 |
| 1938 | 5 449 | 5 257 | - 192 |
| 1939 г., I кв. | 1 289 | 1 262 | - 27 |

В последующие месяцы 1939 г. и до начала второй мировой войны германский экспорт уменьшился еще больше.

Однако, несмотря на сокращение экспорта, германский импорт, как об этом свидетельствует приведенная таблица, имел тенденцию к повышению. В действительности ввоз Германией сырья и других товаров был значительно выше, так как в связи с обострившимся новым экономическим кризисом цены на сырье на мировых рынках в середине 1938 г. в сравнении с 1937 г. понизились на 8%. В целом в 1938 г. Германия импортировала товаров на 10% больше, чем в предвоенном 1913 г. В первом же квартале 1939 г. в связи с сокращением стоимости ввоза Германия фактически ввезла товаров на 6% больше, чем в соответствующий период предыдущего года³. По мере приближения войны Германия сокращала импорт продовольственных товаров, вместе с тем увеличился ввоз масличных и технических культур, шерсти и промышленного сырья.

¹ «Der Vierjahresplan», Januar 1939, S. 32.

² Там же.

³ «Deutschlands wirtschaftliche Lage in der Jahresmitte 1939», S. 34.

Чудовищное напряжение, с которым работала почти полностью военизированная немецкая промышленность, усиленный импорт привели к тому, что фашистская Германия располагала в 1939 г. значительными запасами стратегического сырья. Эти запасы могли удовлетворить в течение трех—шести месяцев потребности германской экономики и вермахта в условиях войны. Так, имеющиеся в стране запасы хрома, вольфрама и железной руды были рассчитаны на восемь—десять месяцев, а марганца—даже на 18¹. Гитлеровцы были уверены, что созданные резервы продовольствия и стратегического сырья обеспечат возможность одержать победу в планируемой ими «молниеносной войне».

Колоссальное расширение военного производства, создание массового вермахта имели своим следствием недостаток квалифицированной рабочей силы в Германии. Для пополнения контингента рабочей силы гитлеровцы в принудительном порядке мобилизовали многочисленную армию безработных, ремесленников, мелких торговцев и домохозяек.

Для нужд германской военной машины работали также трудящиеся оккупированных Германией стран. Только в течение одного года, с мая 1938 по май 1939 г., число рабочих, занятых в военном производстве Германии, увеличилось на 1 250 тыс. человек. В течение последних предвоенных лет более 100 тыс. ремесленников, сотни тысяч владельцев мелких предприятий и мелких торговцев пополнили кадры пролетариата. Однако потребности в рабочей силе были столь велики, что даже эти крайние меры не спасали положение. В 1939 г. промышленности недоставало 631 тыс. рабочих. Наибольший спрос на квалифицированную рабочую силу наблюдался в металлообрабатывающей промышленности, непосредственно удовлетворявшей нужды вермахта.

Столь же остро ощущался недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве. Правительство фашистской Германии под диктовку монополий усиливало военно-

¹ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 26—27.

каторжный режим на предприятиях и стремилось восполнить недостаток рабочей силы посредством усиления эксплуатации, увеличения рабочего дня и других драконовских мер.

Накануне войны в Германии была проведена «тотальная мобилизация» рабочей силы. 13 февраля 1939 г. было издано специальное «Распоряжение об обеспечении потребностей в рабочей силе для выполнения задач особого государственно-политического значения».

Министру труда предоставлялись широкие полномочия в деле использования рабочей силы. Вводилась трудовая повинность для женщин¹. Число работающих женщин в конце июля 1939 г. составляло 7 170 тыс. человек, т. е. на 680 тыс. человек больше, чем за соответствующий период 1938 г.² (женщины еще до начала войны составляли $\frac{1}{3}$ рабочих и служащих Германии). Распоряжением от 22 апреля 1939 г. был пересмотрен порядок выдачи рабочих книжек. Теперь они выдавались более широкой массе трудящихся, а также ремесленникам, мелким торговцам, которых принуждали идти на военные предприятия³. Этими распоряжениями узаконивался и получал дальнейшее развитие военно-каторжный режим для рабочих, установленный гитлеровским правительством и монополиями. Рабочие всех отраслей народного хозяйства окончательно закреплялись за предприятиями и лишались права без согласия владельца (фюрера) менять место работы. Отменялись все распоряжения о предоставлении отпусков рабочим. Специальным распоряжением правительства было отменено ограничение рабочего времени. В то же время замораживалась заработная плата, отменялись надбавки за сверхурочную работу, за работу в воскресные и праздничные дни и в ночное время.

Перед началом войны усилилось прочесывание предприятий, не имевших непосредственного отношения к войне, и перевод рабочих на предприятия военной

¹ См. «Итоги второй мировой войны», стр. 482.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 21.

³ Там же, стр. 22.

промышленности. Создавались военизированные отряды трудовой повинности, которые превращались в строительные батальоны¹. В фашистском ведомстве труда были разработаны подробные планы использования в военном производстве детей, стариков, военнопленных и гражданского населения, насильственно угнанного с оккупированных территорий.

Осуществление грандиозной программы вооружения, увеличение импорта стратегического сырья требовали огромных финансовых затрат. Как говорил Гитлер в своей речи в фашистском рейхстаге 1 сентября 1939 г., Германия за шесть предвоенных лет израсходовала на вооружение колоссальную сумму — 90 млрд. марок. Однако приведенная цифра включает только прямые военные расходы, предусмотренные государственным бюджетом. В действительности же затраты на военные цели были значительно выше. Тогдашний министр финансов Шверин-Крозиг признавал, что «в Германии не существовало строгого разграничения между военными и гражданскими расходами. Целый ряд расходов гражданских ведомств были в действительности военными расходами»².

¹ См. «Итоги второй мировой войны», стр. 482.

² Там же, стр. 433—434.

Ныне ряд бывших деятелей фашистского режима, а также западногерманские реакционные экономисты и историки, стремясь реабилитировать гитлеровский режим и снять с Германии ответственность за подготовку и развязывание войны, посредством фальсификации фактов пытаются преуменьшить расходы Германии на военные цели в 1933—1939 гг. Например, бывший президент германского рейхсбанка военный преступник Шахт в своих мемуарах пытается почти в 2 раза уменьшить германские военные расходы за 1938/39 г. Бывший министр финансов фашистского рейха Шверин-Крозиг также пытается на $\frac{1}{3}$ уменьшить военные расходы Германии. Шверин-Крозиг утверждает, что на военные цели было израсходовано только 60 млрд. марок. Буржуазные фальсификаторы истории утверждают, что цифру 90 млрд. марок Гитлер назвал будто бы только исключительно в пропагандистских целях. В действительности ценой безудержной эксплуатации трудящихся масс, грабительской торговой политики, а также с помощью огромных американских и английских займов германские империалисты за время фашистской диктатуры израсходовали на военные цели колоссальные денежные средства.

К концу 1938 — началу 1939 г. прежние методы финансирования вооружения оказались недостаточными. Захват золотого запаса Австрии лишь ненадолго облегчил финансовые трудности Германии. Выпущенный в 1938 г. четвертый имперский заем не дал удовлетворительных результатов. Он был выпущен в то время, когда предыдущий заем еще не был полностью реализован и залежался в банках¹.

В конце 1938 г. в рейхсбанке не было больше денег, которые можно было использовать для финансирования вооружения; кассовый дефицит достиг 1 млрд. марок. Угроза инфляции надвигалась на Германию. Правительство должно было погасить срочно «мефо-векселя» на 3 млрд. марок. Владельцы военных предприятий отказывались покупать фиктивные «мефо-векселя» и, опасаясь инфляции, грозились вернуть их в рейхсбанк.

Шверин-Крозиг с тревогой сообщал Гитлеру о росте государственного долга. «К 31 декабря 1932 г. консолидированный текущий государственный долг, — писал он, — 10,4 млрд. рейхсмарок, текущий долг — 2,1 млрд. рейхсмарок... К 30 июня 1938 г. консолидированный текущий государственный долг — 19 млрд. рейхсмарок, текущий долг — 3,5 млрд. рейхсмарок, долг, не подписанный государством (т. е. по торговым операциям и счетам «мефо»), — 13,3 млрд. рейхсмарок. Всего к 31 декабря 1932 г. — 12,5 млрд. рейхсмарок, а к 30 июня 1938 г. — 35,8 млрд. рейхсмарок»².

С целью преодоления финансового кризиса и изыскания средств для дальнейшего финансирования вооружения гитлеровцы в 1938 г. осуществили ряд мероприятий. В первую очередь они усиливают налоговый пресс. Усиление налогового бремени было одним из основных источников милитаризации Германии.

Таблица, приведенная на стр. 485, показывает, что в 1938 г. налоговые поступления возросли более чем в 2 раза в сравнении с 1933 г.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 237, 290.

² «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VII, p. 474.

**Поступление государственных
и муниципальных налогов**

(в млн. марок)¹

| Годы | Всего | В том числе косвенные |
|------|----------|--------------------------|
| 1933 | 10 571,1 | 1 714,6 |
| 1934 | 11 894,7 | 2 100,6 |
| 1935 | 13 365,1 | 2 225,4 |
| 1936 | 15 537,4 | 2 315,8 |
| 1937 | 18 599,1 | 2 541,8 |
| 1938 | 22 848,8 | 2 828,5 |
| 1939 | 27 209,3 | 3 643,1 |

Другим источником финансирования вооружений являлся непрерывно усиливавшийся выпуск займов и облигаций, которые насильственно навязывались населению.

Государственный выпуск займов в Германии²
(в млрд. марок)

| Бюджетные годы | Займы | Бюджетные годы | Займы |
|-------------------|-------|-------------------|-------|
| 1933/34 | 0,4 | 1936/37 | 5,6 |
| 1934/35 | 0,4 | 1937/38 | 5,5 |
| 1935/36 | 6,4 | 1938/39 | 11,2 |

Одной из мер, принятых правительством для изыскания новых средств на вооружение и предотвращения надвигавшейся инфляции, было ограбление еврейского населения. На основании позорных нюрнбергских декретов 1935 г. евреи сгонялись в гетто и подвергались

¹ См. «Статистические данные по экономике Германии 1933—1943 гг. Всесоюзная торговая палата. Информационно-экономический отдел», стр. 5.

² См. А. М. Алексеев, Военные финансы капиталистических государств, М., 1952, стр. 69.

физическому истреблению. Теперь гитлеровцы, используя покушение в Париже на советника германской миссии фон Рата, решили захватить имущество еврейского населения. Один из главарей гестапо, Гейдрих, послал всем отделам гестапо и службы безопасности телеграфное распоряжение провести 9 и 10 ноября 1938 г. «стихийные» антиеврейские выступления. На евреев был наложен колоссальный штраф в 1 млрд. марок. Геринг аннулировал их иски к страховым компаниям о возмещении ущерба, причиненного во время погромов¹. Около 30 тыс. евреев было арестовано и брошено в концентрационные лагеря. 12 ноября 1938 г. на специальном совещании Геринг, Функ, Гейдрих, Геббельс и другие разработали программу «ариизации» собственности еврейского населения, конфискации имущества и т. д.

Подводя итоги этой акции, Геринг сообщал «Имперскому совету обороны», что критическое состояние имперской казны, вызванное перевооружением, было облегчено «благодаря миллиардному штрафу, наложенному на евреев, и благодаря доходам, полученным Германией в результате ариизации еврейских предприятий»². Как признал Геринг на Нюрнбергском процессе, «на этих операциях гаулейтеры и другие деятели фашистской партии нажили миллионные состояния»³.

Но мобилизованных таким путем средств хватило ненадолго. Финансовое положение Германии продолжало оставаться напряженным. В конце 1938 г. Шверин-Крозиг заявил о невозможности гарантировать оплату «мефо-векселей» и предложил рейхсбанку выдать их владельцам долговые обязательства. Данное предложение вызвало решительное возражение президента рейхсбанка Шахта, считавшего подобную меру «неслыханным» делом. По мнению гитлеровского министра, такие действия подрывали бы «авторитет государства, так как стала бы очевидной его финансовая неплатежеспособность.

¹ «Reichsgesetzblatt», 1938, Т. II, S. 1579—1582.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 1903, л. 35.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 34, л. 211.

Было бы обнаружено, что империя израсходовала свои деньги на другие цели, на вооружение»¹.

Шахт пишет, что он и директорат рейхсбанка стремились помешать разоблачению гитлеровской политики вооружения и подготовки войны. 2 января 1939 г. он посетил Гитлера в Оберзальцберге и изложил ему свою точку зрения. 7 января 1939 г. Шахт от имени директората рейхсбанка направил Гитлеру памятную записку (меморандум) о финансовом положении Германии. «К концу 1938 г., — говорилось в записке, — валютное и финансовое положение достигло критического состояния, и это обязывает нас просить принять такие чрезвычайные меры, которые дали бы возможность устранить грозящую инфляцию».

Прежняя система финансирования вооружения посредством выпуска «мефо-векселей» оправдывала себя до перехода к осуществлению программы непосредственной подготовки к войне. Расширение производства, вовлечение в него миллионов неквалифицированных рабочих, плохое качество материалов, а также ухудшение качества продукции, сокращение производства товаров широкого потребления привели к сильному росту заработной платы и цен. «Этот рост цен и заработной платы, — указывалось далее в меморандуме, — особенно ярко проявился за последние 10 месяцев 1938 г., начиная с марта и в течение всего периода австрийской и судетской акций и проводившихся в связи с ними мероприятий. Однако, — продолжал далее Шахт, — наиболее серьезную угрозу для валюты представляют беспредельные расходы государства. Неограниченное разбухание государственных расходов подрывает всякую попытку упорядочения государственного бюджета и, несмотря на колоссальное увеличение налогового пресса, приводит государственные финансы на грань катастрофы и расшатывает тем самым устой эмиссионного банка и валюты».

В меморандуме отмечалось, что рейхсбанк больше не может придумать такого гениального рецепта или системы денежного обращения и финансирования, которые

¹ *H. Schacht, Abrechnung mit Hitler, S. 24.*

могли бы затормозить разрушительное действие военных расходов на экономическое положение страны. Вследствие дефицита денег в кассах казначейства министр финансов вынужден был затыкать брешь в государственном бюджете посредством инфляционных средств, т. е. увеличением выпуска бумажных денег.

«Предъявление «мефо-векселей» к оплате рейхсбанку на сумму 6 млрд. марок, — писал Шахт, — приведет к инфляции, и тогда искусное и рискованное сооружение, построенное рейхсбанком для финансирования вооружения, будет потрясено в самом своем основании»¹.

Президент рейхсбанка указывал, что дальнейшее финансирование импорта стратегического сырья сопряжено с большими трудностями: «Рейхсбанк не имеет больше золотых или девизных резервов. Резко увеличивается превышение ввоза над вывозом. Экспорт не достигает более стоимости необходимого нам импорта. Истрачены резервы, образовавшиеся благодаря присоединению Австрии и изъятию иностранных ценных бумаг и германских золотых монет... Девизные разрешения, выдаваемые для оплаты ввоза органами валютного контроля, в подавляющей части не могут покрываться более поступлениями девиз и подвергаются опасности не быть оплаченными из-за недостатка в них. Тем самым был бы тогда прекращен также и последний кредит, предоставляемый нам за границей для импорта товаров»².

Особую тревогу у германских банкиров вызывал колоссальный рост в 1938 г. выпуска бумажных денег. Если с 1 января 1933 по 1 марта 1938 г. количество банкнот в обращении увеличилось с 3 560 млн. марок до 5 278 млн. марок (на 1,7 млн. марок), то с 1 марта по 31 декабря 1938 г. количество банкнот в обращении увеличилось до 8 223 млн. марок, т. е. на 2 млрд. марок (не считая денежного обращения Австрии и Судетской области). Следовательно, за последние десять месяцев 1938 г. количество бумажных денег, выпущенных

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 148.

² Там же.

в обращение, было более значительным, чем за все предыдущее пятилетие. Кроме того, правительство планировало дальнейшее увеличение выпуска необеспеченных бумажных денег, т. е. финансирование вооружения посредством инфляции, что ложилось тяжелым бременем прежде всего на трудящиеся массы населения. Дирекция германского рейхсбанка предупреждала об угрозе инфляции, что было чревато тяжелыми последствиями для гитлеровского режима.

7 января директора рейхсбанка выступили с меморандумом, в котором заявляли, что, сотрудничая с фашистским режимом, они делали «все для достижения поставленных высоких целей», т. е. для вооружения фашистского рейха. С целью стабилизации финансового положения они рекомендовали установить полный контроль рейхсбанка над денежными расходами, зарплатой и ценами¹. Меморандум подписали восемь членов директората рейхсбанка: Шахт, Крейзе, Хюльзе, Фокке, Эрхардт, Пуль, Блестинг.

В тот же день министр хозяйства Функ в замечаниях о меморандуме дирекции рейхсбанка писал, что «с точки зрения фактов изложенное в общем соответствует действительности».

9 января 1939 г. Шахт ушел в отставку с поста президента и члена директората рейхсбанка². Апологеты Шахта пытаются теперь изобразить эту отставку как проявление «оппозиции» германской финансовой олигархии гитлеровскому режиму, даже как проявление ее стремления предотвратить войну. Однако Эмиль Пуль, сменивший Шахта на посту директора рейхсбанка, высказал впоследствии на Нюрнбергском процессе гораздо более трезвое суждение. «Когда Шахт увидел, — заявил Пуль, — что опасная ситуация, которую он санкционировал, становится все более неразрешимой (надвигалась инфляция. — В. Ф.), он все сильнее стремился выпутаться»³.

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 149.

² Официально об отставке Шахта было объявлено 20 января 1939 г. Уйдя в отставку, Шахт оставался до 1943 г. членом кабинета Гитлера в качестве министра без портфеля.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1954, л. 150.

Пресса фашистской Германии в свое время объясняла отставку Шахта необходимостью сосредоточить руководство германской экономикой в одних руках, а также тем, что отныне Шахт призван был к выполнению новых задач—разработке планов экономической организации «новой Европы». В финансовых кругах западных держав отставка Шахта была встречена с беспокойством. И это не случайно. Президент рейхсбанка являлся связующим звеном между правящей кликой фашистской Германии и американо-английскими монополиями, т. е. теми силами международной реакции, которые вскормили фашистскую агрессию и стремились направить ее на Восток, против СССР. Шахт был одним из вдохновителей этой антисоветской политики. Однако обострившиеся империалистические противоречия привели к тому, что гитлеровцы вынуждены были считаться с возможностью войны прежде всего против Англии и Франции. Для выполнения этой задачи фашистской клике нужны были другие лица. Так, английская «Дейли телеграф»¹ писала, что отставка Шахта, занимавшего ключевые позиции в германской экономике, свидетельствовала об ухудшении экономических и финансовых отношений Германии с западными державами. Так же оценивала отставку Шахта и газета «Финанциал таймс»². Орган немецких финансистов еженедельник «Ди банк», характеризуя отношение иностранной прессы к отставке Шахта, признавал, что в иностранных кругах рассматривают отставку Шахта как свидетельство ухудшения экономического и финансового положения Германии³.

Наиболее откровенно выразила взгляды международных финансовых кругов польская реакционная газета «АБЦ». Высказывая сожаление по поводу отставки Шахта, она писала: «Шахт был человеком, умеющим вести дела с международными финансистами. Он был связующим звеном между нацистами и финансово-экономическими сферами. Шахт — это возможность раз-

¹ «The Daily Telegraph», 21.I.1939.

² «The Financial Times», 21.I.1939.

³ «Die Bank», 25.I.1939.

вития связей с западными государствами, располагающими запасами золота». На основании этого газета делала выводы, что «удаление Шахта означает сожжение за собой мостов к международному капиталу и продолжение вооружения любой ценой. Но эта политика вооружения, — заключала газета, — может продолжаться недолго, должна наступить развязка»¹. Такой развязкой была война. Как свидетельствуют приведенные высказывания, многие из этих буржуазных газет были довольно близки к истине в оценке причин отставки Шахта.

Для того чтобы обеспечить финансирование новой колоссальной программы вооружения, в 1939 г. гитлеровцы осуществили ряд чрезвычайных мер. 20 марта 1939 г. был издан закон, подписанный Гитлером, Шверин-Крозигом и В. Функом, «О финансировании национально-политических задач империи»². Этим законом провозглашалось введение в Германии с 1 апреля «нового финансового плана» — плана непосредственного перевода экономики Германии на военные рельсы³.

План предусматривал значительное увеличение средств на финансирование вооружения. Источниками новых ассигнований являлись увеличение продолжительности рабочего дня, поднятие производительности труда рабочих, усиление ограбления оккупированных территорий, рост государственных налогов и пошлин, выпуск бумажных денег и займов.

Фашистская пресса стремилась представить «новый финансовый план» как чудодейственное средство, как панацею от угрозы финансового и экономического банкротства, перед которой оказалась фашистская Германия в результате милитаризации страны⁴.

Немалую роль в спасении Германии от нависшей над ней угрозы финансовой катастрофы сыграла международная финансовая олигархия. Опасаясь банкротства

¹ «ABC», 27.I.1939.

² «Reichsgesetzblatt», 1939, Т. I.

³ Материалы о новом финансовом плане, см. «Wirtschafts-Nachrichten. Reichswirtschaftsministerium», Berlin, 6.IV.1939, N 82.

⁴ «Frankfurter Zeitung», 11.IV.1939.

гитлеровского режима, международные монополии, в первую очередь английские и американские, оказали помощь Германии в преодолении финансового кризиса. Они выдали ей значительный золотой запас Чехословакии (24 млн. ф. ст.), который хранился в английском банке и банке международных расчетов в Базеле¹. Поддержка международных банкиров облегчила финансовое положение фашистской Германии, так как в это время ее казна была совершенно пуста.

В июне 1939 г. в Берлине состоялось международное совещание по финансовым вопросам, в котором приняли участие ведущие представители деловых кругов США; Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Швейцарии и Швеции. Германские монополисты были весьма довольны результатами этого совещания. В то же время министр хозяйства Функ активизировал переговоры с Англией о предоставлении Германии займа в сумме 100 млн. ф. ст.²

Затем Функ добился обмена на золото доли капиталов рейхсбанка, находившихся в руках иностранных государств. В июле 1939 г. он принял участие в конференции международного валютного банка, происходившей в Базеле. Он дал указание рейхсбанку приобретать золото за счет имевшихся заграничных активов.

Перед началом войны Функ хвастливо заявил Гитлеру, что чрезвычайные мероприятия, проведенные им, спасли Германию от угрожавшей ей финансовой катастрофы. Он писал: «Благодаря мерам, которые я принял в последние месяцы, мне удалось усилить позиции рейхсбанка настолько, что никакие потрясения в международных финансах и кредите не смогут сказаться на нас... В то же время я обменял на золото весь фонд рейхсбанка и все доходы от германской торговли с границей, на которые можно было наложить руку»³. Далее он излагал свои предложения по дальнейшему изъятию из продажи предметов потребления, сокращению расходов на общественные работы, не имеющие

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 46, л. 368.

² Там же.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 8, л. 352.

военного значения. В заключение письма говорилось, что «мы сможем без серьезных потрясений в области финансов и экономики пережить испытания войны»¹.

Однако, несмотря на такое бахвальство Функа, финансовое положение Германии летом и осенью 1939 г. продолжало оставаться напряженным. В конце мая 1939 г. денежное обращение Германии достигло 10 722 млн. марок, т. е. в течение только пяти месяцев осуществления так называемых чрезвычайных мероприятий по финансированию вооружения оно возросло на 2 499 млн. марок². С июня и до конца августа 1939 г. денежное обращение увеличилось еще на 2 млрд. марок, а сумма кредитов под ценные бумаги и прочие активы увеличились за то же время на 2,24 млрд. марок³. Это свидетельствовало о том, что инфляция была в полном разгаре.

Государственный долг Германии накануне войны достиг астрономической цифры. Он поднялся с 38 млрд. марок в 1938 г. до 47,7 млрд. марок и составлял 43,3% всех денег, находившихся в обращении. Но для того чтобы составить полную картину о задолженности государства, необходимо учесть долг земель и общин, который был равен 12,7 млрд. марок. Таким образом, весь государственный долг Германии к началу войны составлял 60 млрд. марок, т. е. $\frac{2}{3}$ всех средств, израсходованных ею на вооружение в 1933—1939 гг.⁴

Эти факты свидетельствуют о том, насколько шаткой была финансовая база фашистской Германии накануне второй мировой войны. Нацистские руководители на секретных совещаниях признавали факт тяжелого финансового положения Германии и настаивали на развязывании войны с тем, чтобы посредством ограб-

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 8, л. 352.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/46», S. 156.

³ В эту сумму входит валюта Судетской области Чехословакии — 712,6 млн. марок и Клайпеды — 350 млн. марок, т. е. всего 1062 млн. марок. В остальных районах Чехословакии продолжала находиться в обращении крона, которая контролировалась рейхсбанком.

⁴ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 155.

ления народов других стран поправить свое экономическое положение и спасти фашистский режим от неминуемого краха. Надвигающаяся экономическая катастрофа ставила под угрозу дальнейшее существование гитлеровского режима, подрывала его престиж. Выход из этого трудного положения гитлеровцы искали в ускорении агрессии. Опасения нацистов разделяли и иностранные дипломаты, аккредитованные в Берлине. 6 апреля 1939 г. советник английского посольства в Берлине О. Форбс сообщал в Лондон: «Ни в коем случае нельзя исключать того, что Гитлер прибегнет к войне, чтобы положить конец тому несносному положению, в которое он поставил себя своей экономической политикой»¹. Посол Великобритании Н. Гендерсон сообщал Галифаксу в письме от 6 мая 1939 г.: «Сможет ли она (т. е. фашистская Германия. — В. Ф.) пережить еще одну зиму без краха? А если нет, то не предпочтет ли Гитлер войну экономической катастрофе?»²

Страх перед надвигавшимся экономическим кризисом, который нельзя было предотвратить даже переводом экономики на военные рельсы, был одной из причин, побудивших Гитлера и стоявших за ним магнатов монополистического капитала спешить с развязыванием мировой войны.

«Расходы на военные и прочие государственные нужды к 1939 г., — пишет Мюллер-Гиллебранд, — пришли в такое несоответствие с излишками гражданского хозяйства, что военная экономика должна была вестись за счет выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становилась совершенно неизбежной. Создалось такое положение, из которого только «прыжок в войну» мог считаться единственным спасением...»³

В 1939 г. в фашистской Германии был осуществлен ряд важнейших мероприятий, усиливавших централизацию государственного аппарата, были изданы законы и распоряжения, завершавшие подготовку страны

¹ DBFP, Ser. III, vol. V, Doc. N 51, Append., p. 103.

² Там же, стр. 456.

³ В. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 162.

к агрессивной войне. В речи 14 октября 1939 г. Функ, характеризуя мероприятия, проведенные гитлеровцами в деле централизации административного аппарата, говорил, что подготовка войны проводилась в течение более чем одного года «главным образом посредством создания аппарата для руководства выполнением особо важных задач в случае начала войны».

Этот государственный аппарат выступал в роли исполнительного органа наиболее агрессивных групп германского монополистического капитала, которые использовали его для подготовки агрессии против других народов, а также для усиления эксплуатации трудящихся масс и террористической расправы с антифашистами. К моменту возникновения войны в фашистской Германии еще больше усилился процесс сращивания государственного аппарата с монополиями. В важнейших отраслях экономики, имеющих особенно важное военное значение, руководители объединений монополистов были наделены неограниченными полномочиями. В августе 1938 г. торговые и промышленные палаты были преобразованы в военно-экономические отделы.

Еще в декабре 1938 г. было назначено 87 военно-экономических «фюреров» для руководства военной экономикой. На эти посты назначались германские монополисты, руководители военно-экономических палат, генеральные директора немецких калийных синдикатов, рурских химических концернов, саарские шахтовладельцы¹. В январе 1939 г. президенты промышленных и торговых палат были введены в состав военно-экономических комитетов.

Активизировался так называемый Имперский совет обороны, который координировал деятельность всех германских ведомств по подготовке к войне. 18 ноября 1938 г. под председательством Геринга происходило одно из заседаний совета. Здесь присутствовали все имперские министры и статс-секретари, главнокомандующие сухопутными и военно-морскими силами,

¹ «Überblick über die Entwicklung der deutschen Kriegswirtschaftsorganisation und der Mob-Vorbereitung in der Zeit vom 1. XII. 1938—30. VI. 1939» (далее — «Überblick über die Entwicklung der deutschen Kriegswirtschaftsorganisation...»), S. 3—4.

начальники генеральных штабов трех родов войск, личный заместитель «фюрера» Борман, начальник полиции Далюге и др. С трехчасовой речью на заседании выступил Геринг.

«Генерал-фельдмаршал заявил, — как гласит протокол заседания, — что задачей «Совета по обороне империи» является координация всех сил нации для ускорения вооружения Германии»¹. Далее Геринг говорил о необходимости поднять производство вооружения в 3 раза.

Весьма важное значение имело заседание совета, происходившее 23 июня 1939 г., т. е. за три месяца до нападения фашистской Германии на Польшу. В этом заседании приняло участие около 70 человек. Главным вопросом, обсуждавшимся на данном заседании, был вопрос об обеспечении военной промышленности рабочей силой в условиях войны. В то время когда гитлеровцы на весь мир кричали о своем «миролюбии» в отношении Польши, «Имперский совет обороны» обсуждал вопрос об использовании на немецких военных заводах польских военнопленных и граждан других оккупированных территорий. В протоколе заседания говорилось: «Генеральному уполномоченному по экономике (Функу. — В. Ф.) поручается определить те виды работ, которые должны будут выполнять военнопленные, а также лица, остающиеся в тюрьмах, концлагерях и на каторге»². «По сведениям рейхсфюрера СС, — гласит далее протокол, — во время войны в концлагерях будет находиться значительно большее количество людей. По предварительным данным, в мастерских внутри концлагерей будет занято 20 тыс. заключенных»³.

Было также принято решение усилить принудительный вывоз рабочих из протектората (Чехословакии) для германской военной промышленности. На заседании было сообщено о том, что верховное командование вооруженных сил и генеральный уполномоченный по военной экономике 3 мая 1939 г. издали совместную

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 581.

² «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. VI, p. 727.

³ Там же.

директиву о создании объединенных комитетов планирования мобилизационной подготовки предприятий военной промышленности и о специальных мерах по усилению полицейской охраны военных предприятий.

С 1 декабря 1938 г. и до начала войны были изданы новые распоряжения, завершающие мобилизационную подготовку страны к войне. 11 января 1939 г. были изданы распоряжения о подготовке всех учреждений и предприятий к мобилизации («Mob-Fall»).

Таким образом, задолго до войны германские монополисты создали разветвленную сеть организаций и учреждений, которые обеспечили перевод всего хозяйства страны на военные рельсы еще в мирное время. Бывший министр финансов фашистской Германии Шверин-Крозиг пишет, что «во время войны Германия не нуждалась в создании новой организации, так как вся экономическая система, которая была неразрывно связана с финансовой политикой, могла быть оставлена без изменений»¹.

30 августа 1939 г., т. е. за два дня до начала второй мировой войны, в Германии был опубликован декрет о создании нового военного кабинета — «Совета министров по обороне империи». В качестве постоянных членов в совет входили Геринг, Гесс, Функ, Фрик, Кейтель. Председателем совета назначался Геринг. Этим декретом завершались последние мероприятия по подготовке страны к агрессивной войне. Новый военный кабинет, возникший на базе прежних военных кабинетов, являлся важнейшим руководящим государственным органом, практически подготовлявшим и осуществлявшим многочисленные преступления в отношении немецкого и других народов в годы второй мировой войны.

2. Развертывание вермахта для ведения агрессивной войны

В 1939 г. на базе подготовительных мероприятий, проведенных в предыдущие годы, завершилось форми-

¹ «Итоги второй мировой войны», стр. 425.

рование агрессивного немецкого вермахта. Захват Австрии и Судетской области дал возможность гитлеровцам значительно увеличить численность своих вооруженных сил. В Австрии было сформировано шесть соединений — два пехотных, два горнострелковых, одна танковая и одна легкая дивизии и одна дивизия в Судетской области¹. Включение австрийской армии в состав вермахта увеличило его офицерский состав на 1600 человек².

Ныне бывшие гитлеровские генералы, извращая факты, пытаются доказать, что будто бы фашистский вермахт в 1939 г. был вовсе не подготовлен для агрессивной войны, что только в силу ряда случайных обстоятельств, среди которых первостепенное место отводится «таланту» Гитлера как военачальника, он смог одержать свои первые победы. В действительности уже в 1938 г. в Германии началось осуществление скрытых мобилизационных мероприятий. Армейские части мирного времени доводились до штатов военного времени, формировались новые воинские соединения и армия резерва. В апреле 1939 г. резервисты старших возрастов получили повестки с вызовом на военные учения на осень. Из состава запаса происходило создание так называемых учебных соединений, т. е. дивизий 2-го и 3-го эшелонов³.

До начала войны в Германии было проведено до 120 предмобилизационных мероприятий⁴. 1 марта 1939 г. был принят новый мобилизационный план германских вооруженных сил на 1939—1940 гг., который предусматривал в течение нескольких дней увеличить личный состав армии на 3 млн. человек⁵. Этот план лег в основу

¹ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд*, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 77.

Как отмечает гитлеровский генерал Бутлар, в состав германской армии волилось шесть австрийских бригад. «Мировая война 1939—1945 гг.», М., 1957, стр. 504.

² См. там же, стр. 33.

³ *W. Erfurth*, Die Geschichte des deutschen Generalstabes., Bd. I, S. 205.

⁴ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд*, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 59.

⁵ Там же, стр. 66. Опасаясь, что указанный документ может сыграть важную роль в разоблачении агрессивных мероприятий

создания агрессивной сухопутной армии, с которой Германия и вступила во вторую мировую войну.

В 1939 г. в Германии была развернута ускоренная подготовка резервистов. Военнообязанные проходили двух- и трехмесячные сборы в учебных подразделениях по сокращенной программе. Усилилась подготовка скрытых резервов через различные военизированные фашистские организации: «Гитлерюгенд», «Национал-социалистский автомобильный корпус», «Национал-социалистский воздушный корпус», «Германский морской союз», через организации трудовой повинности и т. д.

Общая численность скрытых резервов, находившихся в постоянной готовности для развертывания вооруженных сил фашистской Германии, достигала 1 млн. 867 тыс. человек в год. За период с 1935 по 1939 г. таким путем было подготовлено до 5,5 млн. человек военнообученных контингентов. Как отмечает бывший гитлеровский генерал Бутлар, «подготовка личного состава рейхсвера была весьма тщательной и серьезной»¹.

К началу второй мировой войны Германия имела всего 103 воинских соединения, из них 52 дивизии первой очереди (39 пехотных, 3 горнострелковых, 5 танковых, 4 легких и 1 кавалерийская дивизии). Соединения второй очереди насчитывали 51 дивизию². Кроме того, было сформировано много дивизионных и корпусных частей и подразделений и частей резерва главного командования. Производилось ускоренное формирование территориальных частей (ландштурма). Как отмечал в своем дневнике начальник генерального штаба армии генерал Гальдер, к августу 1939 г. было создано 42 штаба полков ландштурма. Территориальные части

Германии, накануне краха фашистского рейха, 16 марта 1945 г., гитлеровцами была издана инструкция об уничтожении этого плана во всех воинских подразделениях.

¹ «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 504.

² См. там же.

Гитлеровский фельдмаршал Е. Манштейн сообщает, что в германской армии имелось шесть танковых дивизий. *Е. Manstein, Verlorene Siege, Bonn, 1955, S. 21.*

должны были выполнять главным образом охранные функции. 20 батальонов ландштурма намечалось расположить в протекторате (в оккупированной Чехословакии) и 20 батальонов предназначались для охраны лагерей военнопленных. По приказу Гитлера соединения СС «Мертвая голова» и отряды штурмовиков СА были подготовлены для выполнения полицейских функций в протекторате, а также для охраны лагерей военнопленных¹.

Всего германская сухопутная армия насчитывала 2 600 тыс. человек². В случае войны эта армия должна была служить основой для стратегического развертывания многочисленного вермахта. Германская армия по своей численности, боевому опыту, приобретенному в Испании, по количеству и качеству вооружения намного превосходила армии своих потенциальных противников — Франции и Англии.

К началу войны германская авиация насчитывала 4405 военных самолетов³. В 1939 г. в связи с перспективой войны с Англией и Францией гитлеровцы уделяли особое внимание военно-морскому строительству. Весной этого года была составлена грандиозная судостроительная программа — так называемый план Z, предусматривающая такое строительство военных кораблей, в том числе линкоров, авианосцев, которое позволило бы германскому военно-морскому флоту соперничать с английским и французским⁴. Но к началу войны к реализации этого плана только приступили. Германия имела 2 линейных крейсера, 3 броненосца («карманные линкоры»), 1 тяжелый крейсер, 6 легких крейсеров, 22 эсминца, 20 миноносцев и 57 подводных лодок⁵. Кроме того, строилось значительное число военных кораблей. Особое внимание гитлеровцы уделяли строительству подводных лодок⁶. Однако по своей численности германский военно-морской флот значительно уступал

¹ «Generaloberst F. Halders Tagebuch» (рукопись).

² E. Manstein, Verlorene Siege, S. 21.

³ См. «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 414.

⁴ См. Ф. Руге, Война на море 1939—1945 гг., стр. 54—55.

⁵ См. «Итоги второй мировой войны», стр. 158.

⁶ ЦГАОР, ф. 7445, д. 50, л. 17.

военно-морским флотам Англии и Франции. Об этом свидетельствует следующая таблица¹:

| | Германия | | Англия | | Франция | |
|-----------------------|----------|------------|---------|------------|---------|------------|
| | готовые | строящиеся | готовые | строящиеся | готовые | строящиеся |
| Линкоры | — | 4 | 12 | 7 | — | — |
| Линейные крейсера . . | 2 | — | 3 | — | 7 | 3 |
| Броненосцы | 3 | — | — | — | — | — |
| Авианосцы | — | 2 | 9 | 6 | 2 | 2 |
| Тяжелые крейсера . . | 1 | 4 | 15 | — | 19 | 3 |
| Легкие крейсера . . . | 6 | — | 49 | 19 | — | — |
| Эсминцы | 22 | 16 | 184 | 38 | 59 | 16 |
| Миноносцы | 20 | 10 | — | — | 12 | 14 |
| Подводные лодки . . . | 57 | 40 | 58 | 24 | 77 | 14 |

Германская промышленность обеспечивала армию первоклассным вооружением. «Соединения первой очереди, — пишет Бутлар, — были оснащены почти сплошь новейшей техникой, поэтому они имели перед соединениями сухопутных армий других европейских государств то преимущество, что располагали более высоким по качеству и, что очень важно, однотипным вооружением»².

Германская армия к 1939 г. была оснащена вооружением, отвечающим гитлеровским авантюристическим планам «молниеносной войны», а также моторизованными средствами передвижения. К началу войны она получила на вооружение легкотранспортируемые 50-миллиметровые и тяжелые 81-миллиметровые минометы³.

Перед войной вместо прежних легких танков (Т-I и Т-II) армия стала перевооружаться средними танками Т-III и Т-IV, которые по своим боевым качествам превосходили танки других армий капиталистических стран⁴. Идея Гудериана о создании танковых армий

¹ «Итоги второй мировой войны», стр. 158.

² «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 504.

³ См. «Итоги второй мировой войны», стр. 300.

⁴ Н. Guderian, *Erinnerungen eines Soldaten*, S. 30.

как важнейшего оружия победы в «молниеносной войне» была подхвачена и реализована германскими милитаристами.

Авиационные соединения также были оснащены новейшими образцами самолетов. В 1939 г. авиационные части получили на вооружение средние бомбардировщики типа «хейнкель-III», «дорнье-17». В авиации широко внедрялись бомбардировщики «Ю-84» и «Ю-88», истребители «мессершмитт-109», разведчик «мессершмитт-110»¹.

Вермахт был обеспечен вооружением и боеприпасами для войны с самыми могущественными противниками фашистской Германии. Очередным извращением фактов является заявление Мюллера-Гиллебранда, будто «запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным»².

В действительности в 1939 г. германская промышленность полностью обеспечивала вермахт оружием и боеприпасами; в стране были созданы также определенные стратегические резервы вооружения и боеприпасов. Только в 1938 г. в Германии производилось ежемесячно в среднем 5,5 тыс. *т* пороха и 7,5 тыс. *т* других взрывчатых веществ, а в 1940 г., в период активных военных действий на Западе, эта цифра возросла только в полтора раза³. О том, что германская армия была в достаточной степени обеспечена вооружением и боеприпасами, свидетельствует также и тот факт, что уже в ходе войны с Польшей, в середине сентября 1939 г., Гитлер планировал начать в октябре — ноябре 1939 г. решительное наступление на Западе против Франции и Англии⁴.

В мае 1938 г. началось строительство укреплений вдоль западной границы Германии⁵. В течение одного

¹ См. «Итоги второй мировой войны», стр. 312.

² Б. Мюллер-Гиллебранд, Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг., т. I, стр. 161.

³ См. «Промышленность Германии в период войны 1939—1945 гг.», стр. 31.

⁴ E. Manstein, Verlorene Siege, S. 78.

⁵ W. Görnitz, Der deutsche Generalstab., S. 486.

года должна была появиться вдоль всей западной границы Германии — от Аахена до Базеля — непрерывная линия «непреступных» укреплений, которая была запроектирована гитлеровцами под названием «Западного вала». Строительство было поручено специальной организации под руководством создателя германских автострад Тодта. Летом 1939 г. на строительстве западных укреплений было занято 158 тыс. человек из организации «Тодта», 58 тыс. человек из трудовых лагерей Лея, а также значительное число саперных батальонов вермахта¹.

23 мая 1939 г. на совещании у Гитлера было объявлено, что начальнику оперативного отдела ОКВ генералу Йодлю поручено создать из офицеров армии, флота и военно-воздушных сил специальный исследовательский штаб для «интеллектуальной подготовки операций»², т. е. специальный орган для психологической подготовки вермахта к войне.

По мере приближения агрессивной войны все более усиливалась роль главного штаба верховного командования вооруженных сил (ОКВ). В 1938—1939 гг. правительством фашистской Германии был издан ряд секретных распоряжений, согласно которым усиливалась роль военных органов в руководстве подготовкой страны к агрессии.

В положении о функциях главного штаба верховного командования вооруженных сил (ОКВ), утвержденном правительством Германии 30 мая 1938 г., говорилось, что в деле подготовки и ведения войны вся полнота полномочий принадлежит не правительству и не военному министру (военное министерство было упразднено 4 февраля 1938 г.), а главному штабу верховного командования (ОКВ) и его начальнику, который «пользуется высшими правами в сравнении со всеми другими верховными органами», персонально «отвечает за выполнение всех задач, стоящих перед верховным командованием». Ему, а также «главнокомандующим родов

¹ См. *Б. Мюллер-Гиллебранд*, *Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.*, т. I, стр. 47.

² *W. Görnitz*, *Der deutsche Generalstab*., S. 490,

вооруженных сил передаются полномочия всех высших учреждений Германии», включая «право отступать от существующих постановлений административного порядка, от бюджета, а также от распоряжений и в исключительных случаях от законов»¹.

В этом документе о функциях главного штаба фактически повторялись положения первого закона «Об обороне империи» от 21 мая 1935 г., по которому с введением военного положения и после начала войны исполнительная власть в стране передавалась военным властям, а на театрах военных действий — командующим войсками. Все другие ведомства Германии обязаны были всемерно содействовать осуществлению директив главного штаба.

Планируя «молниеносную войну», гитлеровцы учитывали благоприятно складывающуюся для них международную обстановку, нежелание правительств Англии, Франции и США, поощрявших германскую агрессию против Советского Союза, серьезно отстаивать дело мира и безопасности народов. Как позже признавали гитлеровские генералы, если бы Германия в 1939 г. встретила с активным противодействием западных держав, она еще в то время потерпела бы тяжелое поражение². Но этого противодействия не было оказано, и немецко-фашистские империалисты, развязав агрессивную войну, смогли одержать ряд крупных побед над армиями капиталистических государств.

3. Создание военного союза («Стальной пакт»)

Завершая в 1939 г. предмобилизационные мероприятия, гитлеровцы одновременно развили большую активность по созданию и укреплению военно-политического блока агрессивных государств. Антисоветские замыслы германских империалистов, а также все более вырисовывающаяся перспектива войны за мировое

¹ Г. А. Деборин, Г. Ф. Заставенко, Б. С. Тельпуховский, О причинах поражения германского империализма в двух мировых войнах. «Вопросы истории» № 5, 1959, стр. 35.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 222.

господство с Англией и Францией побуждали гитлеровцев искать союзников по агрессии.

С другой стороны, Япония и Италия ввиду слабости их военно-экономического потенциала для реализации своей захватнической программы нуждались в поддержке более мощного империалистического хищника, каким являлась Германия.

Несмотря на существовавшие между ними противоречия, которые особенно остро проявлялись в странах Юго-Восточной Европы и на Дальнем Востоке, Германия прилагает большие усилия для того, чтобы превратить антикоминтерновский пакт в трехсторонний военный союз, направленный как против СССР, так и против своих главных империалистических соперников — Англии и Франции. В первую очередь фашистская Германия предпринимает попытку заключить военный союз с Италией. Уже во время посещения Рима вскоре после Мюнхенской конференции, 28 октября 1938 г., Риббентроп в беседе с Муссолини и Чиано вновь поднял вопрос о заключении военного пакта, о котором речь шла в Мюнхене¹.

Гитлеровцы добивались того, чтобы пакт охватил все вопросы экономических, военных и политических отношений Германии с Италией. Гитлеровские дипломаты настойчиво подчеркивали антианглийскую и антифранцузскую направленность пакта. Муссолини охотно поддержал предложение Риббентропа, так как осенью 1938 г. особенно обострились итало-французские отношения. Однако он предупреждал, что ввиду своей военной слабости Италия не готова к вступлению в войну с западными державами в ближайшее время.

В конце 1938 г. происходили оживленные переговоры между генеральными штабами Германии и Италии, которые еще более полно раскрывают характер и цели подготавливаемого военного союза. 30 ноября 1938 г. Кейтель передал Риббентропу для информации составленную им по указанию Гитлера инструкцию делегации ОКВ, которой она должна была руководствоваться во время переговоров с итальянским генеральным штабом.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 452.

В инструкции подчеркивалось, что основное острие подготавливаемого германо-итальянского военного союза должно быть направлено против Англии и Франции и лишь только на следующем этапе, после их разгрома, против Советского Союза. Темой переговоров, говорилось в инструкции, должна быть «война Германии и Италии против Франции и Англии с целью уничтожения Франции и ослабления Англии»¹.

В отличие от антикоминтерновского пакта антианглийская и антифранцузская направленность подготавливаемого военного союза подчеркивалась более определенно. Эта тенденция по мере дальнейшего обострения межимпериалистических противоречий все более выступала на первое место в планах германских милитаристов.

Захват фашистской Германией Чехословакии, заключение кабального экономического договора с Румынией, аннексия Клайпеды были восприняты правящей кликой фашистской Италии с большим беспокойством. В то время как ее союзник по агрессивной «оси» Германия совершала один за другим захваты в Европе, Италия оставалась с пустыми руками, к тому же германский империализм, проникая в страны Юго-Восточной Европы, вытеснял Италию из ее традиционных сфер влияния.

Весной 1939 г. Италия предпринимает попытку укрепить свои связи с государствами Юго-Восточной и Восточной Европы и получить некоторую компенсацию за содействие агрессивной политике Германии. С этой целью Муссолини пытался опереться на проектируемый им блок государств Юго-Восточной Европы с участием Польши. 25 февраля Чиано посетил Варшаву. Польское правительство связывало большие надежды с этим визитом. Официальная пресса отмечала большие заслуги Польши перед фашистской Италией, в частности указывалось, что Польша первая отменила санкции против Италии и в 1937 г. первая признала итальянского короля королем Абиссинии². Отражая точку зрения правительства, «Газета польска» писала о гар-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 464.

² «Gazeta Polska», 24.II.1939.

монии интересов Италии и Польши в Юго-Восточной Европе и о возможности решения важнейших проблем в этом районе на основе польско-итальянского сотрудничества.

Правительство фашистской Германии внимательно следило за переговорами Чиано в Варшаве и решительно пресекало всякие попытки сепаратного итало-польского сговора. Итальянский журналист германofil Гайда, сопровождавший Чиано в Польшу, скептически оценивая в своих корреспонденциях перспективы итало-польского сотрудничества, отмечал, что политическое, военное и культурное сотрудничество с Германией образует основу итальянской политики. «Фолькишер беобахтер» перекликалась с Гайдой и, ссылаясь на его статьи, писала, что «эти итальянские голоса необходимы потому, что некоторые польские круги в связи с посещением Варшавы итальянским министром иностранных дел пытаются придать итало-польской дружбе преувеличенное значение»¹. Далее фашистский официоз предупреждал правительство Италии, что «всякая политическая активность в других районах возможна только во взаимодействии со всей «осью»², т. е. с Германией. Визит Чиано в Варшаву не дал сколько-нибудь заметных результатов. Муссолини, выслушав пессимистический доклад Чиано, назвал Польшу «пустым орехом»³.

После захвата Германией всей Чехословакии итальянский посол в Берлине во время беседы с Гитлером 20 марта 1939 г. прямо заявил, что, по его мнению, и Италия должна кое-что получить⁴. В эти дни в иностранной печати распространялось множество всевозможных слухов, что после захвата Богемии и Моравии Германия по словацкому образцу намерена решить хорватский вопрос, т. е. превратить югославскую Хорватию в свой протекторат, а также захватить часть Тироля, входившую в состав Италии.

¹ «Völkischer Beobachter», 1.III.1939.

² Там же.

³ «The Chiano Diaries», p. 36.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 46.

В марте — апреле 1939 г. эти вопросы занимали важное место в итало-германских переговорах и часто создавали напряженность в отношениях между этими двумя агрессорами. В одной из бесед с германским послом Чиано заявил, что югославская Хорватия принадлежит исключительно к сфере интересов Италии. 31 марта Аттолико по возвращении из Рима в беседе с Вейцекером говорил, что Германия не считается со своими партнерами по «оси» и информирует их о своих планах только в последнюю минуту. Для того чтобы успокоить своего главного союзника по агрессии, Риббентроп был вынужден 20 марта 1939 г. направить Чиано успокоительное письмо. Он писал о незаинтересованности Германии в Хорватии, а также в Тироле. «Южные границы рейха, — писал Риббентроп, — являются окончательными», и Германия не будет вмешиваться в «сферу итальянских средиземноморских интересов». Риббентроп просил Чиано поставить об этом в известность Муссолини¹. Таким образом, до поры до времени гитлеровцы согласились разграничить сферы экспансии с итальянскими империалистами.

Используя поддержку фашистской Германии, а также благосклонное отношение правительств Англии и Франции, Италия решила захватить Албанию и тем самым получить соответствующую компенсацию. После получения информации о предстоящем нападении Италии на Албанию Риббентроп 5 мая просил германского посла в Риме информировать итальянское правительство, что Германия «в принципе приветствует намерение Италии»². 6 апреля Аттолико сообщил Вейцекеру, что итальянские войска вступили в Албанию³. С помощью своей «пятой колонны» в Албании Италия смогла относительно быстро подавить сопротивление албанского народа и оккупировать страну. Этот агрессивный акт итальянского империализма также не встретил противодействия со стороны правительств западных держав.

В конце 1938 — начале 1939 г. возникли затруднения в итало-германских экономических отношениях.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 48.

² Там же, стр. 160.

³ Там же, стр. 171—172.

В связи с подготовкой к войне и обострением англо-франко-германских противоречий усиливались экономические связи Италии с Германией. Италия почти полностью переключила свою внешнюю торговлю на страны Юго-Восточной Европы и Германию. С 1937 г. особенно усиливается проникновение германского империализма в итальянскую экономику. В предвоенные годы доля Германии в итальянском импорте увеличилась почти вдвое, а доля Англии, Франции и США резко упала. Наиболее слабым местом предвоенной итальянской экономики являлось почти полное отсутствие угля и нефти. Италия импортировала 80% угля и 95% нефти, 60% железа и стали, 99% хлопка и меди, а также никель, олово, каучук¹. Запасы стратегического сырья были исчерпаны еще во время войны в Абиссинии и Испании, поэтому Германия начала поставлять уголь в Италию. Немецкие монополии фактически установили свой контроль над итальянской экономикой.

Захватив Австрию и Чехословакию, Германия еще больше усилила свое экономическое проникновение в Италию. Австрия вела оживленную торговлю с Италией, и значительная доля ее экспорта и импорта шла через Италию. На ряд итальянских товаров в Австрии была введена система предпочтительных пошлин. Подписанное 28 мая 1938 г. германо-итальянское платежное соглашение включало итало-австрийскую торговлю в сферу товарооборота Германии с Италией. Подобное же соглашение было подписано 12 ноября 1938 г. о Судетской области².

Однако в германо-итальянских торговых отношениях возник ряд трудностей, вызванных тем, что Италия не имела иностранной валюты для оплаты поставок германского угля и вооружения. Германия использовала это обстоятельство для оказания политического давления на Италию.

В конце 1938 — начале 1939 г. происходили оживленные секретные германо-итальянские экономические переговоры. 1 декабря 1938 г. в Риме состоялось

¹ См. С. Вишнеv, Военная экономика фашистской Италии, М., 1946, стр. 16—18.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 451, 452.

секретное заседание германо-итальянских торговых комитетов, обсуждавшее вопрос об экономических отношениях между двумя странами в случае возникновения войны¹. В начале января 1939 г. министр экономики Германии Функ посетил Рим и вел переговоры с Муссолини и Чиано, а также министром финансов о развитии германо-итальянской торговли². Итальянское правительство заявило об отсутствии свободных девиз, которыми оно могло бы оплачивать увеличившиеся германские поставки угля и военных материалов. Оно предложило создать экономическую «ось», которая должна была дополнить политическую «ось Рим—Берлин». Подобная «ось» дала бы Италии возможность производить оплату германских поставок посредством системы клиринга.

Подписанный 3 февраля 1939 г. в Риме германо-итальянский секретный торговый протокол касался лишь частного вопроса о поставке авиационных торпед в Италию и оплаты этих поставок итальянскими товарами³. Фашистская Германия продолжала использовать экономическую слабость Италии для ее политического подчинения. С этой целью она под различными предложениями сокращала поставки ей угля и других товаров.

Оказывая экономический и политический нажим на Италию, фашистская Германия стремилась заставить ее принять участие в агрессивной войне на своей стороне еще до завершения перевооружения итальянской армии. 15—16 апреля 1939 г. Рим посетил Геринг. В беседах с Муссолини и Чиано они подвергли подробному анализу все проблемы германо-итальянских отношений. Пытаясь успокоить итальянское правительство, встревоженное перспективой развязывания гитлеровцами европейской войны, Геринг лицемерно заверил своих собеседников, что Германия в текущем году не намеревается предпринимать какой-либо крупной акции в Европе.

После разрыва Германией 28 апреля 1939 г. морского соглашения с Англией и договора о ненападении

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 452.

² Там же, стр. 482—483.

³ Там же, стр. 504—505.

с Польшей подготовка заключения военного пакта с Италией была ускорена. С этой целью 6 мая 1939 г. Риббентроп посетил Милан и во время переговоров с Чиано обсудил проект подготовляемого договора о военном союзе¹. В начале мая обе стороны выработали программу этих переговоров. В «Указаниях», разработанных МИД для германской делегации, главный упор делался на необходимость убедить итальянское правительство, что Германия не собирается в ближайшее время развязать европейскую войну. Муссолини в свою очередь поручил Чиано заверить Риббентропа, что переговоры Италии с Францией и Англией, а также итало-английское соглашение от 16 апреля 1938 г. не имеют существенного значения².

В Милане Чиано сформулировал требования Италии к Франции, о которых уже неоднократно шла речь во время итало-германских переговоров: передача Италии Туниса, Корсики, участие Италии в управлении Суэцким каналом и др.³. Однако Чиано сделал оговорку, что Италия в связи с временной экономической слабостью вынуждена будет воздержаться от развязывания войны в ближайшее время⁴. Пытаясь во что бы то ни стало склонить Италию к заключению договора о военном союзе, Риббентроп убеждал Чиано, что Германия рассматривает свой конфликт с Польшей только как «локальный» или, в худшем случае, как «малую войну» и что этот конфликт не приведет к вмешательству западных держав. Риббентроп говорил далее, что Германия стремится пережить пятилетний «мирный период», который она намеревается использовать для завершения вооружения⁵, строительства военно-морского флота, подготовки офицерских кадров. Он подчеркивал, что в случае возникновения конфликта Германии с западными

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 366; *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. II, S. 305—307.

² Макензен передавал в Берлин, что английский посол в Риме сообщил итальянскому правительству о согласии Англии признать аннексию Италией Абиссинии.

³ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 366.

⁴ Там же, стр. 366—367.

⁵ *Chiano*, *Archives Secretes*, p. 282.

державами война не начнется в районе Средиземного моря.

В проекте договора о военном союзе, представленном во время переговоров германской стороной, речь шла не о всесторонней взаимной военной поддержке, а только о том случае, если Англия и Франция вместе нападут на Италию или Германию¹.

Риббентроп вернулся из Милана в полной уверенности, что Италия является союзницей фашистской Германии в случае германской агрессии против Польши и возникновения войны. Как заметил в своих мемуарах Вейцзекер, Риббентроп сказал ему, что «Польша больше не составляет серьезной проблемы для Германии»².

После миланских переговоров были созданы многочисленные итало-германские комиссии, которые занимались практической подготовкой условий пакта. Эти комиссии стремились предварительно устранить ряд спорных вопросов, существовавших между Германией и Италией³. Так, например, Аттолико, представлявший Италию в одной из комиссий, настаивал на включении в пакт пункта о гарантии итальянской границы у Бреннера, а также заявления Германии о ее согласии на выселение немцев из Южного Тироля. Германский представитель в комиссии советник министерства иностранных дел Гаус возражал против включения подобного пункта в договор. Германия согласилась только на создание комиссии, которая должна была подготовить выселение немцев из Южного Тироля.

Важное место в германо-итальянских переговорах о заключении военного союза занимал вопрос о вовлечении в него третьего члена фашистской «оси» — империалистической Японии. Во время переговоров с Чиано в Милане Риббентроп говорил, что итало-германский договор о военном союзе должен быть сформулирован

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 316.*

² *E. Weizsäcker, Erinnerungen, S. 228.*

³ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 326.*

так, чтобы можно было привлечь к его подписанию Японию, а позднее и другие государства¹.

Японские империалисты, развязав войну на Дальнем Востоке, захватив Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), а затем вторгшись в Северный Китай, стремились установить свое господство в Восточной Азии. Важнейшее место в захватнических планах Японии уделялось завоеванию Советского Дальнего Востока и Сибири. Захват Северо-Восточного Китая рассматривался ею не только как этап в порабощении всей страны, но и как создание плацдарма для войны против СССР.

Для осуществления своей агрессивной программы японские империалисты стремились заручиться поддержкой Германии. Вскоре после заключения антикоминтерновского пакта в июле — августе 1938 г. Япония провоцирует нападение на Советский Союз в районе озера Хасан. Этот агрессивный акт был совершен японской военщиной для того, чтобы прощупать мощь социалистического государства и захватить стратегические пункты, господствующие над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и Приморью. После того как эта провокация потерпела провал, японские империалисты стали более настойчиво добиваться соглашения с Германией с целью заключения антисоветского военного союза.

Переговоры о заключении японо-германского военного союза велись с начала 1938 г. В январе 1938 г. в беседе с японским военным атташе Осима Риббентроп говорил о стремлении Германии установить более тесные отношения с Японией².

Германо-японские переговоры продолжались в течение всего лета 1938 г. Один из активных участников этих переговоров, генерал Осима, на Токийском процессе главных японских военных преступников показал,

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 326.*

² См. *Л. Кудашев, Из истории германо-японских отношений накануне второй мировой войны. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», М., 1959, стр. 217.*

что инструкции, полученные им от японского генерального штаба в июне 1938 г., предусматривали заключение союза, направленного целиком против СССР¹.

В правящих кругах Японии с января по август 1939 г. вопрос о заключении подобного пакта поднимался 60 раз². Однако во время переговоров между правительствами Японии и Германии возникли разногласия. Япония вынуждена была проявлять большую осторожность в отношениях с Англией, Францией и США, несмотря на то что правительства западных империалистических держав осуществляли и на Дальнем Востоке политику так называемого невмешательства, политику поощрения японской агрессии против Советского Союза³. Япония нуждалась для продолжения войны с Китаем и для освоения захваченных районов в английских и французских займах, в поставке военных и стратегических материалов из США.

Если фашистская Германия стремилась направить подготавливаемый военный союз с Италией и Японией против всех своих потенциальных противников, то Япония добивалась заключения пакта, направленного главным образом против Советского Союза. Между германскими и японскими империалистами существовал и ряд других противоречий. Фашистская Германия претендовала на возвращение своих бывших колониальных владений — островов в Тихом океане, находившихся под мандатом Японии, против чего решительно возражала японская военщина, превратившая их в свои военно-морские базы. Происходившие в 1938 г. германо-японские переговоры (между германским послом в Токио Дирксеном и министром иностранных дел Хирота, а также между Риббентропом и японским послом Того) оказались безрезультатными⁴.

¹ См. М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, *Международный процесс главных японских военных преступников*, М.—Л., 1950, приложение № 5, стр. 242.

² См. Б. Родов, *Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941 гг.*, М., 1951, стр. 21—22.

³ См. «*Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1945)*», М., 1951, стр. 454.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. I, S. 670, 671, 692.

Интересы Германии и Японии сталкивались также в Китае. Между кликой Чан Кай-ши и гитлеровцами существовали тесные политические и экономические связи. Германия имела в Китае свою военную миссию, одно время возглавлявшуюся генералом Сектом, которая занималась организацией походов против китайской Красной Армии. Германия снабжала Чан Кай-ши оружием. Немецкие монополии имели в этом районе значительные экономические интересы, и порабощение Китая Японией наносило ущерб их экономическим позициям. По размерам капиталовложений в Китае Германия находилась в 1937 г. на третьем месте (после Японии и Англии). Товарооборот Германии с Китаем возрос с 56 млн. долл. в 1934 г. до 93,2 млн. долл. в 1937 г., а ее доля во внешней торговле Китая поднялась с 6,4% до 9,6%¹. Германия приобретала в Китае стратегическое сырье (олово, вольфрам), текстильное сырье и продовольствие в обмен на поставки оружия.

Только после длительных японо-германских переговоров в феврале 1938 г. Германия признала японское марионеточное «государство» в Китае Манчжоу-Го и в июне отозвала своих военных советников и прекратила поставки вооружения Чан Кай-ши². В обмен на эти уступки гитлеровцы добивались от Японии предоставления Германии преимущественных прав на торговлю и других привилегий в оккупированных районах Китая. Они неоднократно пытались использовать затруднительное экономическое положение Японии в связи с затяжной войной в Китае для совместного участия в грабеже и эксплуатации китайского народа. 21 декабря 1938 г. Риббентроп имел специальную беседу с японским послом Осима о совместной эксплуатации Китая³. Экономический отдел МИД Германии составил обзорную записку о германском проникновении в Китай и о переговорах с Японией по данному вопросу⁴.

¹ См. Л. Кудашев, Из истории японо-германских отношений накануне второй мировой войны. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», стр. 199.

² См. там же, стр. 201.

³ ADAP, Ser. D, Bd. IV, S. 609.

⁴ Там же.

Однако Япония не спешила привлекать Германию к участию в эксплуатации оккупированной части Китая. В феврале 1939 г. начальник экономического отдела МИД Германии Виль отмечал, что он пригласил к себе японского посла и снова напомнил ему, что Германия ожидает ответа от Японии на свои предложения о германо-японском экономическом сотрудничестве в Китае, направленном против третьих стран¹. Несмотря на такую настойчивость Германии, японские милитаристы не желали допустить ее к участию в эксплуатации захваченной ими территории Китая.

Стремление Германии приступить к реализации своей обширной агрессивной программы, которая была чревата перспективой возникновения европейской войны, толкало ее к активизации переговоров о заключении военного пакта не только с Италией, но также и с Японией, которая своей активностью в бассейне Тихого океана должна была отвлечь внимание западных держав от событий в Европе и облегчить осуществление германских планов.

Для оказания давления на Японию Германия использовала Италию. В октябре 1938 г. Муссолини имел беседу с японским послом в Берлине Осима о трехстороннем военном пакте². Генерал Осима, один из активных сторонников германо-итало-японского военного союза, заверял гитлеровцев и Муссолини о принципиальном согласии японского правительства заключить подобный трехсторонний военно-политический пакт.

Гитлеровцы первоначально намеревались приурочить подписание германо-итало-японского военного договора ко дню шестилетнего юбилея фашистской диктатуры в Германии — 30 января 1939 г. Риббентроп в письме Чиано от 9 января 1939 г. сообщал, что он завершил редактирование текста пакта и секретного дополнительного протокола к нему, которые будут переданы послам Аттолико и Осима. Риббентроп приглашал Чиано приехать к этому времени в Берлин³. Муссоли-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. IV S. 609.

² Там же, стр. 475.

³ Там же, стр. 480.

ни также устраивала указанная дата, так как в это время в Рим должны были прибыть с официальным визитом Чемберлен и Галифакс, и он хотел во время переговоров с ними продемонстрировать сплоченность держав агрессивного блока. Однако оптимизм Риббентропа и Муссолини оказался преждевременным. Попросту они были введены в заблуждение самонадеянным японским послом. Осима направил в Токио специальным курьером проект пакта и текст секретных приложений к нему¹, но представленный проект противоречил внешнеполитическому курсу японского правительства, не желавшего вступать на данном этапе в вооруженный конфликт с западными державами. Уже 13 января Вейцекер отмечал в памятной записке, что Япония задерживает ответ о сроке подписания пакта².

29 января германский посол в Токио Отт сообщал в Берлин, что заседание японского кабинета, где будет обсуждаться проект пакта, состоится в ближайшие дни и что по имеющимся сведениям, полученным им из военных кругов, германо-итало-японский пакт может быть заключен не ранее чем через два месяца³. Он отмечал, что вопреки германскому проекту «официально пакт будет направлен против России и только в секретном протоколе может идти речь о его направленности против третьих стран»⁴. В другом донесении в Берлин от 14 марта 1939 г. Отт сообщал, что Япония стоит перед выбором: либо направить свою экспансию против СССР, либо против западных держав. К подписанию пакта с Германией правящие круги Японии, по его словам, подходят с точки зрения того, насколько он облегчит достижение их целей в Азии. Отт отмечал, что особенно большое значение имеет экономическая зависимость Японии от Соединенных Штатов Америки. В связи с этим правящие круги Японии больше внимания уделяют возможности войны против Советского Союза совместно с Германией на двух фронтах.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 280.

² Там же, стр. 611.

³ Там же, стр. 612.

⁴ Там же.

В феврале 1939 г. в Берлин и Рим была направлена специальная японская миссия во главе с Ито для переговоров о заключении пакта¹.

Только в начале апреля в Берлине и Риме наконец-то был получен проект договора о военном союзе, составленный японским правительством. Однако оно снова предлагало ограничить пакт исключительно сотрудничеством трех держав в войне против Советского Союза. Англия, Франция и США не должны были включаться в сферу военного пакта². Принц Коноэ в своих мемуарах отмечает, что «это был план превращения трехстороннего пакта «Антикоминтерн», который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР»³. Японское правительство предлагало сделать соответствующее заявление правительствам Англии, Франции и США.

26 апреля 1939 г. Риббентроп в письме послу в Токио Отту изложил историю затянувшихся германо-итало-японских переговоров о заключении военного союза. Он подчеркивал основные разногласия, выявившиеся во время этих переговоров, которые завели их в тупик⁴. В телеграмме на имя Отта в апреле 1939 г. Риббентроп писал, что японцы «просили определенного согласия германского правительства на то, чтобы после подписания и опубликования пакта они смогли бы сделать заявление английскому, французскому и американскому послам примерно следующего содержания: «Пакт возник из пакта «Антикоминтерн». Договаривающиеся стороны рассматривали при этом Россию как врага; Англия, Франция и Америка не должны опасаться этого пакта»⁵.

Но гитлеровцы не желали больше подписывать общие декларации и маскировать свои империалисти-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 615.

² ADAP, Ser. D, Bd. IV. S. 280.

³ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, *Международный процесс главных японских военных преступников*, приложение № 5, стр. 242.

⁴ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 281.

⁵ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, *Международный процесс главных японских военных преступников*, приложение № 5, стр. 242.

ческие цели. Они добивались создания реального военного союза, который мог бы стать важным фактором в осуществлении новых агрессивных актов в Европе. Германию, все более делавшую ставку на войну со своими основными империалистическими соперниками — Англией и Францией, не мог удовлетворить пакт, предложенный Японией. Гитлеровцы все более отодвигали на второй план войну с Советским Союзом и намеревались начать ее только после овладения военно-экономическим потенциалом остальных стран Европы.

Не добившись заключения военного союза на трехсторонней основе, гитлеровцы решили ограничиться заключением военного союза с Италией. 8 мая 1939 г., как отмечает в своих мемуарах статс-секретарь германского МИД Вейцзекер, к нему зашел японский посол Осима, который сказал, что ему стало известно, что Германия и Италия собираются заключить сепаратный пакт без участия Японии. Он заметил, что подобный акт вызовет сенсацию¹. Однако гитлеровцы не вняли этому предупреждению. Они считали, что заключение итало-германского военного союза окажет воздействие на правящие круги Японии и побудит их присоединиться к данному союзу. Текст итало-германского договора был сформулирован так, что он оставлял открытой такую возможность для Японии и других фашистских государств².

22 мая 1939 г. в Берлине в торжественной обстановке Чиано и Риббентроп подписали «Пакт о союзе и дружбе между Италией и Германией» («Стальной пакт»). Обе стороны обязались проводить согласованную политику, «сохранять постоянную связь друг с другом для обсуждения вопросов, затрагивающих их общие интересы»³. В статье 2-й речь шла о полной взаимной политической и дипломатической поддержке.

¹ *E. Weizsäcker, Erinnerungen, S. 220.*

² *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 317.*

³ «Dokumente der deutschen Politik», Bd. VII, т. I, N 14. *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 327.*

Статья 3-я обуславливала взаимную военную помощь «Если... одна из сторон окажется втянутой в войну с какой-нибудь третьей державой или рядом других держав, другая договаривающаяся сторона выступит тотчас же в качестве ее союзника и будет оказывать ей поддержку всеми военными средствами на суше, на море и в воздухе».

Статья 4-я предусматривала расширение между обеими странами сотрудничества в военной и экономической областях. Предполагалось создание специальной комиссии для координации усилий обеих сторон. Италия и Германия обязывались заключать перемирие или мир в случае совместного ведения войны только по обоюдному согласию.

Весь текст договора, несмотря на некоторые демагогические заверения, был пронизан агрессивным духом. В нем даже не было речи об установлении различия между нападением и обороной. Это был военный союз, заключенный в целях агрессии и войны.

Но это была только официальная, опубликованная часть германо-итальянского военного пакта. Спустя несколько дней специальные комиссии завершили разработку секретного протокола, который углублял договор, придавая ему еще более агрессивный характер. Этот протокол касался деятельности комиссий по военным и военно-экономическим вопросам, сотрудничества в области пропаганды и информации. Для осуществления этого сотрудничества в посольстве каждой из договаривающихся сторон назначались специальные чиновники, которые должны были поддерживать связь с соответствующими министерствами¹.

Вейцекер утверждает, что этот пакт в силу военной слабости Италии «имел больше символическое значение, чем реальную военную силу»², что его главной целью было поддержать престиж фашистской Германии и оказать воздействие на Францию и Англию. Однако в действительности этот военно-политический союз

¹ *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. II, S. 327.

² *E. Weizsäcker*, *Erinnerungen*, S. 227.

агрессоров имел явную антианглийскую и антифранцузскую направленность. Его подписание происходило под аккомпанемент антианглийской и антифранцузской пропаганды, которая велась прессой и радио Германии. Английский посол в Риме, признавая этот факт, писал в мае 1939 г. в Лондон: «...за этими криками о мире и справедливости скрывается жажда захвата колоний и источников сырья»¹.

Подписание «Стального пакта» знаменовало собой важнейший этап на пути завершения формирования агрессивного военного блока фашистских государств. Заключая договор о военном союзе с Италией, гитлеровцы стремились использовать его главным образом для шантажирования своих противников — Англии и Франции с тем, чтобы добиться от них побольше уступок и связать их вооруженные силы в районе Средиземного моря в случае возникновения войны в Европе. Гитлеровцы прекрасно понимали военную и экономическую слабость Италии. Как отмечает западногерманский историк М. Фрейд, «это была ирония истории, что Италия накануне войны, не имевшая стали для производства вооружения, назвала свой пакт с Германией «стальным». Но общеизвестно, что сталь сильнее бумаги»².

Фашистская Италия не была подготовлена к войне. Ее главари заявляли, что им необходим некоторый срок и значительные поставки военных материалов из Германии для подготовки своей армии. В то же время они не прекращали выражать свои алчные притязания в отношении стран Юго-Восточной Европы.

30 мая 1939 г. Муссолини направил Гитлеру меморандум, подготовленный и переданный в Берлин начальником штаба итальянской армии Кавальеро и потому получивший название «меморандума Кавальеро»³. В нем речь шла о том, что Италия нуждается: а) в трехлетнем мирном периоде (до 1942 г.) для завершения военной подготовки; б) что предстоящая война должна

¹ DBFP, Ser. III, vol. V., p. 67—68.

² M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 304.

³ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 513.

начаться не на Западе, а только на Востоке или Юго-Востоке Европы; в) уже в самом начале войны должны быть захвачены страны Дунайского бассейна и Балканского полуострова; г) Италия поставляет солдат, а Германия должна снабдить их вооружением.

«Меморандум Кавальеро» свидетельствует о том, что первоначальные итальянские планы агрессии претерпели определенные изменения. Теперь уже в них не шла речь о войне с Францией как о первоочередной задаче. Главный упор делался на войну против стран Юго-Восточной Европы и против Советского Союза. Эти планы Италии летом и осенью 1939 г. шли в разрез с военными планами фашистской Германии, которая все более определенно собиралась скрестить мечи с Англией и Францией. Характеризуя позицию Италии, Вейцзекер пишет, что «союзник заставлял иногда больше нервничать, чем враг»¹.

Зная военную слабость Италии, гитлеровцы мало считались с ее планами и ее значением как реального союзника в мировой войне. 6 июня 1939 г. итальянский посол в Берлине Аттолико сообщал в Рим, что Гитлер одобрил «меморандум Кавальеро» в той части, где речь идет об отсрочке вступления Италии в войну². Но, делая подобные многочисленные заверения, гитлеровцы в то же время считали, что они смогут в случае необходимости использовать хищнические устремления итальянских империалистов для того, чтобы вовлечь Италию в войну еще до завершения ею подготовки.

Если Германии относительно легко удалось вовлечь в свой военный блок фашистскую Италию, то значительно сложнее было положение с Японией. Выступая на совещании главнокомандующих 23 мая 1939 г., Гитлер признал: «Трудным вопросом является проблема Японии. Хотя в настоящее время Япония по различным причинам неохотно идет на сближение с нами, однако в ее собственных интересах заблаговременно выступить против России».

¹ *E. Weizsäcker*, *Erinnerungen*, S. 229.

² *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. II, S. 365.

Несмотря на все усилия, Германии не удалось в 1939 г. вовлечь Японию в войну. Правительства Англии, Франции и США, предоставившие Японии свободу рук для агрессии на Дальнем Востоке против Китая и Советского Союза, заключили с ней ряд политических и экономических соглашений, которые удерживали Японию от вступления в военный союз с Германией, направленный против западных держав. Только спустя полтора года после того, как Германия одержала ряд крупных побед в Европе и сокрушила Францию, 23 сентября 1940 г., был заключен германо-итало-японский тройственный военный союз.

4. Обострение империалистических противоречий и провал новых попыток сговора западных держав с фашистской Германией

Создание германо-итальянского военного блока явилось прямым следствием крайнего обострения межимпериалистических противоречий.

После первой мировой войны империалистам удавалось несколько сглаживать эти противоречия посредством сговора об ограблении побежденной Германии, а также Китая и других стран, закрепленного в Версальском договоре и Вашингтонском соглашении. Однако в конце 30-х годов в силу действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран соотношение сил в капиталистическом мире резко изменилось. В Германии на базе военного производства была расширена и обновлена промышленность, был восстановлен торговый флот, германские банки и концерны укрепили и расширили свои позиции. В годы фашистской диктатуры ускорился процесс концентрации капитала и рост монополий; господство трестов и картелей стало всеобъемлющим.

Германские концерны и тресты снова стали играть ведущую роль в международных монополистических объединениях. Крупнейший концерн «ИГ Фарбениндустри» объединял 500 компаний в 93 странах мира¹. В странах Латинской Америки имелось около 117 его

¹ См. Д. Аллен, Международные монополии, стр. 19.

филиалов и множество подконтрольных ему фирм, с помощью которых он вел конкурентную борьбу с монополиями США¹. Германия стремилась использовать свое участие в ведущих международных картелях для того, чтобы подчинить их своим интересам. Так, она использовала свое участие в международном стальном картеле, алюминиевом синдикате для увеличения производства стали, алюминия, химических продуктов в Германии и снижения производства в странах-конкурентах. Выросший и окрепший с помощью международного капитала, и в первую очередь империалистов США, германский империализм снова предъявил свои претензии. Он не желал таскать каштаны из огня для других, а выдвинул требование передела колоний, рынков сбыта, источников сырья и сфер приложения капиталов.

В 1938 г. германская промышленность вышла на первое место среди капиталистических стран Европы и в 1939 г. далеко превзошла их. Об этом свидетельствуют следующие данные:

**Промышленное производство
капиталистических стран Европы²**

| Страны | Добыча каменного угля (вместе с бурый) в млн. т | | Выплавка чугуна в млн. т | | Выплавка стали в млн. т | | Выплавка алюминия в тыс. т | |
|---|---|-------|--------------------------|------|-------------------------|------|----------------------------|-------|
| | годы | | | | | | | |
| | 1937 | 1939 | 1937 | 1939 | 1937 | 1939 | 1937 | 1939 |
| Германия (в границах соответствующих лет) | 240,0 | 251,6 | 16,0 | 17,5 | 19,8 | 22,5 | 127,6 | 199,5 |
| Англия | 244,0 | 235,0 | 8,6 | 8,1 | 13,2 | 13,4 | 19,3 | 25,4 |
| Франция | 45,0 | 49,8 | 7,9 | 7,4 | 7,9 | 7,9 | 34,5 | 52,5 |
| Италия | 1,5 | 2,4 | 0,8 | 1,1 | 2,3 | 2,3 | 22,9 | 34,2 |

¹ См. *Сестюли*, ИГ Фарбениндустри, стр. 18.

² По данным ЦСУ СССР. См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, М., 1960, стр. 160.

Если по уровню промышленного производства Германия вышла на второе место в капиталистическом мире, то по темпам роста промышленного производства она обогнала даже США.

Число рабочих, занятых в германской промышленности в 1939 г., превышало контингент промышленного пролетариата Англии и Франции, вместе взятых¹. В канун второй мировой войны промышленная мощь Германии намного превосходила ее экономический потенциал накануне первой мировой войны (в 1913 г.) и мощь ее вероятных противников — Англии и Франции. Об этом свидетельствует, например, выпуск товаров производственного назначения, имеющих решающее значение для укрепления военного потенциала страны.

Сравнительная таблица
выпуска товаров производственного назначения
(в млрд. германских марок, по ценам 1930 г.)²

| | 1913 | 1938 ³ |
|---|------|-------------------|
| Германия | 22,8 | 37,5 |
| Англия ⁴ | 20,4 | 25,4 |
| Франция ⁴ | 6,7 | 10,9 |
| Всего по странам враждебного империалистического блока | 27,1 | 36,3 |

Таким образом, если в 1913 г. по выпуску указанных товаров Германия значительно уступала Англии и Франции, вместе взятым, то в 1938—1939 гг. она превосходила их.

Развитая германская промышленность имела ряд преимуществ на мировых рынках в борьбе со своими конкурентами. На основе расширения военного производства Германия начала модернизировать свою промышленность; это позволяло ей производить товары дешевле и более высокого качества. Военно-каторжный

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 6.

² Там же, стр. 7.

³ Германия в границах 1939 г., включая захваченные территории Австрии, Чехословакии и Мемельской области.

⁴ Метрополии без колоний.

режим для рабочих, установленный германскими монополистами на предприятиях, а также государственные субсидии давали им возможность в целях завоевания рынков сбывать свои товары по более дешевым, а часто и по бросовым, демпинговым ценам.

В 1938 г. Германия после Великобритании и США заняла третье место в мировой торговле. Если в 1937 г. ее доля в мировой торговле составляла 9,4%, то в 1938 г. — 10,4%¹. После оккупации Чехословакии, рынки которой были также захвачены германскими империалистами, удельный вес Германии в мировой торговле возрос еще больше.

Повсюду: в странах Латинской Америки, на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Европе — в конце 30-х годов развернулась ожесточенная конкурентная борьба между монополиями США, Англии, Франции, с одной стороны, и Германии, Италии и Японии — с другой. Поразивший в начале 1937 г. ряд капиталистических стран новый экономический кризис еще больше обострил борьбу за рынки сбыта. Продукцию концернов «ИГ Фарбениндустри», Круппа, Тиссена и других с маркой «сделано в Германии» снова можно было встретить на рынках всего мира. Она усиленно конкурировала с товарами, которые производились Англией, Францией и США.

К началу второй мировой войны товарооборот Германии со странами Юго-Восточной Европы возрос более чем в 3 раза (1934 г. = 100)². Значительного успеха добилась Германия в торговле со странами Латинской Америки. Удельный вес стран Латинской Америки в импорте Германии в течение 1932—1938 гг. возрос с 11,2% до 15,6%, в то время как доля Англии в импорте этих стран значительно упала³. Используя клиринго-

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahresmitte 1939», S. 41.

² «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40». S. 40.

³ См. А. Кочетков, Англо-германское торговое соперничество накануне второй мировой войны. «Империалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», стр. 41.

вые соглашения в торговых расчетах со странами Юго-Восточной Европы и Латинской Америки, Германия подчиняла их не только экономически, но и политически.

Правительства Англии, США и Франции вынуждены были принимать срочные меры для защиты своих рынков от германской конкуренции. Статс-секретарь английского министерства внешней торговли Хадсон, выступая 30 ноября 1938 г. в палате общин, говорил: «Мы испробовали все доступные нам средства. Единственный путь, который нам остается, это организация всех отраслей нашей промышленности таким образом, чтобы они воссоединились в единое целое и могли бы выступить против соответствующих отраслей промышленности Германии и заявить ей следующее: если вы не хотите покончить с вашими теперешними методами и пойти на соглашение, по которому вы будете продавать товары по ценам, обеспечивающим разумную прибыль, то мы начнем с вами борьбу и побьем вас вашими же собственными методами»¹.

Для противодействия германской торговой экспансии, Англия усиливала имперскую систему преференций (предпочтительных пошлин), что затрудняло проникновение германских товаров в страны Британской империи². Империалисты Англии и Франции накануне войны в целях сохранения своих традиционных рынков также широко использовали политику цен против Германии (систему демпинга), блокировали закупленное ими стратегическое сырье и т. д.³

Правительство США 23 апреля 1939 г. ввело дополнительное обложение 25-процентной таможенной пошлиной всех ввозимых из Германии товаров⁴, что фактически прекратило товарооборот между ними. Значи-

¹ «Times», 3.XII.1938.

² См. А. Кочетков, Англо-германское торговое соперничество накануне второй мировой войны. «Империалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», стр. 26.

³ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 182.

⁴ Там же, стр. 36.

тельно сократился германский экспорт и в промышленно развитые европейские страны: во Францию в первом квартале 1939 г. по сравнению с соответствующим периодом 1938 г. — на 33,4%, в Англию — на 24,3%¹. В итоге принятых правительствами Англии, Франции и США мер в 1939 г. германская торговля с рядом стран, особенно со странами Британской империи и Латинской Америки, заметно сократилась.

Например, германский экспорт в Южную и Центральную Америку только в течение предвоенного года уменьшился не менее чем на 24,4%, а в Аргентину — на 28,5%. Сильно сократился также германский экспорт в Китай и Голландскую Индию (Индонезию. — В. Ф.). В то же время германский товарооборот со странами Юго-Восточной и Северной Европы значительно возрос. Из общего экспорта шведской железной руды в 1938 г. в Германию шло 8,4 млн. т, а в Англию — только 1,4 млн. т². В первом квартале 1939 г. германский экспорт в страны Северной и Восточной Европы был на 7,6%, а в страны Юго-Восточной Европы на 17,3% выше, чем в первом квартале 1938 г.³

Конкурентная борьба на мировых капиталистических рынках привела к образованию трех платежных систем, которые в значительной степени соответствовали складывавшимся империалистическим блокам государств.

1. «Долларовый блок», охватывавший США, Канаду, Бельгию, Голландию, Швейцарию. Во главе этого блока стояли Соединенные Штаты Америки.

2. «Стерлинговый блок», включавший страны так называемого Британского содружества наций, т. е. Британскую империю без Канады, Францию, Скандинавские и Прибалтийские страны, Португалию и Египет. Основными членами блока являлись Англия и Франция.

В третью платежную систему входили Германия и значительная часть стран Юго-Восточной Европы. По-

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 36.

² Там же, стр. 182.

³ Там же, стр. 36.

средством политики клиринговых и финансовых соглашений гитлеровцы смогли привязать ряд валют этих стран к германской марке. Однако в связи с финансовой слабостью Германии этот блок не мог объединить его участников на экономической основе. Такие государства, как Япония и Италия, ориентировались на различные блоки: Италия — на доллар, Япония — на фунт стерлингов.

Между основными участниками «долларового» и «стерлингового» блока после многолетней конкурентной борьбы в связи с необходимостью объединения усилий для отражения возросшей германской агрессии было заключено соглашение. «Долларовый» и «стерлинговый» блоки имели подавляющее преимущество перед германской маркой. Например, концентрация золотых запасов в конце 1939 г. в США достигла 16,6 млрд. долл., что составляло $\frac{2}{3}$ мировых запасов золота¹, в то время как германский золотой запас равнялся фактически нулю.

Державы «оси», исчерпав свои золотые запасы на вооружение, не могли выдержать длительной конкурентной борьбы на мировых рынках с Соединенными Штатами Америки, Англией и Францией и поэтому видели в войне единственное средство перераспределения мировых рынков и сфер влияния.

Проблема колоний являлась одним из острейших вопросов во взаимоотношениях Германии с Англией и Францией.

После поражения в первой мировой войне, в результате которой Германия утратила свои колониальные владения, большей частью перешедшие к Франции, Англии и ее доминионам, германские империалисты ни на минуту не прекращали борьбы за их возвращение. Эта борьба на разных этапах восстановления военной мощи Германии приобретала различную форму. В Германии продолжали существовать многочисленные колониальные союзы и общества, не прекращалась колониальная пропаганда и призывы реваншистов

¹ «Deutschlands wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1939/40», S. 141.

совершить новый бросок в Африку и в другие бывшие германские колонии¹.

Гитлеровцы, придя к власти, первоначально вынуждены были временно, до восстановления военной и экономической мощи Германии, маскировать колониальные притязания германского империализма и в своей пропаганде делать главный упор на экспансионистские планы в отношении народов Восточной Европы и Советского Союза. Как заявлял в свое время Гитлер своим приближенным, «мне придется сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потока. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться»². В этот период гитлеровцы создали легенду о своей незаинтересованности в африканских колониях. В то же время они не прекращали подготовку к борьбе за передел мира.

Уже вскоре после захвата власти в 1933 г. гитлеровцами был воссоздан «Имперский колониальный союз», объединявший наиболее агрессивные круги германских империалистов, во главе которого был поставлен старейший германский колонизатор генерал Рихард фон Эпп. В фашистской партии имелось специальное колониальное управление. Иностраннный отдел фашистской партии, возглавляемый Боле, создал на территории бывших германских колоний в Африке из числа проживавших там немцев свою многочисленную агентуру, которая проводила шпионскую и диверсионную работу в пользу Германии³. «Берлинский иностраннный институт» в Штутгарте и другие учреждения занимались подготовкой кадров колонизаторов⁴. Большую активность в бывших германских колониях проявляли германские монополии и банки (концерн Круппа, «Дейче банк», «Дрезденер банк» и др.). В колониях они стремились

¹ *Horst Kühne*, Die Fünfte Kolonne des faschistischen deutschen Imperialismus in Südwestafrika (1933—1939). «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» N 4, 1960.

² *K. Ludecke*, I know Hitler, New York, 1938, p. 468.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1796, л. 23.

⁴ Там же.

получить источники сырья (нефть, каучук, медь, хлопок), необходимые им для осуществления грандиозной программы вооружения Германии, а также рынки сбыта и сферы приложения капиталов.

Германские империалисты, восстановив свои старые связи с колониальными рынками, во второй половине 30-х годов значительно усилили внешнеторговую экспансию в странах Африки и Ближнего Востока и создали серьезную угрозу интересам англо-французского империализма в колониях. Так, например, если в 1933 г. объем германской торговли с Алжиром составлял по экспорту 4,9 млн. и по импорту 8,2 млн. марок, то в 1937 г. он поднялся до 6,3 млн. по экспорту и до 12,9 млн. марок по импорту; за тот же период торговля Германии с Французской Западной Африкой увеличилась с 1,8 млн. до 5,6 млн. марок по экспорту и с 17,1 млн. до 21,5 млн. марок по импорту, а с Голландской Индией (Индонезией)—с 38,6 млн. до 56,3 млн. марок по экспорту и с 111,7 млн. до 122,2 млн. марок по импорту¹.

По мере воссоздания своей военной мощи фашистская Германия все более открыто выдвигает требование о перераспределении колоний. Выступая перед генералами вермахта 5 ноября 1937 г., Гитлер говорил, что правительство Англии не желает передавать Германии часть колониальных владений. «После потери Англией своего престижа в связи с переходом Абиссинии в руки Италии,— говорил он,— нельзя рассчитывать на возвращение Восточной Африки. Уступка Англии в лучшем случае может выразиться в удовлетворении наших колониальных претензий путем передачи нам таких колоний, которые в настоящее время не находятся в распоряжении Англии, например Анголы. В этой же плоскости могли выразиться и уступки Франции»².

Вопрос о перераспределении колоний занимал также важнейшее место во время известных переговоров

¹ «Статистические данные по экономике Германии 1933—1943 гг. Всесоюзная Торговая Палата. Информационно-экономический отдел», стр. 57—58.

² *F. Hossbach, Zwischen Wehrmacht und Hitler (1934—1938), Wölfenbüttel und Hannover, 1949, S. 192.*

Гитлера с лордом Галифаксом 19 ноября 1937 г. Здесь Гитлер сказал, что «Англия владеет четвертой частью мира», что «Франция имеет колониальную империю» и что «у малых государств — Бельгии, Испании и Португалии — также есть колонии. Одной лишь Германии заявляют, что она ни при каких условиях не может иметь колонии»¹. Гитлер подчеркивал, что между Германией и Англией существует основное разногласие — колониальный вопрос².

Колониальный вопрос продолжал обсуждаться и во время следующей беседы Гитлера с английским послом Гендерсоном, происходившей накануне «аншлюса» Австрии — 3 марта 1938 г. Английское правительство согласилось на обсуждение с Германией колониального вопроса, однако только «как части общего урегулирования германо-английских отношений», т. е. оно соглашалось передать Германии некоторые владения малых европейских колониальных держав (Бельгии, Португалии), в случае если Германия приступит к осуществлению своей восточной агрессивной программы³.

После мюнхенского сговора германский империализм, усиливая требования о предоставлении ему колониальных владений, перешел к практической подготовке борьбы за насильственный передел мира. Германские монополии, банки, министерство иностранных дел, подрывные организации фашистской партии активизируют свою деятельность в колониях и подготавливают условия для их захвата Германией. Подрывную деятельность в Ираке, где Германия вступила в острую конкурентную борьбу с англо-американскими нефтяными монополиями, возглавлял германский посланник Артур Гроббе. Накануне второй мировой войны Германия заняла второе место во внешней торговле Египта. Через посредство специального колониального общества «Узогара», субсидировавшегося гитлеровцами, Германия

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 27.

² См. там же, стр. 33.

³ См. там же, стр. 60—61, 69.

приобрела значительное влияние в бывшей своей колонии Танганьике¹, а также в Камеруне.

Воспользовавшись гражданской войной в Испании, оказывая вооруженную поддержку фашистским мятежникам, Германия проникла в Испанское Марокко и вывозила оттуда стратегическое сырье². Германские империалисты также рассматривали Испанию и ее колониальные владения как свой стратегический плацдарм в приближавшейся войне за передел мира³. После мюнхенского сговора гитлеровцы усиленно снабжали свою «пятую колонну» в колониях оружием.

Германские монополии, а также правительственные учреждения разработали подробную программу захвата и эксплуатации колоний. В Германии готовились воинские части, полицейские и гражданские лица для управления будущими колониями. Эти специально вымуштрованные гитлеровцами кадры колонизаторов должны были железом и кровью насаждать фашистский «новый порядок» в колониях.

Разработанный гитлеровцами в конце 1938 — начале 1939 г. грандиозный план военно-морского строительства (план «Z»), предусматривавший в ближайшие годы создание военно-морского флота, равного по тоннажу английскому, являлся составной частью германских планов борьбы за передел мира.

Если в предшествующие годы гитлеровцы вынуждены были маскировать свою подготовку к войне за передел мира, то теперь, после воссоздания вермахта, они открыто предъявили претензии на колониальные владения Англии и Франции. Выступая 30 января 1939 г. в «Спортпаласе», Гитлер категорически потребовал перераспределения колоний.

Германские колониальные общества и союзы разрабатывали конкретные планы перераспределения колониальных владений Англии, Франции, Бельгии и коло-

¹ См. А. М. Некрич, Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938—сентябрь 1939), М., 1955, стр. 165—169.

² ADAP Ser. D, Bd. III, S. 475.

³ «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. III. «Германская политика и Испания (1936—1943 гг.)», стр. 72.

низации других народов и государств. Наиболее полно эти планы были изложены в так называемом меморандуме фон Корсванта, одного из гаулейтеров и активных деятелей нацистской партии. Этот документ, как пишет Корсвант, был составлен в соответствии с мыслями Гитлера¹. Хотя этот «меморандум» был подготовлен летом 1940 г., но в нем получила отражение захватническая программа германского империализма, которая разрабатывалась в течение длительного времени.

Германия намеревалась захватить или поставить под свой контроль следующие территории в Африке: Сенегал, Французское Конго, французские владения на побережье Гвинейского залива, часть Бельгийского Конго, Южный Судан, бывшие германские колонии. Южно-Африканский союз гитлеровцы намеревались преобразовать в независимое от Англии бурское государство (разумеется, под протекторатом Германии). В Азии к Германии должны были отойти: Голландская Индия (Индонезия) и Новая Гвинея, Британское Борнео, острова Океании, Сингапур, часть Малайи и др.; на Ближнем и Среднем Востоке: Палестина, Трансиордания, Кувейт и Бахрейнские острова, Ирак; в Америке: бывшие французские колонии и английские никелевые рудники в Канаде. Ряд европейских государств также должны были стать колониями Германии. В «меморандуме» речь шла о территориях Бельгии, Северо-Западной Франции, Югославии, Румынии с ее нефтяными богатствами и др.

На первых порах фашистская Германия великодушно соглашалась выделить небольшую долю предполагаемых колоссальных колониальных владений своим союзникам — Италии и франкистской Испании. Египет и Суэцкий канал должны были находиться под совместным протекторатом Италии и Германии. К Италии должны были перейти также северная часть английского Судана, Британское Сомали, Аден, Кипр, Мальта, Тунис, Джибути. Под контроль франкистской Испании

¹ «Меморандум» фон Корсванта. «Международная жизнь» № 2, 1961, стр. 154—158. В журнале документ опубликован с некоторыми сокращениями. Автор монографии использовал полный текст «меморандума».

предполагалось передать Гибралтар и Северное Марокко. Такие посулы давались в 1940 г. Италии и Испании для того, чтобы привлечь их к более активному участию в войне. «Меморандум» фон Корсванта показывает, что вопрос о перераспределении колониальных владений был одной из главных забот германских империалистов.

Обострившаяся борьба между империалистами за рынки сбыта, источники сырья и сферы влияния являлась ярчайшим признаком приближавшейся мировой империалистической войны. К этой войне фашистская Германия, как государство-агрессор, подходила, имея перестроенную на военные рельсы экономику и союзников по военному блоку, в то время как противостоявший ей империалистический лагерь еще только начинал предвоенную подготовку своей экономики, а создание военного блока этой группой держав ввиду постепенного преодоления существовавших между его участниками империалистических противоречий происходило более медленными темпами.

Империалисты Англии, Франции и США предпринимали ряд попыток примирения, сглаживания обострившихся противоречий, разрешения их на почве сговора за счет Советского государства, а также других народов. Одной из таких попыток смягчения противоречий был Мюнхен. Однако он ненадолго сгладил эти противоречия. В обстановке, созданной Мюнхенским соглашением, весной и летом 1939 г. был предпринят ряд новых попыток достижения сговора между складывавшимися империалистическими блоками.

Так, в марте 1939 г. было достигнуто уже упоминавшееся соглашение между Федерацией британской промышленности и германской Имперской группой промышленности. В самом тексте этого соглашения признавался факт наличия ожесточенной конкурентной борьбы между английскими и германскими империалистами. Обе организации обязались принять меры для уничтожения «губительной конкуренции, где бы она ни происходила»¹.

¹ См. К. Эдвардс, Международные картели в экономике и политике, стр. 134.

В буржуазной литературе широко распространена легенда о том, будто после 15 марта 1939 г. в связи с тем, что Гитлер захватил всю Чехословакию и тем самым нарушил Мюнхенское соглашение, произошло изменение политики правительств западных держав, которые с этого времени якобы переходят от политики умиротворения к политике решительного отпора фашистским агрессорам. В связи с этим буржуазные историки стремятся замолчать или извратить факты, разоблачающие продолжавшиеся до сентября 1939 г., т. е. до возникновения второй мировой войны, попытки сговора англо-франко-американских и германских империалистов.

В действительности после оккупации Чехословакии изменяется не содержание политики западных держав, а лишь их тактика при сохранении тех же целей. Новое в тактике Англии, Франции и США состояло в том, что они решили воздействовать на фашистскую Германию с тем, чтобы принудить ее выполнить антисоветские обязательства, взятые ею в Мюнхене. Этой цели служили: а) система англо-французских гарантий ряду европейских государств; б) переговоры с Советским Союзом о заключении пакта об оказании отпора агрессору.

Подобной политикой правительства западных держав стремились успокоить народы своих стран, встревоженные безнаказанностью фашистских агрессоров, припугнуть гитлеровцев возможностью заключения соглашения с Советским Союзом и перспективой войны против Германии на двух фронтах и указать немецко-фашистским империалистам ближайшую цель агрессии — Советский Союз.

В условиях, когда после захвата Чехословакии фашистская Германия, расторгнув договор о ненападении с Польшей и англо-германское морское соглашение, заключив военный пакт с Италией, начала готовиться к войне уже совершенно открыто, правительства Англии и Франции, действовавшие при прямой поддержке США, продолжали свои антисоветские интриги. Верные своей политике двойной игры, рассчитанной на достижение компромисса с фашистской Германией, прави-

тельства Англии и Франции начали весной 1939 г. переговоры с Советским Союзом.

В середине апреля 1939 г. английский министр иностранных дел Галифакс через посла Сиидса предложил Советскому правительству сделать одностороннее заявление о том, что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза СССР окажет помощь этому государству¹. Со своей стороны правительство Англии не брало на себя никаких совместных реальных обязательств, с тем чтобы получить, таким образом, возможность для любого антисоветского маневра. Реакционные правительства Польши, Румынии, Финляндии и Прибалтийских стран также ничем не обязывались в отношении СССР.

Скрытой целью этого плана англо-французских империалистов было указать Гитлеру стратегическое направление, по которому он должен направить свою агрессию. Если бы этот коварный план удался, Советскому Союзу пришлось бы одному воевать против блока фашистских государств во главе с гитлеровской Германией, пользующейся поддержкой других империалистических держав.

Стремясь создать фронт сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего разворачивания агрессии в Европе, Советское государство использовало для этого любую возможность. Разоблачив коварный замысел империалистов, Советское правительство без промедления выдвинуло встречные предложения, которые состояли в том, чтобы Советский Союз, Англия и Франция заключили между собой соглашение о взаимном обязательстве оказывать друг другу всяческую немедленную помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против договаривающихся государств. СССР также предложил, чтобы все три государства обязались оказать помощь странам Восточной Европы, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с Советским Союзом. СССР предлагал, чтобы подобное политическое соглашение было заклю-

¹ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 38.

чено одновременно с военной конвенцией и чтобы были установлены размеры и форма военной помощи, оказываемой этим странам, в обоих случаях, упомянутых выше¹.

Правительства Англии и Франции, отклонив предложения Советского Союза, в своих новых предложениях летом 1939 г. еще более настойчиво пытались навязать ему односторонние обязательства. В то же время они отказывались дать гарантию Прибалтийским государствам, которые в любое время могли быть превращены фашистской Германией в плацдарм для нападения на СССР, и, таким образом, открывали для гитлеровцев северо-западные границы Советского Союза. Было совершенно очевидно, что предложения западных держав больше адресованы в Берлин, чем в Москву.

Еще более ярко раскрывалась провокационная цель правящих кругов Англии и Франции во время англо-франко-советских военных переговоров, происходивших в Москве в августе 1939 г. Об отсутствии у английских правящих кругов стремления к действительному соглашению с СССР было хорошо известно гитлеровской дипломатии. Как доносил в Берлин германский посол в Лондоне Дирксен, состав английской военной миссии, направленной в СССР, «свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения»².

Действительно, английская и французская военные миссии состояли из лиц, занимавших второстепенные посты, и не имели никаких полномочий для подписания соглашения с Советским Союзом³. В ходе переговоров

¹ Текст советских предложений см. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, стр. 165.

² «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 117.

³ В 1954 г. в «Documents on British Foreign Policy» были опубликованы протокольные записи этих переговоров, сделанные английской стороной. Эти краткие, тенденциозные записи искажают позицию Советского Союза. В 1959 г. в журнале «Международная жизнь» № 2 и № 3 были впервые в советской печати опубликованы материалы переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции, происходивших в Москве в августе

с советской миссией выяснилось, что английская и французская военные миссии не имели даже предварительного плана совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон в случае германской агрессии и не располагали сведениями о численности вооруженных сил, которые должны были выставить их страны в случае начала войны. В то время как представитель Генерального штаба Советского Союза заявил, что СССР готов выставить против агрессора 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9—10 тыс. танков, 5—5,5 тыс. бомбардировщиков и истребителей¹, представитель Англии назвал смехотворные данные о численности войск, которые сможет выставить его страна в случае совместных военных действий против агрессора: 5 пехотных и 1 механизированную дивизию².

Уже это заявление английского представителя свидетельствовало о несерьезном подходе западных держав к ведению военных переговоров с Советским Союзом. Это еще более ярко раскрылось во время обсуждения одного из основных вопросов — о проходе советских войск через территорию Польши, Румынии и Прибалтийских государств в случае совместных с Англией и Францией военных действий по отражению агрессии. Реакционные правительства этих стран отказывались пропустить советские войска через свою территорию в случае возникновения войны. Правительства Англии и Франции не только не желали преодолеть возражения Польши, Румынии и других стран, но поддерживали их отрицательный ответ и затем использовали его для

1939 г. В материалы включены стенографические записи, которые вела советская делегация, а также документы, врученные во время заседания. Указанная публикация материалов восстанавливает историческую правду об англо-франко-советских переговорах, извращенную реакционными историками и публицистами.

¹ См. «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. Запись заседаний военных миссий». «Международная жизнь» № 3, 1959, стр. 139, 150.

² См. «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. Запись заседаний военных миссий». «Международная жизнь» № 2, 1959, стр. 151.

затягивания и срыва военных переговоров с Советским Союзом¹.

Таким образом, по вине правительств Англии и Франции переговоры с Советским Союзом оказались бесплодными и были прерваны 21 августа 1939 г. Срыв переговоров был заранее запланирован правящими кругами Англии и Франции. Они считали, что фашистская Германия никогда не решится нанести удар на Западе, а направит свою агрессию на Восток, против СССР. Об этом свидетельствуют, например, директивы английского правительства своей миссии, врученные ей перед отъездом в Москву. В директивах говорилось, что английское правительство не желает брать на себя каких-либо определенных обязательств, которые могли бы связать ему руки «при любых обстоятельствах»². Поэтому миссии предлагалось при выработке соглашения ограничиться общими формулировками и вести переговоры «весьма медленно»³.

Такая провокационная политика правительств Англии и Франции сыграла роковую роль в развязывании мировой войны. Если бы западные державы приняли предложения СССР, заключили с ним политическое и военное соглашение, привлекли бы к участию в нем правительства Польши, Румынии и Прибалтийских государств, то развитие событий пошло бы в ином направлении. В таких условиях гитлеровская Германия, оказавшись перед перспективой ведения военных действий на двух фронтах, никогда не решилась бы развязать войну. Но заключение подобного соглашения с Советским Союзом не входило в планы англо-французских империалистов, стремившихся к разрешению своих империалистических противоречий посредством натравливания гитлеровской Германии против Советского Союза.

В то же время они вели закулисные переговоры с фашистской Германией, которым придавали решающее

¹ См. «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г. Запись заседаний военных миссий». «Международная жизнь» № 2, 1959, стр. 154—158.

² DBFP, Ser. III, vol. VI, p. 763.

³ Там же.

значение. Как уже отмечалось, англо-германские переговоры, начавшиеся во время встречи Галифакса с Гитлером в ноябре 1937 г. и достигшие своего кульминационного пункта в Мюнхене, не прекращались до начала второй мировой войны.

Англо-франко-советские переговоры в свою очередь чрезвычайно волновали гитлеровцев. Они очень внимательно наблюдали за их ходом и прилагали большие усилия для того, чтобы парализовать эти переговоры. В середине июня 1939 г. в Лондон под предлогом участия в конференции по китобойному промыслу была направлена немецкая делегация, возглавляемая специальным уполномоченным германского правительства Гельмутом Вольтатом. В действительности в задачу делегации входило возобновление секретных германо-английских переговоров.

В июле Вольтат снова посетил Лондон, где вел переговоры с руководителем департамента внешней торговли Хадсоном, ближайшим советником премьера Чемберлена Г. Вильсоном и Эштоном-Гуэтקיном. Во время этих бесед английские представители развили далеко идущие планы англо-германского сотрудничества на базе антисоветского сговора¹. Представители Англии предлагали заключить англо-германский договор, который бы включал в себя пакт о невмешательстве, пакт о разделе сфер влияния в Европе и во всем мире между Англией и Германией и об устранении «конкуренции на этих рынках». Английское правительство предлагало заключить ряд соглашений по экономическим вопросам, в частности обещало предоставить Германии крупный заем и свободу рук в Восточной и Юго-Восточной Европе и в колониях. Как заявил Вильсон, целью, к которой стремится английское правительство, является «широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер»². При этом английское правительство заявляло, что в случае достижения такого широ-

¹ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 70—77.

² Там же, стр. 75.

кого соглашения с Германией оно отказалось бы от всех своих обязательств в отношении помощи другим державам. Однако сведения о ходе англо-германских переговоров проникли в печать, что заставило их участников предпринимать более секретные попытки достижения соглашения.

В 1939 г. Лондон посетил представитель германских монополий легационный советник Адам Тротт цу Зольц, тесно связанный с прогерманской клайвденской правящей группой английской буржуазии. В Лондоне он был принят Галифаксом, американским послом Кеннеди, а также Чемберленом. Адам Тротт подробно информировал их о наличии в правящих кругах Германии значительной группы лиц, стремящихся к соглашению с Англией и Францией, и, с другой стороны, о планах гитлеровцев достичь соглашения с Советским Союзом¹. Это сообщение еще больше ускорило попытки английских империалистов заключить пакт с Германией.

29 июля один из видных деятелей лейбористской партии Англии, Ч. Р. Бакстон, посетил советника германского посольства Кордта, связанного с проанглийскими кругами германской буржуазии, и развил перед ним программу англо-германского сотрудничества, воспроизводившую в более конкретной и политически заостренной форме план империалистического раздела мира, изложенный ранее Вильсоном в беседах с Вольтатом. «Конкретно это означало бы:

1) Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи.

2) Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе.

¹ W. Wheller-Bennett, *Nemesis of the Power*, p. 681—682.

3) Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом»¹.

Как заявил Кордт, перечисленные предложения исходили от Чемберлена. Это вскоре подтвердилось. При посредстве заместителя министра иностранных дел Великобритании Батлера 3 августа 1939 г. состоялась встреча Г. Вильсона (на его частной квартире) с германским послом Дирксеном. Как сообщал в Берлин Дирксен, Гораций Вильсон раскрыл ему «сокровенный план английского правительства»².

Это были по существу официальные предложения правительства Чемберлена правительству Германии. Англия давала понять, что британские гарантии Польше, Турции, Румынии, переговоры с Советским Союзом, как информировал Дирксен свое правительство, являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией³. Впоследствии к англо-германской антисоветской сделке предполагалось привлечь также Италию и Францию. Английское правительство рассчитывало создать новый западный блок империалистических государств, который бы направлял немецко-фашистскую агрессию против Советского Союза.

В августе 1939 г. состоялась еще одна беседа по данному вопросу между германским послом Дирксеном и английским министром иностранных дел лордом Галифаксом. Английский министр уверял германского посла, что британское правительство стремится достичь быстрее умиротворения между Англией и Германией и «пойдет очень далеко для достижения этой цели»⁴.

И действительно, английское правительство пошло весьма далеко для достижения сговора с фашистской

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 125—126.

² Там же, стр. 133.

³ См. там же, стр. 142.

⁴ См. там же, стр. 150.

Германией. В тот период, когда в Москве происходили англо-франко-советские военные переговоры, в Берлин был направлен заместитель английского министра авиации барон де Ропп. 16 августа де Ропп встретился с руководителем иностранного отдела фашистской партии Розенбергом¹. Он информировал Розенберга о стремлении английских правящих кругов к соглашению с Германией. Де Ропп высказал пожелание об установлении более тесных контактов между офицерами английских и германских военно-воздушных сил.

Галифакс также намеревался послать в Берлин для переговоров с Гитлером командующего сухопутными силами Великобритании генерала Айронсайда. Английскому послу в Берлине Гендерсону было поручено согласовать данный вопрос с германским правительством².

Однако усилия английского правительства достичь широкого соглашения с Германией не увенчались успехом. Они потерпели провал ввиду острых империалистических противоречий, существовавших между Англией и Германией. Фашистская Германия не довольствовалась теми уступками, которые обещали ей английские империалисты. 23 мая 1939 г. на совещании в своей ставке Гитлер в весьма откровенной форме выразил основную суть разногласий между английскими и германскими империалистами, которые и явились причиной срыва подготовленного соглашения. Фашистский «фюрер» говорил, что существовавшее прежде равновесие между державами было нарушено «притязаниями Германии на жизненное пространство» и ее вступлением в ряды великих держав. В связи с тем что представители Англии обещали передать Германии часть бедных запасов сырья колоний, принадлежавших малым странам, Гитлер заявил, что эти «подарки колоний» не решают проблемы и не удовлетворяют Германию. Фашистский диктатор заявлял, что «англичан больше пугает

¹ Через посредство де Роппа А. Розенберг еще в тридцатых годах был тесно связан с военными и политическими кругами Великобритании.

² *N. Henderson, Failure of a Mission, p. 253.*

опасность экономического соперничества, чем простая угроза силы». Поэтому, говорится в документе, «фюрер сомневается в возможности мирного разрешения конфликта с Англией. Надо подготовиться к военному конфликту с ней. В укреплении Германии Англия видит угрозу своей гегемонии. Англия поэтому является нашим врагом, и борьба с ней будет борьбой не на жизнь, а на смерть»¹.

В этом откровении Гитлера дана характеристика тех причин, в силу которых подготовленный англо-германский сговор не состоялся. Обострившиеся до крайности англо-франко-германские империалистические противоречия заставили гитлеровцев временно отложить начало осуществления антисоветских планов, которые горячо одобряла и поддерживала вся мировая реакция.

5. Германо-советский пакт о ненападении и разногласия в верхах фашистского рейха

Гитлеровцы очень внимательно следили за ходом англо-франко-советских переговоров. Германские дипломатические представители в Париже, Лондоне и Москве систематически информировали свое правительство о новых советских предложениях и об отношении к ним правительств Англии и Франции. Твердая решимость Советского правительства заключить политические и военные соглашения с Англией и Францией в целях обуздания немецко-фашистской агрессии сильно беспокоила нацистскую клику.

Риббентроп в своих мемуарах, написанных в Нюрнбергской тюрьме, признает, что Гитлер и его окружение чрезвычайно опасались успешного завершения англо-франко-советских переговоров, ибо это представляло серьезную угрозу для германских планов. «Кошмар коалиций, как говорил Бисмарк, вынуждал и нас проводить бессонные ночи»², — откровенно признает

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 4, л. 404.

² *J. Ribbentrop, Zwischen London und Moskau*, S. 170.

Риббентроп. Ему вторит бывший статс-секретарь министерства иностранных дел Вейцзекер: «На горизонте с апреля или мая 1939 г. вырисовывалась тройственная коалиция, подобная той, которая сложилась накануне первой мировой войны» в виде англо-франко-русской Антанты»¹.

Гитлеровцы готовы были пойти на любой маневр, чтобы помешать заключению англо-франко-советского договора. Одним из таких маневров и было их согласие на возобновление переговоров с Англией. В ходе германо-английских переговоров в качестве важнейшего предварительного условия заключения соглашения они добивались прекращения англо-франко-советских переговоров, на что получили полное согласие английской стороны.

Однако заключение германо-английского соглашения, которое лишь на время могло несколько сгладить существовавшие между Англией и Германией противоречия, должно было иметь своим неизбежным следствием войну Германии с Советским Союзом. К такой войне Германия еще не была готова. Выступая перед своими главнокомандующими 23 ноября 1939 г., Гитлер говорил: «Я долго сомневался, не начать ли с нападения на Восток, а затем уж на Запад... Вынужденно получилось, что Восток на ближайшее время выпал»². Военно-экономическая мощь Советского Союза сдерживала агрессивные антисоветские вождедения гитлеровцев. Вейцзекер также отмечал, что Гитлер опасался Советского Союза более чем какого-либо другого врага³.

Весной и летом 1939 г. правительство фашистской Германии предпринимает ряд попыток вступить в переговоры с СССР с целью заключения с ним соглашения, которое дало бы Германии возможность отложить войну на двух фронтах. Буржуазные фальсификаторы истории, извращая характер советско-германских отношений в 1939 г., пытаются доказать, что будто бы пози-

¹ *E. Weizsäcker*, *Erinnerungen*, S. 230.

² «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 480.

³ *E. Weizsäcker*, *Erinnerungen*, S. 230.

ция Советского Союза явилась причиной возникновения второй мировой войны. Посредством различных ухищрений они пытаются доказать, что будто бы уже в марте 1939 г. Советский Союз решил заключить соглашение с Германией¹.

В действительности, как об этом свидетельствуют исторические факты, летом 1939 г. Советский Союз настойчиво добивался заключения договора с Англией и Францией. Советское правительство с апреля до второй половины августа даже не имело посла в Берлине, и обязанности главы советской дипломатической миссии в Германии выполнял временный поверенный в делах Г. А. Астахов. Начиная со второй половины мая и позднее, в разгар англо-франко-советских переговоров, германское правительство, а также германский посол в Москве Шуленбург пытались вступить в переговоры с Советским правительством. При этом гитлеровские дипломаты широко использовали политику шантажа. Они угрожали возможностью заключения германо-английского соглашения, направленного против СССР, сведения о подготовке которого они не скрывали от Советского правительства.

30 мая 1939 г. Вейцекер заявил советскому поверенному в делах в Берлине об имеющейся возможности улучшить советско-германские отношения. Он сослался при этом на отказ Германии от захвата Закарпатской Украины². В тот же день Вейцекер, информируя германского посла в Москве Шуленбурга об этой беседе, настаивал на необходимости активизации усилий с целью заключения экономического и политического соглашения с СССР³.

28 июня Шуленбург направил в Берлин отчет о своей беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР по вопросу о перспективах заключения соглашения. Как и в предыдущих случаях, он не получил положи-

¹ Подобную же тенденцию они преследуют в публикации документов из архива германского министерства иностранных дел (серия «Д»). ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 444—445, 450, 487.

² См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, стр. 174.

³ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 525—526.

тельного ответа советской стороны на свои предложения. 3 августа 1939 г. Риббентроп в беседе с Г. А. Астаховым заявил, что между Германией и СССР на всем протяжении от Балтийского до Черного морей нет неразрешимых проблем. Он официально предложил подписать секретное советско-германское соглашение, которое разграничивало бы сферы интересов обеих держав в данном районе¹, как это было сделано после Мюнхена в подписанных англо-германской и франко-германской декларациях.

Однако Советское правительство категорически отвергло эти предложения. Оно стремилось к заключению соглашения с Англией и Францией, переговоры о котором в эти дни продолжались в Москве. 7 августа Советское правительство сообщило в Берлин, что оно считает германское предложение неподходящим, а идею секретного протокола отвергает². 3 августа Шуленбург в донесении в Берлин о результатах своей беседы с народным комиссаром иностранных дел СССР также подтверждал эту позицию правительства СССР. «Советское правительство,— писал он,— в настоящее время намерено подписать соглашение с Англией и Францией, если бы они приняли советские предложения»³.

Особенно беспокоили гитлеровцев начавшиеся в Москве в середине августа англо-франко-советские военные переговоры. Угроза войны на два фронта, постоянно не дававшая покоя германским милитаристам, снова могла стать реальностью. Риббентроп и Вейцзекер бомбардировали германское посольство в Москве телеграммами, в которых требовали сообщать сведения о ходе англо-франко-советских переговоров и настаивали на необходимости предпринять новые попытки для переговоров с Советским правительством.

14 августа Вейцзекер от имени Риббентропа просил Шуленбурга сообщить Советскому правительству, что Германия не имеет агрессивных намерений против

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 882.

² См. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, стр. 174.

³ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 892.

СССР и считает необходимым совершить поворот в германо-советских отношениях¹.

Для ведения переговоров с СССР германское правительство предлагало направить в Москву Риббентропа. Опасаясь огласки, Вейцзекер просил лишь устно передать указанное предложение Советскому правительству. Однако правительство СССР снова отвергло германские предложения. Оно все еще ожидало, что Англия и Франция более серьезно отнесутся к советским предложениям. 18 августа Шуленбург сообщал в Германию, что «Советское правительство весьма серьезно относится к вопросу о заключении договора (с Англией и Францией.— В. Ф.)»².

Отказываясь от заключения пакта о ненападении и других политических соглашений с Германией, правительство СССР в то же время не отказывалось от поддержания деловых связей с любой страной, в том числе и с теми, в которых существовали фашистские режимы. Оказавшись в затруднительном положении в связи с обострившейся конкуренцией на мировых рынках, фашистская Германия стремилась также возобновить торговые отношения с СССР, которые к 1939 г. были сведены к минимуму. Еще в начале 1938 г. Германия предложила Советскому правительству начать переговоры о заключении торгового соглашения. После длительного перерыва в конце 1938 г. эти переговоры возобновились, но в силу возникших разногласий по ряду вопросов были приостановлены. 22 июля 1939 г. советско-германские экономические переговоры снова были возобновлены³. Советское правительство согласилось заключить с Германией экономическое и торгово-кредитное соглашение.

После длительных переговоров 19 августа 1939 г. в Берлине было подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией⁴. Оно предусматривало предоставление Германией Советскому Союзу кредита в размере 200 млн. германских марок сроком

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VII, S. 70.

² Там же, стр. 125—126.

³ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 487.

⁴ См. «Известия», 21 августа 1939 г.

на семь лет из 5% годовых для закупки германских товаров. В свою очередь Советский Союз обязался поставить Германии в течение двух лет свои товары на сумму 180 млн. германских марок.

Это соглашение являлось обычным экономическим соглашением, какие существовали между большинством стран мира, в том числе между Германией и Англией, Германией и Францией и т. д. Советское правительство категорически отказывалось связывать его с какими-либо политическими обязательствами. Однако в последние дни, когда провокационная позиция западных держав завела в тупик англо-франко-советские военные переговоры, которые затем были сорваны, правительство Советского Союза вынуждено было искать другие возможности для обеспечения безопасности страны.

В результате мюнхенской политики западных держав к концу лета 1939 г. для Советского государства создалось крайне опасное положение. 24 июля 1939 г. было подписано англо-японское соглашение Арита—Крейги, направленное против советского и китайского народов¹, которое способствовало дальнейшему развертыванию японской агрессии на Дальнем Востоке. Это соглашение имело своей целью продолжение той же мюнхенской политики, которую проводила Англия в Европе, поощряя агрессию против СССР. Правительство США продолжало усиленно снабжать Японию нефтью и другим стратегическим сырьем. Американский посол в Токио Грю по поручению своего правительства подталкивал правящие круги Японии к заключению агрессивного пакта с фашистской Германией, направленного против СССР². Поощряемые империалистами Англии, США и Германии, японские милитаристы 11 мая 1939 г. развязали военные действия против Советского Союза и Монгольской Народной Республики в районе Халхин-Гола. Это были военные действия широ-

¹ См. *Л. Кудашев*, Из истории германо-японских отношений накануне второй мировой войны. Сб. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», стр. 139—140.

² См. там же, стр. 255—256.

кого масштаба, рассчитанные на перерастание их в вооруженное выступление всех сил мировой империалистической реакции против СССР.

В Европе правительства Англии и Франции, действовавшие при поддержке правящих кругов США, сорвали переговоры с СССР об оказании коллективного отпора гитлеровской агрессии. Методами тайных сделок с фашистской Германией они стремились направить ее агрессию против СССР и давали ей недвусмысленно понять, что такая агрессия получит активную поддержку с их стороны.

Таким образом, возникла реальная угроза создания единого империалистического фронта в целях вооруженного нападения на Советское социалистическое государство. Задача правительства СССР состояла в том, чтобы сорвать этот замысел мировой реакции. 20—21 августа 1939 г. гитлеровское правительство предприняло ряд новых попыток договориться с Советским Союзом. 21 августа Шуленбург передал телеграмму Советскому правительству, подписанную Гитлером¹, в которой предлагалось заключение германо-советского договора о ненападении. Для переговоров о подготовке такого пакта он предлагал принять в Москве Риббентропа.

Советский Союз находился перед выбором: либо принять германские предложения и получить таким образом мир на некоторое время для лучшей подготовки к отпору агрессору, либо отклонить германские предложения и вступить в войну с Германией и другими присоединившимися к ней империалистическими государствами². В условиях, когда правительства Англии и Франции сорвали политические и военные переговоры с СССР, Советское правительство в августе 1939 г. решило принять предложение Германии о заключении пакта о ненападении.

23 августа, после прибытия Риббентропа в Москву, между Германией и СССР был подписан пакт о ненапа-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VII, S. 125.

² См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 53.

дении. Советский Союз был последней великой европейской державой, которая заключила пакт о ненападении с Германией. Обе стороны брали обязательство об отказе от нападения и других агрессивных действий в отношении друг друга, а все споры договорились решать мирным путем¹. Таким образом, это был договор о поддержании мира между двумя странами. Он принципиально отличался от соглашений, подписанных в Мюнхене и сразу же после него правительствами Англии и Франции с фашистской Германией, которые были заключены за счет народов Чехословакии и других стран и имели своей целью поощрение немецко-фашистской агрессии против СССР. Подписание советско-германского договора было мудрым шагом Советского правительства. Заключив этот договор, Советский Союз сумел расстроить складывавшийся единый антисоветский империалистический фронт и получил дополнительно более чем на полтора года период мирной передышки. Советско-германский договор являлся также серьезным ударом по мюнхенской политике правящих кругов Англии, Франции и США и других стран и предвещал ее полный провал.

Подписание пакта с Советским Союзом вызвало сильное недовольство мировой империалистической реакции, делавшей ставку на разрешение империалистических противоречий за счет СССР. Это недовольство разделяла часть германских монополистов, прусских землевладельцев и некоторых генералов, тесно связанных с англо-франко-американским империализмом. Наиболее яр о это проявилось в конфликте сталинского короля Германии Фрица Тиссена, сыгравшего решающую роль в установлении фашистской диктатуры в Германии, и некоторых связанных с ним групп монополистов с правящей фашистской кликой Германии.

Концерн Тиссена был тесно связан с англо-франко-американским капиталом². Еще в 1926 г. вскоре после образования «Стального треста» он получил от американских монополий кредит в 100 млн. долл. Тиссен играл

¹ См. «Известия», 24 августа 1939 г.

² См. А. Норден, Уроки германской истории, стр. 127.

руководящую роль в международном стальном картеле, в котором участвовали Франция, Англия, Германия, Бельгия, Люксембург. Представители группы Тиссена Оппенгейм и банкир Реген были членами наблюдательного совета «Эшвейдер бергверке фёрейн», являвшегося филиалом немецко-французского концерна «Арбед», в котором хозяйничала французская фирма Шнейдера¹. В связи с заключением германо-советского пакта эти связи группы Тиссена с монополиями западных держав оказались под угрозой. В назревании конфликта некоторую роль играло и то обстоятельство, что Тиссен и его группа монополистов были недовольны чрезвычайно возросшей ролью новых богачей, выходцев из высших бонз фашистской партии, обогатившихся на грабеже Австрии, Чехословакии, на военных поставках, еврейских погромах и т. д. В частности, в конкурентной борьбе между Тиссенем и концерном Г. Геринга победу все более одерживал последний. Он приобрел гигантскую силу в Германии и в 1938 г. завладел рядом предприятий в Австрии и других странах, ранее принадлежавших «Стальному тресту» Тиссена. Конкурентная борьба между двумя гигантскими концернами и явилась одной из причин разногласий между старыми друзьями — Тиссенем и Герингом².

В возникновении разногласий между Тиссенем и гитлеровской верхушкой большую роль сыграла также длительная борьба между группами монополистов Флика — Круппа и группой Тиссена за руководящую роль в вооружении вермахта. Одним из проявлений такой борьбы являлся захват в 1935 г. концерном Тиссена заводов «Рейнметалл» в Дюссельдорфе, значительная часть акционерного капитала которых принадлежала Круппу. Перед началом второй мировой войны роль концерна Круппа, этой «фабрики смерти», возросла еще больше, и он снова приобрел гигантскую силу в Германии, ущемляя интересы монополистической группы Тиссена.

¹ См. *Б. Бауман*, Атлантический пакт концернов, стр. 147.

² В годы, предшествовавшие захвату власти гитлеровцами в Германии, Тиссен содержал Геринга и даже оплачивал его квартиру.

После заключения германо-советского пакта Тиссен заявил о разрыве с Гитлером. В своей книге «Я платил Гитлеру», изданной в 1941 г., Тиссен признает, что с 1923 г. вместе с другими монополистами он поддерживал фашистскую партию, одобрял идеи, содержащиеся в «Майн Кампф», и особенно поощрял стремление национал-социалистов к ликвидации большевизма как внутри Германии, так и в других странах¹. Он горячо поддерживал антикоминтерновский пакт. Тиссен восхищался гитлеровской идеей «Дранг нах Остен», идеей, которую пытался осуществить его отец, Август Тиссен, вместе с другими магнатами Рура в годы первой мировой войны.

Фриц Тиссен, будучи тесно связан с англо-франко-американскими монополиями, был сторонником первоочередной экспансии германского империализма против СССР и пограничных с ним стран. В меморандуме, посланном Гитлеру 1 октября 1939 г. из Швейцарии, куда в сентябре эмигрировал Тиссен, он обвинял его в отходе от принципов, содержащихся в «Майн Кампф», и от заявлений, сделанных им летом 1939 г., о намерении Германии захватить территорию «до Уральских гор»². Он упрекал Гитлера за то, что он не создал единого фронта с западными державами для войны против СССР, а вместо этого вступил в конфликт с ними, что являлось, по мнению Тиссена, величайшей ошибкой Гитлера. Тиссен считал, что такая политика представляет опасность для фашистского рейха и по внутриполитическим соображениям, так как она «может бросить Германию в объятия коммунизма, что приведет ее к катастрофе»³.

В оценке советско-германского пакта Тиссен не был одиноким. Взгляды стального короля Германии разделяли также и представители так называемой верхушечной оппозиции. Летом 1939 г. Герделер, Шахт, Канарис и другие всячески стремились сгладить империалистические противоречия, мешавшие достижению

¹ *F. Tyssen, I paid Hitler*, p. 46.

² Там же, стр. 45.

³ *W. Görnitz, Der deutsche Generalstab...*, S. 502.

широкого политического и экономического соглашения между правительствами Англии, Франции и Германии. Герделер разработал план тесного сотрудничества западных держав, который должен был явиться «ядром нового союза государств»¹. Этот план предусматривал «устранение напряженности, проистекающей из Версальского мира», что означало передачу Германии польского коридора, сохранение за ней Судетской области, предоставление Германии колоний и т. д. В целях умиротворения Германии западные державы должны были предоставить ей крупные займы в размере от 4 до 6 млрд. марок.

В качестве компенсации за эти уступки Германии тройственный союз (Германия, Япония и Италия) должен быть расторгнут, а вместо него представители «верхушечной оппозиции» предлагали создать «Союз европейских государств». Проектируемый Герделером «Союз европейских государств» был не чем иным, как новым вариантом пресловутой «пан-Европы» без СССР и направленный против него. Эта программа по существу ничем не отличалась от предложений, сделанных гитлеровцами правительству Англии через официальные каналы, а также через шведского банкира Далеруса.

Участники «оппозиции» прилагали большие усилия для того, чтобы помешать заключению германо-советского пакта о ненападении. В августе 1939 г. они через агентов «Абвер», представителей Ватикана, дипломатических чиновников и другие каналы предупреждали своих единомышленников в Лондоне — представителей клайвденской клики — о попытках германского правительства заключить договор с Советским Союзом². Но, как признает Риттер, «оппозиция», так же как и правительства Англии и Франции, исключала возможность заключения подобного пакта между Советским Союзом и фашистской Германией³.

¹ G. Ritter, Karl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbe-
wegung, S. 216—217.

² Там же.

³ Там же, стр. 227.

Подписание германо-советского пакта вызвало известную растерянность среди некоторых групп монополистов Германии, тесно связанных с монополиями США, Англии и Франции и уже разрабатывавших планы похода против СССР в целях захвата его богатств и порабощения народов Советского Союза.

Как рассказывает в своем дневнике Гассель, во время беседы с Герделером 10 октября 1939 г. последний обвинял Гитлера в измене политике «Дранг нах Остен». По мнению представителей «оппозиции», в связи с заключением пакта с СССР Германия вынуждена была отказаться от экспансии в Прибалтийские страны, от Восточной Галиции. Большое опасение вызвало заключение этого пакта в связи с его внутрисполитическими последствиями для Германии, что могло привести к обострению политического кризиса в стране¹.

Однако Гитлер не придавал серьезного значения такой критике его политики со стороны отдельных представителей финансовой олигархии и правительственной бюрократии. Об этом свидетельствует его отношение к Тиссену. Хотя последний в своих мемуарах жалуется на репрессии со стороны гестапо, в действительности после его эмиграции гитлеровцы передали все имущество Тиссена его брату Альфреду, а после того как Фриц Тиссен в 1940 г. был задержан немецкими войсками во Франции и привезен в Германию, ему была даже возвращена часть имущества. Вскоре эта группа «оппозиционеров» поняла, что договор германского правительства с СССР является лишь временной мерой, осуществленной в целях мобилизации Германией ресурсов всей Европы для войны против СССР, и она продолжала активно поддерживать агрессивную политику фашизма.

Однако если гитлеровцы не опасались фронды со стороны отдельных групп германских монополистов, высшей бюрократии и генералитета, то возможность влияния пакта с Советским Союзом на широкие слои немцев действительно беспокоила их.

¹ *U. Hassel, Diaries 1938—1944, p. 81.*

Как отмечал в своём дневнике от 28 августа 1939 г. бывший начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер, Гитлер во время совещания в имперской канцелярии признал, что «пакт с Советским Союзом неправильно понят партией»¹. Здесь же он клеветал на СССР и требовал разъяснить членам фашистской партии, что этот пакт является временной мерой и не меняет враждебного отношения Германии Советскому Союзу.

Международная реакция также недружелюбно встретила весть о заключении германо-советского пакта о ненападении, который срывал ее планы создания единого антисоветского империалистического фронта. 22 августа 1939 г. Чемберлен в послании к Гитлеру предупреждал его против заключения пакта с Советским Союзом. В этом наполненном гневом послании указывалось, что еще не все мосты сожжены между Англией и Германией, и выражалась надежда на возможность достижения англо-германского сговора².

Особенно враждебно восприняли заключение советско-германского пакта правящие круги Японии, которые рассматривали этот шаг как явную измену Германии своим обязательствам по антикоминтерновскому пакту. В письме японского МИД своему послу в Берлине от 26 августа 1939 г., которое должно было быть передано в германское министерство иностранных дел, указывалось, что «японское правительство рассматривает пакт о ненападении и договор, который был недавно заключен между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик (видимо, речь шла о германо-советском торговом соглашении.— В. Ф.), как противоречащие секретному соглашению, приложенному к пакту «Антикоминтерн»³.

Японское правительство заявляло об аннулировании переговоров о заключении тройственного союза

¹ «Generaloberst F. Halder's Tagebuch».

² «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 454.

³ М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников, приложение № 5, стр. 241.

с Германией и Италией. Вслед за тем японское правительство Хиранумы, а также японские послы Осима в Берлине и Сиратори в Риме, активные сторонники заключения германо-итало-японского антисоветского военного союза, демонстративно ушли в отставку.

Правительство фашистской Германии после заключения германо-советского пакта продолжало переговоры с Японией. Оно намеревалось использовать ее для того, чтобы отвлечь силы Англии от европейского театра военных действий. Потерпев крупный провал в своих попытках опереться на поддержку фашистской Германии в планируемой войне против СССР, потерпев сокрушительное поражение во время военного конфликта в районе реки Халхин-Гол, японское правительство вынуждено было в сентябре 1939 г. просить Советское правительство о прекращении военных действий.

Заключение германо-советского пакта вызвало недовольство и других союзников фашистской Германии. Венгерский диктатор регент Хорти считал, что германскую агрессию нужно было начинать в первую очередь против Советского Союза. В беседе с германским военным атташе Г. Краппе в ноябре 1940 г. он заявил: «Война началась не там, где нужно. Сначала надо было разбить Россию. Общим врагом для Европы является «большевизм»¹.

Ватикан и верхушка католической церкви Германии вместе со всей международной реакцией также враждебно отнеслись к заключению германо-советского пакта о ненападении, который срывал их планы «крестового похода» против СССР. Папа римский через своего нунция в Германии Орсенито передал Риббентропу протест против заключения договора. «Защищаясь» от нападков «отца церкви», гитлеровский министр заверял посланца Ватикана, что договор с СССР является временной мерой, что Германия никогда не отказывалась от плана войны против СССР².

¹ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1666, л. 165.

² См. *Авро Мэнхэттен*, Ватикан. Католическая церковь — оплот мировой реакции, М., 1948, стр. 193—194.

Германо-советский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. вызывал и вызывает неистовую злобу у представителей империалистической реакции, так как он сорвал их планы войны против СССР уже в 1939 г., а также в связи с тем что Советский Союз использовал этот договор для укрепления своей оборонной мощи и создал условия для последующей победы над фашистской Германией¹.

¹ Так, например, западногерманский реакционный историк и издатель М. Фрейнд в своей «Истории второй мировой войны в документах» подобрал документы с таким расчетом, чтобы доказать, что будто бы весной 1939 г. Советский Союз вступил в сговор с фашистской Германией. В целях извращения миролюбивого характера внешней политики СССР он рассматривает советско-германский пакт изолированно от других международных событий предвоенного периода, от борьбы СССР за создание системы коллективной безопасности, скрывает политику поощрения гитлеровской агрессии, проводившуюся правящими кругами США, Англии и Франции. Извращая исторические факты, он утверждает, будто целью внешней политики СССР являлось стремление столкнуть западные державы с Германией. *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. II, S. 157.*

Западногерманские реакционные идеологи пытаются использовать критику германо-советского пакта для пропаганды политики укрепления сотрудничества (так называемой интеграции) Западной Германии со странами Североатлантического блока. Они также критикуют политику Чемберлена, Даладье и Гитлера за то, что в 1939 г. они не сумели создать единого антисоветского блока империалистических держав, что, по их мнению, и явилось одной из причин поражения фашистской Германии, создания социалистического лагеря и укрепления его позиций в Европе и Азии. Западногерманский историк Бухгейм, например, пишет, что «Гитлер отказался от общеевропейских интересов», и, начав войну на Западе, он будто бы тем самым «открыл Советскому Союзу путь в Европу». *H. Buchheim, Grundlagen und politische Entwicklung des Dritten Reiches. «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. II, S. 135.*

Этот реакционер не желает сказать о том, что здесь дело не в политике Гитлера, являвшегося злейшим врагом Советской страны. Этот антисоветский сговор был сорван в результате обострения империалистических противоречий и протеста широких народных масс.

ГЕРМАНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПОЛЬШИ. РАЗВЯЗЫВАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Германский нажим на Польшу после Мюнхена

Польша занимала одно из центральных мест в агрессивных планах немецко-фашистского империализма. Германские реваншисты после Версаля никогда не снимали с повестки дня требования о ревизии германо-польской границы, о захвате исконно польских земель: Познанского воеводства, Силезии, Приморья, «вольного города» Гданьска (Данцига).

Вскоре после мюнхенского стовора гитлеровцы предпринимая попытку прозондировать позицию польского правительства по вопросу о возможности передачи Германии «вольного города» Гданьска¹ и строительства экстерриториального коридора через польское Поморье для соединения Германии с Восточной Пруссией. Вопрос этот и прежде неоднократно затрагивался в германо-польских дипломатических пере-

¹ Согласно ст. 100—108 Версальского договора, Гданьск и его ближайшие окрестности составляли республику под названием «Вольный город Данциг», находившуюся под защитой Лиги наций. Представителем Лиги наций являлся так называемый верховный комиссар. Гданьск входил в таможенные границы Польши, и польские чиновники осуществляли таможенный контроль на границах Гданьска. Версальский договор предусматривал соучастие Польши в управлении и эксплуатации порта и водных путей города, эксплуатации и управлении железными дорогами на территории города и почтово-телеграфным сообщением между «вольным городом» и Польшей; польскому правительству принадлежало право опеки над польскими гражданами Гданьска, ведение внешних сношений «вольного города», а также защита интересов его граждан в других странах.

говорах. Но сейчас, оказав содействие правящей клике Польши в захвате значительной чехословацкой территории (Заользья), а также обещая ей компенсацию за счет Словакии и, главное, за счет территории Советского Союза, гитлеровцы приступают к практической реализации своего плана.

Вначале гитлеровское правительство надеялось добиться осуществления своего плана посредством переговоров с польским правительством и путем дипломатического нажима на своих западных союзников по мюнхенскомуговору.

24 октября 1938 г. Риббентроп принял польского посла в Берлине Липского и заявил ему, что наступило время для урегулирования всех спорных вопросов между Германией и Польшей. Конкретные требования Риббентропа сводились к следующему¹:

1. Вольный город Данциг возвращается Германии.
2. Через польский коридор прокладывается экстерриториальная автострада и экстерриториальная четырехколейная железная дорога, принадлежащая Германии.
3. Германско-польский договор будет продлен с 10 до 25 лет».

Риббентроп просил посла устно передать Беку эти предложения, так как «разглашение их опасно».

Как сообщал Липский в Варшаву 25 октября 1938 г., Риббентроп во время этой беседы не преминул использовать ненависть правящей клики Польши к Советскому социалистическому государству. «Министр иностранных дел сказал мне,— сообщал Липский,— что он видит возможность сотрудничества с нами в колониальном вопросе, в проблеме выселения евреев из Польши и совместных действиях в отношении России в рамках антикоминтерновского пакта»². За обещание «совместных действий в отношении России» гитлеровцы рассчитывали добиться от правительства Польши согласия на захват Гданьска и всего коридора. В течение

¹ «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 197.

² Германское министерство иностранных дел в «Белой книге» № 2, изданной осенью 1939 г., желая скрыть антисоветский характер своей политики, не опубликовало этого места из заявления Риббентропа.

последующего полугодия предложения, сделанные Риббентропом Липскому, являлись теми основными требованиями, удовлетворения которых официально добивалось правительство фашистской Германии.

19 ноября 1938 г. после посещения Варшавы и личной встречи с Беком Липский по возвращении в Берлин нанес визит Риббентропу. Он напомнил гитлеровскому министру о заслугах польского правительства перед фашистской Германией в период «аншлюса» Австрии и судетского кризиса. Затем он сказал, что «по внутриполитическим причинам для министра иностранных дел Бека было бы трудно согласиться на присоединение Гданьска к Германии». Липский заявил, что Польша готова признать Гданьск «чисто немецким городом» со всеми вытекающими отсюда правами, но с сохранением его как свободного города, не входящего в состав Германии, и с обеспечением прав Польши. Липский добавил, что всякие попытки присоединить Гданьск к Германии неизбежно привели бы к конфликту и это имело бы не только локальное значение, но нарушило бы все германо-польские отношения.

Несмотря на то что в ответе польского правительства содержались существенные уступки Германии за счет интересов Польши, он не устраивал гитлеровцев. Понимая, что фашистская Германия не может удовлетворить свои требования посредством дипломатических переговоров с правящей кликой Польши, гитлеровцы начали давать ей миролюбивые заверения. В то же время они усилили антипольскую кампанию в прессе, активизировали подрывную деятельность своей «пятой колонны» в Польше и начали практическую подготовку к захвату Гданьска и польского коридора с помощью вооруженных сил. В октябре 1938 г. немецко-фашистская пресса начала публиковать статьи об угнетении немецкого национального меньшинства в Польше. Премьер-министр Склавой Сладковский вынужден был принять главарей немецких гитлеровцев в Западной Польше Госбаха и Визнера, которые предъявили ему требование о расширении прав немецкого меньшинства¹.

¹ См. «Правда», 18 октября 1938 г.

Вскоре после того как Липский вручил Риббентропу ответ польского правительства на германские предложения, 24 ноября 1938 г. германским командованием вооруженных сил был издан секретный приказ, подписанный Кейтелем, о подготовке насильственного захвата Гданьска и польского коридора. В приказе говорилось: «Фюрер приказал: помимо трех важных контингентов, упомянутых в инструкции от 21/IX—1938 г., должны также проводиться подготовительные мероприятия с целью сделать возможной внезапную оккупацию вольного города Данцига германскими войсками. Подготовку следует проводить на следующей основе: осуществить квазиреволюционную оккупацию Данцига, используя благоприятную политическую ситуацию, не начинать войну с Польшей»¹.

Таким образом, разрабатывая план захвата всей Чехословакии, гитлеровцы одновременно рассчитывали захватить и Гданьск. На войну с Польшей они еще не решались, надо было провести соответствующую подготовку. Главари фашистской Германии продолжали попытки добиться осуществления своих требований. Напряженность в германо-польских отношениях чрезвычайно усилилась. Одновременно гитлеровские власти проводили политику репрессий против польского населения. К ноябрю 1938 г. они выслали свыше 15 тыс. польских подданных — евреев и поляков — из Германии в Польшу².

5 января 1939 г. в Берхтесгадене состоялась встреча Гитлера с польским министром иностранных дел Беком³. Гитлер потребовал от польского правительства удовлетворения требований, предъявленных Риббентропом Липскому 24 октября. Запугивая Бека возможностью внешнеполитической изоляции Польши, Гитлер сослался на англо-германскую и франко-германскую декларации, подписанные вскоре после Мюнхена. Гитлер давал понять Беку, что после удовлетворения Польшей германских требований в соответствии с пожеланиями правящих кругов Польши может быть

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 332.

² L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne.

³ «Deutsches Weißbuch» № 2, Dok. N 100.

разрешен вопрос о Закарпатской Украине и о совместной польско-венгерской границе. Фашистский диктатор заверял польское правительство, что Германия не будет стремиться к осложнению обстановки в Гданьске и его насильственному захвату. Это лицемерное заявление Гитлер делал уже спустя полтора месяца после того, как по его указанию был издан приказ о подготовке вооруженных сил к насильственному захвату Гданьска.

Бек в свою очередь заверял Гитлера, что польское правительство в отношении Германии придерживается прежней дружественной политики и что оно относится отрицательно к так называемым гарантийным системам, обанкротившимся в сентябре¹. Польский министр подчеркнул далее, что «предложения канцлера не предусматривают достаточной компенсации для Польши и что не только политические деятели Польши, но и самые широкие слои польской общественности относятся к этому вопросу очень болезненно»². Это, по словам Бека, затрудняет разрешение гданьского вопроса в соответствии с германскими предложениями.

Важное место в переговорах Бека с Гитлером занял вопрос об отношении к Советскому Союзу. Гитлер предлагал правительству Польши в качестве компенсации за Гданьск и коридор не только гарантию польских границ, но и часть Советской Украины. Он указывал на совпадение интересов Польши и Германии в отношении Советского Союза. «Каждая польская дивизия, борющаяся против России,— говорил Гитлер,— соответственно сберегает германскую дивизию»³.

В связи с пятилетием со дня подписания германо-польского договора 25 января 1939 г. Риббентроп посетил Варшаву. Польское правительство устроило Риббентропу пышную встречу. Министр иностранных

¹ «Deutsches Weißbuch» № 2, Dok. N 200.

² Там же.

³ Там же, док. № 48.

Небезынтересно отметить, что если в 1935 г. Геринг за участие Польши в походе против СССР сулил ей всю Советскую Украину, то в 1939 г. Гитлер говорил уже только о части Украины.

дел Германии был принят президентом Мосьцицким и фактическим главой государства главнокомандующим вооруженными силами маршалом Рыдз-Смиглы. От имени Гитлера он заверил их, что польско-германский договор рассчитан на длительный срок и его соблюдение является главной целью политики Гитлера¹. Между Рыдз-Смиглой и Риббентропом состоялся также обмен мнениями о совместных враждебных действиях против Советского Союза. Такие беседы давно уже стали неотъемлемой частью, своеобразной традицией всех переговоров при встречах фашистских главарей Германии и Польши. Гитлеровцы стремились убедить правящую клику Польши в том, что в самое ближайшее время предстоит совместный военный поход против СССР, сулили им легкую победу и богатую добычу за счет советского народа.

Хотя в официальном коммюнике о визите Риббентропа в Варшаву и сообщалось, что переговоры показали общность мнений по текущим, а также будущим вопросам политики обоих государств, но визит Риббентропа в Варшаву, так же как и визит Бека в Берхтесгаден, не привел к желаемым для фашистской Германии результатам. Польское правительство, вдохновляемое антисоветскими посулами гитлеровцев, хотя и шло на большие уступки, все же не могло согласиться на немедленное присоединение Гданьска и коридора к Германии. Оно понимало, что польский народ не допустит такой антинациональной сделки с гитлеровцами, которая поставила бы Польшу в полную политическую и экономическую зависимость от Германии, что явилось бы первым шагом к порабощению всей Польши. Оно не могло сделать этого еще и потому, что Гданьск и коридор были последними козырями, которые санация могла использовать в торге с гитлеровцами.

Не добившись удовлетворения своих требований сразу же после Мюнхена, гитлеровцы продолжали маневрировать и выжидать более благоприятного момента для решительного наступления на Польшу. В то же время они продолжали лицемерно заявлять о дружбе

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 55.

между Германией и Польшей. Выступая в «Спортпаласе» 30 января 1939 г., после возвращения Риббентропа из Варшавы, Гитлер говорил, что германо-польская дружба в тревожные месяцы 1938 г. являлась «решающим фактором политической жизни Европы», что польско-германское соглашение (1934 г. — В. Ф.) имеет «важнейшее значение для сохранения мира в Европе»¹. Это был последний случай, когда главарь германских фашистов публично превозносил германо-польский союз. Гитлер продолжал успокаивать свою очередную жертву. Он делал это для того, чтобы обеспечить поддержку со стороны Польши во время предстоящих новых агрессивных актов против Чехословакии, Литвы, Румынии и других европейских государств.

С 15 марта 1939 г., т. е. после захвата фашистской Германией всей Чехословакии, начинается новый этап в германо-польских отношениях. Отныне первоочередным объектом немецко-фашистской агрессии становилась сама Польша. Если прежде Гитлер собирался привлечь Польшу к участию в оккупации Чехословакии, то после того, как польское правительство отказалось удовлетворить требования Германии, фашистский «фюрер» отказался от подобной мысли. Он даже не информировал Бека о подготовке этого очередного акта агрессии.

А между тем на часть территории Чехословакии претендовала и Польша. Выступая 1 марта 1939 г. в сенатской комиссии по иностранным делам, Бек обосновывал «права Польши» на протекторат над Словакией². Однако гитлеровцы уже больше не считались с претензиями польского правительства. Стремясь предупредить возможные действия Польши, они еще вечером 15 марта 1939 г. заняли промышленные районы Чехословакии Витковицы и Моравска-Острава. Фашистская Германия парализовала также попытки польского правительства укрепить свое сотрудничество со словацкими буржуазными националистами.

¹ «Völkischer Beobachter», 31.I.1939.

² «Gazeta Polska», 12.III.1939.

Спустя неделю после захвата всей Чехословакии гитлеровцы приступили к реализации своего плана в отношении Польши. 21 марта 1939 г. Риббентроп снова пригласил к себе польского посла Липского. В угрожающем тоне он напомнил Липскому о предложениях, которые были сделаны Гитлером Беку в Берхтесгадене по вопросу о Гданьске и строительстве автостреды¹. Заявление Риббентропа было облечено в ультимативную форму. Риббентроп обратил внимание посла на антигерманские выступления польской печати, на антигерманские демонстрации во время посещений Варшавы итальянским министром иностранных дел Чиано. Гитлеровский министр заявил, что канцлер недоволен поведением Польши и опасается, как бы Гитлер не пришел к выводу, что Польша отклоняет все его предложения.

В ответ на жалобы Липского, что Германия не информировала Польшу о предстоящем захвате всей Чехословакии, и его заявление о заинтересованности Польши в Словакии, Риббентроп снова заверил Липского, что Польша получит компенсации за счет СССР. Опасаясь, однако, при сложившейся международной обстановке возможности сближения Польши с Советским Союзом, Риббентроп запугивал польское правительство тем, что подобное сближение «непременно принесет с собой в Польшу большевизм». Он потребовал, чтобы Липский немедленно выехал в Варшаву для получения ответа своего правительства.

26 марта Липский, возвратившись из Варшавы с инструкцией своего правительства, сразу же был принят Риббентропом². Риббентроп отклонил польские предложения об облегчении германского транзита через коридор, признав эту уступку недостаточной. Он продолжал настаивать на передаче Германии Гданьска. Риббентроп в категорической форме заявил, что ничто, кроме присоединения Гданьска к Германии и создания экстерриториальных путей через коридор, не может удовлетворить германское правительство. Он говорил

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 61.

² Там же, док. № 63.

Липскому, что Германия рассматривает Польшу как «блюстителя порядка на востоке Европы», и напоминал ему, что Германия предоставила ей приоритет в «украинском вопросе».

Затем гитлеровский министр угрожающе заявил польскому послу, что «всякое нарушение суверенитета Данцига польскими войсками Германия будет рассматривать как нарушение государственной границы рейха».

Подобным заявлением Риббентроп предупреждал Польшу, что Германия фактически устанавливает свой протекторат над Гданьском. В то же время гитлеровцы, шантажируя польское правительство, пытались представить робкие оборонительные мероприятия польских властей как агрессивные действия Польши, а подготовку вермахта к захвату Гданьска — как оборонительную меру¹. Это означало, что любую попытку Польши оказать противодействие германской агрессии против Гданьска гитлеровцы собирались использовать в качестве повода к войне.

Во время новой беседы с Липским 27 марта 1939 г. Риббентроп еще раз предупредил польского посла, что если в ближайшее время Польша не согласится принять требования Берлина, то он откроет сильную антипольскую кампанию в прессе, и решение вопроса посредством переговоров станет невозможным².

Ведя дипломатические переговоры с польским правительством, фашистская Германия одновременно усилила происки в Гданьске в целях подготовки захвата города. Как свидетельствуют документы, гитлеровцы намеревались 29 марта 1939 г. устроить путч и, поста-

¹ При публикации записи этой беседы в германской «Белой книге» № 2 министерство иностранных дел Германии допустило явную фальсификацию. В немецкой версии этой беседы говорится, что будто бы первым такое заявление сделал Липский от имени польского правительства, сказавший, что попытка Германии вернуть Гданьск означала бы войну с Польшей, и что Риббентроп сделал аналогичное заявление только после декларации Липского. «Polnisches Weißbuch», Dok. N 63; *M. Freund*; *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. I, S. 87, ADAP, Ser. D, Bd. VI. S. 10.

² «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 209,

вив Польшу перед совершившимся фактом, присоединить город к фашистской Германии¹.

В начале 1939 г. гитлеровцы достигли значительных успехов в подчинении Гданьска. Еще в 1935 г. гданьские фашисты при поддержке Германии захватили большинство мест в сенате города. Результаты этого акта сказались очень быстро: в Гданьске была ликвидирована свобода печати, собраний, начались аресты деятелей оппозиционных партий, усилилось преследование поляков². Воспользовавшись попустительством Лиги наций, под управлением которой находился Гданьск, и польского правительства, гитлеровцы приступили к полной ликвидации конституции «вольного города».

В феврале — марте 1939 г. Гданьск наводняли многочисленные агенты фашистских подрывных организаций. Из Германии по суше и морю прибывало вооружение. Как показал на Нюрнбергском процессе гитлеровский генерал Краппе, он в 1939 г. прибыл в штатской форме в Гданьск и здесь приступил к формированию воинских частей, которые скрывались под видом полицейских подразделений. «Все вооружение, боеприпасы и снаряжение, — продолжал Краппе, — доставлялись нам в Данциг по ночам на пароходах из Германии»³. Позднее один из полков, созданных в Гданьске под командованием Краппе, принимал участие в захвате польских крепостей Гдыни и Модлина. Материалы судебного процесса над главарем гданьских фашистов Ферстером (процесс происходил в Польше в апреле 1948 г.) также подтверждают, что гитлеровцы намеревались в конце марта 1939 г. захватить Гданьск⁴. Как доносил в Париж французский консул в Гданьске де-ла Турнель, только 14 и 15 марта по дороге из Эльбинга в Гданьск было обнаружено 50 германских офицеров⁵.

¹ «Głos Ludu», 7.IV.1948.

² «PPR w obronie niepodległości Polski», Materiały i dokumenty, Warszawa, 1953, str. 282—283.

³ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1666, л. 161.

⁴ «Głos Ludu», 7.XI.1948.

⁵ «Gelbbuch», Dok. N 66.

В конце марта 1939 г. иностранные дипломаты, аккредитованные в Берлине, сообщали своим правительствам о чрезвычайной напряженности в германо-польских отношениях. Французский поверенный в Берлине 30 марта 1939 г. доносил в Париж, что большая часть сотрудников польского посольства в Берлине и членов колонии уже отправили в Польшу своих жен и детей; польские студенты, находившиеся в германской столице, возвратились на родину, а польские консулы получили приказ сжечь секретные бумаги и архивы¹. В это время многие в Польше считали войну неизбежной и очень близкой.

В польском народе росло возмущение предательской политикой своего правительства, выдвигались требования оказания решительного отпора гитлеровским агрессорам. Под давлением трудящихся польское правительство приняло ряд мер, которые должны были продемонстрировать его «решимость» помешать фашистской Германии захватить Гданьск. Германский посол Мольтке сообщил 29 марта в Берлин: «Имеются опасения, что Бек изменит курс, к чему он будет побужден подымавшейся националистической волной»².

В Польше была объявлена частичная мобилизация в армию. 23 марта в Варшаве проводились учения по противовоздушной обороне, был выпущен специальный заем в фонд создания артиллерии ПВО. 27 марта президент издал декрет о дополнительном ассигновании 1,2 млрд. злотых на вооружение. Все эти демонстративные мероприятия были не способны остановить немецко-фашистскую агрессию. В связи с нарастающей угрозой агрессии польское правительство вынуждено было начать переговоры с правящими кругами Англии о поездке министра иностранных дел Польши Бека в Лондон с целью заключения пакта о взаимопомощи.

Однако в конце марта 1939 г. Германия еще не была готова к войне с Польшей. Учитывая сложившуюся обстановку, гитлеровцы решили временно воздержаться

¹ «Gelbbuch», Dok. N 86.

² «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 206.

от захвата Гданьска. 28 марта 1939 г. президент гданьского сената Грейзер и другие главари фашистов были вызваны в Берлин. Здесь им было предложено временно воздержаться от организации вооруженного путча¹. Фашистская Германия решила при содействии англо-франко-американских мюнхенцев провести более тщательную подготовку к агрессии против Польши.

В течение полугода, с октября 1938 г., велись тайные германо-польские переговоры, но польское правительство скрывало от народа требования Германии по вопросу о передаче Гданьска, о коридоре и т. д. Оно скрывало от народа нависшую над страной смертельную опасность фашистской агрессии.

Активизация дипломатической деятельности нужна была правящей клике Польши и по внутривластным соображениям. Посредством новых внешнеполитических авантур правительство Польши рассчитывало оказать воздействие на польский народ.

Обострение польско-германских отношений побудило польское правительство предпринять ряд мер для того, чтобы укрепить свое сотрудничество с агрессорами путем сближения с другими участниками фашистской «оси» — Италией и Японией. Оно использовало беспокойство правительства Италии в связи с усилением германской экспансии в Юго-Восточной Европе — традиционной сфере влияния итальянского империализма. Польский посол в Риме Венява Длугошевский был частым гостем Чиано и вел с ним переговоры об участии Польши в новых актах фашистской агрессии². 25 февраля 1939 г. Варшаву посетил итальянский министр иностранных дел Чиано. Польское правительство связывало с визитом зятя Муссолини большие надежды. Однако визит Чиано не принес желаемых результатов. Вернувшись в Рим, он немедленно информировал германского посла Макензена о содержании переговоров с Бекком. Да и сам польский министр в письме послу Веняве Длугошевскому признавался, что Чиано отклонил всякие

¹ «Gelbbuch», Dok. N 86.

² См. «Известия», 20 октября 1938 г.

попытки переговоров о политике в Восточной Европе без участия Германии¹.

Бек стремился усилить связи Польши и с империалистической Японией. Делегация Польши в Лиге наций наиболее открыто защищала японскую агрессию в Китае. 27 сентября 1938 г. польский посол в Токио Ромер сообщал в Варшаву, что в беседе с ним японский министр иностранных дел выразил благодарность польскому правительству за отказ польской делегации от голосования резолюции, осуждавшей японскую агрессию в Китае. Японский министр просил также, чтобы польские разведывательные органы обменялись с соответствующими японскими органами разведки информацией о состоянии вооруженных сил Советского Союза. Между Польшей и Японией было заключено новое торговое соглашение. В октябре 1938 г. после переговоров Ромера с японским правительством Польша, которая еще ранее признала марионеточное государство Маньчжоу-го, теперь установила с ним консульские отношения². Японская пресса отмечала, что эти соглашения являлись дипломатическим жестом, направленным против Советского Союза.

Однако попытки Бека укрепить позиции санационной Польши в рамках агрессивной фашистской «оси» были обречены на провал, ибо сама Польша уже являлась одним из первоочередных объектов немецко-фашистской агрессии.

Продолжая политику, направленную на сотрудничество с фашистской Германией, польское правительство решило совершить новый дипломатический маневр. Оно начало демонстрировать свое намерение улучшить отношения с Советским Союзом. В начале ноября 1938 г. польский посол в Москве Гржибовский имел ряд бесед с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным, а затем и с народным комиссаром М. М. Литвиновым о расширении взаимной торговли и по некоторым другим вопросам³. Несмотря на ярко выраженную антисоветскую на-

¹ «Sprawy międzynarodowe» N 6, 1957.

² «Gazeta Polska», 2.I.1939.

³ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 147.

правленность внешнеполитического курса польского правительства, Советский Союз продолжал стремиться к установлению добрососедских отношений с Польшей. Улучшение советско-польских отношений нанесло бы удар по политике мюнхенцев, стремившихся изолировать Советский Союз и направить германскую агрессию на восток Европы. Улучшение отношений между СССР и Польшей могло бы содействовать созданию антигитлеровского блока государств Восточной Европы, способного обуздать агрессора.

27 ноября 1938 г. было опубликовано сообщение ТАСС о переговорах народного комиссара иностранных дел СССР с польским послом¹. В сообщении говорилось, что основой отношений между Польшей и СССР является договор о ненападении 1932 г. Но после этого официального сообщения польское правительство перестало интересоваться проблемой улучшения польско-советских отношений. Уже в то время иностранная печать отмечала, что польское правительство предприняло этот шаг в связи с непримиримой позицией, занятой Германией во время переговоров с Польшей.

Только во второй половине декабря 1938 г. в Москву приехал представитель польского министерства промышленности и торговли. В итоге переговоров с народным комиссаром внешней торговли А. И. Микояном 21 декабря 1938 г. было опубликовано сообщение Советского правительства о предстоящем расширении торгового оборота между СССР и Польшей². Однако польское правительство сознательно затягивало переговоры о заключении торгового договора. Понадобилось еще два месяца, чтобы правительство Польши подписало (19 февраля 1939 г.) торговый договор. Затем в течение еще трех месяцев польская правящая клика саботировала ратификацию этого весьма выгодного для Польши договора. Таким поведением польское правительство разоблачало подлинный смысл своего внешнеполитического маневра. Как признает бывший французский посол в Варшаве Ноэль, «Бек до тех пор

¹ См. «Известия», 27 ноября 1938 г.

² См. «Известия», 21 декабря 1938 г.

не считал нужным сближаться с Москвой, пока Германия не выявила свои тайные намерения... противоположные интересам Польши»¹.

Усилия Советского правительства, направленные на улучшение советско-польских отношений, наталкивались на сопротивление польского антинародного правительства. Вопреки интересам польского народа эти отношения дальнейшего развития не получили. Однако международная реакция была весьма встревожена наметившейся перспективой улучшения советско-польских отношений, что могло сорвать агрессивные антисоветские и антипольские планы правительств западных держав. Американская, английская и французская реакционная пресса стала запугивать правящие круги Польши «красной опасностью».

Правительство фашистской Германии также было встревожено началом польско-советских переговоров. 27 ноября 1938 г. германский посол в Варшаве Мольтке в донесении в Берлин выражал опасение, как бы экономические переговоры между Польшей и СССР не приняли политического характера². Еще более тревожными были донесения германского посла в Москве графа Шуленбурга. В специальном рапорте в Берлин от 3 декабря 1938 г. «О ходе советско-польских переговоров» Шуленбург писал, что инициатива переговоров исходила от польской стороны и что эти переговоры могут привести к улучшению отношений между Польшей и Советским Союзом. Посол также выражал опасение, что эти переговоры могут быть связаны с планируемым «пактом четырех» с участием Англии, Франции, Польши и Советского Союза³. «Русские верят, — доносил посол, — что Польша, так же как и они, заинтересована в улучшении отношений с СССР в целях взаимной поддержки против Германии»⁴.

15 декабря 1938 г. Мольтке имел по данному вопросу специальную беседу с Беком, но польский министр

¹ *L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne, p. 272.*

² ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 113—114.

³ Там же, стр. 116.

⁴ Там же, стр. 114.

отозвался о польско-советских переговорах только как о малозначительном эпизоде. Отказ польского правительства от дальнейшего улучшения отношений с СССР способствовал развязыванию германской агрессии.

Германо-польские отношения привлекали все большее внимание правительств Англии, Франции и США, которые стремились использовать Польшу в качестве «игрального мяча» в своей политике антисоветского сговора с фашистской Германией. Правящие круги Англии и Франции, упорно стремившиеся к развязыванию войны против Советского Союза, решили использовать правящую клику Польши для срыва переговоров с СССР и для провоцирования антисоветской войны¹. В свою очередь польское правительство, получив германский ультиматум о передаче Гданьска и коридора, продолжая переговоры с гитлеровцами, в то же время пошло на сближение с западными державами. Этим несложным маневром польское правительство пыталось воздействовать на гитлеровцев и заставить их отступить от своих требований.

Провокационная политика правительств западных держав и Польши особенно ярко проявилась во время уже упоминавшихся англо-франко-советских переговоров, происходивших весной и летом 1939 г.

Правительство Англии, стремясь ввести в заблуждение общественное мнение своей страны и пытаясь оказать давление на Германию, начало демонстрировать сближение с Польшей. 30 марта английский посол в Варшаве совершенно неожиданно для польского правительства заявил Беку, что премьер-министр Чемберлен собирается на следующий день сделать заявление в парламенте о предоставлении односторонних

¹ Во время беседы с посетившим в начале марта 1939 г. Польшу новым румынским министром иностранных дел Гафенку Бек заявил, что он преисполнен полного доверия к Гитлеру, который еще никогда не обманывал его. В этой беседе Бек раскрыл действительную цель политики санации, которую она пыталась скрыть посредством различных дипломатических маневров. «Гитлер понимает опасность большевистской угрозы, с которой он всегда боролся... Это главная проблема гитлеровской Германии, по сравнению с которой другие являются второстепенными». *G. Gafenco, Derniers Jours de l'Europe*, p. 76.

гарантий Польше¹. Польский министр после согласования с Мосьцицким и Рыдз-Смиглой выразил согласие Польши на подобное заявление.

31 марта Чемберлен выступил в палате общин с пространной декларацией, в которой лживо заявил, что будто бы «английское правительство не получало никаких официальных сведений, подтверждающих справедливость слухов о подготавливаемом нападении на Польшу»². «Верный» своим «обещаниям», английский премьер заявил, что в случае создания угрозы независимости Польши и в том случае, если польское правительство будет считать подобные действия угрожающими жизненным интересам страны и будет готово оказать сопротивление своими собственными силами, английское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать польскому правительству помощь в пределах своих возможностей. Чемберлен добавил, что французское правительство уполномочило его заявить, что оно займет в этом вопросе позицию, аналогичную позиции английского правительства.

Эта декларация была очередным маневром правительств Англии и Франции в их антисоветской политике, в их попытках достижения сговора с фашистской Германией. Английская пресса уже тогда вскрыла провокационный смысл этой декларации. Консервативная газета «Таймс», разъясняя смысл выступления Чемберлена, 1 апреля 1939 г. писала, что декларация английского премьера предназначена только для того, «чтобы обеспечить Польше независимость в переговорах», т. е. Англия не будет возражать, если Польша удовлетворит требования фашистской Германии о передаче ей Гданьска и коридора³.

Все эти расплывчатые заявления английского правительства были сделаны не в интересах обеспечения безопасности польского народа, а преследовали совсем иные цели: оказать давление на правящую клику фашистской Германии в целях поощрения ее агрессии

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 68.

² «Известия», 1 апреля 1939 г.

³ «Times», 1.IV.1939.

на восток Европы, против Советского Союза. Польша в этой политике являлась лишь очередной приманкой для германских империалистов.

В начале апреля 1939 г. для дальнейших переговоров с английским правительством в Лондон прибыл польский министр иностранных дел Бек. 6 апреля Чемберлен объявил о заключении англо-польского соглашения двухстороннего характера, которое должно заменить односторонние и временные обязательства Великобритании в отношении Польши. «Польша и Англия,— говорил Чемберлен,— окажут друг другу взаимную помощь в случае какой-либо угрозы независимости одной из них»¹. О том, что английское правительство не придавало серьезного значения этому соглашению, свидетельствует тот факт, что оно не торопилось с выработкой и подписанием текста договора. Он был подписан только спустя пять месяцев — 25 августа 1939 г., т. е. за несколько дней до нападения фашистской Германии на Польшу.

В Берлине польско-английские переговоры были встречены с нескрываемым недовольством. Немецко-фашистская пресса с сарказмом комментировала все эти дипломатические ухищрения англо-французской и польской дипломатии. «За последние месяцы,— писала «Фёлькишер беобахтер»,— демократические державы слишком хорошо показали, что стоят их слова, жесты, протесты»². Фашистский официоз подробно пересказывал передовую статью «Таймс» и других английских газет, которые расценивали декларацию Чемберлена от 31 марта как не обязывающую Англию защищать «каждый дюйм польской территории»³ и не требующую «слепого сохранения» «status quo». На основании этих фактов гитлеровцы делали вывод, что они могут форсировать подготовку войны.

7 апреля после отъезда Бека из Лондона германская пресса открыла сильную антианглийскую и антипольскую кампанию. Фашистские газеты заявляли,

¹ «Blaubuch», Basel, 1940, Dok. N 18.

² «Völkischer Beobachter», 2.IV.1939.

³ Там же.

что Польша сошла с пути, намеченного Пилсудским, а Бек будто бы стал служить интересам Англии. 6 апреля Вейцекер пригласил Липского и потребовал объяснения о целях визита Бека в Лондон. В резкой форме германский статс-секретарь указал на обострение германо-польских отношений, вызванное визитом Бека в Лондон¹.

Несмотря на то что гитлеровцы скептически оценивали перспективы англо-польского сотрудничества, они понимали, что соглашение между Англией и Польшей могло оказаться дополнительной помехой на пути осуществления их агрессивных планов. После встречи Липского с Вейцекером в течение почти всего апреля 1939 г. между польским и германским правительствами фактически отсутствовали дипломатические контакты. Германский посол в Варшаве Мольтке находился в Берлине. Бек неоднократно признавался французскому послу Ноэлю, что все его попытки вызвать германского посла, чтобы проинформировать его о переговорах в Лондоне, оставались тщетными. Из Берлина сообщали, что посол задерживается в связи с ожиданием инструкций. Это зловещее молчание гитлеровской дипломатии объяснялось тем, что с начала апреля 1939 г. в тайниках германского генерального штаба велась ускоренная разработка плана вооруженного нападения на Польшу.

2. «Белый план».

Германская «пятая колонна» в Польше

Агрессивные планы захвата Польши гитлеровцы разрабатывали задолго до начала второй мировой войны². Выступая перед своими главнокомандующими в Оберзальцберге 22 августа 1939 г., Гитлер говорил: «Для меня было совершенно ясно, что конфликт с Польшей неизбежно произойдет рано или поздно. Я принял *это решение ранней весной*. Но я полагал, что сначала

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 212.

² А. Норах, Edward Smygly-Rydz, str. 8.

нанесу удар на Западе, а только потом обращусь к Востоку»¹. Это признание фашистского диктатора свидетельствует о том, что, несмотря на многочисленные высказывания гитлеровцев об их стремлении к изолированной войне с Польшей, в действительности германский план агрессии против Польши был составной частью их общего плана войны против англо-французского империалистического блока.

Характерно, что в разгар англо-польских переговоров в начале апреля 1939 г. верховное командование германских вооруженных сил приступило к разработке подробного плана агрессии против Польши. Этот план имел кодовое обозначение «Белый план» (операция Вейс).

В то время когда министр иностранных дел Польши Бек проезжал через Берлин, 11 апреля 1939 г. начальник штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-полковник Кейтель извещал главнокомандующих сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами о том, что в соответствии с указанием Гитлера ОКВ разработало новую «Директиву вооруженным силам на 1939/40 г.». В директиве говорилось: «1. Разработка (плана нападения на Польшу.— В. Ф.) должна производиться с таким расчетом, чтобы проведение операции стало возможным в любое время начиная с 1 сентября 1939 г.» Главное внимание нацистская клика уделяла внешнеполитической изоляции Польши с тем, чтобы «ограничить войну боевыми действиями с Польшей»². Важнейшим условием осуществления этого замысла была надежда гитлеровцев на продолжение правительствами Англии и Франции их прежней мюнхенской политики. Добиваясь изоляции Польши на международной арене, фашисты также рассчитывали использовать ненависть ее правящей клики к социалистическому государству. На Прибалтийские страны Германия намеревалась оказать военное давление: «В ходе дальнейшего развития событий

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 350.

² См. «Белый план» (Публикация документов). «Военно-исторический журнал» № 9, 1959, стр. 99.

может потребоваться занять лимитрофы до границ старой Курляндии и включить их в состав империи»¹. Из «Белого плана» следовало, что Германия рассчитывала на поддержку Венгрии, которая «в качестве союзника будет на ее стороне», а также Италии, позиция которой определялась «осью Берлин — Рим».

Вторая часть директивы — «Военные соображения» — свидетельствовала о том, что фашистская Германия рассматривала войну с Польшей как подготовительную операцию к решающей схватке с Англией и Францией. «Великие цели создания германских вооруженных сил определяются по-прежнему соперничеством западных демократий. «Белый план» является лишь *предупредительной мерой*, дополняющей общие приготовления, но ни в коем случае он не может рассматриваться как причина для военных действий против западных противников»². В связи с этим на время войны с Польшей предусматривалось «принятие на всякий случай надлежащих мер по защите западных границ, германского побережья Северного моря, а также воздушного пространства над ними».

Согласно «Белому плану» наиболее важной задачей германских военно-морских сил была «по возможности скрытая разведка и защита от нападения советских военно-морских сил со стороны Финского залива»³. Таким образом, в связи с советскими предложениями о помощи Польше германское верховное командование серьезно опасалось возможности выступления СССР на стороне Польши в случае германской агрессии. В то же время оно было уверено в том, что правительства западных держав будут твердо придерживаться своей политики поощрения немецкой агрессии, и в связи с этим предлагало своим малочисленным войскам на западных границах «принять меры предосторожности» и «решительно избегать всего, что могло бы обострить взаимоотношения с западными державами».

¹ «Белый план» (Публикация документов). «Военно-исторический журнал» № 19, 1959, стр. 99, примеч. 11.

² Там же, стр. 99.

³ Там же, стр. 100.

К директиве Гитлера от 11 апреля 1939 г. имеется ряд приложений; составленных в различное время, которые дают возможность более полно раскрыть германский план агрессии против Польши. Эти приложения показывают, что, несмотря на наличие «плана Вейс», гитлеровцы не оставляли надежды захватить Гданьск. Операция по захвату Гданьска предусматривалась либо как самостоятельная операция при благоприятной конъюнктуре, либо как составная часть плана войны против Польши. В «Приложении III» к указанной директиве говорилось: «Вопрос о внезапной оккупации свободного города Данцига может встать независимо от «плана Вейс» при наличии благоприятных политических условий»¹. Оккупацию должны были произвести кадровые германские войска из Восточной Пруссии без объявления состояния войны.

Подготовительный период к нападению на Польшу завершается весьма важным совещанием, состоявшимся в имперской канцелярии 23 мая 1939 г. На нем присутствовали высшие военачальники «третьей империи» Геринг, Редер, Браухич, Кейтель, Мильх, Гальдер и др. Выступивший на совещании Гитлер заявил, что в связи с ростом экономической мощи Германии нарушилось равновесие в мире, т. е. обострились ее противоречия с другими державами. Проблему «жизненного пространства», являющуюся «основой всей мощи» страны, продолжал далее «фюрер», «невозможно осуществить без вторжения на территорию иностранных государств или захвата их собственности»².

На этом совещании Гитлер высказал то, что в течение пяти лет со дня подписания германо-польского договора гитлеровцы тщательно маскировали посредством всевозможных лицемерных заверений: «Данциг совершенно не является вопросом обсуждения. Это

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 426.

² Протокольная запись этого совещания, сделанная адъютантом Гитлера Шмундтом, по своему значению является вторым важнейшим документом после «протокола Госбаха» (ноябрь 1937 г.), раскрывающим авантюристические агрессивные планы немецко-фашистского империализма. «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 620.

вопрос расширения нашего жизненного пространства на Востоке, обеспечения продовольственного снабжения и разрешения балтийской проблемы»¹. Определяя место Польши в планах германского империализма, Гитлер говорил: «Польская проблема неразрывно связана с конфликтом на Западе. Польская внутренняя сила сопротивления большевизму стоит под сомнением. Отсюда ясно, что Польша в качестве барьера против России представляет собой весьма сомнительную ценность... поэтому о пощаде Польши не может быть и речи. Перед нами стоит задача атаковать Польшу при первой же возможности»². Он признал, что целью германской политики на Востоке является захват не только Гданьска, но и Прибалтики, Польши и территорий Советского Союза.

На возможность мирного захвата Польши гитлеровское правительство не возлагало надежд. В конце мая 1939 г. оно пришло к выводу, что осуществления дальнейших агрессивных планов уже нельзя добиться без войны, как это было с Чехословакией.

В разгар разработки германской военщиной плана войны против Польши 28 апреля 1939 г. в фашистском рейхстаге с погромной речью выступил Гитлер. Он заявил, что временное англо-польское соглашение, заключенное в Лондоне, несовместимо с германо-польской декларацией 1934 г.³ Гитлер обвинил Польшу в том, что будто бы она в ответ на германские предложения о мирном урегулировании отношений ответила мобилизацией резервистов и военными приготовлениями. В связи с этим он объявил о расторжении германо-польского договора от 26 января 1934 г. и англо-германского морского соглашения 1935 г. Характерно, что это заявление Гитлера в виде меморандума было вручено германским поверенным в делах в Варшаве министру иностранных дел Польши 28 апреля в момент, когда речь Гитлера передавалась по радио⁴.

¹ «Нюрнбергский процесс», т. I, М., 1957, стр. 621.

² Там же.

³ «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 214.

⁴ Там же, док. № 215.

Таким образом, договор, подписанный Германией с санационным режимом на десять лет, не просуществовал и пяти. Используя этот договор, гитлеровцы осуществили ряд захватов в Европе, подорвали складывавшуюся систему коллективной безопасности и подготовили условия для нападения на Польшу. Польское правительство оказало фашистской Германии все услуги, которые оно только в силах было оказать. Теперь, когда гитлеровское командование заканчивало военные приготовления к агрессии против Польши, правящая клика фашистской Германии отбросила договор, как ненужный клочок бумаги.

Разрывая договор с Польшей и морское соглашение с Англией, правительство фашистской Германии помимо развязывания рук для войны против Польши преследовало и другую цель. Как известно, в это время происходили англо-франко-советские переговоры о заключении пакта о коллективном отпоре агрессору. Реальность этого пакта в значительной мере зависела от участия в нем Польши. Несмотря на провокационное поведение правительств Англии, Франции и Польши во время переговоров с Советским Союзом, возможность заключения такого соглашения с участием СССР, как мы видели выше, чрезвычайно беспокоила гитлеровцев. Разрывая договор с Польшей и соглашение с Англией, гитлеровское правительство также хотело припугнуть правящие круги этих стран и побудить их к прекращению переговоров с СССР. Одностороннее расторжение фашистской Германией договора о ненападении означало, что наступил завершающий этап подготовки войны с Польшей.

Помимо военной и дипломатической подготовки агрессии фашистская Германия активизировала деятельность своей «пятой колонны» в Польше. Здесь для подрывной работы германской агентуры имелись благоприятные условия. В Польше, особенно в ее западных районах, имелось большое число немецкого населения (около 700 тыс. человек)¹. Немецкой

¹ J. Winiewicz, Mobilizacja sił niemieckich w Polsce. Warszawa, 1939, str. 41.

буржуазии и крупным землевладельцам принадлежали важные позиции в экономике западных районов Польши. Германское правительство оказывало им материальную и политическую поддержку. Через Амстердам и Гданьск, через специально созданные там банки из фашистской Германии немецким промышленникам переводились десятки миллионов злотых. Важные отрасли польской промышленности не в состоянии были конкурировать с немецкими фирмами, разорялись и попадали в руки немцев.

Немецкие колонисты владели значительной земельной собственностью. В Поморье немцам, составлявшим 10% населения, принадлежало 25% обрабатываемой земли, а в отдельных приморских уездах немецкие колонисты захватили до 90% всей обрабатываемой земли. Немцы держали в своих руках значительную часть экспорта сельскохозяйственных продуктов Польши¹. Гитлеровская пропаганда, а вслед за ней современные западногерманские историки-реваншисты создали легенду о терроре польских властей против немецкого национального меньшинства в Польше, с помощью которой они пытались и пытаются оправдать политику кровавого насилия и истребления шести миллионов польских граждан во время немецко-фашистской оккупации Польши в годы второй мировой войны. В действительности немецкое национальное меньшинство в Польше пользовалось широкими экономическими и политическими правами. Фашистская Германия использовала это обстоятельство для создания своей «пятой колонны», подрывная деятельность которой сыграла значительную роль в поражении буржуазно-помещичьей Польши.

Подрывные организации немецко-фашистской партии, а также германская контрразведка после захвата гитлеровцами власти в Германии проводили фашизацию немецкого национального меньшинства в Польше. В первую очередь они подчинили своему влиянию

¹ «Sprawy międzynarodowe», 1959, N 78, str. 3—23. Немецко-фашистская пресса в 2 раза преувеличивала численность немецкого населения в Польше.

наиболее многочисленную организацию «Союз немцев в Польше», возглавляемую Госбахом¹, а также «Партию молодых немцев», руководимую Визнером. Обе организации имели свое представительство в польском сенате. Кроме того, в Польше существовала немецко-фашистская партия, являвшаяся филиалом национал-социалистической партии Германии. Среди немецкого населения Польши нацисты широко пропагандировали фашистские идеи. В 1937 г. в Польше гитлеровцы издавали около 105 газет и журналов на немецком языке, из них 20 ежедневных².

В ноябре 1937 г. министерство внутренних дел Польши составило секретный меморандум о положении немецкого национального меньшинства в Польше³. В нем отмечалось, что, несмотря на заключение германопольской декларации о национальных меньшинствах, антипольская деятельность немецко-фашистской агентуры усилилась. «Союз немцев в Польше», — говорилось далее в меморандуме, — через подчиненные ему немецкие банки в Познани только в сентябре 1937 г. предоставил кредиты немецким предприятиям на сумму 6 604 тыс. злотых». Среди немецкого населения гитлеровцы развернули движение за создание единой фашистской организации, на каждом из собраний немцев выступали делегаты, прибывшие из Германии, агенты Боле. В меморандуме отмечалось также, что в многочисленных германских консульствах в Польше⁴ в качестве сотрудников работают активные деятели немецко-фашистского движения в Польше, которым польское правительство отказало в праве проживать в стране. С целью всеобъемлющей фашизации немецкого национального меньшинства гитлеровцы создали «Союз немецких крестьян», действующий в северных районах Польши. «В Силезии и других районах Польши, в газетах, издаваемых на немецком языке, — говорилось

¹ *J. Winiewicz, Mobilizacja sił niemieckich w Polsce*, str. 42.

² «September 1939», S. 57.

³ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 135, л. 8—12.

⁴ В Польше имелось 10 германских консульств.

в меморандуме, — развернулась усиленная антипольская пропаганда¹.

После Мюнхенской конференции германская «пятая колонна» в Польше в соответствии с указаниями, полученными из Берлина, усилила свою активность. Главари немецких фашистов в Польше по примеру Генлейна в переговорах с польскими министрами, а также в выступлениях на собраниях своих сторонников выдвигали требования о предоставлении автономии немецкому национальному меньшинству. Начальник департамента культуры МИД Германии Твардовский сообщал Риббентропу 12 декабря 1938 г., что управление «Фольксдейче» направило в министерство иностранных дел меморандум с требованием вмешаться в «защиту» немецкого национального меньшинства в Польше. Он писал, что руководители этой организации Лоренц и Гаусгофер имели беседу с Гитлером, который сказал им, «что он не намерен долго терпеть гонений со стороны нашего восточного соседа в отношении наших братьев-немцев»². Выступая в Познани на одном из собраний организации «Молодых немцев в Польше» в конце ноября 1938 г., Визнер заявил, что вопрос о положении немецкого национального меньшинства касается не только Польши, но что «Германия также может сказать свое слово»³. Весной и летом 1939 г. гитлеровцы превратили «пятую колонну» в Польше в важнейший инструмент своей подрывной деятельности.

Ежегодно из каждой немецкой колонии в Польше несколько молодых немцев под предлогом посещения родственников, поиска сезонной работы на определенный срок уезжали в Германию, где их готовили к диверсионной и разведывательной деятельности. Вернувшись в Польшу, они сохраняли связь с органами германской военной разведки. Накануне войны Польша кишела гитлеровскими шпионами и диверсантами. Большие возможности для подрывной деятельности гитлеровцев пред-

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 15, оп. 1, д. 135, л. 8—12.

² ADAP, Ser. D, Bd. V, S. 104—105.

³ J. Winiewicz, Mobilizacja sił niemieckich w Polsce, str. 41.

ставляло то, что Гданьск входил в таможенные границы Польши. Любой шпион мог свободно выехать из Польши в Гданьск. Представитель германского диверсионного центра в Гданьске имел свободу действий для сбора шпионских сведений и снабжения оружием своих агентов по всей стране. Через польское Поморье проходили немецкие коммуникации из Восточной Пруссии в Германию. Часто немецкие машины «сбивались» с курса, а ехавшие в них гитлеровцы занимались шпионажем, диверсиями и сбором информации у своих агентов. По всей Польше в качестве учителей, врачей, ветеринаров подвизались специальные гитлеровские эмиссары, которые руководили шпионами и диверсантами, создавали подрывные организации.

Летом 1939 г. адъютант Гимmlера Альвенслебен посетил Торунь, где инспектировал вооруженный отряд местных гитлеровцев¹. Многие молодые немцы, чтобы избежать призыва в польскую армию, перебежали в Германию, где проходили подготовку для диверсионной деятельности против Польши. Перед самой войной гитлеровские агенты в Польше прошли дополнительное обучение в Германии в специальных лагерях, где их прикрепили к «округам диверсионных действий», на которые была разделена Польша.

2 сентября 1939 г., т. е. уже в разгар второй мировой войны, вблизи Познани у экипажа сбитого немецкого самолета была обнаружена «Инструкция для войск, действовавших против Польши». В ней говорилось: «Немецкие и другие группы в Польше будут поддерживать боевые операции немецких вооруженных сил»². В инструкции предписывалось всем немцам, проживающим в Польше, уклоняться от призыва в польскую армию и присоединяться к гитлеровским войскам. Тщательно перечислялись обозначения и пароли, при помощи которых можно было отличить германских диверсантов и шпионов в Польше после начала войны.

Однако борьба с фашистскими элементами внутри Польши не входила в расчеты польского правитель-

¹ «September 1939», S. 67.

² Д. ле Йонг, Немецкая «пятая колонна» во второй мировой войне, стр. 99—100.

ства. Господствующие классы Польши видели в фашизме главное орудие борьбы против революционного, демократического и национально-освободительного движения в Европе. Польские правящие круги считали, что всякая борьба против германского фашизма, в том числе и против его агентуры в Польше, могла бы нанести удар и по санационному режиму — этой польской разновидности фашизма. В июле 1939 г., когда Польша находилась накануне войны с Германией, газета польских фашистов «АБЦ» писала: «Падение национал-социализма в Германии не в интересах Польши». Среди самих лидеров санации было немало агентов гитлеровской, английской, американской и французской разведок. Польская разведка и контрразведка — второй отдел польского генерального штаба («двуйка»), польская политическая полиция были тесно связаны с гитлеровской разведкой, гестапо и разведками других империалистических стран¹.

Польское фашистское правительство установило тесное сотрудничество своих полицейских организаций с фашистским террористическим аппаратом Италии и Германии. Как сообщалось в печати, 31 января 1938 г. Варшаву посетил один из палачей немецкого народа, начальник фашистской полиции генерал Далюге². Во время бесед с начальником польской полиции генералом Заморским они обменивались опытом подавления революционных выступлений трудящихся. 7 сентября 1938 г. Заморский был приглашен в качестве гостя на съезд фашистской партии в Нюрнберг и был принят Гитлером³. На Нюрнбергском съезде фашистской партии присутствовал также начальник кабинета польского министра иностранных дел Лубенский.

7 октября 1938 г. начальник польской полиции генерал Заморский выехал в Рим на съезд фашистской полиции. По пути он сделал остановку в Берлине и был принят Далюге⁴. 15 декабря Варшаву посетил министр

¹ См. В. Грош, У истоков сентября 1939 года, М., 1956, стр. 55—59.

² АВП СССР, ф. 122, оп. 21, п. 65, д. 18, л. 3.

³ Там же, л. 22.

⁴ Там же, л. 31.

юстиции Германии фашист Герман Франк, а 18 февраля 1939 г. — начальник гестапо Гиммлер.

Так, несмотря на то что гитлеровцы все более открыто заявляли о своих агрессивных целях в отношении Польши, ее антинародная правящая клика не прекращала сотрудничать с германским фашизмом. Это сотрудничество двух фашистских клик облегчало Германии подготовку нападения на Польшу.

После отказа Германии от договора о ненападении германо-польские отношения обострялись с каждым днем. Германия концентрировала войска на польской границе и строила там укрепления. По указанию министерства пропаганды немецко-фашистская пресса открыла яростную антипольскую кампанию. 8 и 15 мая на конференции в министерстве пропаганды Германии представителям прессы было дано указание печатать как можно больше материалов о конфликтах между поляками и немцами в Польше¹. В позднейших инструкциях прессе восточных районов Германии было предложено «писать о бегстве «Фольксдейче» из Польши, не указывая численности и места расположения лагерей перебежчиков»². Угрозы германской прессы по адресу Польши стали исключительно резкими.

5 мая 1939 г. в сенате с ответом на речь Гитлера по поводу одностороннего расторжения Германией договора с Польшей выступил Бек. Он говорил о тех уступках, которые польское правительство согласилось сделать Германии в Поморье, и выразил сожаление о «недостаточных компенсациях Польше с германской стороны»³. «Где же взаимность?» — спрашивал польский министр, невольно раскрывая подоплеку политики правительства в связи с германскими требованиями. Выступление Бека показывало, что польское правительство продолжало использовать вопрос о Гданьске и коридоре для торга с гитлеровцами, требуя реальных компенсаций за счет территорий СССР. В опубликованном в тот же день официальном ответе

¹ W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente (1933—1945), S. 93.

² Там же.

³ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 79.

польского правительства на германский меморандум от 28 апреля 1939 г. о расторжении германо-польского договора 1934 г. говорилось, что польское правительство готово к возобновлению переговоров с Германией с учетом замечаний, сделанных в речи министра иностранных дел Бека¹.

Политика сговора с гитлеровскими агрессорами была глубоко враждебна национальным интересам польского народа. Поэтому правящие классы буржуазно-помещичьей Польши всячески маскировали ее. Вопреки воле народа лидеры санации и после разрыва Германией договора о ненападении не прекращали попыток восстановить контакт с гитлеровской кликой. Такие попытки предпринимались через посредство дипломатических представителей Болгарии, Японии, Италии.

В середине мая 1939 г. к болгарскому послу в Варшаве Троянову явился заместитель министра иностранных дел Польши Арцишевский и просил устроить ему секретную встречу с германским послом Мольтке. С согласия Гитлера такая секретная встреча состоялась в одном из варшавских кафе. Арцишевский, исходя из инструкции Бека, пытался убедить правительство фашистской Германии, что Польша, заключив временное соглашение с Англией, окончательно не закрыла дверь и что руки для переговоров с Германией у нее не связаны. Арцишевский уверял Мольтке, что известные переговоры Липского с Риббентропом происходили под влиянием событий, связанных с захватом Германией Чехословакии и Клайпеды, что вызвало большое беспокойство в Польше. Главной целью беседы была попытка Арцишевского оправдать в глазах гитлеровцев позицию Бека, занятую им на пленарном заседании сейма. Он просил Мольтке уведомить Гитлера, что Бек вынужден был 5 мая произнести речь «под давлением общественного мнения, но он по-прежнему верен Гитлеру». Арцишевский признал, что данная речь — «это только дипломатическая игра Бека»². Мольтке

¹ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 77.

² ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 355; L. B. Namier, *Diplomatic Prelude 1938—1939*, p. 174.

холодно заявил Арцишевскому, что все это не меняет сущности дела.

Арцишевский снова просил гитлеровского посла передать в Берлин, чтобы там не придавали особого значения последним внешнеполитическим маневрам польского правительства. Он сказал: «Польша делала далеко идущие уступки Германии и готова идти еще дальше. Однако она не может полностью передать Германии экономического и политического господства над Данцигом. Польские государственные деятели не могут пойти на это, не потеряв власти над своей страной»¹. Арцишевский уверял гитлеровского посла в стремлении польского правительства к союзу и дружбе с фашистской Германией. И результат этой беседы не замедлил сказаться. 23 мая 1939 г. Мольтке сообщил в Берлин, что так называемый поворот в политике польского правительства, выразившийся в принятии английских «гарантий», произведен для обмана народных масс Польши и что в речи 5 мая Бек под давлением общественного мнения «вынужден был защищать чуждую ему политику»². Мольтке передавал в Берлин рассказ Арцишевского о том, какое чувство возмущения вызвала у Бека реакция народа на его речь в сейме. Получив поздравительные телеграммы от ряда общественных организаций Польши по случаю этой речи, Бек, охваченный гневом, воскликнул: «Ах, что заставляет меня делать эта польская голытьба с улицы!» — и рвал приветственные телеграммы³.

В заключение своего донесения Мольтке передал в Берлин заявление Арцишевского о том, что «Бек остается и теперь в сущности приверженцем старой политики, но если бы он продолжал открыто политику сотрудничества с Германией, то не мог бы удержаться у власти»⁴.

Польское правительство предпринимало попытки наладить контакт с правительством фашистской Германии и через другие каналы. Как сообщал в Берлин

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 355.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Мольтке, один из сотрудников польского министерства иностранных дел, Кобылянский, в мае 1939 г. вел беседу по данному вопросу с японским послом в Варшаве Сако, который даже совершил тайную поездку в Берлин для того, чтобы вовлечь в германо-польские переговоры японского посла Того¹.

Польский посол в Риме Венява Длугошевский добивался итальянского посредничества в возобновлении германо-польских переговоров. Во время беседы с Чиано 15 мая 1939 г. он настойчиво просил поддержки Италии². Однако правительство Муссолини, которое в те дни готовилось к подписанию пакта о военном союзе с Германией, не откликнулось на просьбу польского правительства.

Происки Бека не остались секретом для правительств Англии и Франции. Французский посол в Варшаве Ноэль писал в своих мемуарах: «Бек предпринял попытку начать переговоры с Германией тайно, не предавая их гласности»³.

Таким образом, летом 1939 г. после разрыва Германией договора с Польшей о ненападении Бек и вся правящая фашистская клика Польши продолжали проводить свой прежний прогитлеровский антинациональный курс. Но для того чтобы удержаться у власти, они вынуждены были совершать различные дипломатические маневры и создавать видимость «сопротивления» агрессивным требованиям Германии. Однако в связи с непримиримой позицией, занятой гитлеровцами в отношении Польши, все попытки польского правительства возобновить контакты с германским правительством в мае 1939 г. оказались безуспешными.

Оказавшись перед угрозой немецко-фашистской агрессии, правящие буржуазно-помещичьи круги Польши категорически отказывались от помощи Советского Союза и тем самым активно помогали правительствам Англии и Франции саботировать переговоры с СССР. Советское правительство неоднократно делало пред-

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VI, S. 355.

² Там же.

³ *L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne*, p. 361.

ложения правительству Польши об оказании помощи как экономического, так и военного характера. 10 мая 1939 г. польского министра иностранных дел посетил дрибывший в Варшаву заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин. «От имени своего правительства он заявил мне, — писал позднее в своих мемуарах Бек, — что если Польша явится объектом нападения, то она может рассчитывать на дружественную позицию Советского Союза. Он (Потемкин. — В. Ф.) дал понять, что было бы неплохо улучшить отношения между Польшей и СССР»¹.

14 июня советский посол в Польше посетил заместителя министра иностранных дел Польши и вел с ним переговоры о возможности расширения советско-польских экономических отношений на основе заключенного польско-советского торгового договора². Но польское правительство, продолжавшее втайне ориентироваться на фашистскую Германию, вместе с которой оно в течение ряда лет вынашивало планы войны против СССР, отклонило эти предложения. 11 мая польский посол в Москве Гржибовский во время беседы с народным комиссаром иностранных дел СССР заявил, что «Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР»³. Таким образом, в тот момент, когда гитлеровский меч был уже занесен над Польшей, польское реакционное правительство отклонило предложение Советского Союза о заключении договора о взаимопомощи, чем совершило предательство национальных интересов польского народа.

Английское и французское правительства использовали антисоветскую политику польского правительства для маскировки своей собственной дипломатической игры. Как известно, отрицательный ответ на предложение СССР польское правительство дало с согласия и при поощрении правительств Англии и Франции.

¹ J. Beck, Dernier Rapport, str. 201.

² «Polska Biała Księga», str. 166.

³ «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», стр. 44.

Румынский министр иностранных дел Гафенку, который в то время посетил столицы европейских государств, приводит текст английской ноты французскому правительству от 29 апреля 1939 г., в которой, между прочим, говорилось о предстоящих переговорах с Советским Союзом. «Не компрометировать общий фронт, проходя мимо возражений Польши и Румынии...», — гласила нота¹. Комментируя эту ноту, Гафенку пишет: «Правительство Великобритании было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить те обязательства, которые мог бы взять на себя Советский Союз»².

Правительство СССР неоднократно запрашивало правительство Польши о его согласии пропустить советские войска через польскую территорию в случае нападения на нее гитлеровской армии, а также предлагало непосредственную помощь советских вооруженных сил в случае немецко-фашистской агрессии. Уже одно только согласие польского правительства на получение военной помощи со стороны Советского Союза оказало бы сильное сдерживающее влияние на правящие круги фашистской Германии. Но антинародное правительство санации отказалось от спасительной для Польши реальной военной помощи СССР.

Толкая Польшу к отказу от предложений Советского правительства, правящие круги Англии и Франции в свою очередь ничего не предпринимали для того, чтобы конкретизировать свои политические и военные обязательства в отношении Польши и оказать ей моральную помощь для подготовки к отпору германской агрессии. Они и не могли этого сделать, так как рассматривали Польшу в качестве разменной монеты во время переговоров с правительством фашистской Германии. Германский посол в Лондоне Дирксен, характеризуя английские предложения Германии, сделанные летом 1939 г., сообщал в Берлин: «Соглашение с Германией химически, так сказать, растворило бы данцигскую проблему и открыло бы дорогу к германо-

¹ G. Gafenco, *Derniers Jours de l'Europe*, p. 165.

² Там же, стр. 166.

польскому урегулированию, которым Англии не было бы больше надобности интересоваться»¹.

Однако антифашистская борьба трудящихся Польши и давление общественного мнения Франции и Англии заставили правящие круги этих стран совершить некоторые робкие шаги, которые должны были создать видимость их готовности оказать помощь Польше. В мае 1939 г. польское правительство предприняло попытку заключить с Францией военное соглашение на случай нападения фашистской Германии. 14 мая в Париж прибыла польская военная миссия в составе военного министра Польши генерала Каспшицкого и заместителя начальника генерального штаба полковника Яклича². 16 мая 1939 г. начались переговоры. С французской стороны в переговорах участвовали начальник генерального штаба генерал Гамелен, адмирал Дарлан и др.

19 мая 1939 г. польско-французское соглашение было парафировано генералами Гамеленом и Каспшицким. По этому соглашению французские военно-воздушные силы должны были нанести удар по Германии сразу же после начала войны, а сухопутная армия — на 16-й день после начала мобилизации³. Однако французское правительство Даладье, сославшись на отсутствие политического соглашения между Польшей и Францией, отказалось утвердить это военное соглашение.

Франко-польские переговоры о заключении политического и военного соглашений, сорванные в мае 1939 г., не возобновлялись вплоть до начала войны. Только 4 сентября 1939 г., когда уже Польша терпела поражение под натиском гитлеровских полчищ, было подписано франко-польское соглашение. Этот запоздалый жест понадобился французским мюнхенцам для того, чтобы ввести в заблуждение народы и снять с себя ответственность за предательство Польши.

¹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 117.

² L. B. Namier, *Diplomatic Prelude 1938—1939*, p. 457.

³ «Sprawy międzynarodowe», *Zeszyt I—II*, 1949.

Такой же маневр в отношении Польши осуществило и английское правительство. 23—24 мая 1939 г. в Варшаве происходили англо-польские военные переговоры. С английской стороны в них участвовали генерал Кляйтон с группой офицеров, с польской — начальник генерального штаба генерал Стахевич и начальники штабов военно-воздушных и военно-морских сил. Так же как и во время франко-польских переговоров, речь шла о сроках и размерах военной помощи Польше. Представители английских вооруженных сил стремились взять на себя как можно меньше обязательств¹.

Как признает английский лейбористский деятель Хью Дальтон, «в течение пяти последующих месяцев (после предоставления Англией «гарантий» Польше. — В. Ф.) планы не были согласованы... Переговоров между штабами не было»².

Американская дипломатия оказала большую поддержку дипломатическим маневрам англо-французских мюнхенцев, в частности политике предоставления так называемых гарантий Польше и другим странам и саботирования правительствами Англии и Франции переговоров с СССР³. Империалисты США не сомневались, что гитлеровцы после оккупации Праги взяли твердый курс на войну. 13 мая 1939 г. американский поверенный в Берлине Кирк сообщал Хэллу о готовности Германии в любой день совершить нападение на Польшу. Цель американской дипломатии по-прежнему сводилась к тому, чтобы поощрять Германию к войне против СССР, в ходе которой обе страны обессилят друг друга, а затем со свежими силами вмешаются США и станут вершителями судеб Европы и всего мира.

В таких угрожающих условиях, когда фашистская Германия проводила практическую подготовку к вооруженному нападению на Польшу, а правительства западных империалистических держав своей политикой

¹ «Polskie Siły Zbrojne...», Т. I, str. 104.

² *Hugh Dalton, Hitlers War. Before and After*, New York, 1940, p. 130.

³ См. Ю. М. Мельников, США и гитлеровская Германия, М., 1959, стр. 335—337.

сговора с гитлеровцами поощряли агрессора, польское фашистское правительство продолжало скрывать угрозу войны, бахвалиться «силой» и «непобедимостью» польской армии. Правящая клика Польши тешила себя надеждой, что фашистская Германия не рискнет напасть на Польшу. «Какой интерес для Германии воевать с Польшей? Верите ли вы, что Гитлер желает чего-либо подобного? Знаем, что он этого не желает. Он определенно желает Данцига, но он никогда не согласится уплатить такую цену за приобретение этого города»¹, — говорил Бек румынскому министру иностранных дел. Сохраняя такую уверенность, польское правительство не принимало мер для подготовки страны и армии к отражению германского нападения. Промышленность Польши не могла обеспечить армию вооружением и снаряжением, необходимыми для ведения современной войны. К тому же польская военная промышленность была расположена главным образом вблизи границ с Германией, которую правящие классы Польши рассматривали в качестве надежного тыла и союзника в планируемой ими войне с Советским Союзом.

В связи со слабой моторизацией промышленности и сельского хозяйства польская армия не имела достаточного количества кадров для управления даже имевшейся в сравнительно небольшом количестве военной техникой. Польская армия была по старинке организована, обучена и вооружена. «Одним словом, — пишет полковник Кирхмайер, — дивизия была недостаточно вооруженной и малоподвижной массой людей, лошадей и повозок»². Противовоздушная оборона находилась в зачаточном состоянии, важнейшие промышленные объекты западных областей Польши вовсе не были прикрыты зенитной артиллерией. Из имевшихся 771 самолета только 42% были пригодны для боевых действий³. Западная граница Польши не имела укреплений, аэродромов; вблизи нее были расположены многочис-

¹ *G. Gafenco, Derniers Jours de l'Europe*, p. 56.

² *J. Kirchmayer, Kampania wrześniowa*, str. 20.

³ Там же.

ленные склады. Основные укрепления и аэродромы находились на восточной границе, они предназначались для использования в войне против СССР. Только на строительство укреплений в Полесье ежегодно перед войной польское правительство расходовало от 20 до 30 млн. злотых¹. Таким образом, Польша в случае войны с фашистской Германией должна была отражать атаки противника не фронтом, а тылом.

В результате пагубной антинациональной политики правящих буржуазно-помещичьих классов Польши страна ни в экономическом, ни в политическом отношении не была подготовлена для отражения немецко-фашистской агрессии. Вплоть до самого нападения гитлеровцев на Польшу и в ходе войны санация продолжала деморализовывать и обезоруживать польский народ, способствовать гитлеровцам в захвате и порабощении Польши.

3. Обострение германо-польских отношений летом 1939 г.

В течение лета 1939 г. гитлеровцы спровоцировали ряд конфликтов на польско-германской границе и использовали их для обострения отношений с Польшей. Они усиленно превращали «вольный город» Гданьск в свою важнейшую опорную базу. Постепенно распорядительный центр гданьских властей переместился в Берлин. Главари гданьских фашистов гаулейтер Ферстер и председатель сената Грейзер систематически нарушали конституцию «вольного города» и права Польши; гданьские фашисты усилили преследование польских граждан и польских властей. В город контрабандным путем доставлялось большое количество оружия из Восточной Пруссии и других областей Германии. Сотни и тысячи эсэсовцев в гражданской форме пробирались в Гданьск и здесь из местных фашистов формировали вооруженные отряды. Они учиняли антипольские провокации и затрудняли польским офици-

¹ «Polskie Siły Zbrojne...», Т. I, str. 129.

альным лицам выполнение их служебных обязанностей в Гданьске, которые они осуществляли согласно статье 104 Версальского мирного договора.

В соответствии с указанием геббельсовского министерства пропаганды любой мелкий инцидент на гданьско-польской границе сильно раздувался немецко-фашистской прессой и становился предметом германо-польской дипломатической полемики. Количество провокаций на германо-польской границе непрерывно возрастало.

Наиболее крупный инцидент произошел 20 мая 1939 г. в Клодове (на границе Гданьска с Восточной Пруссией). Группа эсэсовцев напала на польских таможенных инспекторов и учинила разгром помещения таможни. На машину заместителя генерального комиссара Польши в Гданьске, выехавшего в Клодово для расследования происшествия, было совершено нападение. Возникла перестрелка, во время которой был убит эсэовец. Немецко-фашистская пресса широко использовала этот инцидент для антипольской пропаганды. Польское правительство заявило протест гданьскому сенату и потребовало обеспечения безопасности польским представителям и гарантий на будущее¹. Гитлеровцы превратили похороны эсэовца в шумную антипольскую демонстрацию. Президент сената фашист Грейзер и гаулейтер Ферстер выступили с резкими антипольскими речами, а Гитлер специальным самолетом прислал венок на могилу убитого эсэовца.

Инцидент понадобился немецким фашистам для того, чтобы дезорганизовать на определенное время польскую пограничную охрану и получить возможность бесконтрольного снабжения гданьских фашистов оружием из Восточной Пруссии.

Летом гитлеровцы продолжали милитаризацию Гданьска. Иностранные дипломаты сообщали своим правительствам о том, что немецко-фашистские власти направляли из Восточной Пруссии в Гданьск десятки тысяч гитлеровцев. На пароходах в Гданьский порт в обход польских таможенных постов из фашистской Германии доставлялись оружие, артиллерия, танки.

¹ «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 420, 421.

Французский посол Ноэль сообщал в Париж: «Милитаризация Гданьска и окрестностей быстро продвигается вперед, и приближается минута, при которой между фактическим положением и включением его в состав Германии будет находиться только тонкий лист бумаги с написанным статутом «вольного города»¹.

Главарь фашистской Германии непосредственно руководили подготовкой путча. Ферстер и Грейзер систематически посещали Берлин, где получали инструкции. 2 мая 1939 г. в Гданьск прибыл Геббельс. В речи на курсах фашистских пропагандистов он сказал: «Фюрер уже определил день и час занятия Гданьска и включения его в состав Германии»². Прибыв вторично в Гданьск 18 июня, он говорил, чтобы жители Гданьска не забывали, что «фюрер» помнит о них³. В конце июня в Гданьск приехал Гиммлер, который инструктировал местных гестаповцев⁴. Провоцируя эти инциденты, гитлеровцы надеялись захватить Гданьск без войны «мирным» путем. Разрабатывая этот план, гитлеровцы строили основной расчет на продолжении правительствами Англии, Франции и США мюнхенской политики. Гитлер и его клика не верили в англо-французские «гарантии» Польше и имели основания полагать, что Англия и Франция не будут воевать с Германией из-за Гданьска. Гитлеровцев чрезвычайно ободряла и позиция США.

Летом 1939 г. в конгрессе США обсуждался вопрос об отмене закона о «нейтралитете» и эмбарго на вывоз оружия из Соединенных Штатов. Конгресс отклонил предложения об отмене этих законов, чем оказал большую поддержку гитлеровцам, готовившим нападение на Польшу. О том, какое значение могла иметь отмена этого закона для сдерживания германской агрессии, государственный секретарь США К. Хэлл в своих мемуарах писал следующее: «Я, однако, уверен, что если бы эмбарго на оружие было отменено в мае, июне

¹ *Tadeusz Cyprian, Jerzy Sawicki, Agressja na Polske w swietle dokumentow, Warszawa, 1946, str. 60.*

² «Gazeta Gdynska», 26.V.1939.

³ «Gazeta Polska», 19.V.1939.

⁴ «Robotnik», 26.VI.1939.

или даже в июле 1939 г., то он (Гитлер.— В. Ф.) непременно принял бы этот фактор к сведению. Я также уверен, что срыв отмены эмбарго поощрил его выступить, принимая также во внимание заверения Риббентропа о том, что Англия и Франция не придут на помощь Польше и что даже если они и попытаются что-либо сделать, то не смогут предпринять что-либо эффективное, так как будут лишены материальной помощи со стороны Америки»¹.

20 июля Буллит телеграфировал президенту США из Парижа, что по мнению Лондона и Парижа решимость Гитлера начать войну в августе возросла вследствие принятия конгрессом решения отложить отмену закона о нейтралитете². Это признание ведущего американского дипломата красноречиво свидетельствовало о том, что политика правящих кругов США способствовала развязыванию войны.

Обнадеженные такой политикой западных держав, гитлеровцы предпринимают еще одну попытку захватить Гданьск до начала уже решенной «большой» войны против Польши. В начале августа 1939 г. был спровоцирован ряд новых острых конфликтов между Гданьском и Польшей. В ответ на ограничение деятельности польских таможенных инспекторов в Гданьске и другие антипольские действия гданьских фашистских властей польское правительство приняло ряд ответных мер. Оно запретило с 1 августа доставку в Польшу без пошлин маргарина, производившегося в Гданьске на фабриках акционерного общества «Амада»³, и сельдей, доставлявшихся из Гданьска. Это наносило чувствительный удар по интересам немецкой буржуазии.

Фашистские гданьские власти издали распоряжение, запрещающее с 6 августа 1939 г. польским таможенным инспекторам выполнять их обязанности на границе Гданьска с Восточной Пруссией. Это было явное нарушение статута «вольного города» Гданьска и прав

¹ *C. Hull, The Memoirs, vol. I, p. 653.*

² Там же.

³ Экспорт маргарина в Польшу составлял шестую часть всего гданьского экспорта и удовлетворял 25% потребности Польши в маргарине. «Gelbbuch», Dok. N 178.

Польша. Открытие границы Гданьска с Восточной Пруссией по существу было равноценно включению Гданьска в состав фашистской Германии. Возник острый конфликт между польским правительством и гданьским сенатом, за спиной которого стояло правительство фашистской Германии. Ряд польских газет в начале августа выступили со статьями, разоблачающими агрессивные действия гитлеровской Германии против Польши¹. «Газета Польска» писала, что Германия перестала платить за поставляемый Польшей лес, масло, хлеб, руду, замораживает кредиты; вместо поставок машин и аппаратов она ввозит в Польшу бусы, гармоники и пр.² Газета «Курьер Поранны» 9 августа под кричащим заголовком «Волчьи аппетиты Германии распространяются и на Поморье» отмечала, что территориальные притязания Германии уже не ограничиваются требованием Гданьска и Поморья, но распространяются на всю Польшу. 10 августа «Газета Польска» писала, что шумиха, поднятая геббельсовской пропагандой вокруг положения германского национального меньшинства в Польше, является повторением судетской тактики Берлина³.

Германия решила использовать эти факты для нового нажима на Польшу. 9 августа Вейцзекер в беседе с советником польского посольства в Берлине Любомирским (это была первая официальная беседа польских и германских дипломатов после нагумевшего выступления Бека в сенате 5 мая 1939 г.) заявил, что подобная позиция Польши, а особенно ее действия в отношении Гданьска приведут к ухудшению отношений с Германией⁴. Вслед за тем гитлеровская пропаганда открыла новый поход против Польши, который уже не прекращался до начала войны. С начала августа немецко-фашистская пресса стала выступать с открытыми военными угрозами по адресу Польши. «Германия вычеркнет Польшу из истории», — угрожающе писала нацист-

¹ «Gazeta Polska», 10.VIII.1939.

² «Gazeta Polska», 7.VIII.1939.

³ «Gazeta Polska», 10.VIII.1939.

⁴ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 85.

.. ская газета «Фёлькишер беобахтер». Она заявляла, что «Польша должна себе ясно представлять, какие последствия могут повлечь ее выпады против Данцига». И далее: «Поляки, видимо, забыли, что немецкие пушки тоже могут стрелять»¹. В тот же день газета «Берлинер бёрзен цейтунг» писала об «империалистических планах Польши против Германии» и предупреждала, что тех, кто бряцает оружием у ворот Берлина, ждет суровое возмездие². На следующий день эта же газета демонстративно заявляла, что Германия не может бесконечно игнорировать антинемецкие выпады польской прессы: «Приближается время, когда в наших словах отчетливо будет слышен звон железа»³. Газета гданьских фашистов «Данцигер форпостен» начала ежедневно выходить под девизом «Назад, в империю!».

Гданьские фашисты использовали инциденты для усиления преследования польских граждан и нарушения прав Польши. 10 августа Ферстер, вернувшись из Берхтесгадена после совещания с Гитлером, выступил на антипольском митинге гданьских фашистов с погромной речью, в которой сказал: «Решающий час наступил. Данцигские нацисты ждут только приказа Гитлера»⁴. В заключение своей речи он заверил слушателей, что их следующее собрание состоится «после присоединения Данцига к Германии». Вслед за тем и сам Гитлер сделал еще ряд угрожающих заявлений по адресу Польши. 11 августа в беседе с верховным комиссаром Лиги наций в Гданьске Буркхардтом Гитлер говорил: «Если подобный инцидент снова возникнет в Данциге, я со всей мощью механизированного оружия обрушусь на этих поляков, и в течение нескольких дней Польша перестанет существовать. Вы слышите меня?»⁵

К середине августа 1939 г., когда все подготовительные мероприятия Германии к войне с Польшей были закончены, гитлеровцы решили ознакомить

¹ «Völkischer Beobachter», 9.VIII.1939.

² «Berliner Börsen-Zeitung», 9.VIII.1939.

³ «Berliner Börsen-Zeitung», 10.VIII.1939.

⁴ «Völkischer Beobachter», 11.VIII.1939.

⁵ *Georges Bonnet*, *Fin d'une Europe*, p. 268.

с ними своего союзника — фашистскую Италию. 11 августа по приглашению германского правительства в Зальцбург прибыл итальянский министр иностранных дел Чиано. На вопрос Чиано: «Чего вы хотите: коридор или Данциг?» — Риббентроп ответил: «Теперь ни первого и ни второго, мы хотим войны»¹. Риббентроп, а на следующий день Гитлер убеждали Италию вступить в войну. Ее участие в войне, по мнению гитлеровцев, оказало бы большое влияние на позицию Англии, Франции и США. Итальянский министр выразил удивление в связи с тем, что Германия столь неожиданно для его правительства предъявила свои требования Польше и поставила Италию перед фактом вовлечения в войну с западными державами, к которой она еще не была подготовлена. Как рассказывает Чиано в своем дневнике, накануне поездки в Германию Муссолини, инструктируя его, высказался против вступления в войну в данное время и поручил ему убедить гитлеровцев не начинать войны до завершения Италией военных приготовлений².

Гитлер в беседе с итальянским министром неизменно подчеркивал военную мощь Германии и ее способность быстро выиграть войну. Из документа, содержащего запись этой беседы, видно, что уже в то время Германия определенно решила начать войну со своими конкурентами — Англией и Францией — спустя некоторое время после разгрома Польши. Фашистский диктатор подчеркивал военную слабость и неподготовленность Англии, Франции и Польши к войне. «Разрешение этой проблемы, — говорил Гитлер, — должно быть произведено немедленно. Нельзя терять времени»³. На вопрос Чиано, когда можно рассчитывать на начало войны с Польшей, Гитлер ответил, что не позднее августа при первой же возможности он немедленно атакует Польшу. «Фюрер сказал, — отмечал Чиано, — что Польшу

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III. S. 26—27.*

² «The Ciano Diaries. 1939—1943», p. 117—118.

³ Эта запись, сделанная в дневнике Чиано, подтверждается германской записью беседы, сделанной П. Шмидтом и предъявленной на Нюрнбергском процессе.

пу следует поразить с такой силой, чтобы она в течение пятидесяти лет не была бы в состоянии сражаться»¹.

Для того чтобы успокоить итальянское правительство, Гитлер убеждал Чиано, что западные державы не вмешаются в германо-польскую войну, а если это случится, то объявление войны с их стороны «будет иметь только формальное значение»².

В последующие дни в ходе германо-итальянских дипломатических переговоров правительство Италии продолжало выражать свое опасение, что Германии не удастся локализовать конфликт с Польшей и что западные державы вмешаются в него и нанесут свой первый удар по Италии в случае ее вступления в войну³. В это время происходили также оживленные итало-английские переговоры, в ходе которых правительство Чемберлена пыталось расколоть фашистский военный блок и удержать Италию от вступления в войну⁴. В конечном счете в обмен на предоставление Италии свободы действий в отношении Югославии и в бассейне Средиземного моря Муссолини согласился поддержать захват гитлеровцами Польши.

Правительство гитлеровской Германии стоваривалось и с другим членом «оси» — с фашистским правительством Венгрии. В конце августа Риббентроп вел переговоры с правительством Хорти о возможности прохода немецких войск через венгерскую территорию для нападения на Польшу. Правительство Венгрии занимало колеблющуюся позицию. Тогда в целях оказания давления на Венгрию Германия отозвала своих военных инструкторов и журналистов. В итоге нового германского нажима, как доносил в Варшаву польский посол в Лондоне Рачинский, Венгрия, которая прежде обещала оказать вооруженную поддержку Польше в случае нападения на нее какой-либо третьей стороны, теперь заявляла, что она «в случае объяв-

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 346.

² *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. III, S. 27.

³ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. II, S. 45, 48.

⁴ Там же.

ления Германией войны Польше провозгласит нейтралитет»¹.

Во второй половине августа немецкие войска начали занимать исходные позиции для нападения на Польшу. В Гданьск была направлена германская военная миссия во главе с генералом Боденшатцом, который возглавил находившиеся там немецкие войска и вооруженные отряды местных фашистов. Германский консул в Гданьске Везенмейер 22 августа сообщал Вейцзекеру план серии провокаций против Польши: арест польских граждан, подготовка вооруженного нападения на польскую военно-морскую базу на полуострове Вестерплатт и т. д.² Под предлогом участия в так называемых танненбергских празднествах³ в Восточную Пруссию был переброшен из Германии ряд воинских соединений. 22 августа 1939 г. по приглашению сената в Гданьский порт с «визитом вежливости» прибыл германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн». Германский военный корабль прибыл в Гданьск, не уведомив об этом предварительно польское правительство, что являлось нарушением статута «вольного города». Еще накануне, 21 августа, командир корабля отдал приказ о задачах экипажа линкора в войне с Польшей. «Полное уничтожение польских вооруженных сил. Блокирование всех морских путей, ведущих к польским опорным пунктам, особенно к Гдыне»⁴, — говорилось в приказе.

Воспользовавшись прибытием германского военного корабля, 23 августа гданьские фашисты совершили государственный переворот в городе. Фашистский сенат провозгласил гаулейтера Ферстера главой города. Это решение сената превращало Гданьск в одну из

¹ «Историко-дипломатический архив», ф. 2, оп. 4, д. 18, л. 11—12.

² ADAP, Ser. D, Bd. VII, S. 155.

³ Для разжигания шовинистических страстей у населения гитлеровцы ежегодно с большой помпезностью отмечали победу германских войск в августе 1914 г. под Танненбергом над русскими армиями Самсонова и Ренненкамифа, которые, еще не будучи полностью отмобилизованы, были брошены царским правительством в наступление в Восточной Пруссии для спасения истекавших кровью на Марне французских войск.

⁴ ЦГАОР, ф. 7445, д. 1663, л. 310.

«гау» (провинций) фашистской Германии, хотя формально еще и не провозглашалось его включение в состав Германии. Ликвидировалась конституция «вольного города», гарантированная Лигой наций, и все права Польши в Гданьске. Отныне вопросами внешних сношений города ведала не Польша, а Ферстер, который, как гаулейтер, подчинялся непосредственно Гитлеру. Польское правительство направило гданьскому сенату ноту протеста в связи с этими фактами. В ответ на это Ферстер заявил, что этот декрет санкционировал только положение, которое существовало в Гданьске с 1933 г.¹, т. е. что главарь фашистской партии по типу Германии одновременно является и главой государства.

В связи с переворотом в Гданьске польское правительство поручило своему послу в Берлине сделать демарш правительству Германии. Но добиться встречи с Риббентропом или Вейцзекером Липский не смог.

После срыва Англией и Францией с помощью правительства панской Польши переговоров с Советским Союзом о заключении пакта против агрессии ничто уже больше не мешало фашистской Германии начать осуществление ее агрессивного плана. 18 августа Кулондр сообщал в Париж, что по его наблюдениям никто в Берлине не верит в вооруженное вмешательство Великобритании на стороне Польши. «Почему Англия будет бороться из-за какого-то Данцига, после того как она позволила Германии захватить Австрию, Судетскую область, всю Чехословакию и Мемель?»² — спрашивал один из фашистских главарей у сотрудника французского посольства.

22 августа 1939 г. Гитлер созвал в Оберзальцберге своих высших офицеров, где сделал обзор политического и военного положения и отдал последние указания о подготовке к войне³. Гитлер говорил, что «мы твердо

¹ *Tadeusz Cyprian, Jerzy Sawicki, Agresja na Polske, T. II, str. 169.*

² *Gelbbuch, Dok. № 204.*

³ Запись двух речей Гитлера на этом совещании, предьявленная на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге, является третьим важнейшим документом, разоблачающим агрессивные планы немецко-фашистских империалистов.

решили с самого начала бороться против западных держав», но обстановка сложилась так, что «прежде всего будет разгромлена Польша»¹. Фашистский диктатор признал, что англо-франко-советские переговоры вызывали у него большую тревогу. «Первоначально, — говорил он, — существовало опасение, что в связи с политическими комбинациями Англия, Россия и Франция будут бороться вместе».

Затем он объяснил, почему было решено ускорить срок начала войны. Этому способствовали, по его словам, следующие обстоятельства: 1) наличие у власти в Италии и Испании дружественных Германии режимов; 2) крах немецкой экономической политики. Гитлер откровенно признавал, что четырехлетний план потерпел фиаско, и если в будущем году Германия не победит, «то мы кончены»²; 3) политика сговора с агрессорами, проводившаяся правительствами Англии и Франции. «В Мюнхене, — продолжал Гитлер, — мы видели этих убогих червей — Чемберлена и Даладье». Гитлер был твердо убежден, что западные державы не решатся напасть на Германию, «самое большое, на что они способны, — это блокада Германии». Об этом свидетельствовали нежелание Англии и Франции конкретизировать свои обязательства о помощи Польше, их отказ от предоставления ей значительной финансовой и военной помощи и т. д. Отсюда Гитлер делал следующий практический вывод: «Будем охранять наши позиции на Западе, пока не разгромим Польшу».

Вторая речь Гитлера на данном совещании была посвящена уже непосредственно предстоящей войне с Польшей. С циничной откровенностью Гитлер раскрыл действительные цели немецко-фашистских империалистов в отношении польского народа. «Уничтожение Польши, — говорил Гитлер, — находится на первом плане... Даже если бы война возникла на Западе, уничтожение Польши было бы основной целью». Напутствуя своих военачальников, Гитлер рекомендовал использовать в войне с Польшей самые кровавые,

¹ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 349.

² «Nazi Conspiracy and Aggression», Vol. VII, p. 753.

варварские методы: «Не имейте жалости, будьте нахальны!» Далее главарь германских фашистов говорил, что он высылает на Восток свою дивизию «Мертвая голова», которой дан приказ о беспощадном уничтожении всех мужчин, женщин и детей польской расы и языка. «Война, — говорил он, — должна быть войной на уничтожение.., значительная часть населения будет истреблена, и Польша будет колонизована немцами». Конкретизируя дальнейшие планы, Гитлер заявил, что в конце концов он постарается сделать то же самое и в Советском Союзе.

Выступление Гитлера перед военачальниками являлось предварительным приказом об агрессии против Польши: определились захватнические цели войны, устанавливался срок нападения на Польшу (26 августа 1939 г.). Агрессия против Польши должна была явиться лишь составной частью общего плана войны с Англией и Францией.

Завершая последние приготовления к агрессии, гитлеровцы усилили провокации на границе с Польшей и активизировали подрывную деятельность фашистской «пятой колонны». 23 августа руководитель иностранного отдела фашистской партии гаулейтер и статс-секретарь министерства иностранных дел Боле сообщал своему представителю в германском посольстве в Варшаве, чтобы он в тот же день отдал приказ агентам иностранного отдела фашистской партии в германских консульствах в Торуне, Познани, Катовицах немедленно уничтожить компрометирующие гитлеровское правительство документы¹. Германская пресса получила указание преднамеренно раздувать материалы о военных приготовлениях Польши, о преследовании немецкого меньшинства и т. д.² 26 августа 1939 г. «Франкфуртер цейтунг» в статье «Польские военные приготовления» писала: «Сообщения из пограничных областей и показания польских дезертиров свидетельствуют о том, что Польша готовит нападение на Германию»³.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VII, S. 204—205.

² W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 93.

³ «Frankfurter Zeitung», 26.VIII.1939.

В польской и германской прессе появлялось много сообщений о подготовке западными державами нового Мюнхена за счет Польши.

Под прикрытием этой пропаганды германские танковые и механизированные армии продвигались к польской границе. В Словакии германская военная миссия во главе с генералом Бартхаузенем завершала подготовку словацких войск к участию в войне с Польшей. Словацкая пресса начала также предъявлять территориальные притязания к Польше. В ночь с 24 на 25 августа в Германии был отдан тайный приказ о начале мобилизации¹. До нападения фашистской Германии на Польшу оставались считанные дни.

4. Нападение фашистской Германии на Польшу и развязывание второй мировой войны

Завершая последние приготовления к нападению на Польшу, гитлеровцы продолжали считать, что их план внешнеполитической изоляции Польши удался и что на первых порах война с Польшей не превратится в европейскую или мировую войну. Еще 22 августа 1939 г. английский премьер выражал готовность взять на себя посредничество в германо-польском конфликте. Чемберлен писал Гитлеру, что «Англия готова обсудить широкие проблемы, связанные с будущностью международных отношений, в которых заинтересованы как Англия, так и Германия»².

Предложенная Чемберленом процедура разрешения напряженных польско-германских отношений напоминала как по форме, так и по существу подготовку нового Мюнхена, на сей раз за счет Польши. 25 августа Гитлер вручил английскому послу Гендерсону ответ на письмо Чемберлена³, в котором выражал согласие подписать соглашение с Англией только после... разрешения польского вопроса. С этим ответом Гендерсон

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VII. S. 253.

² «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 254.

³ «Blaubuch», Dok. N 68.

вылетел в Лондон для переговоров со своим правительством.

24 августа эти же предложения Геринг вручил своему родственнику, шведскому банкиру Далерусу, который срочно вылетел в Лондон и сообщил их английским министрам. На Нюрнбергском процессе Геринг признал, что «речь шла об изыскании способов мирного разрешения вопроса по методу Мюнхена»¹.

25 августа Гитлер имел также беседу с французским послом Кулондром, в которой лицемерно заявил, что он не питает вражды к Франции, не желает воевать с Францией из-за Польши и окончательно отказывается от притязаний на Эльзас-Лотарингию. Кулондр в свою очередь убеждал Гитлера, что Франция дает Польше «миролюбивые советы»². «Я верю, — отвечал ему Гитлер, — в умеренность таких людей, как Бек, но они уже не являются хозяевами положения».

В эти дни правительства Англии и Франции усилили нажим на Польшу, добиваясь, чтобы она послушно выполняла их советы, имеющие своей целью подготовку нового Мюнхена. Накануне войны особенно ярко сказалась роль Польши как «игрального мяча» в руках империалистических держав. Дипломатические представители Англии, Франции и США являлись фактическими хозяевами в Варшаве и диктовали свою волю правительству Польши. 24 августа Боннэ писал французскому поверенному в делах в Лондоне, что он направил польскому правительству демарш, чтобы оно воздержалось от применения вооруженных сил в случае, если гданьский сенат провозгласит присоединение города к Германии. Польское правительство в таком случае должно действовать только дипломатическими средствами³.

Учитывая благоприятную международную обстановку для агрессии, созданную правящими кругами Англии и Франции, которые при содействии правящих кругов США посредством тайного сговора с фашистской

¹ «Nowe drogi» N 1, 1947, str. 47.

² «Gelbbuch», Dok. N 242.

³ Там же, док. № 218.

Германией готовили новый империалистический сговор, Гитлер решает нанести молниеносный удар по Польше. Начало наступления германских вооруженных сил против Польши было назначено на 26 августа. Войскам был отдан приказ о начале военных действий в 4 час. 30 мин. Но ряд внешнеполитических соображений заставил гитлеровское правительство отложить нападение на несколько дней. Генерал Гудериан, командовавший танковым корпусом в войне с Польшей, в своих мемуарах пишет: «В ночь с 25 на 26 августа наступление было отменено... Почти вышедшие на исходные позиции части мы едва успели отвести назад. Очевидно, дипломатические переговоры шли полным ходом»¹. Бывший начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер в своем дневнике, не предназначавшемся к печати, еще более полно вскрывает причины отмены нападения на Польшу. «26 августа стало ясным,— пишет он,— что Англия вмешается. Предпринята еще одна попытка воздействия на Муссолини»². И далее: «Фюрер весьма удручен. В 22.30 был дан отбой».

Позиция Италии, безусловно, сыграла важную роль в этих драматических событиях кануна второй мировой войны. С 19 августа 1939 г. продолжались оживленные германо-итальянские переговоры. Муссолини боялся немедленно вступать в войну в связи с неясной позицией правительств Англии и Франции, а также в связи с военной слабостью Италии. 20 августа 1939 г. итальянский посол в Берлине прибыл в Рим и проинформировал Муссолини о германских военных планах³. 21 августа министерство иностранных дел Италии составило специальную записку о разногласиях, существующих между правительствами Германии и Италии во взглядах на предстоящую войну. В ней говорилось, что германо-итальянский союз основан на том, что война будет развязана не ранее чем через два-три года. В период заключения союза отмечалось, что вопрос о войне будет обсужден совместно, однако только

¹ *H. Guderian, Erinnerungen eines Soldaten, S. 58.*

² «Generaloberst F. Halder's Tagebuch» (рукопись).

³ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, S. 203—205.*

несколько дней тому назад в Зальцбурге Риббентроп сообщил Чиано, что Германия готова начать войну. В записке выражалось опасение, что в случае вступления Италии в войну англо-французский флот нанесет по ней свой основной удар. В связи с этим итальянское правительство, поддерживая план локальной германо-польской войны, отказывалось принять участие в европейской войне.

25 августа в 14 час. 20 мин. германский посол в Риме Макензен передал Муссолини личное письмо Гитлера, в котором говорилось, что германским вооруженным силам отдан приказ о начале военных действий против Польши утром 26 августа¹. Это письмо вызвало переполох в правительстве фашистской Италии. В письме ни слова не говорилось о позиции Англии и Франции. Но Муссолини понимал, что, несмотря на все ухищрения правительства Чемберлена, Англии не удастся избежать вступления в войну.

В тот же день, 25 августа, Аттолико передал Гитлеру ответное письмо Муссолини. В письме говорилось, что в соответствии с итало-германским договором война должна начаться в 1941/42 г., а сейчас Италия не может вступить в нее, не получив крупных поставок военных материалов из Германии². Письмо Муссолини произвело большое впечатление на Гитлера. И раньше нацистской клике было известно, что Италия представляла наиболее слабое звено фашистской «оси», но ее отказ поддержать военное выступление Германии мог оказать влияние на поведение Англии и Франции³.

Вечером после отмены приказа о наступлении Гитлер направил Муссолини новое письмо в котором спрашивал, какие военные материалы необходимы Италии для того, чтобы она смогла вступить в войну⁴. Утром 26 августа в Берлине была получена ответная нота Италии. В ноте говорилось, что без удовлетво-

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III. S. 208.*

² Там же, стр. 213—214.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Там же.

рения требований о поставках военных материалов Италия ни в коем случае не сможет вступить в войну¹.

Итальянское правительство требовало поставить ему 17 млн. *т* стратегического сырья и военных материалов, для перевозки которых понадобилось бы 17 тыс. поездов. Речь шла о поставках 6 млн. *т* угля, 2 млн. *т* стали, 7 млн. *т* нефти, значительного количества молибдена, меди и других стратегических материалов, 150 зенитных батарей с боеприпасами к ним². Когда у Аттолико спросили, в какой период необходимо поставить эти военные материалы, он ответил: «Немедленно». 26 августа в ставке Гитлера обсуждались требования Италии. Гитлеровские генералы не были уверены, что в случае удовлетворения требований Италия сможет оказать эффективную военную помощь Германии. К тому же эти требования были не реальны в условиях, когда Германия сама оказалась перед угрозой войны не только с Польшей, но с Англией и Францией.

Как записал в своем дневнике в эти дни бывший начальник генерального штаба германской армии генерал Гальдер, во время заседания в ставке обсуждался вопрос «об усилении Италии. Главнокомандующий (Браухич.— В. Ф.) — нет. Геринг — нет. Требования настолько велики, что мы не можем их принять. Горючее, сталь, 600 стволов для зенитных пушек и т. д. Фюрер хочет еще раз оказать давление на Италию»³. Однако, несмотря на то что итальянские требования были чрезмерно велики, на совещании было принято решение частично их удовлетворить. В письме Гитлера, отправленном в тот же день, говорилось, что Германия может поставить уголь и сталь, но гитлеровское правительство отказывалось поставить до начала войны 7 млн. *т* нефти, 150 тыс. *т* меди. Вместо 150 батарей оно соглашалось поставить только 30 с германской прислугой⁴.

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, S. 216—218.*

² «Generaloberst F. Halder's Tagebuch» (рукопись).

³ Там же.

⁴ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, S. 218—219.*

В последующие дни развернулась борьба за Италию между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. 26 августа английское правительство заявило, что если Италия не вступит в войну, то Англия против нее также не выступит, и что военные мероприятия, проводимые Англией в Средиземном море, не затронут интересов Италии¹. Видя, что Германии не удастся в данное время вовлечь Италию в войну на своей стороне, Гитлер в новом письме Муссолини 27 августа просил его, чтобы Италия провела ряд демонстративных мер в Средиземном море, которые могли бы повлиять на поведение Англии и Франции². Гальдер писал в своем дневнике: «26 августа, 23.00, письмо фюрера дуче. Согласен, что Италия не может наступать. До начала враждебных действий следует лишь создавать впечатление возможного вмешательства Италии и сковывать силы. Тогда я разрешу вопрос на Востоке и зимой появлюсь на Западном фронте с силами, не уступающими англо-французским... 28 августа. По имеющимся данным, Италия согласна на предложение фюрера содействовать Германии (сковывать, играть роль большого вопросительного знака)»³.

Отмена приказа о наступлении против Польши была вызвана и другим обстоятельством. 25 августа советник германского посольства в Лондоне Фриц Гессе сообщил из Лондона о предстоящем подписании польско-английского договора о взаимопомощи⁴, что означало крах надежд Германии на возможность избежать вступления Англии в войну с Германией. Хотя, как отмечал Гальдер, Гитлер в беседе с Гендерсоном 25 августа говорил, что он «не обидится на Англию, если она будет вести мнимую войну»⁵, все же перспектива войны на два фронта не мало беспокоила правительство фашистской Германии.

¹ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, S. 218—219.*

² Там же, стр. 223.

³ «Generaloberst F. Halder's Tagebuch» (рукопись).

⁴ *M. Freund, Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten, Bd. III, S. 265.*

⁵ «Generaloberst F. Halder's Tagebuch».

Под давлением общественного мнения правительство Англии вынуждено было провести ряд мер демонстративного характера. В армию и флот были призваны некоторые контингенты резервистов, а затем 26 августа подписано англо-польское соглашение о взаимопомощи, переговоры о котором велись с апреля 1939 г. В соглашении говорилось, что если одна из договаривающихся сторон окажется вовлеченной в военные действия с какой-либо европейской державой в результате агрессии со стороны последней, то другая договаривающаяся сторона должна немедленно оказать ей помощь¹. Соглашение заключалось сроком на пять лет. К нему был приложен секретный протокол, в котором говорилось, что под «европейской державой» имелась в виду Германия². Однако в этом соглашении и в секретном приложении к нему отсутствовали какие-либо условия, определяющие меры конкретной помощи, которую Англия должна была оказать Польше. Как до, так и после начала войны не было установлено, как конкретно Англия собиралась помогать Польше. Соглашение с Польшей по-прежнему нужно было английскому правительству для того, чтобы ввести в заблуждение английский народ и воздействовать на правительство фашистской Германии.

После подписания соглашения правительство Англии не прекращало переговоров с Германией и вместе с правительством Франции продолжало оказывать давление на Польшу, толкая ее на капитуляцию перед Гитлером. В эти дни к правительствам Германии и Польши с предложениями о посредничестве обратились король Бельгии, папа Пий XII, президент Рузвельт, премьер-министр Канады Маккензи Кинг³. В это же время в Лондоне находился английский посол в Берлине мюнхенец Гендерсон, который привез туда предложения Гитлера, а также эмиссар Геринга Далерус, прибывший в Англию с той же целью⁴. 28 августа

¹ *W. Wheller-Bennett*, München. Prologue to Tragedy, p. 484—486, Appendix—O.

² Там же, стр. 286—287.

³ Там же, стр. 422.

⁴ «Trial of the Major War Criminals», vol. IX, p. 463—465.

в Берлин возвратился Гендерсон с английским ответом, в котором содержалась рекомендация возобновления прямых германо-польских переговоров. Как пишет в своем дневнике Гальдер, «Гендерсон не спорит с фюрером насчет того, что Данциг вообще не является проблемой. Автострада также не проблема. Коридор: туманно и витиевато выражено, но указано, что, может быть, возможно расселить в коридоре национальные меньшинства (немецкое.— В. Ф.)»¹.

В беседе с Гендерсоном Гитлер предложил заключить союз между Германией и Англией. Цель этого предложения Гитлера раскрывает Гальдер. В своем дневнике он записал о беседе Гитлера со своими генералами, состоявшейся после встречи с Гендерсоном: «Фюрер надеется, что ему удастся вогнать клин между Англией, Францией и Польшей»². Гальдер неоднократно повторяет слова Гитлера: «Расколоть!» С этой целью Гитлер и предложил Англии вступить в открытый союз с Германией ценой предательства Польши. Такой союз был нужен Гитлеру только до разгрома Польши, а затем наступила бы очередь Франции и Англии. Более детальный ответ на английские предложения Гитлер обещал дать позднее.

28 августа английский посол в Варшаве Кеннард передал Беку ноту английского правительства, в которой последнее настойчиво требовало, чтобы польское правительство ускорило начало непосредственных переговоров с Германией. Английское правительство еще раз обещало предоставить Польше «международные гарантии»³. В тот же день, 28 августа, Бек направил польским послам в Париже и Лондоне телеграммы, в которых сообщал о согласии польского правительства вести непосредственные переговоры с Германией⁴.

Все эти дипломатические маневры правительств Англии и Франции Гитлер рассматривал как очередной шантаж с их стороны. Как пишет западногерманский историк М. Фрейнд, Гитлер исходил из того, «что

¹ «Generaloberst F. Halder's Tagebuch».

² Там же.

³ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 95; «Gelbbuch», Dok. N 280.

⁴ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 96.

Англия и Франция не вмешаются, а ограничатся морской блокадой или экономическими санкциями против Германии»¹.

Вечером 29 августа Гитлер вручил Гендерсону ответ на английские предложения. Германия в ультимативной форме требовала немедленной передачи ей Гданьска и коридора, Верхней Силезии и присылки в Берлин специального польского уполномоченного, облеченного чрезвычайными правами. Срок прибытия уполномоченного был назначен на 30 августа². «Остаток Польши, — нагло говорилось в ноте, — едва ли можно будет рассматривать как самостоятельное государство»³. Даже такой прожженный мюнхенец, как Гендерсон, охарактеризовал эти германские требования как ультиматум Польше.

Этот ультиматум, требовавший полной капитуляции Польши перед фашистской Германией, был вручен Гендерсону 29 августа в 19 час. 15 мин. Английский посол должен был направить его вначале в Лондон, затем с английскими комментариями и советами передать в Варшаву. Польское правительство должно было предоставить своему послу в Берлине чрезвычайные полномочия на ведение переговоров, решавших судьбу Польши, или прислать в Берлин специального уполномоченного. На все эти процедуры правительство фашистской Германии давало 24 часа. Совершенно ясно, что гитлеровцы не хотели получить удовлетворительный ответ и предприняли этот шаг, чтобы иметь предлог для развязывания войны против Польши. Правящие круги Англии знали это и тем не менее все еще не хотели упустить ни одного шанса для сговора с гитлеровской кликой за счет Польши.

Галифакс, получив этот документ 30 августа, направил английскому послу в Варшаву Кеннарду телеграмму, в которой поручал ему предупредить польское правительство, чтобы оно не отвечало на провокации гитлеровцев на польско-германской границе. В тот же

¹ *M. Freund*, *Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten*, Bd. III, S. 266.

² *N. Henderson*, *Failure of a Mission*, p. 278.

³ *L. B. Namier*, *Diplomatic Prelude 1938—1939*, p. 278.

день сразу же после получения в Париже сообщения о германских предложениях Боннэ потребовал от польского посла, чтобы Польша согласилась принять германские предложения¹.

В ночь с 30 на 31 августа Гендерсон снова посетил Риббентропа для того, чтобы передать ему ответ английского правительства. Он говорил о согласии английского правительства на ведение германо-польских переговоров в ускоренном порядке и о том, что в случае начала таких переговоров правительство Англии «готово оказать воздействие на Варшаву»². Риббентроп ответил, что минула уже полночь, а польский уполномоченный, который должен был прибыть в течение 24 часов, все еще не прибыл. В связи с этим, заметил гитлеровский министр, английские предложения утратили актуальность. Риббентроп держал себя нагло и отказался принять британскую ноту. Затем он скороговоркой прочел германский ультиматум Польше, состоявший из 16 пунктов³.

1. «Вольный город Данциг» немедленно возвращается Германии.

2. Вопрос о принадлежности польского коридора решается плебисцитом.

Остальные пункты ультиматума касались порядка проведения плебисцита, будущего статута портов Гдыня и Гданьска, а также положения национальных меньшинств.

Риббентроп отказался дать прочесть Гендерсону, плохо понимавшему по-немецки, этот документ. Он также отказался передать копию ультиматума польскому послу. Нет никаких оснований считать, что гитлеровцы всерьез собирались обсуждать с Польшей эти требования. Они были нужны правительству Германии в качестве пропагандистского трюка. Гендерсон сразу же после переговоров с Риббентропом сообщил о немецких требованиях к Польше Липскому, признав

¹ L. B. Namier, *Diplomatic Prelude 1938—1939*, p. 278

² «Blaubuch», Dok. N 89, «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 466.

³ Там же.

их приемлемыми, и предложил организовать встречу Рыдз-Смиглы с Герингом¹. В связи с отсутствием телеграфно-телефонной связи с Варшавой Липский направил советника посольства Любомирского в Варшаву с сообщением о предложениях, содержащихся в германском ультиматуме².

Гендерсон ночью сообщил в Лондон свои первые впечатления о германском ультиматуме. Утром 31 августа английский и французский послы в Варшаве, передав польскому правительству германский ультиматум, потребовали от него положительного ответа³. 31 августа в 12 часов правительство Польши сообщило в Лондон о своем согласии на непосредственные переговоры с Германией⁴. Бек поручал Липскому немедленно связаться с Вейцзекером или Риббентропом и сообщить им об этом⁵. Официальный ответ польское правительство обещало прислать в Берлин в ближайшие часы. Выехать в Берлин Бек категорически отказывался. В конце августа 1939 г. он неоднократно заявлял, что не желает разделить судьбу Шушнига и Гахи. Только в 18 час. 30 мин. после настойчивых просьб Липский был принят Риббентропом. Беседа продолжалась несколько минут. Посол передал инструкцию своего правительства. Риббентроп спросил Липского, получил ли он чрезвычайные полномочия своего правительства для ведения переговоров с Германией на предложенных условиях. Липский ответил, что он прибыл как посол, что польское правительство согласно на переговоры с Германией на условиях, переданных ему Англией, и что полномочия на ведение переговоров им скоро будут получены. Риббентроп, грубо оборвав посла, заявил, что он может вести переговоры только с чрезвычайным уполномоченным, а срок прибытия такого уполномоченного из Варшавы истек. На этом он прервал беседу⁶.

¹ *N. Henderson, Failure of a Mission*, p. 287.

² *L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne*, p. 453.

³ «Gelbbuch», Dok. N 305.

⁴ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 108; «Gelbbuch», Dok. N 311.

⁵ «Gelbbuch», Dok. N 307.

⁶ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 112.

31 августа в 21 час по германскому радио было передано официальное коммюнике о последних англо-германских переговорах. Здесь же приводился текст германского ультиматума Польше (16 пунктов), о которых Риббентроп говорил Гендерсону в ночь с 30 на 31 августа¹. В этом провокационном сообщении говорилось, что германское правительство в течение двух дней напрасно ждало прибытия польского представителя, облеченного чрезвычайными полномочиями; вместо присылки такого представителя Польша ответила мобилизацией. Гитлеровцы, прикрывая свою агрессию, жаловались на провокации и неуступчивость Польши.

В этот момент, когда правительство фашистской Германии лицемерно заявляло о своем стремлении мирно уладить конфликт с Польшей, германские войска уже имели приказ о наступлении. Приказ об отмене наступления, отданный Гитлером 25 августа, не успел своевременно дойти до ряда германских частей, и ночь с 25 на 26 августа ознаменовалась крупными конфликтами на германо-польской границе. В районе Каттовиц германские войска захватили железнодорожную станцию и ряд польских населенных пунктов².

Британский посол в Варшаве 26 августа сообщал в Лондон: «Целая серия инцидентов имела место на германской границе. Польский патруль встретил группу немцев в километре от Восточной Пруссии, близ Пелты. Немцы открыли огонь, поляки начали ответный огонь. В результате был убит руководитель, труп которого был возвращен. Немецкие банды пересекли также силезскую границу около Сжигло, дважды у Рыдника и дважды в других местах. Они открывали стрельбу и нападали на таможенные и пограничные посты с пулеметами и ручными гранатами»³.

26 августа главный штаб верховного командования и министерство иностранных дел Германии дали указание об аресте большой группы сотрудников польских консульств в Германии по обвинению в шпионской

¹ «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 468.

² «Gelbbuch», Dok. N 237.

³ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 351.

деятельности¹. В одном из городов Восточной Пруссии гитлеровцы захватили здание польского консульства. В Гданьске для польских жителей и чиновников были созданы невыносимые условия. Поляки не могли пользоваться Гданьским портом. Гданьские власти реквизировали склады с товарами польских фирм. Польских железнодорожников арестовывали и избивали. Вооруженные банды СС захватывали здания железнодорожных станций. Польским таможенным инспекторам было запрещено выполнять свои обязанности. Была запрещена также продажа польских газет. Из фашистских отрядов в Гданьске были созданы регулярные части германской армии. Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» приблизился к польской укрепленной базе — полуострову Вестерплатте².

Даже польская официальная пресса перестала именовать эти конфликты обычными инцидентами: «Совершенно очевидно, что это заранее подготовленная агрессия, совершаемая полувоенными регулярными отрядами, вооруженными по армейскому образцу... В одном случае действовала регулярная армейская часть»³.

Гитлеровская пропаганда получила указание до крайности обострять германо-польские отношения. 27 августа 1939 г. на очередной пресс-конференции в министерстве пропаганды представителям фашистской прессы был сделан упрек за то, что в газетах помещается мало сообщений о военных приготовлениях Польши, о паническом настроении в стране, о внутренних беспорядках, об экономическом хаосе и т. д.⁴

После этой пресс-конференции все немецкие газеты были заполнены антипольскими статьями. Газета «Франкфуртер цайтунг» в статье «Военные приготовления» писала: «Сообщения из пограничных областей и показания польских дезертиров свидетельствуют о том, что Польша готовит нападение на Германию»⁵.

¹ ADAP, Ser. D, Bd. VII, S. 285.

² «Polnisches Weißbuch», Dok. 1061.

³ «Gazeta Polska», 26.VIII.1939.

⁴ W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 93.

⁵ «Frankfurter Zeitung», 28.VIII.1939.

29 августа в газетах «Фёлькишер беобахтер»¹ и «Дейче альгемайне цайтунг» появились статьи о «польском терроре» против немецкого национального меньшинства. Под кричащими заголовками газеты писали о том, что польское правительство больше не в состоянии контролировать положение в собственной стране.

Военные приготовления в самой Германии уже нельзя было скрыть. 26 августа были отменены «танненбергские празднества». 27 августа был отменен съезд фашистской партии в Нюрнберге, назначенный на первые числа сентября 1939 г. С 27 августа военным и военно-морским атташе других держав запрещалось покидать Берлин без специального разрешения. Были закрыты германские аэропорты и запрещены полеты самолетов других стран над территорией Германии.

Как уже отмечалось, к 25 августа было завершено стратегическое сосредоточение и развертывание германских вооруженных сил на польско-германской границе, начатое еще в июне под видом проведения маневров. Гитлеровское командование намеревалось разбить польскую армию путем «молниеносной войны», в ходе одной кампании, посредством массированного применения мотомеханизированных войск и авиации. Наступление предполагалось начать с севера (Восточная Пруссия) и юга (Силезия, Словакия) с тем, чтобы использовать благоприятное начертание польских границ, расчленив, окружить и уничтожить польские войска, расположенные на западе, а затем занять столицу Польши Варшаву и остальную территорию.

Для нападения на Польшу Германия сосредоточила кроме войск ландвера, пограничных частей и словацкого корпуса 57 дивизий и 2 бригады (в том числе 6 танковых и 8 моторизованных дивизий), насчитывающих более 1,5 млн. человек, более 2500 танков и до 2000 боевых самолетов².

Сведения об усиленной подготовке Германии к войне, о мобилизации германских войск были хорошо известны правительствам Польши, Англии, Франции и США.

¹ «Völkischer Beobachter», 29.VIII.1939.

² См. «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 60.

Но польское правительство, подбадриваемое своими западными союзниками, продолжало благодушеествовать и убеждать народ в отсутствии серьезной угрозы безопасности Польши. Еще 27 августа 1939 г. Бек говорил, что «до настоящего времени Гитлер не принял еще решения начать войну... ни в коем случае в ближайшее время не произойдет ничего решающего»¹. Командование польских вооруженных сил продолжало считать, что Германия не нападет на Польшу, а если и может произойти какой-либо конфликт, то только между Гданьском и Польшей. В связи с этим крупная группировка польских войск в последние дни перед войной была введена в гданьский коридор².

Только тогда, когда отмобилизованная немецко-фашистская армия стояла уже на польских границах, когда Гданьск фактически был аннексирован гитлеровской Германией, за двое суток до начала войны польское правительство решило объявить всеобщую мобилизацию. Первым днем мобилизации назначалось 29 августа, 16.00 часов³. В этот день заместитель министра иностранных дел Польши граф Шембек пригласил к себе английского и французского послов и заявил им, что президент дал указание о всеобщей мобилизации⁴. Шембек добавил, что правительство не намерено вводить военного положения.

Здесь с особой яркостью выявилась жалкая роль польского правительства как послушной игрушки империалистических держав. В ответ на заявление графа Шембека английский и французский послы, ссылаясь на ведущиеся англо-германские переговоры, потребовали задержать опубликование декрета о мобилизации⁵. Затем послы явились с аналогичным заявлением к Беку. В их присутствии польский министр иностранных дел позвонил начальнику генерального штаба генералу Стахевичу и передал ему требование союзных правительств и свои соображения о необходимости задержать

¹ L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne.

² J. Kirchmayer, Kampania wrześniowa, str. 66.

³ Там же, стр. 67.

⁴ «Polnisches Weißbuch», Dok.N 48.

⁵ Там же.

мобилизацию. Генерал Стахевич, а вслед за ним и маршал Рыдз-Смиглы приняли требования представителей правительств Англии и Франции. Рыдз-Смиглы отдал приказ отложить начало мобилизации до 11 часов 31 августа¹. В то время когда происходила беседа Шембека с послами, в Варшаве уже приступили к расклейке манифеста о мобилизации, но затем стали срывать его².

Опоздание со всеобщей мобилизацией имело тяжелые последствия для Польши. Она и без того непротитительно запаздывала с мобилизацией. Сейчас же в связи с «советом» своих союзников это опоздание становилось роковым. В итоге германская агрессия застигла Польшу врасплох. Польским резервистам пришлось собираться на призывные пункты уже под ударами немецко-фашистской авиации. В связи с опозданием мобилизации значительная часть польских вооруженных сил вовсе не смогла принять участия в боях против немецко-фашистских войск.

Для того чтобы создать пропагандистский повод для нападения на Польшу, гитлеровцы осуществили еще одну кровавую провокацию, условно названную ими «Операция Гиммлер». На совещании в ставке 22 августа 1939 г. Гитлер говорил своим генералам: «Я дам пропагандистский повод для начала войны. Неважно, будет ли он правдоподобным или нет. Победителя потом не будут спрашивать, говорил ли он правду»³. Еще в середине августа 1939 г. по личному приказу Гитлера начальник германской контрразведки адмирал Канарис изынял из концентрационных лагерей группу заключенных, знавших польский язык. В ночь с 31 августа на 1 сентября группа эсэсовцев, среди которых находились эти политзаключенные, одетые в польскую военную форму и снабженные польскими воинскими документами и оружием, инсценировала «нападение» на радиостанцию в Глейвице (Верхняя Силезия). В помещении радиостанции перед включенным микрофоном было произведено несколько револь-

¹ J. Kirchmayer, Kampania wrześniowa, str. 68.

² L. Noel, L'agression Allemande contre la Pologne, p. 465.

³ «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 350.

верных выстрелов и сделаны выкрики на польском языке. Затем эсэсовцы убили политзаключенных (позже гитлеровцы расстреляли и эсэсовцев, принимавших участие в этой провокации)¹.

1 сентября во всех германских газетах было опубликовано сенсационное сообщение германского информационного бюро. «Сегодня, — говорилось в нем, — около 8 часов вечера поляки напали и захватили радиостанцию в Глейвице...» В дополнительном сообщении говорилось, что «пограничные войска вступили в бой с польскими захватчиками»².

Это и был тот пропагандистский повод для начала войны, который искал Гитлер и о котором он говорил своим генералам на совещании в ставке 22 августа 1939 г. Однако, не желая давать правительствам Англии и Франции повода для объявления войны Германии, министерство пропаганды еще 31 августа дало указание германской прессе, что 1 сентября 1939 г. в газетах не должно быть опубликовано ни одной заметки, в которой содержалось бы слово война³. Гитлеровская пропаганда изображала военные действия против Польши в качестве «ответной» меры германского правительства на польские провокации.

В действительности нападение фашистской Германии на Польшу было произведено согласно тщательно разработанному плану. 31 августа, в то время когда правительство Германии давало заверения о стремлении мирно разрешить конфликт с Польшей, войска имели уже приказ о начале наступления. В этот день начальник генерального штаба немецкой армии генерал Гальдер записал в своем дневнике: «31.VIII.39. 6-й день мобилизации. 6.30 — Хаузер привез весть о том, что из рейхсканцелярии дан приказ выступить 1.IX...

11.30 — выступления западных держав, по-видимому, избежать нельзя, несмотря на это, фюрер принял решение наступать...

¹ См. «Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 101—102.

² «Völkischer Beobachter», 1.IX.1939.

³ W. Hofer, Der Nationalsozialismus. Dokumente 1933—1945, S. 95.

16.00 — Канарис сообщил, что Липский делал попытку установить связь с фюрером... фюрер не хочет его принимать... В Данциге вся полнота власти передана военным властям»¹.

В это время войска уже имели приказ о наступлении. 31 августа 1939 г. Гитлер издал «Директиву № 1 о ведении войны». В ней говорилось: «Нападение на Польшу должно быть проведено в соответствии с приготовлениями, сделанными по «Белому плану», учитывая изменения, которые произошли в результате почти полностью завершеного стратегического развертывания сухопутных сил»². Что касается военных действий на Западе, то, как свидетельствует директива, Гитлер всячески стремился отсрочить их до разгрома вооруженных сил Польши. Нападение на Польшу предполагалось совершить 1 сентября 1939 г. в 4 час. 45 мин.

Утром 1 сентября 1939 г. немецко-фашистские войска перешли польско-германскую границу на всем ее протяжении и вторглись на территорию Польши. Еще вечером 31 августа заместитель польского генерального комиссара в Гданьске телеграфировал Беку, что «германские регулярные войска перешли гданьскую государственную границу со стороны Восточной Пруссии»³. Утром 1 сентября польское военное министерство получило телеграмму из Гдыни, в которой сообщалось: «В 4 час. 45 мин. 1 сентября военный корабль «Шлезвиг-Гольштейн» начал интенсивную бомбардировку Вестерплатте. Бомбардировка продолжается»⁴. Одновременно сотни германских самолетов подвергали варварской бомбардировке Варшаву, Каттовицы, Краков и другие польские города.

Утром 1 сентября Ферстер издал «закон» о присоединении Гданьска к фашистской Германии. В тот же день в Берлине фашистский рейхстаг на чрезвычайном заседании вынес решение о включении Гданьска

¹ «Generaloberst F. Halders Tagebuch».

² «Военно-исторический журнал» № 9, 1959, стр. 101—102 (Публикация документов).

³ «Polnisches Weißbuch», Dok. N 117.

⁴ Там же, док. № 118.

в состав Германской империи¹. Так началась вторая мировая война.

До последних дней польское правительство, надеявшееся на помощь своих западных союзников, утверждало, что фашистская Германия не рискнет напасть на Польшу, а все военные приготовления гитлеровцев расценивало как шантаж. Только 31 августа, как уже упоминалось, за несколько часов до начала войны в Польше была объявлена всеобщая мобилизация и введено угрожающее положение. Однако запоздалые и явно недостаточные меры, предпринятые польским правительством, не могли наверстать упущенного.

Фашистская Германия смогла бросить против Польши почти все свои вооруженные силы. Она не опасалась за свой тыл на Западе. В связи с этим германская армия превосходила польскую: по личному составу — в 1,5 раза, по танкам — почти в 3 раза, по авиации — в 2 раза. Кроме того, польские дивизии значительно уступали немецким по количеству и особенно по качеству вооружения.

Как заявил на Нюрнбергском процессе генерал Иодль, «до 1939 г. мы были в состоянии разбить Польшу. Но мы никогда, ни в 1938 г., ни в 1939 г., не были, собственно, в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными»².

В начале сентября 1939 г. для Англии и Франции создалась благоприятная обстановка для нанесения удара по фашистской Германии. Основные вооруженные силы и почти весь германский воздушный флот были направлены против Польши. Но ведение настоящей войны не входило в планы англо-французских мюнхенцев. Они стремились осуществить свой старый замысел — столкнуть Германию и Советский Союз на территории Польши.

¹ «Deutsches Weißbuch», N 2, Dok. N 471.

² ЦГАОР, ф. 7445, д. 56, л. 222.

Правительство фашистской Германии, развязав агрессию против Польши, пыталось посредством ряда дипломатических маневров задержать вступление в войну западных держав до завершения разгрома Польши. С этой целью в Лондон снова был направлен эмиссар Геринга Далерус. 2 сентября 1939 г., т. е. уже в то время, когда германские войска вторглись далеко на территорию Польши, Риббентроп по телефону поручил советнику германского посольства в Лондоне по вопросам печати Фрицу Гессе немедленно связаться с советником Чемберлена Горацием Вильсоном и передать британскому кабинету от имени Гитлера предложение, сводившееся к тому, что Германия готова прекратить военные действия в случае, если Англия гарантирует передачу ей Гданьска и коридора¹. Но Гораций Вильсон ответил, что английское правительство не может вести переговоры с Германией, пока не будет восстановлен *status quo* на польской границе.

В связи с перспективой развязывания мировой войны снова большое беспокойство проявляло правительство фашистской Италии. 31 августа Чиано через французского посла в Риме сообщил правительствам Англии и Франции о согласии Италии на посредничество в переговорах с фашистской Германией. 2 сентября итальянский посол в Берлине Аттолико передал Гитлеру письмо Муссолини, в котором он с согласия правительств Англии и Франции выступал в роли посредника. Он предлагал созвать конференцию пяти держав: Германии, Италии, Франции, Англии и Польши². Это была идея нового Мюнхена. 3 сентября Гитлер ответил, что не намерен прекращать военных действий, поскольку военными средствами он рассчитывает достичь значительно большего, чем посредством переговоров³.

Обострившиеся империалистические противоречия между двумя группировками капиталистических держав уже не могли более разрешаться посредством частичных уступок и компромиссов. Алчные немецко-фашист-

¹ *Fr. Hesse*, *Das Spiel um Deutschland*, München, 1953, S. 209.

² *G. Bonnet*, *Fin d'une Europe*, vol. II, p. 339; «Известия», 8 декабря 1945 г.

³ *G. Bonnet*, *Fin d'une Europe*, vol. II, p. 339.

ские империалисты претендовали не только на территорию Польши, но и на владения своих основных соперников — Англии и Франции, которые стояли на пути их устремлений к мировому господству. 3 сентября Англия, а за ней Франция объявили войну Германии. Начавшаяся война со стороны обеих группировок держав носила империалистический характер. Германский империализм, как и в 1914 г., выступил ее главным зачинщиком.

Немецкие коммунисты и примыкающие к ним группы населения вели героическую борьбу против фашизма и его агрессивной политики, против развязывания войны. В этой борьбе погибли тысячи лучших сынов и дочерей немецкого народа, сотни тысяч антифашистов были заключены в каторжные тюрьмы и концентрационные лагеря.

Однако компартия Германии, несмотря на героическую борьбу в 1933—1939 гг., не смогла организовать массовых выступлений трудящихся, которые помешали бы гитлеровцам развязать мировую войну. Одной из важнейших причин, ослабивших деятельность компартии, являлся массовый фашистский террор. Гитлеровцам удалось раскрыть и разгромить многие организации коммунистической партии и этим значительно ослабить ее ряды.

Ответственность за то, что трудящиеся Германии оказались не в силах помешать немецко-фашистским империалистам развязать вторую мировую войну, несет правое руководство социал-демократической партии, которое своими раскольническими действиями помешало установлению единого рабочего и антифашистского фронта.

Гитлеровцы также широко использовали социальную демагогию. Как отмечал Вальтер Ульбрихт, фашизм «давал части трудящихся крошки хлеба со стола яств и ценностей, похищенных путем разграбления других стран, чтобы сделать рабочий класс покорным для осуществления своей внешней политики»¹.

¹ W. Ulbricht, Der faschistische deutsche Imperialismus 1933—1945, S. 10.

Гитлеровцам удалось отравить сознание значительной части немецкого народа ядом шовинизма и национализма.

Большую помощь в укреплении позиций фашистской Германии сыграли благоприятно складывающаяся в результате мюнхенской политики западных держав международная обстановка и политическая и финансовая помощь международной финансовой олигархии.

Эти обстоятельства и привели к тому, что, несмотря на самоотверженность коммунистов, на поддержку их борьбы рядовыми членами социал-демократической партии, рабочими-католиками и другими антифашистами, рабочий класс не смог свергнуть господство фашизма и помешать германским империалистам развязать мировую войну.

Вооруженная борьба со стороны народов — жертв гитлеровской агрессии, героически отстаивавших честь и независимость своих стран, носила справедливый, освободительный характер. С самого начала второй мировой войны антифашистское освободительное движение Сопротивления, развернувшееся в Германии и в оккупированных гитлеровцами странах, имело большое значение. Оно сыграло важную роль в победе свободолюбивых народов мира во главе с Советским Союзом над немецко-фашистскими империалистами и их союзниками по разбойничьему блоку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение агрессивной политики немецко-фашистских империалистов в годы, предшествовавшие второй мировой войне, позволяет народам извлечь весьма поучительные уроки. Эти уроки истории свидетельствуют о том, что германские военно-промышленные концерны в союзе с империалистической реакцией являлись и являются злейшими врагами мира и безопасности народов, источником агрессии и захватнических войн.

Опыт истории показывает, что агрессивная политика «Дранг нах Остен», которую проводил германский империализм в течение длительного времени и которую ныне пытаются возродить западногерманские реваншисты, принесла бесчисленные страдания как народам Европы, так и немецкому народу. Десятки миллионов людей погибли на полях сражений второй мировой войны. Материальные потери СССР, вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны, значительно превосходят общую стоимость потерь, понесенных в первой мировой войне всеми ее участниками.

Свыше 8 млн. человек, главным образом из стран Восточной и Юго-Восточной Европы (СССР, Польши, Чехословакии, Югославии), было убито и замучено в концентрационных лагерях, миллионы людей погибли в результате политики массового истребления народов, проводимой гитлеровцами в оккупированных странах Европы.

Огромные жертвы и лишения в период второй мировой войны понес также и немецкий народ. Свыше 8 млн. немцев было убито на фронтах, причем от 75 до 85% всех своих потерь германская армия понесла на Восточном фронте. Целое поколение немецкой молодежи было истреблено в мясорубке войны.

Но никакие цифры не могут дать полного представления о тех тяжелых потерях и страданиях, которые причинила многим миллионам людей вторая мировая война, развязанная немецкими империалистами.

Уроки истории учат также тому, что политика возрождения германского милитаризма, проводившаяся правительствами западных держав между двумя мировыми войнами в целях поощрения его агрессии против Советского Союза и других государств, чревата большой опасностью для самих западных государств. Как известно, эта политика закончилась полным провалом и обернулась против ее инициаторов. В 1939 г. германский империализм, создавший с помощью правительств западных держав ряд важнейших стратегических плацдармов в Европе, развязал войну против своих главных империалистических соперников — Англии и Франции, а позже — и против США.

И наконец, еще один урок, который вытекает из исследования данной проблемы, сводится к тому, что независимость малых государств перед угрозой империалистической агрессии не может быть обеспечена, если у власти в этих странах находятся предательские, антинародные, реакционные режимы, вступающие в сговор с агрессорами. Народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, ставшие жертвой германской агрессии, извлекли серьезные уроки из этих событий. В ходе освободительной борьбы против фашистских захватчиков были разоблачены и отстранены от власти в Чехословакии, Румынии, Польше, Болгарии, Венгрии, Югославии, Албании предатели национальных интересов — буржуазно-помещичьи классы, скомпрометированные сотрудничеством с гитлеровцами. К власти в этих странах пришли патриотические силы, возглавляемые рабочим классом и его авангардом — коммунистическими партиями.

В результате разгрома гитлеровской Германии во второй мировой войне создались благоприятные условия для полного искоренения основ германского милитаризма и агрессии. В Потсдамском соглашении 1945 г., этом основополагающем документе о будущем устройстве Германии, подписанном Англией, США, Советским Союзом и присоединившейся позднее Францией, предусматривалось проведение совместной политики демилитаризации и денацификации Германии, коренное преобразование ее политической и экономической жизни на демократической основе.

Последовательное осуществление Потсдамских решений привело бы к созданию миролюбивой, демократической Германии. Однако правительства западных держав воспрепятствовали реализации этих решений на территории Западной Германии. Вскоре после войны правящие круги Англии, Франции и США взяли курс на срыв Потсдамских соглашений, на сохранение господства монополий и милитаризма в западных зонах оккупации, на раскол Германии. Целью этой политики является стремление вновь использовать германский милитаризм в качестве международного жандарма для защиты капиталистической системы, потрясаемой общим кризисом капитализма.

В результате отказа правительств западных держав от согласованной политики по германскому вопросу и перехода к так называемой холодной войне против Советского Союза и других стран социалистического лагеря Германия оказалась в состоянии раскола. Политика раскола Германии была завершена империалистическими державами в сентябре 1949 г., когда в западных зонах оккупации было создано сепаратное государство — Федеративная Республика Германии, которое затем было вовлечено в агрессивный Североатлантический блок. В результате политики Англии, Франции и США в Западной Германии было сорвано выполнение Потсдамских решений. Военно-промышленные концерны «ИГ Фарбениндустри», Геша, Ганиэля, Клекнера, Круппа, Сименса и других, которые сыграли решающую роль в подготовке и развязывании двух мировых войн, снова приобрели гигантскую силу и установили свой

контроль над экономической и политической жизнью Западной Германии. Ныне германский империализм вновь стремится установить свое господство в Европе и во всем мире.

В ином направлении пошло развитие Восточной Германии. Здесь были извлечены уроки из прошлого немецкой истории, из опыта мировых войн. В Восточной Германии были полностью реализованы Потсдамские решения; было навсегда уничтожено господство империализма — главного источника агрессии. В ответ на политику раскола Германии, проводившуюся западными империалистами, на территории советской зоны оккупации 7 октября 1949 г. немецкие патриоты создали Германскую Демократическую Республику — первое в истории немецкого народа рабоче-крестьянское государство. Это историческое событие имеет не только национальное, но и исключительно важное международное значение. Трудящиеся ГДР под руководством своей марксистско-ленинской Социалистической единой партии Германии успешно строят социалистическое общество.

Германская Демократическая Республика, сделавшая основной целью своей политики политику мира, установила братские дружественные отношения с другими странами. В духе Потсдамских решений и в интересах всех миролюбивых народов в июле 1950 г. между правительствами ГДР и Польской Народной Республики был подписан Зглжедецкий договор о демаркации польско-германской границы по линии рек Одер и Западная Нейсе, являющейся границей мира и дружбы между двумя социалистическими государствами. Договор об отношениях между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой, заключенный 20 сентября 1955 г., является важнейшим фактором сохранения мира в Европе.

Пример Германской Демократической Республики, где полностью искоренены источники милитаризма и агрессии, показывает путь решения всего германского вопроса. Правительство ГДР ведет настойчивую борьбу за объединение Германии на миролюбивой, демократической основе. Оно внесло по этому вопросу ряд

конструктивных предложений, которые были поддержаны правительством СССР и других государств. Оно горячо поддерживает предложение СССР об урегулировании вопроса о Западном Берлине, о необходимости заключения мирного договора с Германией, который должен зафиксировать положение, сложившееся в Европе после второй мировой войны, создать условия для мирного развития Германии и других государств.

Однако эти предложения, направленные на мирное урегулирование германского вопроса, решительно отвергаются правительствами западных держав и правящими кругами Западной Германии, продолжающими курс на возрождение германского милитаризма и агрессии. Снова, как и в гитлеровской Германии, милитаризм, антикоммунизм, реваншизм являются теми «тремя китами», на которых базируется внутренняя и внешняя политика Западной Германии. Экономика Западной Германии, как это было и при гитлеровском режиме, переводится на военные рельсы. В настоящее время бундесвер оснащен новейшими видами вооружения: ракетами, подводными лодками, современными типами военных самолетов и другим оружием, которое легально производится в Западной Германии.

Наглость западногерманских реваншистов, поощряемых правительствами западных держав, возрастает с каждым днем. Сейчас они предъявляют своим вчерашним противникам и нынешним союзникам по военным блокам все новые и новые требования: они требуют ядерного оружия для бундесвера, военных баз на территориях бывших противников, неограниченного тоннажа для военно-морского флота. Западногерманские милитаристы выступают за полное равенство в вооружении и предоставлении им руководящей роли в агрессивном Североатлантическом блоке.

Наиболее полно боннские реваншисты изложили свою программу неограниченного вооружения в напущенном меморандуме генералов бундесвера, опубликованном в августе 1960 г. и одобренном правительством ФРГ. В этом документе содержатся требования о развертывании миллионной армии, оснащенной атомным оружием, которым западногерманские милитаристы

могли бы распоряжаться бесконтрольно. Западногерманские милитаристы вновь выразили претензию на руководящую роль в политической жизни ФРГ. Одновременно они предъявляют ряд требований западным державам и снова дают понять, что они знают путь агрессии не только на Восток Европы, но и на Запад. Бывший гитлеровский генерал Хойзингер открыто признал, что перед западногерманским бундесвером «стоят те же задачи, что и перед вермахтом в 1939 г.»¹.

Милитаризация ФРГ сопровождается усилением политической реакции. Жертвой судебных и полицейских преследований клерикально-милитаристского режима стало свыше 400 демократических организаций, и в первую очередь коммунистическая партия Германии. Партия немецкого рабочего класса, стойкий борец за мир, за демократию, за социализм, запрещена западногерманскими властями и снова вынуждена вести борьбу против милитаризма в нелегальных условиях.

Одновременно с усилением репрессий против прогрессивных, демократических организаций в Западной Германии поощряется деятельность реваншистских, милитаристских союзов. В ФРГ насчитывается около 1300 различных фашистских, милитаристских союзов. В их составе сотни тысяч членов, они издают сотни газет и журналов. В июне 1958 г. правительство ФРГ официально отменило запрещение деятельности фашистской партии и других нацистских организаций и тем самым сделало новый шаг по пути усиления реакции в стране. В то же время оно жестоко преследует и стремится поставить вне закона организацию «Объединение лиц, преследовавшихся при фашизме».

Правительство Аденауэра официально поддерживает притязания реваншистских организаций к Польше, Чехословакии, Советскому Союзу и другим странам. Оно открыто выступает за насильственное поглощение Германской Демократической Республики.

В целях подготовки новой войны западногерманские реваншисты подобно своим предшественникам — гитлеровцам уделяют большое внимание идеологическому

¹ «Neues Deutschland», 2.XI.1958.

обоснованию планов агрессии. «... В век идеологических войн, — пишет бывший гитлеровский генерал Мантейфель, — в предполагаемой борьбе против военной силы, которая, как губка, пропитана коммунистическими идеями, успех может иметь только такая армия, которая в свою очередь до конца убеждена в ценности тех идей и нравственных принципов, которые она призвана защищать»¹. В этих словах закоренелого гитлеровца сформулированы задачи современной западногерманской империалистической идеологии, возрождающей антикоммунистические традиции фашистской пропаганды.

В связи с оживлением реваншистско-милитаристской идеологии в Западной Германии все более поднимают голову неофашисты, часто выступающие под маской политического клерикализма. Все человеконенавистнические идеологические теории, с помощью которых гитлеровцы готовили войну, снова поставлены на службу западногерманскому милитаризму. Гитлеровские генералы и пропагандисты повседневно и настойчиво прославляют «культ войны» как благородную и врожденную особенность «деятельности» немцев, обосновывают разумность применения политики силы, ратуют за усиление роли военщины в политической жизни Западной Германии. Один из видных идеологов западногерманского милитаризма, Г. Риттер, призывает к тому, чтобы бундесвер стал «мотором политической активности»². Фашистская теория «геополитики», теории «жизненного пространства», «антикоммунизма» опять настойчиво вдалбливаются солдатам бундесвера и западногерманскому населению.

Указанные факты свидетельствуют о том, что угроза миру и безопасности народов Европы, исходящая от западногерманского милитаризма, непрерывно усиливается. «Американские монополии и их английские и французские союзники открыто помогают западногерманскому империализму.

¹ «Итоги второй мировой войны». Сборник статей, стр. 616.

² G. Ritter, Der 20. Juli. «Schicksalsfragen der Gegenwart», Bd. I, S. 356.

Заключенное 22 января 1963 г. франко-западногерманское военное соглашение, оформляющее милитаристскую «ось Париж—Бонн», служит целям еще большего усиления напряженности в международных отношениях, целям подготовки агрессивной войны. Оно свидетельствует о том, что западногерманские милитаристы, взяв ставку на развязывание тотальной термоядерной войны против стран социалистического лагеря, пытаются вовлечь в нее главных участников НАТО.

Однако реальное соотношение сил на мировой арене в настоящее время коренным образом отличается от того, когда гитлеровцы безнаказанно совершали агрессию в Европе и развязывали вторую мировую войну. Ныне силы мира, демократии и социализма многократно выросли и превосходят силы империализма, реакции и агрессии. Позиции германского империализма также ослаблены: значительно сузилось поле деятельности германских монополий, власть которых ныне распространяется только на 55% территории бывшей Германии; наличие рабоче-крестьянской власти в Германской Демократической Республике, ее миролюбивая политика являются мощным препятствием на пути новой немецкой империалистической агрессии. В результате свержения антинародных режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и победы социалистического строя они перестали быть объектом колониальной эксплуатации германского империализма, что значительно подорвало его тыл. Многократно выросли антивоенные силы, в том числе и в Западной Германии, которые, опираясь на мощь и поддержку стран социалистического лагеря, в состоянии обуздать милитаристов, сорвать их заговор против мира и безопасности народов.

О Г Л А В Л Е Н И Е

| | |
|--|-----|
| Введение | 3 |
| <i>Глава первая</i> | |
| Фашистская диктатура в Германии — орудие монополи- стического капитала в подготовке страны к агрессивной войне | 7 |
| <i>Глава вторая</i> | |
| Перевод экономики страны на военные рельсы (1933— 1937 гг.) | 52 |
| <i>Глава третья</i> | |
| Воссоздание вермахта. Агрессивные планы немецко-фаши- стских империалистов | 82 |
| <i>Глава четвертая</i> | |
| Внешнеполитическая подготовка немецко-фашистской агрессии (1933—1937 гг.) | 132 |
| <i>Глава пятая</i> | |
| Захват Австрии фашистской Германией | 227 |
| <i>Глава шестая</i> | |
| Германская агрессия против Чехословакии в 1938 г. . . . | 283 |
| <i>Глава седьмая</i> | |
| Расширение германской агрессии после мюнхенского им- периалистического сговора (весна 1939 г.) | 395 |
| <i>Глава восьмая</i> | |
| Завершение подготовки фашистской Германии к войне | 473 |
| <i>Глава девятая</i> | |
| Германская агрессия против Польши. Развязывание вто- рой мировой войны | 560 |
| Заключение | 632 |

1930 г.

**АГРЕССИЯ ФАШИСТСКОЙ
ГЕРМАНИИ В ЕВРОПЕ**

В.Т.ФОМИН